Учебник для вузов

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ТОМ 2

НОВОЕ ВРЕМЯ. НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

3

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

●

ТОМ 2

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В ДВУХ ТОМАХ

Москва
Зерцало-М
2011

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ТОМ 2

НОВОЕ ВРЕМЯ. НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора
В. А. Томсинова

Москва
Зерцало-М
2011

ББК 67.3я73
В47

В47 Всеобщая история государства и права. Учебник для вузов в двух томах. Том 2. Новое время. Новейшее время / Под редакцией *В. А. Томсинова.* М.: ИКД "Зерцало-М", 2011. — 640 с.

ISBN 978-5-94373-195-2

Настоящий том воспроизводит части III и IV учебника "Всеобщая история государства и права", вышедшего в свет в 1947 г. Этот учебник был написан ведущими российскими правоведами — корифеями отечественной юриспруденции. Он до сих пор сохраняет свое научное и учебное значение и остается в числе лучших учебников по курсу всеобщей истории государства и права (истории государства и права зарубежных стран).

Предназначается для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

ISBN 978-5-94373-195-2

© В. А. Томсинов, предисловие, составление, редакция, 2002 г.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Арсеньев Б. Я. — гл. 25.

Артуров О. А. — гл. 18.

Гуковский М. А. — гл. 4 (совместно с Дмитревским Н. П.).

Гурвич Г. С. — гл. 1, 2, 6, 7, 10—14, 16 (кроме очерков о Палестине и Индии в § 3, написанных Сукиасяном А. Г.), 17 (кроме очерка о полномочиях Рузвельта во время войны в § 2, написанного Дурденевским В. Н.), 20.

Денисов А. И. — гл. 5.

Дмитревский Н. П. — гл. 4 (совместно с Гуковским М. А.), § 4 гл. 1, § 6 гл. 2, § 5, 8 гл. 4, § 9 гл. 5, § 5 гл. 6, § 5 гл. 7, § 6 гл. 10, § 5 гл. 11, § 5 гл. 12, § 7 гл. 13, § 5 гл. 14, § 5 гл. 15 (совместно с Утевским Б. С.).

Дурденевский В. Н. — гл. 8, 15.

Лунц Л. А. — гл. 22 (совместно с Флейшиц Е. А. и с участием Брауде И. Л., Венедиктова А. В., Генкина Д. М., Граве К. А., Рабиновича Н. В., Рапопорта С. М.).

Михайлов Г. С. — гл. 9.

Пашерстник А. Е. — гл. 23.

Перетерский И. С. — § 5 гл. 2, § 4, 7 гл. 4, § 8 гл. 5, § 4 гл. 6, § 4 гл. 7, § 5 гл. 10, § 4 гл. 11, § 4 гл. 12, § 6 гл. 13, § 4 гл. 14, § 5 гл. 15.

Сукиасян А. Г. — очерки о Палестине и Индии в § 3 гл. 16.

Тункин Г. И. — гл. 3.

Утевский Б. С. — § 4 гл. 1, § 6 гл. 2, § 5, 8 гл. 4, § 9 гл. 5, § 5 гл. 6, § 5 гл. 7, § 6 гл. 10, § 5 гл. 11, § 5 гл. 12, § 7 гл. 13, § 5 гл. 14, § 5 гл. 15 (совместно с Дмитревским Н. П.), гл. 24.

Фарберов Н. П. — гл. 19.

Флейшиц Е. А. — гл. 22 (совместно с Лунцем Л. А. и с участием Брауде И. Л., Венедиктова А. В., Генкина Д. М., Граве К. А., Рабиновича Н. В., Рапопорта С. М.).

Черниловский З. М. — гл. 21.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ III

НОВОЕ ВРЕМЯ

Раздел 1. **ОТ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ (1640—1871 гг.)** 3

Глава 1. **Образование буржуазного государства в Англии** 3

§ 1. Революция 3
§ 2. Реставрация Стюартов 11
§ 3. Переворот 1688 г. и его последствия 13
§ 4. Уголовное право 14
§ 5. Судоустройство и судопроизводство 16

Глава 2. **Государство и право Англии после революции** 19

§ 1. Восемнадцатый век 19
§ 2. На путях к избирательной реформе 1832 г. 21
§ 3. Борьба и победа либерализма 27
§ 4. Британская колониальная империя 41
§ 5. Гражданское право 47
§ 6. Уголовное право 56

Глава 3. **Образование буржуазного государства во Франции** 59

§ 1. Франция накануне революции 59
§ 2. Генеральные Штаты. Учредительное собрание 63
§ 3. Законодательное собрание 73
§ 4. Жирондистский конвент 75
§ 5. Якобинский конвент 81

Глава 4. **Государство и право Франции после революции** 91

§ 1. Термидорианский конвент 91
§ 2. Директория 93
§ 3. Консульство 94

§ 4. Гражданское право 100
§ 5. Уголовное право и уголовный процесс 109
§ 6. Империя 114
§ 7. Гражданское право 118
§ 8. Уголовное право 128
§ 9. Реставрация 130
§ 10. Июльская монархия 135
§ 11. Вторая республика 137
§ 12. Вторая империя 143

Глава 5. **Государство и право Германии в 1814—1871 гг.** 148

§ 1. Рейнский союз 148
§ 2. Германский союз 150
§ 3. Пруссия 151
§ 4. Революция и ее поражение 153
§ 5. Прусская конституция 155
§ 6. Возвышение Пруссии 156
§ 7. Северо-Германский союз 158
§ 8. Гражданское право 160
§ 9. Уголовное право 165

Глава 6. **Государство и право Австрии в 1800—1867 гг.** 166

§ 1. Национальные отношения. Характер государственного режима 166
§ 2. Обострение национальной борьбы. Революция и контрреволюция 170
§ 3. Новый подъем либерализма 176
§ 4. Гражданское право 179
§ 5. Уголовное право 181

Глава 7. **Государство и право Италии в 1815—1871 гг.** 183

§ 1. Борьба за воссоединение Италии 183
§ 2. Воссоединение 186
§ 3. Конституция 190
§ 4. Гражданское право 193
§ 5. Уголовное право 195

Глава 8. **Соединенные Штаты Америки в 1776—1871 гг.** 197

§ 1. Конфедерация 197

§ 2. Федерация 205
§ 3. Накопление противоречий и борьба между Севером и Югом 212

Раздел 2. **ОТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ** 221

Глава 9. **Парижская коммуна (18 марта 1871 г. — 28 мая 1871 г.)** 221

§ 1. Первые мероприятия Коммуны 221
§ 2. "Декларация к французскому народу" 222
§ 3. Система рычагов диктатуры в Коммуне 223
§ 4. Избирательная система 224
§ 5. Государственная организация 225
§ 6. Государственная связь Коммуны Парижа с провинцией 229
§ 7. Гражданское и уголовное законодательство Коммуны . . 229

Глава 10. **Государство и право Франции в 1871—1918 гг.** 233

§ 1. Развитие политических партий 233
§ 2. Конституция 244
§ 3. Эволюция государственного строя 248
§ 4. Французская колониальная империя 261
§ 5. Гражданское право 265
§ 6. Уголовное право 268

Глава 11. **Англия и Британская империя в 1871—1918 гг.** 269

§ 1. Закат либерализма 269
§ 2. Возвышение исполнительной власти 278
§ 3. Британская колониальная империя 288
§ 4. Гражданское право 294
§ 5. Уголовное право 296

Глава 12. **Германия в 1871—1918 гг.** 298

§ 1. Государственный строй 298
§ 2. Политические партии 307
§ 3. Борьба классов и партий 314
§ 4. Гражданское право 326

§ 5. Уголовное право 336

Глава 13. **Австро-Венгрия в 1867—1918 гг.** 339

§ 1. Компромисс 339
§ 2. Конституционная Австрия 341
§ 3. Конституционная Венгрия 343
§ 4. Между унитаризмом и федерализмом 345
§ 5. Обострение всех противоречий. Перед концом 349
§ 6. Гражданское право 354
§ 7. Уголовное право 355

Глава 14. **Италия в 1871—1918 гг.** 357

§ 1. Политический строй первых лет воссоединения 357
§ 2. Развитие итальянского конституционализма 359
§ 3. Военный и послевоенный кризис 365
§ 4. Гражданское право 367
§ 5. Уголовное право 369

Глава 15. **Соединенные Штаты Америки в 1871—1918 гг.** 371

§ 1. Политическая централизация 371
§ 2. Эволюция партий и государственного строя 374
§ 3. Местное управление 385
§ 4. Колонии 386
§ 5. Гражданское и уголовное право 387

ЧАСТЬ IV

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Раздел 1. **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ** 391

Глава 16. **Великобритания и Британская империя в 1917—1947 гг.** 391

§ 1. Политические партии 391
§ 2. Государственный строй Великобритании 399
§ 3. Государственный строй Британской империи 408

Глава 17. **Соединенные Штаты Америки в 1917—1947 гг.** 425

§ 1. Политические партии 425
§ 2. Государственный строй 436

Глава 18. **Франция в 1917—1947 гг.** 451

§ 1. Политические партии 451
§ 2. Государственный строй 466

Глава 19. **Германия в 1917—1947 гг.** 478

§ 1. Революция 1918 года 478
§ 2. Веймарская конституция 481
§ 3. Политические партии в период Веймарской конституции 483
§ 4. Установление фашистской диктатуры 487
§ 5. Фашистский режим 490
§ 6. Крах фашистского государства. Борьба за демократическую Германию 495

Глава 20. **Италия в 1917—1947 гг.** 503

§ 1. Конец буржуазной демократии и установление фашистского режима 503
§ 2. Фашистское государство — орудие кровавого насилия над массами 510
§ 3. Итальянское государство после второй мировой войны 516

Глава 21. **Япония в 1868—1947 гг.** 525

§ 1. Государственный строй 525
§ 2. Политические партии 538
§ 3. Главные моменты империалистической экспансии Японии 540
§ 4. Политическая борьба и государственный строй после 1945 г. 547

Раздел 2. **ПРАВО** 554

Глава 22. **Гражданское право (1917—1947 гг.)** 554

§ 1. Общая характеристика 554
§ 2. Ограничения свободы собственности 558
§ 3. Ограничения свободы договора 561

§ 4. Изменение действия договора 566
§ 5. Изменения организационных форм капиталистических предприятий 572
§ 6. Семейное и наследственное право 577
§ 7. Тенденции к унификации и объединению гражданского права 583

Глава 23. **Социальное (трудовое) законодательство** 586

§ 1. Социальное законодательство до конца первой мировой войны 586
§ 2. Социальное законодательство после первой мировой войны 591

Глава 24. **Уголовное право (1917—1947 гг.)** 597

§ 1. Общая характеристика 597
§ 2. Уголовное законодательство 601

Глава 25. **Суд и процесс (1917—1947 гг.)** 610

§ 1. Суд и процесс в странах буржуазной демократии 610
§ 2. Суд и процесс в странах фашизма 617

Сведения об авторах 622

ЧАСТЬ III

НОВОЕ ВРЕМЯ

РАЗДЕЛ 1

ОТ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ (1640—1871 гг.)

Глава 1. ОБРАЗОВАНИЕ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА В АНГЛИИ

§ 1. Революция

Расстановка классов накануне революции XVII в. Особенности в образовании буржуазного государства в Англии и особенности английской революции с исчерпывающей полнотой охарактеризовал Маркс в рецензии на брошюру французского историка и министра Гизо "Почему удалась английская революция". Маркс писал, что характерным для английской революции является длительный союз между буржуазией и значительной частью крупных землевладельцев — новым дворянством. Маркс указывает, что земельные владения в Англии в XVII в. являлись не феодальной, а буржуазной собственностью. Землевладельцы, сгоняя крестьян с земли, поставляли промышленной буржуазии необходимые для ее мануфактур рабочие руки и давали в то же время сельскому хозяйству направление, соответствующее требованиям промышленности и торговли. Новое дворянство в значительной своей массе было тесно связано с буржуазией участием в торговых компаниях, насаждением новых земледельческих культур, расширением овцеводства и по своему происхождению было буржуазным.

Этим объясняется общность интересов части дворян-землевладельцев и буржуазии, этим объясняется и союз между ними[1].

К этому союзу примкнули йоменри (крестьяне), составлявшие главную силу революционной армии, и плебейские массы городов. Напротив, королевская власть выступила в интересах своих собственных, феодального дворянства и государственной церкви, за сохранение феодализма. В борьбе с буржуазией корона имела против себя дворянско-буржуазный парламент, твердо

[1] *Маркс К.* О книге г. Гизо // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1938. Т. VIII. С. 279. (Далее ссылки на указанное издание.)

поддерживаемый широкими слоями купечества, крестьян, ремесленников.

В 1621 г. король Яков I в особом послании парламенту излагал свой взгляд на парламент, как на собрание королевских слуг. Послание это вызвало резкое возмущение парламента, и в парламентский регистр была внесена декларация о том, что права и вольности английского парламента древнего происхождения, что они нерушимы, что они являются неотъемлемыми правами английского народа и что король не может лишить их английский парламент. Яков I приказал принести книгу парламентского регистра и с гневом вырвал листы, на которых была записана декларация, но этим он никого не убедил и не устрашил.

Конфликты между парламентом и королем учащаются.

Неудачная внешняя политика Якова I и Карла I, вступившего на английский престол после смерти Якова в 1625 г., войны, стоившие многих денег, многочисленные нарушения прав парламента — все это способствовало обострению отношений. Особенной остроты эти отношения достигали в податном вопросе, когда король требовал денег, а парламент, используя свое право, отказывал в них или давал их в недостаточном количестве.

Петиция о праве. В 1628 г. парламент представил королю петицию, которая получила название "Петиции о праве". Первая статья напоминала о законе Эдуарда I, которым еще в XIII в. было установлено, что никакие налоги не могут быть введены без согласия парламента, и о законе Эдуарда III о том, что никакие займы и взносы не должны уплачиваться королю, если они не разрешены в законном порядке. Во второй статье петиции говорилось, что вопреки закону за последнее время часто были устанавливаемы налоги, не разрешенные парламентом. В третьей и четвертой статьях напоминалось, что по Великой хартии вольностей ни один английский подданный не может быть схвачен, заключен в тюрьму, лишен земли или изгнан без судебного приговора и что еще по закону Эдуарда III никто не может быть наказываем, "не будучи привлечен к ответственности в законном порядке судопроизводства".

В пятой статье указывалось, что деятельность Звездной палаты, этого особого трибунала по политическим и уголовным преступлениям, и особого судебного органа по рассмотрению дел о преступлениях против веры под названием Высокая комиссия (так называемые "суды справедливости" в отличие от судов "общего права"), находившихся в руках короля, противоречит Хартии вольностей.

Шестая статья возражала против принявших систематический характер постоев солдат и матросов у населения, противоречащих законам страны.

В седьмой говорилось о незаконном введении военного положения.

Восьмая и девятая статьи отмечали многочисленные случаи смертных приговоров, выносимых вопреки законам и обычаям страны, в то время как действительные преступники (т. е. важнейшие королевские сановники, вроде лорда-канцлера, продававшего судебные приговоры за деньги) оставались безнаказанными.

В десятой статье, резюмировавшей все предыдущее, нижняя палата просила не налагать никаких налогов без согласия парламента, не наказывать тех, кто откажется от уплаты налогов, не разрешенных парламентом, не арестовывать никого без суда, ликвидировать принудительные постои солдат и чрезвычайные суды. Карл I вынужден был утвердить петицию о праве, и она стала законом.

Беспарламентское правление. Тем не менее в следующем же 1629 г. король распустил парламент, объявив, что он будет править без него до тех пор, пока не найдет нужным созвать его, и действительно, беспарламентское правление продолжалось до 1640 г. Король приблизил к себе одного из вождей парламентской оппозиции Страффорда, советовавшего идти напролом в целях усиления власти короля и архиепископа Лода, стремившегося приблизить англиканскую церковь к ненавидимому народом католицизму. Годы беспарламентского правления были годами полного произвола королевской власти, и одним из важнейших непосредственных результатов этого было вооруженное восстание в Шотландии, создавшее прямую угрозу вторжения шотландцев в Англию.

Короткий и Долгий парламенты. Весной 1640 г. был созван парламент, получивший название Короткого, ибо он просуществовал всего три недели.

Как только парламент собрался, королю была представлена декларация с жалобами на целый ряд злоупотреблений, с требованием отмены многих королевских мероприятий, уничтожения чрезвычайных судов. Парламент был распущен, но уже в ноябре того же года созван вновь. Новый парламент оказался Долгим: он просуществовал до самого 1653 г.

Расчет короля на то, что новые выборы дадут более благоприятный для него состав парламента, не оправдались. Парламент немедленно предъявил королю так называемую "Великую ремонстрацию", в которой содержался длинный перечень всех допущенных королем нарушений старинных прав и привилегий английского народа.

Основным требованием вождей оппозиции в парламенте было требование суда над теми королевскими советниками и придворными, которые, выражаясь языком ремонстрации, вели гибельную для короля и государства политику, и в особенности над уличенным в измене Страффордом и над архиепископом Кентерберийским. В деле о Страффорде королю пришлось уступить

парламенту. Страффорд был приговорен к смертной казни, и король вынужден был утвердить этот приговор, отступив перед парламентом и поднявшейся на защиту его требования массой народа, окружившей дворец.

После казни Страффорда были по требованию парламента уничтожены Звездная палата и Высокая комиссия. Оппозиция парламента все усиливалась, его наступление на короля расширялось.

Разрыв Карла I с парламентом и начало гражданской войны. В январе 1642 г. король оставил Лондон и сопровождаемый большинством лордов и некоторой частью депутатов палаты общин переехал в Йорк, где начал собирать своих приверженцев.

Тем не менее некоторое время переговоры между королем и парламентом продолжались. Последний предъявил королю ультиматум ("19 пунктов"), содержавший требования предоставления парламенту права назначения членов тайного совета, высших должностных лиц и начальников крепостей, признания контроля парламента над государственным управлением.

Король отверг ультиматум, и парламент стал готовиться к гражданской войне.

В 1642 г. между королем и парламентом ("кавалерами" и "круглоголовыми") начались военные действия. Плохо вооруженные, недисциплинированные отряды ополченцев, составлявших парламентскую армию, терпели поражения в столкновениях с королевскими войсками.

Высшее командование парламентской армии, особенно главнокомандующий лорд Эссекс, проявляло нерешительность и колебания.

Оливер Кромвель и реформа парламентской армии. Так шло дело до 1645 г., до возвышения Оливера Кромвеля. Произведенная парламентом по инициативе Кромвеля военная реформа означала создание новой армии, получившей название "армии нового образца". Главное значение реформы состояло в том, что прежние местные ополчения графств, неохотно двигавшиеся за пределы своих графств, были отменены, солдаты стали набираться из людей ратного происхождения, и вся армия была подчинена единому командованию. Введение повсеместного, единообразного обложения давало средства для содержания армии. Для укрепления дисциплины солдат стали судить не общие, а военные суды.

Сам Кромвель был индепендентом[1], и членам индепендентских общин он обеспечил руководящую роль в армии. Здесь цари-

[1] Индепенденты — партия, состоявшая из зажиточного крестьянства, фермеров, мелких торговцев, городских ремесленников и части "нового дворянства".

ла добровольная, но суровая дисциплина, требовавшая воздержания от всяких излишеств, преданности долгу, гражданской верности и доблести. Чтобы устранить от военного командования аристократов, которым армия совершенно справедливо не доверяла, Кромвель провел "билль о самоотречении", на основании которого члены парламента, одновременно занимавшие должности в парламентской армии, должны были отказаться от этих командных должностей. Для Кромвеля, однако, было сделано исключение: он оставался членом парламента. Таким образом армия была освобождена от лорда Эссекса и многих других аристократов и получила новых командиров, вышедших из низов общества, как бывший каретный мастер Прайд, сапожник Хьюсон и другие.

В 1645 г. королевским войскам было нанесено решительное поражение. Король бежал в Шотландию, но шотландцами он был выдан парламенту.

Конфликт между парламентом и армией. К этому времени парламент все явственнее расходится с радикально настроенной армией. Парламентские пресвитериане — эта "партия денежного мешка", как их называли финансовые воротилы, нажившиеся на революции, и верхи нового дворянства — желают примирения с королем и окончания затянувшейся революции. Индепенденты же и особенно левеллеры[1] требуют далеко идущих социальных и политических реформ.

Когда парламент потребовал демобилизации армии для того, чтобы облегчить себе сговор с королем, и отменил налоги на содержание армии, ее индепендентская верхушка ("гранды"), действуя в согласии с левеллеровскими низами, открыто выступила против парламента. Солдаты организуются: от каждого полка избираются два представителя, образующие совет армии. Генералитет и офицеры принимают сторону солдат. 5 июня 1647 г. солдаты и офицеры подписывают "торжественное обязательство" не расходиться до удовлетворения армейских требований и создают совет армии, состоявший из представителей высшего командования, офицеров и солдат.

К этому времени относится выработанный армией проект "Основ соглашения" с королем ("Heads of the Proposals"), где требовалась реформа парламента: выборы палаты общин каждые два года, превращение ее по возможности в "равное представительство целого" (т. е. страны), для чего предлагалось поставить избирательное право в соответствие с налогами, уплачиваемыми избирателями. Эти и другие предложения "Основ" имели явной це-

[1] "Уравнители", требовавшие всеобщего избирательного права, формального равенства всех перед законом, свободы торговли, свободы совести и т. д. Руководитель — Дж. Лильберн. Основное ядро партии составляло среднее крестьянство (йомены).

лью усиление контроля избирателей над парламентом и ослабление влияния короля.

Но "Основы" утверждали в то же время и господство состоятельных слоев населения над малоимущими, чем объясняется непопулярность "Основ" в народе. Левеллеры резко порицали авторов "Основ" и свою точку зрения изложили в опубликованном тогда же (1647 г.) манифесте под названием "Правильное изложение целей армии" ("The Case of the Army truly stated"). Манифест требовал всеобщего голосования и прямой ответственности администрации перед парламентом. Манифест проводил точку зрения необходимости "высшего закона", стоящего над парламентом и подтверждающего верховную власть народа, который один сосредоточивает в своих руках учредительную власть.

Те же армейские левеллеры выработали в том же году и другой проект основных реформ, получивший название "Народного договора" (The Agreement of the People). "Договор" является уже вполне проектом высшего закона, писаной конституции. Это — радикальная конституция. О короле и второй палате он молчит. Выборы парламента организуются так, что города и графства имеют представителей пропорционально своему населению. Парламент избирается всего лишь на два года и собирается на сессии точно определенной продолжительности. За народом сохраняются и закрепляются права, в которых парламент не властен ничего изменять. Это — равенство всех перед законом и перед судом, свобода совести, свобода от принудительной военной службы. "Договор" требует также, чтобы акты парламента не приходили в противоречие с интересами народа, его блага и его безопасности и чтобы никто не привлекался к ответственности за действия, совершенные во время гражданской войны. За народом признается право защищать всеми средствами от всяких покушений эти свои прирожденные вольности.

Позднее "Договор" подвергся изменениям. В отдельных редакциях имеются пункты, предусматривающие подобие императивных мандатов — договоров между избирателями и их представителем, что, конечно, еще усиливало контроль народа над парламентом. В некоторых редакциях устанавливается всего лишь одногодичный срок полномочий парламента, специально и прямо говорится о праве народа оказывать сопротивление незаконным актам парламента.

Все эти тенденции имели сильных противников в лице Кромвеля и его ближайшего окружения. Кромвель характеризовал требования "Народного договора", как подготовку анархии.

В конце 1648 г., после подавления ряда контрреволюционных роялистских восстаний, Кромвелю пришлось произвести удаление из парламента антиармейских элементов ("чистка Прайда"). После этого несколько десятков оставленных в парламенте чле-

нов его образовали послушное индепендентам "парламентское охвостье".

После суда над королем и казни его (1649 г.) парламент объявил Англию республикой. Палата лордов была упразднена. Кромвель управлял страной через "охвостье" и вновь учрежденный государственный совет.

Левеллеры и диггеры. Стремясь к осуществлению своих политических программ, левеллеры несколько раз пытались подняться на восстание. В 1649 г. солдатские движения в защиту программы левеллеров приняли широкий размах, но были подавлены вследствие их неорганизованности. После этого движение левеллеров пошло на убыль и в 50-х годах почти совершенно угасло, чтобы временно оживиться лишь при Ричарде Кромвеле, сыне и преемнике О. Кромвеля.

Одним из крайних течений среди левеллеров были диггеры ("копатели"), называвшие себя также "истинными левеллерами". Они захватывали пустующие общинные земли и самочинно вспахивали их, откуда и произошло их название. Диггеры представляли интересы некоторых слоев деревенской (и городской) бедноты и проповедовали отказ от частной собственности, передачу земли в общественное пользование и ее распределение между всеми на началах полного равенства, равенство имущества и равенство в правах, прекращение эксплуатации.

Диггеры не прибегали к восстаниям, ограничивались пропагандой и запашкой пустырей. Но и с ними Кромвель расправлялся военной силой, как с опасными, по его мнению, сторонниками "анархии". Диггеры вскоре исчезли бесследно. Их программа примитивного уравнительства, ничего общего не имеющего с подлинным коммунизмом, была не осуществима.

"Орудие управления". Власть Кромвеля все более приобретала характер личной диктатуры, проводимой им с опорой на дворянские и кулацкие элементы армии. Несколько лет спустя после установления республики, в 1653 г., он разогнал и "охвостье" и подобрал новый парламент из кандидатов, выдвинутых индепендентскими общинами, в котором, однако, не прекращалась борьба между безоговорочными сторонниками Кромвеля и более крайними элементами. И этот парламент ("Бербонский", по имени одного из депутатов, Бербона, что значит "скелет" или "голая кость") был вскоре распущен, и в конце 1653 г. была введена новая конституция, составленная представителями армии (офицерским советом) и одобренная Кромвелем.

Новая конституция называлась "Орудие управления" ("The instrument of government"). Высшую законодательную власть конституция передавала главе государства — "лорду-протектору" — совместно с парламентом. Парламент — однопалатный. Для участия в выборах требовалось наличие довольно значительного по

тем временам имущества (не менее 200 фунтов стерлингов). Конституция позаботилась о перераспределении мандатов между городами и графствами, и в парламенте 1654 г. от городов было 133 депутата, а от графств — 265 (в Долгом парламенте соответственно 398 и 90).

Высшая исполнительная власть вручалась лорду-протектору совместно с государственным советом, состоявшим не менее чем из тринадцати и не более чем из двадцати одного члена.

Лорду-протектору в период парламентской сессии с согласия парламента, а во время перерывов между сессиями с согласия и по решению государственного совета принадлежало право командования вооруженными силами, право ведения дипломатических сношений с другими государствами, право назначения высших должностных лиц, пожалования почетных званий в Англии, Шотландии и Ирландии.

Лордом-протектором был провозглашен Кромвель.

Правление Кромвеля. В государстве фактически водворилась личная диктатура лорда-протектора. Парламент он вскоре перестал созывать. Членов государственного совета он назначал по собственному усмотрению и держал их в полной от себя зависимости. За год до своей смерти, в 1657 г., он восстановил верхнюю палату.

Местное управление было в руках генералов кромвелевской армии, поставленных во главе одиннадцати округов.

В период республики и протектората Кромвеля был издан ряд законодательных актов, из которых особенное значение для внутреннего развития страны, ее торговли и промышленности имел "Акт о поощрении и регулировании торговли и промышленности английской республики" (1650 г.).

"Актом" учреждалась особая комиссия, одной из функций которой было установление размеров налогов и пошлин на все промыслы и торговые операции. Характер налоговой политики был протекционистский, рассчитанный на то, чтобы пошлины и налоги создавали благоприятные условия для отечественной промышленности и ограничивали бы ввоз иностранных товаров.

К ведению той же комиссии относился контроль над уставами различных торговых компаний, правилами ведения торговли и многие другие вопросы, связанные с торговыми операциями.

В 1651 г. был издан "Навигационный акт", который устанавливал правила торгового судоходства и торгового мореплавания. Характер "Навигационного акта" был явно протекционистский, так как он создал особо благоприятные условия для развития английской морской торговли и флота.

Сущность акта заключалась в том, что неевропейские товары могли ввозиться в Англию исключительно на английских судах, а европейские либо на английских, либо на судах "стран, где

произрастают или производятся" ввозимые товары. В 1660 г. акт был распространен и на вывоз товаров из Англии.

Крупнейшим событием периода протектората было подавление шотландского и ирландского восстаний. Ликвидация шотландского восстания сопровождалась конфискацией в пользу английского дворянства и буржуазии громадных земельных владений, принадлежавших шотландской аристократии. Таможенная граница между Шотландией и Англией была уничтожена, местный парламент упразднен, и Шотландия была присоединена к Англии. Подавление ирландского восстания сопровождалось исключительными жестокостями. Под предлогом репрессий против ирландских католиков истреблялись самые различные слои ирландского населения.

Земли ирландских помещиков и крестьян были конфискованы и перешли в руки английских офицеров и солдат, а больше всего — к земельным спекулянтам. Ирландское население было обезземелено, Ирландия опустошена.

Ядром кромвелевской армии были свободные крестьяне ("йомены"), выступившие против королевского абсолютизма и феодальных отношений, но в результате этой буржуазной революции английские крестьяне потеряли землю, перешедшую в руки крупных землевладельцев в виде буржуазной собственности, и спустя столетие исчезли совершенно. Больше всего в выигрыше оказались буржуазия и новое дворянство, разбогатевшие на покупке конфискованных революцией земель. Для английской буржуазии складывались особенно благоприятные условия вследствие быстрого развития английской торговли и промышленности.

Отношения, существовавшие в английском обществе между помещиками и крестьянами-собственниками (фригольдерами), существенно изменились. Так, рыцарское держание, т. е. владение землей на феодальном праве, было уничтожено и место феодальной собственности на землю заняла буржуазная.

§ 2. Реставрация Стюартов

После смерти Кромвеля (1658 г.) преемником оказался сын его Ричард Кромвель, не пользовавшийся ни авторитетом, ни влиянием в армии и в обществе. Менее чем через год он вынужден был отказаться от власти, и правление переходит в руки высшего офицерского состава армии, в то время как в буржуазно-дворянских кругах зреют планы восстановления монархии.

В 1559 г. остаток Долгого парламента (40 человек) объявил себя учредительной властью под названием конвента. Генерал Монк, опиравшийся главным образом на шотландскую армию, без особенного труда заставил этот парламент возвести на английс-

кий престол Карла II, сына казненного короля. Новый король обещал сохранить за дворянами и буржуазией их революционные завоевания, например земли, конфискованные у короля и его сторонников. Обещания Карла II получили название Бредской декларации.

Тем не менее вскоре начались преследования активных участников революции. Не щадили ни живых, ни мертвых: труп Кромвеля был вырыт из могилы и повешен.

Положение нового короля значительно отличалось от положения его предшественников. Не имея прежних доходов от акцизов, налогов и сборов, Карл II лишен был большей доли самостоятельности. Распоряжение финансами принадлежало парламенту, от которого король получал цивильный лист с указанием суммы, отпущенной на содержание двора. Тем не менее парламент, избранный в 1661 г. и состоявший главным образом из представителей дворян и крупной буржуазии, стремился ладить с королем.

Профранцузская внешняя политика Карла II, невыгодная английской буржуазии, и его тайное покровительство католикам стали вызывать возмущение даже со стороны аристократии. Управление государственными делами при Карле II попало в руки нескольких его приближенных, которые получили название "кабаль" (от первых букв фамилий: Клиффорд, Ашли, Букингем, Арлингтон и Лодердал) и были верными сообщниками и помощниками короля в его мотовстве и в изыскании средств, необходимых для удовлетворения весьма широких потребностей этой компании.

Во внутренней политике реакция сказывалась все явственнее. В 1662 г. был издан закон об оседлости, запрещавший рабочим самовольно оставлять те районы, в которых они проработали свыше 40 дней. Местным властям было предоставлено право выселять пришлых рабочих на место постоянного их жительства. С другой стороны, всеобщее недовольство вызывала отмена установленного при Кромвеле избирательного ценза в 200 фунтов стерлингов и восстановление старой избирательной системы, при которой преобладающее право посылки депутатов в парламент имели старинные города и местечки, где этим правом бесконтрольно распоряжались местные землевладельцы.

Парламент 1661 г. просуществовал около 20 лет и получил название второго Долгого парламента, или Кавалерского. В 1679 г. собрался новый парламент, получивший прозвище парламента вигов. В эти годы берут начало две политические партии Англии — тори и виги. Тори — приверженцы короля, сторонники усиления королевской власти, в противовес парламенту, а виги — представители интересов буржуазии и разбогатевшего среднего дворянства, оппозиционно настроенных по отношению к короне. В парламенте 1679 г. преобладали виги.

Вигский парламент начал свою деятельность с издания законодательного акта, вошедшего в число важнейших конституционных законов Англии: это "Habeas Corpus Act" или "Акт для лучшего обеспечения свободы подданных и для предупреждения заточений за морем". Согласно этому закону арестованный или его родственники и знакомые получали право потребовать от суда выдачи предписания о "Habeas Corpus". Получивший такое предписание начальник тюрьмы или иного места заключения, где содержался арестованный, обязан был под страхом уплаты крупного штрафа (100 фунтов стерлингов) в пользу потерпевшего, а в случае повторения неповиновения — увольнения от должности, в суточный срок доставить арестованного в суд с сообщением основания его ареста. Суд, проверив эти основания, выносил решение об освобождении арестованного, о выдаче на поруки или о дальнейшем содержании под стражей. Освобожденный раз в силу "Habeas Corpus" не мог быть вторично арестован по тому же поводу, под страхом штрафа в 500 фунтов стерлингов, налагаемого на виновников такого ареста. Судья, отказавший в выдаче предписания о "Habeas Corpus", подвергался штрафу в 500 фунтов стерлингов.

Непосредственное значение этого акта во время его издания заключалось в создании гарантии неприкосновенности для членов вигского парламента и их приверженцев от преследования королевской власти. Позднее акт стал одним из важнейших конституционных документов Англии. Парламент, однако, сохранял право в случае народных волнений или военных действий приостанавливать "Habeas Corpus Act", что он неоднократно делал, например в Ирландии, чем создавалась возможность произвольных арестов и иных незаконных действий полиции и администрации.

§ 3. Переворот 1688 г. и его последствия

Новый король Яков II, взошедший на престол в 1685 г., был известен как ревностный католик и сторонник абсолютизма. Хотя вновь избранный парламент состоял в большинстве изториев, но и он не решался поддерживать открыто реакционную антибуржуазную политику короля. В 1688 г. английская знать, поощряемая банкирами и купцами, завязала сношения с Вильгельмом Оранским (штатгальтером Нидерландов) и предложила ему английский престол. Парламент, созванный в 1689 г., официально объявил его королем вместо якобы отрекшегося, всеми брошенного Якова II. Этот переворот английские историки называют "славной революцией", в противоположность революции 1649 г., которая, в их оценке, является только "великим бунтом". В действительности в 1688 г. произошла замена одного короля, неугодного пра-

вящим кругам английского общества, другим королем. Но силу и возможность столь легко проделать такую замену обеспечила буржуазии именно революция 1649 г. Новый король вполне готов был сообразоваться с тогдашними представлениями о конституционном короле и при самом вступлении на престол подписал предложенную ему "Декларацию о праве", после превращенную в "Билль о правах".

Билль о правах. Билль о правах устанавливает, что король не вправе без согласия парламента ни приостанавливать действие законов, ни освобождать кого-либо из-под их действия, ни разрешать каких-либо изъятий из законов. Не должно быть особых судов по церковным или иным делам (имеются в виду Звездная палата и Высокая комиссия). Никаких налогов и сборов король не вправе вводить без согласия парламента. Подданные короля имеют право обращаться к нему с ходатайствами, и никого нель-зя преследовать за такие ходатайства. Набирать и содержать постоянное войско без согласия парламента король не может. Протестантская религия и ее приверженцы должны быть свободны во всех отношениях. Выборы в парламент должны быть свободны, а сам парламент созываться достаточно часто. В парламенте обеспечивается свобода слова. Он издает любые акты, какие найдет нужными, и свободен от контроля с чьей бы то ни было стороны. Запрещается прибегать к наказаниям, не предусмотренным законом.

Акт об ограничении короны. Несколько лет спустя, в 1701 г., был издан акт об ограничении короны или "закон о престолонаследии". Устанавливая порядок престолонаследия после бездетных Вильгельма Оранского и его жены Марии, закон этот подтверждает ограничение королевской власти в пользу парламента и, кроме того, устанавливает правило, согласно которому для действительности актов требуется, чтобы под ними стояла, кроме подписи короля, подпись ответственного за них премьер-министра. Тем же актом устанавливалось, что судьи назначаются королем и выполняют свои судейские функции до тех пор, пока отличаются "хорошим поведением". Судьи могли быть смещены особым решением парламента, в других же случаях только по постановлению суда, ввиду надлежаще удостоверенной физической или духовной неспособности или вследствие совершенного ими уголовного преступления.

§ 4. Уголовное право

Английская революция (1640—1660 гг.) сопровождалась изданием ряда актов законодательного характера, относившихся к уголовному праву. Переход к республике (1649 г.), а затем к про-

тектората (1653 г.) поставил вопрос о новом содержании понятия государственной измены. Актом от 17 июля 1649 г. государственной изменой было признано посягательство на "образ правления в виде республики или свободного государства без короля и палаты лордов", а также посягательство на права палаты общин, как "верховной власти английского народа". Ордонансом Кромвеля от 19 января 1654 г. государственной изменой было признано всякое посягательство на личность и права лорда-протектора, как "верховной власти английского государства". 27 ноября 1656 г. вторым парламентом Кромвеля был издан новый акт о государственной измене, сходный по своему содержанию с ордонансом от 19 января 1654 г.

В области религиозной политики Долгий парламент издал ряд постановлений (ордонанс от 2 мая 1648 г., акт от 9 августа 1650 г.), направленных против атеистических и иных течений, отрицающих догматы христианской религии. Были также установлены наказания за богохульную божбу и клятву, несоблюдение воскресного дня и т. д. Наряду с этим подвергались преследованию лица, исповедовавшие католическую религию (акт от 26 июня 1657 г.).

В отношении произведений печати Долгим парламентом были установлены строгие наказания за выпуск и распространение этих произведений без предварительного разрешения (1649 г.).

Как Долгий парламент, так и правительство протектората продолжали политику репрессий против бродяг и "привычных нищих" (ордонанс от 17 декабря 1647 г., акт от 9 июня 1657 г. и др.). Согласно акту от 26 июня 1657 г. подвергались наказанию лица, которые вели "широкий образ жизни", не имея видимого имущества, профессии или занятий, дающих средства для такого образа жизни. Тем же актом были воспрещены под страхом наказания азартные игры.

В то же время было значительно смягчено положение лиц, заключенных в тюрьму за неплатеж долгов, если эти лица не имели средств для удовлетворения своих кредиторов.

Наконец, Долгим парламентом были предприняты меры к укреплению семейного союза. Актом о пресечении "омерзительных грехов кровосмешения, нарушения супружеской верности и внебрачного сожительства" (1650 г.) были установлены строгие наказания за указанные выше преступления: кровосмешение и нарушение супружеской верности наказывались смертью, а внебрачное сожительство — тюремным заключением. Наказание за нарушение супружеской верности на практике применялось, однако, довольно редко. Были воспрещены под страхом весьма строгих наказаний занятие сводничеством и содержание публичных домов.

Все описанное выше законодательство утратило силу при реставрации Стюартов (1660 г.).

Уголовное право второй половины XVII и XVIII вв. характеризуется усилением законодательной деятельности, в особенности в области государственных преступлений. Издается ряд статутов, признающих государственной изменой самые разнообразные преступные деяния — в зависимости от потребностей момента. Так, в 1691 г. вывоз оружия во Францию, а также отъезд во Францию и возвращение из последней без разрешения были признаны государственной изменой. К государственной измене были приравнены некоторые виды подделки монеты. Акт 1695 г. установил для доказательства государственной измены (в случае отсутствия сознания обвиняемого) необходимость показаний двух свидетелей. Усиливается строгость наказаний за преступления, направленные против собственности. Многочисленными были случаи применения смертной казни. Блекстон, автор трактата под заглавием "Комментарии к законам Англии" (1764—1765 гг.), пишет: "Горько сознаться, что из действий, которые совершаются людьми ежедневно, не менее 160 причислены актами парламента к классу преступлений, влекущих за собой неминуемо смертную казнь". Строгость наказаний соединялась с их неравномерностью, что особенно ощущалось в отношении преступлений против личности. В определении меры наказаний широкий простор, предоставленный усмотрению суда, еще усилился.

Однако, в отличие от континента, английское право допускало применение мучительных способов смертной казни лишь в исключительных случаях. Так, четвертование производилось лишь в случаях государственной измены.

С начала XVIII в. стала применяться ссылка в колонии, а затем каторжные работы.

§ 5. Судоустройство и судопроизводство

В эпоху английской революции (1640—1660 гг.) одним из мероприятий Долгого парламента было упразднение исключительных судов: Звездной палаты, Высокой комиссии и т. д. (акты от 4 и 5 июля 1641 г.). Была ограничена юрисдикция тайного совета. Эти мероприятия содействовали усилению роли и значения суда присяжных заседателей, как нормального органа отправления правосудия. Актом от 13 февраля 1642 г. была уничтожена юрисдикция церковных судов по светским делам. В дальнейшем была упразднена палата феодальных сборов, уточнена юрисдикция суда адмиралтейства. Получила принципиальное признание несменяемость судей (центральных судов). Для судей было установлено жалование взамен пошлин и т. п., поступавших в пользу судей с тяжущихся. Что касается суда канцлера, то в эпоху революции Малым (или Бербонским) парламентом была сделана попытка уп-

разднения этого суда (1653 г.). Попытка эта осталась безуспешной, но судопроизводство суда канцлера было реформировано ордонансом Кромвеля 1654 г. Безуспешными оказались попытки создания местных судов с расширенной юрисдикцией, что должно было повести к децентрализации отправления правосудия.

В связи с переходом в 1649 г. к республиканской форме правления палата лордов была ликвидирована. Через несколько лет взамен ее была учреждена другая верхняя палата, к которой и перешла судебная юрисдикция палаты лордов. Окончательное возобновление деятельности палаты лордов последовало во время реставрации. Прекратил свое существование во время республики и тайный совет, восстановленный уже после реставрации.

Исключительные суды не были восстановлены и после реставрации, но юрисдикция по светским делам была возвращена церковным судам. Палата феодальных сборов окончательно прекратила свое существование. Реформа суда канцлера, произведенная Кромвелем, была отменена. Что касается несменяемости судей, то последняя постепенно укрепилась, окончательно утвердившись согласно акту об ограничении короны 1701 г. Во время революции было установлено ведение судопроизводства на английском языке (1650 г.), так как до этого времени судопроизводство происходило на языке, представлявшем смесь французского и норманнского наречий. В суде адмиралтейства было, однако, разрешено ведение судопроизводства на латинском языке (1651 г.). Во время реставрации был вновь восстановлен прежний язык ведения судопроизводства. Окончательное ведение судопроизводства на английском языке было предписано актом 1731 г.

Со времени английской революции (1640—1660 гг.) первоначально путем судебной практики, а затем законодательными актами происходит расширение прав обвиняемого в области уголовного процесса. Сначала в делах о государственной измене (акт 1646 г.), а затем и по другим делам обвиняемому было предоставлено право заблаговременного получения копии обвинительного акта и списка присяжных заседателей, право представления свидетелей со своей стороны, подлежавших допросу под присягой, а также право перекрестного допроса свидетелей обвинения. Пытка была окончательно отменена в Англии в 1772 г. Право пользоваться услугами защитника было предоставлено обвиняемому в делах о государственной измене актом 1696 г. Постепенно такое право было признано за обвиняемым и в делах о тяжких уголовных преступлениях (фелониях).

В июле 1641 г. Долгий парламент принял меры к обеспечению защиты личности против произвольных арестов, поставив производство арестов под контроль судов, к которым мог обратиться арестованный лично или через своего представителя. Суды были обязаны выяснить причины ареста и проверить их основатель-

ность. Описанный порядок подвергся подробной регламентации актом об охране личности ("Habeas Corpus Act") 1679 г.

Законодательство английской революции отнеслось неблагоприятно к обжалованию решения и сузило возможность подачи апелляционных жалоб, допустив их лишь на недостатки решений по существу; на упущения в соблюдении форм судопроизводства подача апелляции не разрешалась.

Однако судебная практика стремилась к расширению поводов для обжалования, что ей и удалось достигнуть.

Что касается дел уголовных, то здесь укрепилось правило, в силу которого не допускалась подача жалобы в случае оправдания обвиняемого. Тем самым была установлена односторонность обжалования приговоров по уголовным делам: такое обжалование было допущено лишь со стороны обвиняемого.

Глава 2. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО АНГЛИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Восемнадцатый век

Корона и парламент. Конституционное развитие в XVIII в. направлено к укреплению парламентского верховенства.

В XVII—XVIII вв. сложилось в своих основных чертах крупное землевладение. К концу XVIII в. исчезли крестьяне-собственники (йомены); в то же время мелкая аренда была заменена крупной. Крупное землевладение сосредоточилось в руках аристократии и джентри, что создало базу для руководства ими местным управлением (включая и города), а через его посредство и выборами в парламент. Избирательное право, существовавшее в то время в Англии, благодаря своим несовершенствам помогало в этом отношении аристократии. Избирательный ценз в графствах был невысок (40 шиллингов годового дохода от фригольда — свободного держания), но предоставление избирательных прав владельцам свободных держаний исключало большинство населения, жившего на чужой земле на правах зависимого держания (копигольда). Главной опорой аристократии были так называемые "гнилые местечки", т. е. городские поселения, получившие право посылать представителей в нижнюю палату парламента еще в средние века, население которых по тем или иным причинам стало немногочисленным. Эти местечки были в зависимости от аристократии, вследствие чего значительная часть членов палаты общин являлась ее ставленниками. Для закрепления политического преобладания аристократии проведен был в 1710 г. законодательным порядком повышенный ценз для избрания в члены палаты общин, а равно повышенный ценз для должности мирового судьи (1743 г.). Политическое преобладание аристократии обеспечивалось, кроме того, вошедшими в систему подкупами избирателей, а также членов нижней палаты в виде предоставления последним пенсий или должностей, а то и прямых вознаграждений за голосование по указанию лидеров. Правда, совмещение звания члена нижней палаты с занятием государственной должности было воспрещено упоминавшимся ранее актом об ограничении короны 1701 г., но актом 1706 г. было установлено, что член нижней палаты, получивший назначение на государственную должность и желавший сохранить свое звание, мог подвергнуться переизбранию. К ограничению круга избирателей возможно узким социальным составом стремились

как виги, так и тори, разница состояла в том, что виги стояли за имущественный ценз вообще, а тори — за ценз земельный.

Руководящее положение английская аристократия занимала в социальном строе и потому, что она умела представлять не только свои интересы, но и интересы буржуазии. Аристократия эта не отмежевывалась непереходимыми гранями от других классов населения, постоянно пополняя свои ряды выдающимися представителями промышленности, торговли и свободных профессий.

В XVIII в. в Англии складывается парламентская система, сущность которой в том, что правительство — кабинет министров — правит под непосредственным контролем парламента. Этот контроль обеспечивается тем, что правительство составляется из лидеров партии, численно преобладающей в нижней палате. Упомянутый нами акт 1701 г. практически уничтожал кабинет, ибо изгонял, очевидно, министров из палаты общин. При этом он вполне последовательно восстанавливал значение тайного совета, подчеркивая, что все меры по управлению государством должны обсуждаться и приниматься в тайном совете. Но в 1706 г. эти правила были, как мы уже знаем, отменены. От членов палаты общин, становившихся министрами, требовалось только, чтобы они возобновляли свои мандаты. Следствием всего этого было укрепление кабинета и твердое начало его положению, как комитета парламента. При первых двух королях из Ганноверского дома господствующей партией в нижней палате были виги. Из ее состава и образовывались министерства. Тогда же получила свое начало должность первого министра. Такой порядок особенно укрепился в то время, когда во главе министерства стоял Уолпол (1721—1742 гг.). Король, ранее председательствовавший на собраниях министров, постепенно от этого отошел. Еще в 1711 г. палата лордов вынесла постановление, что не король подлежит ответственности за действия министров, а только и исключительно сами министры. Этим король лишался власти над министрами, так как он мог пользоваться своею "прерогативой" лишь при условии содействия со стороны соответствующих министров и как бы под условием согласия со стороны палаты общин, перед которой министры были ответственны. В силу этого исполнительная власть перешла, по существу, в руки министров. Когда большинство нижней палаты высказалось против политики Уолпола, а в новой палате, избранной после роспуска прежней, не составилось благоприятного большинства, Уолпол и его товарищи по министерству в 1742 г. вышли в отставку; с этого времени установилось правило, что министерство, не располагающее большинством в нижней палате, должно выходить в отставку. Важным, впрочем, коррективом этого обычая было право кабинета потребовать от короля роспуска оппозиционной палаты.

С 1707 г. королевская власть фактически перестала пользоваться принадлежащим ей правом "veto", т. е. отказа в утвержде-

нии законодательных актов (биллей), принятых палатой общин и палатой лордов.

Достигнув преобладания парламента над королевской властью, правящий класс предпринял ряд мер, усиливающих независимость палаты общин от избирателей. В 1716 г. был проведен закон об увеличении срока полномочий нижней палаты с трех до семи лет.

Палаты ревниво охраняли тайну своих заседаний, возбуждая преследование против лиц, разглашавших парламентские прения, видя в этом нарушение парламентских привилегий. Стремясь к полной независимости, нижняя палата добилась передачи в ее руки разрешения вопроса о правильности выборов. Это право явилось мощным орудием в руках нижней палаты для проведения партийной политики.

"Верховенство парламента" нашло свое определение в сочинении Блекстона под названием "Комментарии к законам Англии", изданном в 1764—1765 гг. Этот автор указывает, что парламент может сделать все, что только возможно физически, и поэтому многие решались называть такую власть "всемогуществом".

Блекстон приводит исторические примеры этого могущества: парламент устанавливал и изменял порядок престолонаследия, изменял господствующую религию страны, изменял государственное устройство и т. п. С точки зрения Блекстона, суверенитет воплощен в парламенте, причем, конечно, по старинной формуле под парламентом разумеются король, лорды, общины. Власть парламента, по Блекстону, безусловна и безответственна.

§ 2. На путях к избирательной реформе 1832 г.

Основные черты политической системы к началу XIX в. Таким образом, в XIX в. Англия вошла с вполне сложившейся и всесторонне развитой политической системой, основы которой заложены были революцией XVII в. и которая последовательно формировалась и складывалась в течение всего XVIII в.

За это время укрепились и пустили глубокие корни две политические партии — агентуры тех классов, которые, как показано было в очерке английской революции, боролись за власть в середине XVII в., — аристократии и буржуазии.

Так как еще долго были налицо особые интересы крупного землевладения, не во всем и не всегда согласовавшиеся с интересами промышленности, то тори явились непосредственными преемниками "кавалеров" и аристократическими противниками буржуазии. Они были прирожденными представителями исторической традиции, инерции, косности, консерватизма. Принимая но-

вое, они хотели бы сохранить в нем как можно больше старого. Если уж необходимо было идти вперед, они хотели бы делать это возможно медленнее, с частыми остановками и с возвращениями назад.

Естественно, что только эти две партии чередовались у власти в течение XVIII в. и только они вошли в XIX в. "Славная революция" поставила у власти вигов, и они держались здесь до самой середины XVIII в., когда начались колебания вигизма и соответственно стал наблюдаться подъемториев. В 1783 г. тори оказались в палате общин в большинстве и, приняв власть, начали довольно энергично тормозить развитие. Французская революция сослужила им службу: она испугала английскую буржуазию и лишила ее охоты особенно сопротивляться ториям. Консерватизм укрепился у руля и правил до 1830 г.

Король. Как ни стремились тори в течение этого полувека видоизменять конституционный элемент монархии в сторону усиления правительства вообще и королевской прерогативы в частности и соответственного ослабления парламента, и как ни помогал им в этом полусумасшедший Георг III, шестьдесят лет просидевший на троне (1760—1820 гг.), им это не удалось. Основные черты английского конституционализма не изменились к началу XIX в. Монархия совершенно явственно оставалась лишенной реального содержания. Король по-прежнему считался не только главой государства, но и средоточием всей правительственной власти. Он не только представлял страну в международных отношениях, объявлял войну, заключал мир, назначал и отзывал послов, начальствовал над вооруженными силами, но и составлял центр правительственной системы, складывавшейся из него самого, его совета и парламента. И тайный совет, и парламент действовали его именем. Совет помогал ему править, как парламент — законодательствовать. Он назначал и увольнял министров по своей воле. Никакое решение парламента не получало силы без его утверждения. Он мог распустить палату общин досрочно, сделать то же самое и с вновь избранной палатой и повторять это без конца. Он мог назначить столько новых членов палаты лордов, сколько ему заблагорассудится. Практическое же положение, почти целиком определявшееся неписаной конституцией, обычаем, конвенциональным правилом, было иное. Почти ни одной из своих многочисленных прерогатив король в действительности не мог осуществить по собственному почину и усмотрению: на все это требовалось согласие министра, подпись которого только и делала действительным акт королевской власти. С тех пор, как утвердилось основное (неписаное) правило, запрещавшее привлекать монарха к ответственности за неудачное управление ("Король не может ошибаться"), ответственность неминуемо перешла на его советников. Они объясняли перед парламентом акты короля, как

свои собственные действия, и несли все последствия этих действий, — мог ли король официально предпринять что-нибудь такое, с чем не соглашался глава кабинета?

Министры. Но и кабинет, и его глава, премьер-министр, совершенно неизвестные закону, явились неизбежным практическим результатом все той же связи, установившейся между правительством и парламентом и требовавшей, чтобы министры отвечали не каждый за себя, а солидарно, как организованный коллектив, исповедующий одни и те же политические убеждения и стремящийся в своей правительственной деятельности к общей цели. То, что король перестал править, как он правил в XVI в. и раньше; то, что парламент, к которому перешло управление, не может, в силу своего устройства, входить в повседневные детали управления и иметь дело с отдельными министрами; то, что парламент оказался разделенным на две большие политические группы, и у власти, по общему правилу, оказывались непременно сторонники одной из этих групп, — все эти причины сплотили министров в кабинет единомышленников, возглавленный лидером.

В качестве первого министра этот лидер кабинета приобретал громадную власть, пугавшую консервативные элементы, не без основания подозревавшие в нем главного соперника короля. Недаром в середине XVIII в. часть палаты лордов и часть палаты общин заявили протест против того, что практика создала должность первого министра, противоречащую закону и опасную для государства. Но эта практика как раз и составляла практику парламентаризма, от которого уже некуда было уйти.

И король и парламент имели теперь перед собой коллектив, получивший неофициальное название кабинета министров. Это усиливало позицию министров в отношении к королю, и это облегчало контроль парламента по отношению к министрам.

Кабинет назначался, конечно, королем. Но откуда же было королю подбирать членов кабинета, как не из среды членов парламента и именно той политической группы, которая имела в парламенте большинство? Уже в конце XVII в. было ясно, что нельзя управлять, имея против себя парламент и в особенности палату общин, от которой зависело утверждение бюджета. Сотрудничество же парламента само собой гарантировалось тому кабинету, который составлен был из лидеров парламентского партийного большинства. Всемогущий Уолпол, как мы уже упоминали, вынужден был в 1742 г. после тридцатилетнего правления выйти в отставку, потому что он потерял популярность, а вместе с ней — большинство в палате общин. Наконец, в 1782 г. кабинет Норса целиком вышел в отставку вследствие политического расхождения с палатой общин. Так, король принуждался строго ограничивать свой выбор средой парламентского большинства. Мы увидим дальше, что нужно было еще некоторое время для того,

чтобы эти принципы получили всеобщее и безусловное признание. Тем не менее к началу XIX в. их можно уже считать вполне сложившимися и претендующими на таковое признание.

Парламент. Таким образом, к началу XIX в. самым характерным и значительным элементом английской политической системы был парламент. Нижняя же палата парламента, палата общин, как раз и оказалась тем местом, где осуществлялось сотрудничество буржуазии и аристократии, где назревали конфликты и заключались компромиссы. По своему характеру это было еще в значительной степени феодальное представительство. Выборы палаты общин (происходившие с начала XVIII в. каждые 7 лет, если только палата не распускалась досрочно) были гораздо больше назначением депутатов со стороны правительства и отдельных землевладельцев и богачей, чем правильными выборами со стороны ограниченного, хотя бы, круга избирателей. 658 депутатов, из которых состояла палата, были представителями графств и городов (и университетов), которые посылали депутатов вне всякого соответствия с числом своего населения или своим удельным весом в стране: они просто осуществляли старинную "привилегию", которую получили несколько сот лет назад и на которую к началу XIX в. многие из них потеряли, по существу, всякое разумное право. Много десятков таких "привилегированных" городов к этому времени запустели, иные и вовсе исчезли. Но лэндлорды, которым они принадлежали на праве собственности, неукоснительно продолжали посылать депутатов и наполняли палату своими ставленниками, которых, по существу, никто не выбирал. Наряду с этим крупные и многолюдные промышленные города, выросшие за столетие, лишены были всякого представительства. Там, где были действительно избиратели, выборов все-таки почти никогда не было: магнаты земли или капитала, а иногда само правительство в лице того или иного агента твердо указывали избирателям, кого нужно выбрать. Непокорных запугивали и усмиряли. Покупка голосов была распространена очень широко и составляла обычное, вполне узаконенное явление.

Этот политический порядок целиком отдавал власть в руки верхов аристократии и буржуазии.

Положение масс. Между тем, в последние десятилетия XVIII в. промышленная революция вызвала к жизни многочисленный пролетариат, который не пользовался никакими политическими правами. В ряде случаев закон прямо отдавал его во власть помещику и предпринимателю. Закон, например, нормировал заработную плату сельскохозяйственных рабочих так, что рабочий не вправе был отказываться от предложенной ему работы и вознаграждения. Местная администрация имела право принуждать "бедных" к любой работе. В первые десятилетия XIX в. эти бедняки насчитывались уже миллионами. В самом начале века

парламент воспретил всякие сообщества и союзы рабочих, которые они пытались организовывать, чтобы с их помощью хоть несколько поднять заработную плату. Угождая промышленникам, парламент с неменьшей охотой шел навстречу и землевладельцам: в 1815 г. специальными законами ввоз хлеба из-за границы допускался только тогда, когда цена его на внутреннем рынке оказывалась не ниже 82 шиллингов за квартер, т. е. настолько высокой, что до этой цифры цена никогда не доходила, ввоз хлеба оказался закрыт, землевладельцы получали монопольное положение на хлебном рынке, а массы населения обречены были на полуголодное существование.

Борьба за избирательную реформу. Требования реформ становились с каждым годом все настойчивее. Буржуазия новых промышленных центров нетерпеливо рвалась в парламент и громко настаивала на реформе избирательного права. Находившиеся у власти тори категорически возражали против подобной реформы. И так как виги не проявляли в борьбе за реформу достаточной решительности, образовалась сильная группа "радикалов", известная, впрочем, своей деятельностью уже в середине XVIII в., но получившая особенное значение в двадцатых годах XIX в.

К своей борьбе за реформу буржуазия стремилась привлечь массы рабочих, которые в результате промышленного развития, тяжелой войны, которую вела Англия с Наполеоном, и континентальной блокады, направленной против Англии, находились в отчаянном положении. Свою ярость рабочие обращали против машин, которые в их глазах были виновны в том, что нуждающиеся лишались заработка: в 1811 г. "луддиты" разрушали машины, думая этим защищать суживавшуюся область ручного труда.

Радикалы стремились направить энергию рабочих масс в другую сторону — против косноститориев, которые противятся парламентской реформе, и убеждали рабочих, что промышленный капитал, расширив себе доступ в парламент, легко и быстро найдет средства удовлетворить трудящиеся массы в силу "естественной гармонии" интересов капитала и труда. Требование избирательной реформы сделалось одним из главных лозунгов рабочего движения. На происходившие то здесь, то там митинги и демонстрации правительство отвечало жестокими военно-полицейскими экзекуциями, расстрелом безоружной толпы и виселицами.

Движение, однако, было настолько внушительно, так явственно грозило принять революционный характер и распространялось на столь широкие круги средней и мелкой буржуазии, что тори решили пойти на некоторые уступки. Один из них, Пиль, войдя в кабинет, сделался лидером левого крылаториев и провел несколько законов, которыми отчасти ослаблялось действие хлебных законов (1823 г.), смягчались уголовные законы, а главное — было отменено безусловное воспрещение рабочих союзов. В 1825 г. цели

рабочих союзов были так определены законом, что стачка с целью повышения заработной платы оставалась по-прежнему почти невозможной, но для рабочих союзов все же был открыт известный путь развития и борьбы.

Избирательная реформа 1832 г. Тем временем влияниеториев явно шло на убыль. В палате, избранной в 1830 г., они имели уже незначительное большинство, а когда палата эта была распущена, то новые выборы 1831 г., прошедшие под лозунгами борьбы за избирательную реформу, дали большинство вигам. Тори попытались еще затормозить избирательную реформу руками палаты лордов, которая, во всяком случае, была на их стороне, но и сопротивление лордов было довольно быстро сломлено, благодаря широчайшему народному движению, говорившему о совершенно исключительном общественном подъеме. В июне 1832 г. законопроект об избирательной реформе стал законом.

Реформа 1832 г. существенно перераспределила мандаты: каждое из 56 местечек, известных как "гнилые" или "карманные", было вовсе лишено своих двух представителей, 32 города получили по одному представителю вместо двух. За счет освободившихся мандатов было расширено представительство других городов и графств. Мимоходом, следовательно, было покончено со старинным понятием о "корпорациях", которые должны быть одинаково представлены в парламенте, независимо от своего удельного веса в стране. Теперь мандаты между городами и графствами распределялись в некотором соответствии с количеством населения.

Реформа распространила также избирательные права на новые категории владельцев недвижимостей в графствах, а главное — на земельных арендаторов, которые до того безусловно лишались избирательного права. Различные категории этих арендаторов (далеко не все) допущены были к избирательным урнам. Таким образом, право голоса в графстве все еще связывалось с владением недвижимостью. То же правило установлено было незыблемо и в городах. Избирательное право предоставлено было владельцам домов, дающих доход (годовой) не ниже 10 фунтов стерлингов. Владельцем считался не только собственник, но и наниматель (арендатор). Под понятие дома подходило не только строение для жилья, но и для торговых, промышленных целей или для товарного склада.

Для всех городов установлено было одинаковое избирательное право, но в городах-графствах избирательное право получали также владельцы фригольдов.

Значение реформы 1832 г. Эта избирательная реформа была далеко не из тех, значение которых немедленно сказывается в общественной жизни. Вспомним, что число избирателей оставалось еще очень скромным: вместо $^1/_{30}$ (приблизительно) части населения к выборам допущена была $^1/_{20}$. И тем не менее она оказалась

значительным событием в жизни Англии, ибо рвала с пережившими себя феодальными традициями представительства и открывала путь дальнейшим превращениям палаты в буржуазный парламент. Спустя всего несколько лет после реформы, Энгельс с полным пониманием дела оценил ее значение в том, что она подчинила палату общин влиянию "среднего класса", т. е. буржуазии. А это знаменовало наступление ничем не ограниченного господства капиталистической собственности: "Господство собственности положительно признано в билле о реформе установлением *ценза*. И поскольку собственность и приобретенное собственностью влияние составляют существо среднего класса, поскольку, значит, аристократия при выборах пускает в ход свою собственность и тем самым выступает не как аристократия, а уподобляется среднему классу, постольку влияние собственно среднего класса в целом гораздо сильнее влияния аристократии, постольку господствует действительно средний класс"[1].

Оценка Энгельса с исключительной точностью устанавливала то действительное положение вещей, которое рядовым наблюдателям становилось ясным лишь спустя продолжительный исторический срок.

§ 3. Борьба и победа либерализма

Важнейшие последствия реформы. Новый упадок власти короны. Из многочисленных и важных последствий реформы скорее других сказались два наиболее значительных. Чем дальше от реформы, тем явственнее обнаруживали последовательные выборы палаты общин, что система патронажа и назначения депутатов, система, на которой держалось господство землевладельческой знати в парламенте, хоть и далеко не уничтожена, однако подорвана и обречена на гибель. А это лишало корону, — собственно, аристократическую клику, группировавшуюся за спиной королевской власти, — возможности определяюще влиять на составление кабинета министров и, главное, обеспечивать кабинету необходимое большинство в палате. Правда, мы только что видели, что уже во второй половине XVIII в. управление государством перестало зависеть от личного усмотрения короля, и влияние короля на министров ослабело. Но только реформа 1832 г. и связанное с ней перераспределение избирательных округов, изменив до известной степени классовый состав палаты, позволили окончательно закрепить освобождение кабинета от королевской зависимости, чем мимоходом было подчеркнуто растущее значение главы ка-

[1] *Энгельс Ф.* Положение Англии. Английская конституция // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. II. С. 375.

бинета (премьер-министра). Королю Вильгельму IV, не желавшему понимать значение происшедших перемен, ближайшие же годы дали поучительный урок: в 1834 г. он заставил уйти в отставку вигийское министерство Мельбурна, опиравшееся на большинство палаты общин, и призвал к власти главуториев Пиля, но последнему не удалось ни получить большинство на выборах палаты 1834 г., ни держаться у власти и править без парламентского большинства. Он ушел, и верное чувство действительности, не раз обнаруженное им и впоследствии, принудило его заявить, что конституционное правительство не вправе выступать в таких случаях против палаты общин, хотя бы и с опорой на короля и палату лордов. И действительно, в 1839 г. тот же Мельбурн, подавший в отставку ввиду потери большинства в палате и вернувшийся к власти по настоянию королевы Виктории, ничем не мог победить враждебность палаты, пока, наконец, выборы 1841 г. не привели к властиториев во главе с Пилем.

Борьба вокруг хлебных пошлин и расколториев. Процесс освобождения короны от последних остатков власти и передача королевской прерогативы в фактическое владение министерства совершались медленно и не без борьбы. Но замедление это вызвано было почти исключительно внутренними трениями в среде вигов иториев. Эти трения ослабляли, конечно, политические партии и позволяли короне использовать внутрипартийные противоречия в свою пользу. Следует иметь в виду, что усилившееся в 40-х годах народное движение за отмену пошлин на ввозной хлеб сказалось на ториях длительным расколом. "Лига против хлебных законов", руководимая выдающимися представителями промышленной буржуазии, развернула бурную агитацию, стремясь увлечь трудящиеся массы своими проектами свободной торговли. Эти фритредеры иногда выступали в союзе с вигами, иногда против них, но они, во всяком случае, имели против себя значительную частьториев, исконных и прирожденных представителей земельной аристократии и, следовательно, безоглядных защитников земельной ренты. Фальшивое народолюбие фритредеров — фабрикантов, вроде Кобдена, не могло ввести в заблуждение передовых рабочих, понимавших, что удешевление хлеба вызовет падение заработной платы. "Понятно, что это все лицемерие вовсе не имело целью сделать дешевый хлеб менее горьким для рабочих. Да и как поверили бы рабочие внезапной филантропии фабрикантов, тех самых людей, которые продолжали вести упорную борьбу против десятичасового билля, предложенного для ограничения рабочего дня десятью часами вместо двенадцати"[1]. Тем не менее в борьбе промышленного капитала с крупным землевладением про-

[1] *Маркс К.* Речь о свободе торговли // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. V. С. 451.

летариат стал на сторону первого, потому что поражение аристократии означало гибель последних остатков феодализма — главного препятствия на путях развития.

Движение против хлебных пошлин совершалось настолько широко и сильно, что подчинило себе известную частьториев и нашло в Пиле предприимчивого и настойчивого защитника. Можно думать, что Пиль, предвидя неизбежную победу принципов свободной торговли, предпочел возглавить движение, чтобы ввести его в русло постепенных и последовательных реформ и тем избавить земельную ренту от быстрого и сокрушительного падения. Предводители же вигов далеко не обнаруживали такой дальновидности и смелости. Нерешительность, проявленная вигийским министерством Мельбурна, призывавшего самого бога в свидетели своей преданности интересам землевладения ("земледелия"), а потом слабость вигов, потерявших парламентское большинство после выборов 1841 г., способствовали тому, что инициатива целиком перешла к антипротекционистскому крылуториев. В 1846 г. закон о свободной торговле хлебом принят был в палате голосами вигов и большинстваториев. Палата лордов пропустила его после жарких прений, подчиняясь авторитету Веллингтона. Свободная же торговля была установлена лишь в 1849 г. с отменой Навигационного акта и снятием всех таможенных пошлин.

Но ториям эволюции Пиля стоили долговременной потери единства. От них откололась группа, сохранившая имя своего вождя. "Пилиты" примыкали в палате общин к вигам и с течением времени растворились в либеральной партии. В 1847 г. тори были вовсе отодвинуты в оппозицию: в этом году виги получили парламентское большинство, которое они удерживали в течение двадцати лет, ториям же пришлось медленно и с трудом восстанавливать свои силы, и они лишь в редкие и короткие промежутки оказывались у власти, когда ее теряли виги, — вследствие, главным образом, соперничества своих лидеров — Ресселя и Пальмерстона. Ибо внутреннего единства довольно долго не хватало и вигам, которые между 1846 и 1856 годами являли собой пеструю коалицию собственно вигов — "аристократических представителей буржуазии"[1], фритредеров — прямых и непосредственных, буржуазных, так сказать, представителей буржуазии, передового отряда промышленного капитала, тяготившихся опекой вигов, но из растущего страха перед рабочим классом все более склонных к компромиссам с аристократией, и пилитов — обломкаториев, примыкавших то к фритредерам, то к вигам.

Взаимоотношения короны и партийных кабинетов. Очевидно, что королевская власть, в лице Виктории, получала возмож-

[1] *Энгельс Ф.* Выборы и партии в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. IX. С. 6.

ность играть на внутренних несогласиях вигов илиториев и выступать от времени до времени арбитром в спорных вопросах парламентской или общей политики. За двадцатилетний период между 1846 и 1868 гг. партии сменялись у власти следующим образом: виги — 1846—1852 гг., тори — 1852 г., виги — 1852—1858 гг., тори — 1858—1859 гг., виги — 1859—1866 гг., тори — 1866—1868 гг. За это время было, конечно, несколько моментов, когда личное влияние королевы с известным успехом применялось и при выборе премьер-министра, и при комплектовании кабинета. В 60-х годах один тонкий наблюдатель английских конституционных отношений с известным правом отметил: "Сверх того, что королева контролирует действия отдельных министров и в особенности министра иностранных дел, она контролирует еще известным образом и кабинет"[1].

Укрепление принципа ответственного правительства. И тем не менее уже в 30-х и 40-х годах практически утверждается основной принцип парламентского обихода, выработанный, как мы знаем, в XVIII в.: министерская власть механически переходит в руки той партии, которая располагает парламентским большинством и, следовательно, симпатиями большинства избирателей (если только отвлечься от действительного положения вещей и считать, что выборы действительно отражали политические настроения большинства избирателей). Теряя большинство в палате, — вследствие ли передвижек парламентских групп во время сессии или в результате новых общих выборов — кабинет уступает место лидерам нового большинства и переходит на положение руководителя парламентской оппозиции, всегда готовой при изменившихся обстоятельствах вновь взять власть. Так окончательно сформировалось политическое и практическое понятие "ответственного правительства", т. е. кабинета, составленного из лидеров большинства палаты общин и необходимо нуждающегося в поддержке — "доверии" — этой палаты, одобряющей, следовательно, общее политическое направление кабинета и отдельные мероприятия его. Утрата доверия, обнаружившаяся более или менее осязательным образом, отнюдь не лишает кабинет права апеллировать к избирателям путем досрочного роспуска палаты. И в случае роспуска и последовавших новых выборов отрицательный вотум избирателей является для кабинета обязательным.

Ответственное министерство функционирует по формальному поручению короны, остающейся за свои действия неответственной перед народным представительством, согласно уже известному нам старинному правилу: "Король не может ошибаться". Но именно поэтому конституционный король и не может, в отличие от абсолютистского, предпринимать ни одного официального акта

[1] *Беджгот В.* Государственный строй Англии / Пер. с англ. Е. Прейс; под ред. Н. Никольского. М., 1905. С. 137.

без скрепы ("контрассигнирования") министра, политически ответственного. Так, в неизбежной связи с понятием ответственного правительства сложился в этот период принцип, определяющий положение короны: король царствует, но не управляет. Эти важнейшие основы английского парламентаризма ни тогда, ни впоследствии не были записаны ни в одном официальном акте; они явились условными — "конвенциональными" — правилами, составившими важнейшую часть английской неписаной конституции.

Важнейшие последствия реформы. Преобразование политических партий. Другим крупнейшим следствием реформы 1832 г. явилось преобразование политических партий, захватившее также и их внутреннюю организацию. По мере изменения старого, столетиями отслаивавшегося состава палаты общин и все большего пронизывания ее буржуазными элементами, по мере амальгамирования вигов и фритредеров и дальнейшего перехода вигов на позиции сторонников новых экономических отношений и нового конституционного уклада, они все охотнее отходили от своего старинного названия, весьма мало популярного в народных массах. Виги 40-х и 50-х годов были неприятны массам за то, что именно им выпадало на долю всякую назревшую реформу отграничивать так, чтобы и буржуазию удовлетворять, и дворянские привилегии спасти. Народ ненавидел в вигах оба класса — "аристократию и буржуазию, землевладельца, который его угнетает, и денежного туза, который его эксплуатирует"[1]. Неудивительно, что по мере все большего превращения вигов в политическую партию промышленного капитала, стремившегося подчинить своим интересам все классы, они все больше тяготились кличкой, отталкивавшей народ и не выражавшей, как им казалось, их нового существа. Ведь они претендовали на монополию защитников демократии, понимая под демократией воплощение притязаний промышленной и торговой буржуазии. Их вожди уже согласились было присвоить партии титул "демократической", но в это время стал кстати входить в обиход занесенный из тогдашней Испании термин "либералы". Место вигов официально заняла либеральная партия.

Необходимость перекраски, в свою очередь, постигла и тори. И они сознавали, что историческое название, утвердившееся за ними с тех времен, когда они отстаивали католическую реакцию, потеряло всякий смысл в современной обстановке и могло лишь порождать нежелательные недоразумения. И они восприняли в свою среду, особенно со времени реформы 1832 г., новые элементы в виде, хотя бы, тех вигов, которым лозунги и деятельность лидеров, вроде Рисселя, казались рискованными. И они лишились в передрягах парламентских свалок своего левого крыла, пошед-

[1] *Энгельс Ф.* Выборы и партии в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. IX. С. 8.

шего за Пилем. Но им, признанным борцам со всякими веяниями нового, защитникам старых порядков, уж совсем нетрудно было подыскать себе ярлык по вкусу, тем более, что соответствующий термин уже входил в политический язык из того же источника, что и термин "либералы". Тори превратились в консерваторов.

С течением времени либерализм и консерватизм переросли рамки простых партийных исповеданий веры и стали, особенно первый, именами мощных политических течений, окрасивших собой целую полосу развития буржуазного общества и государства.

Параллельно с переменой названий партии реорганизовали свою структуру и только с этого, в сущности, времени, становятся политическими партиями в современном смысле слова. Акт 1832 г. принес с собой систематическую регистрацию избирателей. Появились избирательные списки, без занесения в которые не было и права голоса. Право быть в списке приходилось обосновывать и защищать, и соперничающие кандидаты партий оказались кровно заинтересованными в том, чтобы помочь своим сторонникам справиться с формальностями, мешающими им попасть в список, как и в том, чтобы воспрепятствовать своим противникам добиться регистрации. Это вызвало широкое распространение постоянных местных партийных организаций, а вместе с ними зародилось новое понятие постоянного партийного членства, длительно и формально обязывавшего к поддержке в избирательной кампании кандидатов, указанных партией. Отсюда был один шаг до создания партийных организационных центров либералов и консерваторов, влияние которых шло из Лондона на всю страну. Значение этих организаций, местных и центральных, возрастало, впрочем, медленно и вполне развернулось после второй избирательной реформы[1].

Реформы центрального государственного аппарата. Установление парламентского строя и преобразование политических партий явились фундаментальными переменами в государственном порядке Англии и совершались медленно и постепенно в процессе, не чуждом временных рецидивов старого. Более частное значение имели реформы государственного аппарата структурного характера, тоже так или иначе связанные с реформой 1832 г. и составлявшие ее продолжение. На всех этих реформах лежит печать умеренности и половинчатости, отличающих все мероприятия вигийских министерств, и тем не менее эти реформы стали исходными пунктами демократического развития английских государственных учреждений.

Известная потребность, с одной стороны, обновить и упростить, а с другой стороны, расширить и укрепить государственную машину нашла свое удовлетворение в реформе ряда цент-

[1] См.: *Острогорский М.* Демократия и политические партии. Т. 1. М., 1927. С. 49 и сл.

ральных органов. Было упразднено несколько десятков должностей в составе министерства финансов ("казначейство"), должностей, имевших значение лишь в средние века, но сохранявшихся с того времени, хотя они к моменту реформы 1832 г. представляли собой чистейшие синекуры, высоко, притом, оплачиваемые. Вместо них учреждена была в 1834 г. должность главного контролера с несколькими помощниками и главного кассира (1836 г.). Значительно упрощено было военно-морское министерство ("адмиралтейство"), где в 1832 г. два раздельных управления — морское и провиантское — были соединены, и все управление морским ведомством было сосредоточено в руках коллегии лордов адмиралтейства.

Первые шаги централизации. В годы, последовавшие за реформой 1832 г., происходил, как известно, необычайно быстрый рост промышленности, банковского и биржевого дела, морского и внутреннего транспорта, быстро росли фабрично-заводские центры, увеличивалось население городов. Перед администрацией неизбежно вставали все новые вопросы управления, для разрешения которых перестраивалась старая и создавалась новая система центрального и местного управления. Старое отвращение англичан к континентальной системе административной централизации, трудно искоренимые традиции и навыки старого помещичьего самоуправления и городской общинной автономии неминуемо должны были с течением времени уступить перед возросшей потребностью в регулировании все усложнявшихся общественных отношений. Новые запросы со стороны городского благоустройства, общественной санитарии и гигиены, народного просвещения, поддержания общественного порядка и безопасности ("королевский мир"), а главное — быстрый рост численности рабочего класса, обострение классовой борьбы, моментами угрожавшей открытой революцией, новые формы проявления борьбы пролетариата, — все это сказывалось развитием и усилением государственного аппарата, созданием новых ведомств, реорганизацией старых.

Тридцатилетний период между первой и второй избирательными реформами есть период значительного расширения и оживления деятельности центральной администрации.

Министерство внутренних дел. В это время выдвигается на подобающее место министерство внутренних дел ("государственный секретариат внутренних дел"), усиливается его контроль над местным самоуправлением по распоряжению полицейскими силами, переходит (с 1829 г.) в его непосредственное ведение реорганизованная лондонская полиция. Неуклонно (начиная с закона 1835 г.) расширяются права и обязанности его по отношению к тюрьмам, что вместе с его растущим влиянием по отношению к мировой юстиции постепенно превращает министерство внутренних дел, по существу, в "министерство уголовной юстиции".

Министерство торговли. Характерно, конечно, для своеобразного развития английской экономики, что министерство торговли ("Главное управление торговли") до самого 1840 г. сохраняло чисто совещательный характер. Но в этом году оно приобрело функции административного надзора над железными дорогами, и с тех пор оно стало расти как административное ведомство. Но рост этот совершался, однако, весьма замедленно по сравнению с другими ведомствами.

Управление народным образованием. В 1839 г. учрежден был комитет тайного совета для распоряжения суммами, ассигнуемыми на народное образование (весьма, впрочем, скромными — всего 30 тысяч фунтов стерлингов в год). С этого момента государственное вмешательство в область народного образования, до 1833 г. согласно неизменным принципам либералов, целиком предоставленную частной инициативе и общественной благотворительности, увеличивается, но настолько нерешительно и медленно, что лишь в 1899 г. вполне оформилось "Главное управление образованием".

Здравоохранение. Еще меньше посчастливилось администрации здравоохранения. "Управление народного здравия", возникшее в 1848 г., упразднено было уже в 1858 г., и его функции по надзору за соответственной деятельностью органов местного самоуправления перешли к министерству внутренних дел, чтобы в 1871 г., в свою очередь, перейти от него к вновь учрежденному "Главному управлению по делам местного управления".

Реформа городского самоуправления. Наконец, в 1835 г. проведено было значительное преобразование в местном самоуправлении, коснувшееся, впрочем, лишь городов, тогда как графства и приходы, как единицы местного самоуправления, оставлены были в прежнем совершенно неудовлетворительном состоянии.

Самоуправление городков основывалось в то время на так называемых "корпоративных хартиях", большая часть которых датировалась XVI в. Под именем "муниципальной корпорации" в городе действовал, в качестве местной власти, кружок наследственных олигархов, совершенно безответственных по закону и по существу. Эти многочисленные местные олигархии являлись опорой и поддержкой парламентской олигархии, подорванной реформой 1832 г. "Легко представить себе, как чудовищно расточительно, дорого и бесплодно должно быть такое коммунальное управление, и как мало способно было подобное устройство хотя бы в минимальной мере удовлетворить растущие запросы по обеспечению здоровья и облегчению жизни массы населения, скопившейся в городах, благодаря развитию крупной промышленности"[1].

[1] *Редлих И.* Английское местное управление. Изложение внутреннего управления Англии в его историческом развитии и современном состоянии / Пер. с нем. Ф. Эльяшевич; со вступит. ст. П. Г. Виноградова. СПб., 1907. Т. 1. С. 172.

Реформой 1835 г. созданы были "советы городов" в составе советников, избиравшихся налогоплательщиками прямым и равным голосованием, и олдерменов по выбору советников (в количестве $^1/_3$ советников).

Совет города управляет городским имуществом, заведует полицией, издает постановления для охраны порядка. С тех пор в структуре органов городского самоуправления почти ничего не изменилось и до нашего времени. Перемены, и весьма значительные, шли лишь по линии создания новых отношений между советами и центральной властью путем все большего расширения контроля со стороны последней.

Положение в графствах и приходах. Что же касается внегородского самоуправления, то в графствах до самого 1888 г., а в приходах даже до 1894 г., не было, в сущности, никакого самоуправления в общепринятом смысле слова, а царило самоуправство мирового судьи в графстве и помещика ("сквайра") в приходе.

Мировой судья, назначаемый короной из местных землевладельцев по указанию лорда-канцлера (священники могли совмещать эту должность со своими церковными обязанностями), являлся, в сущности, преемником феодального сеньора, который по "праву" владения землей и судил и управлял.

Мировые судьи отправляли правосудие на основе полномочий, установленных еще в XVI в., а административные отрасли стали переходить к ним же в руки с более даже отдаленных времен путем бесчисленных статутов.

Невежество и самодурство иного дикого помещика в должности судьи были общеизвестны, но непреклонная жестокость, с какой помещики эти применяли законы о бедных или охотничье и лесное законодательство, и безоговорочная готовность, с какой они в споре богатства и бедности становились на сторону богатства, вызывали полное одобрение имущих классов и стяжали мировым судьям славу образцовых администраторов и столпов общества.

Мировым судьям, совмещавшим в графствах судебные и административные функции, соответствовали в деревнях приходские священники, тоже происходившие большей частью из местных дворян ("младшие сыновья") и соединявшие в своих руках церковное и гражданское управление. Священник ("клерджимен") официально и местный помещик ("сквайр") неофициально стояли во главе церковно-приходского совета ("вестры"), заведовавшего, помимо церковных дел, и санитарией, и податной частью, и дорогами, и так называемым призрением бедных, которое было скорее организованным презрением к бедным и издевательством над ними.

Местных чиновников, платных, назначаемых по континентальному образцу центральной властью и зависящих от нее, в графствах и приходах не было. Должности шерифа, считавшегося исполнителем распоряжений центрального правительства, и

лорд-лейтенанта — начальника гражданского ополчения ("милиции"), замещавшиеся также из крупнейших помещиков графства, уже в XVIII в. имели чисто почетный характер.

Нетрудно видеть, что английская децентрализация представляла в тот период довольно своеобразное явление. То, что здесь называлось самоуправлением "self government", было в действительности не самоуправлением, а управлением местной аристократии.

Прибавить надо, что, как мы видели, до 1832 г. точно так же обстояло дело и с центральным управлением, на которое в Англии тоже распространялось понятие самоуправления. Реформа 1832 г. проделала в этой системе первую брешь, которая лишь очень медленно расползалась из центра к периферии.

Первая волна чартизма. Реформа 1832 г. ни в малой степени не могла удовлетворить трудящиеся массы Англии. Они невероятно страдали от непрекращающихся промышленных кризисов, они задыхались в тисках нищеты и болезней, безработица грозила голодной смертью, непосильный труд в жестоких условиях был медленным самоубийством. Брошенные большинством радикалов, удовлетворенных реформой 1832 г., рабочие естественно пришли к мысли о необходимости самим продолжать политическую борьбу, добиться нового расширения избирательного права и заставить парламент обратить внимание на общественные бедствия. На требования дальнейшей избирательной реформы, особенно усилившиеся после воцарения Виктории, Джон Рессель — глава либерального правительства — ответил, что реформа 1832 г. является окончательной. В 1836 г. наиболее активная часть рабочего класса пришла к мысли формулировать свои требования в парламентской петиции и действовать в ее пользу манифестациями, демонстрациями и митингами, на которых нередко произносились речи, направленные против трона, церкви и всех классовых различий[1].

"Национальная петиция" была опубликована в 1838 г. в форме билля и получила название народной хартии (чартер). По свидетельству Энгельса, она не содержала в себе ничего, кроме "*требования всеобщего избирательного права* и тех условий, которые необходимы для того, чтобы всеобщее избирательное право не стало иллюзорным для рабочего класса; этими условиями являются, например: тайное голосование, оклады для членов парламента, ежегодные выборы"[2]. Но в то время все думали, что всеобщее избирательное право прямо вручит рабочему классу Англии политическое господство. И этим объясняется великий эн-

[1] *Джефсон Г.* Платформа, ее возникновение и развитие. История публичных митингов в Англии / Пер. с англ. Н. Н. Мордвиновой; под ред. В. Ф. Дерюжинского. СПб., 1901. Т. 2. С. 218.

[2] *Энгельс Ф.* Чартисты // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. IX. С. 11.

тузиазм, владевший чартистами, и этим же диктовалась беспощадная борьба правительства с чартистами.

Первая национальная петиция, под которой подписалось свыше 1 280 000 человек, была представлена парламенту в 1839 г. Она была, конечно, отклонена, что сопровождалось резким усилением репрессий.

Продолжение и конец чартистского движения. Вторая волна чартизма поднялась в связи с парламентскими выборами 1841 г. В 1842 г. новая национальная петиция, собравшая свыше трех с половиной миллионов подписей, была передана в парламент, который опять отверг ее. В третий раз чартисты шли на штурм парламента в революционной атмосфере, охватившей Европу. Но именно "французская революция 1848 г. спасла английскую буржуазию. Социалистические лозунги победоносных французских рабочих напугали английскую мелкую буржуазию и внесли дезорганизацию в движение английских рабочих, протекавшее в более узких рамках, но имевшее непосредственно более практический характер"[1]. Немалое значение имела и отмена хлебных законов 1846 г., со своей стороны ослабившая натиск многих либеральных попутчиков пролетариата и дезориентировавшая некоторую часть последнего. Третья петиция (10 апреля 1848 г.) произвела уже совсем мало впечатления на парламент.

Конечно, такие бурные массовые движения, как чартистское, никогда не проходят безрезультатно. Действие чартизма внимательный наблюдатель вскрывает еще очень долго после того, как чартизм замер.

Но на рабочее движение ближайших лет неудача чартизма имела весьма отрицательное влияние. "Фиаско чартистской партии, вожди которой были заключены в тюрьмы и организация которой была разрушена, поколебало доверие рабочего класса Англии к своим силам"[2].

Упадок революционного движения. Рядом с этим все чувствительнее сказывалось победоносное шествие английской промышленности по всему миру, позволившее буржуазии начать широкий подкуп верхов рабочего класса за счет прибылей от эксплуатации внешних рынков. Самостоятельность английского рабочего класса была на определенный период уничтожена, и рабочее движение в Англии направлено было в русло легальной борьбы за чисто экономические требования, проводимой чисто экономическими организациями. С нескрываемой горечью писал Энгельс в 1858 г., что "английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта наиболее буржуазная из всех

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к книге "Положение рабочего класса в Англии" // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 2. С. 269.

[2] *Маркс К.* Капитал. М.—Л., 1923. Т. 1. С. 258.

наций, по-видимому, хочет, в конце концов, иметь, *наряду* с буржуазией, буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат"[1].

Именно в этот период сложилась в общих чертах центральная организация тред-юнионов — профессиональных рабочих союзов, объединявших хорошо оплачиваемые квалифицированные верхи рабочего класса.

Борьба за новую избирательную реформу. Но тред-юнионам приходилось существовать и бороться в обстановке полусвобод. Закон 1825 г. признавал свободу союзов лишь с большими оговорками и ограничениями, делавшими практически невозможными стачки.

Хотя совет тред-юнионов не хотел политической борьбы и не имел никакой политической программы, он, однако, под усиливающимся давлением рабочих масс вынужден был допустить участие рабочих организаций в борьбе за новую избирательную реформу. Чартистское движение, замершее в начале 50-х годов, еще долго после этого было, в сущности, огнем, тлевшим под грудой пепла. И когда десять лет спустя радикальное крыло либералов начало агитацию за новую избирательную реформу, рабочие массы приняли в ней живейшее участие, обеспечившее успех. Теперь никто не ждал господства трудящихся от всеобщего голосования, никто и не требовал всеобщего голосования, теперь стремились к ограниченной конкретной цели: расширением избирательного права, увеличением числа рабочих-избирателей тред-юнионы надеялись приобрести такое влияние на палату общин, при котором станет возможным расширение экономической борьбы с предпринимателями. Но энергия, с какой рабочие брались за дело, подозрительно напоминала бури 1838—1848 гг. Грандиозные митинги следовали один за другим. Были случаи, когда громадные толпы в ожесточенных столкновениях с полицией становились на время хозяевами улицы.

Здравое чувство действительности и на этот раз подсказало английской буржуазии, что предоставление избирательного права наиболее обеспеченной в материальном отношении части рабочего класса усилит симпатии этой части к руководящей буржуазии. Русло борьбы труда с капиталом, быть может, и расширится, но это будет все тот же традиционный путь английской законности и порядка, нисколько не грозящий основам капиталистического господства. Это-то и сделало правительство доступным голосу благоразумия.

Недостаточность реформы 1832 г. была слишком очевидна. Она допускала к урнам владельцев недвижимости с доходностью не ниже 10 фунтов стерлингов в год. Неуклюжую произвольность этой нормы теперь невозможно было защищать. Почему, спрашивали,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXII. С. 360.

10, а не 7? "Какая сила благодати политической скрывается в цифре 10?"[1] И что, собственно, дала реформа 1832 г.? Число избирателей было ничтожно. "Куда бы вы ни направились, — доказывал Брайт, — как в Великобритании, так и в Ирландии, всюду вы увидите, что на 6 человек 5 не имеют права голоса"[2]. Равномерности представительства не было никакой. Большие промышленные города все еще оказывались приравненными к ничтожным захолустьям. Ливерпуль с 400 тысячами населения посылал 2 депутатов и какой-нибудь Тетфорд с 4 тысячами населения — столько же.

Парламентское прохождение реформы представляло удивительную картину соревнования консерваторов и либералов, демагогически оспаривавших друг у друга инициативу осуществления реформы. Член либерального министерства 1866 г. бывший пилит Гладстон предложил проект, никого не удовлетворивший и отколовший от либеральной партии ее правое крыло ("адуламитов"). Это погубило либеральный кабинет. Сменивший его консервативный кабинет, фактическим главой которого оказался Дизраэли, был явно устрашен народным возбуждением и видел необходимость уступок. Дизраэли предложил свой проект, который сильная либеральная партия нашла недостаточно широким, хотя он был левее гладстоновского. Опасаясь поражения, Дизраэли поспешил выдвинуть новый проект. Гладстон подверг и его уничтожающей критике. Дизраэли вновь уступил. Радикальная часть либералов выдвинула новые требования. Дизраэли неожиданно для всех и с ними согласился.

Новое избирательное право. Избирательный закон 1867 г. установил годовую доходность недвижимости в графствах, дающую право голоса, в 5 фунтов стерлингов (вместо прежних 10) и, что было важнее, дал избирательное право нанимателям или владельцам помещений с доходностью не ниже 12 фунтов стерлингов.

Изменения в правах жителей городов были гораздо значительнее. Здесь право голоса получили: во-первых, все занимающие жилье, обложенное сбором в пользу бедных, и, во-вторых, все, уплачивающие за свое жилье не менее 10 фунтов стерлингов в год наемной платы. Из этих двух условий второе имело какое-либо значение разве что только в Лондоне. Первое же сразу расширило круг избирателей очень и очень значительно и именно благодаря оговорке о том, что непосредственным плательщиком налогов в пользу бедных считается и тот, кто этот налог, как это и бывало со всеми многочисленными нанимателями небольших квартир, вносит не сам, а через своего домовладельца, который до сих пор рассматривался властями как единственный

[1] *Острогорский М.* Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. Пг., 1916. С. 18.

[2] *Джефсон Г.* Указ. соч. С. 432.

налогоплательщик. Теперь в избирательные списки попадали не одни эти домовладельцы, но и все их жильцы. Получившееся, таким образом, расширение избирательных списков за счет мелкой буржуазии, ремесленников и рабочих было особенно велико в новых больших промышленных городах. В этом и состояла поправка, предложенная радикалами и столь неожиданно принятая вождем консервативной партии к их немалому неудовольствию.

Либералы и доныне не простили консерваторам этого шага. Они называют его "прыжком в темноту", продиктованным оппортунизмом и цинизмом политики консерваторов, тогда как будто бы "либеральная политика, по временам, правда, не без колебаний и без энтузиазма, всегда покоилась на твердых принципах"[1].

Как бы то ни было, *общее число избирателей увеличилось больше чем на миллион.* И хотя городского населения числилось на два миллиона меньше, чем населения графств, города получили в полтора раза больше избирателей, чем графства. Этот "незаконный" перевес парировался, однако, совершенно непропорциональным распределением мандатов: 4 миллиона населения больших городов выбирали всего только 34 депутатов в парламент из 334 депутатов, выбираемых городами и местечками вообще[2].

Этой же реформой 53 местечка были лишены самостоятельного представительства в парламенте, а освободившиеся мандаты были переданы графствам и городам.

Действительное значение реформы 1867 г. По господствовавшему в то время общему мнению, реформа 1867 г., открыв дорогу к урнам значительной части промышленных рабочих, превратила Англию в демократию, хотя в руководящих кругах тогда и потом принято было тщательно избегать этого термина в приложении к Англии. Несмотря, однако, на подобную оценку акта 1867 г., никто не испытывал такого страха перед ближайшими последствиями реформы, как в 1832 г. Имевшийся опыт наблюдения над настроениями пролетариата и учет всех партийных взаимоотношений и всей расстановки классовых сил страны показывали, что одно расширение избирательного права, даже и очень значительное, не может дать подчиненному классу решающее влияние на государственное управление вообще и на парламент в частности. Никто не сомневался, что палата общин останется в руках господствующего класса. За это ручался уже установившийся всесильный механизм двух больших партий буржуазии, отсутствие политической партии пролетариата, искусственное распределение депутатских мест, наконец, комбинированная сила денег, социального влияния господствующих классов и давления государ-

[1] *Samuel H.* Liberalism. L., 1906. P. XI.

[2] *Keir D. L.* The constitutionalle history of modern Britain. 1485—1937. L., 1938. P. 416.

ственного аппарата на выборах. Во всяком случае, добиться избрания в парламент можно было лишь при непременной поддержке одной из партий: и избирательный закон, и избирательные нравы требовали от кандидата в палату общин громадных материальных затрат. К тому же, хотя еще в 1856 г. был отменен крупный земельный ценз, установленный в начале XVIII в., как условие избираемости, депутаты все еще не получали жалования, и уже это делало депутатскую должность привилегией богачей.

Реформа 1867 г. подытоживала тридцатилетний путь развития английского конституционализма. Но развитие это означало лишь дальнейший рост реальной политической власти промышленного капитала. Массы же были столь далеки от контроля над государственным управлением и от политики, как и в начале XIX в.

§ 4. Британская колониальная империя

Отношение к колониям. В промежуток времени между двумя парламентскими реформами происходит процесс значительного развития и реорганизации британской колониальной империи. Завоевательных шагов на путях внешней экспансии в этот период наблюдается мало, и вся энергия направлена на внутреннюю консолидацию империи и на урегулирование новых отношений между метрополией и колониями, отношений, перестраивавшихся в соответствии с принципом свободной торговли.

Известно, сколь велика была роль колоний в мануфактурный период в XVII—XVIII вв. Вооруженный захват новых земель отдавал их во власть купцу ("торговля следует за флагом"), а торговая гегемония обеспечивала в мануфактурный период и промышленное преобладание[1]. В XVII—XVIII вв. Англия в борьбе с испанцами, голландцами и французами сколотила широкую основу колониальной империи, раскинувшейся во всех частях света.

Колонии явились важнейшим источником экономического первенства Англии, одной из важнейших основ ее капиталистического развития. Беря у них очень много, Англия давала им очень мало. В конце XVIII в. эгоистическая политика Англии по отношению к ее североамериканским владениям привела к их возмущению и отпаду.

Нельзя сказать, что английская буржуазия не извлекла из этого важного факта никаких уроков. Пользуясь тем, что почти до середины XIX в. всесторонняя зависимость колоний от метрополии все усиливается, имперская политика, прикрываясь новым принципом фритредерства и либерализма, могла свернуть на некоторое время и без особого риска на путь видимого ослабления

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. С. 747.

не экономических, а политических уз, приковывавших колонии к метрополии.

По мере упрочения промышленной монополии Англии и превращения ее в "мировую фабрику", с которой никакая страна не осмеливалась соперничать на мировом рынке, Англия оказалась заинтересованной единственно в том, чтобы распространить и на колонии все тот же чудодейственный принцип свободной торговли. В этом случае колонии в качестве рынков сырья и сбыта попадали в такое же подчинение к промышленной монополистке, как и всякая другая страна, не отгороженная протекционистскими тарифами. Но этого можно было достигнуть и иными формами колониальной политики, которые, не требуя больших затрат, не вызывали бы и повышения налогов и, не осложняясь крупными военными столкновениями, не нарушали бы мирное течение торговых операций. Отсюда странное, на первый взгляд, охлаждение к колониям, охватившее англичан в период между двумя парламентскими реформами. Радикал Кобден выражал, конечно, мнение очень могущественных кругов, когда требовал полного отказа Великобритании от колоний. Консерватор Пиль многозначительно заявлял, что "во всякой нашей колонии мы получаем вторую Ирландию"[1], т. е. кровавую арену нескончаемой и жестокой борьбы. В 1852 г. ему драматически вторит сам Дизраэли: "Колонии, это — мельничные жернова на нашей шее". Так "в эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840—1860 гг., руководящие буржуазные политики ее были *против* колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом"[2].

Около этого времени Милль создает программу внутриимперских политических отношений в духе "просвещенного либерализма": справедливость и мораль требуют, чтобы колониям предоставлено было право изменения своих конституций, право свободного создания представительных учреждений и собственной исполнительной власти. Полный же разрыв с метрополией нежелателен, ибо возникает опасность поглощения колоний какой-либо иностранной державой[3].

И действительно, в рассматриваемый период кое-что из этих планов и пожеланий было реализовано в отношении ряда колоний. В это время положено было начало формированию нового типа колоний — доминионов, которым предстояло широкое будущее.

---

[1] См.: *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма / Пер. с нем. И. И. Степанова-Скворцова. М., 1924. С. 354.

[2] *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Сочинения. 3-е изд. Л., 1935. Т. XIX. С. 133. (Далее ссылки на указанное издание.)

[3] *Миллъ Дж. С.* Представительное правление / Пер. с англ.; под ред. Р. И. Сементковского. СПб., 1907. С. 259—306.

Положение Ирландии в первой половине XIX в. Но ни фритредерство, ни либерализм не могли улучшить положения Ирландии. Напротив, положение это все ухудшалось.

В 1800 г. Ирландия была "объединена" с Великобританией. Некоторые данные позволяют утверждать, что члены ирландского парламента, голосовавшие за это объединение, были подкуплены. Союз ("юнион") открыл новую эру страданий ирландского народа. Реформа 1832 г. ничего не дала Ирландии. Отмена религиозных ограничений, закрывавших ирландцам, исповедовавшим в громадном большинстве католическую религию, доступ в палату общин и к государственным должностям вообще, еще долгое время оказывалась чисто бумажной мерой. Английский историк права не может не признать, что "долго спустя после 1829 г. протестанты широко монополизировали и административные, и судейские, и центральные, и местные должности"[1]. До самого 1846 г., когда сделана была ничтожная попытка расширить участие католиков в местном самоуправлении, число католиков, обладавших правом избирать в муниципальные органы, не превышало 200 человек.

Тем не менее освободительное движение ирландцев, хотя и очень оживленное, отличалось в тот период почти исключительно мирными формами. Оно попало в руки О' Коннеля, который надеялся средствами мирной агитации добыть автономию Ирландии. Он придавал большое значение парламентской деятельности и в палате общин являлся вождем группы ирландских депутатов, поддерживавших вигов в их столкновениях с тори, но достиг этим путем лишь нескольких не особенно значительных реформ вроде отмены налога с католиков-ирландцев, взыскивавшегося в пользу английского духовенства Ирландии (1838 г.).

Лишь после голода 1846 г., уничтожившего в Ирландии свыше миллиона бедняков, возникла партия "Молодой Ирландии", провозгласившая своей целью революционное восстание для завоевания независимости Ирландии. Английское правительство ответило жестокими репрессиями, которыми ирландское политическое движение было оттеснено в глубокое подполье.

Ирландские реформы Гладстона. Так продолжалось довольно долго, пока в 60-х годах сигнал к возобновлению борьбы не был дан из Соединенных Штатов, где изгнанники-ирландцы образовали тайное революционное общество "фениев", завязавшее оживленные сношения с ирландскими революционерами в Ирландии и вступившее на путь террористических актов в Ирландии и в самой Англии. Чтобы ослабить освободительное движение в Ирландии, Гладстон — глава либерального кабинета, образовавшегося в результате блестящей победы либералов на выборах 1868 г., — провел реформу положения церквей в этой стране. Реформа

[1] *Keir D. L.* Op. cit. P. 439.

официально уравняла католическую церковь с англиканской и пресвитерианской и должна была, как не трудно догадаться, дав некоторое удовлетворение ирландской буржуазии, лишить вместе с тем ирландских революционеров сочувствия католического духовенства Ирландии. Такое же значение придавалось земельному закону 1870 г., который клонился, по видимости, к ограничению прав ирландских помещиков сгонять крестьян-арендаторов с земли по собственному произволу, но который практически лишь несколько облегчал положение более зажиточных крестьян, оставив наименее обеспеченных в той же безусловной зависимости от помещика.

А наряду с этим Гладстон вел в Ирландии жестокую борьбу с революционерами испытанными приемами исключительных законов, вполне легализовав разнузданную ярость полиции и судов. По сути дела, Ирландия оставалась в осадном положении даже и тогда, когда фенианское движение почти прекратилось и страна была "умиротворена".

Канада. Положение заморских владений Англии было несколько иное. Крупное английское землевладение далеко не так глубоко, конечно, было заинтересовано в Канаде или Австралии, как в Ирландии. Поэтому по отношению к другим колониям с белым населением либерализм фритредерства мог проявляться гораздо более свободно, и среди этих колоний Канада сразу оказалась в наиболее благоприятном положении. Тяжелый урок, полученный метрополией от ее североамериканских владений в конце XVIII в., научил ее осмотрительности и благоразумию в обращении с оставшимися в ее власти американскими колониями. К тому же, сюда, в Нижнюю и Верхнюю Канаду, в морские провинции (Новая Шотландия, Новый Брунсвик) переселилось много обитателей из Новой Англии и Виргинии, недовольных отложением этих колоний и оставшихся верными королю, но тем не менее привыкших у себя к конституционным и демократическим порядкам, почти неизвестным в Канаде. Здесь права представительного собрания были существенно ограничены генерал-губернаторскими правами вето, резервации, роспуска палаты и произвольного назначения министров. Здесь было, по английской терминологии, представительное правление, но не было ответственного правительства.

В Нижней Канаде началось довольно активное движение за расширение автономии, и в 30-х годах городская буржуазия, фермеры и даже местное дворянство Квебека объединились в решительном отказе терпеть самовластие губернатора. Восстание вспыхнуло в 1837 г., его очагом была Нижняя Канада с ее преобладающим французским населением, но и некоторые слои Верхней Канады ему сочувствовали. Метрополия пошла на уступки. Направленный в Канаду лорд Даргем усмирил восстание вооруженной рукой, но этим не ограничился, а предложил лондонскому правительству проект полного самоуправления Канады с ограничением

вмешательства метрополии лишь такими вопросами, которые непосредственно затрагивают интересы империи. Он, впрочем, скоро был отозван, но проект его был в основных чертах осуществлен, правда, с медлительностью и постепенностью, столь характерной для всех прогрессивных мероприятий английского правительства. При генерал-губернаторе Канады Эльджино принцип ответственного правительства получил для Канады полное признание, оставаясь, разумеется, конвенциональным правилом и подчиняясь в разное время различным условиям классовых и партийных взаимоотношений. Властные генерал-губернаторы еще долго после этого с успехом пользовались борьбой канадских партий для того, чтобы навязывать свои решения и парламенту, и кабинету Канады.

В таком смысле немногое изменилось даже и после 1867 г.

В этом году "акт о Британской Северной Америке" представил собой конституцию этого доминиона и положил начало Канадской федерации в составе Квебека, Онтарио, Новой Шотландии и Нового Брунсвика.

Записка Даргема получила, вообще, большую популярность и сделалась теоретической основой имперской политики английского либерализма. После Канады ответственное правительство утвердилось в приморских провинциях, а в 1854 г. то же произошло в Нью-Фаундленде.

Австралия. В Австралии развитие шло медленнее. В 30-х годах, когда Канада уже подняла знамя вооруженного восстания, австралийские колонии все еще управлялись отставными адмиралами и генералами, грубыми солдатами, административные таланты которых проявлялись, главным образом, в неограниченном применении плетей и виселиц, а в конце 60-х годов в Западную Австралию все еще ссылали преступников. Новый Южный Уэльс, более других австралийских поселений приближавшийся к типу колоний с представительным правлением, лишь в 1855 г. получил целиком выборную нижнюю палату, откуда уже недалеко было до ответственного правительства. На этот же путь в течение ближайших лет вступили Тасмания, Южная Австралия и Виктория (Западная Австралия лишь с 1890 г.). В Новой Зеландии представительное правление утвердилось в 1852 г. и почти тут же признано было ответственное правительство.

Для Канады, Австралии и Новой Зеландии имел большое значение акт 1865 г. "О действительности колониальных законов", твердо определивший компетенцию колониальных легислатур. Он установил, что действительность их актов может быть оспариваема лишь в том случае, если они противоречат имперскому акту, прямо относящемуся к соответствующей колонии. Так был сделан важный шаг по пути распределения компетенции между метрополией и колониями.

Южная Африка. Конституционное развитие Южной Африки двигалось вперед с более заметными затруднениями. В Кэплэнде,

перешедшем, как мы уже знаем, к Англии в 1815 г., недовольство буров-голландцев (основной массы белого населения) английским владычеством все увеличивалось. Местные рабовладельцы к тому же были возмущены упразднением рабства (1834 г.). В 1835 г. большинство буров, подвижных и воинственных, организованно покинули Кэплэнд и перешли в Наталь. Здесь англичане, однако, не оставили их в покое, и в 1843 г. Наталь после неудачного вооруженного сопротивления буров был присоединен к Кэплэнду. Несколько лет спустя буры ушли отсюда за реку Оранжевую и основали здесь республику того же имени. Почти вслед за ними (1848 г.) пришли английские отряды и покончили с независимостью и Оранжевой республики. Часть буров немедленно ушла за реку Вааль, где возникла республика Трансвааль (1849 г.). К этому времени в колониальной политике Англии происходит уже известный нам перелом. Это отразилось в Южной Африке тем, что признаны были независимость Трансвааля и автономия Оранжевой республики. В 1856 г. Наталь с его многочисленным и преобладающим негритянским населением выделен был в самостоятельную колонию.

Все эти перемены совершались на фоне беспрестанных и кровопролитных войн с негритянскими племенами, стойко сопротивлявшимися завоевателям, но страдавшими недостатком единства в своих рядах.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода из четырех основных колоний, составивших впоследствии Южно-Африканский союз, две бурские республики стояли особняком, белое население Наталя, руководимое англичанами-плантаторами, было слишком малочисленно и слишком поглощено борьбой с черными для того, чтобы вести энергичную борьбу за самоуправление, и только Кэплэнд усиленно добивался политической свободы. Он и получил ответственное правительство в 1872 г.

Положение других колоний. Но за пределами Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки конституционные формы почти не находили себе применения. Там, где коренное местное население — негры, малайцы, индусы и т. п. — составляло основную массу или, во всяком случае, численно преобладало над белыми, там принципы либерализма отказывались действовать. В Вест-Индии, например, с ее непокорным цветным населением и белыми плантаторами, эксплуатировавшими его, развитие шло даже вспять, и Ямайка, имевшая с XVII в. конституцию и выборную легислатуру, потеряла все это в 1865 г. после подавления восстания негров. К тому времени из колоний, основанных в XVII в., только Барбадос, Бермудские и Багамские острова еще сохраняли представительное правление.

Положение Индии в первой половине XIX в. Среди заморских колоний, эксплуатируемых без всяких конституционных прикрас,

Индии принадлежало первое место. С начала XIX в. территориальные захваты Ост-Индской компании все расширялись, и британские владения в Индии, составлявшие в 1814 г. 480 тыс. кв. миль, в 1856 г. доведены до 987 тыс. кв. миль[1]. Вплоть до середины XIX в. Индия управлялась на основе акта 1784 г. В 1833 г. после того, как Ост-Индская компания лишена была своей торговой монополии, генерал-губернатор Бенгалии стал генерал-губернатором Индии. Корона все более подчиняла себе Ост-Индскую компанию, прибылям которой в Англии давно завидовали. Назревала потребность приобщить к наживе за счет Индии более широкие слои буржуазии при прямом посредстве государства, что должно было обходиться Индии еще дороже. И вот в 1858 г., после восстания сипаев, компания была ликвидирована, и Индия перешла под непосредственное управление короны. Но хотя создано было министерство по делам Индии с совещательным, по статуту 1869 г., советом при нем, все управление Индией находилось в руках генерал-губернатора при весьма проблематическом контроле кабинета и парламента. Провинции, на которые разделена была страна, имели (не все) "законодательные" советы, которые считались всего лишь как бы филиалами центрального совета, состоявшего при генерал-губернаторе и имевшего, в свою очередь, только совещательный характер.

Громадная страна находилась под личной диктатурой генерал-губернатора, который недаром именовался неофициально вице-королем.

§ 5. Гражданское право

Оформление английского гражданского права и его основные черты. Английское гражданское право, в тех основных чертах, которые существуют и до настоящего времени, сложилось еще в XVII—XVIII вв. и носит на себе черты революции XVII в. Как мы уже знаем, революция эта привела к компромиссу между дворянами-землевладельцами и буржуазией. Ввиду этого дореволюционное английское право не было отменено и не было заменено новым правом, так что характерной чертой английского гражданского права является преемственность дореволюционного и послереволюционного права. "В Англии преемственная связь между дореволюционными и послереволюционными учреждениями и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в преемственности судебных прецедентов, равно как в почтительном сохранении феодальных юридических

[1] *Бошам.* Английский империализм в Индии / Пер. с англ. Б. Жуховецкого. М., 1935. С. 20.

форм"[1]. Но, конечно, английское право не могло удержать после революции свое прежнее феодальное содержание. Развитие торговли, в частности с колониями, и быстрый рост промышленности вызывали необходимость в выработке институтов буржуазного права, и Англия даже значительно обогнала континентальные страны, например, в таких сложных институтах буржуазного права, как право на изобретения (закон 1632 г.) и авторское право (закон 1709 г.). Энгельс указывает, что в Англии, сообразно со всем ходом ее национального развития, оказалось возможным "удержать большую часть форм старого феодального права, вместив в них буржуазное содержание и даже прямо придав буржуазный смысл феодальному имени"[2].

Эти указания содержат основную характеристику английского гражданского права. Это право возникло еще в период феодализма, но с течением времени получает все новое и новое содержание и на протяжении последних столетий в ряде своих институтов (в частности, институтов договорного права) становится буржуазным правом: устанавливает формальное равенство, свободу предпринимательства, свободу вступления в договоры и установления содержания договоров. И вместе с тем английское гражданское право более последовательно и полно выражает отношения буржуазного общества, чем, например, германское право. Энгельс указывает, что "английский юрист стоит на почве исторического развития права, ...которому не известно полицейское государство, в зародыше задушенное двумя революциями XVII в., и это правовое развитие нашло свое высшее осуществление в двух столетиях непрерывного развития гражданской свободы"[3].

Буржуазное содержание английского права умещается в архаичные формы. "Английское право продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография — английскому произношению"[4].

Но эта архаичность внешности не должна вводить нас в заблуждение: английский судья и до настоящего времени носит парик и средневековую мантию, но выражает буржуазные интересы и выносит чисто буржуазные по своему содержанию решения. Буржуазия вообще дорожит архаизмом форм: этот архаизм внушает мысль о незыблемости и неизменности права и тем укрепляет существующий строй. Но ни в одном государстве этот архаизм не поддерживается так твердо, как в Англии.

---

[1] *Энгельс Ф.* Об историческом материализме. Л., 1939. С. 20.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XIV. С. 672.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 503.
[4] *Энгельс Ф.* Об историческом материализме. С. 20—21.

Далее следует отметить, что английское право развивалось в значительной степени самостоятельно. Особенности истории Англии, раннее развитие ее промышленности и торговли, известная обособленность Англии привели к тому, что в течение ряда веков английские юристы и суды вырабатывали правовые формулы, не испытывая на себе значительного влияния законодательства других стран; конечно, на образование английского права имело влияние римское право. Но приспособление римского права к потребностям современности шло в Англии самостоятельно, и английское право в меньшей степени отразило влияние римского права, чем, например, французское или германское. Поэтому и континентальная юридическая доктрина (в частности, пандектная) мало отразилась на английском праве. Эти обстоятельства привели к своеобразной постановке в английском праве ряда институтов, в своих деталях имеющих мало общего с соответствующими континентальными институтами. Конечно, основы английского гражданского права те же, как и в других странах: неограниченная частная собственность, формальное равенство, свобода договора. Но английскому праву свойственны особая юридическая систематика, особая терминология, наличие ряда институтов, не встречающихся в других странах.

Наконец, необходимо указать, что в развитии английского права особую роль играла деятельность судей и вообще юристов. Институты английского права в значительной степени формулировались не законом, а судебными решениями, мнениями судей, которые являлись основными теоретиками английского права и даже провозгласили себя, как увидим далее, единственными выразителями обычного права. Ни в одной другой стране судебная практика не играла и не играет такой роли, как в Англии, и это дает английскому праву особую гибкость и приспособляемость к требованиям современности.

Источники английского гражданского права. Основными источниками английского гражданского права являются: а) "общее право", б) "справедливость", г) статутное право.

а) *"Общее право" (Common Law)* является обычным правом, т. е. неписаным правом, живущим якобы в сознании народа. Судьи являются выразителями этого "общего права"; оно выявляется в судебных решениях. Таким образом, судебное решение является средством познания "общего права", и получают, следовательно, важное значение прежние решения авторитетных судей, так называемые судебные прецеденты. В ряде случаев эти прецеденты имеют руководящее значение при разрешении в дальнейшем аналогичных дел. Судебное решение признается не просто мнением судьи, а выражением якобы существующего независимо от судьи обычного права.

"Общее право" начало складываться еще в XIV в. Решения высшего суда в Лондоне стали приобретать значение единого для

всей Англии права. С тех пор прецеденты умножаются, захватывают все более широкий круг отношений и Common Law становится целой системой права. Но следует отметить, что "общее право" не имеет для судьи безусловно обязательной силы. В некоторых случаях судья может отклониться от прецедентов и вынести новое по своему содержанию решение. Это обстоятельство и дает Common Law ту гибкость, о которой мы уже говорили выше. Сложившееся на протяжении ряда столетий "общее право" является результатом огромной работы многочисленных судей, стремящихся сочетать "незыблемость" права с потребностями текущей жизни. Вместе с тем, возможность свободного обращения судьи с прецедентами придает Common Law характер некоторой неопределенности: от судьи зависит избрать тот или другой из множества имеющихся прецедентов и истолковать прецедент. Энгельс указывает, что английское обычное право "в главнейших своих статьях неопределенно и сомнительно"[1].

"Общее право" было проникнуто строгим формализмом. Оно выработало определенные исковые формулы, и в этом имеется некоторое внешнее сходство формализма английского права с формализмом римского права классического периода, которое также являлось совокупностью исков. Если то или иное притязание еще не нашло для себя определенной формулы, то оно не могло получить защиту на основании "общего права", и от этого страдали интересы развивающейся буржуазии. Путь к борьбе с формализмом общего права был найден в так называемой "справедливости".

б) *Справедливость (Equity).* Начиная с XIV в. лицо, не находившее себе защиты по общему праву, могло обратиться к королю (а позднее — к канцлеру) с просьбой об охране его интересов в порядке особого распоряжения. Конечно, этот путь был открыт лишь для людей с определенным общественным положением, и им, в частности, пользовалась развивающаяся буржуазия, интересы которой не всегда вмещались в рамки "общего права". Рост этой практики постепенно привел к созданию особого суда, так называемого канцлерского суда (Court of Chancery), или суда справедливости (Court of Equity). Если притязание вообще не защищалось по началам общего права, то канцлерский суд являлся единственным способом защиты интересов. Так было, например, в случае переуступки прав; "общее право" не защищало приобретателя чужого права, но буржуазия в ряде случаев была заинтересована в том, чтобы лицо могло отчуждать свое право другому лицу (например, отчуждение права требования по долгам). В других случаях канцлерский суд давал иные средства защиты, чем суды, руководствовавшиеся "общим правом", например: "общее право" не связывало с обманом недействительности договора, но такое положение противоречило "справедливости", и канцлерский

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. II. С. 387.

суд приходил на помощь потерпевшей стороне. "Справедливость" являлась в свое время прогрессивной формой права по сравнению с "общим правом", но развитие "справедливости", что характерно для Англии, происходило без ломки или прямой отмены соответственных институтов "общего права", а наоборот, с подчеркиванием почтительности к нему. Тем самым в Англии возник дуализм "общего права" и "права справедливости", выражавшийся внешне и в двух системах судов и просуществовавший до конца XIX в. Нормы "справедливости" не рассматриваются как обычное право, они приближаются скорее к нормам, основанным на конкретном усмотрении, на сознании классовой целесообразности того или другого вывода. И лишь английские судьи, с их широчайшими полномочиями, могли выработать это "право справедливости".

в) *Статутное право (Statute Law).* Статутами называются законы, принятые парламентом. С XIII в. было издано много законов, не приведенных в какую-либо систему, и между законами, изданными в различные исторические периоды, существуют многочисленные несогласованности и противоречия. Но англичане, верные своему правовому консерватизму, не склонны отменять законы: нередко они просто не применяют тех древних законов, которые не соответствуют потребностям жизни. К XIX в. более 2000 законов оставались в силе. Энгельс указывает, что "статутное право" состоит из бесконечного ряда отдельных парламентских актов, собиравшихся в течение пятисот лет, которые взаимно себе противоречат и ставят на место "правового состояния" совершенно бесправное состояние"[1].

В области гражданского права закону не принадлежала основная роль, и его значение, во всяком случае, далеко уступает значению Common Law. В Англии нет гражданского кодекса, и лишь некоторые законы касаются отдельных отраслей гражданского права, но и они не приведены в какую-либо систему[2].

Отдельные институты английского гражданского права. Мы не даем, конечно, системы английского гражданского права (это является задачей курса иностранного гражданского права), но ограничимся приведением нескольких примеров, характеризующих своеобразие английского гражданского права[3].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. II. С. 387.

[2] Большинство этих законов издано в конце XIX и начале XX в.

[3] Следует указать, что приведенные ниже данные об отдельных институтах намечают общие линии развития этих институтов в английском праве и характеризуют английское право не только в рассматриваемый период, но и в конце XIX в. и в XX в. Вообще, на протяжении последних столетий гражданско-правовые институты развивались строго постепенно, и трудно дать отдельные характеристики для различных периодов эпохи, объемлющей собой XVII—XX вв. Например, договорное право развивалось преимущественно во второй половине XIX в. и в XX в., но соответствующие институты уже начали складываться значительно раньше.

а) *Вещное право.* Английское право не знает деления вещей на недвижимые и движимые, как это имеется в континентальном праве, и оперирует иными юридическими категориями, различая: 1) "вещную собственность" (real property, real estate), куда относятся права на земельные участки, а равно документы, устанавливающие право на участки и предметы, связанные с землей, и 2) "личную собственность" (personal property, personal estate), включающую в себя прочие предметы и права. Последняя категория разделяется, в свою очередь, на два вида объектов: а) вещи, находящиеся во владении (Choses in possession) — телесные вещи (и эта группа в общем соответствует континентальному понятию движимости) и б) "иски" (Choses in action), права, не имеющие вещественного субстрата, как, например, авторское право, патентное право, права, вытекающие из договора, право на возмещение вреда, доли участия в товариществе и т. п.

Права на землю, с одной стороны, и "личная собственность" — с другой, нормируются существенно различными правилами. Юридическое положение земельных участков в течение долгого времени исходило из феодального представления, что собственность на землю принадлежит королю; а отдельные лица имеют на землю лишь ленное право. Практически, однако, это право частных лиц ничем не отличалось по своему содержанию от права собственности: оно являлось бессрочным и устанавливало возможность пользоваться участком и отчуждать его без какого-либо разрешения. Передача права на земельный участок требовала выполнения сложных формальностей. Вместе с тем наследование в земельных участках определялось существенно иными правилами, чем наследование личной собственности.

Что же касается права собственности на движимые вещи, то английское право в отношении объема прав собственника не представляет каких-либо заметных отличий от других систем буржуазного права.

б) *Договоры.* В рассматриваемый период, в связи с развитием капиталистического оборота, начинает подвергаться детальной регламентации, в порядке судебной практики, договорное право (но наиболее полного развития эти институты достигают в следующий период). Создаются правила не только об отдельных видах договоров, но и вырабатываются постепенно общие правила об обязательствах вообще и договорах. И если и в рассматриваемый период сохраняются еще внешние формы прежнего права, если и доныне английские договоры излагаются старинным языком, то по своему содержанию английское договорное право становится в ряде отношений наиболее развитым буржуазным правом, полно отражающим потребности капиталистического оборота. Требование точного определения прав и обязанностей сторон, требование от должника полного и добросовестного выполнения

им его обязательств являются характерными чертами английского договорного права. Требование четкости во взаимоотношениях сторон выражается, например, и в том, что кредитор обязан принять предложенное ему исполнение, а если он от этого откажется, то должник вправе отступиться от договора. Развиваются и подвергаются уточнению и правила о возмещении убытков, причиненных неправомерными действиями (деликтами), причем английское право в сравнительно широких размерах признает возмещение неимущественного ущерба, а равно устанавливает случаи ответственности лица, невиновно совершившего неправомерное действие.

Исторически различались два вида договоров: 1) формальные письменные договоры, снабженные печатями контрагентов; эта форма требовалась для наиболее серьезных договоров (например, устанавливающих права на недвижимости), 2) обычные договоры. Характерным отличием последних является то, что для действительности договора требуется не только соглашение сторон, но и выраженное в самом договоре основание (Consideration) принятия должником на себя обязательства. Например, в договоре купли-продажи таким основанием является для продавца получение им цены проданного предмета или обещание покупателя уплатить эту цену. Не имеет поэтому силы договор, лишенный такого основания, например обещание сделать подарок и т. п. Не требуется, однако, чтобы основание принятия обязательства было равноценно тем обязанностям, которые возлагаются на должника, почему требование основания ни в какой степени не препятствовало заключению явно невыгодных договоров, заключаемых с экономически слабой стороной, как, например, договоров найма рабочих. И в этом отношении английское право ничем не отличается от права других буржуазных стран.

Принцип защиты интересов собственников земли рельефно сказывался, например, в договоре аренды земли (играющей в Англии большую роль). Распространенными видами являлись аренда "из года в год", при которой землевладелец мог прекратить арендные отношения в конце каждого года, и аренда "по усмотрению", при которой он мог сделать это в любой момент. Такие виды аренды не давали арендатору никакой гарантии защиты его интересов. Арендная плата устанавливалась по соглашению сторон, т. е. фактически по усмотрению землевладельца, причем если арендатор по истечении договорного срока не освободит участка, то арендная плата удваивается. В случае просрочки внесения арендной платы землевладелец может взять в залог вещи арендатора. Равным образом и нормировка договора личного найма не содержала никаких гарантий соблюдения интересов нанявшегося[1].

[1] Смягчение этих правил было установлено лишь в XX в.

в) *Доверенное управление.* Характерным и получившим широкое распространение институтом английского права является доверенное управление (Trust). Одно лицо, сохраняя за собой право собственности, предоставляет имущество в заведование другого лица. Последнее не рассматривается лишь в качестве представителя собственника, но само занимает положение собственника по отношению к третьим лицам, оно управляет имуществом от своего имени и несет перед третьими лицами полную ответственность по обязательствам, связанным с данным имуществом и управлением им. Собственник же имущества имеет требование лишь к доверенному, например о предоставлении ему выгод, извлеченных из вверенного имущества. Институт доверенного управления применяется в разных случаях: муж является доверенным управителем имущества жены, банк или адвокат — имущества клиентов и т. п. Эта же юридическая конструкция была использована и при слиянии нескольких предприятий, когда управление объединенными предприятиями вверялось определенному лицу, которое управляло всеми этими предприятиями и извлекало доходы для собственников или для акционеров слившихся предприятий. Отсюда и произошло экономическое понятие "треста".

г) *Семейное право* было пронизано феодальными пережитками, лишь постепенно смягчающимися и исчезающими. Сохраняется церковная форма брака, но наряду с этим с 1836 г. существует и гражданский брак, однако эта последняя форма является факультативной. Брачующиеся, по своему выбору, могут заключить брак в церковной или в гражданской форме.

Личные отношения супругов основаны на начале главенства мужа. Мужу исстари принадлежало право "надзора" за женой и даже право "умеренного наказания" жены. В области имущественных отношений долгое время проводилось начало, что муж и жена в имущественном отношении составляют одно лицо, но лишь мужу принадлежит право управления и распоряжения супружеским имуществом. Таким образом, жена была чрезвычайно ограничена в имущественных правах, кроме права совершения сделок повседневной жизни, и лишь с 1870 г. за женой стала признаваться некоторая имущественная самостоятельность. Начало юридического поглощения личности жены личностью мужа встретилось и в других областях английского права. Долгое время признавалось, что если жена совершила деликт в присутствии мужа, то ответственным является муж. Это странное для нас правило исходило из правового закрепления приниженного положения жены, из отрицания за ней качества субъекта права.

Прекращение брака разводом было установлено лишь в 1857 г. До тех пор существовало лишь "разлучение супругов от стола и ложа". Этот старинный институт сформировался под влиянием католической церкви (отрицавшей развод) и еще существует

в ряде государств. При разлучении супругов от стола и ложа устанавливается раздельное их жительство и, до некоторой степени, раздельность их имущества; но считалось, что брак еще существует (хотя и лишен всякого содержания). Прекращение брака разводом было для мужа значительно менее трудным, чем для жены; муж мог требовать развода в случае нарушения женой супружеской верности, тогда как жена лишь в случае двоеженства мужа, совершения им кровосмешения и т. п.[1]

Дети до достижения 21 года находятся под отцовской властью; мать осуществляет родительскую власть лишь в случае отсутствия отца. Отцовская власть включает в себя далеко идущие права в отношении личности ребенка и среди них право наказания, причем это право может быть передано отцом другим лицам, например воспитателям. В области имущественной отец признается хранителем имущества детей.

Мать внебрачного ребенка только в 1845 г. получила право требовать средства на содержание ребенка от его отца, но это право было ограничено рядом сложных условий. Узаконение внебрачных детей допускается лишь в исключительных случаях, на основании парламентского акта.

д) *Наследственное право*. Характерным отличием английского наследственного права является полная свобода завещания. По словам Маркса, "...Англичане с давних времен считали нормальным не наследование без завещания, а наследование по завещанию... После революции 1688 г. были устранены ограничения, которые до тех пор в связи с семейным наследственным правом (о феодальной собственности я здесь, конечно, не говорю) налагались *по закону* на завещателя. Не подлежит сомнению, что это соответствует сущности свободной конкуренции и основанного на ней общества"[2]. Всякое лицо, достигшее 21 года, могло завещать свое имущество кому угодно, и ближайшие родственники не имели никакого права на получение какой-либо доли имущества при наличии завещания.

Что касается наследования по закону, то, как уже было указано выше, были установлены различные системы: одна — для наследования в земельной собственности, другая — для наследования в прочем имуществе (например, в денежных суммах, движимых вещах и т. п.).

Земельная собственность переходит к нисходящим, причем более близкая степень родства исключает более отдаленную. При наличии нескольких нисходящих одной степени мужчина, по общему правилу, исключает от наследования женщину, а из не-

[1] Расширение прав жены в области требования развода было произведено лишь в 1923—1925 гг.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXV. С. 393—394.

скольких наследников-мужчин старший по возрасту исключает младшего. Эти правила, закрепляющие феодальные порядки, направлены к сохранению крупного землевладения. При отсутствии нисходящих наследство переходило к ближайшему восходящему и его нисходящим, причем применяются те же правила о преимуществе мужчин и старших по возрасту.

При наследовании в прочем имуществе (т. е. не в недвижимой собственности) вдова получает треть имущества, а остальные две трети делятся поровну между детьми (а если дети умерли до открытия наследства, то между внуками и т. д.). При отсутствии нисходящих имущество переходит к более отдаленным родственникам в порядке степеней родства (и в этом случае переживший супруг получает не треть, а половину и имущество до 500 фунтов стерлингов целиком).

Преимуществ мужского пола перед женским и старших по возрасту перед младшими здесь не устанавливается[1].

Таким образом, наследование в этом имуществе, в отличие от наследования земли, не имеет никаких принципиальных отличий от наследственного права других буржуазных стран.

§ 6. Уголовное право

Основные принципы. Ко времени революции XVII в. уголовное и уголовно-процессуальное право Англии состояло, как и гражданское, частью из Common Law, т. е. обычного неписаного права, частью — из Statute Law, т. е. права статутного, содержащегося в законодательных актах. Это деление на общее и статутное сохранилось и после революции XVII в. Основные принципы уголовного права были сформулированы политическими деятелями (депутатами парламента, вождями левеллеров и др.) и философами (Бэкон, Гоббс, Локк), но в законодательном порядке принципы эти в противоположность тому, что произошло в XVIII в. во Франции, не были зафиксированы в общей форме. Революция в Англии уничтожила феодальные отношения, но сделала это не сразу, а в течение десятилетий. "Феодальные оковы были разбиты: в Англии постепенно, во Франции одним ударом"[2]. Консервативный характер английской революции, отмеченный Марксом и Энгельсом, отчетливо сказался и на уголовном праве: феодаль-

[1] Порядок законного наследования был изменен лишь в 1925 г., в частности, подверглись расширению права пережившего супруга и был ограничен круг законных наследников — наиболее отдаленными наследниками по закону являются дяди и тетки.

[2] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической философии. М., 1940. С. 41.

ные институты чрезвычайно медленно уступали в этой отрасли права свое место новым уголовно-правовым институтам. Только в середине XVIII в. систематизируется крупнейшим юристом Англии Блэкстоном английское право, в частности и уголовное право. Однако еще и в этом периоде — и даже позже — к уголовному праву Англии можно отнести слова Энгельса об Англии: "Есть ли еще одна страна в мире, где бы существовал феодализм в такой несокрушенной силе и оставался бы нетронутым не только в жизни, но и в общественном мнении"[1].

Содержание и форма права. Мы уже видели при рассмотрении гражданского права Англии своеобразие развития, состоявшее здесь в том, что новое — буржуазное — содержание было вложено в старую феодальную форму. То же следует отметить и в отношении уголовного права и процесса. В качестве примера такого сохранения феодально-правовых форм можно указать на то, что, несмотря на коренное изменение понятия тягчайшего из известных английскому уголовному праву преступления — treason (государственная измена), основным законом о treason продолжал оставаться (и остается до сих пор) "Акт об измене" 1352 г.

В особенности консервативным оказалось уголовное право Англии в вопросе о наказании, и процесс перехода от феодальных форм к буржуазным происходил в этой отрасли уголовного права с такой медленностью, что Энгельс в 1844 г., характеризуя английское уголовное право, писал: "Как известно, английский уголовный кодекс самый строгий в Европе. Еще в 1810 г. он нисколько не уступал в варварстве "Каролине": сожжение, колесование, четвертование, извлечение внутренностей из живого тела и т. д. были излюбленными видами наказания"[2]. Еще до 1783 г. смертной казни подвергался в Англии тот, кого в течение месяца видели в обществе цыган.

Консервативный характер английского уголовного права выразился и в том, что уголовное право продолжало развиваться главным образом не путем парламентских актов, а путем создания английскими судами обязательных для судебной практики судебных обычаев, причем нередко путем создания так называемых судебных прецедентов не только развивались, но изменялись и даже фактически отменялись различные положения закона. В соответствии с этим английские суды при рассмотрении уголовных дел руководствуются по преимуществу сборниками судебных протоколов (records) и судебных отчетов (reports).

Что касается статутного права, то оно продолжало оставаться некодифицированным и представляло собой сотни накопившихся в течение веков несистематизированных законов.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. II. С. 270.

[2] Там же. С. 386.

Уголовный процесс. Уголовный процесс Англии отличается тем же своеобразием, обусловленным компромиссным характером английской революции. Уголовный процесс основывался в рассматриваемый нами период (и основывается до сих пор) на Великой хартии вольностей 1215 г. и на "Habeas Corpus Act" 1679 г., хотя в эти акты было вложено впоследствии свое содержание. В рассматриваемый период складывается в Англии характерный для буржуазной демократии тип процесса. Последовательно проведенный обвинительный характер процесса, являвшегося вместе с тем процессом состязательным, составил особенность Англии. На состязательном начале было построено не только судебное следствие, но и предварительное. Большое жюри (коллегия присяжных заседателей), как специальный орган предания суду, и малое жюри, как орган, решающий дело по существу; разделение всех дел на дела с обвинительным актом и на дела суммарной юрисдикции (без постановления производящего расследование органа, без обвинительного акта и без участия присяжных заседателей), — все эти особенности английского процесса в дальнейшем развиваются и укрепляются.

Глава 3. ОБРАЗОВАНИЕ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА ВО ФРАНЦИИ

§ 1. Франция накануне революции

Значение французской революции. В конце XVIII в. во Франции произошла буржуазная революция, которой открывается период утверждения буржуазного государства и права.

Решительность и последовательность этой революции объясняются тем, что здесь буржуазия выступила против феодализма в союзе с народом. Отличительной чертой французской буржуазной революции 1789 г., в сравнении с английской буржуазной революцией, была, как отмечал Маркс, та, что "в 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви. В 1789 г. буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви"[1].

Народ, поднявшийся на борьбу с феодализмом, не ограничился рамками, поставленными ему буржуазией, и в процессе революции выставил самостоятельные требования, создал себе революционное правительство и по-своему, "по-плебейски" расправился с феодализмом.

Революция расчистила почву для нового, буржуазного, общества. На смену феодальной собственности и феодального государства и права пришла буржуазная собственность и буржуазное государство и право. Это было для своего времени великим прогрессом.

Сословия. Дворянство и духовенство. Господствующими сословиями в стране были дворянство и духовенство, владевшие на праве феодальной собственности землей и имевшие многочисленные феодальные привилегии. Дворянство получало с крестьян большие доходы в виде различного рода повинностей, само же было свободно от налогов. Важнейшие должности в государстве, за редкими исключениями, занимались дворянами.

Духовенство официально считалось "первым сословием государства", было свободно от налогов, от военного постоя и имело много других привилегий. Церковь получала огромные доходы от своих поместий, добровольных приношений и сбора десятины с крестьян.

---

[1] *Маркс К.* Буржуазия и контрреволюция // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VII. С. 54.

Разница между привилегированными и непривилегированными чувствовалась на каждом шагу.

Однако различные слои господствующих сословий, составляющие один феодальный класс, неодинаково пользовались благами жизни. Высшее дворянство и духовенство жили в роскоши, смотрели на государственную казну, как на свой собственный кошелек, и требовали постоянных субсидий. Для них создавались многочисленные должности с высокими окладами, но без всяких обязанностей ("синекуры"), щедрой рукой короля раздавались пенсии, субсидии и т. п. Высшее духовенство не отставало в роскоши от светской аристократии.

Между тем низшее дворянство и низшее духовенство, главным образом сельские кюре, происходившие из крестьян и буржуазии, находились в иных условиях. Мелкие помещики выжимали из своих крестьян все соки, но все же не всегда сводили концы с концами. Они крепко держались за свои дворянские привилегии, считали для себя зазорным заниматься промышленностью и торговлей и завидовали роскошной жизни знати и богатству буржуазии. Низшее духовенство получало небольшие оклады и жило бедно.

Третье сословие. Крестьянство. Все остальное население составляло третье сословие, податное, непривилегированное. Однако само по себе третье сословие состояло из различных классов и групп, экономическое и правовое положение которых было далеко не одинаково.

Большинство третьего сословия принадлежало к крестьянству. Из 25 миллионов населения крестьян было около 22 миллионов. К моменту революции крестьянство хотя и освободилось от личной зависимости, но не освободилось от феодальных повинностей. С развитием денежного обращения, с развитием капитализма феодальная эксплуатация стала даже более тяжелой.

Французский крестьянин был обременен многочисленными поборами и повинностями. "В сельской жизни не существовало такого действия, которое не обязывало бы крестьян к уплате какого-нибудь побора"[1]. Крестьянин платил постоянную земельную ренту — чинш, посевной оброк — шампар, доходивший до $^1/_5$ части урожая, налог на соль, десятину в пользу церкви и много других сборов, налогов, податей. "Население платит, — писал Вобан, — взятки откупщикам, подвергается произвольным косвенным и поземельным налогам, таможенному сбору, соляному налогу и множеству других обременительных повинностей, порождающих бесконечное количество взиманий, произвольно поглощающих то треть, то четверть доходов, что и привело немалое число людей в боль-

[1] *Жорес Ж.* История Великой французской революции / Пер. с франц. А. М. Водена. М., 1920. Т. 1. С. 17.

ницы и на мостовую и отчасти даже обезлюдило государство". Доходило до того, что после уплаты податей помещику, церкви и королю от урожая ничего не оставалось и иногда его даже не хватало.

Французское сельское хозяйство было задавлено феодальными порядками, привилегии помещиков лежали на нем тяжелым ярмом. По сравнению с английским, оно отстало, быть может, на несколько столетий, и англичанам побывавшим во Франции, казалось более чем странным, что в конце XVIII в. здесь сохранились такие устарелые, мешающие экономическому развитию порядки. Английский путешественник Артур Юнг, посетивший Францию, писал в своих заметках: "...Поля представляют жалкую картину плохого ведения хозяйства, а хижины — картину нищеты... Я ищу хороших фермеров, а встречаю лишь монахов и государственные тюрьмы!"[1] А. Юнг правильно определил и причину несчастий французского крестьянина: "Ах, — писал он, — будь я на один день законодателем Франции, как бы у меня полетели все эти вельможи".

Несмотря на все усиливающееся классовое расслоение среди крестьянства, выделение из его среды известной более зажиточной верхушки в борьбе против феодализма, оно выступило в основном как единый класс, одинаково тяготившийся феодализмом.

Буржуазия. В авангарде третьего сословия стояла буржуазия. Французская буржуазия в конце XVIII в. была уже довольно сильна и ее мощь все увеличивалась.

Во второй половине XVIII в. Франция по развитию промышленности и торговли находилась в числе передовых стран того времени и уступала только Англии.

Торговый оборот Франции возрастал довольно быстро, и в 1789 г. одни только торговые операции с ее колониями достигли 296 миллионов ливров, вся ее мировая торговля в четыре раза превышала эту цифру. Значительная часть колониальных продуктов после переработки вывозилась из Франции. На международной торговле и судостроении выросли такие города, как Бордо, Марсель, Нант и др.

Развивалась, несмотря на всякого рода феодальные ограничения, капиталистическая мануфактура. Десятки тысяч рабочих были заняты в производстве тканей, в металлургической промышленности, в судостроительной, в промышленности, вырабатывающей предметы роскоши, на сахарных заводах, в шелковой промышленности и т. п.

При все этом количественное преобладание оставалось за мелкими цеховыми, ремесленными предприятиями. Многочисленные ограничения в области промышленности и торговли главным обра-

[1] Цит. по кн.: Новая история в документах и материалах: В 2-х вып. М., 1934. Вып. 1. С. 110—111.

зом цеховой строй, связанная с ним борьба цехов за монопольное положение в той или иной отрасли промышленности, исключавшая организацию новых мануфактур в городах, мелочная регламентация производства и т. д. — все это мешало развитию промышленности. Вплоть до революции сохранились таможенные границы в каждой провинции, и купец, проезжая из одной провинции в другую, должен был платить пошлину, как будто бы переезжал из одного государства в другое.

Буржуазия, высшие представители которой обладали крупнейшими состояниями и старались не уступать в роскоши аристократии, сильно чувствовала свое приниженное положение людей "третьего сословия".

Буржуазия стремилась к тому, чтобы уничтожить господство дворянства, ликвидировать феодальный строй и захватить в свои руки политическую власть.

Что касается рабочих, то они в этот период еще не представляли сформировавшегося класса. "Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих людей, составлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельному политическому действию"[1]. Противоположность между пролетариатом и буржуазией была еще слабо развита. Поэтому третье сословие, объединенное общими интересами борьбы с феодализмом и абсолютистской монархией, выступало под руководством буржуазии.

Монархия. Французская монархия второй половины XVIII в. переживала кризис, так как устарелые политические и правовые надстройки стали тормозом для экономического развития общества. Необходима была коренная перестройка государства, но эта перестройка была невозможна до тех пор, пока государственная власть находилась в руках феодалов.

Кризис абсолютной монархии внешне наиболее ярко выразился как кризис государственных финансов. Государство все более запутывалось в долгах, приближалось к финансовому банкротству, и все попытки правительства свести концы с концами оказывались неудачными. Думали, что устранение дефицита было бы возможно при условии сокращения государственных расходов, т. е. сокращения расходов королевского двора, уменьшения пенсий, субсидий и т. д. В действительности же одно только сокращение расходов, на что, кстати сказать, господствующие классы были не согласны, не разрешало кризиса, нужны были коренные преобразования государственного строя.

Неумелая политика французских королей ускорила развитие кризиса. В 1774 г. умер Людовик XV и на престол вступил его

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XIV. С. 261.

внук Людовик XVI, находившийся под сильным влиянием двора и в особенности под влиянием своего брата, графа д'Артуа и своей жены Марии-Антуанетты.

С целью спасти монархию от надвигавшегося банкротства генеральный контролер Тюрго провел в 1774—1776 гг. декреты о свободной торговле хлебом, об отмене дорожных повинностей, об упразднении цеховых организаций. Реформы эти вызвали сильное сопротивление привилегированных и были через непродолжительное время отменены, а сам Тюрго вынужден был уйти в отставку.

В 1786 г. был заключен торговый договор с Англией, по которому снижались пошлины на английские товары, взамен чего Англия снижала пошлины на французские вина. Этот договор, заключенный в интересах дворянства, еще более озлобил и без того недовольную буржуазию. Английские товары наводнили французский рынок к невыгоде более слабой французской промышленности. Вскоре начался промышленный кризис, а неурожай в 1784 г. сделал положение в стране еще более тяжелым.

Правительство было вынуждено возвратиться к планам Тюрго. Для того чтобы получить согласие привилегированных на проведение реформ, в 1787 г. было созвано собрание нотаблей, на которое, как всегда, были приглашены только высшее дворянство и духовенство. Но ни те, ни другие не хотели отказаться хотя бы от части своих привилегий и не согласились на равномерные распределения некоторых налогов.

Все ухудшающееся финансовое положение заставило короля дать согласие на созыв Генеральных Штатов, не собиравшихся с 1614 г.

§ 2. Генеральные Штаты. Учредительное собрание

Выборы в Генеральные Штаты. Указ о созыве Генеральных Штатов был издан в начале 1788 г. Распределение мест между сословиями на сей раз было следующим: около 600 депутатов должно было послать третье сословие и столько же духовенство и дворянство, вместе взятые. Правительство было вынуждено сделать эту уступку ввиду охватившего Францию волнения, но, делая ее, правящие круги думали вместе с тем свести ее на нет применением старого способа обсуждения вопросов и голосования в Генеральных Штатах, т. е. порознь по сословиям, при котором каждое сословие, независимо от числа депутатов, имеет один голос.

Выборы для дворянства были прямыми, для духовенства — частично прямыми, частично двухстепенными, депутаты же третьего сословия подвергались гораздо более тщательному отбору. Выборы для них были трехстепенными и частично даже четы-

рехстепенными. Право голоса предоставлялось всем французским подданным, достигшим 25-летнего возраста и уплачивающим налог не менее 5 ливров в год.

Буржуазия развернула интенсивную предвыборную агитацию. Особой известностью пользовались произведения Сийэса, Робеспьера и Демулена. В знаменитой брошюре Сийэса "Что такое третье сословие?" говорилось: "Перед вами стоят три вопроса: 1) Что такое третье сословие? Все. 2) Чем оно было до сих пор и политической жизни? Ничем. 3) Чего оно требует? Стать чем-нибудь".

На своих избирательных собраниях третье сословие принимало наказы депутатам. В этих наказах мы находим все основные пункты будущей Декларации прав человека и гражданина, — требования конституции, равенства всех перед законом, неприкосновенности собственности, уничтожения привилегий, уничтожения крепостной зависимости и цехов, отмены произвольных арестов и политических тюрем, введения суда присяжных, свободы слова, совести и т. д.

Генеральные Штаты. Генеральные Штаты открылись 5 мая 1789 г. Очень скоро встал важный вопрос о порядке голосования решений. Король, дворянство и духовенство настаивали на голосовании посословном. При этом порядке каждое сословие решало вопрос отдельно, и решением Генеральных Штатов считалось то решение, которое было принято по крайней мере двумя сословиями. Такое голосование заранее обрекало на провал предложения третьего сословия, так как по всем основным вопросам дворянство и духовенство голосовали бы заодно. Тот факт, что количество депутатов третьего сословия равнялось количеству депутатов дворянства и духовенства вместе взятых, не имел бы, как видим, никакого значения. Депутаты третьего сословия требовали поэтому поименного голосования.

Национальное собрание. Переговоры о порядке голосования длились около полутора месяцев. Дворянство и духовенство не шли на уступки, и только несколько священников присоединились к третьему сословию. Непримиримая позиция привилегированных вызывала всеобщее негодование, и депутаты третьего сословия перешли к более решительным действиям: они заявили, что они избраны почти всей совокупностью нации и объявили себя Национальным собранием.

Это было 17 июня 1789 г. В тот же день собрание постановило, что налоги в государстве не могут взиматься без согласия представителей нации, а так как все существующие налоги не санкционированы нацией, то все они незаконны и не подлежат взиманию, увеличению или продлению. Далее собрание заявляло, что оно дает временно согласие на то, чтобы существующие налоги и сборы, хотя и установленные незаконно, продолжали взиматься как и раньше, но только до того дня, пока не распущено Нацио-

нальное собрание, по какой бы причине ни произошел его роспуск.

Этот решительный шаг вызвал колебания среди известной части представителей других сословий, и к депутатам третьего сословия присоединилась часть представителей духовенства. Королевский двор, не решавшийся разогнать Национальное собрание, старался мешать его заседаниям. 20 июня, когда депутаты третьего сословия пришли к обычному месту заседаний, солдаты не впустили их в помещение. Тогда было постановлено, что заседание должно состояться в любом месте. И действительно, в соседнем доме, в зале для игры в мяч, состоялось знаменитое заседание Национального собрания. Все члены его, за исключением одного, торжественно поклялись не расходиться, пока не будет принята конституция королевства.

23 июня король сам явился в Собрание объявить, что он решил сохранить "в полной неприкосновенности разделение на отдельные сословия", и приказал депутатам разойтись в отведенные для каждого сословия отдельные помещения. Но, вопреки приказу короля, депутаты третьего сословия продолжали собираться и заседать совместно с частью представителей дворянства и духовенства, присоединившихся к ним. Король вынужден был, наконец, признать факт совместных заседаний сословий, и 27 июня Собрание собралось в полном составе. Впоследствии, уже в конце своей деятельности, оно приняло название Учредительного собрания. Деятельность Собрания внушала королю и его окружению все большие и большие опасения.

Королевский двор задумал вооруженной силой разогнать Собрание. Начали стягивать войска к Парижу с явным намерением совершить контрреволюционный переворот. Но угроза контрреволюции всколыхнула народные массы. 14 июля народ штурмом взял Бастилию — центральную политическую тюрьму, бывшую олицетворением самодержавия.

Взятие Бастилии всюду было воспринято как конец старого режима, как падение абсолютизма. Наблюдается быстрый рост народного движения. В Париже и других городах организуются городские общины — "коммуны" — для управления городами, составляются отряды национальной гвардии для защиты революции. В деревне началась крестьянская революция. Крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности и платить налоги. Они уничтожали феодальные документы, в которых были записаны крестьянские повинности, а там, где они встречали сопротивление, дело доходило до разрушения помещичьих усадеб.

Народное движение спасло Учредительное собрание. Двор был вынужден отложить выполнение своих контрреволюционных планов.

Постановление 4—11 августа. Рост крестьянского движения заставил Учредительное собрание прервать обсуждение вопроса

о будущей конституции и срочно заняться аграрным вопросом. Ночью с 4 на 5 августа было принято постановление "об окончательном уничтожении феодального режима". На основе этого общего постановления Учредительное собрание выработало закон, окончательно принятый собранием 11 августа. Закон устанавливал, что те из феодальных прав и обязанностей, которые относятся к личному или вещному крепостному праву и к личной зависимости, отменяются без выкупа; все остальные повинности подлежат выкупу, а впредь до выкупа должны выполняться по-прежнему; размеры и способы выкупа будут установлены Национальным собранием.

Отменялось исключительное право охоты. Упразднялись сеньориальные суды. Отменялась церковная десятина (до изыскания иного способа обеспечения духовенства десятина должна была взиматься). Все срочные земельные ренты, натуральные и денежные, подлежали выкупу.

Постановление Учредительного собрания было, конечно, шагом вперед, но шагом нерешительным, который отнюдь не означал на практике уничтожения феодального режима. Учредительное собрание оставило незатронутыми наиболее доходные права помещиков, объявив их подлежащими выкупу. Собрание, в котором первую скрипку играли представители буржуазии, показало, что оно не склонно к решительным выступлениям против феодальной собственности. Понимая, что крестьяне останутся недовольны этими законами, Учредительное собрание приняло жестокие меры к подавлению возможных волнений с помощью национальной гвардии и войск (закон от 10 августа).

Декларация прав человека и гражданина. Вернувшись к конституционным вопросам, Учредительное собрание приняло 26 августа Декларацию прав человека и гражданина.

Декларация восприняла идеи просветительной философии XVIII в. "Люди рождаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе, — говорилось в первой статье Декларации. — Целью всякого политического союза является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека. Эти права: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению" (ст. 2).

Свобода определяется как право делать все, что не вредит другому; границы свободы устанавливаются законом (ст. 4). Объявлялась свобода убеждений, в частности религиозных, свобода слова и печати (ст. 10, 11). Устанавливалось равенство перед законом.

Декларация провозгласила принцип народного суверенитета. "Источник всей верховной власти всегда находится в нации. Никакое учреждение, никакое лицо не может осуществлять власти, не происходящей прямо от нации" (ст. 3). "Общество имеет право требовать отчета у каждого должностного лица своей администрации" (ст. 15).

"Закон, — говорится в Декларации, — есть выражение общей воли. Все граждане имеют право лично или через представителей участвовать в издании законов" (ст. 6).

Последняя по порядку, но важнейшая по значению статья 17 освящает принцип неприкосновенности частной собственности: "Так как собственность есть нерушимое и священное право, то никто не может быть ее лишен, кроме тех случаев, когда того явно требует общественная необходимость, законно засвидетельствованная, и под условием справедливого и предварительного вознаграждения".

Декларация прав была документом громадного значения. Осуществление изложенных в ней принципов предполагало уничтожение феодализма и феодального государства. Свобода личности и равенство в правах означали ликвидацию феодальных ограничений и привилегий. Принцип законности был направлен против феодального произвола, а принцип народного суверенитета был несовместим с абсолютной монархией. Всем этим принципам приходилось завоевывать себе признание в борьбе с упорным сопротивлением королевской власти. Лишь по требованию депутации Учредительного собрания и под непосредственным давлением народа король согласился принять Декларацию прав человека и гражданина и 19 параграфов Конституции, вотированных собранием.

Вскоре после этого король, уступая революционным массам, вторгшимся во дворец, несмотря на сопротивление королевской гвардии, переехал из Версаля в Париж. Туда же переехало и учредительное собрание. В Париже оно находилось под непосредственной защитой народа. Народ еще раз спас Собрание от готовившегося разгона.

Законы о церкви. Учредительное собрание продолжало свою работу.

Одной из важнейших реформ была реформа церкви. Церковь в феодальном обществе была как бы "государством в государстве". Она имела свою обособленную административную организацию, свои суды и т. д. В период абсолютизма французской церкви пришлось частично лишиться своей независимости, но, несмотря на это, она оставалась обособленной, сравнительно самостоятельной организацией, обладала громадными земельными и иными богатствами, получала большие средства от сбора десятины и других сборов и пожертвований.

Нужно было покончить с независимостью церкви и превратить дорогую феодальную церковь в дешевую.

Как было сказано выше, закон 4—11 августа 1789 г. уничтожил десятину, обязав, однако, население выплачивать ее по-прежнему до тех пор, пока не будут установлены иные способы обеспечения духовенства. Однако крестьяне нередко отказывались платить десятину.

В ноябре 1789 г. был издан закон, передающий в распоряжение нации земли духовенства. Эти земли вместе с землями короны были вскоре пущены в продажу.

В феврале 1790 г. Учредительное собрание приняло декрет об уничтожении монашеских обетов и о роспуске орденов и конгрегаций.

Важнейшим актом Учредительного собрания был закон о гражданском устройстве духовенства (июль 1790 г.), устанавливавший новые епископские округа — департаменты. Епископы должны были, подобно другим чиновникам, выбираться избирательными собраниями департаментов. Приходские священники должны были избираться избирательными собраниями дистриктов. Викарии назначались приходскими священниками. Вмешательство папы при назначении на духовные должности было устранено. Посвящение, без которого епископ не мог приступить к исполнению своих функций, производилось старшим епископом; священники посвящались епископами. Всем служителям культа назначалось государственное жалование.

Этими законами была произведена полная реорганизация церкви. Значительная часть духовенства отказалась признать новое устройство церкви и повела борьбу против революции.

Выработка Конституции. После принятия Декларации прав Учредительное собрание продолжало выработку Конституции, обсуждая и принимая Конституцию по частям. Работа затянулась на два года. За это время Собрание приняло также ряд важных законов, позднее вошедших в Конституцию: о новом административном устройстве, о выборах, об организации судебной власти и др.

Бегство короля. Между тем контрреволюция, центром которой был королевский двор, не дремала. Король и его сторонники соблюдали внешнюю лояльность, а в то же время строили тайные планы государственного переворота. Наконец, 20 июня 1791 г. король с семьей бежал по направлению к границе, но был опознан содержателем почтовой станции, задержан и уже как пленник народа привезен назад в Париж.

Бегство короля способствовало росту республиканских настроений. Еще до возвращения короля Учредительное собрание завладело исполнительной властью и постановило, что министры обязаны приводить в исполнение его декреты без санкции или согласия короля.

Конституция 1791 г. 3 сентября 1791 г. Учредительное собрание приняло Конституцию и представило ее на утверждение короля. Король принес присягу верности Конституции, и ему была возвращена власть.

Декларация прав человека и гражданина составила часть Конституции. Однако положения Конституции находились очень часто в резком противоречии с принципами Декларации.

В специальном введении к Конституции, помещенном после Декларации, объявлялось еще раз, что Национальное собрание уничтожает все учреждения, нарушающие свободу и равенство прав, т. е. все сословные отличия, феодальную юстицию, продажность и наследственность должностей, всякие привилегии, гильдии и цехи. Объявлялось, что все граждане допускаются к занятию должностей, что налоги будут распределяться в соответствии с имущественным положением плательщиков. Перечислялись еще раз права, свободы и гарантии, уже записанные в Декларации прав.

Далее Конституция подчеркивала принципы народного суверенитета и разделения властей. "Суверенитет — един, неделим, неотчуждаем и ненарушим. Он принадлежит нации, никакая часть народа и никакое лицо не могут присвоить себе его отправление" (разд. III, ст. 1).

Народ осуществляет свою власть путем "делегирования". Законодательная власть делегируется Национальному собранию, исполнительная власть — королю, судебная власть — избираемым народом судьям. Таким образом стремились примирить монархию с народным "суверенитетом", а по существу подчиняли этот суверенитет монархии.

Конституция устанавливала однопалатную систему.

Законодательный корпус состоял из 745 депутатов, избираемых на два года. Депутатские места распределялись между 83 департаментами по троякому основанию: территории, количеству населения и размеру уплачиваемого налога. 247 депутатов избирались 83 департаментами, по три от каждого (за исключением Парижского департамента, который посылал только одного). 249 мест распределялись по населению. Все активное население страны делилось на 249 долей, и каждый департамент избирал столько депутатов, сколько приходилось на него долей. И наконец, 249 депутатских мест распределялись между департаментами в соответствии с суммами уплачиваемых налогов. Для этого общая сумма прямых налогов делилась на 249, и каждый департамент выбирал столько депутатов, сколько долей налога он уплачивал (разд. III, гл. I, ч. 1, ст. 1, 2, 3, 4, 5).

Избирательное право, установленное еще законом 22 декабря 1789 г. и с некоторыми изменениями вошедшее в Конституцию, было прямой изменой принципам Декларации прав.

"Закон есть выражение общей воли. Все граждане, лично или через своих представителей, имеют право участвовать в издании законов", — говорилось в Декларации. Между тем Конституция делила всех граждан на "активных" и "пассивных". "Пассивные" были отстранены от участия в политической жизни, и только "активные" участвовали в выборах депутатов, а также всех муниципальных чиновников.

Устанавливалось три разряда активных граждан:

1) лица, входящие в состав первичных собраний;

2) выборщики, посылаемые первичными собраниями в избирательные собрания;

3) лица, пользующиеся правом быть избранными на различные должности.

Активный гражданин должен был удовлетворять следующим условиям: быть французом, иметь возраст не ниже 25 лет, иметь в течение года постоянное местожительство, уплачивать прямой налог, равный по размеру трехдневному заработку, среднему для данной местности, не быть в личном услужении, быть внесенным в местные списки национальной гвардии, принести гражданскую присягу (разд. III, гл. I, ч. 2, ст. 2).

Каждый мог иметь только один голос. Выборы были двухстепенные. Первичные собрания в городах и кантонах избирали выборщиков, а собрание выборщиков всего департамента избирало депутатов.

Для выборщиков устанавливались дополнительные квалификации: нужно было прежде всего удовлетворять общим требованиям, установленным для активных, и кроме того:

а) в городах (в зависимости от величины города): быть собственником имущества, дающего доход величиной от 200- до 150-дневного заработка или быть съемщиком квартиры с платой в размере от 150- до 100-дневного заработка;

б) в деревнях: быть собственником имущества, доход которого равняется 150-дневному заработку (разд. III, гл. I, ч. 2, ст. 7).

Для права быть избранным на различные муниципальные должности требовалась уплата прямого налога, равного 10-дневной заработной плате.

Депутаты избирались только из жителей данного департамента.

Законодательное собрание наделялось широкой компетенцией. Оно предлагало и принимало законы; определяло государственные расходы, устанавливало налоги и следило за расходованием государственных средств; создавало и уничтожало должности, устанавливало размеры армии и флота, объявляло, по предложению короля, войну, ратифицировало договоры с иностранными государствами и т. д. (разд. III, гл. III, ч. 1, ст. 1, 2, 3).

Декреты, принятые Законодательным собранием, представлялись королю, который мог отказать в своем согласии. Но вето короля являлось суспенсивным, т. е. отлагательным: если каждая из двух легислатур, следующих за той, которая впервые приняла декрет, вновь примет его без изменений, король был обязан дать санкцию (там же, ч. 2, ст. 1, 2).

Предоставив широкие полномочия Законодательному собранию, Учредительное собрание позаботилось и о создании сильной исполнительной власти.

Исполнительная власть, как было указано выше, делегировалась королю. Особа короля признавалась "неприкосновенной и священной". "Король французов" — таков был титул короля, вместо старого "Король милостью божией". Для поддержания "блеска трона" королю отпускались по цивильному листу специальные суммы.

Король считался главой всей администрации королевства. Он являлся верховным главнокомандующим армией и флотом, назначал и отзывал министров, посланников, командующих армией и флотом и многих других высших чиновников, в ведении его находились внешние сношения, он вел переговоры и заключал договоры, которые подлежали, однако, ратификации Законодательного собрания. Он мог издавать прокламации во исполнение законов, имел право отменять акты администрации, противоречащие законам или распоряжениям короля и в особо серьезных случаях даже отстранять выборных чиновников департаментов от должности, о чем он должен был ставить в известность Законодательное собрание, которое и решало вопрос окончательно (разд. III, гл. IV, ч. 2, ст. 5, 8).

Составители Конституции позаботились о том, чтобы поставить короля в зависимость от Законодательного собрания. Министры, хотя и назначаемые королем, могли быть преданы суду по постановлению Собрания. Каждое распоряжение короля должно было иметь кроме его подписи также подпись министра. В противоположность принципам абсолютной монархии Конституция подчеркивала верховенство закона. "Во Франции нет власти высшей, чем закон. Король управляет только по закону и только от имени закона он может требовать повиновения" (гл. II, ст. 3). Он приносит присягу на верность нации и закону.

В области местного управления Конституция закрепляла те изменения, которые были проведены еще в конце 1789 г. По новому административному устройству вся Франция делилась на 83 департамента, департаменты делились на дистрикты, а дистрикты — на кантоны.

Конституция закрепляла выборность местной администрации. На местах не должно было быть никаких чиновников, назначаемых центральной властью. Однако выборы чиновников департаментов и дистриктов были двухстепенными, и только выборы администрации кантонов были прямыми.

Мэр и другие чиновники кантона, а также члены генеральных советов коммун избирались активными гражданами прямым голосованием.

Выборная местная администрация была, однако, поставлена в зависимость от короля. Король имел право аннулировать распоряжения администрации департамента и дистрикта в случае их противоречия закону или предписаниям короля. В случае упорного неповиновения он мог, как мы видели уже, отстранять местных чиновников от должности, причем обязан был известить об

этом Законодательное собрание, которое отменяло решение короля или утверждало его.

Придерживаясь принципа разделения властей, Конституция определяла, что "судебная власть не может ни в каком случае быть осуществляема ни Законодательным корпусом, ни королем". С другой стороны, суды не должны были вмешиваться в деятельность законодательной и исполнительной власти, в частности, суды не могли приостанавливать действия законов (разд. III, гл. V, ст. 1, 3).

В кантонах действовали мировые судьи и заседатели, которые избирались активными гражданами на два года из лиц, достигших тридцатилетнего возраста и уплачивавших прямой налог, равный десятидневному доходу. Ведению мировых судей подлежали гражданские дела и некоторые уголовные.

В дистриктах учреждались трибуналы, являвшиеся апелляционной инстанцией по гражданским делам, разбираемым мировыми судьями, и судом первой инстанции по наиболее крупным гражданским делам, которые были изъяты из ведения мировых судей.

Устанавливались три ступени уголовной юстиции: 1) суд полиции в муниципалитетах, ведению которого подлежали мелкие преступления (так называемые проступки); 2) исправительная юстиция мировых судей, ведению которой подлежали преступления; 3) уголовные суды в департаментах, ведению которых подлежали тяжелые преступления. Суд департамента состоял из председателя, избираемого собранием выборщиков департамента, и трех судей, которые менялись каждые три месяца. Обязанности этих судей исполнялись судьями дистриктов по очереди. Разбирательство дел происходило с обязательным участием двенадцати присяжных, решавших вопрос факта. Применение закона производилось судьями.

Выше всех перечисленных гражданских и уголовных судов находился кассационный трибунал, состоявший при Законодательном собрании и составлявшийся из судей, избираемых собраниями выборщиков департаментов, по одному от департамента. "Кассационный суд, — говорилось в Конституции 1791 г., — никогда не может разбирать дела по существу" (разд. III, гл. V, ст. 20). Он мог отменить решение или приговор лишь по мотивам несоблюдения процессуальных форм или явного нарушения закона.

Был установлен очень сложный порядок изменения Конституции. Первые четыре года после ее введения (срок действия первых двух легислатур) нельзя было поднимать в парламенте вопроса о ее изменении. Только по истечении этого промежутка Законодательное собрание могло заняться пересмотром Конституции. Для этого требовалось согласное решение трех последовательных легислатур о необходимости пересмотра. Тогда создавалось специальное собрание из членов четвертой по порядку легислатуры и 249 членов, особо для этой цели избранных по департаментам.

Эта столь "твердая" Конституция просуществовала, однако, всего несколько месяцев.

Приняв Конституцию, Учредительное собрание в своем большинстве считало революцию законченной. В прокламации, изданной королем, так и говорилось: "Наступил конец революции; пусть к нации вернется ее счастливое настроение".

Но счастливое настроение не возвращалось. Крестьянство было недовольно политикой Учредительного собрания и продолжало борьбу против остатков феодализма. Народ в городах, надеявшийся, что революция принесет ему улучшение положения, видел, что плоды победы достались буржуазии. Революционные клубы и общества широко развернули свою деятельность, призывая массы продолжать борьбу.

§ 3. Законодательное собрание

Партии. В конце сентября 1791 г. Учредительное собрание разошлось и в соответствии с Конституцией было созвано Законодательное собрание. Оно начало свою работу 1 октября 1791 г. Выборы в Законодательное собрание проходили в значительной степени еще до бегства короля и не отразили роста революционно-республиканских тенденций, который имел место после 20 июня.

Согласно постановлению Учредительного собрания, принятому по предложению Робеспьера, ни один из его членов не мог быть избран в Законодательное собрание. Поэтому ни Робеспьера, ни Марата не оказалось в Законодательном собрании. Адвокаты, торговцы, фабриканты и т. д. составляли около двух третей Собрания. Число дворян и духовенства было незначительно. Что касается других слоев, то в Собрании было всего крестьянина и 4 ремесленника, рабочих же не было вовсе.

В Собрании ощущалось засилие сторонников Конституции и монархии, которые считали революцию законченной. Из 745 депутатов около 160 принадлежали к крайней правой, требовавшей усиления королевской власти, около 136 называли себя якобинцами, основная же масса состояла из умеренных и получила название центра.

Якобинцы вскоре раскололись, и большинство из них вошло в партию жирондистов, представлявшую интересы крупной торгово-промышленной буржуазии. Так же, как и умеренные, они стремились к укреплению существующего порядка.

Крайнюю левую составляла горсточка демократов — членов клубов якобинцев и кордельеров.

Состав Законодательного собрания был в общем не блестящим; в нем было гораздо меньше видных людей того времени, чем в Учредительном собрании.

Контрреволюция. Поведение Законодательного собрания придало смелости контрреволюции. Несмотря на крупные перемены в общественном и государственном устройстве, феодализм не был сокрушен и реакция не была обессилена. Значительная часть дворянства, особенно высшего, эмигрировала, но много помещиков оставались в деревнях и требовали либо выполнения повинностей, либо выкупа. Духовенство, недовольное уничтожением привилегий и новой церковной организацией, вело агитацию против революции.

На границах Франции и при европейских дворах кипучую контрреволюционную деятельность проявляли эмигранты, составляя заговор и сколачивая силы. Людовик XVI продолжал вести секретную переписку с зарубежными врагами Франции, обсуждая планы удушения революции. Для пересечения заговорщицкой деятельности Законодательное собрание вынуждено было принять декрет о секвестре имущества эмигрантов, которые откажутся возвратиться на родину, и декрет о лишении пенсий неприсягнувших священников. Король, впрочем, наложил вето на оба декрета.

Революция 10 августа 1792 г. В этих условиях революционной Франции пришлось принять войну, навязанную ей Австрией (апрель 1792 г.). К Австрии вскоре присоединилась Пруссия. Между тем измена и предательство разъедали французскую армию. Изменяли офицеры, генералы, изменял король, выдававший противнику военные тайны. Армия терпела одно поражение за другим.

Контрреволюция оживилась. Это вызвало ответное движение народных масс на защиту революции.

Якобинцы проводили лихорадочную работу по организации масс. Из комиссаров, посланных секциями Парижа в здание Коммуны, образовалась, в противовес старой, новая революционная Коммуна, которая, руководимая якобинцами, стала не органом самоуправления, но и восстания.

В ночь с 9 на 10 августа 1792 г. руководимый якобинцами народ проник в королевский дворец и овладел им после кровопролитной борьбы со стражей. Под непосредственным давлением народа Законодательное собрание приняло постановление о созыве Национального конвента, об отрешении короля от престола и о заключении его с семьею в башню Тампль. Законодательное собрание распустило старое министерство. Исполнительная власть была передана Временному исполнительному совету — из 6 министров, назначенных Собранием.

Установилось двоевластие, бывшее результатом борьбы между жирондистами — авангардом крупной буржуазии — и якобинцами, защищавшими интересы народа. Наряду с Законодательным собранием и Временным исполнительным советом существовала Парижская коммуна, которая не только толкала вперед Законо-

дательное собрание, опираясь на массы, проводила революционные мероприятия помимо и вопреки официальным государственным органам. Она создала тридцатитысячную армию, организовала производство оружия, стремилась упорядочить продовольственный вопрос, создала для борьбы с контрреволюцией наблюдательный комитет, имевший право издавать приказы об аресте. Видную роль в этом комитете играл Марат. Комитет сразу же арестовал ряд видных роялистов.

Уничтожение деления граждан на активных и пассивных. По настоянию Коммуны Законодательное собрание приняло 11—12 августа декрет об уничтожении деления граждан на активных и пассивных. Избирательные права предоставлялись всем французам мужского пола, достигшим 21 года, проживавшим в избирательном округе не менее одного года, живущим на свои доходы или на свой заработок, при условии, что они не входят в состав домашней прислуги. Выборы оставались двухстепенными.

Были объявлены выборы в Национальный конвент.

Декреты против контрреволюции. Законодательное собрание вынуждено было, по требованию народа, принять некоторые меры против контрреволюции. Был образован Чрезвычайный трибунал для суда над врагами революции, и через несколько дней уже имели место первые казни роялистов по приговору трибунала.

Был издан декрет о секвестре имущества эмигрантов. Их имения подлежали разделу на мелкие участки и продаже. Неприсяжных священников наблюдательный комитет Коммуны заключил в тюрьму.

Состоялось решение о секуляризации актов гражданского состояния: регистрация этих актов была изъята из ведения духовенства и передана муниципалитетам.

§ 4. Жирондистский конвент

Состав Конвента. 20 сентября 1792 г. собрался Национальный конвент.

Согласно декрету от 11 августа 1792 г. каждый департамент должен был избрать то же число депутатов, которое он посылал в Законодательное собрание. По Конституции 1791 г. общее число депутатов равнялось 745. Позднее двум департаментам было дано по два дополнительных места и таким образом общее число депутатов поднялось до 749. Среди депутатов было много юристов (судей, адвокатов, нотариусов) и муниципальных чиновников.

Постепенно обрисовалась партийная принадлежность членов Конвента: жирондисты насчитывали более 150 человек, около ста человек принадлежало к якобинцам, прозванным Горой (монтаньяры), а между этими крайними партиями находилась многочис-

ленная группа, примыкавшая к той партии, которая была сильна в данный момент. Это было "болото", в общем охотнее склонявшееся к жирондистам.

Первое заседание Конвента было посвящено внутриорганизационным вопросам. На этом заседании присутствовали 371 депутат из 749, подлежавших избранию.

Первые декреты. 21 сентября состоялось первое публичное заседание, и Законодательное собрание официально уступило свое место Конвенту. По предложению министра юстиции Дантона Конвент декретировал: "1) Конституция должна быть утверждена народом; 2) личность и собственность находятся под охраной нации".

В тот же день несколько неожиданно и не без колебаний, хотя и единогласно, Конвент вынес постановление об отмене королевской власти. "Национальный конвент декретирует отмену королевской власти во Франции", — говорилось в этом постановлении.

Отмену королевской власти Париж принял как провозглашение республики, хотя никто из членов Конвента не произнес этого слова. В Конвент приходили депутации, выражавшие горячую готовность служить республике.

22 сентября Конвент постановил, чтобы все официальные документы помечались отныне 1-м годом французской республики. Декрет о провозглашении республики не был прочитан на улицах Парижа, как это делалось с важными декретами, и не был разослан с нарочными по департаментам. Исполнительный совет не торопился с его обнародованием, и только 26 сентября к нему была приложена государственная печать. Республика, как сказал Робеспьер, "украдкой пробралась между партиями"[1].

22 сентября Конвент принял, по предложению Дантона, постановление о перевыборах муниципальных органов и судей, а также о том, что судьи могут избираться из среды всех граждан.

Борьба Горы и Жиронды. Между тем как на фронте обозначался явный перелом в пользу Франции, экономическое положение страны ухудшалось. Война требовала чрезмерного напряжения сил, контрреволюционные же элементы внутри страны стремились дезорганизовать экономику. С осени 1792 г. все более ощущается недостаток продовольствия и предметов первой необходимости. Цены росли, спекулянты наживались, народ требовал установления твердых цен на предметы первой необходимости.

Господствующей партией в Конвенте и Исполнительном совете были жирондисты. Как истинные представители крупной буржуазии, они больше всего заботились о том, чтобы обеспечить неприкосновенность частной собственности. Они хотели бы оправдать короля и спасти монархию. Революционная инициатива масс

[1] *Олар Ф. В. А.* Великая французская революция / Пер. с франц. СПб., 1906. С. 161.

их страшила. “Вы хотите республики только для богатых”, — говорил жирондистам Робеспьер, разгадавший секрет их политики.

Партия Горы стремилась к тому, чтобы упрочить завоевания революции 10 августа. Якобинцы требовали проведения революционных преобразований в деревне, укрепления республики, казни короля. Расхождения между Горой и Жирондой увеличивались, и борьба становилась все острее. Жирондисты более всего боялись диктатуры плебейских масс Парижа и хотели бы обезглавить революцию, сравняв Париж — могучий центр и двигатель революции — с прочими департаментами, революционный энтузиазм которых не мог, однако, заменить железной целеустремленности и твердости Парижа. Жирондисты прослыли “федералистами”, жаждавшими ослабить суровый централизаторский нажим Горы, столь необходимый для победы Франции и революции.

Казнь короля. Вопрос об участи короля был вопросом о судьбе всего прошлого, которое было связано с именем короля. Но только в январе 1793 г. Конвент поставил, наконец, на голосование три вопроса: виновен ли Людовик XVI? будет ли решение Конвента утверждаться народом? какого наказания заслуживает Людовик XVI?

По первому вопросу все 707 человек, участвовавших в голосовании, дали утвердительный ответ, и Конвент единогласно принял постановление: “Людовик Капет виновен в заговоре против безопасности государства”.

По второму вопросу из 711 человек 287 голосовали за, 424 — против.

Наиболее острым был, конечно, третий вопрос. Заседание, посвященное ему, продолжалось более 36 часов. Подсчет голосов производился дважды и в результате из 721 голосовавших 387 высказались за смертную казнь, 334 — против. Тогда жирондисты внесли предложение об отсрочке исполнения приговора на неопределенное время. Это предложение было отвергнуто большинством 380 голосов против 310[1].

21 января 1793 г. Людовик XVI был гильотинирован.

Жирондистская конституция 1793 г. Революция 10 августа и провозглашение республики потребовали новой Конституции. 11 октября 1792 г. Конвент образовал конституционную комиссию, в которую вошли почти исключительно жирондисты. Клуб якобинцев создал свою “вспомогательную конституционную комиссию”.

15 февраля 1793 г. Кондорсе, выступавший от имени конституционной комиссии, сделал доклад на заседании Конвента, после чего был прочтен проект Конституции. Конституции предшествовала Декларация естественных, гражданских и политических прав

[1] См.: *Lavisse E.* Histoire de France contemporaine. Paris, 1920. T. I. P. 19—20.

людей, в которой излагались те же принципы, что и в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Некоторые статьи старой Декларации были сформулированы здесь более точно, кое-что было добавлено.

"Равенство состоит в том, что каждый имеет одинаковые права" (ст. 7). "Безопасность состоит в защите, которую общество дает каждому гражданину для охраны его личности, собственности и прав" (ст. 10).

Статья 18 определяла право собственности. "Право собственности состоит в том, что каждый может располагать по своему желанию своим имуществом, капиталами, доходами от них и своими предприятиями".

Статья 20 устанавливала неотчуждаемость личности как таковой: "Каждый человек может сдавать внаем свои услуги и свое время, но не может продать самого себя: его личность не является отчуждаемой собственностью". Эта статья означала не что иное, как запрещение феодальной формы эксплуатации, основанной в значительной мере на личной зависимости.

Деление на департаменты сохранялось, но дистрикты уничтожались. Каждый департамент делился на большие коммуны, которые, в свою очередь, делились на секции. Во главе департамента ставился административный совет из 18 членов, из которых четверть составляли директорию. Советы департаментов подчинялись Исполнительному совету. Администрация Коммуны должна была состоять из двенадцати членов и мэра. Секции имели свою администрацию. Выборность местной администрации сохранялась.

Проект Конституции предусматривал всеобщее избирательное право. Выборы были двухстепенными: сначала избирали кандидатов, а из них — должностных лиц.

Исполнительная власть сосредоточивалась в руках Исполнительного совета республики, состоявшего из семи министров, избираемых народом.

Законодательный корпус состоял из одной палаты, члены которой избирались на один год. Законодательный корпус мог издавать законы и декреты, но не мог изменять Конституцию; для этого должен был созываться Национальный конвент. Решение Конвента об изменении Конституции должно было подвергаться референдуму. Выборность судьи сохранялась.

Начиная с 15 февраля 1793 г. в Конвенте имели место неоднократные и продолжительные прения по поводу проекта Конституции. Однако жизнь ставила такие вопросы, которые отодвигали на второй план конституционные.

Продовольственный вопрос. Затруднения с продовольствием все увеличивались. Развивалась спекуляция, буржуазия получала громадные барыши, народ требовал установления твердых цен на хлеб и другие продукты питания.

С начала 1793 г. требование установления максимума в отношении цен на предметы продовольствия выдвигается все более настойчиво. Положение рабочих и мелких ремесленников было особенно трудным. Выразителями интересов этих слоев являлись так называемые "бешеные". Они требовали введения максимума, установления прогрессивного налога, суровых законов против спекулянтов, организации снабжения продовольствием, вообще борьбы с крупной буржуазией, которая, как они говорили, еще хуже, чем дворянство.

Жирондисты решительно выступали против максимума, видя в попытке введения максимума покушение на священное право частной собственности.

Якобинцы вначале также выступали против максимума, исходя в этом вопросе, как и жирондисты, из принципа невмешательства государства в частный оборот. Робеспьер видел в этом возвращение к дореволюционной регламентации. Но так как положение с продовольствием все ухудшалось и страдания народа увеличивались, якобинцы, не отказываясь от принципа свободы торговли, признали необходимость максимума, как временной меры.

Декрет об образовании революционного трибунала и Комитета общественного спасения. В это время в Конвенте обостряется борьба партий. Под напором масс Жиронда, однако, вынуждена была отступить перед Горой и "бешеными", в результате чего Конвент принял ряд декретов, направленных против контрреволюции.

В марте был издан декрет о чрезвычайном уголовном суде, получившем впоследствии имя революционного трибунала. Все члены его назначались Конвентом. На его решения не было ни апелляции, ни кассации.

Комитет национальной охраны, образованный еще в январе 1793 г., был реорганизован в Комитет общественного спасения. На его обязанности лежала подготовка мероприятия для обороны республики и борьбы с внутренними врагами. Министры должны были перед ним отчитываться, а он, в свою очередь, был подотчетен Конвенту. Руководящую роль в Комитете играл Дантон.

Были усилены наказания за контрреволюционную деятельность. Все участники контрреволюционных беспорядков и восстаний, имевших место в феврале и марте 1793 г., подвергались смертной казни или объявлялись вне закона.

Был установлен прогрессивный налог на богатых и приняты меры для ускорения продажи имений, принадлежавших эмигрантам.

Декрет о максимуме на зерно. 4 мая был принят декрет о максимуме на зерно. Все торговцы и владельцы зерна и муки были обязаны заявить местным властям о количестве имеющегося у них зерна. Власти получали право обязывать владельцев зерна и муки вывозить на рынок необходимое количество этих продуктов. Ус-

танавливались максимальные цены на зерно по департаментам. Уличенные в преднамеренной порче, уничтожении или укрывательстве зерна или муки карались смертью.

Революция 31 мая — 2 июня 1793 г. Жирондисты соглашались на эти мероприятия только по необходимости и ждали удобного момента, чтобы расправиться с Горой и Парижской коммуной. Но влияние жирондистов падало с каждым днем, а измена их ставленника Дюмурье окончательно их скомпрометировала.

Голоса о необходимости изгнания жирондистов из Конвента становились все сильнее. После измены Дюмурье, 15 апреля произошла в Париже антижирондистская демонстрация. Представители секций явились к решетке Конвента и потребовали изгнания 22 виднейших депутатов-жирондистов. Защищаясь, жирондисты воспользовались случайным отсутствием в Конвенте значительного числа монтаньяров (они находились в командировках) и провели декрет о предании суду Марата. Декрет был встречен мощной волной протеста. Суд оправдал Марата, и популярность "друга народа" еще более возросла.

В мае была создана комиссия двенадцати для расследования деятельности Парижской коммуны. Это усилило народное возбуждение. Секции выделили представителей для давления на Коммуну, в которой было довольно сильно влияние умеренных. Был образован Революционный комитет. Представители секций требовали, чтобы Генеральный совет Коммуны присоединился к восстанию, но Совет медлил.

По решению Революционного комитета ночью 31 мая ударили в набат. Комитет направился в ратушу и от имени секций объявил распущенным Генеральный совет Коммуны, после чего тут же восстановил его, уже как орган восстания. Члены Совета принесли присягу оставаться верными единой и нераздельной республике и поддерживать "святую свободу, святое равенство, личную безопасность и уважение к собственности".

В тот же день делегация, сопровождаемая многочисленной толпой народа, представила в Конвент требования Коммуны и Революционного комитета. Эти требования состояли из следующих 14 пунктов: 1) предание суду 22 жирондистов — депутатов Конвента; 2) уничтожение "комиссии двенадцати"; 3) образование революционной армии санкюлотов во всех городах и местечках (в Париже такая армия должна была состоять из 20 000 человек); 4) создание военных мастерских для вооружения санкюлотов в кратчайший срок; 5) установление цены хлеба в 3 су за фунт; 6) арест Лебрена и Клавьери (министры-жирондисты); 7) чистка всего административного аппарата; 8) разоружение, арест и осуждение всех подозрительных; 9) введение временных ограничений избирательного права и предоставление права голоса только санкюлотам; 10) расширение состава Революционного трибунала; 11) образова-

ние мастерских-приютов для престарелых и больных; 12) распределение принудительного займа на 1 миллиард среди богатых; 13) уплата вознаграждения семьям защитников родины; 14) чистка Комитета общественного спасения и Исполнительного комитета[1].

Конвент принял некоторую часть этих требований, чем и удалось временно успокоить народ.

Но 2 июня в Париже было получено известие о событиях в Лионе, где местные жирондисты, объединившись с роялистами, устроили 29 мая кровавую резню и убили около 800 якобинцев. Это известие вызвало большое возбуждение в Париже. С утра национальная гвардия оцепила здание Конвента. Со всех сторон к Конвенту стекался вооруженный народ. Парижская коммуна и Революционный комитет снова представили в Конвент требование об аресте жирондистских депутатов. Однако Конвент направил петицию в Комитет общественного спасения.

Тогда вооруженные патрули заняли все выходы из здания, где заседал Конвент. Некоторые из депутатов попытались выйти, но были вынуждены возвратиться в зал. Конвент принял постановление об удалении войск, окруживших здание, но назначенный Коммуной командующий (Анрио) отказался увести войска. Конвент вынужден был уступить и постановил: подвергнуть 29 депутатов-жирондистов домашнему аресту.

§ 5. Якобинский конвент

Диктатура якобинцев. 2 июня 1793 г. закончился первый период деятельности Конвента и начался период якобинской диктатуры, который длился 14 месяцев — со 2 июня 1793 г. до контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.).

Якобинская диктатура была высшей точкой революции. Опираясь на широкие слои революционного народа, она решительно обрушилась на остатки феодализма.

Конституция 1793 г. Придя к власти, якобинцы немедленно занялись разработкой Конституции. 11 июня Конвент качал обсуждение проекта Конституции, а 24 июня прения были закончены, и проект Конституции принят в окончательной редакции.

Якобинская Конституция наиболее последовательно проводила принципы Декларации прав человека и гражданина. Хотя в некоторых статьях Конституция приближается к жирондистскому проекту, в целом она была гораздо демократичнее, чем проект жирондистов.

По установившейся традиции Конституции предшествовала Декларация прав человека и гражданина. "Целью общества, — го-

[1] *Lavisse E.* Op. cit. P. 102.

ворилось в первой статье Декларации, — является общее счастье. Правительство организуется для того, чтобы гарантировать людям пользование их естественными и неотчуждаемыми правами".

Эта Декларация гораздо определеннее, чем все предыдущие, говорит о суверенитете народа и о праве на сопротивление угнетению. Некоторые ее статьи (как, например, 34-я) прямо повторяют известные места из общественного договора Руссо. Суверенитет принадлежит народу. Попытка захвата суверенитета должна наказываться смертью. "Всякий, кто захватит суверенитет, да будет немедленно умерщвлен свободными людьми" (ст. 27). Статьи 33, 34 и 35 определяют право народа на восстание: "Сопротивление гнету есть следствие других прав человека" (ст. 33). "Угнетено все общество, если угнетен один из его членов. Угнетен каждый член общества, если угнетено все общество" (ст. 34). "Когда правительство нарушает права народа, восстание составляет для народа и для каждой его части самое священное из прав и самую необходимую из обязанностей" (ст. 35).

Статьи, касающиеся собственности, почти полностью повторяют соответствующие статьи жирондистского проекта. "Право собственности принадлежит каждому гражданину и состоит в том, чтобы пользоваться и распоряжаться по желанию своим имуществом, своими доходами, продуктами труда и промышленности" (ст. 16). Статья 19 Декларации соответствует ст. 17 Декларации прав 1789 г. и ст. 21 жирондистской Декларации прав 1793 г.: "Никто не может быть лишен, без его согласия, малейшей части его собственности, если только этого не требует общественная необходимость, законно констатированная, и при условии справедливого и предварительного вознаграждения".

Конституция устанавливала всеобщее избирательное право. Все граждане мужского пола, достигшие 21 года, имели право избирать и быть избранными на все выборные должности. Устанавливались прямые выборы депутатов в Законодательный корпус. Один депутат приходился на 39—41 тысячу жителей.

Законодательный корпус избирался на один год и состоял из одной палаты. Он предлагал законы и издавал декреты. Конституция определяла, по каким вопросам должны были издаваться те и другие. Декреты не нуждались в санкции народа, закон же получал силу лишь в том случае, если в течение 40 дней после его рассылки по департаментам $^{1}/_{10}$ первичных собраний в большинстве департаментов (половина плюс один) не опротестовала его.

Исполнительный совет должен был состоять из 24 членов, избиравшихся следующим образом: первичные собрания избирали выборщиков, собрание выборщиков каждого департамента избирало одного кандидата, а из полученного таким образом списка Законодательный корпус избирал членов Исполнительного совета. Совет должен был обновляться каждый год в размере половины

своих членов. Он заведовал общей администрацией и мог действовать только во исполнение существующих законов и декретов.

Чиновники местной администрации и судьи были выборные.

Таковы основные черты якобинской Конституции.

Приняв Конституцию, Конвент решил представить ее на утверждение первичных собраний.

С резкой критикой Конституции выступили "бешеные". Они считали, что дарование политических прав народу еще недостаточно для его благосостояния, и требовали ограничения аппетитов богачей, ограничения свободы торговли и собственности. "Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может морить другой голодом. Равенство — пустой призрак, когда богатый путем скупок получает право над жизнью и смертью своих близких", — говорил Жак Ру в Конвенте[1].

Агитация "бешеных" против Конституции не имела большого успеха. На голосовании в первичных собраниях избирателей Конституция была одобрена огромным большинством голосов. Но вскоре после ее принятия рост внешней и внутренней опасности заставил отложить ее применение на неопределенное время.

Борьба с контрреволюцией и террор. Успешное ведение войны было невозможно без решительной борьбы против внутренней контрреволюции. В течение лета 1793 г. одно контрреволюционное восстание вспыхивало за другим. 13 июля был убит Марат. 16 июля в Лионе был гильотинирован местный руководитель якобинцев Шалье.

Народ был недоволен политикой Конвента. Он требовал решительной борьбы против контрреволюционеров и принятия мер для снабжения населения продовольствием. Выразителем требований народных масс явилась Парижская коммуна. Прокурор Коммуны Шометт и редактор газеты "Отец Дюшен" Эбер были организаторами движения.

5 сентября делегации секций Парижа явились в Конвент и потребовали решительных продовольственных мер. Для обуздания врагов революции они требовали террора. "Поставьте террор в порядок дня" — таков был их лозунг.

17 сентября Конвент принял *декрет о подозрительных.* Немедленно по опубликовании этого декрета все подозрительные подлежали аресту. Подозрительными были объявлены: 1) те, кто своим поведением, связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании, феодализма и враги свободы; 2) те, которые не могли удостоверить источники своего существования и факт исполнения своих гражданских обязанностей; 3) те, которым отказано в выдаче свидетельства о благонадежности; 4) государственные служащие, смещенные Конвентом или его комисса-

[1] Цит. по кн.: Новая история в документах и материалах: В 2-х вып. М., 1934. Вып. 1. С. 196.

рами; 5) те из бывших дворян, которые являются мужьями, женами, родителями, детьми, братьями, сестрами или бывшими служащими эмигрантов, если они не проявляли постоянно своей привязанности к республике.

Революционное правительство. В обстановке ожесточенной борьбы с контрреволюцией было невозможно осуществить демократическую Конституцию якобинцев. Делегаты от департаментов еще в августе, сразу же после утверждения Конституции, предложили Конвенту сохранить полномочия до окончания войны. Состоялось решение отложить проведение Конституции. Декретом 10 октября 1793 г. было объявлено, что "временное правительство Франции остается революционным до заключения мира". Вследствие этого декрета Исполнительный совет терял почти всякое значение, зато значительно усиливалась власть Комитета общественного спасения.

Декретом 14 фримера II года (4 декабря 1793 г.) определялась компетенция существующих органов власти и предусматривалось также окончание в кратчайший срок чистки всего административного аппарата.

В докладе 25 декабря 1793 г. Робеспьер следующим образом определил принципы революционного правительства: "...Цель конституционного правительства — сохранить республику; цель революционного правительства — основать ее. Революция — это борьба свободы против ее врагов; конституция — это проявление свободы, уже одержавшей победу и установившей мир. Революционное правительство нуждается в развитии чрезвычайной энергии именно потому, что оно находится в состоянии войны. Оно подчинено менее единообразным и строгим правилам, потому что окружающие его обстоятельства грозны и изменчивы, особенно потому, что оно беспрестанно вынуждено изыскивать новые и спешные средства для устранения вновь возникающих и неотложных трудностей.

...Если революционное правительство должно быть более энергично в своих действиях и менее стеснено в своих движениях, чем обычное правительство, то разве оно становится от этого менее справедливым и законным? Нет. Оно опирается на самый священный из всех законов — спасение народа, на самый непоколебимый из всех принципов — необходимость. У него тоже есть свои правила, основанные на справедливости и на поддержании общественного порядка. У него нет ничего общего с анархией и беспорядком; наоборот, его целью является подавить их, с тем, чтобы водворить и упрочить царство законности. У него нет ничего общего с произволом: оно должно руководствоваться не интересами частных лиц, а благом всего общества"[1].

[1] Цит. по кн.: Новая история в документах и материалах. Вып. 1. С. 166.

Конвент. Высшим органом власти в якобинской республике являлся Конвент. Якобинцы отказались от разделения властей. "Национальный конвент, — говорилось в декрете 4 декабря 1793 г., — является единственным центральным органом правительственной власти". Все другие центральные правительственные органы подчинялись Конвенту, который, таким образом, сосредоточил в своих руках как законодательную, так и исполнительную власть.

Управление страной находилось в руках двух комитетов, подчиненных Конвенту: Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности.

Комитет общественного спасения. Комитет общественного спасения был создан, как мы знаем, после измены Дюмурье, 6 апреля 1793 г. Он состоял тогда из 9 человек, большинство из которых являлись сторонниками главы Комитета Дантона. Ему было поручено контролировать и ускорять административную деятельность Исполнительного совета. Он мог принимать в неотложных случаях меры общей внешней и внутренней охраны, его постановления должны были без замедления осуществляться Исполнительным советом. Заседания Комитета происходили втайне. После апреля он пополнялся неоднократно новыми членами, так что к июлю 1793 г. в его составе насчитывалось 16 человек[1].

Колеблющаяся политика Дантона и его приверженцев, господствовавших в Комитете, вызвала летом 1793 г. широкое недовольство. При перевыборах Комитета 10 июля 1793 г. количество его членов было снова ограничено девятью. Дантон не прошел в новый состав. 27 июля в Комитет был введен Робеспьер, ставший его главой. После этого Конвент ввел в Комитет несколько дополнительных членов, так что в конце сентября 1793 г. он насчитывал 12 членов. Комитет переизбирался каждый месяц и до 9 термидора оставался в неизменном составе. Впрочем, член Комитета Эро де Сешель был гильотинирован, но никем не заменен.

Роль Комитета все возрастала, и совместно с Комитетом общественной безопасности он сосредоточил в своих руках все нити управления страной. В декрете 10 октября 1793 г. было сказано: "Временный исполнительный совет, министры, генералы и все государственные учреждения должны находиться под наблюдением Комитета общественного спасения, который должен еженедельно давать отчет о них Конвенту"[2].

Упомянутый выше декрет об организации временного революционного правительства от 4 декабря 1793 г. еще сильнее

[1] *Олар Ф. В. А.* Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789—1804 гг. / Пер. с франц. Н. Кончевской. М., 1938. С. 405, 409.

[2] *Олар Ф. В. А.* Указ. соч. С. 410.

подчеркивает руководящую роль Комитета общественного спасения. Все учреждения и должностные лица подчинялись Комитету. Исключение составляла полиция, которой ведал Комитет общественной безопасности, подчиненный непосредственно Конвенту. Комитет общественного спасения мог отстранять чиновников от должности, предавать их суду и назначать заместителей вместо отстраненных.

Главнокомандующие армией и флотом назначались Конвентом по представлению Комитета. Что касается других лиц командного состава, то военный и морской министры не могли делать никаких повышений без представления в Комитет общественного спасения списка с указанием мотивов назначения, а Комитет удовлетворял или отвергал предложения министров.

Постепенно верховное командование перешло в руки Комитета, и генералы стали получать приказания непосредственно от него. Ему было поручено также руководство внешними сношениями.

В апреле 1794 г. шесть министерств и объединявший их Временный исполнительный совет были заменены двенадцатью исполнительными комиссиями, подчиненными Комитету. Каждая комиссия состояла из одного или двух комиссаров с помощником или без него и ведала определенной отраслью управления. Комиссии должны были ежедневно давать отчет Комитету о своих действиях. Между членами Комитета существовало более или менее постоянное распределение функций. Со времени образования комиссий каждый член Комитета наблюдал за деятельностью одной или нескольких из них.

Комитет общественного спасения работал в тесном контакте с Комитетом общественной безопасности, так что важнейшие вопросы решались нередко на их совместных заседаниях.

Комитет общественной безопасности. Комитет общественной безопасности был образован Конвентом под давлением народных масс еще осенью 1792 г., и первые выборы в Комитет состоялись 17 октября 1792 г. С самого начала это был орган борьбы с контрреволюцией, имевший право арестовывать по обвинению в заговоре, в пособничестве роялистам и внешним врагам. В первое время Комитет состоял из тридцати членов.

Комитет уже тогда был весьма важным органом, и зимой 1792/93 г. происходила ожесточенная борьба между Горой и Жирондой за обладание этим острым оружием. До осени 1793 г. Комитет неоднократно обновлялся.

Когда началась решительная борьба с контрреволюцией, некоторые члены Комитета общественной безопасности оказались недостаточно устойчивыми. В сентябре 1793 г. Конвент утвердил по предложению Комитета общественного спасения новый состав Комитета общественной безопасности из 12 человек. После этого до 9 термидора в его составе происходили лишь незначительные изменения.

Комитет общественной безопасности имел надзор за подозрительными в соответствии с декретом о подозрительных 17 сентября 1793 г., наблюдал за тюрьмами и направлял дела на разрешение революционного трибунала.

Комиссары Конвента. Представителями центральной власти на местах были комиссары Конвента. Еще зимой 1792/93 г. Конвент посылал по мере надобности некоторых из своих членов в армию и в департаменты со специальными поручениями. Обострение положения к весне 1793 г. заставило Конвент расширить практику посылки депутатов на места. 9 марта 1793 г. Конвент издал декрет об отправке в каждый из департаментов по два члена Конвента.

Комиссары Конвента непосредственно подчинялись Комитету общественного спасения. Декрет 4 декабря 1793 г. об организации революционного правительства обязывает комиссаров каждые 10 дней сноситься с Комитетом общественного спасения. Комиссары "не могут препятствовать или приостанавливать выполнение постановлений и правительственных мероприятий, принятых Комитетом общественного спасения", — говорилось в декрете. Однако местные условия, а также невозможность при тогдашних средствах связи быстро снестись с Парижем приводили к тому, что комиссары и после декрета 4 декабря нередко действовали по своему усмотрению.

Полномочия комиссаров были очень широкими. Комиссары при армиях наблюдали за выполнением распоряжений центра и вообще за деятельностью командного состава, со стороны которого нужно было постоянно опасаться измены. Они могли временно отрешать генералов от должности и заменять их другими. Обстановка заставляла их нередко вмешиваться в оперативную работу и даже принимать на себя командование армией.

В департаментах местные власти должны были действовать в соответствии с указаниями комитетов. 16 августа 1793 г. Конвент декретировал, чтобы "администраторы, приостанавливающие выполнение постановлений представителей, наказывались десятью годами каторжных работ".

Полномочия комиссаров Конвента в департаментах не были точно определены, да и вряд ли это можно было сделать в такое бурное время. Комиссары могли требовать отчета от местных властей, отстранять должностных лиц, принимать все необходимые меры для охраны порядка, заключать в тюрьму подозрительных и т. д.

Декретом 4 декабря 1793 г. комиссарам было предложено провести общую чистку администрации. Циркуляр Комитета общественного спасения предписывал проводить чистку на общих собраниях населения. Это была широко демократическая проверка аппарата.

Революционные комитеты. Важнейшей опорой якобинской диктатуры на местах являлись широкие массовые организации, которые наряду с ординарной местной администрацией выполняли ряд функций государственной власти. Такими организациями являлись революционные комитеты, народные общества и клубы.

Революционные комитеты были созданы весной 1793 г. по настойчивому требованию народа. Декретом 21 марта 1793 г. было предписано, чтобы в каждой коммуне или секции коммуны был избран наблюдательный комитет для наблюдения за иностранцами.

Декретом о подозрительных на революционные (наблюдательные) комитеты было возложено составление списков подозрительных. Комитеты могли производить обыски и издавать приказы об аресте.

Декретом 4 декабря 1793 г. компетенция революционных комитетов была еще более расширена. "Проведение революционных законов и мер общественной безопасности и общественного спасения поручается муниципалитетам и наблюдательным или революционным комитетам", — говорилось в декрете.

Многочисленные народные общества и клубы различных названий, большинство которых являлось отделениями Якобинского клуба, играли вместе с революционными комитетами важную роль в проведении революции на местах. Всюду наблюдалась невиданная политическая активность населения. Народные общества и клубы участвовали в чистке аппарата и помогали революционным комитетам наблюдать за подозрительными.

Декрет о всеобщем максимуме. В условиях войны и дезорганизации экономики якобинцы вынуждены были проводить экономическую политику, которая далеко не соответствовала их принципам. В принципе якобинцы были за свободу торговли, обстановка же требовала ограничения и свободы торговли и права собственности. Еще 26 июля 1793 г. был издан декрет против скупщиков. Так как, несмотря на это, богачи и спекулянты припрятывали хлеб и другие продукты, то 29 сентября 1793 г. декретом о всеобщем максимуме были установлены максимальные цены на продукты первой необходимости. За продажу или покупку по ценам выше максимума виновные подвергались штрафу, равному двойной стоимости проданного, и заносились в списки подозрительных.

Эти мероприятия, вместе с введением продовольственных карточек, помогли справиться с голодом.

Вместе с тем декрет устанавливал предельные ставки заработной платы. Муниципалитетам давалось право наказывать, смотря по обстоятельствам, тремя днями ареста рабочих, ремесленников и других занимающихся физическим трудом лиц, если они без уважительных причин отказывались от исполнения своих обычных работ.

Реорганизация армии. На борьбу с наступающей европейской реакцией были брошены все силы республики. В процессе этой

борьбы якобинцы произвели коренную реорганизацию армии. До этого времени французская армия состояла из двух разнородных частей: линейных войск и волонтеров. Комитет общественного спасения объединил линейные и волонтерские войска, создал армию с единым командованием и уставом.

Была произведена чистка офицерского состава. На командные посты выделялись свежие силы из народа.

Законы о церкви и религии. Контрреволюционная деятельность католического духовенства отталкивала массы от церкви. В ноябре 1793 г. Парижская коммуна приняла постановление, в котором говорилось, что парижский народ "...отказался признать какой-либо другой культ, кроме культа Истины и Разума...". Коммуна постановила закрыть все церкви и угрожала арестом каждому, кто потребует их открытия. В департаментах по инициативе комиссаров Конвента, революционных комитетов и народных обществ церкви превращались в "храмы Разума".

Декреты Конвента 5 и 24 октября 1793 г. заменили грегорианский календарь республиканским. Устанавливалось новое летосчисление: с 22 сентября 1792 г. месяцы получили названия по характеру времени года и делились на декады, дни декады получили порядковые названия. Церковные даты и праздники заменялись новыми, отменялось воскресенье и вместо него должен был праздноваться десятый день декады.

Конвент, однако, не одобрял закрытия церквей, и Робеспьер горячо защищал свободу культа. По его инициативе Конвент принял декрет (6—8 декабря 1793 г.), которым запрещались какие бы то ни было насилия и угрозы, несовместимые со свободой культов. Конвент призывал всех граждан воздержаться от богословских споров и направить все силы на борьбу с врагами республики.

7 мая 1794 г., также по инициативе Робеспьера, декретом о культе верховного существа основана была как бы новая религия. "Французский народ признает верховное существо и бессмертие души, — говорилось в этом декрете. — Он признает, что культом, достойным верховного существа, является исполнение человеком его гражданских обязанностей..." Вводились праздники в честь нового божества, но свобода культов сохранялась.

Отмена рабства в колониях. Трудно найти такую область общественных отношений, которой бы не затронуло многостороннее законодательство якобинцев. Одним из важнейших мероприятий была отмена рабства в колониях. В декрете Конвента говорилось: "Национальный конвент провозглашает, что рабство негров в колониях отменяется, и в связи с этим постановляет, что все жители колоний без различия расы являются французскими гражданами и пользуются всеми правами, установленными конституцией".

Борьба внутри якобинского блока и переворот 9 термидора. В конце 1793 г. и в начале 1794 г. до крайности обострилась

внутренняя борьба в лагере монтаньяров. В результате этой борьбы погибли на эшафоте Эбер, Дантон и их приверженцы. Но победа Робеспьера не спасла якобинской диктатуры: эта диктатура выполнила свою историческую миссию и становилась объективно ненужной. "...Террор стал совершенно излишним после победы при Флерюсе, 24 июня 1794 г. Эта победа не только освободила границы, но передала Франции Бельгию и косвенным образом левый берег Рейна; Робеспьер стал тогда также лишним и пал 24 июля"[1].

Еще в конце мая образовался заговор против Робеспьера и его сторонников. Буржуазное "болото" все более склонялось на сторону противников Робеспьера, желавших конца революции, чтобы, наконец-то, воспользоваться ее результатами. 9 термидора (27 июля) заговорщики перешли в решительную атаку, и Конвент вынес постановление об аресте Робеспьера, а также Сен-Жюста, Кутона и других.

28 июля Робеспьер и еще 21 человек из его сторонников были казнены. Революционный период в развитии французского государственного устройства закончился, — буржуазия приступила к переустройству государственного аппарата на свой лад.

[1] *Энгельс Ф.* Письмо к Адлеру // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXVIII. С. 162.

Глава 4. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Термидорианский конвент

Реорганизация правительства. На другой же день после казни Робеспьера Конвент внес изменения в организацию правительства. Он декретировал, что состав Конвента обновляется ежемесячно на одну четверть и что выходящие члены не могут быть снова избраны ранее чем через месяц. Комитет общественного спасения был обновлен, но депутатов все еще пугала власть, которая ему принадлежала, и в конце августа 1794 г. он был заменен шестнадцатью комитетами Конвента. Каждый комитет мог издавать, в своей области, обязательные постановления. Исполнительные комиссии давали отчеты комитетам. Власть Комитета общественного спасения, который до тех пор вместе с Комитетом общественной безопасности фактически руководил всеми остальными комитетами, была значительно урезана. Ему были оставлены только военные дела и внешние сношения. Впрочем, позднее Комитету была возвращена его преобладающая роль.

Конституция 5 фруктидора III года (22 августа 1795 г.). Лицо Конвента сильно изменилось. Буржуазия пользовалась всяким поводом для того, чтобы изгнать из Конвента уцелевших после 9 термидора якобинцев, жирондистские депутаты были возвращены в Конвент, пустые же места занимались вновь избираемыми членами. Влияние наиболее ярых термидорианцев в Конвенте все возрастало.

Применение Конституции 1793 г., как указывалось выше, было только отложено, но термидорианский конвент не решился сразу заявить народу, что он порывает с этой Конституцией. В период позднейших событий, известных под названием "жерминаля" и "прериаля", восставшие требовали введения Конституции 1793 г. 2 прериаля Конвент даже вынужден был обещать восставшим, что созданная им комиссия представит в ближайшее время проект "органических законов" Конституции 1793 г., т. е. дополнительных законов, необходимых для ее осуществления.

Но народное движение было подавлено, комиссия реорганизована и вместо "органических законов" Конституции 1793 г. (которую докладчик комиссии назвал анархической), комиссия представила Конвенту проект новый Конституции.

Принятая Конвентом 22 августа Конституция была передана на утверждение первичных народных собраний. Конвент был уве-

рен, что в условиях белого террора Конституция получит одобрение. Но какое это было жалкое голосование по сравнению с плебисцитом 1793 г.! Тогда в голосовании участвовало около 2 миллионов, теперь несколько больше 1 миллиона; в 1793 г. против Конституции голосовало около 13 тысяч, теперь, несмотря на уменьшение вдвое общего числа голосовавших, — около 50 тысяч[1]. За Конституцию 1793 г. было подано на 750 тысяч голосов больше, чем за Конституцию III года.

Конституция III года решительно урезала права, завоеванные народом в период революции.

Законодательная власть осуществлялась Законодательным корпусом, состоящим из двух палат: Совета старейшин и Совета пятисот. Совет пятисот состоял из 500, а Совет старейшин из 250 депутатов, избираемых на три года. Каждый год обновлялась одна треть состава Советов. Специальным декретом, утвержденным референдумом, было предусмотрено, что $^2/_3$ членов Конвента должны были войти в первый состав Законодательного корпуса.

Устанавливались двухстепенные выборы. Первичные собрания избирали членов собраний выборщиков, мирового судью и его заместителя, председателя коммунального управления, а в коммуны с населением свыше 5 тысяч — муниципальных должностных лиц.

Собрания выборщиков избирали Законодательный корпус, кассационный суд (для всей республики), департаментских должностных лиц, судей департаментских уголовного и гражданского судов. Избирателями могли быть французские граждане мужского пола, родившиеся и проживающие во Франции, достигшие 20 лет, записанные в "цивильный регистр" кантона и уплачивающие прямой налог. Выборщиками же могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста и обладающие имуществом на правах собственности или пользования, приносящим доход, равный 200-дневной заработной плате в городах с населением свыше 6000 человек и 150-дневной заработной плате в городах с населением ниже 6000 человек и в деревнях. Таким образом, в основу избирательного ценза было откровенно положено богатство.

Для членов Совета старейшин возрастной ценз был установлен в 40 лет, для членов Совета пятисот — 30 лет, ценз оседлости соответственно 15 и 10 лет. Членом Совета старейшин мог быть лишь женатый или вдовец.

Совету пятисот присваивалось право инициативы и обсуждения законопроектов, Совет старейшин должен был лишь утверждать или отвергать "резолюции" Совета пятисот. Совет старейшин, кроме того, имел право по своему усмотрению перенести в другой город заседания Законодательного корпуса, право, которым впоследствии воспользовался Наполеон.

---

[1] *Олар Ф. В. А.* Политическая история французской революции. С. 695.

Исполнительная власть вручалась директории, состоявшей из 5 членов, избираемых Законодательным корпусом. Она возобновлялась частично путем выборов ежегодно одного нового члена. Министры не составляли Совета. По-новому были организованы местное управление, судебная система и т. д. Через два месяца после принятия Конституции, 26 октября 1795 г., Конвент прекратил свою деятельность.

§ 2. Директория

Борьба с заговорами и восстаниями. Буржуазия праздновала победу. Оживилась промышленная и торговая жизнь, заработала биржа, возобновились салоны. Но политическое господство буржуазии было непрочно. Ей приходилось лавировать между двумя опасностями: слева — со стороны народа и справа — со стороны феодальной реакции.

Экономическое положение народа в период директории было очень тяжелым. Цены росли, заработная же плата не повышалась. Политический режим термидорианской реакции озлоблял население, и недовольство росло. Отражением этого недовольства был заговор Бабефа (1796 г.), стремившийся к уничтожению частной собственности и неравенства людей. Заговор "равных" был раскрыт 28 мая 1797 г., и Бабеф был казнен.

Чем решительнее расправлялась буржуазия с народным движением, тем выше поднимали голову роялисты, у которых воскресали надежды на восстановление старого режима или по крайней мере легитимной монархии.

В 1797 г. роялисты, получившие значительное число мест при выборах в Законодательный корпус, намеревались совершить государственный переворот, который был, однако, предупрежден правительством. Многие роялисты были исключены из Законодательного корпуса и арестованы. Были приняты меры против эмигрантов и неприсягнувших священников. Эти события принято называть государственным переворотом 18 фруктидора (4 сентября 1797 г.). Директория качнулась влево.

Но если переворот 18 фруктидора был направлен против роялистов, то менее чем через год, испугавшись роста демократического движения, директория совершает новый государственный переворот под предлогом защиты республики от "якобинского заговора". В результате этого переворота (22 флореаля — 11 мая 1798 г.) были аннулированы выборы 106 депутатов, не угодных правительству. На этот раз директория качнулась вправо.

Тем не менее положение директории ухудшалось. Она явно неспособна была эффективно бороться с грозившими буржуазии опасностями, с одной стороны, в виде оживлявшегося демокра-

тического движения, и с другой стороны — в лице роялистов. Правительство директории теряло поддержку буржуазии, жаждавшей "сильной власти".

Почва для контрреволюционного переворота была готова. 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.) этот переворот совершил генерал Наполеон Бонапарт.

§ 3. Консульство

Переворот 18 брюмера VIII года и конституционный проект Сийэса. Переворотом 9 ноября 1799 г. (18 брюмера по республиканскому календарю) директория была упразднена и Конституция III года отменена. Была учреждена консульская Исполнительная комиссия в составе Бонапарта, Сийэса и Роже Дюко, облеченная впредь до выработки новой Конституции полномочиями временного правительства.

Первоначальный проект Конституции VIII года был составлен Сийэсом, с самого начала революции принимавшим деятельное участие в выработке политической программы французской буржуазии. Считая, что со времени созыва Генеральных Штатов Франция страдала от отсутствия твердой власти, и в то же время стремясь сохранить видимость народовластия, провозглашенного в политических учениях эпохи революции, Сийэс в своем проекте проводил принцип сочетания власти, долженствовавшей приходить "сверху", и "доверия", оказываемого этой власти народом "снизу". В этих целях народу предоставлялось выбирать кандидатов, из которых правительство по своему усмотрению назначало должностных лиц коммун, департаментов и государственного аппарата.

Пять миллионов достигших совершеннолетия мужчин избирали 500 тысяч "коммунальных нотаблей", которые предназначались для замещения по усмотрению правительства муниципальных должностей и из которых отбиралось 50 тысяч "департаментских нотаблей". "Департаментские нотабли" были кандидатами на департаментские должности и, в свою очередь, выбирали одну десятую часть, т. е. пять тысяч "национальных нотаблей" — кандидатов в члены законодательного собрания и на правительственные должности. В числе национальных нотаблей должны были попасть все лица, бывшие в течение 10 лет с начала революции депутатами народных собраний или государственными деятелями. Списки нотаблей составлялись на десять лет, состав первого законодательного собрания назначался по усмотрению правительства.

Процесс законодательства по плану Сийэса расчленялся между несколькими собраниями: право законодательной инициативы

принадлежало Государственному совету, обсуждения законопроектов — трибунату, вотирования законов — Законодательному собранию, выслушивавшему защиту законопроектов Государственным советом и критику их трибунатом. Важная роль отводилась "охранительному сенату", долженствовавшему охранять Конституцию, отклонять противоконституционные законы и назначать членов вышеперечисленных собраний, а также высших должностных лиц. Сенат, по мысли Сийэса, был центром всей правительственной системы. Исполнительная власть предполагалась в виде коллегии двух "консулов", из которых первый вел военные и иностранные дела, второй — внутреннее управление. Консулы назначали министров, министры — чиновников центрального правительственного аппарата и местной администрации. Учреждалась особая должность стоявшего выше консулов "великого избирателя", который назначал и смещал консулов и представлял государство во внешних сношениях. Должность "великого избирателя" предназначалась Сийэсом для самого Наполеона с целью удовлетворения его честолюбивых замыслов и в то же время нейтрализации сложной правительственной системы его стремлений к единовластию ("великий избиратель" входил в состав сената и мог быть им смещен).

Конституция VIII года. Наполеон отверг проект Сийэса, назвав предназначавшуюся ему должность "великого избирателя" "тенью Ленивого короля". Наполеон сам разработал конституцию, сохранив фиктивное народовластие проекта Сийэса, построив аналогичную многостепенную избирательную систему и раздробив процесс законодательства между многими собраниями, состоявшими из назначаемых правительством членов. Но центром правительственной системы по плану Наполеона являлась должность первого консула.

Избирательная система. Все мужчины, достигшие 21 года, считались избирателями, и, поскольку имущественного ценза не существовало, создавалась видимость всеобщего избирательного права. В действительности, вследствие многостепенности и других особенностей выборов, круг избирателей был чрезвычайно узок. Первичной избирательной единицей признавалась городская и сельская община, коммуна. Избиратели коммуны избирали одну десятую часть членов коммуны, и выбранные заносились в "коммунальные списки". Из числа лиц, вошедших в коммунальный список, назначалась администрация и мировые судьи коммуны. Далее, в каждом департаменте избиралась одна десятая часть лиц, вошедших в коммунальные списки департамента, и составлялся "департаментский список", из которого назначалась администрация и судьи департамента. А из совокупности всех департаментских списков, путем избрания одной десятой части, составлялся "национальный список", из которого назначались государствен-

ные должностные лица и члены представительных собраний. Выбор кандидатов из национального списка на те или иные должности был предоставлен главе исполнительной власти — первому консулу совместно с сенатом.

Ф. В. А. Олар делает по поводу этой системы следующее верное замечание: "Предположите, что данный округ заключал бы в себе 10 тысяч граждан... Избрать из этих 10 тысяч человек по меньшей мере тысячу граждан — значило в сущности не избрать никого, так как требование такого большого числа не давало возможности никакого выбора. Чтобы достигнуть этой цифры, приходилось бы выбирать всех мало-мальски грамотных... Такова была эта достойная смеха и якобы демократическая избирательная система"[1].

Организация законодательной власти. Законодательная инициатива принадлежала первому консулу. Подготовительная законодательная работа и редактирование законопроектов, предложенных первым консулом, осуществлялись Государственным советом, члены которого назначались первым консулом. Из Государственного совета законопроект передавался на рассмотрение трибуната, состоявшего из 100 членов, избираемых сенатом из лиц, входивших в национальный список. Из трибуната после обсуждения законопроект поступал в Законодательный корпус, члены которого в числе 300 также избирались сенатом из национального списка. Законодательный корпус в полном молчании выслушивал доклад о законопроекте и затем без прений приступал к закрытой баллотировке. В случае принятия Законодательным корпусом законопроект, прежде чем войти в силу, должен был еще получить санкцию Охранительного сената, который рассматривал новый закон с точки зрения его соответствия или несоответствия Конституции. Сенату присвоено было в дальнейшем весьма важное право издания постановлений, изменявших государственное устройство. Такие постановления назывались органическими сенатус-консультами. Состоял сенат из 80 пожизненных членов. Первые 20 сенаторов были по уполномочию Конституции представлены к назначению Сийэсом, Роже Дюко, Камбасересом и Лебреном, Сийэс же и Роже Дюко вошли и состав сената по прямому указанию Конституции. Дальнейшее пополнение сената должно было производиться посредством кооптации, но вскоре путем изменения Конституции право представлять кандидатов в сенаторы взамен выбывших было предоставлено первому консулу. Вследствие этого первый консул получил решающее влияние на состав сената. Обнародование законов производилось первым консулом. Вследствие раздробления законодательного процесса между тремя органами (трибунат, Законодательный корпус, Охранительный сенат) пер-

[1] *Олар Ф. В. А.* Указ. соч. С. 855—856.

вый консул, обладая правом законодательной инициативы, имел возможность давать законодательной деятельности представительных собраний желательное ему направление. Так как прения были отделены от голосования, трибунат, так же как и Законодательный корпус, большей частью не оказывал решающего влияния на законопроекты. Охранительный сенат, имевший возможность отклонить законопроект, прошедший предшествующие законодательные инстанции, фактически осуществлял волю первого консула. Таким образом, подобно тому, как избирательная система сводила к нулю действительную роль избирателей, сложная законодательная процедура служила для прикрытия единовластия первого консула.

Исполнительная власть. Исполнительная власть принадлежала коллегии в составе трех консулов с 10-летним сроком полномочий. Второй и третий консулы никакой самостоятельной роли не могли играть, — они были не более как советниками первого консула, который мог с их советами и не считаться. Первый консул являлся представителем "французской республики" в международных сношениях. Ему принадлежало право заключать договоры и объявлять войну. Он назначал и смещал министров, которые были ответственны только перед ним, членов Государственного совета, всех чиновников, офицеров армии и флота, судей, кроме мировых судей и членов кассационного суда. Наконец, первый консул мог издавать помимо законодательных собраний распоряжения, которые, будучи опубликованы в форме постановлений, приобретали силу закона.

Конституция VIII года не только предоставляла первому консулу возможность сосредоточить всю государственную власть в своих руках, но, более того, — в качестве первого консула прямо называла Наполеона Бонапарта.

Конституция VIII года была подвергнута плебисциту, порядок проведения которого предусматривал письменную подачу голосов избирателями, причем ответы "да" или "нет" должны были открыто вписываться в выставленные для этой цели утвердительные и отрицательные реестры. Для обеспечения благоприятного результата были использованы все средства административно-полицейского характера. Результаты были таковы, что при подсчете голосов в некоторых коммунах число утвердительных ответов превышало число граждан, проживавших в этих коммунах. Впрочем, Конституция была введена в действие до окончания плебисцита, и, таким образом, приходилось под неусыпным надзором полиции, открыто, в письменной форме, высказывать свой ответ по поводу уже действовавшей Конституции. Как и следовало ожидать, при таком порядке Конституция была одобрена 3 011 007 голосами против 1562.

Организация административного управления. Вскоре после установления консульского режима закон 28 плювиоза (17 фев-

раля 1800 г.) организовал новую администрацию Франции. Территория страны делилась на 88 департаментов, распадавшихся на округа и коммуны (городские и сельские общины). Административная власть в пределах департамента вверялась префекту, в округе — супрефекту. В департаментах учреждались советы префектур, имевшие значение органов административной юстиции первой инстанции, и генеральные советы, ведавшие налоговым обложением. В округах устанавливались советы окружные, в городах — муниципальные, генеральные и окружные советы, избиравшиеся на три года, заседали не более пятнадцати дней в году и производили разверстку прямых налогов между округами и коммунами. Кроме того, генеральный совет принимал постановления о взимании дополнительных, сверх государственных, налогов, сборов на покрытие департаментских расходов. Префекты распоряжались суммами дополнительных сборов по своему усмотрению и обязаны были лишь в конце года представлять отчет об их израсходовании на рассмотрение генеральных советов, имевших возможность только выражать свое мнение о нуждах департамента. Компетенция муниципальных советов была несколько шире в том отношении, что им принадлежало право обсуждения приходо-расходного бюджета, утверждавшегося затем супрефектом. Полиция в сельских коммунах и городах с населением менее 100 тысяч была подчинена мэрам и их помощникам, а в городах с населением, превышающим 100 тысяч, — особому чиновнику по назначению правительства. Полиция в Париже была подчинена префекту полиции. Префекты, супрефекты, члены генеральных и окружных советов, мэры, их помощники и муниципальные советники назначались первым консулом, все остальные чиновники местной администрации — префектами.

Таким образом, законом 26 плювиоза были уничтожены все элементы самоуправления, образовавшегося после падения старого режима в процессе революции, выборные должностные лица были заменены правительственными чиновниками, собрания представителей населения уступили место советам также по назначению правительства. Введенная Наполеоном тотчас же после его прихода к власти административная система означала централизацию и бюрократизацию управления и общее усиление государственной власти.

Органический сенатус-консульт 1802 г. По желанию, выраженному первым консулом, в 1802 г. был проведен плебисцит, организованный так же, как и плебисцит по поводу Конституции VIII года. Плебисцитом 1802 г. (тремя с половиной миллионами голосов против 15 тысяч) Наполеон был назначен пожизненным консулом. Вслед за этим органический сенатус-консульт установил, что консулы назначаются пожизненно, причем первый консул, если он признает это уместным, может назначить себе преемника. Перво-

му консулу предоставлялось также право ратификации трактатов с иностранными государствами и право помилования преступников.

Одновременно сенатус-консульт 1802 г. расширял власть первого консула предоставлением ему права назначать президентов избирательных коллегий. В каждом департаменте по распоряжению министра финансов составлялись списки 600 граждан, платящих наибольшие налоги по спискам податного обложения земельных владений, движимого имущества и предметов роскоши, а также согласно спискам лиц, выбирающих патенты. Из этих списков пожизненно избранные кантональными собраниями члены окружных собраний избирали также пожизненно членов избирательных коллегий департаментов. Правительственное влияние на выборы и роль имущих слоев населения после этого значительно увеличились, так как назначаемым первым консулом президентам принадлежала исключительная власть распоряжения в избирательных коллегиях, а в круг лиц, из которых могли быть избраны лица, занесенные в департаментские, а тем более в национальный списки, входили только крупнейшие в департаментах налогоплательщики.

Изменялась и организация законодательных собраний. Число членов трибуната было сокращено до 50. Законодательный корпус был лишен принадлежащего ему по Конституции VIII года права голосования по вопросам заключения международных договоров. Компетенция сената была расширена предоставлением ему права роспуска законодательного корпуса и трибуната и назначения президентов и членов президиумов этих собраний. Органическими сенатус-консультами сенат мог дополнять и изменять Конституцию. Усилилась также зависимость сената от первого консула, так как только первому консулу было дано право представлять на каждую сенаторскую вакансию 3 кандидатов для кооптации. Наполеон ввел также практику назначения крупных, в сумме от 25 до 80 тысяч франков, дотаций сенаторам за их усердие и послушание в выполнении желаний первого консула. Оставалось сделать последний шаг — объявить Наполеона императором, что и было сделано сенатус-консультом 1804 г.

Органический сенатус-консульт 1804 г. Сенатус-консульт 1804 г. объявлял, что управление республикой вверяется императору, который принимает титул императора французов, и что "Наполеон Бонапарт, нынешний первый консул Республики, является императором французов". Далее предусматривался переход императорского сана по наследству по нисходящей мужской линии в порядке первородства, с постоянным исключением женщин и их потомства. Сенатус-консульт содержал также текст присяги императора, заключавшейся в обещании поддерживать целостность государства, уважать и заставлять других уважать за-

коны конкордата и свободу культов, равенство в правах, безвозвратность продажи национальных имуществ и т. д., вообще — "управлять, имея в виду единственно только интересы, счастье и славу французского народа".

После издания сенатус-консульта 1804 г. немногие оставшиеся еще элементы республиканского правления быстро исчезают и заменяются новыми учреждениями империи. Наполеон, получив право издания декретов, стал главою также и законодательной власти, трибунат был упразднен (в 1807 г.), а деятельность Законодательного корпуса заключалась главным образом в кодификационных работах. После издания в 1804 г. Гражданского кодекса, получившего впоследствии название Кодекса Наполеона, Кодекса гражданского судопроизводства 1806 г., Торгового кодекса 1807 г. и Уголовного кодекса 1810 г. деятельность законодательных учреждений фактически прекратилась. В период осуществления крупнейших кодификационных работ главная роль в законодательстве принадлежала самому императору и назначенным им лицам, среди них — знаменитому французскому юристу Камбасересу.

§ 4. Гражданское право

Победа буржуазной собственности и ее отражение в праве. Французская революция ликвидировала в области гражданского права феодальные гражданско-правовые отношения и утвердила капиталистические. "Победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, разделения собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над фамильным именем, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями"[1].

Отсюда — две составные части гражданского законодательства периода революции: а) ломка феодальных институтов, освобождение личности от феодальных пут и б) закрепление и регулирование капиталистических отношений. Установление этих последних отношений требует оформления индивидуальной частной собственности на орудия и средства производства и установление "законной" возможности эксплуатации путем внеэкономического принуждения. Юридическим средством является здесь договор, заключенный капиталистом с пролетарием; предпосылкой заклю-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Роспуск Национального собрания в Берлине // Соч. Т. VII. С. 54—55.

чения такого договора являются, помимо частной собственности на орудия и средства производства, формальное равенство лично свободных людей и всеобщая правоспособность, допускающая в меру экономических возможностей каждого свободу предпринимательства и свободу заключения договоров и установления их содержания. В этом — прогрессивный характер буржуазного гражданского права по сравнению с правом феодальным.

Основные положения о равноправии и частной собственности были зафиксированы, как мы уже знаем, в Декларации прав человека и гражданина.

Законодательство периода революции является развитием общих положений Декларации. В этот период была произведена коренная ломка феодальных ограничений и провозглашение начал формальной свободы и юридического равенства. Наоборот, с термидорианской реакции начинается постепенная отмена завоеваний революции, кроме лишь тех из них, которые были выгодны крупной буржуазии. Этот процесс находит себе завершение в Кодексе Наполеона.

Формальное равенство. До революции равной для всех гражданской правоспособности не было. Существовали многочисленные категории лиц, правоспособность которых была ограничена. Правоспособность определялась в зависимости от сословной принадлежности. Дворяне обладали рядом привилегий, наоборот, правоспособность крестьян была ограничена во многих отношениях. Далее, женщины различных сословий были ограничены в гражданских правах; они не могли выступать свидетелями при совершении гражданско-правовых актов, не могли принимать на себя поручительства, их наследственные права были в ряде случаев урезаны; замужняя женщина находилась под властью мужа и т. д. На объем правоспособности влияет и религия — только католики пользуются всей полнотой прав. Иностранцы хотя и могут проживать и вести торговлю во Франции, но не могут оставлять наследства; после их смерти их имущество переходит к королю. В колониях существовало рабство.

Революция, хотя и не сразу, отменила все эти ограничения. Еще 4 августа 1789 г. дворяне были вынуждены отказаться от ряда своих прав-привилегий, например от права суда, исключительного права охоты и т. п. Сословному делению общества приходит конец. Исчезают вероисповедные ограничения. Декрет 1792 г. установил гражданское равноправие женщины — женщина получила право участвовать при совершении актов гражданского состояния, давать поручительство. Но дальше гражданского равноправия дело не пошло, политических прав женщина не получила. В 1794 г. было отменено рабство в колониях.

Земельная собственность. До революции существовали различные категории земель: королевские, дворянские, церковные,

крестьянские, городские. Держатели их находились в различном юридическом положении в отношении налогов, порядка отчуждения и т. п. Привилегированное положение занимали земли феодалов и церковные земли. Наоборот, крестьянское землевладение было обременено многочисленными и разнообразными сборами и повинностями. По общему правилу, земля считалась собственностью дворян. За пользование землей крестьяне уплачивали дворянам определенную ренту; кроме того, крестьянин был обязан отдавать собственнику земли часть урожая (шампар), уплачивать сборы при покупке и продаже имущества и пр. Наряду с этим существовал ряд личных повинностей крестьян, вплоть до обязанности бить прутьями по поверхности прудов, чтобы лягушки не беспокоили дворянина своим кваканьем. Кроме того, особые налоги с крестьянской земли были установлены в пользу короля.

Задачей французской революции являлось установление неограниченной частной собственности на землю, закрепление права свободного распоряжения землей (т. е. обращение ее в товар). А для этого являлось прежде всего необходимым ликвидировать феодальные ограничения землевладения. Лозунгом крестьян явилось освобождение земли, т. е. отмена феодальных ограничений землевладения, но пришедшая к власти крупная буржуазия упорно сопротивлялась этим требованиям и шла лишь на отдельные уступки. Так, законы 5—11 августа 1789 г., хотя и содержали декларацию о том, что феодальный строй отменяется, но установили, что крестьянские повинности имущественного характера подлежали выкупу: помещику должна быть уплачена капитализированная стоимость этих повинностей. Были отменены лишь личные повинности, а равно исключительные права дворян в области охоты и разведения кроликов. Вместе с тем был отменен налог в пользу церкви.

Крестьяне сопротивлялись сохранению имущественных прав сеньора; произошел ряд восстаний. Однако и в дальнейшем Учредительное собрание лишь закрепило принципы законов 1789 г. Закон 15—28 марта 1790 г. подтвердил принцип выкупа и указал на сохранение в силе повинностей, пока они не будут выкуплены. Больше того, земельные собственники, которые отказались от своих прав под влиянием страха или насилия, могли требовать признания их отказа недействительным.

Новые волнения крестьян и выступления их против требований помещиков об уплате повинностей повлекли в июне 1790 г. издание закона о том, что вооруженное восстание против феодальных повинностей карается смертной казнью.

Лишь после образования революционной Парижской коммуны и свержения монархии Законодательное собрание было вынуждено пойти на ликвидацию прав сеньоров. Декретом 25 августа 1792 г. феодальные права на землю были отменены без вознаграждения (кроме некоторых случаев) и были аннулированы недо-

имки по платежам, причитавшимся сеньору. Таким образом, земельная собственность сделалась свободной от феодальных ограничений, и тем самым была установлена буржуазная собственность на землю.

Наряду с этим ряд земель перешел в собственность государства. Еще 24 ноября 1789 г. в распоряжение нации перешли, как мы уже упоминали, церковные земли (с возложением на государство обязанности обеспечить служителей культа). Равным образом было секвестровано имущество эмигрантов. В 1792 г. была организована продажа мелкими участками перешедших к государству земель. Таким образом, во Франции образовался многочисленный слой мелких земельных собственников. Но беднейшие крестьяне, естественно, были лишены возможности купить себе землю.

Якобинская диктатура, устранив от власти крупную буржуазию, продолжала закрепление принципов частной собственности.

Еще ранее законом 18 марта 1793 г. (так называемым законом Левассера) было установлено, что внесение предложения о переделе земель карается смертной казнью. Летом 1793 г. Конвент издал ряд важнейших аграрных законов. Первым из них был декрет 10 июня о разделе общинных земель. Крестьянам общины предоставлялось право решить самим — будут ли они пользоваться землями общины сообща или подвергнут их разделу. Вопрос решался собранием общины, в котором могли участвовать все мужчины, достигшие 21 года. Раздел производился по числу проживающих в общине лиц, без различия возраста и пола. Полученный при разделе участок становился полной собственностью того или иного гражданина. Были приняты некоторые меры против скупки участков и обезземеливания крестьян. Полученный крестьянином участок общинной земли не мог продаваться или отбираться за долги в течение 10 лет со дня издания декрета.

Наиболее важным из всех аграрных законов был декрет 17 июля 1793 г. Согласно этому декрету все феодальные повинности уничтожались безвозмездно. "Все прежние сеньориальные подати, оброки, связанные с феодальными правами, как постоянные, так и случайные, включая сюда и оставленные в силе декретом 25 августа прошлого года, уничтожаются безвозмездно", — говорилось в декрете.

И хотя после контрреволюционного переворота 9 термидора и наступила реакция (например, в отношении пересмотра и сужения круга тех случаев, когда земля подлежала переходу в собственность крестьян), но эта реакция не затронула ни частной собственности на землю тех крестьян, которые стали собственниками во время революции, ни тем более собственности на землю крупной буржуазии. "Только при правительстве *директории* стремительно вырывается наружу и закипает ключом настоящая жизнь *буржуазного общества... действительно* просвещенное исполь-

зование французских *земель*, феодальное расчленение которых разбито было молотом революции и которые лихорадочная горячность бесчисленных новых собственников подвергла теперь всесторонней обработке"[1].

Свобода торговли. Средства производства и обмена, которые послужили основанием для развития буржуазии, зародились еще в феодальном обществе[2]. Но широкому развитию торговли до революции препятствовали цеховой строй с присущей ему детальной регламентацией производства и обмена и множества таможенных границ внутри Франции: зачастую приходилось уплачивать пошлины феодалам, через земли которых провозился товар.

Отсюда вытекало требование буржуазии — прежде всего сломать эти рогатки, которые препятствовали свободе торговли. В значительной степени это требование было выполнено общими мероприятиями по ликвидации феодальных прав и внутренних таможен. В прокламации Временного исполнительного совета 31 октября 1792 г. указывается: "Торговля может процветать только при неограниченной свободе". Наряду с этим 8 декабря 1792 г. было издано специальное постановление о свободе хлебной торговли. "Самая полная свобода, — говорится в этом постановлении, — должна соблюдаться в области торговли зерном, мукой и сухими овощами по всей территории Республики". Эти постановления означали предоставление купцам свободы предпринимательства.

Лишь во время якобинской диктатуры принимались некоторые меры по борьбе со спекуляцией. Как мы уже упоминали, декретами 29 сентября и 1 ноября 1793 г. были установлены максимальные цены на предметы первой необходимости.

Установление частной собственности и свободы договора привело и к свободе эксплуатации владельцами орудий и средств производства неимущих слоев населения — безземельных крестьян и рабочих. Французская буржуазная революция не ввела сколько-нибудь действительной защиты интересов мелких арендаторов. Установление же отношений личного найма производилось на основании договора, по соглашению договаривающихся сторон, т. е. фактически содержание договора личного найма определялось усмотрением фабриканта или купца, и интересы нанявшегося не были гарантированы; в частности, не была нормирована максимальная продолжительность рабочего дня. Охрана законодательством интересов предпринимателей проявилась и в том, что законом 14 июня 1791 г. (так называемым законом Ле-Шапелье) были воспрещены собрания, профсоюзы рабочих и стачки.

Семейное право. Дореволюционное французское право в области брака характеризовалось тем, что брак имел религиозный

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. III. С. 151.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. V. С. 488.

характер; существовали многочисленные запрещения брака, установленные церковью (запрещение брака между родственниками до известной степени родства и т. п.). Отношения супругов строились на началах подчиненности жены мужу. Наконец, возможность развода в принципе отрицалась католической церковью.

Революция ввела светский брак — это было одной из важных побед просвещения над засильем церкви. Брак отныне является гражданским договором, заключенным перед органом государственной власти. Далее, исходя из защиты прав человека, законодательство становится на путь защиты интересов жены и ограничения власти родителей. Наконец, устанавливается в определенных случаях возможность развода. Вместе с тем семья рассматривается, как некоторое замкнутое единство, государство устраняется от непосредственного вмешательства в семейные разногласия, споры и т. п. (не носящие особо резкого характера, в частности, не нарушающие правил уголовного закона), но зато приобретает определенное значение мнение ближайших родственников, образующих специальный орган для обсуждения некоторых семейных дел.

Декретом 16—24 августа 1790 г. установлено, что споры между супругами, дела, касающиеся осуществления родителями их власти (прежняя отцовская власть уступает место родительской власти, принадлежащей обоим родителям), — рассматриваются особым "семейным трибуналом" из четырех ближайших родственников по выбору сторон. Государственные же суды являются лишь апелляционной инстанцией. Принятие исправительных мер в отношении детей производится родителями совместно с указанным семейным трибуналом. Крайней мерой в отношении детей является заключение несовершеннолетних в исправительное учреждение на срок не более года, но для приведения в исполнение этой меры нужно получить утверждение председателя местного суда.

Декретом 20 сентября 1790 г. был ограничен круг тех случаев, когда брак запрещается. Браки запрещены лишь между родственниками по прямой линии и между братьями и сестрами. Брачный возраст определен в 15 лет для мужчин и в 13 лет для женщин. Но в случае брака несовершеннолетних требуется согласие родителей.

Тем же декретом установлены правила о разводе. Развод допускается в ряде случаев по одностороннему заявлению одного из супругов (например, в случае безумия другого супруга, присуждения его к наказанию за тяжкое преступление, дурного обращения со стороны другого супруга, его пятилетнего отсутствия). Кроме того — и это представляет наибольший интерес — развод допускался по взаимному соглашению супругов и в силу несходства характеров. Особо сложный порядок развода устанавливался в последнем случае. Несходство характеров должно быть конста-

тировано тремя последовательными семейными собраниями через месяц, через 3 месяца и через 6 месяцев после возбуждения дела, и до провозглашения развода должно было истечь еще 6 месяцев после третьего собрания. Этот порядок имел своей целью воспрепятствовать совершению развода под влиянием минутной вспышки, мимолетного чувства раздражения. В силу тех же причин развод по взаимному соглашению требовал рассмотрения дела в семейном собрании через 2 месяца после возбуждения дела, если нет детей, и через 4 месяца, если дети имеются. В прочих случаях должностное лицо немедленно провозглашает развод, если обстоятельство, дающее право на развод, констатировано судебным решением или если родственники не могут склонить супруга-истца отказаться от требования развода.

Во время якобинской диктатуры были установлены дальнейшие облегчения развода; в частности, срок отсутствия одного из супругов, как причина развода, был сокращен до 6 месяцев; и видно стремление установить возможность развода по взаимному соглашению, без больших формальностей, в краткий срок.

Ряд завоеваний революции в области семейного права бы ликвидирован в период, наступивший после контрреволюционного термидорианского переворота, в частности, Кодексом Наполеона.

Наследственное право. До революции во Франции существовал ряд систем наследственного права. На юге Франции сохранилась римская система наследования, дававшая лицу широкую возможность распоряжаться своим имуществом путем завещания — лишь некоторая часть имущества (половина или одна треть) закреплялась за детьми. На севере Франции существовала другая система, устанавливавшая твердый порядок законного наследования и допускавшая возможность завещательных распоряжений лишь в узком круге случаев. Наконец, в отношении дворянских земель на всей территории Франции применялась третья система, направленная на поддержание наследственной аристократии: большую часть имущества получает старший сын, прочие сыновья должны довольствоваться лишь небольшой частью имущества, дочери же вовсе исключаются из наследования.

Эта последняя, чисто феодальная, система первая пала под ударами революции — она находилась в разительном противоречии с принципом равенства. Декрет 15 марта 1790 г. предоставил наследственные права дочерям и уничтожил права первородства. Но из этого устанавливались некоторые исключения.

Дальнейшее законодательство продолжало ту же линию — в основу кладется законное наследование, и имущество делится в равных частях между всеми детьми (декрет 8 апреля 1791 г.). Декрет 7 марта 1793 г. в принципе устанавливает отмену права совершать завещания (равно как и права совершать дарения при жизни). Завещательные распоряжения допускались лишь в отно-

шении одной десятой части имущества, если имеются нисходящие, и одной шестой имущества в других случаях.

Эти правила об обязательном разделе наследственного имущества сыграли известную роль в деле развития во Франции мелкой земельной собственности.

Очень интересно, что внебрачные дети, признанные их отцом, получили наследственные права на имущество отца. Французская революция не пошла по пути полного уравнения внебрачных и законных детей, но, во всяком случае, установление наследственных прав внебрачных детей явилось немаловажным прогрессивным мероприятием по сравнению с дореволюционной эпохой (и по сравнению с последующим развитием французского законодательства, о чем речь будет идти ниже).

После контрреволюционного переворота 1794 г., в интересах крупной капиталистической собственности, произошла реакция и в области наследственного права. Расширяется право завещать имущество. Так, по закону 25 марта 1800 г., если завещатель имеет не более трех детей, то он может свободно распоряжаться одной четвертью имущества.

Унификация права. До революции Франция характеризовалась многочисленностью существовавших на ее территории правовых систем. На севере Франции, т. е. в местностях с менее развитой торговлей и промышленностью, основным источником права являлись правовые обычаи (кутюмы). Это было косное, медленно развивавшееся право, отражавшее стародавние интересы феодальных сеньоров. Существовал ряд систем обычного права, каждая из которых действовала в пределах ограниченной территории ("право своей колокольни"). В некоторых случаях эти кутюмы фиксировались в письменной форме и сводились в особые сборники, но этим не устранялся партикуляризм и неподвижность, присущие тогдашнему обычному праву.

На юге Франции, т. е. в области, характеризовавшейся большим развитием экономической жизни, основным источником права являлось римское право ("писаное право"), почему эта, часть Франции и называлась иногда "страной писаного права". Однако это не было римское право в его чистом виде: юристы истолковывали его и приспособляли к современным потребностям. Характерно, что в тех отраслях права, в которых наиболее заинтересована торговля (например, в области договорного права), действие римского права распространялось и на север Франции.

Наряду с этим в области семейного права руководящее значение имели постановления католической церкви (каноническое право).

Наконец, в период абсолютизма интересы торговли вызвали и издание королевских распоряжений (ордонансов), действие которых распространялось на всей территории Франции. Сюда

относятся, например, ордонансы 1667 г. о гражданском процессе, 1673 г. о торговле, 1681 г. о торговом мореплавании, 1731 г. о дарениях, 1735 г. о завещаниях.

Буржуазия, пришедшая к власти в период революции, не могла мириться с такой дробностью и множественностью новых систем. Наличие различных систем права, многие из которых являлись чрезвычайно архаичными, препятствовало развитию торговли и установлению неограниченной частной собственности. Поэтому задачей революции являлось установление единого для всей Франции гражданского права.

В известной степени эта задача была непосредственно достигнута путем издания новых законов: издававшиеся в период революции законы действовали в пределах всей Франции. Эти законы установили на всей французской территории неограниченную частную собственность, свободу торговли и т. п.; они повсеместно уничтожили феодальный порядок. Тем самым уже была достигнута, до известной степени, унификация права, т. е. создание единого права для всей Франции.

Но это являлось еще недостаточным: законы революционного периода касались отдельных вопросов и не устанавливали законченной системы гражданско-правовых норм.

И отсюда, с первых дней революции, начинают приниматься меры к созданию единого для всей Франции гражданского кодекса. Но долгие годы эти меры не приводили к результатам. Еще декретом 5 июля 1790 г. было провозглашено, что должен быть создан кодекс, состоящий из простых и ясных законов. Обещание составить кодекс гражданских законов, общих для всей Франции, содержалось и в Конституции 1791 г. Постановление 24 июня 1793 г., повторяя это обещание, учредило комиссию для составления проекта кодекса. К 9 августа 1793 г. был составлен проект, но он был отклонен, как слишком сложный. Новый, измененный проект был составлен к 9 сентября 1794 г., но и он был отвергнут. Конвент решил поручить составление кодекса "философам". 12 июня 1796 г. был представлен новый, по счету — третий, проект, но и он не получил движения. Закон 10 ноября 1799 г. вновь предписал приступить к выработке кодекса. Но дело не пошло дальше выработки проекта некоторых глав.

Понятны причины неуспеха всех этих кодификационных попыток. Различия в идеологии и конкретных целях сменявших друг друга у власти групп, непрерывная борьба крупной буржуазии против требований беднейших слоев населения, компромиссный и временный характер ряда мероприятий, — все это препятствовало стабилизации гражданских законов и созданию единого кодекса. Не было еще той кристаллизации принципов права, которая является необходимой предпосылкой кодификации. Лишь после упрочения власти крупной буржуазии правительство Наполеона

произвело и окончательную отмену дореволюционного права (отмену этого права силой закона), и отмену ряда законов, принятых во время революции и не соответствовавших интересам крупной буржуазии, и выработку французского гражданского кодекса.

§ 5. Уголовное право и уголовный процесс

Французская революция XVIII в. не только провозгласила основные идеи буржуазной демократии в области уголовного права и уголовного процесса, но и законодательно их оформила в классической для буржуазии форме.

Правда, принципы уголовного права высказывались еще в XVII в. во время английской революции. В области уголовного права английская революция XVII в. представляет точный прообраз французской революции 1789 г.[1] В памфлетах левеллеров, в работах Бэкона, Гоббса и Локка, в конституционных документах английской революции можно уже найти прообраз тех уголовно-правовых идей, которые легли в основу уголовного права и уголовного процесса в XVIII и XIX вв. Но в эпоху, непосредственно предшествовавшую французской революции XVIII в., и во время революции эти уголовно-правовые идеи получили полное развитие и были в блестящей форме изложены в трудах Монтескье, Руссо и Беккариа, провозглашены в виде общих положений в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и оформлены в Уголовно-процессуальном кодексе Франции 1808 г. и в уголовных кодексах 1791 и 1810 гг.

Уголовно-правовые воззрения французской революции получили в XVIII в. теоретическое обоснование в работах, легших в основу так называемой классической школы уголовного права.

В своем известном трактате, переведенном на все европейские языки и много раз переводившемся на русский язык[2], "О преступлениях и наказаниях" итальянец Беккариа (1738—1794 гг.) в блестящей форме развил основные принципы буржуазной демократии применительно к уголовному праву (принцип легальности, принцип формальной свободы и формального равенства). В трактате Беккариа выставляются в качестве уголовно-правовой программы идущей к власти буржуазии требования: nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege (нет преступления без указания о том в законе, нет наказания без указания о том в законе), равенство всех перед уголовным законом, пропорциональность наказа-

[1] *Энгельс Ф.* Положение Англии — XVIII век // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. II. С. 351.

[2] См.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Пер. М. М. Исаева. М., 1937.

ний и преступлений. Эти положения отвечали политическим и экономическим интересам буржуазии эпохи ее становления, были подхвачены поэтому и получили дальнейшее развитие в работах юристов и философов — представителей классической школы уголовного права не только во Франции, но и во всей Европе.

Декларация прав и новое уголовное право. Декларация прав человека и гражданина наряду с уже известными нам политическими устремлениями формулирует прогрессивные идеи в области уголовного права и процесса.

Непосредственно к уголовному праву относились следующие положения: "Закон вправе запрещать только поступки, вредные для общества, все, что не запрещено законом, дозволено". "Закон есть выражение общей воли. Он должен быть одинаков для всех и тогда, когда оказывает покровительство, и тогда, когда карает" (ст. 6). "Закон должен устанавливать только строго и очевидно необходимые наказания; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и обнародованного до совершения преступления и законно примененного" (ст. 8).

К уголовно-процессуальному праву прямо относились положения: "Никто не может быть обвинен, задержан или арестован иначе, как в случаях, определенных законом, и по предписанным им формам. Те, которые испрашивают, отдают, исполняют или заставляют исполнять произвольные приказы, подлежат наказанию" (ст. 7) "...Каждый человек предполагается невиновным до тех пор, пока его не объявят виновным..." (ст. 9).

Антинародные законы Национального учредительного собрания. Крупная буржуазия, пришедшая к власти, проводила в Учредительном собрании антинародную политику. 10 августа 1789 г. Учредительное собрание издало реакционный закон "О восстановлении общественного порядка", а 21 октября — закон об осадном положении, направленный против революционных выступлений народных масс.

Для отношения Учредительного собрания к завоеваниям французской революции характерен изданный 14 июня 1791 г. закон Ле-Шапелье, о котором Маркс писал: "...Французская буржуазия в самом начале революционной бури решилась отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Декретом от 14 июня 1791 г. она объявила, все рабочие коалиции — "преступление против свободы и Декларации прав человека, караемое штрафом в 500 ливров и лишением прав активного гражданина на один год"[1].

17 июля 1791 г. Учредительное собрание принимает закон, карающий тюрьмой и каторгой "призывы к грабежам, поджогам и неповиновению власти", направленный фактически против всяких революционных выступлений.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVII. С. 811.

Уголовный кодекс 1791 г. 25 сентября 1791 г. утверждается Уголовный кодекс, который по справедливости может быть назван первым уголовным кодексом буржуазии. Этот кодекс ставил своей задачей осуществление в области уголовного права новой, буржуазной законности, резко порывал со старым феодальным уголовным правом и пытался осуществить новую уголовно-правовую программу. Он формально осуществлял в области уголовного права принципы, провозглашенные в Декларации прав человека и гражданина, но особую защиту предоставил принципу, выраженному в ст. 17 Декларации: "право собственности ненарушимо и священно".

Кодекс делился на общую и особенную части. Для общей характерно было проведение принципа пропорциональности между тяжестью наказания и тяжестью преступления, хотя наказания устанавливались в абсолютно определенных размерах, не оставлявших места усмотрению суда при назначении наказания.

Особенная часть Кодекса 1791 г. содержала характерное для буржуазного права деление всех преступлений на преступления против публичного порядка и против частных лиц, соответствующее буржуазному противопоставлению государства и личности. В главе об имущественных преступлениях особенно ярко проявилась буржуазная сущность Кодекса: более половины статей посвящены краже, наказания отличаются особой суровостью (от 2 лет тюремного заключения до 20 лет каторги). Собственность защищалась в Уголовном кодексе 1791 г. более суровыми мерами, чем личность.

Декреты Законодательного собрания. Национальное законодательное собрание, открывшееся 1 октября 1791 г., вынуждено было издать декреты, направленные против эмигрантов и неприсягнувших священников. Декрет от 9 ноября 1791 г. объявил французов, собравшихся за пределами королевства, подозреваемыми в заговоре против отечества. Декрет от 9 ноября предусматривал репрессивные мероприятия против священников, не принесших присяги в верности "народу, закону и королю".

Декреты Национального конвента. Период жирондистского конвента. Уголовное законодательство Национального конвента, сменившего Законодательное собрание, отражало вначале политику жирондистов, а впоследствии — политику якобинской диктатуры. Так, изданный 8 декабря 1792 г. декрет о свободе торговли и об аресте всех лиц, препятствующих свободному продвижению грузов, означал победу жирондистов. Только под давлением революционных масс Парижа Конвент декретом 10 марта 1793 г. ввел чрезвычайный уголовный трибунал для рассмотрения "контрреволюционных дел, всех преступлений против свободы, равенства, единства и нераздельности республики, внешней и внутренней безопасности государства; всех заговоров, имеющих целью вос-

становление королевской власти или же установление всякой другой власти покушающимися на свободу, равенство и суверенитет народа". Трибунал имел право приговаривать ко всем наказаниям, предусмотренным в Кодексе 1791 г., вплоть до смертной казни.

Под влиянием подъема революционного движения Конвент издал 19 марта 1793 г. декрет о наказании мятежников, а 4 мая 1793 г. декрет, хотя и не вводивший еще сколько-нибудь значительных ограничений свободы торговли хлебом, которых требовали народные массы, но тем не менее установивший смертную казнь для всех "уличенных в том, что они злостно и с намерением испортили, уничтожили или спрятали зерно и муку".

Период якобинского конвента. Период якобинской диктатуры (2 июня 1793 г. — 27 июля 1794 г.) ознаменовался террором, который характеризуется как "плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контрреволюцией" (*Маркс*)[1].

Соответствующий характер имело и уголовное законодательство.

В 1793 г. издан был закон о подозрительных. Закон от 29 октября 1793 г. "О максимуме" относил к числу "подозрительных" всех лиц, продающих или покупающих предметы первой необходимости по цене свыше установленной.

Декрет о революционном трибунале (от 10 июня 1794 г.) содержал перечень лиц, объявлявшихся врагами народа. Сюда относились прежде всего все те, кто побуждает к восстановлению королевской власти или стремится унизить, распустить Национальный конвент или революционное республиканское правительство; лица, изменяющие республике при командовании крепостями или армиями и при выполнении всякой военной должности; поддерживающие отношения с врагами республики и старающиеся вызвать недостаток в продовольствии армии или в удовлетворении других ее потребностей; стремящиеся помешать обеспечению Парижа продовольствием или вызвать голод в республике и т. д. Перечень врагов народа заканчивался указанием, что врагами народа признаются, "наконец, все, на кого указано в предшествовавших законах, устанавливающих наказание для заговорщиков и противников революции, и все, кто под какими бы то ни было внешними прикрытиями посягают на свободу, безопасность и единство республики или стремятся помешать ее упрочению".

Декрет о революционных трибуналах знал только одно наказание для врагов народа — смертную казнь.

Уголовно-процессуальное право. Революция привела и в области уголовного процесса к новым формам, отражавшим буржуазно-демократические принципы и противопоставлявшимся феодальному уголовному процессу. Вместо бесправного положения об-

[1] См.: *Ленин В. И.* Соч. Т. VII. С. 270.

виняемого в феодальном процессе ему предоставлялись формальные гарантии его прав. Чиновничьи суды заменялись судами присяжных заседателей. Феодальный инквизиционный и письменный процесс заменяется гласным, устным и состязательным. Если в феодальном инквизиционном уголовном процессе всякий обвиняемый предполагался виновным, то в силу ст. 9 Декларации прав человека и гражданина устанавливалась презумпция невиновности, т. е. положение, что привлеченный к ответственности считается невиновным до тех пор, пока он не будет признан по суду виновным.

Эти изменения были осуществлены не сразу.

Новые общие принципы уголовного процесса, характерные для победившей буржуазной демократии, были установлены в ряде декретов, изданных Учредительным и Законодательным собраниями, а также в Конституции 1791 г. Из большого количества декретов процессуального содержания, изданных в этом периоде, следует отметить прежде всего декрет 8—9 октября — 9 ноября 1789 г. (декрет о некоторых преобразованиях уголовного судопроизводства), сохранивший в основном формы процесса, установленные ордонансом 1670 г., но вводивший состязательное начало в стадии предварительного следствия, гласность судопроизводства и участие защиты в процессе. 30 апреля 1790 г. Учредительное собрание постановило ввести суд присяжных, а 20 января был принят декрет об организации судебных учреждений по уголовным делам.

Конституция 1791 г. выделила судебную власть в самостоятельную отрасль, независимую от исполнительной власти. Это было результатом осуществления теории разделения властей. Но еще раньше была установлена так называемая административная гарантия, в силу которой лица административного аппарата были изъяты из общих правил о привлечении к уголовной ответственности за действия, совершенные ими в связи с осуществлением ими своих функций. Конституция установила принцип бесплатности правосудия, выборность не только судей, но и государственного обвинителя, учреждение двух видов жюри (коллегий присяжных заседателей): жюри — как органа предания суду и жюри — как коллегию, постановляющую вердикт, и т. д.

16 (29) сентября 1791 г. был издан декрет о полиции безопасности, уголовной юстиции и учреждении жюри, перестроивший всю систему уголовного процесса на основе принципов гласности, устности и свободной судебной оценки доказательств.

Наиболее полно и детально были разработаны процессуальные принципы уголовного процесса в декрете 21 октября 1791 г.

Этот декрет-инструкция подтвердил возвещенную Декларацией прав человека и гражданина презумпцию невиновности, отделил уголовные суды от гражданских, установил подробные

правила деятельности жюри как органа предания суду, детально регламентировал деятельность суда присяжных, ввел дискреционную власть председателя суда, подтвердил и развил принципы гласности и состязательности, установил, что "внутреннее убеждение" судей является основанием для вынесения решения по делу, и т. д.

Особый интерес представляют процессуальные формы, установленные декретом 10 июня 1794 г. для революционного трибунала. Предварительное следствие отменялось, и обвиняемый допрашивался впервые на суде. Допрос обвиняемого должен был производиться публично; секретность допроса допускалась как исключение в тех случаях, когда она будет признана полезной для выяснения истины. При наличии вещественных или моральных улик, независимо от свидетельских показаний, свидетели не должны были вызываться, за исключением тех случаев, когда это могло оказаться необходимым в интересах обнаружения соучастников или в силу других важных соображений общественного блага. В таких случаях общественный обвинитель должен был вызывать свидетелей, не делая различия между свидетелями обвинения и защиты. Все свидетельские показания должны были даваться публично; никакие письменные доказательства не допускались, за исключением тех случаев, когда свидетели лишены возможности предстать перед судом. Защитниками невинно оклеветанных патриотов закон считал присяжных-патриотов; заговорщикам же защитников не полагалось. По окончании прений присяжные должны были заявлять о своем решении, а судьи — назначать кару, установленную законом.

§ 6. Империя

Государственное устройство. Основные черты государственного устройства Франции в период империи определились Конституцией VIII года и последующими органическими сенатус-консультами 1802 и 1804 гг., расширившими и дополнившими полномочия Наполеона.

Сенатус-консультом 1804 г. был учрежден императорский дом, как совокупность лиц, призываемых к престолонаследию. Старший сын императора носил титул "императорского принца", остальные члены императорского дома — титулы принцев Франции и по достижении 18 лет становились членами Государственного совета и сената.

В целях создания круга имперской знати были учреждены имперские должности, среди которых первое место занимали лица, получившие "великие имперские звания": великий избиратель (Жозеф Бонапарт), имперский архиканцлер (Камбасерес), государственный архиканцлер (Евгений Богарне), архиказначей

(Лебрен), коннетабль (Луи Бонапарт), великий адмирал (Мюрат). Звания эти были присвоены носившим их лицам пожизненно.

Второй круг имперской знати образовывали "великие имперские должностные лица", к которым относились военные должности 16 имперских маршалов, 8 военных инспекторов и генералов, а также некоторые гражданские должности. Эти должностные лица были несменяемы. Наполеон восстановил и щедро раздавал титулы князей, графов и баронов, создано было новое дворянство, учрежден был Орден почетного легиона.

Учреждения императорской Франции изменились и получили новую структуру и функции. Государственный совет, состоявший из принцев и лиц, назначенных императором, принял характер тайного совета при императоре и по-прежнему, как в эпоху консульства, выполнял громадную работу по составлению законопроектов, в частности Гражданского кодекса. Тем не менее члены Государственного совета являются только личными советниками императора, исполнителями его воли.

Наибольшее значение в системе государственных учреждений имел сенат. В состав его, помимо принцев и носителей имперских званий, входили 80 членов, назначаемых императором из числа лиц, занесенных в департаментские списки, а также лица, пожалованные званием сенатора по той или иной причине. Император назначал и президента сената. Так как по своему составу сенат был достаточно благонадежен и предан императору, в компетенцию его были включены функции по охране личной свободы граждан и свободы печати. В этих целях были образованы две комиссии в составе семи членов каждая ("сенаторская комиссия личной свободы" и "сенаторская комиссия свободы печати"). По докладу этих комиссий сенат мог объявлять, что "есть веские основания предполагать, что такое-то лицо было произвольно задержано" или "что свобода прессы была нарушена". Однако случая вынесения таких постановлений за все время существования империи не было, хотя личная свобода граждан, так же как и свобода печати, подвергалась весьма многим стеснениям.

Охраняя Конституцию, сенат в определенных случаях мог воспротивиться обнародованию противоконституционных законов. Противоконституционными признавались законы, направленные к восстановлению феодальных порядков, противоречащие правилам о рентах с национальных имуществ, не обсужденные по установленной форме, наносящие ущерб правам императора и сената. Сенат мог заявить, что тот или иной закон не подлежит обнародованию, а император, выслушав мнение Государственного совета, мог либо присоединиться к мнению Совета, либо, вопреки ему, обнародовать закон.

Роль трибуната и Законодательного корпуса неуклонно падает. Количество членов трибуната, как было указано выше, было

сокращено со 100 до 50, затем, будучи разделенным на три секции — законодательства, внутренних дел и финансов — трибунат лишен был возможности обсуждать законопроекты на своих пленарных собраниях. Наконец, сенатус-консультом 1807 г. трибунат был упразднен, а секции его преобразованы в комиссии при законодательном корпусе. Последний, по окончании кодификационных работ, собирался чрезвычайно редко и фактически не функционировал.

Административный аппарат. Высшим органом государственной власти, центром всей административной системы империи являлся Государственный совет, которому была подчинена система административного управления на местах, созданная упомянутым выше законом 28 плювиоза VIII года. Через префектов, супрефектов, мэров, назначаемых правительством, и также назначаемых членов департаментских окружных и кантональных советов достигалась строжайшая централизация управления. Взыскание налогов, деятельность местной полиции, контроль за приобретением и отчуждением национальных имуществ, периодическая пресса, как и многие другие отрасли общественной и частной жизни, были подчинены постоянному административному надзору префектов. Значение префектов ярко охарактеризовал сам Наполеон в одной из бесед с Ласказом на острове св. Елены:

"Организация префектур, их деятельность, их результаты были удивительны, чудесны. Один и тот же импульс передавался одновременно более чем 40 миллионам человек, при помощи этих средоточий местной деятельности движение отличалось той же быстротой на окраинах, как и в самом центре. Те из посещающих нас иностранцев, которые умели замечать и судить, были восхищены. Именно этому единообразию действия на столь большом пространстве они и приписывали поразительные успехи, огромные результаты, которых, по их признанию, раньше не понимали. Префекты, — прибавил Наполеон, — при местных ресурсах и авторитете, коими они были облечены, являлись сами маленькими императорами, но ввиду того, что сила их обусловливалась лишь первоначальным импульсом, которому они служили только передаточными органами, все влияние их проистекало лишь из временного исполнения должности, ибо они не имели личного влияния, не будучи совершенно привязаны к управляемой местности; они обладали всеми преимуществами прежних неограниченных агентов без их недостатков. Пришлось создать для них все это могущество; я оказался диктатором волей обстоятельств. Нужно было, чтобы все нити, шедшие от меня, находились в гармонии со своей первопричиной, в противном случае результаты не были бы достигнуты"[1].

[1] *Lascasses.* Memorial de sainte Нйlиne.

Политический режим. В целях борьбы со всякими проявлениями недовольства подобным политическим режимом были учреждены тайная полиция, цензура частных писем и полицейский шпионаж. Были восстановлены упраздненные революцией государственные тюрьмы, и широко практиковался арест и содержание под стражей без предъявления какого-либо определенного обвинения. Была восстановлена цензура, количество издаваемых газет постоянно сокращалось, и было, наконец, указано, что в каждом департаменте может издаваться только одна газета под контролем профекта. Многие непериодические издания конфисковывались, и количество книжных магазинов также резко сократилось.

Положение церкви. Во взаимоотношениях с католической церковью Наполеон со времени конкордата — этой "конвенции между французским правительством и его святейшеством Пием VII" — стремился к установлению своего полного господства в сфере религиозной жизни Франции.

По условиям конкордата католическая религия не имела значения государственной, хотя и признавалась религией большинства французов. Католические священники должны были получать от правительства содержание, но папа римский признавал за покупщиками церковных имуществ законность сделанного ими во время революции приобретения.

Вводилось новое деление на церковные округа, соответствующие установленному административному делению. Первому консулу предоставлялось право назначать архиепископов и епископов, после чего папа давал им каноническое посвящение. Епископы получали право назначать священников, которые подлежали утверждению правительством. Все духовные лица перед вступлением в должность приносили присягу в верности правительству и обязаны были молиться в церквах за республику и консулов. Органические статьи, дополнявшие конкордат, еще более усиливали зависимость церкви от правительства, устанавливая необходимость правительственного разрешения для созыва соборов и для всяких действий представителей папы. Сохранялся гражданский брак. В 1802 г. были изданы "Органические статьи о протестантских культах", в 1808 г. — декрет об иудейском культе. В делах религии Наполеон твердо придерживался политики подчинения духовенства светской власти, и когда папа Пий VII попытался воспротивиться дальнейшему расширению вмешательства правительства в дела церкви, то ему пришлось подвергнуться репрессиям, дошедшим до ареста кардиналов и его самого, до ликвидации папской области и объявления Рима вольным городом империи.

Наполеон не скрывал своих целей в проводимой им религиозной политике. "Общество, — говорил он, — не может существовать без неравенства богатств, а неравенство богатств не мо-

жет существовать без религии...", мешающей "бедняку убивать богатого".

§ 7. Гражданское право

Кодекс Наполеона. Состояние гражданского права этого периода определялось прежде всего тем, что опорой правительства Наполеона являлись крупная буржуазия и крестьяне — собственники приобретенных ими во время революции земель. Укреплению положения этих групп и было посвящено законодательство Наполеона, в частности, знаменитый Гражданский кодекс 1804 г. В основу этого Кодекса был положен ряд принципов, провозглашенных революционной буржуазией. Прежде всего, Кодекс закрепил ликвидацию феодальных отношений, и в этом его прогрессивное значение. В основу Кодекса были положены принципы гражданско-правового равенства всех перед законом и неограниченной частной собственности. Это приводило к законодательному закреплению свободы предпринимательства, а также права собственности крестьян на земли, приобретенные ими во время революции из состава государственных имуществ. Но вместе с тем Гражданский кодекс в ряде отношений выражал контрреволюционные установки, делая шаг назад по сравнению с революционным законодательством, в частности, периода якобинской диктатуры, например, в области семейного права.

Французский Гражданский кодекс сыграл огромную роль. Энгельс называет этот Кодекс "образцовым сводом законов буржуазного общества"[1]. Кодекс впервые в истории дал в сжатой и точной форме основные положения буржуазного законодательства в области гражданского права. Кодекс последовательно закрепил принципы капитализма.

Этим объясняется то значение, которое Кодекс имел как в самой Франции, так и в ряде других стран.

История составления Кодекса. 13 июля 1800 г. распоряжением консулов была назначена комиссия для выработки проекта Кодекса. В состав комиссии вошли видные юристы того времени — Порталис, Тронше, Биго-Преамнэ, Малльвиль. В своей работе они опирались как на законодательство и доктрину, так и на проекты Гражданского кодекса, выработанные в период революции. В течение 4 месяцев проект был составлен и направлен затем на обсуждение высших судов. Последние менее чем в годичный срок представили свои замечания, после чего проект был рассмотрен в Государственном совете. Затем проект перешел в трибунат и Законодательный корпус. Но там он встретил серьезную оппозицию:

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XIV. С. 672.

ряд членов трибуната и Законодательного корпуса не могли согласиться с той ликвидацией завоеваний революции, которая была проведена в проекте Кодекса. И первый титул "О праве и законах вообще" был отклонен. Та же судьба грозила и титулу второму. Тогда правительство взяло проект обратно. Наполеон, принимавший непосредственное участие в работах по рассмотрению проекта Кодекса, провел насильственную меру: 18 января 1802 г. ряд членов трибуната и Законодательного корпуса, которые явились основными критиками проекта, были исключены из состава этих учреждений, и тем было создано послушное воле Наполеона большинство. После этого рассмотрение проекта пошло быстро. Все титулы Кодекса, в виде отдельных законов, были приняты и утверждены. Закон 21 марта 1804 г. объединил все принятые 36 титулов в состав единого кодекса: появился Гражданский кодекс французов (Code civil des Francais). В 1807 г. Кодекс был назван Кодексом Наполеона, а в 1816 г. он вновь получил название Гражданского кодекса.

Наполеон не принимал непосредственного и постоянного участия в составлении проекта Кодекса. Но он активно руководил его обсуждением. Заслугой Наполеона перед буржуазией является то, что он верно понял необходимость развитого Гражданского кодекса для упрочения буржуазного режима и с присущей ему энергией провел это дело в краткий срок.

Состав Кодекса. Кодекс исходит из деления так называемого частного права на гражданское и торговое. Последнее посвящено взаимоотношениям между купцами и регулированию специально торговых сделок, хотя бы в них участвовали и не купцы (например, вексель). Торговое право регулируется не Гражданским кодексом, а особым Торговым кодексом. Таким образом, Гражданский кодекс охватывает лишь отношения гражданско-правовые в узком смысле этого слова, т. е. частноправовые отношения, не являющиеся торговыми.

Кодекс делится на вводный титул (об опубликовании, действии и применении законов) и на три книги.

Книга первая посвящена лицам. В ней содержатся общие правила о правоспособности и дееспособности физических лиц (сюда относятся, главным образом, акты гражданского состояния, брак, развод, отношения родителей и детей, ограничения дееспособности в силу несовершеннолетия и душевной болезни). В Кодексе не содержится общих правил о юридических лицах. Законодательство периода революции обнаруживало отрицательное отношение к юридическим лицам; опасались, что в форме юридических лиц могли возобновить свое существование феодальные (главным образом — церковные) учреждения. Это отрицательное отношение перешло и в Кодекс 1804 г., тем более что капиталистические отношения еще не достигли столь высокого уровня, при котором

основное значение имеют не индивидуальные торговцы, а их объединения, использующие для своего оформления фикцию юридического лица. Имелись, правда, некоторые правила о торговых товариществах (об их наиболее простых формах), но эти правила содержались в Торговом кодексе.

Книга вторая Гражданского кодекса содержит правила об имуществах и о различных видоизменениях собственности. Здесь даются общие правила о праве собственности, об узуфрукте и о сервитутах, имевших большое значение при наличии мелкой крестьянской собственности.

Книга третья, занимающая более двух третей всего Кодекса, дает правила о различных способах, которыми приобретается собственность. Сюда относятся: наследование (по закону и по завещанию), договоры (здесь же излагаются и имущественные отношения супругов, основанные на брачном договоре) и внедоговорные обязательства (возникающие, например, из причинения вреда).

Составители Кодекса не ставили перед собой задачи дать исчерпывающую систему гражданско-правовых норм, а лишь закрепить наиболее важные, с практической точки зрения, правила. При всей своей обширности (2281 статья) Кодекс стремится установить лишь общие правила, не занимаясь деталями.

Кодекс написан простым и ясным языком. В четких, не оставляющих места для сомнений формулах он закрепляет капиталистические отношения: неограниченную частную собственность и свободу договора, господство буржуазии и подчиненное положение пролетариата. Влияние на формулировки Кодекса оказало римское право.

Важнейшие институты французского гражданского права

Частная собственность. Хотя определению собственности и прав собственника непосредственно посвящено сравнительно небольшое количество статей, но, по существу, закрепление отношений собственности является основным содержанием Кодекса. Договор рассматривается как способ перехода собственности, в основе нормирования брака лежит защита интересов собственности мужа и т. д. При этом, хотя Кодекс говорит о собственности вообще, но видом собственности, привлекающим наибольшее внимание законодателя, является собственность земельная. Детальнейшим образом регламентируются права собственника земельного участка, сервитут, порядок раздела недвижимого имущества между наследниками, залог земли и т. п. “После того, как первая революция превратила полукрепостных крестьян в свободных земельных собственников, Наполеон упрочил и урегулировал условия, при которых крестьяне беспрепятственно могли

пользоваться только что доставшейся им французской землей и удовлетворить свою юношескую страсть к собственности"[1]. Однако капиталисты—собственники движимого имущества (банкиры, торговцы и т. п.) тоже находили достаточную защиту своих интересов в постановлениях Кодекса, устанавливавших общие правила о неограниченном праве частной собственности. Для охраны интересов именно этих групп в Кодексе содержалось знаменитое правило: "в отношении движимых вещей владение признается юридическим основанием (права на вещь)" (ст. 2279). Речь идет, конечно, о добросовестном владении, но "добросовестность всегда предполагается, и тот, кто указывает на недобросовестность (другого лица) должен эту недобросовестность доказать" (ст. 2268).

Кодекс определяет собственность как "право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами и регламентами" (ст. 544). Собственность на вещь дает право на все, что эта вещь производит (ст. 546). Собственность на землю включает в себя собственность на то, что находится над землей и под землей (ст. 552)[2]. Наряду с этими правилами Кодекс воспроизводит правило Декларации прав человека и гражданина. "Никто не может быть принуждаем к уступке своей собственности, если это не делается для общественной пользы и за справедливое и предварительное вознаграждение" (ст. 545).

Собственнику принадлежит неограниченное право распоряжаться вещью, т. е. продавать ее, дарить, закладывать по своему усмотрению. Для капиталиста свобода распоряжения собственностью означает возможность капиталистического накопления: он может скупать имущество, например, земли теснимых нуждой бедняков. Наряду с этим неограниченное дробление земельной собственности (например, в силу раздела ее при наследовании между всеми наследниками), приводящее к "парцелле" — мельчайшему земельному участку, препятствует ведению рационального хозяйства. "Наполеоновская" форма собственности, бывшая в начале XIX столетия условием освобождения и обогащения сельского населения Франции, в течение этого столетия превратилась в причину его рабства и пауперизма"[3].

Личные и имущественные отношения супругов. Кодекс Наполеона последовательно проводит принципы буржуазной семьи, основанной на власти мужа над личностью жены и над ее имуществом. Муж — глава семьи, концентрирующий в своих руках все

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VIII. С. 407.

[2] Позднейшим законом 1810 г. было, однако, установлено, что рудники могут эксплуатироваться лишь на основании специального разрешения.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VIII. С. 408.

семейное имущество. Интересы капитализма требуют возможной концентрации имущества.

Кодекс сохранил установленный во время революции гражданский брак, т. е. брак совершается и соответствующие акты состояния ведутся не служителем религиозного культа, а светской властью, гражданским чиновником. Освобождение брака от власти церкви является одним из прогрессивных правил семейного права Кодекса.

Отношения между супругами определялись в ст. 213: "Муж обязан оказывать *покровительство* своей жене, жена — *послушание* мужу". О равноправии супругов не было речи. Жена обязана была жить вместе с мужем и следовать за ним, если он переменит место жительства (ст. 214). Она не могла отчуждать и приобретать имущество и выступать в суде без разрешения мужа (ст. 215—216)[1].

Имущественные отношения супругов определяются брачным договором, заключенным до совершения брака. Кодекс устанавливает ряд режимов имущественных отношений — на выбор будущих супругов. Но, по общему правилу, если в брачном договоре специально не предусмотрено иного, имущество жены поступает в управление мужа, и последний распоряжается доходами с этого имущества.

Правда, на мужа возлагается обязанность содержать жену, но это не дает жене никаких реальных гарантий и не препятствует мужу расхищать имущество жены.

Развод допускается лишь в строго определенных случаях: нарушение супружеской верности, жестокое обращение, тяжкие оскорбления, присуждение одного из супругов к уголовному наказанию за преступление. Характерно, что правила о разводе в силу нарушения супружеской верности узаконяли терпимое в буржуазном обществе отношение к половой распущенности мужчины. Если муж мог требовать развода во всех случаях нарушения женой супружеской верности (ст. 229), то жена могла требовать развода лишь в том случае, если муж поселил свою любовницу в одном доме с женой[2]. Кроме развода в перечисленных случаях, первоначально в Кодексе был сохранен введенный во время революции развод по взаимному соглашению (хотя совершение развода в этом случае требовало выполнения весьма сложной процедуры). Но развод по взаимному соглашению был отменен в 1815 г.

Отношения родителей и детей. Кодекс говорил не о родительской, а об отцовской власти — это тоже является одним из

[1] Приведенные статьи отменены в 1838 г. Но и новый текст Кодекса сохраняет главенство мужа, хотя не в столь открытом виде.

[2] Лишь в 1884 г. жена получила право требовать развода в тех же случаях, что и муж.

случаев ликвидации Кодексом завоеваний революции. Власть над детьми принадлежит отцу, власть эта переходит к матери (да и то с ограничениями) лишь после прекращения брака или в некоторых наиболее тяжелых случаях злоупотребления отцом его властью. Дети обязаны повиноваться своим родителям, находятся под властью отца до совершеннолетия и без согласия отца не могут вступать в брак и покидать родительский дом. Если отец "имеет очень серьезные поводы к недовольству поведением" ребенка, он может лишить его свободы на срок до 6 месяцев, если ребенок достиг 16-летнего возраста.

Имущественные отношения родителей и детей включают право отца управлять имуществом детей и извлекать из него доходы.

Права внебрачных детей Кодекс отказывается охранять. Отец может признать своего внебрачного ребенка, но не может быть к этому принуждаем: "отыскание отцовства запрещается" (ст. 340). Отцовство может быть установлено по суду лишь в тех исключительных случаях, когда мать ребенка была похищена и время похищения совпадает с временем зачатия[1]. Эти правила в огромном большинстве случаев оставляли без всякой защиты интересы внебрачных детей — и в этом одна из существенных причин огромной смертности среди таких детей. Статья 340 Кодекса Наполеона — одна из печальнейших страниц истории гражданского права.

Наследование. В области завещательного наследования Кодекс расширил права наследодателя по сравнению с законодательством периода революции. Собственник стремится обеспечить себе возможно более полное распоряжение собственностью как при жизни, так и на случай смерти, но интересы детей и вообще родственников также требуют охраны. В результате компромисса между этими двумя установками Кодекс регламентировал пределы завещательной свободы в зависимости от того, оставил ли наследодатель детей. При одном ребенке можно распоряжаться по завещанию половиной имущества, при двух детях — одной четвертью имущества. Если при отсутствии детей у наследодателя имеются восходящие в одной линии (отцовской или материнской), то можно распоряжаться тремя четвертями имущества, а если остаются восходящие в обеих линиях, — то половиной имущества. Имущество, не подлежащее свободному распоряжению, наследуется по закону.

Права законного наследования признавались Кодексом за отдаленнейшими родственниками — до 12-й степени включительно[2]. Лишь в 1917 г. (да и то под влиянием обстоятельств войны, в

[1] Закон 1912 г. расширил круг случаев, когда допускается отыскание отцовства.

[2] Родственниками 12-й степени являются, например, лица, происходящие от общего пра-пра-пра-прадеда, т. е. шестиюродные братья.

частности, для увеличения числа наследств, признаваемых вымороч-ными и подлежащими переходу в собственность государства) круг законных наследников был ограничен 6-й степенью родства.

Ближайшая степень родства исключает дальнейшую. Например, если остались дети умершего, то другие родственники наследственных прав не имеют. При отсутствии родственников с правами наследования имущество переходит к пережившему супругу. Внебрачные дети, признанные отцом, имеют лишь ограниченные наследственные права: их доля равняется трети доли законного ребенка, и они не наследуют ни после восходящих, ни после боковых родственников наследодателя.

Договоры. Договор имеет огромное значение. В договоре, в частности, находят свое выражение отношения между предпринимателем и рабочим. Содержание такого договора (размер платы, условия труда и т. п.) определяется, конечно, предпринимателем, но формально договор является, по учениям буржуазного права, свободным соглашением двух равноправных контрагентов. Договор играет огромную роль и для торговцев или промышленников в области их взаимоотношений с производителями и потребителями; договор является юридической формой сделок по приобретению сырья, продаже готовой продукции и т. п.

При таких условиях понятно, что Кодекс уделяет огромное внимание незыблемости договоров и праву сторон (т. е. фактически сильнейшей стороны) установить любое содержание договора. Конечно, договор не должен нарушать закона. Но буржуазное право содержит лишь немногочисленные запреты, ставящие предел свободе договорных соглашений, и главнейшими из этих запретов являются нормы уголовного закона. В частности, закон (кроме отдельных и исключительных случаев) не обращает никакого внимания на экономическую сторону соглашений, и договор, явно невыгодный по своим условиям, является юридически вполне действительным. Статья 1134 Кодекса Наполеона указывает, что "соглашения, законно заключенные, занимают место закона для тех, кто их заключил". Договор устанавливает безусловную связанность контрагентов: соглашения "могут быть отменены лишь по взаимному согласию сторон" (ст. 1134, ч. 2). Одностороннее нарушение договора вызывает ответственность нарушившего, который должен уплатить все убытки, и т. д. Экономическая невыгодность договора, не влияя на его действительность, не дает и оснований для отказа от договора (кроме некоторых исключительных случаев, например, заключения убыточного соглашения несовершеннолетними). Вместе с тем допускается распространительное толкование содержания договора, т. е. установление таких обязанностей сторон, которые не отражены в самом тексте договора: суд может дополнить договор "условиями, которые являются обычными, хотя бы они и не были выражены в договоре" (ст. 1160). Но эти условия

почти всегда имеют в виду интересы предпринимателя и нанимателя.

Найму рабочих, т. е. договору, имеющему наибольшее значение для пролетариата, посвящены в Кодексе всего две статьи. Они не содержали никакой гарантии интересов нанявшегося. Это видно, в частности, из ст. 1781: "Хозяину верят в отношении его утверждений: о размере жалования, об оплате вознаграждения за истекший год и о платежах, произведенных в счет вознаграждения за текущий год".

Статья эта отменена в 1868 г.[1]

Влияние Кодекса на гражданское законодательство других стран. Гражданский кодекс сыграл огромную роль и за пределами Франции. В различных странах буржуазия, приходя к власти и стремясь упрочить свое господство твердым правилом закона, вводила, с теми или другими изменениями, и французский Гражданский кодекс. Немалое значение имели и завоевания Наполеона. Наполеон "...ввел свой кодекс законов в завоеванных странах, кодекс, который был бесконечно выше всех существовавших кодексов и в принципе признавал равенство"[2]. Французский Гражданский кодекс был, в том или ином виде, реципирован в Италии, Бельгии, Голландии, Польше, некоторых германских государствах, некоторых кантонах Швейцарии и имел, кроме того, влияние на законодательства Румынии, Греции, некоторых государств Латинской Америки. "Кодекс Наполеона является тем сводом законов, который лежит в основе кодификации всех частей света"[3]. В России он сохранился после наполеоновских войн в Царстве Польском.

Составленный в начале XIX в. М. М. Сперанским проект гражданского уложения (не получивший утверждения) отразил на себе сильное влияние Кодекса Наполеона.

Французский Торговый кодекс. Выше был отмечен дуализм французского частного права: наряду с гражданским правом особой отраслью законодательства является право торговое.

Составители Гражданского кодекса не ставили своей задачей объединение всего частного права и не включили в Кодекс специальных правил, относящихся к взаимоотношениям между торговцами. Во время издания Гражданского кодекса эта взаимоотношения все еще нормировались изданными при Людовике XIV ордонансами о торговле и о торговом мореплавании и некоторы-

---

[1] Кодекс сохранил свою силу и в дальнейшем. Бурбоны, под влиянием католической церкви, ограничились лишь отменой развода. В 1884 г. он был восстановлен, но развод по взаимному соглашению так и не получил признания. Несмотря на реформы в некоторых других отношениях, Кодекс 1804 г. в своих принципиальных установках сохраняет свою силу и до настоящего времени.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. V. С. 8.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Письма. М., 1931. С. 382.

ми последующими законами. Эти ордонансы, отражая буржуазные отношения, существовавшие еще в недрах феодального общества, пережили революцию. Однако неполнота этих правил и устарелость некоторых из них вызвали необходимость в кодификации и торгового права.

В 1807 г. был издан Торговый кодекс (Code de Commerce). Однако он представлял мало нового по существу и в значительной части заимствовал свое содержание из прежних законов. В этой архаичности Торгового кодекса — его существенное отличие от Гражданского.

Торговый кодекс состоит из четырех книг. Первая дает правила о торговцах (как единоличных, так и о торговых товариществах), о биржах и посредниках, о векселе. Вторая книга посвящена институтам морской торговли, определяя вместе с тем и правовое положение торговых судов. Третья книга содержит постановления о несостоятельности. Предметом четвертой являются правила о специальном торговом судопроизводстве.

Торговый кодекс является лишь дополнением к Гражданскому в том смысле, что общие правила Гражданского кодекса (например, о собственности, о договорах) имеют применение и к торговым сделкам. Торговый кодекс устанавливает лишь специальные правила в отношении институтов торгового права, и в случае отсутствия таких специальных правил применяются общие правила Гражданского кодекса[1].

Следует отметить, что Торговый кодекс не имеет для торговых отношений такого же значения, как Гражданский для отношений гражданско-правовых. В области торговли имеют огромное значение всякого рода торговые обычаи и обыкновения, во многом регулирующие взаимоотношения между сторонами. Эти обычаи и обыкновения, нигде не записанные и выражающие практику торгового оборота, в ряде случаев обязательны для его участников.

Судоустройство. 1. Эпоха феодализма характеризуется во Франции большим количеством судов (торговых, духовных, сеньориальных и т. п.) и множественностью судебных инстанций. Буржуазия, придя к власти, уничтожила феодальные суды и установила единую судебную систему, находящуюся в руках государства. Основы этого заложены были уже в 1790 г. В период консульства и империи была закончена централизация судебной системы, представляющей собой, подобно наполеоновской системе административных органов, внешне стройную, строго централизованную, иерархически выдержанную систему.

[1] В Торговый кодекс был внесен впоследствии ряд дополнений и изменений, например, закон 1838 г., изменивший правила о несостоятельности. Кроме того, по вопросам торгового права был издан ряд отдельных законов, например, закон 1867 г. о товариществах, упростивший условия учреждения этих товариществ.

Низшим судебным органом является назначаемый правительством единоличный мировой судья, к компетенции которого относятся мелкие гражданские и уголовные дела. Для более значительных гражданских дел судом первой инстанции является "трибунал первой инстанции". Для пересмотра решений трибунала по существу по жалобе одной из сторон учреждены "апелляционные суды"; в округ каждого апелляционного суда входит несколько департаментов. Наконец, на решения апелляционного суда могут быть приносимы жалобы в единый для всей страны кассационный суд. Кассационный суд рассматривает дела не по существу, а с точки зрения правильности толкования и применения закона, и если признает, что апелляционный суд неверно истолковал или применил закон, то нового решения не постановляет, а отменяет состоявшееся решение и возвращает дело для нового рассмотрения. Определения кассационного суда имеют большое значение для установления единой судебной практики.

Наряду с этим торговцы добились сохранения для них особых судов. Для рассмотрения споров между торговцами и споров по торговым сделкам учреждены, в качестве суда первой инстанции, "коммерческие трибуналы", отличающиеся от прочих судов выборностью состава: председатель и члены трибунала избираются торговцами, живущими в округе этого трибунала. При разрешении дел в трибуналах получают существенное значение всякого рода торговые обыкновения, выражающие практику крупнокапиталистического оборота. Но обособление торговой юрисдикции касается лишь первой инстанции, и апелляционные жалобы на решения торговых трибуналов приносятся в общие апелляционные суды.

Гражданско-процессуальный кодекс. Гражданский кодекс потребовал и новых гражданско-процессуальных законов. Мало было создать систему гражданско-правовых мер, — нужно было установить соответствующий порядок рассмотрения гражданско-правовых споров. Выполнение этой задачи облегчалось тем, что еще в 1667 г. был издан Людовиком XIV ордонанс о гражданском правосудии. Этот ордонанс был предназначен для разрешения споров торговцев, ремесленников и прочих горожан и установил процессуальные порядки, соответствующие интересам этих групп населения. Ордонанс 1667 г. во многом послужил источником кодификации гражданско-процессуального права в начале XIX в.

В 1806 г. был издан Гражданско-процессуальный кодекс. Воспроизводя в ряде вопросов правила ордонанса 1667 г., этот Кодекс установил сложный, формальный и дорогой процесс. Обязательность участия адвокатов в общих судах, обилие процессуальных бумаг, необходимость выполнения ряда сложных формальностей, медлительность процесса являются характерными чертами процессуального кодекса. Неудивительно, что многочисленный

и влиятельный персонал судов и другие лица, так или иначе кормящиеся около "правосудия" (адвокаты, поверенные, нотариусы и т. п.), дорожат этим Кодексом, почему он в существенных чертах и сохранил силу до настоящего времени.

§ 8. Уголовное право

Уголовный кодекс 1810 г. Контрреволюционный переворот 9 термидора, а затем переворот 18 брюмера закрепили победу капиталистических отношений и господство крупной буржуазии.

Тому же должны были служить и новые кодексы, в том числе Уголовный процессуальный кодекс (Code d'instruction criminelle) 1808 г. и Уголовный кодекс (Code pinale) 1810 г.

Кодекс 1810 г. был издан в совершенно иной политической обстановке, чем Кодекс 1791 г. В 1791 г. буржуазия была заинтересована в сохранении завоеваний революции, — в 1810 г. буржуазия была уже контрреволюционной. При помощи уголовного права буржуазия стремилась укрепить только те результаты революции, которые были выгодны ей. Кодекс 1810 г. представлял собой в этом отношении шаг назад по сравнению с Уголовным кодексом 1791 г.

Если поэтому Энгельс называл Кодекс 1810 г. "классическим образцом"[1] и "современным буржуазным кодексом, покоящимся на социальных завоеваниях французской революции и переводящим их на юридический язык"[2], то он называл его так в сравнении с "полинявшими копиями", т. е. германскими уголовными кодексами, или с прусским земским правом, "этим законодательным кодексом патриархального деспотизма"[3]. Отношение Маркса и Энгельса к Кодексу 1810 г. лучше всего выразилось в ироническом замечании Маркса о "Рейнской провинции, "облагодетельствованной" кодексом Наполеона"[4]. Это не исключало того, что Кодекс 1810 г. по сравнению с феодальными кодексами других стран был передовым, имел прогрессивное значение, был действительно классическим кодексом буржуазии.

Кодекс 1810 г., как и другие кодексы, изданные правительством Наполеона, должен был законодательно закрепить основные результаты французской революции и, в частности, завоевания крупной буржуазии. Он содержал ряд статей, специально направленных против рабочего движения (запрещение стачек и др.).

---

[1] *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Т. XVI. Ч. I. С. 504.

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., 1938. С. 113.

[3] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 136.

[4] *Маркс К.* Господин Фогт. М., 1938. С. 304.

Он установил настолько последовательно проведенную систему составов так называемых "политических преступлений", что в основном она до сих пор удовлетворяет потребностям борьбы с революционным движением. Он сделал шаг назад в области наказаний, восстановив клеймение, выставление у позорного столба, отсечение правой руки отцеубийцам и другие меры, заимствованные из феодального уголовного права.

Если тем не менее Кодекс 1810 г. заслуживает название классического кодекса буржуазии, то именно потому, что он в совершенной форме перевел на язык уголовного права устремления не революционной, только идущей или только пришедшей к власти буржуазии, а буржуазии, закрепившей свои позиции, не имеющей уже надобности выставлять "общечеловеческие" требования, а озабоченной лишь тем, чтобы укрепить свое господство и обеспечить беспрепятственное свое развитие на основе "священной" "нерушимой" частной собственности.

В этом скрывалась причина того, что Кодекс не только сохраняется до сих пор в самой Франции (конечно, с рядом изменений и дополнений), но что он послужил "классическим оригиналом" (*Энгельс*) для многих буржуазных стран, в той или иной степени воспроизводивших его положения, а подчас и полностью заимствовавших их.

В Кодексе 1810 г. формально сохранены основные принципы буржуазной демократии в области уголовного права, возвещенные еще Декларацией прав человека и гражданина. Но Кодекс чрезвычайно наглядно показывает, во что обращаются эти принципы на деле. Так, он формально отказывается от предоставления правомочий одному только классу и ограничения прав других классов, как бы осуществляя тем самым принцип равенства всех перед уголовным законом. Но важнейшие разделы — о политических преступлениях и об имущественных преступлениях — лишь санкционируют и закрепляют при помощи мер уголовного принуждения экономическое неравенство.

Единственный из лозунгов Декларации прав человека и гражданина, нашедший в Кодексе 1810 г. не формальное только, а действительное и притом наиболее полное осуществление, — это лозунг святости и ненарушимости частной собственности. Этот принцип составляет основу не только раздела Кодекса об имущественных преступлениях, но и всего Кодекса в целом.

Уголовно-процессуальный Кодекс 1808 г. Большое влияние оказал на законодательство других стран и французский Уголовно-процессуальный кодекс 1808 г., который, аналогично Уголовному кодексу 1810 г., отразил основные идеи буржуазной демократии в области судопроизводства, но который, аналогично Уголовному же кодексу 1810 г., представлял в некоторых отношениях шаг назад по сравнению с уголовно-процессуальным законодательством 1789—1794 гг.

Кодекс 1808 г. явился первым чисто процессуальным кодексом (если не считать феодального ордонанса 1670 г. или попытки Петра I отдельно дать воинский устав в 1716 г. и краткое изложение воинского процесса в 1721 г.).

Кодекс 1808 г. подтвердил установленную еще Национальным учредительным собранием "трехстепенную систему суда: суд простой полиции (мировой судья), суд исправительной полиции (коллегиальный, но без участия присяжных заседателей) и суд ассизный (коллегиальный, с участием присяжных заседателей) и стоящий во главе их всех кассационный суд. Это деление соответствовало делению Уголовным кодексом всех преступных деяний на нарушения, проступки и преступления. Прокуратура состоит, согласно Кодексу, при суде, является органом публичного обвинения и посредствующим звеном между судом и правительством; она же является главой судебной полиции и органом, осуществляющим надзор за законностью действий должностных лиц судебного аппарата.

Самый уголовный процесс, построенный на новых началах, отражавших идеи формального равенства и формальной свободы в области процессуальной, сочетался с некоторыми институтами, сохранившимися от феодального ордонанса 1670 г.

Розыскная форма процесса была заменена состязательной. Обвиняемый получил права субъекта процесса, активного его участника, защищающегося от предъявленного ему обвинения в качестве стороны, противостоящей другой стороне — обвинителю. Устность и гласность стали на место письменной формы и тайности процесса. Но в стадии судебного следствия сохраняются следы розыскного процесса, выражающиеся в сохранении дискреционных прав председателя суда при определении рамок судебного следствия и его направления.

Что касается предварительного следствия и предания суду, то здесь состязательность была полностью исключена и предварительное следствие сохранило все особенности розыскного процесса: официальное расследование в силу закона, недопущение сторон и формальной защиты, ограничение прав обвиняемого, отсутствие гласности. Только в 1897 г. права защиты были несколько расширены.

Созданная Уголовно-процессуальным кодексом 1808 г. смешанная, т. е. состязательно-розыскная, форма процесса стала господствующей в уголовно-процессуальном законодательстве буржуазных стран. Кодекс 1808 г. действует во Франции до сих пор.

§ 9. Реставрация

Хартия 1814 г. В 1814 г. русские и австро-прусские войска вступили в Париж, а вместе с ними возвратились во Францию

Бурбоны. После отречения Наполеона сенат поспешно выработал Конституцию и 6 апреля 1814 г. предложил ее Людовику XVIII, но тот отверг предложение и, утвердившись на престоле с помощью иностранных войск, октроировал 4 июня 1814 г. конституционную хартию.

Политическая обстановка во Франции во время реставрации определялась классовым компромиссом между вернувшимися эмигрантами, которые хотели бы восстановления старых порядков, и верхами буржуазии, наиболее выигравшей от революции и желавшей сохранить достигнутые экономические и политические выгоды. За прошедшие со времени революции двадцать пять лет жизнь страны коренным образом изменилась. Капиталистические отношения стали основой не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Феодальный строй уже не мог быть восстановлен, как бы этого ни желали торжествовавшие победу приверженцы старого режима.

Конституция, предложенная сенатом, утверждала, что Людовик XVIII призван на престол народом, а это не могло нравиться королю и его приближенным. В ряде статей, касавшихся исполнительной власти, законодательной инициативы, устройства сената и палаты депутатов, полномочия королевской власти, по мнению короля и окружавших его, не были достаточно определенны и значительны. Составление проекта будущей хартии было поручено Людовиком XVIII его ближайшим советникам — реакционерам Монтескье, Дамбре и Феррану. Уступка же конституционным тенденциям выражалась в том, что разработанный ими проект был предложен на рассмотрение комиссии из членов сената и Законодательного корпуса.

Наиболее ярко выражено монархическое начало в предпосланном хартии введении, составленном секретарем комиссии Беньо, верным слугой Людовика XVIII, отлично понимавшим желания короля и стремившимся осуществить их в работах комиссии. Введение, являвшееся в то же время королевским манифестом, начиналось словами о великих обязанностях, возложенных на короля "божественным провидением", затем следовало упоминание о правах и древних обычаях великих королей, о мартовских полях, о благих намерениях короля. Заключительная формула введения гласила: "по всем этим причинам мы добровольным и свободным осуществлением своей королевской власти даровали и даруем, уступаем и жалуем нашим подданным, как за себя, так и за наследников наших и навсегда конституционную хартию, которая следует". В этой формуле выражен принцип октроирования хартии, противоположный принципу соглашения между королем и народом, положенный в основание сенатской Конституции. Беньо принадлежит также систематизация статей хартии по разделам: 1) публичное право французов (постановления, касавшиеся основ-

ных прав граждан), 2) формы, в которых осуществляется правление короля, т. е. определение прав короля как верховного главы государства и участие короля и палат в законодательстве, 3) палата пэров, ее организация и круг ведомства, 4) палата депутатов, ее устройство и компетенция, 5) министры и их отношение к палатам, 6) организация судебной власти, 7) особые права, гарантированные Конституцией, 8) переходные статьи.

В торжественном заседании палат 4 июня 1814 г. в присутствии короля, после приветственного слова короля и речи канцлера Дамбре, был прочтен текст хартии, в ответ последовали адреса королю от сената и Законодательного корпуса.

Хартия вступила в силу, как Конституция, дарованная Франции восстановленным на престоле Людовиком XVIII Бурбоном. Важнейшие учреждения империи — администрация, магистратура, кодексы и даже имперское дворянство — были сохранены.

Хартия устанавливала строй конституционной монархии, где королю, однако, предоставлялись очень широкие права не только как главе исполнительной власти, но также и в области законодательства.

Статья 14 объявляла, что "Король является верховным главой государства, распоряжается морскими и сухопутными военными силами, объявляет войну, заключает договоры о мире, союзе и торговле, назначает всех чиновников и скрепляет все регламенты и ордонансы, необходимые для приведения в исполнение законов и для безопасности государства".

Статья 15 устанавливала, что "законодательная власть осуществляется коллективно королем, палатой пэров и палатой депутатов". Законодательная инициатива принадлежала только королю, но палаты могли просить короля об издании закона.

Право заседать в верхней палате принадлежало пэрам Франции. Звание пэра приобреталось через королевское пожалование и могло быть личным и пожизненным или наследственным.

Палата депутатов избиралась населением, но двухстепенными выборами, в избирательных коллегиях. Для участия в выборах устанавливался исключительно высокий имущественный и возрастной ценз: 30-летний возраст и уплата 300 франков ежегодного прямого налога. Из 30 миллионов населения Франции только около 90 тысяч пользовались активным избирательным правом.

Для права быть избранным в палату депутатов возрастной ценз повышался до 40 лет, а имущественный до 1000 франков прямых налогов. Количество лиц, пользовавшихся пассивным избирательным правом, едва достигало 15 тысяч.

Исполнительная власть осуществлялась королем через начальников департаментов, образовывавших, вместе с несколькими министрами без портфелей, совет министров. В числе департаментов были: департамент юстиции, внутренних дел, финансов,

иностранных дел, военный, морской. В состав Совета министров также входили в течение некоторого времени министры общей полиции, королевского двора, по делам церкви, народного просвещения, общественных работ. Предусмотренный конституционной хартией 1814 г. тайный совет существенной роли не играл, так как управление было сосредоточено в перечисленных выше департаментах. Министры контрассигновали акты, издаваемые королем, но палаты не имели ни права запросов, ни права требовать объяснений действий агентов исполнительной власти.

Хотя в хартии признавалась свобода вероисповедания, католическая религия считалась государственной. Устанавливалось равенство всех перед законом и объявлялась личная свобода. В действительности полиция, суды, администрация организовали свирепое преследование не только бывших участников революции и всех к ней так или иначе прикосновенных, но и всех не сочувствовавших режиму реставрации.

Реакционная политика Бурбонов, стремившихся в чем только можно к восстановлению старого порядка, вызывала широкое недовольство. Когда Наполеон бежал с о. Эльбы и появился во Франции, население встречало его с энтузиазмом, а войска большей частью переходили на его сторону.

Дополнительный акт. Захватив вновь власть, Наполеон решил создать более свободный, чем ранее, государственный строй, и этой цели должна была служить новая Конституция, получившая название "дополнительного акта".

Выразителем интересов либеральных кругов Франции был публицист Бенжамен Констан, преследовавшийся раньше наполеоновским правительством за свои прогрессивные, по тому времени, взгляды. Теперь Наполеон привлек Бенжамена Констана к участию в составлении дополнительного акта. Конституционный акт, выработанный Бенжаменом Констаном, устанавливал двухпалатный парламент в составе наследственной палаты пэров и выборной палаты представителей, ответственное перед палатами министерство, личную неприкосновенность гражданин, свободу печати, право представления петиций.

22 апреля 1815 г. дополнительный акт был обнародован и подвергнут плебисциту. Не ожидая его результатов, Наполеон опубликовал декрет о выборах депутатов через избирательные коллегии. 1 июня были объявлены результаты плебисцита: 1 532 527 голосов утвердительных, 4802 отрицательных. В то же время среди избранных в палату представителей было много настроенных враждебно по отношению к наполеоновскому режиму.

Легитимистская реакция. Государственный строй, созданный "дополнительным актом", продержался, как известно, очень недолго. После "Ста дней", в течение которых Наполеон был на этот раз у власти, легитимистская реакция восторжествовала и

принялась свирепствовать с новой силой. Избранная в 1815 г. палата депутатов не оставляла, с точки зрения реакционеров, желать ничего лучшего, так что даже сам король, склонившийся, впрочем, очень нерешительно, к более умеренной политике, назвал эту палату "бесподобной".

Среди политических группировок во Франции в эту эпоху следует указать помимо группы ультрароялистов, окружавших наследника престола, графа д'Артуа, группу воинствующих клерикалов, домогавшихся, между прочим, полного восстановления в правах иезуитского ордена. Эта группа имела своими идеологами самых ярых представителей реакции — Жозефа де Местра и де Бональда.

Крупная буржуазия и некоторая часть дворянства стремились к укреплению конституционализма, очень, правда, умеренного, с безусловным преобладанием короля над парламентом. Эта группа имела своим вождем и представителем профессора Ройе Коллара. Теоретиком и крупным политическим деятелем либерализма был уже упоминавшийся выше Бенжамен Констан, основные политические принципы которого сводились к признанию суда присяжных, свободы совести, неприкосновенности собственности, свободы торговли и промышленной деятельности.

Наиболее левые слои политических деятелей, выражавших интересы наиболее либеральных кругов французской буржуазии, представлял в двадцатых годах историк Гизо, резко, однако, поправевший впоследствии.

Умеренным роялистам в правительстве удалось одно время ограничить разгул реакции, и, в частности, в 1817 г. новым законом двухстепенные выборы палаты депутатов заменены были прямыми. Но в 1820 г., после убийства герцога Беррийского, реакция опять усилилась, и это тотчас же сказалось на избирательном праве.

Избирательный закон 1820 г. Согласно закону "о двойном вотуме" (1820 г.) 258 депутатов палаты избирались общим собранием избирателей, уплачивавших не менее 300 франков налога, а 172 депутата избирались собранием привилегированных избирателей каждого департамента. Эти собрания состояли из четвертой части избирателей департамента, являвшихся наиболее крупными налогоплательщиками. Система выборов по многочленному списку, существовавшая по закону 5 февраля 1817 г., заменялась в общем собрании избирателей выборами одноименными, и число избирательных округов департамента равнялось числу депутатов, подлежавших избранию.

Самое название закона произошло от того, что привилегированные избиратели, т. е. крупнейшие налогоплательщики, голосовали дважды: первый раз — в общих собраниях избирательных коллегий округа и второй раз — в собрании привилегированных избирателей.

Те департаменты, которые избирали только одного депутата или насчитывали небольшое количество избирателей (300—400), на округа не делились, и в них выборы производились по закону 1817 г., но таких департаментов было всего лишь 7. Таким образом, в подавляющем большинстве департаментов выборы производились по закону о двойном вотуме, давшем возможность возвратиться во вновь избранную палату большинству депутатов "бесподобной" палаты.

Новый закон превратил избирательную систему в пародию на выборы: только небольшая часть богатых дворян и собственников из числа крупной буржуазии имела право голосовать. Через несколько лет закон о двойном вотуме был отменен.

Коронация и правление Карла X. В 1824 г. на престол вступил под именем Карла X брат Людовика XVIII — граф Артуа, с самого начала революции бывший вождем всех реакционных сил Франции. Вступление его на престол знаменовало собой особенное усиление реакции. Действительно, в 1825 г. был издан закон о выплате всем бывшим эмигрантам, земли которых во время революции были конфискованы и перешли к новым собственникам, компенсации в сумме одного миллиарда франков, вызвавший огромное возмущение в стране. Был издан ряд законов, направленных к восстановлению господствующего положения католической церкви и предоставлявших свободу деятельности ордену иезуитов, закон о святотатстве, устанавливавший чрезвычайно суровые наказания и смертную казнь за оскорбление культа, за преступления, направленные против католической церкви.

Ордонансы Карла X. Непосредственным поводом к революции 1830 г. послужили 6 ордонансов (указов), изданных королем в нарушение хартии 1814 г. Король распускал только что избранную палату, большинство которой принадлежало к либеральной оппозиции, решительно видоизменял избирательную систему, так что она означала теперь запрещение избирательных собраний, митингов и речей, т. е. запрещение всякой политической деятельности. Число избирателей было значительно сокращено. Законодательные права палаты суживались. Другими ордонансами устанавливались чрезвычайно стеснительные условия для печати, лишавшие ее и той относительной свободы, которой она с таким трудом добилась.

§ 10. Июльская монархия

Хартия 1830 г. Революция 1830 г. привела на престол Луи Филиппа. Хартия 1814 г. была теперь несколько изменена и получила название хартии 1830 г. В частности, король был лишен права издавать законы помимо палаты. Основная же перемена зак-

лючалась в том, что сумма прямых налогов, уплата которых ставилась условием для активного избирательного права, была снижена с 300 до 200 франков, а для пассивного — с 1000 до 500. Был понижен и возрастной ценз — для избирателей с 30 до 25 лет, а для избираемых — с 40 до 30 лет. Снижение имущественного ценза привело к некоторому расширению социальной базы июльской монархии, однако избирательным правом все еще пользовались лишь очень состоятельные слои буржуазии. Общее количество лиц, пользовавшихся активным избирательным правом, увеличилось с 94 тысяч до 188 тысяч (при населении в 30 миллионов). Столь же плутократический характер имела реформа муниципальных выборов 1831 г. Выборы членов муниципальных советов сосредоточены были в руках немногочисленных крупнейших налогоплательщиков.

Маркс в следующих словах характеризовал июльскую монархию: "Июльская монархия была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства; дивиденды ее распределялись между министрами, палатами, 240 000 избирателей и их присными. Луи-Филипп был директором этой компании"[1].

Полицейско-бюрократический аппарат, созданный Наполеоном и Бурбонами, был сохранен Луи Филиппом. Закон Ле-Шапелье, изданный в 1791 г. Учредительным собранием, запрещавший всякие рабочие союзы и коалиции, все время оставался в действии, чем устранялась всякая легальная возможность рабочего движения, но что не могло, конечно, предупредить обострение классовой борьбы. Напротив, недовольство рабочих принимало по временам формы открытых восстаний, из которых крупнейшим было восстание рабочих текстильных мануфактур в Лионе в 1831 г. К 1847 г. во Франции сложилась революционная ситуация. На историческую сцену выступил рабочий класс.

Тяжелый экономический кризис 1847 г., разразившийся во всей Европе, особенно тяжело повлиял на положение рабочего класса Франции. Вследствие закрытия многих предприятий быстро росла безработица. Неурожай в деревнях еще более усугубил бедствие, и крестьяне устремлялись в города, главным образом в Париж, увеличивая количество безработных.

В ответ на народные волнения правительство еще в 1835 г. провело через парламент законы, изменявшие уголовное судопроизводство в сторону усиления репрессий за преступления против государственного управления. Был также принят крайне реакционный закон о печати, облегчавший преследование антиправительственных изданий.

Но революцию мероприятия этого рода, конечно, не предупредили, а, пожалуй, приблизили.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VIII. С. 6.

§ 11. Вторая республика

Февральская революция. Восстание произошло 23 февраля 1848 г. Вооруженные рабочие на баррикадах боролись с войсками. После бегства короля было организовано временное правительство, и 25 февраля палата депутатов, уступая категорическому требованию народа, провозгласила республику.

Под напором революционных масс временное правительство издало ряд демократических декретов: об отмене цензуры, введении всеобщего избирательного права, отмене рабства в колониях, сокращении рабочего дня на 1 час, о "праве на труд", образовании так называемых "национальных мастерских" для обеспечения работой всех в ней нуждающихся.

В Учредительном собрании, открывшемся 4 мая, преобладали буржуазные республиканцы. "Собрание немедленно порвало со всеми социальными иллюзиями февральской революции и напрямик провозгласило буржуазную республику и только буржуазную республику"[1].

Собрание начало решительную борьбу против рабочих. Для того чтобы спровоцировать их на выступление, закрыты были национальные мастерские.

Рабочие вновь восстали (июнь 1848 г.) и в течение пяти дней дрались на баррикадах. Кавеньяк, которому Учредительное собрание немедленно вотировало чрезвычайные полномочия, опираясь на армию и буржуазную национальную гвардию, потопил восстание в крови.

Конституция 1848 г. 4 сентября Учредительное собрание начало обсуждение проекта Конституции, и 4 ноября она была принята в целом.

Конституция 4 ноября 1848 г. состояла из введения и двенадцати глав. В торжественных выражениях, "в присутствии Бога и именем французского народа" провозглашалось образование демократической единой и неделимой республики. Объявлялось, что права и обязанности, предшествующие позитивным законам, признаются выше этих законов и что республика имеет своими принципами "свободу, равенство и братство", а своими основаниями "семью, труд, собственность и общественный порядок". Далее в столь же торжественных выражениях говорилось о том, что граждане должны любить свое отечество, защищать его ценою жизни, участвовать в государственных повинностях пропорционально своему имуществу, обеспечивать себе трудом и предусмотрительностью средства к существованию и свое будущее. Декларировалось также, что республика никогда не употребит своих сил против сво-

[1] *Маркс К.* Классовая борьба во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VIII. С. 22.

боды других народов. Провозглашение наряду с традиционными принципами буржуазной демократии также "права на труд" явилось следствием социальных требований французских рабочих, вступивших на путь открытой классовой борьбы с буржуазией в дни июньского восстания. В заключительной VIII главе введения расшифровывались социальные обещания республики в форме общественной благотворительности, содействия начальному и профессиональному образованию, обещаний помощи и предоставления работы нуждающимся. В подтверждение провозглашенных во введении принципов и данных обещаний Национальное собрание, ссылаясь на верность традициям великих собраний, освященным французской революцией, декретировало Конституцию республики.

Первая глава Конституции ("О суверенитете") устанавливала, что суверенитет пребывает в совокупности французских граждан, что он не отчуждаем и не погашаем давностью.

Глава II устанавливала, что никто не может быть арестован или задержан иначе, как в соответствии с предписаниями закона, что в частное жилище можно проникнуть без позволения хозяина лишь тем способом и в тех случаях, которые указаны в законе, что никто не может быть лишен своих обычных судей и что никакие чрезвычайные суды не будут учреждаемы. Смертная казнь по политическим делам уничтожалась. Устанавливалось, что рабство не может существовать на какой бы то ни было части французской территории. Далее, предусматривалась свобода религии, собраний, петиций и манифестаций, образования и особенно тщательно гарантировалась неприкосновенность собственности и свобода предпринимательской деятельности.

Глава III гласила, что все публичные власти исходят от народа и не могут быть передаваемы по наследству. Разделение властей провозглашалось первым условием свободного правительства.

Глава IV — о законодательной власти — устанавливала, что французский народ делегирует законодательную власть единому собранию, и определяла порядок избрания и общее число представителей. Выборы объявлялись прямыми и всеобщими при тайной подаче голосов. Избирательным правом пользовались без различия имущественного состояния все мужчины, достигшие двадцати одного года и пользующиеся гражданскими и политическими правами.

Пассивным избирательным правом пользовались те же лица при условии достижения двадцатипятилетнего возраста.

Каждый из членов Национального собрания рассматривался как представитель всей Франции, а не того лишь департамента, который избрал его.

Подробно регламентировалась депутатская неприкосновенность.

Объявив разделение властей "первым условием свободного правительства", Конституция позаботилась отделить законодательную власть от исполнительной, вручив последнюю Президенту республики.

Глава V — об исполнительной власти — устанавливала порядок избрания и полномочия Президента республики.

Президент должен был быть уроженцем Франции и не моложе тридцатилетнего возраста. Он избирался на четыре года и не мог быть переизбран вновь ранее, чем спустя четыре года.

Президент избирался абсолютным большинством голосов избирателей прямой и тайной подачей бюллетеней. Для предупреждения узурпации власти путем государственного переворота устанавливалось, что "Всякое распоряжение, коим президент распускает Национальное собрание, отсрочивает его сессию или препятствует ему исполнять свои обязанности, есть государственная измена". Президент имеет право представлять через министров Национальному собранию законопроекты. Он заботится об исполнении законов, распоряжается вооруженными силами, но без права личного командования ими, заключает и ратифицирует договоры, подлежащие окончательному утверждению Национальным собранием, заботится о защите государства, но не предпринимает войну без разрешения Собрания, публикует законы от имени французского народа, пользуется при участии Государственного совета правом помилования, назначает и отзывает должностных лиц. Все акты Президента подлежат скрепе одного из министров.

Президент, министры и все агенты исполнительной власти ответственны за свою деятельность. Особый высший суд должен немедленно собраться и судить Президента в случае совершения им преступления против Конституции.

Специальная глава (VI) предусматривает образование Государственного совета, члены которого назначаются Национальным собранием на шесть лет. Государственный совет предварительно обсуждает правительственные законопроекты, подлежащие внесению на рассмотрение собрания, подготовляет правила деятельности публичной администрации и контролирует ее деятельность. Функции Государственного совета регламентируются законом.

Внутреннее административное устройство Франции (ст. 76 главы VII "О внутренней администрации") сохраняется прежнее. Устанавливается, что в департаментах администрация состоит из префекта, генерального совета и совета префектуры, в округах — супрефекта, в кантонах — кантонального совета, в коммунах — из мэра, его помощника и муниципального совета. Деятельность местной администрации регламентируется законом и ставится под надзор Президента республики, которому предоставляется право с ведома Государственного совета распускать генеральные, кантональные и муниципальные советы.

Глава VIII определяла организацию судебной власти, осуществляемой судьями по назначению Президента при участии присяжных заседателей, за исключением дел, подлежащих юрисдикции специальных судов.

Характер Конституции. Характер Конституции 1848 г. ярко выражает социальную обстановку, ее породившую. Наряду с провозглашением демократических принципов о "праве на труд", всеобщем, прямом и тайном голосовании и отмене смертной казни, Конституция предусматривала использование вооруженных сил для поддержания порядка внутри страны, т. е. для подавления народных движений. Это именно об этой Конституции Маркс сказал, что "каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность: ...свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке"[1].

При обсуждении проекта в комиссии Национального собрания Ламартин по вопросу об одной или двух палатах высказался за однопалатное собрание, как наиболее способное к диктатуре, необходимой ввиду международных осложнений и внутренних опасностей.

Предоставляя избираемому всем народом, а не Собранием, Президенту весьма значительные права, Конституция неминуемо вызывала "грызню между законодательной и исполнительной властью", игру конституционных сил. Огромная власть Президента пугала авторов Конституции, видевших возможность с его стороны государственного переворота. По ст. 68 Президент, совершивший действия, квалифицируемые как государственная измена, т. е. роспуск Собрания, отсрочка сессии или воспрепятствование ему в его обязанностях, тем самым отрешается от должности и исполнительная власть немедленно переходит к Национальному собранию.

Конституция была вотировала 4 ноября 1848 г. большинством 739 голосов против 30. 10 декабря состоялись выборы Президента. Из 7 300 000 голосов 5 430 000 поданы были за Луи Наполеона.

Причины успеха Наполеона исчерпывающе объяснены Марксом в его книге "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.". Крестьяне, отдавшие голоса за Наполеона, видели в нем надежду на возвращение прежнего величия Франции, связанного с именем его знаменитого родственника, осуществление своей программы: "Долой подати, долой богачей, долой республику, да здравствует император". Маркс называет день 10 декабря "днем крестьянского восстания". "Пролетариат, — замечает далее Маркс, — видел в выборе Наполеона прежде всего конец Кавеньяка и Конституанты, конец буржуазного республиканизма, — это была для него кассация июньской победы"[2].

---

[1] *Маркс К.* 18-е брюмера Луи Бонапарта. Л., 1940. С. 22.

[2] *Маркс К.* Указ. соч. С. 56—57.

Избирательный закон 15 марта 1849 г. 15 марта 1849 г. Учредительным собранием был издан закон о порядке составления избирательных списков каждой общины.

Устанавливалось, что в списки избирателей заносятся все французы, которым исполнился двадцать один год, пользующиеся гражданскими и политическими правами и проживающие в данной местности не менее шести месяцев. Не подлежали занесению в списки лица, утратившие гражданские и политические права вследствие присуждения к тюремному заключению.

Последующие параграфы устанавливали порядок выборов депутатов.

26 мая 1849 г. Учредительное собрание закончило свою деятельность, уступив место вновь избранному Национальному собранию.

Национальное собрание и Президент. В Национальном собрании реакционному большинству противостояла оппозиция партии Горы, лидерами которой были провалившийся на президентских выборах Ледрю Роллен, Феликс Пиа и находившийся в тюрьме Распайль. Многие левореспубликанские деятели первого периода революции вынуждены были, как Луи Блан и Коссидьер, бежать в Англию, другие были подвергнуты тюремному заключению или отправлены в ссылку. Отправка военной экспедиции в Рим против итальянских революционеров и бомбардировка Рима, вопреки содержавшемуся во введении к Конституции торжественному заверению, что вооруженные силы республики никогда не будут использованы для подавления свободы других народов, вызвали ожесточенные, но безуспешные нападки оппозиции на реакционную политику Собрания. Оппозиция, руководимая Ледрю Ролленом, попыталась даже поднять восстание и опубликовала 13 июня в радикальных газетах воззвание, объявлявшее Президента, министров и часть Национального собрания вне закона. После провала этой попытки Национальное собрание под предлогом борьбы с революцией издало ряд реакционных законов (ограничение свободы печати и собраний, предоставление правительству полномочий по введению осадного положения). В 1850 г. под давлением клерикалов был издан закон о народном образовании, в силу которого в состав Высшего учебного совета были введены представители церкви, а префекты получили право временного отстранения от должности всех учителей народных школ, заподозренных во вредном образе мыслей. Наконец, опубликован был новый избирательный закон.

Избирательный закон 31 мая 1850 г. Не решаясь открыто отменить всеобщую подачу голосов, закон лишал права голоса лиц, осужденных за участие в тайных обществах и восстаниях и за оскорбление властей, а главное — повышал ценз оседлости с 6 месяцев до 3 лет. Ценз этот должен был удостоверяться либо дан-

ными об уплате налогов, либо письменными декларациями родственников избирателей по восходящей линии, либо такими же свидетельствами нанимателей. Чрезмерно высокий ценз оседлости и сложность его установления отстраняли от выборов основную массу рабочих и ремесленников. Из числа избирателей было исключено около 3 миллионов лиц.

Государственный переворот Луи Бонапарта. По мере истечения срока президентских полномочий Луи Бонапарта обострялись трения между ним и Законодательным собранием.

Наполеон требовал увеличения оклада Президента, это требование было отвергнуто, он добивался пересмотра Конституции с тем, чтобы она не препятствовала его переизбранию, чего он добивался. Собрание отвергло и это.

Наполеон не упускал случая выставить эти трения в выигрышном для себя свете и в 1851 г. обратился, например, к Национальному собранию с посланием, в котором требовал отмены избирательного закона 1850 г., нарушавшего провозглашенное в Конституции 1848 г. всеобщее избирательное право. Это был демагогический шаг, направленный на завоевание популярности. Когда консервативное большинство Собрания отвергло требование Президента, он получил еще больше возможности выступать в роли защитника всеобщего голосования и стал втайне готовить переворот. 2 декабря 1851 г. был опубликован декрет Президента о роспуске Национального собрания и Государственного совета, восстановлении всеобщего избирательного права и назначении новых выборов. Тогда же в прокламации к народу Президент обещал подвергнуть "народному голосованию", плебисциту, основы нового государственного устройства.

20 и 21 декабря в обстановке насилия и репрессий со стороны агентов правительства был проведен плебисцит, одобривший переворот, а 14 января 1852 г. Луи Бонапарт вновь обратился к народу с прокламацией, в которой, ссылаясь на свое воззвание от 2 декабря, восхвалял империю Наполеона I и созданные ею учреждения и доказывал, что глава правительства должен быть ответствен непосредственно перед народом и что должны быть созданы Государственный совет, палата депутатов, сенат и высший суд — все это в соответствии с принципами Конституции VIII года.

Конституция 14 января 1852 г. Наконец, Руэр, прославившийся впоследствии министр второй империи, составил проект новой Конституции, которая и была одобрена Президентом и получила название Конституции 14 января 1852 г.

В небольшом введении к Конституции Президент республики напоминал о принципах государственного устройства, установленных в воззвании 2 декабря 1851 г.: ответственный перед народом глава правительства, министры, подчиняющиеся только исполнительной власти, Государственный совет, подготовляющий проек-

ты законов, Законодательный корпус, утверждающий законы, вторая палата в качестве охранителя Конституции. После этого следовали восемь глав Конституции, представлявшие собой развитие этих принципов. Существо Конституции заключалось в ее лишь слегка замаскированном монархическом характере. Президент республики наделялся почти неограниченной властью. Ему вверялись все отрасли государственного управления, и он правил через министров, Государственный совет, сенат и Законодательный корпус. Всю ответственность Президента перед народом Конституция сводила к его праву апелляции к народу в форме плебисцитов. Результат же плебисцита, как об этом свидетельствовал уже опыт первой империи, глава государства всегда мог заранее обеспечить. Министры, не ответственные перед Законодательным собранием, зависели только от Президента и были ему целиком подчинены — они и присягу принимали на верность Президенту. Компетенция Президента как главы государства была всеобъемлющей. Он признавался главой всех вооруженных сил, объявлял войну, заключал мирные и всякие иные договоры, назначал должностных лиц. Правосудие отправлялось от имени Президента. Депутаты Законодательного корпуса, сенаторы, члены Государственного совета, военные чиновники и судьи приносили присягу верности Президенту. Президент обладал законодательной инициативой. Он утверждал законы и издавал декреты, необходимые для приведения законов в действие. Он объявлял осадное положение. Вся жизнь и деятельность конституционных учреждений находились в полной зависимости от Президента. Сущность Конституции 1852 г., как ранее Конституции VIII года, заключалась в создании республиканской формы, за которой скрывалось монархическое содержание будущей империи. Для перехода от республики к империи довольно было одного шага.

§ 12. Вторая империя

Период авторитарной монархии. 7 ноября 1852 г. сенат по прямому требованию Президента издал сенатус-консульт, восстанавливавший империю и провозглашавший Луи Наполеона императором французов. 21 ноября это было скреплено плебисцитом, а 2 декабря подтверждено императорским декретом.

Луи Бонапарт пробился к власти как представитель самого многочисленного класса французского общества, именно — мелких крестьянских собственников, консервативных, изолированных на своих клочках земли — "парцеллах", желающих укрепления этой именно социальной обстановки, слепо держащихся за нее и замыкающихся в ней. Бонапарт и явился представителем и защитником предрассудков мелкособственнических крестьян, жду-

щих спасения для себя и для своей парцеллы в империи[1]. Империю же Бонапарт понимал прежде всего как сильное и неограниченное правительство. Поэтому он укрепил и возвысил бюрократию, искал и находил во всем поддержку у духовенства, за что расплачивался с рыцарской щедростью за счет народа, возвел, наконец, на небывалую высоту армию. Ленин писал, что "...основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга"[2]. С установлением бонапартизма финансовая и промышленная буржуазия стала хозяином страны: развитие ростовщического и денежного капитала приняло невиданные размеры, в течение 15 лет почти в три раза увеличилось промышленное производство и внешнеторговый оборот. Вместе с этим шел процесс дальнейшего обнищания трудящихся масс как в городе, так и в деревне.

Став императором под именем Наполеона III, этот проходимец и выскочка повел себя не хуже, чем всякий другой император. Он усердно заботился о том, чтобы закрепить престол за своими наследниками, для чего упомянутый сенатус-консульт устанавливал порядок замещения трона. Он установил себе самому ежегодное жалование в 25 миллионов франков, для чего 12 декабря 1852 г. был издан сенатус-консульт о цивильном листе и дотациях короне, с подробным расписанием всего, что составляло недвижимое и движимое имущество короны (дворцы, замки, дома, имения, фабрики, драгоценности, предметы искусства).

На этом дело не остановилось.

Сенатус-консульт от 25 декабря 1852 г. истолковывал и изменял Конституцию 1852 г. в сторону установления почти неограниченной императорской власти. Императору предоставлялось право председательствования, когда он это найдет нужным, в сенате и в Государственном совете, право издания декретов, право распоряжения государственными кредитами с последующего утверждения Законодательного собрания. Бюджет государственных расходов, с подразделениями по главам и статьям, представлялся на обсуждение Законодательному собранию и подвергался голосованию по министерствам. Распределение по разделам кредитов, назначенных каждому министерству, производилось императорским декретом, издаваемым Государственным советом. Перемещения расходов из одного раздела в другой производилось также лишь императорскими декретами.

---

[1] См.: *Маркс К.* 18-е Брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VIII. С. 406—407.

[2] *Ленин В. И.* Соч. Т. XXI. С. 60—61.

Так создавались основы того режима второй империи, который получил название авторитарной монархии.

Период авторитарной монархии Наполеона III совпадает с усилением общеевропейской реакции после революции 1848 г. Внутренняя политика авторитарной монархии имела целью охрану "собственности, порядка, религии" и подавление всех проявлений оппозиции против абсолютизма императорской власти.

Несмотря на существование законодательной палаты, избираемой всеобщим якобы голосованием, законодательство, как и остальные отрасли власти, полностью было сосредоточено в руках императора.

Была установлена цензура, чрезвычайно стеснявшая печать. Издатели газет обязаны были вносить залог в сумме 160 тысяч франков. В случае нарушений правил о печати залог подвергался конфискации, а газета прекращала свое существование.

Особенно усилилась реакция в 1858 г. после покушения на императора, совершенного графом Орсини. Хотя покушавшийся был итальянец и не имел никаких связей во французском обществе, покушение было использовано как предлог для усиления борьбы против оппозиции. Сенатус-консульт 17 февраля 1858 г. предписывал кандидатам в депутаты лично являться в префектуру департамента, где предстояла баллотировка, и давать подписку в повиновении Конституции и верности императору.

Был издан закон об общественной безопасности, дававший правительству право арестовывать и ссылать без суда тех, кто уже ранее привлекался к ответственности по политическим делам.

Министерство внутренних дел было объединено с военным, и во главе объединенного министерства был поставлен генерал Эспинас — непосредственный участник переворота 2 декабря. Эспинас начал свою министерскую деятельность с того, что разослал комиссарам полиции в департаментах распоряжения об арестах лиц, вызывающих политическое подозрение, причем было указано, сколько именно человек желательно арестовать в каждом департаменте. Всякие превышения этих примерных цифр встречались в Париже благосклонно.

Период либеральной монархии. Это была, однако, кульминационная точка реакции, после которой наблюдается ее постепенный спад. Буржуазия второй империи настоятельно нуждалась в либеральных реформах, в ослаблении правительственной опеки и чиновничьего зажима. Во внешней политике Наполеон III терпел крупные неудачи: он не сумел, подобно Наполеону I, увить лаврами цепи, наложенные им на общество, и вынужден был идти на уступки. Несколькими последовательными сенатус-консультами создавался как бы новый режим, режим "либеральной монархии". Императорским декретом от 24 ноября 1860 г. сенату и Законода-

тельному корпусу было предоставлено право ежегодно при открытии сессий вотировать адрес и ответ на тронную речь. Этим же декретом были учреждены должности министров без портфелей, входивших в состав Совета министров и обязанных защищать правительственные законопроекты перед палатами.

Сенатус-консультом от 2 февраля 1861 г. было разрешено печатать в газетах отчеты о дебатах в сенате и Законодательном корпусе. Сенатус-консульт от 31 декабря 1861 г. расширил финансовые права Законодательного корпуса, предоставив право вотировать бюджет государственных расходов каждого ведомства по разделам. Дополнительные и экстраординарные кредиты могли ассигноваться лишь в силу закона.

В Законодательном корпусе после выборов 1863 г. впервые появляется оппозиция правительству, представленная пятью депутатами (Оливье, Жюль Фавр, Эрнест Пикар, Генон и Даримон). В 1864 г. был отменен закон Ле-Шапелье, запрещавший образование рабочих союзов и коалиций лиц одной профессии, изданный еще в 1791 г.

Рост рабочего движения и усиления буржуазной оппозиции в последние годы второй империи заставили правительство Наполеона III пойти на новые уступки общественному мнению. Сенатус-консульт 1869 г. устанавливал, что законодательной инициативой обладает наряду с императором и Законодательный корпус. Министры образовывали совет под председательством императора. Они могли быть членами сената или Законодательного корпуса, могли, во всяком случае, присутствовать в заседаниях и должны были выслушиваться всякий раз, когда они этого потребуют.

Расширялось участие сената в законодательстве: раньше он мог отвергать законы лишь в случаях их противоречия Конституции; теперь он получил право суспенсивного вето по отношению ко всяким актам Законодательного корпуса.

Члены сената и Законодательного корпуса получали право запросов правительству.

Конституция 1870 г. и конец империи. В 1870 г. Луи Наполеон счел, наконец, необходимым даровать Франции новую и притом "либеральную" Конституцию. Сенатус-консульт 21 мая объявлял, что эта "конституция признает, утверждает и обеспечивает великие начала, провозглашенные в 1789 г.", но в дальнейшем тексте ее трудно было открыть что-либо похожее на эти начала. Законодательная власть вручалась совместно императору, сенату и Законодательному корпусу (предложения назвать этот последний "палатой депутатов" были предусмотрительно отвергнуты). Сенат составлялся из членов по должности и по назначению императора. Законодательный корпус избирался "всеобщим голосованием". Министры оставались ответственными только перед императором.

Император признавался ответственным перед народом, "к которому он всегда вправе обратиться". Это означало, что узаконивалась и на будущее время практика плебисцитарных пародий.

Все это не могло предотвратить надвигающийся крах империи. Достаточно было нескольких крупных поражений в войне 1870—1871 гг., чтобы обнаружилась несостоятельность режима и его внутреннее разложение, совершавшееся много лет.

Вторая империя не выдержала военной катастрофы и рухнула.

Глава 5. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ГЕРМАНИИ В 1814—1871 гг.

§ 1. Рейнский союз

Классовый состав населения. К началу XIX в. еще сохранялась Священная Римская империя германской нации, состоявшая более чем из 300 с лишним государств, крупных и мелких. Эти государства лишь формально подчинялись власти императора и сейма, и их главы пользовались почти неограниченными суверенными правами: они самостоятельно вступали в войну, заключали мирные соглашения, созывали сословные ландтаги и назначали налоги.

Население государств состояло из сословий. Среднее дворянство пыталось (большей частью неудачно) сохранить самостоятельность по отношению к своим князьям, низшее дворянство состояло на службе у князей или в ленной зависимости от них же или было непосредственно подчинено имперским властям. Значительную роль в общественно-политической жизни играло духовенство, распадавшееся на высшее и низшее. Высшее владело значительными землями и получало большую часть поборов с крестьянства. Городское население отличалось не меньшей пестротой. Здесь были патрицианские семьи, богатые и влиятельные, которым принадлежал решающий голос в городских представительных и непредставительных учреждениях. За ними следовало бюргерство — средний слой городского населения, торговцы, ремесленники, т. е. основное ядро городских собственников. Что касается беднейшего слоя городского населения, то оно стояло за пределами феодального общества, т. е. находилось вне феодальных связей и выросших на основе феодализма городских связей. Плебеи были бесправны и подвергались эксплуатации в условиях ремесленного производства и развивающейся торговли.

Наконец, крестьянство после крестьянской войны 1525 г. вынуждено было вернуться под власть своих духовных и светских господ, и это положение сохранилось и к началу XIX в.

Стремление к воссоединению Германии. Таким образом, в XIX в. Германия вступила обремененная тяжким феодальным наследием и не успев сложиться в единое государство. В то время как в Англии и Франции развитие торговли и промышленности в XIV—XV вв. "привело к сцеплению интересов всей страны и тем самым к политической централизации, в Германии этот процесс привел лишь к группировке интересов по провинциям, вокруг местных центров и поэтому к политической раздробленности, кото-

рая вскоре должна была окончательно закрепиться, благодаря выключению Германии из мировой торговли. По мере того как распадалась чисто *феодальная* империя, стала разрываться и связь между отдельными частями империи; крупные имперские владетели стали превращаться в почти независимых государей, а имперские города, с одной стороны, и имперские рыцари, с другой, начали заключать союзы то друг против друга, то против князей или императора"[1].

Владычество Наполеона в покоренных им немецких государствах значительно подорвало здесь феодальные пережитки. С другой стороны, как раз борьба с иноземным владычеством подняла национальное самосознание немецкой буржуазии и разбудила жажду национального объединения. "Начиная с 1815 г., буржуазия, бюргерство в Германии вело борьбу за власть со средневековым землевладением и с абсолютистской системой, системой управления "божьей милостью"[2].

Буржуазия выступала против: 1) распыления Германии на множество государств; 2) феодальных уз, связывающих развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли; 3) назойливого надзора бюрократии. Но именно распыленность по многочисленным германским государствам ослабляла и связывала буржуазию в этой борьбе. Она к тому же не хотела демократизации общественного и политического строя Германии, а хотела только подчинить своим, буржуазным интересам правителей "божьей милостью" и земельную аристократию, оставляя их на своих местах и сохраняя за ними политические и иные права.

Образование и характер Рейнского союза. К началу XIX в. Священная Римская империя превратилась в барьер на пути развития капиталистических отношений в Германии. Она обветшала во всех отношениях и должна была пасть при первом испытании, при первом значительном толчке извне. Таким толчком и явилась французская революция XVIII в. Она "...точно громовая стрела, ударила в этот хаос, называемый Германией"[3]. Столкновение между германской феодальной империей и французской буржуазной республикой, а затем и империей закончилось поражением германской империи. Наполеон ликвидировал Священную Римскую империю и установил свое непосредственное господство над значительной частью Германии.

По справедливой характеристике Наполеона, "последовательные искажения, увеличивающиеся из столетия в столетие, превратили германскую конституцию в тень ее самой. Время изменило все отношения величины и силы, первоначально существовавшие между отдельными членами союза, между ними в отдельности и

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VIII. С. 117.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. V. С. 558.
[3] Там же. С. 7.

целым, часть которого они составляли. Сейм перестал иметь собственную волю. Решения высших судов не могли быть приводимы в исполнение. Все свидетельствовало об упадке столь сильном, что федеративная связь не доставляла уже никому обеспечения, а для сильных была средством разногласия и раздора. События трех коалиций довели это расслабление до последнего предела"[1]. Наполеону оставалось объявить, что он не признает более германской конституции и подтверждает "неограниченную державность" отдельных германских государей. Наполеон уничтожил ряд государственных образований на территории Германии и, в частности, из 51 вольного города сохранил только 5, раздав остальные отдельным государям.

В интересах Наполеона была известная консолидация Германии без ее превращения, однако, в единое государство. Выход был найден в создании Рейнского союза под протекторатом Наполеона, что означало на практике его бесконтрольное господство в нем (1806 г.). Рейнский союз образован был из прирейнских областей бывшей Священной Римской империи и к 1811 г. объединял большинство немецких государств.

В 1813 г. вследствие поражения Наполеона Рейнский союз распался, но наполеоновские завоевания сыграли свою роль. Наполеон упорядочил администрацию и финансы Германии, ввел гражданский кодекс, отменил крепостное право и феодальные привилегии. С другой стороны, борьба с иностранным нашествием подняла волну патриотического движения и усилила объединительные тенденции.

§ 2. Германский союз

По Парижскому трактату (1814 г.) германские государства объявлялись самостоятельными, соединенными между собой федеративной связью. Но трактат не определял государственного устройства Германии. Эта задача была возложена на Венский конгресс, которым и был учрежден Германский союз в составе 34 государств (в том числе таких крупных, как Пруссия и Австрия) и 4 вольных городов.

Решения конгресса были признаны основным законом Германского союза. Однако Союз этот ничем не напоминал федерацию и даже отдаленно не удовлетворял тех, кто стремился к действительному объединению Германии. Здесь не было самого главного — единой союзной, хотя бы и очень ограниченной в своей компетенции, власти. Единственным органом Союза считался Союзный

[1] Цит. по кн.: *Градовский А. Д.* Германская конституция. СПб., 1875. Ч. I. Исторический очерк германских союзных учреждений в XIX веке. С. 1—2.

сейм (Byndesversammlung), состоявшийся из уполномоченных тридцати четырех монархий и четырех вольных городов. Эти уполномоченные представляли собой чиновников, командированных правительствами и не смевших шагу ступить без их соизволения. Для решения ряда вопросов требовалось общее согласие всех членов Союза, и этого одного достаточно было для того, чтобы обессилить сейм. Никаких дополнительных органов Союза не существовало. Каждое государство сохраняло все свои верховные права и осуществляло их своими средствами и по собственному усмотрению. Когда, например, курфюрст гессенский самоуправно вновь завладел имуществами, законно объявленными в свое время национальными, и сейм попытался остановить его, он отверг это вмешательство, как покушение на его суверенные права.

Заседания сейма имели две формы: Узкий совет — для рассмотрения важнейших вопросов (о конституции, о составе Союза, о войне и мире) и Пленум — для менее значительных. В Узком совете было 17 голосов, 11 крупнейших государств имели по одному голосу, а остальные разделялись на шесть групп и каждая группа имела один голос.

В Пленуме было 69 голосов: шесть государств имели по 4 голоса (Австрия, Пруссия и 4 королевства), пять — по 3 голоса, три — по 2 голоса, остальные двадцать государств и 4 вольных города — по 1 голосу.

Председательство в сейме всегда принадлежало уполномоченному Австрии, что подчеркивало гегемонию Австрии в Германском союзе.

Итак, Союз далеко не означал национального объединения Германии. Крупные государства преобладали в сейме, решительно отвергая принцип равенства членов Союза. Господствующая роль оставалась за Австрией, мелкие же государства больше всего заботились о своей независимости от Австрии и Пруссии. Несколько десятков государств шли каждое своим путем. Во внутреннем управлении их не было никакого единства: одни сохраняли самодержавный строй, не допуская ни тени представительства, как Австрия, Пруссия и некоторые северные государства, другие (Саксония, Ганновер и др.) ввели у себя собрания "земских сословий", имевшие, впрочем, совещательный характер. И лишь немногие (Бавария, Вюртемберг, Саксен-Веймар, Гессен-Дармштадт и др.) решились на писаные конституции, в которых, однако, преобладание монарха над представительным собранием было установлено достаточно твердо и ясно.

§ 3. Пруссия

Как ни мало походил на представительный строй государственный уклад этих стран, Пруссия — крупнейшее государство Гер-

мании — лишена была даже и такой конституции, оставаясь абсолютистским государством, где в общественной и политической жизни, в законодательстве и управлении господствовали реакционнейшие аристократы — землевладельцы и феодальная бюрократия.

В период наполеоновских войн в Пруссии были проведены некоторые государственные реформы. Весьма характерно, что государственные деятели, с именами которых связаны эти реформы, — Штейн, Гарденберг, Шарнгорст — не были пруссаками, представляли собой в Пруссии пришлый элемент и в своих достаточно скромных реформаторских проектах встречали упорное сопротивление руководящих общественных слоев. Сам Гарденберг, по его словам, не имел в виду ничего большего, как внесение "принципов демократии в монархическое правительство", причем "монархическое" было однозначаще с "абсолютистским". И Штейн, действовавший по этой программе, подготовил реформу, проведенную в 1808—1810 гг. Старые "коллегии директоров", управлявшие государством без строгого разграничения круга ведения отдельных "коллегий", были заменены пятью министерствами с единоличными министрами во главе и с точно определенной ведомственной компетенцией (дела военные, иностранные, внутренние, финансовые, юстиция). Учреждена была должность государственного канцлера, который возглавлял Совет министров. Государственный совет из принцев и высших должностных лиц, учрежденный в 1818 г., являлся столь же совещательным органом при монархе, как и Совет министров. Королевское самодержавие оставалось принципиально и фактически в полной силе. И другие реформы Штейна затрагивали абсолютистско-феодальный строй Пруссии не более, чем реформы центрального управления. Были созданы (1808 г.) в городах муниципальные советы в качестве органов местного самоуправления, но к выборам их допущена была лишь весьма незначительная часть населения. Функции этих советов и избираемых ими исполнительных комитетов (магистратов) почти целиком сводились к управлению местным финансовым хозяйством. Несколько позднее введено было деление страны на 8 провинций с обер-президентами во главе каждой. Они делились на области и округа. В округах местная власть сосредоточена была в руках ландрата, который назначался правительством по представлению местных окружных собраний, где безусловно господствовали представители помещиков. Сделана была попытка упразднения крепостного права, и оно было официальным указом объявлено отмененным (1807 г.), но помещики благополучно сохраняли над крестьянами всю полицейскую и судебную власть, и средневековая связанность крестьянина с землей истолковывалась так, что выйти из личной крепостной зависимости крестьянин мог только ценой потери своей земли.

Успешней и полней других реформ проведена была реформа военная, считающаяся заслугой Шарнгорста. Воинская повинность

была объявлена всеобщей — и это дало ценную возможность вовлекать в армию молодежь из всех слоев населения. Но дворяне сохраняли все преимущества продвижения по службе, и практически новая военная организация с ее трехлетним сроком всеобщего обязательного прохождения службы и с двадцатипятилетним сроком пребывания в запасе явилась средством поставить все взрослое мужское население под команду дворян-офицеров.

За время, протекшее от конца наполеоновских войн до революции 1848 г., длинный ряд германских государств получил так называемые хартии, устанавливавшие в том или ином виде, в той или иной степени участие народных представителей в управлении. И только Пруссия оставалась исключением. В 1823 г. вместо давно обещанных конституции и парламента она получила сословные собрания в каждой из восьми провинций. Эти местные собрания занимались вопросами местного управления в очень скромных масштабах и имели право высказываться относительно желательности тех или иных правительственных мероприятий для провинции.

Тем не менее в середине XIX в. было ясно, что по ряду причин, среди которых реформы Штейна, Шарнгорста и Гарденберга занимали не последнее место, Пруссия сделалась самым сильным государством Германского союза, с самой сильной военной организацией и слаженным централизованным бюрократическим аппаратом. Это привело к тому, что ведущие слои германской буржуазии, справедливо считавшие воссоединение Германии необходимым условием ее капиталистического развития, но решительно отвергавшие революцию, стали возлагать надежды на Пруссию, как на единственное немецкое государство, способное осуществить это воссоединение.

§ 4. Революция и ее поражение

Действительно, германская революция 1848 г. была подавлена благодаря, главным образом, Пруссии. Под напором либеральной буржуазии, требовавшей конституции, прусский король Фридрих-Вильгельм IV обнародовал, наконец, в 1847 г. "жалованную грамоту". Король имел в виду "обеспечить на веки веков победу феодально-патриархально-самодержавно-бюрократически-поповской реакции"[1], либералы же хотели реального участия буржуазии в управлении. Отсюда — конфликт между королем и Соединенным ландтагом, созванным на основании жалованной грамоты и хотя состоявшим из депутатов сословий, но смотревшим на себя как на народное представительство, и требовавшим себе права

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. V. С. 240.

контролировать бюджет, на что король не соглашался. В середине марта 1848 г. в Берлине вспыхнула революция, рабочие массы выступили как внушительная сила, и город покрылся баррикадами. Уступая революции, король торжественно пообещал писаную конституцию, национальное собрание, всеобщее голосование и высказался в том смысле, что единство Германии должно быть осуществлено путем растворения ее в Пруссии.

В марте рабочие и демократическое бюргерство завоевали себе политическую свободу. Однако непосредственное господство достаюсь крупной буржуазии, которая из страха перед народом изменила революции, заключила оборонительный и наступательный союз с старопрусским дворянством и бюрократией, т. е. с отъявленной реакцией.

Национальное собрание выбрано было двухстепенными выборами и состояло в большинстве из буржуазных либералов, которые бесполезно тратили время на разработку конституции, в то время как реакция непрерывно нарастала в самой Пруссии и в других частях Германии. Одновременно с берлинским национальным собранием в мае 1848 г. собралось во Франкфурте учредительное собрание из представителей населения всех стран, входивших в Германский союз (и даже некоторых местностей, оставшихся вне его). Этот "франкфуртский парламент", как и берлинский, посвятил всего себя разработке демократической конституции, которая должна была лечь в основу единой союзной Германии, но он был совершенно бессилен создать эту единую Германию. Он, правда, упразднил Союзный сейм и образовал "имперское" правительство из министров военного, иностранных дел, финансов, торговли, внутренних дел и юстиции, но не сумел подчинить это правительство своим видам и своему руководству. Он выработал, наконец, имперскую конституцию, но не имел средств заставить отдельные германские государства признать ее. Будучи произведением революции и связанный с ней на жизнь и на смерть, он ни разу не сумел использовать революционную ситуацию, многократно отмежевывался от народных восстаний и кончил тем, что жалкие остатки его, перекочевавшие из Франкфурта в Штутгарт, были разогнаны вюртембергским правительством (июнь 1849 г.) А незадолго перед тем контрреволюция победила в Пруссии. Берлинское национальное собрание тоже, разумеется, выработало конституцию в очень либеральном духе, хотя и не особенно оригинальную: она не шла дальше бельгийской Конституции 1830 г. с ее длинным прейскурантом демократических прав, с выборным двухпалатным ландтагом, с ответственным перед ним правительством, с конституционным королем. Например конституции, созданной франкфуртским парламентом, этой конституции дано было пережить берлинское национальное собрание; оно было разогнано в ноябре 1848 г., конституция же была введе-

на с некоторыми изменениями в действие и на основе ее созван был в 1849 г. парламент, перед которым король сразу же поставил вопрос о пересмотре конституции. Парламент, однако, оказался малосговорчивым и был распущен, после чего был изменен порядок выборов. Новый избирательный закон, созданный Фридрихом-Вильгельмом IV, отличался крайней реакционностью. Выборы были сделаны двухстепенными открытыми, что само по себе давало правительству широкую возможность фальсификаций.

Для большей верности выборы в первой стадии строились по куриальной системе, согласно которой избиратели делились на три класса, так, что в первый и во второй входили крупнейшие налогоплательщики, а в третий — все остальные избиратели. Но так как каждый класс выбирал одинаковое число выборщиков, то первые два класса, вмещавшие какую-нибудь пятую часть избирателей, посылали вдвое больше выборщиков, чем третий класс, объединивший остальные четыре пятых. Нетрудно догадаться, какой получился результат выборов во второй стадии, и что представляла собой нижняя палата ландтага, выбранная на основании нового избирательного закона: достаточно отметить, что из 350 членов палаты 250 являлись по своему социальному положению чиновниками. Успех был настолько соблазнителен, что трехклассная избирательная система сохранена была и на будущее время и отменена была только вместе с конституцией.

§ 5. Прусская Конституция

Конституция, принятая ландтагом в 1850 г., просуществовала с изменениями (реакционными!) до самого 1919 г. Она установила двухпалатную систему с выборной нижней палатой и выборной, — по крайней мере, наполовину — верхней палатой. Это постановление Конституции не помешало правительству создать в 1854 г. путем королевского указа почти целиком назначаемую верхнюю палату — "палату господ". Законодательная власть вручалась королю совместно с этими двумя палатами, за которыми впоследствии утвердилось название ландтага. Король имел, конечно, право абсолютного вето, и фактически ландтаг мирился с ролью законосовещательного при правительстве органа. Конституция аккуратно провозглашала равенство всех подданных перед законом, неприкосновенность личности, свободу слова, совести, собраний, союзов и т. п. Но в действительности на Пруссии и после принятия Конституции лежали тяжелые полицейско-бюрократические оковы, приближавшие политический строй государства к абсолютизму. То был лишь по внешности конституционный строй или "мнимый конституционализм".

Впрочем, даже и эта подтасованная и зависимая нижняя палата вступала несколько раз, как увидим далее, в конфликт с

правительством, когда оно слишком уж цинично и грубо нарушало ее мизерные права.

§ 6. Возвышение Пруссии

Объединительное движение и Пруссия в качестве ее центра. В мае 1851 г. упраздненный было Союзный сейм вновь собрался во Франкфурте. Ничего, как будто, не изменилось. Партикуляризм германских государств, сковывавший экономическое развитие страны, сохранялся в полной силе. Пестрота торгово-промышленного, например, законодательства становилась с каждым днем невыносимее. Буквально через каждые несколько миль действовали различное вексельное право, различные условия для промысловых занятий, усугубляемые цеховыми барьерами, против которых не помогали даже официальные правительственные разрешения. Многочисленные и разнообразные правовые нормы, регулировавшие передвижение населения, лишали возможности перебрасывать рабочую силу туда, где есть руда, уголь и тому подобные условия промышленного развития. Жизненным условием существования промышленности и торговли оставалась потребность в общегерманском гражданском праве, в свободе передвижения для граждан, в едином торгово-промышленном законодательстве, в единой денежной системе, единой системе мер и весов. Да и в международно-правовом обороте, вследствие отсутствия единой Германии, немецким промышленникам и торговцам не могли быть оказаны необходимые защита и покровительство.

Как уже говорилось, в поисках наиболее удобного пути объединения германская буржуазия выбрала Пруссию в качестве объединяющего центра.

Со времени Фридриха II (1740—1786 гг.) Пруссия видела в многочисленных германских государствах лишь территорию для аннексий и завоеваний. Точно так же и к делу воссоединения Германии она отнеслась как к универсальному способу завоевать германские государства, подчинить их прусскому владычеству, наполнить их духом пруссачества, растворить Германию в Пруссии. Она исподволь брала курс на гегемонию в среде немецких государств. В 1818 г. прусский торговый и таможенный закон положил начало Северо-Германскому таможенному союзу. Несколько лет спустя договор, заключенный между Северо-Германским и Южно-Германским таможенными союзами, знаменовал крупный успех Пруссии, ибо означал победу над австрийским влиянием и привлек на сторону Пруссии буржуазию мелких и средних государств Германии.

С точки зрения этой буржуазии, ценность Пруссии обусловливалась двумя такими институтами, которых не имели другие немецкие государства: 1) всеобщая воинская повинность и 2) все-

общее обязательное обучение. Руководящая германская буржуазия очень рано — сначала смутно, а потом все сознательнее — ставила перед собой цели вооруженной борьбы с соседями, и прежде всего с Францией. Для этого нужна была постоянная армия, а постоянная армия требовала воинской повинности.

Но борьба с соседями должна была вестись и на поприще торговли и промышленности. А их преуспевание в значительной степени зависело от наличия подготовленных надсмотрщиков, приказчиков, мастеров. Да и армии нужен был грамотный рекрут. Его воспитание и образование было поручено пресловутому "школьному учителю", победившему впоследствии, по словам Бисмарка, в битве при Садовой. Из двух крупных германских государств — Пруссии и Австрии — первая стала в 50-х годах быстро обгонять в экономическом отношении вторую. Реорганизация и перевооружение армии современным оружием еще более усилило Пруссию.

Но кто в самой Пруссии мог возглавить движение за объединение Германии?

Этого не могла сделать буржуазия, ибо, испугавшись пролетариата, она отказалась от политической самостоятельности, стала искать себе союзников в лагере помещиков и клерикалов, связав свою судьбу с юнкерской (помещичьей) реакцией. Пролетариат же был недостаточно силен для того, чтобы осуществить объединение Германии единственно возможным для него путем: революционным.

Роль Бисмарка. В этих условиях во внутренней политике Германии стал играть крупнейшую роль Бисмарк, человек, всецело преданный интересам прусского юнкерства, сам крупный помещик, сумевший, однако, в то же время понять жизненную потребность буржуазии: воссоединение. К этой цели Бисмарк пошел с той уверенностью и страстью, которые вложила бы в это дело буржуазия, если бы она способна была к действию, и с тем презрением к праву, с той безграничной верой в грубую силу, которая характеризовала прусских помещиков и которой они заразили германскую буржуазию.

В 1862 г. возник так называемый конституционный конфликт, продолжавшийся до 1866 г. Это была борьба между буржуазией и правительством, разгоревшаяся по вопросу о военной реформе. Представители либералов в нижней палате ландтага не возражали в принципе против увеличения армии и удлинения срока службы в ней и готовы были дать требуемые ассигнования, но пытались использовать положение для давления на правительство в целях проведения некоторых, весьма, впрочем, умеренных, реформ. Палата не отвергла проекта, но и не утвердила его. Она не дала королю необходимых ассигнований, между тем как король уже произвел и производил затраты на увеличенную прусскую армию.

Конституционным этот конфликт был назван потому, что король, исходя из существа своей "верховной власти", считал, что

палата не может препятствовать ему в разрешении вопросов, относящихся к армии, палата же не могла согласиться с этим, ибо это означало отказ ее от права вотировать налоги.

Поняв, что сопротивление буржуазии далее этого не пойдет, Вильгельм I поставил во главе правительства Бисмарка, который в бюджетной комиссии ландтага в сентябре 1862 г. объявил, что Германия будет объединена не речами и не постановлениями парламентского большинства, а "железом и кровью". Пока что он стал править без утвержденного палатой бюджета. Выступая в конституционном конфликте против буржуазии, Бисмарк вместе с тем горел желанием осуществить ее национальные требования и объединить Германию вокруг Пруссии.

В конституционном конфликте победило правительство. Этой победе содействовала, в частности, двойная игра Бисмарка в вопросе о всеобщем избирательном праве. Бисмарк признался: "Учитывая необходимость прибегнуть в самом крайнем случае в борьбе против возможного превосходства зарубежных сил также и к революционным средствам, я уже в своей циркулярной депеше от 10 июня 1866 г.[1] без всяких колебаний бросил на сковороду крупнейший из тогдашних либеральных козырей — всеобщее избирательное право, чтобы отбить охоту у монархической заграницы совать пальцы в наш национальный omlette (омлет)... Принятие всеобщего избирательного права было оружием в борьбе против Австрии и прочей заграницы, в борьбе за германское единство, и одновременно угрозой прибегнуть к крайним средствам в борьбе против коалиции"[2].

§ 7. Северо-Германский союз

Северо-Германский союз и его Конституция. Свои непосредственные цели и пути к ним Бисмарк представлял себе с яснос-

[1] В этом документе содержался проект устройства нового союза германских государств под гегемонией Пруссии, проект, в основу которого была положена имперская конституция, разработанная в 1849 г. франкфуртским парламентом и предусматривавшая всеобщее, прямое и тайное голосование. Что касается тайного голосования, то оно не было включено в проект Бисмарка. Бисмарк считал всеобщее избирательное право "справедливым принципом, если только будет устранена тайна голосования, тем более, что она носит такой характер, который противоречит лучшим свойствам немецкой германской нации" (*Бисмарк О.* Мысли и воспоминания / Пер. с нем.; под ред. А. С. Ерусалимского. В 3-х т. М., 1940. Т. 2. С. 55). Открытое голосование обеспечивает, по мнению Бисмарка, наибольшее влияние "людей просвещенных, интеллигентных классов", благоразумие которых основывается на стремлении "сохранить собственность" (*Бисмарк О.* Указ. соч. С. 56).

[2] *Бисмарк О.* Указ. соч. С. 55.

тью: "Чтобы поставить Пруссию во главе Германии, следовало не только силой изгнать Австрию из Германского союза, но и подчинить мелкие германские государства"[1]. Действительно, победоносная война с Австрией примирила германскую буржуазию с прусским правительством, так что в войне была разбита не только Австрия, но и эта буржуазия. В результате войны от Германского союза не осталось камня на камне. Союзный сейм, принявший 14 июня 1866 г. постановление о мобилизации войск Германского союза против Пруссии, был разогнан. Война привела к новому расширению территории Пруссии вследствие присоединения Ганновера, Гессен-Касселя, Нассау, Франкфурта-на-Майне (Шлезвиг и Голштиния присоединены были раньше, после войны с Данией). Но главным результатом было создание Северо-Германского союза во главе с Пруссией. Прусская же Конституция послужила образцом для Конституции Северо-Германского союза 1867 г. в том смысле, что союзная Конституция была, как и прусская, проникнута юнкерским страхом перед народом и юнкерским презрением к народному представительству.

4 августа 1866 г. прусский кабинет препроводил 17 дружественным Пруссии государствам проект временного союза, т. е. проект временной конституции Северо-Германского союза. Этот проект был рассчитан на год и должен был заменить Конституцию. К февралю 1867 г. был подготовлен для просмотра в учредительном рейхстаге проект новой Конституции Северо-Германского союза. 16 апреля 1867 г. рейхстаг утвердил эту Конституцию. Она была одобрена ландтагами, после чего опубликована (1 июля 1867 г.).

Органами Союза являлись: 1) Президент Северо-Германского союза, права которого наследственно соединялись с прусской короной (т. е. прусский король был Президентом Союза) 2) бундесрат (союзный совет), составленный из уполномоченных отдельных государств, 3) рейхстаг, избиравшийся на основе всеобщего избирательного права и 4) канцлер.

Президент Союза имел значительные права. В частности, ему было предоставлено право экзекуции, т. е. военного подавления членов Союза. Он осуществлял командование союзной армией. Исходящие от Президента распоряжения контрассигновывались союзным канцлером, который и нес за них ответственность.

Бундесрат состоял из уполномоченных отдельных государств. В нем насчитывалось всего 43 голоса, из которых Пруссия имела 17. Он распадался на восемь комиссий, в которых председательское место занимала та же Пруссия.

Рейхстаг был ограничен в своих правах. Его законопроекты вступали в силу лишь по одобрении Президентом союза и бундесратом. Он был отстранен от участия в строительстве армии и

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 476.

в составлении бюджета. Зато у членов рейхстага, как иронически замечает Энгельс, "...было гордое сознание, что они были избраны всеобщим голосованием. Об этом обстоятельстве напоминал им также, хотя и в неприятной форме, вид двух социалистов, которые сидели среди них. Впервые социалистические депутаты, представители пролетариата, появились в составе парламента. Это было зловещее предзнаменование"[1].

Образованием Северо-Германского союза и созданием его Конституции Германия сделала известный шаг на пути к национальному единству. В Северо-Германском союзе видели средство сплотить вокруг Пруссии буржуазию и южно-германских государств, не вошедших в Союз.

Германская империя. Война 1870—1871 гг. имела со стороны Бисмарка целью захват французской территории, ослабление французского государства и ограбление его народа. Бисмарк только осуществлял едва прикрытые вожделения германской буржуазии, которую прусские феодалы вели на разбой, предоставляя ей делать вид, что она лишь честно защищает отечество.

Час разгрома Франции стал часом воссоединения Германии. Уже под осажденным Парижем южно-германские князья заявили о своем вступлении в Северо-Германский союз, и это было очень скоро оформлено договорами, которые уже после церемонии коронации прусского короля германским императором переданы были на ратификацию парламентов вновь вступивших в Союз государств.

Северо-Германский союз получил имя Германской империи.

§ 8. Гражданское право

"Общее право" и партикулярное право. К началу XIX в. развитого общегерманского законодательства по вопросам гражданского права не было, а существовали лишь так называемое "общее право" (gemeines Recht) и особые кодексы некоторых германских государств. "Общим правом" называлось право, действовавшее на всей территории Священной Римской империи (а затем — Германского союза). В состав этого права входили, главным образом, реципированное римское право и имперские законы. Следует, однако, заметить, что в имперских законах содержались лишь отдельные и немногочисленные нормы по вопросам гражданского права (например, правила полицейских уставов 1530, 1548 и 1572 гг. об опеке и регулировании ремесла, правила нотариального устава 1512 г. о завещаниях и некоторые другие). Поэтому важнейшей частью "общего права" являлось римское

[1] *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 480.

гражданское право, получившее название *пандектного права*. Это название не означает, однако, что в Германии применялись лишь пандекты Юстиниана, так как объектом рецепции римского права являлся весь Corpus Juris Civilis. Вместе с тем следует указать, что в Германии применялось римское право не в его чистом виде, а с наросшими на него толкованиями, римское право в обработке германских юристов. Маркс (в 1861 г.) характеризует тогдашнее германское право, как "искажения римского права, посредством которых современные юристы его констатируют"[1].

Германские юристы потратили немалые усилия на приспособление Юстиниановой кодификации римского права к современным жизненным потребностям, — и это привело, конечно, к тому, что действовавшее в Германии пандектное право в ряде вопросов далеко отошло по своему содержанию от подлинного римского права. Возникло *современное римское право* (Heutiges Rцmisches Recht, usus modernus pandectarum). Пандектное право являлось не только правом, практически применявшимся судами. На основе анализа и толкования текстов римского права разрабатывались вопросы теории гражданского права и даже общей теории права. Таким образом, "современное римское право" содержало в себе и общетеоретические правовые учения, и это цивилистическое направление общей теории права сохранилось на долгие годы (и сейчас еще не вполне исчезло).

Пандектное право имело *субсидиарное действие*. Если в том или другом германском государстве существовал гражданский кодекс или какой-либо изданный этим государством закон, то применялся прежде всего этот последний, а не пандектное право. Однако и в этих случаях пандектное право имело немаловажное значение, так как оно служило для восполнения пробелов в местном законе, т. е. применялось при разрешении вопросов, непосредственно кодексом данного государства не регламентированных. Кроме того, пандектное право играло большую роль при толковании правил кодексов в свете общих принципов гражданского права. Наконец, пандектное право являлось одним из источников при составлении местных кодификаций, хотя, вместе с тем, в этих кодификациях закреплялись и феодальные порядки.

Из отдельных законодательств следует отметить: Прусское земское право 1794 г., Австрийский гражданский кодекс 1811 г., Саксонский гражданский кодекс 1863 г. (кроме того, в присоединенных во времена Наполеона к Франции германских государствах, расположенных на Рейне, был введен в 1808 г. Французский гражданский кодекс; в Бадене этот кодекс действовал в переработанном виде).

Таким образом, в германских государствах существовали различные источники права и феодализм цеплялся за эту пестроту

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXV. С. 394.

правовых систем, содействовавшую реакционным устремлениям и сохранению феодальных распорядков.

"В Германии феодальное дворянство сохранило значительную часть своих старых привилегий. Система феодального землевладения почти повсюду оставалась господствующей"[1]. В частности, по поводу реакционного прусского законодательства следует сказать то, что Энгельс сказал о прусском аграрном законодательстве начала XIX в., всячески ограничивавшем выкуп феодальных повинностей после формальной отмены крепостного права в 1807 г.: "Прославленное просвещенное аграрное законодательство "просвещенного государства" преследовало только одну цель: спасти из феодализма все, что еще можно было спасти"[2].

Ясно поэтому, что на вопрос "какова историческая основа наших немецких юристов" Энгельс (еще до воссоединения Германии) дает такой ответ: "Не что иное, как пассивно тянувшийся на протяжении столетий, большей частью подгоняемый ударами извне и до сих пор еще не завершившийся процесс разложении остатков средневековья; экономически отсталое общество, в котором феодальный юнкер и цеховой мастер бродят, как призраки в поисках нового тела для нового воплощения; правовой порядок, в котором помещичий произвол, несмотря на исчезновение в 1848 г. юстиции княжеского кабинета, до сих пор ежедневно пробивает брешь за брешью"[3].

Историческая школа юристов и ее реакционная роль. Существовавшее в Германии в начале XIX в. "общее право" уже тогда не являлось достаточным для удовлетворения потребностей развивающейся буржуазии. Возникали поэтому мысли о выработке нового, более совершенного права, т. е. о создании кодекса, который регулировал бы запросы современного оборота и освободил бы германское право от пронизывавших его архаизмов. Эти мысли объективно отражали интересы буржуазии. Выразителем соответствующих стремлений выступил германский юрист Тибо, указывавший в изданной им в 1814 г. брошюре "О необходимости для Германии общего гражданского права", что существующие законы устарели и недостаточны и что должен быть поэтому выработан новый гражданский кодекс. На этот кодекс Тибо возлагал к тому же задачу осуществления правового единства Германии, — другими словами, речь шла о ликвидации как "общего права", так и партикулярных законодательств.

С критикой этого предложения выступил Савиньи (1779—1861 гг.), являющийся наиболее ярким представителем так называемой "исторической школы", доказывавшей, что право есть

[1] *Маркс К.* Избранные произведения. Л., 1941. Т. II. С. 33.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 246.
[3] Там же. С. 504.

продукт "народного духа" и развивается так же стихийно, как язык, что поэтому именно сложившийся обычай, а не закон есть выражение народного правосознания.

Объективной целью этой школы являлось оправдание существующего порядка, увековечение феодальной эксплуатации масс, сохранение привилегий феодалов, борьба против законодательного прогресса, против проникновения новых начал в германское право. Маркс подверг высказывания исторической школы уничтожающей критике: "Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежом всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и прирожденный исторический кнут... — эта историческая школа права изобрела бы немецкую историю, если бы она не была изобретением немецкой истории"[1].

Стремясь увековечить феодальные порядки, реакционная историческая школа получила большое распространение в полуфеодальной Германии и являлась господствующим мировоззрением и программой феодальных кругов. Достаточно указать, что до 1863 г. (года издания Саксонского гражданского кодекса) в германских государствах не издавалось ни гражданских кодексов, ни крупных законов в области гражданского права. Феодалы были против внесения изменений в правовую систему, немецкая же буржуазия была политически слаба, и голос феодального дворянства играл решающую роль. В основе германского права по-прежнему лежало "общее право", подвергавшееся утонченной разработке со стороны юристов, но тем не менее являвшееся тормозом в деле выработки гражданского права, соответствующего потребностям жизни.

Если феодальные круги и были вынуждены идти на некоторые уступки буржуазии, то исключительно в специальной области так называемого "торгового права", т. е. права, в котором были заинтересованы, главным образом, крупные торговцы.

Объединительные тенденции в германском гражданском праве. Рост капитализма в Германии в первой половине XIX в. встречал немаловажное препятствие в отсталости и дробности германского гражданского права. Растущий торгово-промышленный оборот ломал рамки отдельных государств и ощущал значительные неудобства, наталкиваясь на партикуляризм права. "Устранение пестрых правовых норм, формальных и материальных, господствовавших в мелких государствах, было уже само по себе настоятельной потребностью для развившейся буржуазии"[2].

Объединение германского права началось с торгового права, среди институтов которого в наибольшей степени требовал объединения вексель. Распространенным в торговом обороте типом

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. I. С. 401.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 503.

векселя является "переводной вексель", т. е. приказ третьему лицу (обычно — банку, где векселедатель имеет вклад или где ему предоставляется кредит) о производстве платежа лицу, указанному в векселе. Во многих случаях вексель выдается в одном городе, платеж по нему производится в другом городе, и легко себе представить, какие практические затруднения могут возникать, если вексельные законодательства городов не совпадают. А между тем в начале 40-х годов XIX в. в Германии существовало свыше 50 вексельных уставов.

Инициатива в создании единого торгового права, в частности вексельного права, принадлежала германским государствам с более развитой торговлей. В 1847 г. новый вексельный устав был введен в ряде германских государств (в частности, в Австрии), а в 1848 г. этот устав был опубликован как общеимперский закон (в 1857 г. были выработаны изменения этого устава). С этого и началось объединение германского частного права.

В тот же период усиливается стремление торгово-промышленных кругов к объединению всего торгового права, и рост значения этих кругов заставляет государственный аппарат удовлетворить соответственные пожелания. В 1861 г. проект Торгового кодекса был принят Союзным собранием и введен в действие в большинстве германских государств.

Торговый кодекс 1861 г. содержит правила о торговых товариществах и о торговых сделках — купле-продаже, договоре комиссии (купля-продажа по поручению), экспедиции (договор об отправке товаров) и т. п. Так как общегерманского регулирования купли-продажи еще не было, то Торговый кодекс дает правила о купле-продаже вообще, а не только о купле-продаже, совершаемой между торговцами; здесь же приводятся некоторые правила вообще о сделках. Конечно, значение этих правил выходило за рамки отношений только между торговцами. Значительное место занимает в кодексе также морское торговое право — право собственности на морские торговые суда, правовое положение капитана и т. п.

Торговый кодекс отражает черты периода "свободного" капитализма. Государство в принципе не вмешивается в торговые сделки, заключаемые купцами, — и последним дается значительный простор в деле выработки содержания сделок. В этом находит свое выражение система "свободной конкуренции", свобода капиталистического накопления. И вместе с тем создание общегерманского торгового права является показателем того, что интересы крупной буржуазии уже приобрели значительное влияние на государственный аппарат. Германия становится буржуазно-помещичьей страной, и если феодалы еще препятствуют выработке единого гражданского права, то они уже вынуждены согласиться на унификацию права торгового.

§ 9. Уголовное право

Пестрота уголовного законодательства. Германский союз не создал до 1871 г. единого законодательства и в области уголовного права и процесса. Но хотя каждое из входивших в Союз государств шло в этом отношении своим собственным путем, законодательство их обладало некоторыми общими чертами, определявшимися отсталым характером германской экономики первой половины XIX в.

Феодально-абсолютистский характер германских государств полностью проявился и в уголовном праве. Это относится также к Закону о преступлениях и наказаниях, изданному в 1787 г. в Австрии, как и к Общему земскому праву 1794 г.

Особое место среди уголовных памятников Германии начала XIX в. занимает Баварский уголовный кодекс 1813 г., составленный при прямом участии крупнейшего криминалиста Ансельма Фейербаха. Этот кодекс в значительной мере отразил влияние французского уголовного кодекса 1810 г.

Большое влияние оказал на развитие германского уголовного права вступивший в силу в 1851 г. Прусский уголовный кодекс, введенный впоследствии и в некоторых других германских государствах.

До 1 января 1871 г., когда вступил в силу Уголовный кодекс Северо-Германского союза, в германских государствах действовал целый ряд кодексов, недостаточно, хотя и в различной степени, отражавших совершавшееся экономическое развитие Германии.

Общее земское право. Прусское Общее земское право 1794 г. Энгельс называл "законодательным кодексом просвещенного патриархального деспотизма, написанным на таком суконном языке, словно по нему г. Дюринг учился немецкому стилю, — кодексом, который со своими нравоучительными замечаниями, юридической неопределенностью и беспринципностью, своими палочными ударами, как мерой пытки и наказания, принадлежит еще всецело к дореволюционной эпохе"[1].

Более передовой характер имело уголовное и уголовно-процессуальное право Рейнской области. Тем не менее, сравнивая уголовные законы Рейнской области с Французским уголовным кодексом, Энгельс называл их "полинявшими копиями классического оригинала"[2].

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. С. 93.

[2] *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 504.

Глава 6. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО АВСТРИИ В 1800—1867 гг.

§ 1. Национальные отношения. Характер государственного режима

"Лагерь Валленштейна". Ряд условий, рассмотрение которых относится к истории средних веков, превратили Австрию в нечто похожее на многонациональный, раздираемый противоречиями "лагерь Валленштейна" и отдали под власть немцев, с одной стороны, и мадьяр — с другой, многочисленные народности, населявшие к началу XIX в. Австрию и Венгрию. Чехи, моравы, словены и другие нации — в Австрии, хорваты, словаки и другие нации — в Венгрии не образовали самостоятельных государств. "В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы — они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии"[1].

Национальный состав. Корни этого политического порядка уходили в далекое прошлое. Вспомним, что Хорватия, например, соединилась с Венгрией в XII в., Венгрия с Австрией — в XVI в., а Чехия и Моравия окончательно подпали под власть Габсбургов в XVII в.

Из наполеоновских войн старая Австрия вышла в конце концов почти не изменившейся территориально. Это беспорядочное собрание национальностей внешним образом даже закрепилось и оформилось, так как в 1804 г., в связи с имевшимся в виду прекращением Священной Римской империи германской нации, Франц II объявил себя императором Австрии (причем, кстати, превратился во Франца I), и с этого времени общее имя Австрии получило все это нагромождение земель при сохранении, впрочем, и старинных названий королевств, герцогств, княжеств и т. п. Основным было деление на коронные земли австрийские и венгерские. К первым причислялись Нижняя и Верхняя Австрия, Зальцбург, Штирия, Каринтия, Крайна, Береговая земля, Тироль, Форарльберг, Чехия, которая еще называлась Богемией, Моравия, Силезия, Галиция, Буковина, Далмация, а также Ломбардия и некоторые другие итальянские земли. Из этих областей лишь не-

---

[1] *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. II. С. 303—304.

многие (вроде эрцгерцогства Австрийского) являлись чисто немецкими, в других славянский элемент (и романский) примешивался очень сильно или решительно преобладал. К землям венгерским причисляли Венгрию, Трансильванию, Хорватию (Кроатию) и Славонию. Только в Венгрии мадьярское население было большей частью сплошным, но и здесь к нему сильно примешивались немцы, на севере же и северо-западе жили словаки и украинцы. Трансильвания (Семиградье) населена была румынами, на юге и юго-западе было много итальянцев и сербов. В общем, мадьяры всегда составляли менее половины населения.

В этом необыкновенном государстве славяне численно преобладали и в разное время вели более или менее ожесточенную борьбу против немцев и мадьяр. Но они, как видим, были разбиты на отдельные национальные группы и сильно разъединены территориально немцами и мадьярами.

Среди всех этих национальностей только мадьяры в Венгрии имели явственно выраженное политическое самоуправление, основанное на старинной венгерской конституции и на постановлениях Прагматической санкции. Все остальные земли лишены были всякой автономии.

Национальные и классовые взаимоотношения. Неудивительно, что чем дальше от начала XIX в., тем яснее становится здесь невозможность мирного и полюбовного размежевания национальных интересов. Государство это возникло и в главнейших чертах сложилось в такие времена, когда национальные принципы только зарождались и без сопротивления отступали перед другими силами: потребности защиты Европы от турецкого нашествия были одной из главных причин, соединивших различные племена под скипетром Габсбургов. Но каковы бы ни были эти причины, — по мере того как развивающийся капитализм побеждал на своем пути все препятствия, неизбежно сказывался новый крупный фактор развития и борьбы: национальный принцип. Неудивительно, что внутренняя жизнь пестрого, "лоскутного" австрийского государства становится все более и более беспокойной. Задачи управления чрезвычайно усложняются. Национальный вопрос превращается в самое больное место этого искусственного организма, все политические явления окрашиваются национальным движением в свой цвет, самые простые отношения приобретают здесь опасную натянутость и остроту. С одной стороны, славянские и иные народы, подчиненные немцам и мадьярам, все громче протестуют против этого подчинения и все настойчивее требуют тех или иных форм национально-политической свободы, с другой стороны, растет распря между двумя господствующими нациями этого конгломерата — немцами и мадьярами. А так как национальный вопрос и вызван-то к жизни капиталистическим развитием, то это же развитие все сильнее примешивает к национальной розни классовую борьбу — и конфликты достигают предельной сложности и

остроты. Исторические отношения сложились так, что немцы в Австрии, а мадьяры в Венгрии образовали в большинстве областей буржуазию и помещичий слой, славяне же и там и здесь составляли в большинстве случаев подчиненную трудящуюся массу, а в этой массе основным ядром были крестьяне. Городская буржуазия с развитием торговли и промышленности богатела и устремлялась к власти, но на этом пути наталкивалась на сопротивление аристократии. Крестьян тот же прогресс промышленности и земледелия восстанавливал против помещиков, а так как крестьяне "повсюду являются носителями национальной и локальной ограниченности"[1], то их классовая борьба против крупного землевладения принимала ярко местный и национальный характер. Украинский, например, крестьянин в Галиции направлял всю свою ненависть против польского помещика, который угнетал его здесь, тогда как чешский или словенский крестьянин в соответственных провинциях враждебно настраивался против немцев, которые эксплуатировали его здесь как помещики или как промышленники. Австрийское же правительство не замедлило воспользоваться этой двойной рознью — классовой и национальной — для того, чтобы укрепить свою насильническую власть над обществом и осуществить идеал абсолютистской монархии. Меттерних мог здесь до самой революции 1848 г. маневрировать и лавировать между нациями и классами, угнетая одну нацию руками другой и эксплуатируя все вместе в пользу феодальной и финансовой знати: "буржуазию и крестьянство каждой национальности он держал в подчинении при помощи аристократии той же национальности и крестьян других национальностей; аристократию каждой национальности — страхом перед буржуазией и крестьянством той же национальности"[2].

Политический строй. Всемогущий министр получил возможность установить в Австрии такой общественный и политический строй, который явился предметом зависти и подражания для всех реакционеров Европы. Это было вполне аристократическое государство, где закон открыто и официально признавал преимущества дворянского сословия, господствовавшего над всеми остальными. Помещик сохранял в своем поместье права судьи и администратора, принадлежавшие ему при старом строе, который застала в Австрии наполеоновская эпоха. Высшие государственные должности были по-прежнему в руках дворян, и городская буржуазия, лишенная влияния на аппарат центрального и местного управления, чувствовала себя в полной зависимости от чиновничьего произвола. Крестьянство было несвободно и обязано работать на помещика.

---

[1] *Энгельс Ф.* Революционная борьба в Венгрии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VII. С. 273.

[2] Там же.

Центральный государственный аппарат, расшатанный событиями предыдущих лет и развинченный многочисленными попытками реформы, никогда не доводимыми до конца, отличался и сложностью и запутанностью, но в общем отвечал основному требованию, которое к нему предъявлялось: пресекать в самом зародыше революционное движение. Беда была лишь в том, что, пресекая революционные движения — действительные и воображаемые, — администрация в своем всепожирающем рвении душила всякие проявления общественной жизни. С одной стороны, император Франц, слышавший о полной негодности устарелого государственного аппарата, сам видевший эту негодность, смертельно страшился, однако, всяких перемен, грозивших, по его мнению, докончить разрушение полуразрушенной машины, и стремился сосредоточить в собственных руках даже мелочи и детали правительственной деятельности. С другой стороны, Меттерних, его министр, главную задачу видевший в борьбе с революцией, готов был счесть революцией малейшую попытку общественного контроля над администрацией. Руководящим бюрократическим органом была, по-видимому, так называемая дворцовая и государственная канцелярия (Haus-Hof-Staats Kanzelei), ведавшая иностранными делами, внутренними делами и финансами. Но рядом с ней существовало большое число других высших управлений и советов, компетенция которых не была достаточно разграничена, и которые порой просто не знали ни характера, ни границ своей деятельности. Притом все эти управления имели вид коллегий, что бесконечно тормозило делопроизводство и расширяло поле чиновничьих интриг и чиновничьей безответственности. Безначалие усиливалось автократическими приемами императора, который требовал на свое благоусмотрение даже мелкие и незначительные дела, чем только доводилась до крайних пределов и без того анекдотическая переписка между ведомствами и чудовищная волокита.

Положение провинций. Местного самоуправления — ни земского, ни городского — не существовало. В областях, носивших, как мы уже знаем, величественные названия королевств и герцогств, царил произвол агентов венского правительства. Здесь были областные собрания — "сеймы" — дворянские представительства вполне феодального типа, давно утратившие свое значение. Они занимались раскладкой налогов, устанавливаемых центральной властью. Между ними и областными правителями установился молчаливый договор, на основании которого они терпели злоупотребления и бестолковость чиновников, которые, в свою очередь, покрывали и поощряли самодурство помещиков.

Автономия Венгрии. В одной лишь Венгрии правительство хоть отчасти соблюдало ее старинную конституцию. Но то была конституция не только старинная, а и бесконечно устаревшая, даже отдаленно не соответствовавшая потребностям нового времени. Установленный ею сейм состоял из двух палат: верхней — "стола

магнатов" и нижней — "стола депутатов". В верхней заседали епископы, крупнейшие чиновники и высшие дворяне, в нижней перемешаны были представители низшего дворянства с представителями городов. Верхняя палата пользовалась правом вето по отношению к нижней. Впрочем, правильного обсуждения и решения вопросов не было ни в той, ни в другой палате: депутаты были строго связаны наказами избирателей, а голосований вообще избегали, предпочитая прислушиваться к суждениям наиболее сильных и влиятельных членов сейма. Значительный противовес этому сейму составляли собрания "комитатов" — округов, основание которым положено было еще в XI в. В руках этих собраний было управление комитатами и избрание местных администраторов. Они пользовались правом приостанавливать исполнение неугодных им решений сейма. В сейме господствовало высшее дворянство, в комитатах — сельское дворянство. И там, и здесь царили предрассудки и смешные или вредные анахронизмы.

В известные моменты комитаты, впрочем, энергично поддерживали сейм в его оппозиции венскому правительству. После 1812 г. правительство избегало собирать сейм, и в это время комитаты взяли на себя борьбу с незаконными, по их мнению, домогательствами правительства. Неоднократные требования комитатов о созыве сейма пришлось, наконец, удовлетворить, и в 1825 г. сейм вновь собрался.

Следует еще отметить, что Хорватия в составе Венгрии пользовалась, сравнительно с австрийскими областями, более эффективными правами самоуправления. Хорватский губернатор — "бан" — обыкновенно назначался из среды хорватского дворянства, хорватский сейм — "сабор" — имел представителей в венгерском сейме.

Торжество реакции. Возвращаясь к характеристике внутригосударственного режима Австрии, нетрудно видеть, что всеобщее подавление, всесторонний полицейский гнет были руководящими линиями этого режима. Австрийская цензура славилась своей бесцеремонностью и стремилась проникнуть во все решительно проявления чувства и мысли. Письма перлюстрировались. Доступ в страну иностранным произведениям печати был почти закрыт. Издание газет и книг было делом чрезвычайно трудным вследствие исключительной подозрительности цензоров. В университетских аудиториях дежурили тайные доносители. Школы состояли под надзором духовенства, которое шло рука об руку со светскими шпионами.

§ 2. Обострение национальной борьбы. Революция и контрреволюция

Оживление либерализма. Подводные течения, ускользавшие даже от меттерниховской полиции, продолжали, однако, размы-

вать этот режим. Торговая буржуазия росла, несмотря ни на что. Промышленность расширялась. Невыносимые стеснения, которые торговле и промышленности приходилось терпеть от бюрократической централизации, с одной стороны, от провинциального партикуляризма — с другой, от императорских законов и от чиновничьего беззакония — с третьей, становились все невыносимее. В областях сплошь немецких или с преобладающим немецким населением недовольство принимало вид либерального движения, в Венгрии и в славянских землях усиливалась национальная оппозиция. Июльская революция во Франции сильно подогрела эти движения. После 1830 г. обнаружилось, что правительственная узда теряет прежнюю силу: на бюрократическом аппарате, державшемся авторитетом Франца и искусством Меттерниха, очень сказывалась смерть первого и старость второго. Немецкие либералы осмеливались даже вслух выражать свое предпочтение конституционному строю, и сеймы некоторых немецких областей стали притязать — хоть и чрезвычайно робко — на расширение своих практических полномочий. В конце концов, только усилившаяся продажность или нерадивость администрации позволяли буржуазии кое-как преодолевать рогатки, стоявшие на пути экономического и общественного развития. Но порабощенное крестьянство волновалось все более угрожающим образом. Рабочие жестоко страдали от безработицы. Промышленные кризисы повергали по временам в нищету трудящееся население целых районов.

Панславистская идея. В Чехии экономический рост чешской буржуазии и ее соперничество с немецкой выразились в подъеме чешского национального самосознания. Чехи протестовали против монополизации управления в руках немецких администраторов и против исключительного господства немецкого языка в преподавании и управлении. Те же шаги культурно-национального и политического возрождения отмечались в Хорватии, откуда они распространились на южно-славянские области Австрии. Но чехи, хорваты, словены чувствовали себя несоизмеримо слабее окружающих их и врезывающихся в их среду немцев и мадьяр, уже много веков назад покончивших с их самостоятельным политическим существованием. Чехам, как и южно-австрийскими славянам, казалось, что их национальное и политическое возрождение может совершиться не иначе, как с опорой на могущественное славянское государство — Россию, и они увлеклись панславистской идеей восстановления под эгидой России славянского царства от Рудных и Карпатских гор до морей Черного, Эгейского и Адриатического.

Движение в Венгрии. Только в Венгрии национальное движение имело достаточную силу. Венгерский сейм, который вновь стал созываться с 1825 г., вовсе не расположен был к беспрекословному повиновению правительству, чем давно отличался от большинства областных сеймов. Он стремился возглавить разраставшееся

национальное движение. Он требовал, в частности, признания в Венгрии мадьярского языка языком официальных сношений вместо латинского. Чем дальше, тем больше формировалось и крепло сопротивление колониальной, в сущности, политике, которую вело австрийское правительство по отношению к Венгрии, стремясь подчинить экономически более слабую Венгрию торгово-промышленному капиталу Австрии. Это сопротивление принимало форму национального движения и по вопросу о национальной политике в среде венгерских патриотов не было значительных противоречий. Но поднимающаяся городская буржуазия Венгрии, закрепощенное крестьянство, ремесленники, рабочие требовали социальных реформ, — и здесь начиналось весьма заметное расслоение. Крупное дворянство не возражало против умеренных реформ буржуазного характера, но не соглашалось на полную отмену крепостного права и продолжало дорожить общим сословным строем общества. Буржуазия и очень многочисленное в Венгрии мелкое дворянство шли дальше в своих радикальных требованиях, но надеялись осуществить преобразование страны без революции, мирным путем реформ сверху, через сейм. Сессии сейма периода 1832—1836 гг. ознаменованы борьбой этих двух течений и не привели ни к каким результатам или к очень скудным: была, например, слегка ослаблена зависимость крепостных крестьян от помещика и несколько расширены их гражданские права, но громкие требования либералов о введении представительного строя и расширении избирательного права встретили отпор со стороны магнатов и были отвергнуты венским правительством. В следующие годы либеральная оппозиция усилилась, число ее сторонников весьма разрослось за счет не только городской буржуазии, но и массы сельского населения. Она приобрела выдающихся лидеров в лице Деака, а в особенности Кошута. Национальный подъем все растет и охватывает без различия самые разнообразные слои общества. Обостряются, однако, отношения между мадьярами и хорватами: среди последних берет верх панславистское, отмеченное выше, течение, и раздаются голоса, настаивающие на объединении Хорватии со Славонией и Далмацией ("Иллирия") на основах широкой национальной автономии. Впрочем, подобно тому, как крупное дворянство Венгрии не хотело разрыва с Австрией, так и хорватские дворяне ("мадьяроны") оказались на стороне мадьяр в их распре с хорватскими патриотами.

Революция. Все эти национальные и социальные противоречия создавали благоприятную почву и для революции, и для контрреволюции. Французская революция 1848 г. встретила в Австрии горячие отклики: казалось, что совершается быстрое и легкое превращение Австрии в конституционное государство. Но вскоре обнаружилось, что социально-политические цели революции запутываются в национальных конфликтах, что облегчало сопротивление и победу реакции.

24 февраля парижане прогнали Луи Филиппа, а уже 13 марта революционная Вена, в свою очередь, выгнала вон из страны Меттерниха. Буржуазная национальная гвардия, рабочий класс, многочисленные и хорошо организованные студенты на баррикадах с оружием в руках утвердили победу революции. Но в Чехии демократическое движение тут же тесно переплеталось с национальным: чехи потребовали не только уничтожения феодальных повинностей, но и объединения Чехии, Моравии, Силезии в одно автономное целое с законодательным сеймом и отдельным правительством. Натиск был так стремителен, правительство так растерялось, что император Фердинанд тогда же дал на все это согласие. В то же время поднялась Венгрия, где сейм под напором либералов стал провозглашать одну демократическую реформу за другой. Феодальные повинности были отменены, избирательное право преобразовано так, что сейм должен был принять вид народного представительства. Венгрия получила национальное правительство, и единственной связью с Австрией оставался общий монарх. На все это император дал свое согласие. Но положение здесь вскоре осложнилось сепаратизмом хорватов, которые стремились к объединению и отделению от Венгрии хорватско-словенско-далматского королевства. Восстало против Венгрии и сербское ее население, требовавшее себе национального сербского "воеводства" под непосредственным главенством Австрии. В свою очередь, чехи решили, что настало время осуществить панславистскую идею, и в Праге организован был съезд австрийских славян, не возымевший, впрочем, никаких реальных результатов. К этому времени австрийское правительство несколько оправилось, и его войска подавили вспыхнувшее в Праге восстание (июнь).

Учредительное собрание. Вслед за этим (22 июля) открылось в Вене общеавстрийское учредительное собрание, в котором не принимала участия лишь Венгрия. Самой значительной мерой собрания было освобождение крестьян от барщины и оброка, с установлением, впрочем, выкупа в пользу помещиков. Следует отметить также, что крестьяне уже до этого решения позаботились о фактическом упразднении крепостных повинностей.

Контрреволюция. Реакция, однако, крепла и собирала свои рассыпавшиеся было силы. Учредительное собрание оказалось ослаблено борьбой между его немецкой и численно более значительной славянской частью. Австрийские же войска, напротив, усилены были поддержкой славянских отрядов, которые правительство и направило против немецких революционеров. С помощью хорватов правительство одержало решительную победу над революционной Веной, и получило возможность обратиться против Венгрии. Здесь столь же коварно использована была вражда южных славян против мадьяр, которые не сумели удовлетворить национальные притязания хорватов и других славянских народностей Венгрии.

В возгоревшейся войне венгерские революционеры мужественно сражались и одержали ряд блестящих побед, но военное вмешательство России решило дело в пользу контрреволюции.

Конституционный проект. Реакция восторжествовала, разумеется, не только на полях сражений. Она поспешила ликвидировать сколь возможно больше политических завоеваний революции. В конце 1848 г., еще в разгаре войны с Венгрией, австрийское учредительное собрание возобновило свою работу в обстановке тайного или явного правительственного пренебрежения и недоброжелательства, вынужденное даже согласиться на пребывание в маленьком славянском городишке (Кремниц, или Кремзир, в Моравии), где оно оказалось изолированным от всякого массового политического движения и, следовательно, обессиленным. Собрание разработало (в начале 1849 г.) проект Конституции, главнейшим недостатком которой было то, что она не нравилась правительству во главе с реакционером Шварценбергом. Особенно неприемлемым был децентралистский характер этой Конституции, которая предоставляла национальным землям государства значительные автономные права и даже верхнюю палату парламента конструировала по образцу верхних палат федерального государства. Между тем, незадолго перед этим новый император Франц-Иосиф (преемник отрекшегося от престола Фердинанда) как раз объявил о своем намерении покончить с расслоением Австрии на национальные части и сковать их в единое целое. В ответ на свое конституционное творчество незадачливое собрание было попросту распущено.

Мартовская Конституция. 4 марта 1849 г. была опубликована уже чисто правительственного происхождения Конституция, уравнивавшая все нации государства в общем подчинении верховной власти и устанавливавшая парламент, где нижняя палата, благодаря высокому имущественному цензу, оказывалась в руках верхов буржуазии, а в верхней палате обеспечивалось господство крупного землевладения. Предусматривалась и парламентская ответственность министров, что практически, принимая во внимание состав палат, не грозило правительству никаким особенным беспокойством. Впрочем, и эта Конституция не пошла дальше конституционного проекта, разработанного учредительным собранием: она никогда не была осуществлена. Реакция предпочла господствовать и править без всяких формальных сдержек и с большой находчивостью широко использовала для этого все чрезвычайные меры, повод для которых только что дала борьба с революцией. Все эти меры были сохранены и после победы над революцией. Императорское обещание перемесить в одно место все исторические составные части государства стало проводиться в жизнь. Старая автономия Венгрии оказалась раздавленной. Хорватия была выделена, и Венгрия превращена в простую провинцию Австрии.

Немецкий закон, немецкий язык, немецкий чиновник нераздельно воцарились во всех национальных частях Австрии.

Отмена Конституции. В конце 1851 г. почва была достаточно подготовлена для официального погребения мертворожденной Конституции 4 марта, и императорским указом ("патентом") она была отменена. Еще раньше, в том же году, императорский указ объявил, что министры ответственны только перед императором, что, впрочем, было очевидно и само собой разумелось без всяких указов. Но тем самым указ санкционировал и подтверждал ту неограниченную власть, которую присвоили себе министры. Были уничтожены всякие представительные собрания областей, от участия в управлении, даже самого скромного, были решительно отстранены все слои общества, даже дворянство. Для осуществления своего всевластия министры предпочли опереться на сильный чиновничий аппарат, который во все отрасли общественной жизни вторгался со своим докучливым надзором и придирчивой регламентацией. От этого надзора печать, союзы, собрания, все общество и все проявления общественной деятельности страдали, пожалуй, больше, чем от прямых запрещений. Административная опека нигде и ни в чем не видела себе ограничений. Это было наиболее совершенное царство бюрократии, которая выступала в дружном сотрудничестве с полицией, получившей особое значение и выделенной в особое ведомство со специальным министром.

Конкордат. В соответствии с этим коренным образом изменены были отношения государства и церкви. Правительство искало и нашло в церкви духовную полицию — ценное дополнение к полиции общей. От старых попыток подчинить церковь государству и регулировать отношения между ними посредством законов, устанавливаемых государством, отказались. С Римом был заключен конкордат (1855 г.), которым признаны были "божест-венные права и привилегии" церкви, всецело обязательные для государства в его отношениях к церкви. Духовенство получило право объявлять произведения печати угрожающими нравственности, и правительство в таких случаях обязывалось к соответствующим репрессиям. Одна из статей конкордата прямо передавала в руки духовенства воспитание юношества во всех учебных заведениях.

Результаты революции. И все-таки в бурный сорок восьмой год Австрия сделала шаг вперед, которого не могли и не пытались "отменить" даже императорские указы, чиновничьи инструкции и иезуитские регламенты: возврата к феодализму, уничтоженному революцией, не могло быть. Феодальные повинности не были воскрешены, личная и имущественная свобода, завоеванная крестьянством, не была у него отнята: "...огромное большинство народа, крестьяне, действительно выиграли от революции. Восстановленное правительство, — писали Маркс и Энгельс в конце 1851 г., —

может отменить еще многое, но эти осязательные и существенные выгоды, завоеванные крестьянством, остаются нетронутыми"[1].

§ 3. Новый подъем либерализма

"Усиленный рейхсрат". В течение десяти лет не наблюдалось со стороны правящей верхушки никаких попыток ослабить установившийся режим. Между тем, плоды чиновничьего самовластия сказывались: страна медленно, но верно шла по пути разорения, что чувствовалось, прежде всего, в бедственном состоянии финансового хозяйства. В начале 1860 г. Энгельс по справедливости называет Австрию слабой, нищей, поверженной, истощенной, ставшей добычей внутренних раздоров[2]. Как часто бывает в подобных случаях, неудачная военная авантюра особенно резко подчеркнула наклонный характер плоскости, по которой вел страну абсолютизм: в 1859 г. Австрия потерпела поражение в войне с Италией, причем потеряла Ломбардию. Необходимость реформ стала слишком очевидна, и едва закончилась итальянская война, императорский "патент" в марте 1860 г. объявил о модернизации старого имперского совета рейхсрата, который после 1814 г. превратился в законосовещательное учреждение из членов по назначению. Патент "усилил" рейхсрат, присоединив к десятку чиновников, образовывавших его обычный состав, несколько десятков крупнейших представителей помещиков и буржуазии. Совещательный характер рейхсрата, однако, оставался нетронутым, законодательной инициативы он не получил.

Этот "усиленный рейхсрат", как его совершенно официально именовали (Verstdrkter Reichsrat), являл собой зрелище слабости и развала. Он показателен был лишь тем, что обнаружил особенно явственно основное разделение, образовавшееся в обществе по вопросу о желательном политическом строе государства. Промышленная буржуазия немецких в особенности частей страны стояла за либеральные реформы, но эти реформы она рассчитывала получить из рук сильного, достаточно централизованного немецкого же правительства в Вене. Она склонялась к унитаризму, к государственному единству, выгодному немецкой буржуазии. Но в рейхсрате эти слои имели меньшинство сторонников.

Другое дело — немецкие земельные магнаты и те общественные круги, которые связаны были с крупным землевладением, с аристократией: их привлекало к себе все, что ослабляло государственные узы, парализовало правительство, усиливало цен-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Восстание в Вене // Соч. Т. VI. С. 46.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Больной человек Австрии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XII. Ч. 2. С. 131—132.

тробежные влияния и партикуляризм областей и тем самым увеличивало их значение и влияние. Они стремились к сохранению и расширению областных автономий. Они исходили из реакционных стремлений, но в рейхсрате они без труда присоединили к себе представителей мадьяр и славянских наций, стремившихся к национальному освобождению и видевших в автономии ослабление гнета немцев. Надо иметь в виду, что сама эта "лоскутная империя" образовалась в результате покорения немцами венгерского, чешского, хорватского, словацкого и других народов, которых стремились онемечить в течение веков и которые безжалостно угнетались и порабощались. Федералисты имели большинство в рейхстаге, а их "вожди" стояли близко ко двору.

Диплом 1860 г. Результатом был императорский диплом (октябрь 1860 г.), которым устанавливался "постоянный и неизменный основной государственный закон". Этот закон отдавал управление национальными землями их сеймам, которые получали довольно широкие законодательные права по вопросам внутренней жизни областей. Общегосударственное же управление возлагалось на рейхсрат в составе ста членов, назначаемых императором из трехсот кандидатов, избранных сеймами.

Очень скоро, однако, обнаружилось, что новая Конституция развязала самые яростные сепаратистские силы в Венгрии. Здесь как бы условились видеть в событиях 1860 г. восстановление прав, полученных Венгрией в революционном порядке в 1848 г., когда, как мы знаем, отрекшийся впоследствии от престола император Фердинанд признал Венгрию независимым государством, соединенным с Австрией лишь в лице общего монарха. Самое отречение Фердинанда мадьяры вполне последовательно объявляли недействительным, так как на то не было согласия венгерского сейма, преемника же его они не признавали своим законным королем, так как он не короновался "короной св. Стефана". Нечего и говорить о том, что они требовали восстановления действия всех конституционных венгерских законов 1848 г. и где можно было самовольно восстанавливали это действие.

Конституция 1861 г. Достаточно было четырех месяцев этих осложнений и затруднений, чтобы заставить двор перейти к централистским мероприятиям. Этого требовала, как уже выше говорилось, и буржуазия, связывавшая, в частности, Конституцию с единообразным для всей страны правительством, с вопросом о повышении курса бумажных денег, вопросом, серьезно беспокоившим правительство. "Неизменный" диплом 1860 г. так и оставлен был якобы неизменным, но к нему в феврале 1861 г. присоединен был патент, который существенно изменял положение. Вместе они официально составляли "конституцию государства". Теперь рейхсрат предстал в виде верхней палаты — палаты господ и нижней — палаты депутатов. Члены первой назначались императо-

ром, члены второй избирались областными сеймами в определенных количествах. Различался "широкий рейхсрат", включавший представителей Венгрии, и "узкий" — без таковых. Это был парламент, собиравшийся ежегодно и обладавший значительно более широкой законодательной компетенцией, чем прежний рейхсрат, в ущерб, конечно, правам областных сеймов — ландтагов. Впрочем, так как права императора, как главы государства и правительства, перед которым только и ответственны министры, оставались без изменения, то это был лжепарламент, основанный на лжеконституции, вводившей лжеконституционализм или мнимый конституционализм.

Назначением диплома 1860 г. было, выражаясь словами Энгельса, приласкать Венгрию и превратить ее в орудие, которое могло бы помочь абсолютистской Австрии выпутаться из трудного положения[1]. Назначением "конституции" 1861 г. было припугнуть и взнуздать Венгрию, да заодно и другие национальные части Австрии. Но ни ласка, ни строгость не достигли цели. Венгрия упорно отказывалась от участия в рейхсрате и от признания над собой чьей бы то ни было власти, кроме власти "короля Венгрии". Мало того: примеру мадьяр, в конце концов, последовали чехи, и представители их покинули рейхсрат. За ними ушли поляки. Но и до этого разными избирательными и другими маневрами в рейхсрате искусственно создавалось немецкое большинство, на которое правительство и пыталось опираться, все более, однако, теряя влияние и в стране, и в парламенте. Наконец, восстали и немецкие члены рейхсрата, возмущенные финансовым развалом, темными бюджетными махинациями правительства и его упорным нежеланием осуществить необходимейшие либеральные реформы.

"Соглашение" 1867 г. В этих условиях двор решил сбросить февральскую Конституцию, бесплодность которой стала очевидна, и патентом 20 сентября 1865 г. она была "приостановлена". Тем самым был восстановлен абсолютизм без всяких лжепарламентских прикрас. В то же время затеяны были переговоры с Венгрией для установления новых отношений между нею и Австрией. Эти переговоры прерваны были австро-прусской войной 1866 г., которая вытеснила Австрию из Германского союза и отрезала от нее Венецианскую область.

Военное поражение — второе за такой короткий срок — сделало правительство сговорчивым по отношению к Венгрии. Различными манипуляциями оно преодолело сопротивление славян, особенно чехов, хорошо понимавших, что острие австро-венгерского сговора направлено против них. В 1867 г. правительство зак-

[1] См.: *Энгельс Ф.* Австрия. Развитие революции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XII. Ч. 2. С. 166.

лючило с Венгрией "соглашение" и добилось того, что австрийский рейхсрат это соглашение утвердил. Государство получило новое имя — Австро-Венгрия.

Существо соглашения состояло в том, что компетенция центрального (общего) правительства была ограничена внешними сношениями, военным и морским делом (за исключением законов о военной службе и призыве новобранцев) и финансами, необходимыми для общих целей. Остальные вопросы, например монетная система, таможни и т. д., решались время от времени соглашениями между делегациями парламентов обеих стран. В остальном Австрия и Венгрия управлялись самостоятельно.

Венгерские помещики были допущены к совместному (с немцами) угнетению славянских национальностей.

§ 4. Гражданское право

Австрийский Гражданский кодекс 1811 г. Первые шаги к объединению гражданского права различных австрийских земель были сделаны еще в конце XVII в. Эти шаги явились выражением как централизаторских стремлений австрийского абсолютизма, так и потребностей развивавшейся промышленности и торговли. Однако австрийская буржуазия в то время далеко не играла еще той роли, как, например, французская, и в Австрии сохранялись еще многочисленные институты феодального права: остатки крепостной зависимости, особые права дворян-землевладельцев, внутренние таможни и т. п. Немалую роль в общественной жизни играла и католическая религия, защищавшая феодальный строй. Отсюда вытекал компромиссный характер австрийской кодификации: совмещение в ней и феодальных, и буржуазных институтов.

Первый проект австрийского Гражданского кодекса был составлен в 1772 г., переработан в 1792 г. и введен в действие в Галиции. В 1801 г. Кодекс был вновь подвергнут пересмотру и после длительной переработки получил в 1811 г. силу закона для всей Австрии под названием Общего гражданского кодекса (Allgemeines bьrgerliches Gesetzbuch, сокращенно ABGB).

Кодекс состоит из 1502 параграфов и разделяется на введение и три части. Во введении говорится о "гражданских законах вообще" (момент вступления закона в силу, отсутствие обратной силы закона, толкование законов, условия применения обычаев, провинциальных статутов и привилегий).

Первая часть говорит о "личных правах", в частности, о правоспособности и дееспособности, о брачном праве, об отношениях родителей и детей.

Вторая часть носит название "О вещных правах" и говорит о собственности, залоге, сервитутах, наследственном праве. В осо-

бом разделе о "личных вещных правах" сосредоточены общие правила о договорах и постановления, относящиеся к отдельным видам договоров: о дарении, договоре хранения, займе и ссуде, поручении, купле-продаже, имущественном найме, личном найме, брачном договоре; здесь же говорится о возмещении вреда.

Предметом третьей части являются "общие постановления, относящиеся к личным и вещным правам". Сюда относятся правила об обеспечении прав и обязанностей, об изменении и прекращении прав и обязанностей, о давности.

Как видно, система австрийского Кодекса несколько напоминает систему французского, но последняя, при всех ее недостатках, является все же более стройной.

Источники Кодекса. Источниками Кодекса являлись: римское право (пандектная доктрина), прусское земское право, провинциальное право некоторых австрийских земель. Но эти источники в ряде случаев подвергались критической переработке. Наряду с этим составители проекта включили в Кодекс некоторые положения, которые относились, по учению тогдашней доктрины, к естественному праву, выражали идеи просветительной философии и являлись своеобразной особенностью австрийского Кодекса. Французский гражданский кодекс 1804 г., как мы уже видели, выражал односторонние установки крупной буржуазии, а последняя относилась отрицательно к естественно-правовой доктрине, провозглашавшей начала свободы и равенства. В отличие от этого австрийский Кодекс в некоторых своих постановлениях воспроизводил в более чистом виде исходные положения буржуазной правовой идеологии. Естественно-правовые концепции австрийского Кодекса выражаются, например, в § 7: судья должен судить по естественно-правовым нормам, когда имеется пробел в законе и когда этот пробел не может быть восполнен путем аналогии. Особенно же показателен в этом отношении § 16, в котором указывается, что каждый человек имеет прирожденные права, выясняемые путем разума.

Компромиссный характер Кодекса. Как уже было указано выше, австрийский Гражданский кодекс является компромиссом буржуазного и феодального права. Интересы буржуазии выражаются в развитых правилах о договорах, и правила эти предоставляют контрагентам широкую свободу определять содержание договора, выбирать форму договора и тем закреплять отношения капиталистической эксплуатации. К той же группе постановлений относятся и правила о частной собственности на орудия и средства производства, в значительной степени отменившие феодальные формы собственности. Право индивидуальной частной собственности находит себе выражение и в праве собственника передавать свое имущество по завещанию. Права завещателя ограничиваются лишь тем, что нисходящие должны получить, во всяком слу-

чае, половину, а восходящие — треть стоимости их законной наследственной доли.

Наоборот, в области семейного права австрийский Кодекс сохранил многочисленные феодальные институты. Оставлена в силе церковная форма брака (кроме лишь тех случаев, когда брачующиеся не принадлежат к одной из признанных государством религий), браки между христианами и нехристианами воспрещены, запрещается вступление в брак лиц, принявших на себя религиозный обет безбрачия (например, католических священников), воспрещается расторжение браков католиков (так как по учению католической церкви брак нерасторжим). Но вместе с тем имущество жены не поступает в обязательное управление мужа и жена может сохранить свою имущественную самостоятельность. Устанавливается и право внебрачных детей на содержание.

§ 5. Уголовное право

Уголовный кодекс 1787 г. Австрийский Уголовный кодекс, изданный Иосифом II в 1757 г. (Закон о преступлениях и их наказаниях) явился выражением политики "просвещенного абсолютизма" в уголовном законодательстве. Этот Кодекс, отдавая дань развивающимся буржуазным отношениям и отражавшим их уголовно-правовым идеям просветительной философии, содержал отдельные положения, характерные для буржуазного уголовного права, сохранив, однако, и характерные особенности феодального уголовного права. Так, Кодекс запретил применение аналогии, т. е. признал тем самым принцип "нет преступления без указаний о том в законе". Кодексом была отменена смертная казнь. Однако наряду с этим Кодекс был направлен полностью на защиту интересов дворянства, как господствующего класса. Феодальные особенности Кодекса нашли яркое выражение в его системе наказаний. Так, отмена смертной казни сопровождалась введением тяжких форм лишения свободы, сохранением публичных телесных наказаний, клеймения и т. д.

В 1795 г. смертная казнь в Австрии была восстановлена. В 1796 г. Кодекс был введен в действие с некоторыми ограничениями в Западной Галиции, а в 1803 г. с различными, мало, впрочем, существенными, изменениями, был объявлен действующим на территории всей Австрийской империи.

Кодекс 1852 г. Дальнейшее развитие капиталистических отношений в Австрии и усиление влияния буржуазии повели к некоторым реформам и уголовного законодательства. Однако живучесть множества феодальных пережитков делала реформы эти половинчатыми. В результате пересмотренный и изданный в 1852 г. в новой редакции Уголовный кодекс был лишь несколько приспо-

соблен к новым условиям. В Кодексе 1852 г. более последовательно проведены буржуазно-демократические требования формальной свободы и правового равенства, в частности, требования "нет преступления без указания о том в законе" и "нет наказания без указания о том в законе". По существу же Кодекс 1852 г. характеризуется прежней усиленной охраной церкви и крупной земельной собственности, а также сохранением многих положений феодального уголовного права.

Глава 7. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ИТАЛИИ В 1815—1871 гг.

§ 1. Борьба за воссоединение Италии

Французская революция конца XVIII в. оказала сильное влияние на Италию. Годы наполеоновского владычества глубоко всколыхнули ее. Реформы Наполеона — отмена феодальных привилегий, инквизиции, установление религиозной свободы, новых гражданского и уголовного кодексов, равенство перед законом и т. д. — означали здесь начало буржуазной революции, будили национальное самосознание, вызывали стремление к национальному воссоединению и независимости.

Венский конгресс и реакция. Однако Венский конгресс (1815 г.) свел на нет прогрессивные новшества Наполеона: Италия была раздроблена на восемь мелких государств и превращена в "географическое название" (*Меттерних*). Повсюду здесь был восстановлен абсолютизм.

Это были следующие государства: на севере два королевства — Сардиния (Пьемонт) и Ломбардо-Венецианское и четыре герцогства — Парма, Модена, Тоскана и Лукка (в 1848 г. присоединенная к Тоскане); в центре — Церковное государство (Понтификат) во главе с папой и с Римом в качестве столицы; на юге — Неаполитано-Сицилийское королевство (Королевство обеих Сицилий).

Почти все эти государства оказались под прямым или косвенным влиянием Австрии. Ломбардия и Венеция, объединенные в королевство с лишенным власти вице-королем во главе, были полностью подчинены Австрии. Во главе герцогств были поставлены представители побочных линий Габсбургов; во главе Неаполитано-Сицилийского королевства — представитель побочной линии Бурбонов, опиравшийся на австрийские штыки.

Лишь одно государство занимало относительно независимую по отношению к Австрии позицию: королевство Сардиния (Пьемонт) с национально-итальянской Савойской династией во главе. Позиция Пьемонта объяснялась тем, что в Пьемонте капитализм был относительно более развит и что Пьемонт граничил с Францией и мог в своей внешней политике в известной степени опираться на нее против Австрии.

Восстановление абсолютизма нашло свое выражение в отмене или в сильном ограничении прав представительных учрежде-

ний; в частичном восстановлении феодальных привилегий дворянства и духовенства; в отмене кодексов Наполеона и т. д.

В Сардинии король Виктор-Эммануил отменил все французские законы и учреждения и предписал руководствоваться старыми королевскими законами, "не считаясь ни с каким иным законом". Он восстановил феодальные привилегии дворянства в виде десятин, майоратов, фидеикомиссов и т. п., а также привилегии духовенства — право "мертвой руки", особые ссуды, цензуру книг и т. п.

Неаполитанский король Фердинанд I сохранил французское гражданское и уголовное право, но отменил дарованную им же в 1812 г. Сицилии конституцию, объявил, что вотированные последней сессией парламента налоги имеют постоянный характер, и перестал вообще созывать парламент.

Однако нигде старый режим уже не был восстановлен полностью. Некоторые важные революционные завоевания, например отмена судебной власти помещиков и освобождения их от налогов, секуляризация церковных земель, административное устройство и др., были сохранены.

Потребность в воссоединении. Раздробление Италии, установленное в интересах Австрии, не могло не вызвать борьбы за национальное единение. Слишком глубоко всколыхнул наполеоновский режим передовые слои общества, слишком настоятельно развитие капитализма требовало национального воссоединения и слишком сильно австрийское господство нарушало интересы Италии. Развивавшийся капитализм нуждался в едином национальном рынке, между тем мелкие династии, связанные с иностранными державами и с отсталыми феодальными элементами в Италии, при помощи таможенной политики препятствовали даже торговым отношениям между итальянскими государствами.

Карбонарии. Но народные массы, особенно крестьяне, еще не выступали в качестве активного политического фактора. Развитие капитализма еще не успело в достаточной степени втянуть деревню в общую экономическую и политическую жизнь страны, деревня, например, была сплошь неграмотной. Национальное сознание было развито исключительно слабо.

Отсталое феодальное дворянство, связанное с местными династиями, было заинтересовано в сохранении раздробленности и являлось основным носителем партикуляристских тенденций и основной опорой чужеземного господства.

Инициатором борьбы за исторические задачи выступило в первую очередь городское население — буржуазная интеллигенция, студенчество, буржуазия, особенно северная, часть дворянства, втянутая в капиталистические отношения, передовое офицерство и чиновничество, прошедшие школу наполеоновской армии и наполеоновской администрации. Движение этих слоев нашло свое офор-

мление в обществе карбонариев, возникшем еще в 1807 г. для борьбы против французского господства, первоначально на юге, затем перекинувшемся на весь Апеннинский полуостров.

Отсутствие массового базиса, да и боязнь массового движения приводили к тому, что общество приняло тайный характер. Его основные организационные принципы заключались в конспиративности, а организационными формами были мелкие группы — "венты", насчитывавшие не более 20 человек и окутывавшие свои собрания и деятельность глубокой тайной. Разношерстность состава приводила к отсутствию четкой политической программы. Это была смесь республиканских и монархических тенденций, временами принимавших даже клерикальную окраску. Несомненной общей целью являлась борьба за конституцию, но перспективы воссоединения Италии карбонарии представляли себе очень неясно.

Эти особенности обрекли на неудачу революционные выступления карбонариев в 1820—1821 и 1831 гг.

Революции 1820 и 1821 гг. Революционное движение 1820 и 1821 гг. охватило Неаполитано-Сицилийское королевство, Пьемонт и в меньшей мере Ломбардо-Венецию.

В Неаполитано-Сицилийском королевстве карбонарии принудили короля Фердинанда обнародовать Испанскую конституцию 1812 г.[1] и присягнуть ей 13 июля 1820 г. Но неаполитанские карбонарии не ставили своей задачей борьбу за воссоединение Италии и распространение Конституции на всю страну, движение носило местный характер. Поэтому уже в 1821 г. Фердинанду удалось с помощью австрийской армии подавить революцию, и Конституция была отменена.

Революция в Пьемонте вспыхнула после подавления революции в Неаполе и приняла характер более широкого народного движения. Здесь в качестве цели борьбы было выставлено воссоединение Италии. Восставшие подняли трехцветное знамя старого итальянского королевства и образовали Джунту итальянской федерации. Регент Пьемонта Карл-Альберт в 1821 г. провозгласил Конституцию по испанскому образцу. Но и здесь движение было вскоре подавлено при помощи австрийских войск.

---

[1] Испанская ("кадикская") конституция 1812 г. построена по образцу Французской конституции 1791 г. "Тщательное ограничение королевской власти — самая яркая черта конституции 1812 г.". (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. X. С. 752). Конституция исходит из верховенства народа, предусматривает разделение властей, передает верховную власть однопалатному парламенту. Королевская власть сохраняется как единственная носительница исполнительной власти, но сильно ограничивается, полностью подчиняется контролю парламента, сохраняет право только отсрочивающего вето. Конституция провозглашает демократические права и свободы, но объявляет католицизм "единственно истинной религией".

В Ломбардо-Венеции движение карбонариев было задушено еще в зародыше. Понтификат и герцогства не выступили совсем.

Революция 1831 г. Она началась как раз в тех государствах, которые остались не затронутыми революцией 1820—1821 гг. в Модене, Парме и ряде областей Понтификата. Герцоги Модены и Пармы бежали, а карбонарии повсюду захватывали власть, создавали национальную гвардию и временные правительства. Восставшие области Понтификата (Романья, Умбрия и Маркия) объявили светскую власть папы низложенной, образовали Итальянские соединенные провинции и учредили в Болонье центральное правительство во главе с Президентом и 7 министрами. Однако им не удалось взять Рим, и они не рискнули даже присоединить маленькую Модену. Революция была подавлена при помощи австрийской армии.

§ 2. Воссоединение

"Риссорджименто". В 30—40-х годах XIX в. движение за воссоединение шло в основном по двум руслам: 1) революционно-демократическому и республиканскому и 2) военно-династическому и либерально-монархическому.

Демократически-республиканское течение было в 30—50-х годах представлено Мацини и Гарибальди. Мацини объединял преимущественно буржуазную интеллигенцию, радикальную мелкую и среднюю буржуазию, основной лозунг которых гласил: "Республика и единство".

Цели маццинистов отвечали интересам трудящихся масс города — рабочих, ремесленников, мелкой буржуазии. Однако сами маццинисты боялись народных масс, не понимали необходимости улучшить условия труда рабочих и особенно необходимости аграрной революции. В результате деревня активного участия в борьбе не принимала. Маццинистам нигде не удавалось добиваться длительных и прочных успехов, и под конец часть из них открыто перешла на сторону монархии.

В силу всех этих причин воссоединение Италии снизу — демократическим путем, в республиканской форме — не удалось. Оно было осуществлено сверху, в либерально-монархической форме и военно-династическим способом, однако с опорой на народно-революционное движение городов.

Либерально-монархическое течение, возникшее в начале 40-х годов и известное под названием "Риссорджименто" ("Воскресение"), объединяло преимущественно земельное дворянство Пьемонта, втянутое уже в капиталистические отношения, и торгово-промышленную буржуазию севера, заинтересованную во внутреннем итальянском рынке. Наиболее видным его представителем стал позже граф Кавур, а его центром — королевство Пьемонт.

Революция 1848—1849 гг. 1848—1849 гг. отмечены в Италии мощным революционным взрывом, в котором сливается борьба за три основные исторические задачи: буржуазную революцию, национальное воссоединение и национальное освобождение. По всем семи итальянским государствам прокатывается волна народной революции. Зачинщиками борьбы выступают либеральная буржуазия и трудящиеся массы города. Основное требование восставших — конституция.

Движение начинается в Сицилии, перекидывается в Неаполь, и 29 января 1848 г. неаполитанский король под давлением народа "дарует" Конституцию. Аналогичные события разыгрываются в Пьемонте. Буржуазия и либеральное дворянство крупнейших городов — Генуи, Турина — подают королю петицию с требованием конституции. 4 марта 1848 г. сардино-пьемонтский король Карл-Альберт решается на Конституцию, так называемый "Пьемонтский статут", который позже и стал Конституцией воссоединенной Италии.

Конституцию вводит и великий герцог Тосканы.

Теперь в основу всех этих конституций была положена не Испанская конституция 1812 г., а гораздо более консервативная, Французская конституция (хартия) 1830 г.

14 марта 1848 г. и папа вводит Основной статут светского правительства Церковной области со светским двухпалатным парламентом, но с сохранением верховной власти в руках коллегии кардиналов, от которой зависит утверждение законов.

В герцогствах буржуазная революция переплетается с борьбой за национальное освобождение. Герцоги Модены и Пармы, а затем и Тосканы — эти агенты Австрии — вторично бегут.

Наконец, маццинисты поднимают знамя борьбы за национальное воссоединение. 5 февраля 1849 г. им удается провозгласить республику в Риме. Образуется триумвират во главе с Маццини, который объявляет о созыве в Риме всеитальянского учредительного собрания для создания единой итальянской республики. Республика провозглашается также в Тоскане (9 февраля 1849 г.).

Особое значение приобретает борьба в Ломбардо-Венеции, где поднимается народное восстание против австрийцев. После героических пятидневных боев миланского населения австрийцы очищают области. В Венеции провозглашается республика.

Первая национально-освободительная война и ее неудача. Полное освобождение Ломбардо-Венеции невозможно было бы без помощи остальных итальянских государств. Монархический Пьемонт, где уже раньше намечалось совпадение интересов помещиков и торгово-промышленной буржуазии, возглавил движение. Карл-Альберт объявил Австрии войну и вступил со своими войсками в Ломбардию, а вместе с пьемонтской армией героически сражались добровольческие отряды Гарибальди.

Чтобы придать присоединению Ломбардии к Пьемонту демократический характер, в Ломбардии 28 мая 1848 г. был проведен плебисцит, давший подавляющее большинство в пользу присоединения к Пьемонту. При плебисците на голосование ставился исключительно вопрос о присоединении, но не вопрос о государственном строе и конституции. Таким плебисцитарным путем затем обставлялось присоединение к Пьемонту всех итальянских государств и областей. О присоединении к Пьемонту объявила и Венеция, потом Модена и Парма.

Однако в этом переплетении революционно-демократического движения с либерально-монархическим и военно-династическим слишком явственно сказывалась нерешительность, а потом и прямая измена монархов народному делу: они боялись широкого народного движения гораздо больше, чем австрийского владычества. Союзники Пьемонта вскоре покинули его, и пьемонтские войска были разбиты австрийцами. Да и сам Карл-Альберт, нисколько не имея в виду опереться в своей борьбе на вооруженный народ, сдал австрийцам Милан, население которого требовало борьбы и готово было защищаться, и очистил Ломбардию. "...Австрийская армия одержала победу благодаря столь же трусливому, сколь и неумелому предательству Карла-Альберта"[1]. Но и маццинисты оказались совершенно не в состоянии оценить необходимость аграрных реформ, оценить значение массового движения для освобождения Италии: "Господин Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и их citoyens йclaires (просвещенными гражданами)"[2]. В результате измены дворянства, слабости и малодушия буржуазии реакция в союзе с австрийскими и французскими штыками восторжествовала в Италии, и повсюду на присоединенных было к Пьемонту территориях восстановлено старое положение.

В частности, Франция восстановила папу на его престоле, и ее войска с тех пор надолго водворились в Риме.

Но Савойская династия продолжала разыгрывать роль национального "собирателя земли" и стремилась сохранить престиж либерализма. В то время как в остальных итальянских государствах был восстановлен абсолютизм, Пьемонту была оставлена его Конституция.

Вторая национально-освободительная война и образование итальянского национального государства. Вторая волна национально-освободительного движения началась в виде династической войны, но затем переросла в народно-революционное движение.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VI. С. 258.

[2] Письмо К. Маркса 1851 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Письма. М., 1923. С. 43.

В 1859 г. Пьемонт (вместе с Францией) объявил Австрии войну, в результате которой ему удалось получить Ломбардию. Декрет о присоединении подчинял Ломбардию "суверенитету и конституции Пьемонта".

Вторая война против Австрии развязала новую волну национально-освободительного движения. Кавуру (премьер-министру Пьемонта) удалось привлечь на сторону Савойской династии умеренных маццинистов и создать Итальянское национальное общество, действовавшее легально в Пьемонте и тайно — в остальной Италии.

Из Тосканы, Модены и Пармы в третий раз — и теперь окончательно — были изгнаны герцоги, в Романье (северная провинция Понтификата) были разоружены папские войска, и во всех этих областях образовались временные правительства. Но на этот раз ни одно из них уже не провозглашало республики; все высказывались за присоединение к Пьемонту под властью Савойской династии.

Присоединение и теперь было оформлению через плебисцит, который состоялся в Тоскане и Эмилии. На голосование и здесь ставился только вопрос о присоединении к Пьемонту, но не о конституции. На основе плебисцита было оформлено подчинение Тосканы и Эмилии "суверенитету и конституции королевства Сардинии и Пьемонта" королевским декретом 1860 г.[1]

Затем пришла очередь Неаполитано-Сицилийского королевства, для борьбы за которое было использовано демократически-революционное движение во главе с Гарибальди. С тайной поддержкой Кавура Гарибальди в мае 1860 г. предпринял свой знаменитый поход в Сицилию и с опорой на широкое народное движение завоевал Сицилию и Неаполь.

Одновременно пьемонтские войска вступили в Понтификат и отвоевали у папы области Умбрию и Марки. Гарибальди, ставший диктатором Южной Италии и сочувствуя республиканцам, отказался было от присоединения "обеих Сицилий" к итальянскому королевству, но не сумел использовать положение и добровольно передал власть королю.

Присоединение к Пьемонту Неаполитано-Сицилийского королевства Умбрии и Марки последовало в феврале 1861 г. Оно было оформлено уже вошедшим в практику путем плебисцитов, а за ними королевских декретов о распространении суверенитета и Конституции Пьемонта и на эти области.

---

[1] Но за это территориальное увеличение Пьемонту пришлось расплатиться согласно договору с Францией от 1858 г.: в марте 1860 г. в Савойе и Ницце были проведены плебисциты, давшие большинство в пользу Франции, к которой они и были присоединены.

В январе 1861 г. были проведены выборы во всем королевстве, и 18 февраля в Турине собрался первый парламент. Пьемонт был объявлен Королевством Италии во главе с королем Виктором-Эммануилом II (сыном Карла-Альберта).

Внешнее политическое положение молодого государства было непрочно: ни Австрия, ни Франция не признавали воссоединенной Италии. К тому же за пределами Итальянского королевства оставались Венеция, находившаяся под властью Австрии, и остатки Понтификата с Римом — древней столицей Италии. Но в 1866 г. Италия объявила совместно с Пруссией войну Австрии, и в результате этой войны и при посредничестве Наполеона III получила Венецию. Вскоре другая война, франко-прусская, создала благоприятную обстановку для присоединения Понтификата. После седанской катастрофы французские войска покинули Рим, и 20 сентября 1870 г. в Рим вступили итальянцы. Плебисцит и королевский декрет оформили присоединение папской области, как раньше — Венеции.

Законом от 3 февраля 1871 г. Рим был объявлен столицей Итальянского королевства и резиденцией короля. Воссоединение Италии было закончено.

§ 3. Конституция

Характер Пьемонтского статута. В Италии революция 1848 г. не была доведена до конца: она окончилась компромиссом между абсолютной монархией, опиравшейся на феодальное дворянство, и буржуазией в союзе с более прогрессивной частью землевладельцев. Буржуазная революция не переросла в аграрную, пережитки феодализма в сельском хозяйстве не были преодолены и продолжали тяжелым грузом висеть на стране, тормозя развитие ее производительных сил.

Пьемонтский статут 1848 г., ставший общеитальянской Конституцией, является ярким выражением этого компромисса.

Как уже было указано, статут — Конституция октроированная. Он был выработан не народным представительным собранием, а Советом министров по рескрипту короля, предписавшего положить в основу статута французскую хартию 1830 г. Введен он был тоже не представительным органом, а королем (9 марта 1848 г.) и таким же порядком распространялся на присоединенные к Пьемонту области. Поэтому статут ни словом не упоминает о суверенитете или верховенстве народа.

Пьемонтский статут — Конституция гибкая. О порядке ее пересмотра в тексте не говорится ничего, но за столетнее почти существование статута целый ряд его положений подвергался изменению, пересмотру, отмене обычным законодательным путем. В

первую очередь изменилось само государство: Пьемонтский статут стал Конституцией Королевства Италии. Но ни это, ни последующие изменения в статут внесены не были[1].

Король. Статут устанавливал конституционную монархию: "Государство управляется монархическим представительным правительством" (ст. 2). Престолонаследие регулируется салическим законом. Король объявляется "верховным главой государственной власти" (ст. 5), а его особа — "священной и неприкосновенной" (ст. 4).

Конституция содержала ряд ограничений королевской власти, и поскольку Конституция была октроирована, постольку эти ограничения носили характер самоограничения короны.

Законодательная власть осуществлялась совместно королем и двумя палатами: сенатом и палатой депутатов. Все три органа получили право законодательной инициативы, право толкования законов и право бессрочного отлагательного вето: "Если законопроект отклонен одним из трех органов законодательной власти, то он не может быть вновь внесен в ту же сессию" (ст. 56). Право утверждения и обнародования законов принадлежало исключительно королю. Король лишен был права отсрочивать и приостанавливать действие законов, но он мог издавать "декреты и регламенты, необходимые для исполнения законов" (ст. 6), что открывало широкий простор для фактического законодательствования короля, т. е. правительства.

В области финансовой палаты утверждают бюджет и налоги, которые без их согласия не могут взиматься (ст. 30). Палата депутатов избиралась на пять лет. По ст. 41 "депутаты представляют всю нацию в целом, а не только те провинции, в которых они были избраны". Этим признавался буржуазный принцип народного представительства в противоположность феодальному принципу территориально-корпоративного представительства. Та же статья запрещала императивный мандат. Запрещено вознаграждение депутатам и сенаторам. Остальные уточнения избирательного права были предоставлены закону.

Избирательный закон. Первый избирательный закон был издан королем 17 марта 1848 г. еще до созыва парламента и оставался в основном в силе до 1882 г. Активное избирательное право было ограничено следующими цензами: 1) имущественным — уплата прямого налога; 2) половым — лишение избирательных прав женщин; 3) возрастным — 25 лет.

---

[1] Изменился и титул короля: во-первых, он стал королем Италии; во-вторых, первоначальный титул гласил: "божией милостью", а в связи с плебисцитарным способом присоединения к Пьемонту остальных итальянских областей к титулу было добавлено "и волею народа" (закон 24 апреля 1861 г.). Но и это изменение в статут не внесено.

Закон был основан на мажоритарной системе одночленных округов с перебаллотировкой. Голосование было открытым.

К выборам было допущено 2,3% населения. Ко времени проведения избирательной реформы 1882 г. число избирателей составляло всего 627 838 (при населении в 28 миллионов). Если учесть широкий абсентеизм избирателей (до 50%), то процент фактических избирателей снизится до 1—1,5%, т. е. до 300—400 тысяч человек. Зачастую в округе в 50 тысяч жителей голосовало всего 50—100 человек.

Сенат состоял в большинстве своем из членов, которых назначал король пожизненно в неограниченном количестве. В выборе кандидатов король должен был руководствоваться следующими условиями: во-первых, сорокалетний возраст кандидата, во-вторых, его принадлежность к высшим чиновникам, или к высшим военным, или к высшему духовенству, или к лицам, "которые своими заслугами и своими выдающимися талантами делают честь своей родине", или, наконец, к разряду высших налогоплательщиков. Такой характер сената вполне определил его роль послушного правительству тормоза на случай возможных "крайностей" со стороны нижней палаты.

Исполнительную власть ст. 5 признавала только за королем. Он "командует" вооруженными силами, он "объявляет войну", он заключает международные договоры (с некоторыми изъятиями) (ст. 5).

Важнейшее значение имело право короля назначать должностных лиц. В подборе должностных лиц, включая и министров, король, согласно статуту, никем и ничем не связан, не связан и парламентом. На практике, однако, установилась парламентская ответственность правительства, и известную роль в этом сыграло ограничение прав короля в области финансовой: необходимость иметь согласие палат на взимание налогов.

Король являлся также главой судебной власти, и хотя после трех лет службы судьи становились несменяемы (ст. 69), но в руках короля было право перемещения судей, установленное законами 1859 и 1865 гг.

Гражданские права и свободы. Специальный раздел статута говорил о "правах и обязанностях граждан" и предусматривал основные демократические свободы. Однако почти все указания этого рода сопровождались оговорками "о законных" ограничениях, например: "Все одинаково допускаются ко всем гражданским и военным должностям, за исключениями, которые определяются законами". Такими же оговорками сопровождались гарантии личной свободы и все прочие.

Административное деление и местное управление Конституцией не были урегулированы. Особыми законами страна была разделена на 69 провинций, названных по своим главным городам

и делившихся на общины — городские и сельские — без посредствующих звеньев. Другие территориальные деления не имели административного значения. Провинции объединялись в 16 областей, соответствовавших старому историческому делению страны. Провинции состояли из округов и дистриктов, которые не были наделены органами самоуправления и имели только судебное и военное значение.

Система местного управления была построена по французскому образцу на принципах строгой централизации. Во главе провинций были поставлены префекты, назначавшиеся королем как высшие органы власти на местах. При префектах находились супрефекты и советы префектуры, тоже назначавшиеся. Наряду с ними были и выборные органы в лице провинциальных и общинных советов. Префект в провинции и мэр (синдик) в общине, тоже назначавшийся (в крупных общинах) королем, представляли собой реальную местную власть, строго следовавшую указаниям правительства и лишавшую подчас всякого значения местные выборные органы.

§ 4. Гражданское право

Законодательство Наполеона. К началу XIX в. на территории Италии не существовало единого гражданского права. В каждом из итальянских государств имущественные, семейные и личные отношения регулировались правовыми нормами, черпавшимися из разнообразных источников права эпохи феодализма. Необычайная сложность, запутанность и малодоступность местных обычаев, городских статутов и канонических правил усугубляла несоответствие между отраженными в них и закрепляемыми ими феодальными порядками и уже существовавшими капиталистическими условиями производства.

Подчинив Италию военной диктатуре после Люневильского мира с Австрией (1801 г.), Наполеон не ограничился упразднением феодальных порядков и учреждений. Он приказал перевести на итальянский язык новое французское Гражданское уложение (Кодекс Наполеона) и ввел его в действие во французских заальпийских владениях с 1 января 1806 г. Французский Торговый кодекс был распространен на Италию в 1808 г. В Королевстве обеих Сицилий (Неаполитанское королевство) Жозеф Бонапарт в 1806 г. отменил феодальный порядок и ввел в действие французский Гражданский кодекс. Прежнее местное право сохранялось на острове Сицилия и в Сардинском королевстве, где нашли себе прибежище короли бурбонский и савойский. Французское гражданское право, несмотря на свое чужеземное происхождение, было охотно принято итальянской буржуазией и широкими слоями населения. Преимущества кодифицированного права, притом едино-

го почти во всех итальянских государствах, были очевидны. Принцип равенства всех перед законом, свобода земельных сделок, допустившая дробление крупных имений, гражданское оформление брака — все это отвечало социальным потребностям эпохи.

Отмена французских законов и издание итальянских кодексов. Поражение Наполеона и возрождение австрийского господства положило конец непосредственному применению французского Гражданского кодекса в Италии. В Ломбардо-Венецианской области он был заменен в 1815 г. Австрийским гражданским уложением. Король Сардинии (Пьемонта) Виктор-Эммануил I на следующий день после своего возвращения в Турин отменил все французские законы, восстановив сословное неравенство и действие королевских конституций 1770 г. Он вернул дворянству феодальные права, майораты и семейные фидеикомиссы, а духовенству — земли и "право мертвой руки". В Риме, где была восстановлена светская власть папства, Кодекс Наполеона был устранен эдиктом 13 мая 1814 г.

Властители Италии не могли, однако, искоренить потребность в кодифицированном праве и должны были вступить на путь издания гражданских законов. В течение всей первой половины XIX в. ни в одной европейской стране не делалось стольких попыток гражданской кодификации, как в Италии, и нигде они не имели столь реставрационного характера. Папа Пий VII пообещал своим подданным общее гражданское уложение, но не сдержал этого обещания. Зато его преемник Григорий XVI опубликовал в 1834 г. Regolamento Grigoriano, первая часть которого, посвященная гражданскому законодательству, содержала немного измененное "общее право", выработанное средневековыми итальянскими юристами, и апостолические конституции (папские указы). В Королевстве обеих Сицилий (Неаполь) Фердинанд IV заменил Кодекс Наполеона собственным Гражданским кодексом, который являлся переизданием первого, с изменениями, заключавшимися в обязательности церковного брака и недопущении развода, в разрешении майоратов и в некоторых других чертах, воскрешавших старое местное право. Пармский гражданский кодекс 1820 г. также явился заимствованием французского, но с восстановлением некоторых прежних правил (в частности, порядка обнародования законов путем чтения их на площадях при барабанном бое). В Сардинии в 1827 г. местное право было издано в виде Кодекса, который допускал субсидиарное обращение к римскому праву. Этот Кодекс просуществовал недолго и был заменен в 1837 г. Кодексом, изданным Карлом-Альбертом, похожим по расположению материала на французский, но отличавшимся от него по содержанию, в первую очередь признанием католической церкви, которой были специально посвящены первые две статьи этого Гражданского кодекса, а также включением многих положений местного права.

§ 5. Уголовное право

Частичное проникновение демократических идей в уголовное законодательство. Уголовное законодательство Италии представляло собой накануне французской революции картину раздробленности, отражавшей политическую раздробленность страны. Партикулярное уголовное законодательство Италии было законодательством феодально-абсолютистского типа. Составленный в 1807 г. в Северной Италии проект Уголовного кодекса и уголовно-процессуальных кодексов итальянских государств и Уголовный кодекс Южной Италии 1808 г. не отразили еще в сколько-ни-будь значительной степени влияния идей французской революции.

Позже в различных государствах Италии начинает развиваться уголовное законодательство, отражающее идеи буржуазной демократии в уголовном праве, но наряду с новыми в таком духе составленными кодексами в отдельных итальянских государствах продолжают действовать феодально-абсолютистские уголовные законы.

В 1819 г. в Неаполе издается Уголовный кодекс, составленный под большим влиянием Уголовного кодекса Франции 1810 г. Этот Кодекс отказался, в частности, от позорящих наказаний, отменил гражданскую смерть и содержал ряд других прогрессивных постановлений.

В большей или меньшей степени влияние Уголовного кодекса Франции 1810 г. отразилось на уголовных кодексах Пармы 1820 г., Тосканы 1838 г., Сардинии 1838 г.

Влияние французского законодательства сказалось и в области уголовного процесса, хотя суд присяжных был введен лишь через несколько десятилетий.

И только Рим, управляемый папой, оставался в стороне от движения, охватившего все итальянские государства, и упорно придерживался старых уголовных и уголовно-процессуальных законов, сохраняя в неприкосновенности инквизиционный процесс.

После революции 1848—1849 гг. начинается общий экономический подъем, захвативший также Италию, в особенности Ломбардию и Пьемонт, и способствовавший демократическому развитию уголовного права.

В Пьемонте (Сардинское королевство) в 1848 г. издается закон, введший суд присяжных для рассмотрения дел о нарушении законов о печати. В 1859 г. вносятся улучшения в порядок производства дел в судах присяжных и выдвигается предложение о распространении компетенции этих судов и на другие преступления. В 1859 г. издается и новый Уголовный кодекс, содержавший некоторые прогрессивные реформы, а также Уголовно-процессуальный кодекс, представлявший собой точную копию французского Уголовно-процессуального кодекса 1808 г. Значение его уси-

ливалось тем обстоятельством, что он ввел в Италии суды присяжных. Наконец, в том же году издаются Военно-уголовный кодекс и закон о судоустройстве.

В Тоскане был издан в 1853 г. Уголовный кодекс, который ввел отмененную было в 1847 г. смертную казнь.

В Ломбардии и Венеции действовал австрийский Уголовный кодекс 1810 г., а впоследствии — австрийский же Уголовный кодекс 1853 г.

Таким образом, накануне воссоединения уголовное право Италии было очень далеко от цельности и единства, причем частично здесь действовало иностранное право, навязанное Австрией.

Глава 8. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ В 1776—1871 гг.

§ 1. Конфедерация

Возникновение США; историческая связь с Англией и английским правом. Соединенные Штаты Америки, как отдельное государство, образовались и оформились в последней четверти XVIII в. (1776—1791 гг.). Они возникли после семилетней войны за независимость, путем революционного отпадения от Англии ряда британских колоний, основанных в XVII—XVIII вв. на Атлантическом побережье Северной Америки[1].

Колонии эти — первой из которых по времени возникновения была Виргиния (1607 г.) и последней Георгия (1733 г.) — пользовались известной политической и правовой автономией, опиравшейся частью на обычаи и "фундаментальные соглашения" местных переселенцев, частью на "хартии", т. е. учредительные акты о колониях, данные английской короной. Хартии являлись как бы конституциями колоний и вместе с английским общим правом — Common Law — оказали большое влияние на развитие права будущих Соединенных Штатов.

Можно сказать, что стволы английской и американской плановых систем сращиваются внизу: еще американский историк Банкрофт отметил любопытный факт, что королевская хартия, данная Карлом II колонии Род-Айленд в 1663 г., пережила больше чем на полвека провозглашение независимости США и оставалась основным законом Род-Айленда без изменений в своем тексте до 1842 г. Имя народа было только своевременно подставлено вместо имени короля.

В меньшей мере это явление наблюдалось и в других штатах как в государственном, так особенно в гражданском, судебном и административном праве, в частности в сфере так называемых "прав свободы".

Английское право, как писал Энгельс в 1892 г., "в течение веков сохранило и пересадило в Америку и в колонии лучшую часть той личной свободы, местного самоуправления и обеспеченности от всякого постороннего вмешательства, кроме судеб-

---

[1] Виргиния, Массачусетс, Каролина Северная, Каролина Южная, Мериленд, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Джерси, Нью-Гемпшир, Нью-Йорк, Делавер, Пенсильвания, Георгия.

ного, — словом, тех древнегерманских свобод, которые на континенте под властью абсолютных монархий совершенно исчезли"...[1].

Известная преемственная связь права Соединенных Штатов с английским, таким образом, не подлежит сомнению. Но значение этой преемственности не следует преувеличивать, как это склонны делать некоторые историки права.

Революционное происхождение и разнородность состава нового государства. Соединенные Штаты Америки образовались в результате мощного революционного толчка, который Ленин характеризовал как "образец революционной войны против феодального рабства"[2]. В состав США, кроме Новой Англии — как именовалась основная группа американских колоний, — вошла подчиненная англичанам в 1664—1674 гг. Новая Голландия (с 1664 г. — Нью-Йорк) вместе с Новой Швецией, теперешним штатом Делавер.

Оба отмеченных факта — революционное возникновение и разнородность состава нового государства — не могли не оказать серьезного влияния на развитие североамериканской государственной и правовой системы. Разнородность существовала даже в среде колоний чисто английского происхождения. Они разделялись рекою Потомак на две группы — северную и южную. В южной группе, по времени старшей, преобладало плантационное крупное хозяйство; верхушку ее населения составляли выходцы из английского Джентри, основную часть — белые ссыльные или потомки ссыльных (в значительной мере ирландцев) и работавшие на плантациях рабы-негры; в северной группе, именовавшейся Новой Англией, преобладало фермерское хозяйство с сильным развитием морских промыслов и торговли на берегах; население составляли выходцы из английской городской и крестьянской среды. Значительную прослойку в населении на севере и на юге составляли контрабандисты и корсары, которые находили широкое поле для своей деятельности благодаря крайне стеснительной для колониального населения монополии перевозок, установленной английским правительством для английских королей, и благодаря частым войнам того времени, открывавшим возможность налетов на испанские Антильские острова, на голландские и французские поселения и т. д.

Между северной и южной группой колоний наблюдалась значительная экономическая, политическая и даже религиозная рознь, принесенная еще раньше двумя различными эмигрантскими волнами из Англии; во время революционных потрясений XVII в. в колонии к северу от Потомака шли, главным образом, республи-

[1] *Энгельс Ф.* Введение к брошюре "Развитие социализма от утопии к науке" // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 2. С. 300—301.

[2] *Ленин В. И.* Соч. Т. XXIII. С. 179.

канцы и пуритане; на юг при Кромвеле бежали монархисты и католики.

Следует, впрочем, оговорить, что в северных колониях с XVIII в. имелась также некоторая примесь католического населения — ирландских крестьян, которых погнали за океан голодовки 1729 и 1749 гг.

Первые попытки объединения колоний. Колонии сплачивались общими интересами торговли на море и общей опасностью внешних нападений, в особенности со стороны голландцев (XVII в.) и обосновавшихся в Канаде и Луизиане французов (XVIII в.) Английское правительство установило в середине XVII в. (1653 г.) упомянутую монополию перевозки товаров в колонии и из колоний для английских кораблей ("навигационный акт") и стеснило в колониях развитие промышленности (вплоть до запрета вывоза выделанных меховых шапок); эти меры сильно раздражали свободолюбивых фермеров и горожан Новой Англии и одинаково затрагивали экономические интересы всех колоний. Недовольство их, однако, сдерживалось внешней опасностью.

Опасность от голландцев была ликвидирована еще в конце XVII в., французская опасность после ряда упорных войн отпала в 1763 г. с подчинением Канады Англии.

Молодая американская буржуазия, сильно нажившаяся во время войны середины XVIII в. и приобретшая некоторый военный опыт, стала особенно враждебно относиться к экономической опеке со стороны Англии. В ее среде брали верх сторонники широких освободительных планов.

Для борьбы с метрополией северные и южные колонии объединились в собиравшемся в 1774 и 1775 гг. в Филадельфии съезде их представителей, получившем название "континентального конгресса". На этом конгрессе была сделана попытка со стороны умеренных элементов (Галловей и Франклин) осуществить конфедеральный союз колоний с выборным президентом во главе, но с сохранением верховной власти контроля. Попытка эта не имела успеха в связи с быстрым ростом революционного настроения в стране, с успехами повстанцев, наконец, в связи с непримиримой позицией английского правительства, попытавшегося в виде репрессии против повстанцев "обрезать" американскую торговлю.

1 июля 1776 г. законодательное собрание Виргинии принимает так называемую Виргинскую декларацию прав, имевшую, как можно думать, влияние на все последующие буржуазные декларации прав, не исключая французской, а три дня спустя — 4 июля 1776 г. — Филадельфийский конгресс, состоявший из представителей зажиточной и торговой части американского населения, провозгласил Декларацию независимости Соединенных Штатов Америки.

Декларация независимости. Декларация независимости, прежде всего, обосновывала право американцев на отделение от Анг-

лии. Она содержала длинный перечень различных обид и несправедливостей со стороны короля Великобритании и английского парламента.

Весьма существенны в этом перечне упреки в материальных притеснениях со стороны англичан. Купцы американского Севера, промышленные предприниматели центральных колоний, быстро увеличивавшиеся в числе, наконец, задетые в своих интересах плантаторы, рабовладельцы и контрабандисты (к числу которых, кстати сказать, принадлежал сам председатель Филадельфийского конгресса) не могли примириться с осуществлявшейся английским королем и парламентом политикой преимущества для английских монопольных компаний и английских промышленников.

Но конгресс считал нужным выставить и некоторые принципиальные лозунги, рассчитанные на симпатии широких масс мелкой буржуазии, тех масс, которым непосредственно приходилось сражаться с королевскими войсками.

"Мы считаем самоочевидным, — писал конгресс, — что все люди сотворены равными, что они наделены своим творцом некоторыми неотъемлемыми правами, в числе которых — жизнь, свобода и стремление к счастью; что для обеспечения этих прав среди людей устанавливаются правительства, справедливые полномочия которых проистекают из согласия управляемых; что когда какая-либо форма правления становится губительной для народа, то народ вправе изменить или уничтожить ее и установить новое правительство, основав его на таких принципах и организуя его власть в той форме, которая покажется наиболее пригодной для осуществления его безопасности и счастья"[1].

Здесь отчетливо провозглашается право на революцию, на суверенитет и тот, вообще, круг неприкосновенных прав, который выдвинут был еще английской революцией XVII в. в памфлетах Джона Лильберна и Джона Мильтона и оставался дорог для пришедших в Америку потомков пуритан.

Опираясь на это, конгресс "именем и властью доброго народа этих колоний" в заседаниях 2—4 июля 1776 г. торжественно объявил об освобождении колоний от подданства британской короне и об уничтожении всякой политической связи между ними и Великобританией.

С этого момента стало ясно, что английскому господству в Соединенных Штатах приходит конец.

Главнокомандующий войск конгресса, бывший английский офицер, виргинский плантатор Вашингтон оказался умелым организатором, отлично использовавшим выработанную у американцев в индейских войсках привычку к рассыпному строю. Крупную

[1] См.: Декларация независимости / Пер. с англ. В. Н. Дурденевского // Иностранное конституционное право. М., 1925.

поддержку оказали Франция и Испания — давнишние противники Британской империи. Немалую роль сыграла нейтральная позиция России, которую Англия различными способами старалась перетянуть на свою сторону и использовать в своих интересах в борьбе против Испании и восставших колоний[1]. Россия, однако, предпочла заключить с рядом других держав известный договор "вооруженного нейтралитета" (1780 г.), сильно затруднивший морскую блокаду Соединенных Штатов англичанами.

Все прогрессивные элементы Европы горячо сочувствовали американским повстанцам. У полосатого знамени Соединенных Штатов[2] собрались под командой Вашингтона и француз Лафайет, и поляк Костюшко, и ирландец Монтгомери. Воодушевление американских армий, достигших полумиллионной численности, помогло им быстро превращать даже отдельные неудачи в крупные успехи и увенчать борьбу окончательной победой. По миру, подписанному в Версале 9 сентября 1783 г., Англия признала независимость 13 Соединенных Штатов и удержала за собой Канаду, куда массами стали переселяться довольно многочисленные в колониях монархисты.

Статьи Конфедерации 1781 г. Американская буржуазия приступила к оформлению конституции своей страны еще 4 октября 1776 г., когда были провозглашены статьи Конфедерации Соединенных Штатов, принятые съездом штатов 15 ноября 1777 г., и только к 1 марта 1781 г. окончательно одобренные всеми штатами.

Как видно из приведенных дат, организация нового государства шла туго: штаты не доверяли друг другу и старались по возможности ограничить полномочия конфедерального руководства; соотношение классовых сил внутри штатов было достаточно неустойчиво; сказывались и военные затруднения, и привычное недоверие южных штатов к более культурному и промышленному Северу, сказывался упадок торговли с Англией и Антиллами, наконец, очень живучие монархические тенденции, державшиеся в некоторых штатах до начала XIX в.

"Каждый штат, — пишет новейший американский историк, — был государством в государстве; государственный кредит был в упадке, и частному кредиту не хватало доверия, престиж правительства фактически не существовал ни в стране, ни за границей; государственная воля казалась парализованной. В стране была распространена враждебность к правительству и заметное

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. X. С. 582—583.

[2] В первом бою с английскими войсками повстанцы использовали вместо флага полосатое одеяло, форма которого и была потом принята в качестве национальной эмблемы с небольшим дополнением: в синем четырехугольнике помещаются пятилучевые звезды по числу входящих в Союз штатов.

отвращение к налогам — будь они приняты представительством или установлены без него. По мнению очень многих, жизнь, свобода и совесть не были в безопасности[1].

Организация, созданная статьями Конфедерации, представляла собой международный союз 13 независимых штатов. Каждый штат сохранял свой "суверенитет, свободу и независимость и всякую власть, юрисдикцию и право, которые не переданы определенным образом этой Конфедерацией Соединенным Штатам, объединенным в конгрессе".

Целью Союза объявлялась "взаимная дружба для совместной защиты, обеспечение своих свобод и взаимного и общего блага".

Свободные граждане (следовательно, не рабы-негры) отдельного штата пользовались в других штатах правами местных свободных граждан без ограничения права передвижения и вывоза собственности.

Ежегодно должен был собираться однопалатный конгресс, делегаты которого посылались парламентами отдельных штатов с правом досрочного отозвания и замещения. Делегация каждого штата состояла из 2—7 членов, но согласно общему правилу международных конгрессов имела только один голос. Конгресс сам определял время своих заседаний: на промежутки между съездами конгресс мог избирать нечто вроде президиума — Комитет штатов — по одному делегату от штата, с указанием одного из членов для председательствования. Последний именовался президентом и не мог занимать должность больше года в течение трехлетия; в следующее трехлетие он мог быть вновь приглашен на эту должность.

Комитет штатов мог принимать все меры, на которые был уполномочен конгрессом, кроме требовавших квалифицированного большинства в самом конгрессе. Такого большинства требовали: объявление войны и разрешение морского каперства даже во время мира, вступление в договоры и союзы, чеканка монеты, займы, бюджет, число приобретаемых или сооружаемых военных кораблей, контингенты военных и морских сил, назначение главнокомандующего армией и флотом, наконец, самая передача полномочий Комитету штатов; по всем этим вопросам в конгрессе нужно было согласие не менее 9 штатов; таким образом, деятельность правительства Конфедерации была довольно сильно затруднена.

Кроме указанных вопросов, Конфедерация могла принимать меры по регулированию торговли между штатами и с индейскими племенами — не членами одного из штатов, организовывать почту, регулировать меры и весы, вести борьбу с пиратством и регулировать призовое право; она могла назначать морских и сухо-

[1] *Ирл (Earl)*. Вводная статья к юбилейному изданию сборника "Федералист" (1778 и 1938 гг.).

путных офицеров чином выше полковника, а также дипломатических представителей за границей и иных должностных лиц Конфедерации.

Территория каждого штата могла быть изменена лишь с согласия штата; штаты имели свою милицию, могли вступать в войну при прямом вторжении на их территорию или "при получении уведомления о намерении напасть какого-либо племени индейцев".

Таким образом, создавался чисто международный и довольно слабый союз.

Для изменения договора Конфедерации требовалась ратификация всех штатов.

При этих условиях и при господствовавших в стране настроениях заменить бессильную Конфедерацию организацией сильной власти было трудно.

Делегаты конгресса — землевладельцы, плантаторы, промышленники, купцы — боялись победоносной американской армии почти не менее, чем войск короля Георга III, и, как показали военные бунты 1783 г. (восстание Шейса в Массачусетсе), боялись недаром. Солдаты требовали наделения землей и выпускали из тюрем арестованных за долги. Один взбунтовавшийся отряд заставил конгресс даже бежать из Филадельфии, и правительству удалось выйти из положения в значительной мере благодаря личному авторитету главнокомандующего Вашингтона.

Сам Вашингтон, однако, признавал, что в стране накопилось очень много горючего материала, что конституция Конфедерации — "веревка из песка". Заменить эту веревку прочной цепью, создать сильную власть и твердый "порядок", по возможности, демократического вида, но с устранением плебейских масс от реальной власти — такова была задача, которую поставила себе богатая буржуазия Нью-Йорка и виргинские плантаторы, среди которых было много держателей революционных займов.

Для разрешения проблемы постарались прежде всего выиграть время и "открыть отдушину на Запад".

13 июня 1787 г. конгресс принял Большой ордонанс Конфедерации о заселении новых территорий, который лег в основу позднейшего "размножения" Соединенных Штатов. Этот ордонанс был рассчитан на удовлетворение недовольных масс и одновременно очень целесообразен, с точки зрения буржуазии: он направлял массы на колонизацию вольных земель за Аллеганами и дал исход их энергии в бесконечных пограничных войнах с индейцами.

Впрочем, еще до опубликования ордонанса начался, поощряемый правительствами отдельных штатов, отлив бывших солдат за Аллеганы: начался великий процесс колонизации все отодвигавшегося "Дальнего Запада", имевший огромное влияние на всю экономическую и правовую структуру Соединенных Штатов до конца XIX в.

Учитывая начавшийся спад революционных настроений, буржуазия приступает к укреплению внутригосударственных связей и созданию сильной государственной власти. Еще в 1786 г. на конгрессе в Аннаполисе решено было созвать особый учредительный конвент для выработки новой конституции. Этот конвент, собравшийся в мае 1787 г. в Филадельфии, заседал в строго секретном порядке и состоял почти исключительно из представителей цензовых, зажиточных элементов общества: из 3 миллионов населения Соединенных Штатов голосовало на выборах в конвент лишь 120 тысяч белых мужчин, причем число избирателей колебалось по отдельным штатам от 2 до 9% свободного населения. Конвент состоял из ростовщиков и иных финансистов, судовладельцев, плантаторов и т. п.[1] Среди этих лиц был целый ряд бывших губернаторов и секретарей отдельных штатов, ревниво отстаивавших права своих "независимых суверенностей", как именовали себя штаты. В конвенте и в печати разгорелась ожесточенная борьба. В процессе этой борьбы два нью-йоркских адвоката Гамильтон и Джей и виргинский помещик Мэдисон (секретарь конвента) опубликовали знаменитые "Письма Публия" — 85 статей о новой конституции, объединенных затем в сборник "Федералист"[2].

Книга эта до настоящего времени признается в Америке классической защитой республиканского федерализма и косвенно является источником права Соединенных Штатов, ввиду ее большого влияния на решения федеральных судов по конституционным вопросам. Авторы книги прозваны "отцами американской конституции". Опираясь на учение Монтескье о разделении властей и о выгодах федеральной формы правления, "объединяющей внутренние преимущества республик с внешней силой монархии", а также на изучение ряда исторических примеров, в особенности конституций тогдашней Швейцарии и Соединенных Нидерландов, они отстаивали проект новой конституции Соединенных Штатов. Проект значительно усиливал полномочия Союза и союзной исполнительной и судебной власти. Он был принят конвентом, но надежды на принятие его всеми штатами, в особенности Род-Айлендом, было мало. Конвент пошел поэтому на своего рода государственный переворот и вопреки 13-й статье Конфедерации включил в новую конституцию пункт о вхождении ее в силу после ратификации девятью (а не всеми) штатами. Однако даже с этим

[1] Из 55 делегатов, по некоторым данным, было 24 финансиста, 11 судовладельцев, 15 рабовладельцев (*Beard Ch.A.* Economic interpretation of the constitution of USA. New York, 1923. P. 151).

[2] Сборник этот переведен был несколько раз на французский (впервые в 1792 г.), на немецкий, испанский и другие языки и много раз переиздавался по-английски (*Прим. ред.* — в переводе на русский язык сборник "Федералист" был издан в 1993 г. См.: Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс, 1993).

условием, неконституционность которого сознавалась и его авторами ("Федералист", письмо 40), новый учредительный акт долго не мог войти в жизнь. Сильное сопротивление почти во всех штатах оказывали мелкие фермеры. Они боялись прекращения новым Союзом свободной колонизации и негодовали по поводу отсутствия в новой конституции каких-либо гарантий прав граждан будущих Соединенных Штатов.

Конституция формально вошла в силу 26 июля 1788 г. Первый же конгресс принял предложенный Билль о правах и подтверждение Большого ордонанса Конфедерации о переселении за Аллеганы, после чего Каролина и Род-Айленд присоединились к Союзу, и 3 ноября 1791 г. Конституция Соединенных Штатов оказалась достроенной. Она носит, однако, дату ее принятия учредительным конгрессом: 17 сентября 1787 г. Общий дух этой Конституции хорошо выражен в словах одного из ее отцов, Гамильтона: "Все общества делятся на немногих и многих. Первые являются богатыми и людьми хорошего происхождения; вторые — массой народа. Народ беспокоен и непостоянен. Он редко рассуждает правильно. Поэтому надо предоставить первым определенное и постоянное участие в правительстве, они будут удерживать вторых от шатаний и, так как изменения не сулят первым никаких выгод, они всегда будут сохранять хорошее правительство"[1].

§ 2. Федерация

Конституция США 1787 г. а) *Принципы.* Конституция Соединенных Штатов, в отличие от статей Конфедерации, организовала не международный союз государств, а единое союзное государство, сохранив за ним имя Соединенных Штатов Америки. Основными принципами этой Конституции являлись: строгое разделение властей, разделение правительственных полномочий между Соединенными Штатами и отдельными членами нового федерального государства, гарантия личных прав (в первых десяти дополнительных статьях) и подчеркнутый во введении народный суверенитет. "*Мы, народ Соединенных Штатов,* — гласило это, ставшее знаменитым, введение, — издаем и учреждаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки с целью образовать более совершенный союз, установить правосудие, обеспечить внутреннее спокойствие, озаботиться совместной защитой, содействовать всеобщему благосостоянию и обеспечить нам самим и нашему потомству блага свободы".

б) *Конгресс.* Конституция состояла из семи статей, распадавшихся на разделы. Первая из них в своих десяти разделах опре-

[1] См.: *Beard Ch. A.* Op. cit. P. 199.

деляет устройство и полномочия законодательной власти Соединенных Штатов; эта власть вверена конгрессу, состоящему из сената и палаты представителей; палата избирается народом, сенат избирается парламентами отдельных штатов[1]. Законопроект, принятый обеими палатами, должен быть подписан Президентом Соединенных Штатов и тогда становится законом. В случае отказа в подписи палаты могут вновь рассмотреть проект и если одобрят его большинством двух третей голосов, то он становится законом помимо Президента. В перечневом порядке размежевана компетенция конгресса и парламентов отдельных штатов; при этом, однако, указано, что конгресс может издавать все законы, которые необходимы и уместны для осуществления перечисленных его полномочий и всех иных полномочий, которые Конституция предоставляет правительству Соединенных Штатов, какому-либо из его "департаментов" или кому-либо из его должностных лиц. Это постановление открывало путь к расширению полномочий федерального парламента. Такой путь был еще расширен редакцией десятой дополнительной статьи, где было пропущено ограничительное условие передачи Соединенным Штатам тех или иных полномочий, имевшееся в статьях Конфедерации 1776 г.

Конституция передает конгрессу полномочия налагать и взимать пошлины и налоги и устанавливать бюджет, заботиться об обороне Соединенных Штатов, заключать займы и международные договоры, устанавливать одинаковые правила натурализации; регулировать систему денежного обращения, мер и весов, учреждать почту; издавать уголовные санкции против пиратства и для поддержки дисциплины в армии и флоте, а равно против нарушений международного права, наконец, пользоваться исключительными законодательными полномочиями в специальном округе, который должен был быть выделен для пребывания правительства и парламента Соединенных Штатов, и действительно был выделен штатом Мериленд (теперешний Колумбийский округ, где находится столица США Вашингтон).

Конгрессу воспрещено принимать законы о наказании без суда ("об опале") и законы с обратным действием, оказывать какие-либо предпочтения в таможенном отношении одному штату перед другим, изменять равное представительство штатов и в сенате; далее, воспрещено требовать определенного религиозного исповедания, приостанавливать Habeas Corpus Act помимо точно указанных случаев (мятеж, восстание), устанавливать дворянские титулы и подушные подати.

Конгресс может регулировать торговлю с иностранными нациями, между отдельными штатами и с индейскими племенами, но без права устанавливать внутренние таможенные сборы.

[1] Это было изменено в 1913 г.

Он может издавать законы о банкротстве, но единообразные во всех Соединенных Штатах; может регулировать авторское право. Он не мог (это ограничение специально было включено по требованию рабовладельцев) запретить ввоз рабов в Соединенные Штаты до 1808 г.

Эта достаточно пестрая компетенция, как видим, не включала права издания гражданского, уголовного, процессуального кодексов и вращалась вокруг вопросов обороны, международной политики и торговли; но она была дана в форме *положительного* перечня и *могла расширяться*.

В отношении штатов был применен порядок *отрицательного* перечня. Было указано, что они не могут делать и отнюдь не была предусмотрена возможность расширения их полномочий. Отдел 10 ст. 1 Конституции сильно урезал военные, дипломатические и таможенные права штатов по сравнению со статьями Конфедерации, в частности, штатам было запрещено заключать иностранные договоры, содержать военные суда, выдавать каперские свидетельства, чеканить монету, а также выпускать кредитные билеты.

в) *Президент*. Вторая статья Конституции устанавливает, что исполнительная власть принадлежит Президенту Соединенных Штатов, и определяет его полномочия, порядок избрания двухстепенными выборами и порядок привлечения к ответственности. Полномочия Президента сформулированы по типу принадлежавших тогда английскому королю (это единодушно признается американскими историками), но с двумя ограничениями: 1) для назначения важнейших должностных лиц Президент должен иметь согласие сената; 2) для заключения международных договоров это согласие должно быть дано двумя третями присутствующих сенаторов. Президент выбирается на определенный срок (4 года) и может быть привлечен к ответственности перед сенатом по постановлению палаты представителей.

г) *Суд*. Статья 3 организует судебную власть Соединенных Штатов, вверяемую Верховному и местным федеральным судам. В статьях Конфедерации никаких постановлений о суде Соединенных Штатов не было, так как судебная власть считалась иногда неотъемлемым признаком суверенитета, а члены Конфедерации, как мы видели, ревниво сохраняли суверенитет за собой. Передать судебную власть целиком в руки союзных органов составителям Конституции не удалось, так как штаты продолжали считать себя суверенными, настаивали на праве иметь свою судебную систему и соглашались передать лишь часть суверенных прав Союзу. Однако было твердо установлено, что суд Соединенных Штатов является высшим по отношению к судам штатов и рассматривает в первой инстанции все дела, касающиеся международного права, и все дела, где одной из сторон является государство.

Тем самым споры между штатами оказались в руках федерального суда. Конституция сочла нужным специально оговорить широкое применение суда присяжных и установить довольно широкое понятие измены Соединенным Штатам ("Будет состоять только в возбуждении войны против них, присоединения к их врагу и оказания ему помощи и поддержки").

Статья 4 устанавливала право конгресса определять правовую значимость судебных, нотариальных и иных публичных документов разных штатов, считая, однако, что в принципе, при отсутствии иных каких-либо постановлений конгресса, каждый штат должен доверять документам другого штата.

д) *Другие постановления.* Рядом с этим, в сущности второстепенным, постановлением были включены гораздо более важные нормы:

— об обязательности для штатов республиканской формы правления;

— о праве конгресса принимать в союз новые штаты и образовывать территории;

— о равноправии граждан любого штата с гражданами другого штата на его территории (однако раб, перешедший на территорию штата, где нет рабства, должен был быть выдан), и, наконец.

— о праве Соединенных Штатов вмешиваться во внутренние дела штата для подавления беспорядков по просьбе законодательного собрания или исполнительной власти этого штата (когда законодательное собрание не может быть созвано).

Здесь вновь выявилась тенденция к централизму и усилению полномочий федеральной власти, характерная для Конституции.

В этом же направлении идут постановления ст. 5 и 6, из которых ст. 5 сильно затрудняет инициативу штатов по вопросу об изменении Конституции, а ст. 6 устанавливает, что Конституция и законы Соединенных Штатов, установленные на ее основе, а равно все договоры, заключенные или которые будут заключены Соединенными Штатами, будут "верховным правом страны; судьи каждого штата будут им связаны, хотя бы в Конституции и в законах отдельных штатов встречались постановления, им противоречащие".

е) *Ратификация Конституции; ее "неподвижность".* Конституция входит в силу, согласно ст. 7, после ратификации ее девятью штатами. Порядок ее изменения чрезвычайно сложен. Статья 5 гласит: "Конгресс каждый раз, как две трети членов обеих палат сочтут это необходимым, будет предлагать поправки к настоящей Конституции или, по требованию законодательных собраний двух третей отдельных штатов, будет созывать конвент в целях предложения ему поправок. Поправка, прошедшая через конгресс или через конвент (случаев созыва конвента не было), должна быть ратифицирована или парламентами трех четвертей

штатов или специальными конвентами, образованными в трех четвертях из них, если конгресс так предложит".

Легко видеть, что такой порядок изменения крайне затруднял внесение поправок. И действительно, за полтораста лет своего существования Конституция имела лишь два десятка формальных "дополнений", десять из которых были приняты, как указано выше, тотчас вслед за основными статьями по требованию демократически настроенных небольших штатов. Общее число статей, принятых "в дополнение и изменение Конституции", — 22. Поскольку одна из них (18-я) — о запрете спиртных напитков в Соединенных Штатах, принятая в 1920 г., — была отменена 22-й, вошедшей в силу 5 декабря 1933 г., остается в действительности двадцать одно изменение Конституции.

Эти "поправки" исторически распадаются на три большие группы.

12 первых поправок, связанных с борьбой за права личности и права штатов, поправки 13—15, принятые в 60-х годах прошлого века, об отмене рабства и предоставлении избирательного права цветнокожим гражданам и, наконец, так называемые демократические поправки XX в. о расширении налоговых прав конгресса (16-я в 1913 г.), об изменении порядка выборов сената (с 1917 г. прямые выборы); о предоставлении женщинам избирательных прав (1920 г.) и др.

Действительная Конституция США. Было бы, однако, неправильно думать, что перечисленные выше формальные изменения исчерпывают собой историю развития Конституции Соединенных Штатов. Формально Конституция Соединенных Штатов почти не изменилась и действует сейчас в федерации из 48 членов с населением в 135 с лишним миллионов все еще в редакции XVIII в., хотя была принята в то время, когда население государства было в 40 раз меньше, число штатов равнялось 13 и экономический строй Соединенных Штатов был совершенно иным. Однако это — только внешность. В действительности конституционная мантия Соединенных Штатов, как выражаются американские юристы, незаметно обшивалась бахромой различных чрезвычайно важных законов и еще больше — конституционных соглашений, выработавшихся в практике конгресса, и прецедентов в решениях Верховного суда. Так получились как бы две конституции, из которых действующей является именно вторая, позднейшая.

"Размножение" США, его юридический порядок. Понять эту действенную Конституцию можно, лишь проследив ход исторического развития конституционного права в Соединенных Штатах в основных чертах. Здесь прежде всего надо отметить, что подтверждение Большого ордонанса Конфедерации о новых территориях Соединенных Штатов, последовавшее 7 августа 1791 г., не включено в Конституцию, хотя на его основе конституировалось большинство новых штатов.

Колоссальный колонизационный поток, шедший из Соединенных Штатов в западные территории и непрерывно поддерживавшийся прибывавшими из Европы эмигрантами, в течение всего XIX в. приводил к созданию новых и новых "территорий" и затем новых "штатов"[1].

Образование новых штатов имело место почти ежегодно и до 20 годов XIX в., затем, после пятнадцатилетнего промежутка (1821—1836 гг.), обусловленного "индейскими войнами" и спросом на рабочих в быстро развивающейся промышленности, процесс формирования новых штатов возобновился. С 70-х годов процесс начинает замедляться, хотя трижды были случаи, когда территории возводились в ранг штатов, так, сказать, пачками (1889, 1890, 1912 гг.)

Порядок создания, в основном намеченный ордонансом 1787 г., лишь отчасти дополнялся отдельными постановлениями конгресса. Обычно по достижении населением вновь колонизуемой области определенной цифры конгресс Соединенных Штатов давал области автономию с местным выборным законодательным собранием и губернатором по назначению Президента (с согласия сената). Губернатор имел право вето в отношении местных законов; такое же право вето и право изменить режим и вовсе упразднить область ("территорию") оставалось за конгрессом. Область могла посылать в конгресс своих представителей, но только с совещательным голосом. Затем, иногда спустя много времени, заселявшаяся область выражала желание о принятии ее в Союз и получала от конгресса согласие на избрание учредительного конвента для выработки конституции; условием принятия в Союз ставилась при этом республиканская форма нового государства и гарантия прав граждан — в частности, религиозная свобода. Затем область "самоопределялась" — выбирала конвент, вырабатывала конституцию и вотировала ее по общему правилу, народным голосованием. Конгресс постановлял принять в Союз нового сочлена "на равной ноге", Президент выпускал об этом торжественную декларацию и штат входил в Союз "как суверенное государство". Были, однако, случаи, когда области самоопределялись в штаты, не спросившись конгресса (Айдаго, Уайоминг), и когда штаты создавались путем отделения от другого штата (Вермонт, Кентукки, Мэйн, Западная Виргиния), или же путем отложения от соседей Мексики и вступления затем в Штаты (Техас в 1845 г. после де-

[1] Штаты Вермонт (1791), Кентукки (1792), Теннесси (1796), Огайо (1802), Луизиана (1812), Индиана (1816), Миссисипи (1817), Иллинойс (1818), Алабама (1819), Мейн (1820), Миссури (1821), Арканзас (1836), Мичиган (1837), Флорида (1845), Техас (1845), Айова (1846), Уисконсин (1848), Калифорния (1850), Миннесота (1858), Орегон (1859), Канзас (1861), Западная Виргиния (1862), Невада (1864), Небраска (1867), Колорадо (1876), Северная Дакота, Монтана, Южная Дакота, Вашингтон (1889), Айдаго, Уайеминг (1890), Юта (1896), Оклахома (1907), Новая Мексика и Аризона (1912).

сятилетнего существования в качестве независимой республики"[1]). В настоящее время Аляска и Гавайские острова остаются еще *территориями* Соединенных Штатов. О других их заокеанских владениях мы упоминаем ниже.

Как видно из сказанного, в истории Соединенных Штатов "суверенитет" отдельных штатов играл известную роль. Борьба штатов за этот суверенитет дважды очень обострялась — в период принятия упомянутых выше первого и второго циклов поправок к Конституции. Она закончилась, хотя не сразу, победой централизма.

Борьба за суверенитет: первый цикл поправок к Конституции. На первом этапе штаты стремились обезопасить себя от посягательств законодательной и судебной власти Федерации на расширение компетенции. Вводя в своих конституциях так называемые декларации прав — гарантии неприкосновенности личности, свободы печати, собраний и совестя, свободы против произвольных и жестоких наказаний и штрафов, свободы договоров и неприкосновенности частной собственности, — они пожелали закрепления таких же "неприкосновенных" для законодателя прав в федеральной конституции. Они требовали поэтому введения Билля о правах с указанным выше содержанием в Конституцию Соединенных Штатов, ставя это условием своего согласия на ее ратификацию. Желание штатов было исполнено, и, как мы знаем, два из них вступили в Союз только после проведения Билля о правах (первые десять поправок) в федеральном масштабе. Тем самым суверенитет штатов был подчеркнут.

Федеральная Конституция в своей ст. 3 содержала постановление о праве суда Соединенных Штатов принимать к рассмотрению иски к штатам со стороны их граждан или граждан другого штата. Многие штаты рассматривали это как посягательство на свой суверенитет, и в деле Олмстида, захватившего в 1778 г. английский корабль и требовавшего от штата Пенсильвания, которому корабль был передан, уплаты призовых денег, решение федерального суда, куда дело перешло с принятием новой Конституции, встретило организованное сопротивление властей штата. Федеральный суд сумел все же настоять на своей прерогативе разбирать призовые дела, и Олмстид получил свои деньги. Но в связи с одним чисто гражданским делом ("Чисхольма"), где спор шел о наследстве, штат Георгия поднял вопрос, поддержанный и другими штатами, о воспрещении федеральным судам принимать иски от граждан штатов против штатов, и это постановление стало одиннадцатой поправкой к Конституции, предложенной уже на III конгрессе в 1794 г. и вошедшей в силу в 1798 г.

Проведение этой поправки сопровождалось рядом грозных резолюций в отдельных штатах, в частности так называемой Вир-

[1] Texas — в испанском произношении Техас и в английском Техсас; мы принимаем первое произношение, перешедшее в русский язык.

гинской и Кентуккийской резолюциями 1798 г., где парламенты этих штатов утверждали право штата противиться незаконным расширениям компетенции со стороны центральной власти. Акты, принятые Союзом без делегации надлежащих полномочий в Конституции, объявлялись "пустыми" и "бессильными".

В 1799 г. Кентукки вторично декларирует, что "нуллификация этими суверенностями (штатами) всех неправомочных актов (Союза), совершенных при действии данного текста (Конституции) является правомерным действием".

Здесь заявляется решительно суверенитет штата и уже закладывается зерно доктрины нуллификации актов Союза со стороны штатов.

Под знаком утверждения суверенитета штатов проходит и двенадцатая поправка к Конституции 25 сентября 1804 г.; по этой поправке, в случае несоставления нужного большинства голосов выборщиков при избрании Президента США, он избирается депутатами конгресса, подающими голоса по штатам, причем представительство каждого штата имеет лишь один голос.

При проведении первых десяти поправок штаты утверждали свое право входить или не входить в Союз. При проведении одиннадцатой поправки они настаивали на своем праве самим решать, действуют ли или не действуют в них акты Конституции и суда, выходящие, по мнению штатов, за рамки Конституции. В двенадцатой поправке штаты подчеркивали обособленность своего представительства. Оставалось лишь заявить о праве суверенных штатов на выход из Союза по их усмотрению, что и было сделано в связи с возникновением вопроса об отмене рабства в южных штатах, вопроса, поведшего ко второму циклу поправок.

§ 3. Накопление противоречий и борьба между Севером и Югом

Экономическое развитие США; проблема рабочих рук. Рабство. Экономическое развитие Соединенных Штатов в конце XVIII и первой половине XIX в. отмечено большим своеобразием. Это своеобразие создавалось прежде всего: 1) наличием в Соединенных Штатах огромного резерва свободных земель, 2) свободной иммиграцией в штаты из Европы, 3) наличием рабовладения в южных штатах. Все передовое и энергичное, недовольное европейскими политическими порядками, стремилось в Америку. "Америка была, в конце концов, идеалом всех буржуа: богатая, обширная, развивающаяся страна с чисто буржуазными учреждениями без феодальной закваски или монархических традиций"[1].

[1] *Энгельс Ф.* Письмо к Вишневецкой 3 июня 1886 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXVII. С. 564.

Маркс в "Капитале" подчеркивал в 1867 г. особенности экономического развития Соединенных Штатов. "Экспроприация земли у народных масс, — писал он, — служит основой капиталистического способа производства. Сущность свободной колонии, напротив, заключается в том, что масса земли остается еще народной собственностью, и потому каждый поселенец может превратить часть ее в свою частную собственность и в свое индивидуальное средство производства, не препятствуя этим позднейшему поселенцу поступить таким же образом"[1].

Отсюда вытекали два следствия. Во-первых, восток Соединенных Штатов постоянно нуждался в рабочих руках, непрерывно отливавших на запад на вольные земли. Это вынуждало промышленников всячески рационализировать производство, применять новейшие изобретения и держать зарплату на сравнительно высоком уровне, который привлекал из Европы все новые и новые массы иммигрантов. Вторым последствием была систематическая экспроприация земель у их первоначальных обладателей — индейских племен. Эта экспроприация производилась частью стихийно, путем непосредственных насильственных захватов колонистами, частью в организованном порядке, путем покупки у индейцев земель, сопровождалась обманами и жестокостями со стороны белых, несколько раз приводила к отчаянным индейским восстаниям и закончилась уже во второй половине XIX в. вытеснением остатков индейцев в так называемые резервации — пустынные, мало пригодные для жилья земли.

В 1848 г. была основана специальная партия "фрисойлеров" ("свободной земли"), требовавших наделения поселенцев "участками общественной земли умеренной величины" бесплатно. "Все люди имеют естественное право на долю земли, — заявляли фрисойлеры в 1852 г. — Право на землю также священно, как и право на жизнь. Общественные земли США принадлежат народу и не должны ни отчуждаться индивидуумами, ни отдаваться обществам, но должны оберегаться как священное сокровище и раздаваться безземельным поселенцам небольшими участками".

Мечта американского мелкого буржуа и частично обуржуазившегося рабочего о собственной ферме и клочке земли выразилась тут очень ясно. Наряду с этим более радикальными элементами рабочего класса заявлялись требования о введении рабочего законодательства, о мерах по коренному улучшению положения пролетариата вообще.

Рабочие Соединенных Штатов заявляли резкий протест против южных рабовладельцев, "грабящих труд одной пятой части наших соотечественников"[2].

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. I. Гл. XXV // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVII. С. 839—840.

[2] *Шлютер Г.* Линкольн, рабочие и рабство. Нью-Йорк, 1913 (на английском языке). С. 59.

Север и Юг. Перед правящей буржуазией Соединенных Штатов, точнее, перед наиболее богатыми и промышленными кругами северных штатов, вставали задачи: 1) удержать по возможности рабочие руки на восточном побережье, 2) обеспечить переход на юге от плантационной системы сельского хозяйства, основанной на рабском труде, к капиталистической.

Первую задачу можно было решить лишь высокой заработной платой. Для этого с буржуазной точки зрения нужны были значительные прибыли. Средством получения таких прибылей считалось введение покровительственных таможенных тарифов. Такие тарифы были крайне невыгодны южным рабовладельцам.

Вторую задачу можно было решить отменой рабства: это было еще более неприемлемо для рабовладельцев Юга, добивавшихся, напротив, расширения плантационного рабства.

Истощение почвы и сравнительно малая производительность рабочего труда в южных штатах толкали рабовладельцев к захвату новых земель на западе и юго-западе, для организации там крупных плантаций. Старые южные штаты превращались в колонии для разведения рабов и ввода их на новые земли. Развитию рабовладения содействовало быстрое развитие бумагопрядения в Соединенных Штатах, нуждавшегося в хлопке, выращиваемом на Юге. "Воспитание негров", особенно после запрета ввоза их из Африки в 1808 г., стало "главным занятием так называемых пограничных рабовладельческих штатов. В 1790 г., когда в Соединенных Штатах была произведена первая перепись рабов, число их составляло 697 тысяч, а в 1861 г. уже почти 4 миллиона"[1]. Расширение рабства за пределы его старых границ и вместе с тем непрерывное расширение территорий становилось законом жизни для рабовладельческих штатов Союза. Нужно было приобретение новых территорий для того, чтобы одной части рабовладельцев с их рабами были предоставлены новые плодородные земли, а для другой — был создан рынок для продажи специально разводимых рабов.

Один из южных плантаторов, сенатор Тумбс, так формулировал этот экономический закон: "Если не произойдет большого увеличения рабовладельческой территории, то через 15 лет придется разрешить рабам убегать от белых или же белые должны будут убегать от рабов"[2].

В государственно-правовой жизни Соединенных Штатов южные помещики играли на первых порах очень крупную роль (Вашингтон, Медисон). Из их среды выходило большинство военных

[1] *Маркс К.* Капитал. Т. I. Гл. XIII // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVII. С. 487.

[2] *Маркс К.* Гражданская война в Северной Америке // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XII. Ч. 2. С. 24.

руководителей в войнах США, они пользовались своим влиянием, чтобы толкать Соединенные Штаты на приобретение всех новых земель на юге и юго-западе, будь то ценой покупки или военного захвата. Так были куплены территории Луизианы у французов в 1803 г., Флориды у испанцев в 1819 г. (преобразованные позже в штаты); так был всеми правдами и неправдами переманен от Мексики Техас. Так после упорных "мексиканских войн" при Президенте Полке в 1848 г. была отнята у Мексики почти половина ее тогдашней территории (теперешние штаты Аризона и Калифорния, часть Колорадо и Невады), правда, с уплатой Мексике 15 миллионов долларов. Одновременно была приобретена у России ее колония — бухта Русская, основанная Резановым на Тихоокеанском побережье Калифорнии неподалеку от теперешнего Сан-Франциско.

Белые поселенцы запада, занимавшие небольшие участки и обрабатывавшие их своим трудом, видели в появлении крупных плантаций крайне нежелательную конкуренцию и, естественно, сопротивлялись ввозу рабов в западные штаты. К этому присоединилось и моральное негодование людей труда против всякого порабощения.

Противоречия между развитым промышленным Севером и отсталым рабовладельческим Югом, вследствие своей отсталости задерживавшим общее экономическое развитие страны, становились все острее. Рабство делало невозможным развитие промышленности на самом Юге и препятствовало созданию рынка для сбыта товаров, вырабатываемых промышленностью Севера.

Борьба между Югом и Севером становилась "борьбой двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда"[1]. Борьба эта могла окончиться лишь победой одной из этих систем и, естественно, системы более прогрессивной, т. е. системы Севера.

Меры против рабства. Вопрос о "нуллификации" и "сецессии".

Начиная с 1808 г. северяне начинают воскрешать пункт Декларации независимости, предложенный когда-то Томасом Джефферсоном (впоследствии автором Билля о правах). Пункт этот гласил: "Английский король вел жестокую войну против самой человеческой природы. Он оскорблял наиболее священные права жизни и свободы лиц, принадлежавших к народам, далеко живущим отсюда, которые никогда не причиняли ему ничего дурного. Он захватывал их и обращал в рабство, в другом полушарии, причем часто они погибали ужасной смертью, не выдерживая перевозки. Эту войну, позорящую даже языческие государства, вел христианский король Великобритании".

[1] *Маркс К.* Гражданская война в Соединенных Штатах // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XII. Ч. 2. С. 251.

Этот антирабский пункт был выброшен из Декларации независимости по требованию южных плантаторов. О нем вспомнили и в 1808 г., когда ввоз рабов из Африки был запрещен. В 1820 г. палата представителей и сенат проводят постановление о запрещении рабства на новых территориях севернее 36°30′ северной широты[1]; постановление это не входит в Конституцию, но с этого времени начинается следующая практика: одновременно с принятием в Союз рабовладельческого штата принимают также штат свободный (так называемый "Миссурийский компромисс").

В 1828 г. северные промышленники проводят покровительственный тариф, сильно ударяющий по интересам южных штатов; южные плантаторы переходят в контрнаступление. В 1832 г. Южная Каролина постановляет, что она нуллифицирует тариф и применять его не будет. Талантливый южный юрист Келгун развивает в ряде сочинений теорию о праве суверенных штатов на нуллификацию всех актов Союза и на сецессию, т. е. на выход из Союза.

Из создавшегося положения практически было два выхода: или реорганизация Союза на основе рабства под непосредственным контролем рабовладельческой олигархии, или реорганизация его на основах капиталистической промышленности и земледелия, т. е. отмена рабства.

В первом случае "рабовладельческая система заразила бы весь Союз... В северных штатах... белый рабочий класс был бы малопомалу низведен до уровня илотов. Это вполне соответствовало бы громко провозглашенному принципу, что только определенные расы способны к свободе, что если на юге труд является уделом негров, то на севере он является уделом немцев и ирландцев или их прямых потомков"[2].

Во втором случае самое ограничение рабства определенной территорией, не говоря уже о его прямой отмене, сокрушило бы экономическую мощь южных плантаторов. Им приходилось поэтому пробовать отделиться от Союза и вести вооруженную политику распространения рабства в Мексике, Центральной и Южной Америке.

Отделение десяти южных штатов. Американский рабочий класс не желал сходить "до уровня илотов" и на президентских выборах 1860 г. дал победу Аврааму Линкольну (в своем прошлом дровосеку, позже юристу), одному из деятелей прогрессивной буржуазии XIX в., приветственный адрес которому не отказался подписать Карл Маркс. Партия республиканцев, во главе которой сто-

[1] "Этот географический барьер был в свою очередь опрокинут в 1854 г. так называемым биллем Канзас-Небраска" (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XII. Ч. 2. С. 237).

[2] *Маркс К.* Гражданская война в Соединенных Штатах // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XII. Ч. 2 С. 251.

ял Линкольн, поставила лозунгом отмену рабства. Почти тотчас же (20 декабря 1860 г.) штат Южная Каролина и другие присоединившиеся к нему штаты на конгрессе в Монтгомери решили отделиться от Союза и приняли 11 марта 1861 г. свою новую Конституцию Конфедеративных штатов Америки, которую Маркс характеризовал как господство олигархии рабовладельцев[1].

Конституция на бумаге подчеркивала суверенитет штатов, но умалчивала о праве их выхода и фактически создавала лишь военную диктатуру конфедеральных властей.

Конституция предоставляла конфедеральным штатам право приобретать новые территории и преобразовывать их в новые штаты, утверждала, что во всех таких территориях институт негритянского рабства должен быть "признан и защищен", и больше того, "обеспечивается право" ввозить в такие территории рабов.

Комментируя новую Конституцию, вице-президент Конфедерации, южный сенатор Стифенс в 1861 г. развивал теорию неравенства белой и африканской расы. "Краеугольным камнем нового правительства, — говорил он, — является великая истина: негр не равен белому; рабство негров — это подчинение высшей расе, это их естественное и нормальное состояние"[2]. Другой сенатор Юга Спратт воскликнул: "Для нас дело идет о создании великой рабовладельческой республики"[3].

Гражданская война. Понимая непрочность своего положения в окружении 4 миллионов рабов и нескольких миллионов "белых бедняков", по интересам которых разрыв торговых отношений с Севером бил очень больно, рабовладельцы Юга первыми начали военные действия против Севера. По призыву Линкольна американский народ поднял и двинул громадные добровольческие армии, среди которых видную роль играли немецкие и ирландские революционеры-эмигранты (из них в значительной мере сложились офицерские кадры). Борьба на суше и на море велась в течение четырех лет. Заранее готовившиеся к войне южане не раз одерживали крупные успехи. Англия и Франция, нуждавшиеся в южном хлопке и встречавшие препятствия к его получению в объявленной северянами блокаде южных штатов, косвенно поддерживали южан и даже нарушали нейтралитет в их пользу.

Были моменты, когда сторонники северных штатов в Европе готовы были отчаяться, но пристально следивший за ходом борьбы

---

[1] *Маркс К.* Письмо к Энгельсу 1 июля 1861 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXIII. С. 31. В рабовладельческую конфедерацию вступили: Южная Каролина, Флорида, Миссисипи, Алабама, Георгия, Луизиана, Техас, Восточная Виргиния, позже Теннесси и Арканзас.

[2] *Родс.* История Штатов. Т. III. С. 211—212. Нью-Йорк, 1920 (на английском языке).

[3] *К. Маркс.* Гражданская война в Северной Америке / *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XII. Ч. 2. С. 236.

Маркс был неизменно убежден в победе Севера. Он считал, что экономически невозможна реконструкция Соединенных Штатов на рабовладельческой основе. "Это невозможно, и этого не случится"[1], — утверждал он и оказался прав. Громадные промышленные ресурсы Севера, воодушевление его войск, благожелательно нейтральная позиция, занятая русским правительством (находившимся в очень натянутых отношениях с Англией и Францией после польского восстания), в конце концов привели к перелому войны и разгрому южных армий. Немалую роль в окончательных победах северян сыграли отряды освобожденных рабов, свобода которых была провозглашена Линкольном 1 января 1863 г. Немалое моральное значение также имел "акт о земельных наделах" для поселяющихся на общественной земле ветеранов войны, подписанный Линкольном 20 мая 1862 г. Капитуляция южных штатов окончательно решила вопрос о преобладании в Союзе северо-восточных штатов лишь с некоторым противовесом фермерских штатов Дальнего Запада. "История войны — это история триумфа принципа национального суверенитета"[2], т. е. суверенитета Федерации.

Победа "национального суверенитета". Второй цикл поправок к Конституции. Федерация устояла и упрочилась, и в ней начал наблюдаться быстро развивающийся централистский уклон. Права конгресса, при неизменном содействии федерального суда, расширялись год от года.

Одним из первых проявлений роста централизации после гражданской войны было проведение в 1868 и 1870 гг. 13-й, 14-й и 15-й поправок к Конституции. Поправки эти устанавливали, что в США не будет ни рабства, ни подневольной службы, "за исключением тех случаев, когда такое состояние является наказанием за преступление"; далее, что все лица, рожденные или натурализованные в США, являются равноправными гражданами Соединенных Штатов и штата, где они живут; наконец, что права граждан Соединенных Штатов на участие в выборах не будет отрицаемо или ограничиваемо Соединенными Штатами или отдельными штатами под предлогом расы, цвета кожи или прежнего рабского состояния. Говоря иными словами, устанавливалось освобождение и равноправие цветнокожих граждан Соединенных Штатов, причем — и это существенно для роста полномочий центра — конгресс получал право "путем соответствующего законодательства побуждать штаты к исполнению" новых дополнительных статей. В период 1865—1870 гг. и был принят ряд мер по реконструкции управления южных штатов, которые один за другим принимались обратно в Союз по мере формального включе-

[1] *Маркс К.* Письмо к Энгельсу 10 сентября 1862 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXIII. С. 107.

[2] *Вильсон.* Государственный строй США (русский перевод). 1909. С. 33.

ния в свои конституции дополнений, соответствующих упомянутым поправкам к Конституции Соединенных Штатов. Следует, однако, заметить, что, получив значительные полномочия по установлению расового равноправия, конгресс почти совсем не использовал их для действительного уравнения негров и индейцев с белыми. Индейцев продолжали оттеснять на пустынные земли и под предлогом неплатежа налогов не допускать к голосованию. Три с половиной миллиона невольников-негров, в том числе 800 тысяч детей, оказались "свободными гражданами", но эти свободные граждане, вопреки предполагавшемуся наделению каждого из них "клочком земли и мулом", оказались освобожденными без какой бы то ни было земли и орудий производства. Нищета среди них была настолько тяжела, что для них стали собирать пожертвования не только в Соединенных Штатах, но даже во Франции.

"Черные кодексы". Южные рабовладельцы не замедлили использовать положение. Во всех южных штатах были проведены так называемые "черные кодексы" или законы "об ученичестве" освобожденных негров (по образцу таких же законов, проводившихся в английских колониях в 30-х годах). Согласно закону об ученичестве в Миссисипи все недостигшие 18 лет негры отдавались какому-либо белому "для подготовки к свободной жизни"; хозяин или хозяйка обязаны были кормить и одевать негра, "обращаться с ним гуманно", лечить его и научить его читать и писать, но зато имели преимущественное право пользования его трудом и право применять к негру "умеренные телесные наказания". Как легко догадаться, практически полное осуществление получили лишь последние два "права".

В отношении взрослых негров были установлены законы о бродяжничестве. Все негры, оказывавшиеся без работы, обвинялись в бродяжничестве и подвергались крупному штрафу, а при неуплате такового отправлялись на принудительные работы.

Аналогичные постановления содержали "черные кодексы" других штатов. Законодатели Южной Каролины запретили для негров ряд профессий (ремесленника, механика, лавочника и т. д.) и тем самым положили начало так называемому "джимкроуизму", т. е. политике законодательных ограничений черных по сравнению с белыми. Член конгресса Джим Кроу под предлогом предупреждения столкновений черных и белых внес законопроект о ряде ограничений для негров в смысле перевозки их в особых вагонах, поселения в особых кварталах, обучения в особых школах и т. д. Идеи этого законопроекта были воплощены в законах ряда штатов, дойдя до воспрещения в 30 штатах браков между белыми и черными, причем такие браки признаются незаконными и нарушители запрета подвергаются тюремному заключению до десяти лет (штаты Флорида и Мериленд). Эта политика начала посте-

пенно проникать в законодательство северных и западных штатов (Делавер, Монтана). Большая часть южных штатов ввела для избирателей ценз грамотности и практическую проверку грамотности превратила в сложный иногда экзамен, чем и ухитрилась обойти 15-ю поправку к Конституции. Конгресс смотрел на это сквозь пальцы, как, в сущности, сквозь пальцы смотрел и на террористические действия тайных обществ рабовладельцев ("ку-клукс-клан"), направленные к порабощению негров, и на политику южных судов по сдаче негров за мнимое бродяжничество в отработки на плантации (так называемое уголовное рабство), что привело к эксплуатации худшей, чем при прежних условиях прямого рабовладения (48% смертности среди чернокожих уголовных рабов). Вполне терпимое отношение встречали и бессудные расправы белых с неграми на Юге, известные под именем суда Линча.

РАЗДЕЛ 2

ОТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Глава 9. ПАРИЖСКАЯ КОММУНА (18 МАРТА 1871 г. — 28 МАЯ 1871 г.)

§ 1. Первые мероприятия Коммуны

С 70-х годов начинается период упадка капитализма и перерастание старого "свободного" капитализма в империализм. Этот новый период открывается Парижской коммуной, нанесшей капитализму первый удар.

Событиями, предшествовавшими Коммуне, были катастрофическое поражение Франции в войне с Пруссией, приведшее к осаде Парижа пруссаками, падение II империи, учреждение во Франции республики, в которой власть захватила буржуазия, сразу же ставшая преследовать свои узкоклассовые цели и из страха перед рабочими попытавшаяся их обезоружить. Это последнее как раз и вызвало взрыв. "После шестимесячного голодания, — писал Маркс, — и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают над прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто враг не стоял еще у ворот Парижа"[1].

18 марта 1871 г. население Парижа восстало против правительства Тьера. Национальная гвардия, т. е. организованный и вооруженный рабочий класс Парижа, провозгласила Коммуну. Ее временным органом — впредь до выборов Совета Коммуны — явился Центральный Комитет Национальной гвардии, немедленно пославший своих комиссаров во все министерства, во все государственные учреждения Парижа и провинции и в муниципалитеты. Центральный Комитет Национальной гвардии 19 марта объявил в правительственной печати: "министерства организованы", — подчеркивая этим общегосударственный, а не муниципальный характер правительства Коммуны.

В десятидневный период — с 18 по 28 марта — Центральный Комитет проделал громадную работу по слому старой и созданию

[1] *Маркс К.* Гражданская война во Франции. М., 1938. С. 83.

новой машины государственной власти. Он отменил осадное положение и уничтожил военные суды. Части постоянной армии были распущены. Полиция была ликвидирована. Охрана общественного порядка возложена была на отряды Национальной гвардии. Была отсрочена на разные сроки, "в зависимости от размеров", квартирная плата, установлен 6-месячный мораторий по векселям и разрешен бесплатный возврат необходимейших вещей, заложенных в ломбарде; для помощи нуждающемуся населению Центральный Комитет распределил через окружные комитеты 1 млн франков.

Назначив уже 19 марта выборы Совета Коммуны и призывая в своих воззваниях голосовать "за республиканцев и социалистов", ЦК писал: "Права города так же незыблемы, как и права нации: город, как и вся нация, должен иметь свое собрание, которое будет называться муниципальным или коммунальным собранием или коммуной. Члены муниципального собрания подлежат непрерывному контролю, наблюдению и критике общественного мнения, они могут быть отозваны, должны давать отчет о своих действиях и нести полную ответственность".

Задача восставшего пролетариата "состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать эти функции ответственным слугам общества"[1].

§ 2. "Декларация к французскому народу"

Эти основные линии государственного устройства были подтверждены в опубликованной 19 апреля Советом Коммуны "Декларации к французскому народу". Декларация требует признания и укрепления республики, понимаемой как свободный союз совершенно автономных коммун, организованных по типу Парижской. Автономия распространяется на все местности Франции и обеспечивает "каждой из них — полноту ее прав, а каждому французу — беспрепятственное пользование своими способностями и дарованиями, как человека, гражданина и работника. Автономия Коммуны будет ограничена только равным правом на автономию всех прочих коммун, примыкающих к ней и подписавших договор, союз которых должен обеспечить единство Франции".

Как "права, присущие Коммуне", Декларация указывает вотирование бюджета Коммуны, управление принадлежащими Коммуне имуществами и местными общественными службами, орга-

[1] *Маркс К.* Гражданская война во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. III. Ч. 2. С. 314.

низацию своего суда, внутренней полиции, народного образования, городской обороны и Национальной гвардии, избирающей своих начальников, избрание или назначение по конкурсу судебных и всяких других должностных лиц Коммуны, на условиях личной ответственности, под постоянным контролем Коммуны и с правом их отозвания.

Эта часть Декларации заканчивается словами, намечающими государственную организацию республики в целом: "Париж не хочет ничего больше в смысле местной гарантии, — при условии, разумеется, что центральная администрация, состоящая из делегатов, объединенных федерацией коммун, будет осуществлять и проводить в жизнь те же самые принципы".

Как основной конституционный документ, Декларация имеет тот недостаток, что в ней не уточнена организация центрального и местного государственного аппарата республики, не изложена избирательная система, прямо ничего не говорится о деревне и крестьянстве. Нет в Декларации и четких формулировок о социалистическом характере республики, хотя Декларация и отмечает, что "Коммунальная революция... это — конец старого правительственного и клерикального мира, конец милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий и привилегий, которым пролетариат обязан своим рабством, а родина — своими несчастиями и поражениями".

§ 3. Система рычагов диктатуры в Коммуне

Отсутствие руководящей партии в Парижской коммуне лишало механизм пролетарской диктатуры той основной силы, которая могла бы обеспечить руководство массами через систему рычагов или приводов от партии к массам. Поэтому применительно к Парижской коммуне говорить о системе рычагов, приводов, которая соединяет массы с ведущим авангардом, можно только условно.

Федеральный совет парижских секций "Международного товарищества рабочих" по составу своему был в большинстве прудонистским. Не являясь направляющей классовой силой, повседневное руководство которой так нужно было пролетариату, Федеральный совет все же сыграл известную роль.

Профсоюзный рычаг или привод, в лице Федерального совета (палаты) рабочих объединений, был в общем в таком же состоянии, как и Федеральный совет секции "Международного товарищества рабочих", и на его массовой базе особенно отразились мобилизации и безработица. Из профессиональных союзов надо отметить союзы металлургов и механиков, боровшиеся за реализацию декрета Коммуны о национализации покинутых хо-

зяевами промышленных предприятий, профсоюзов булочников, проведший декрет о запрещении ночного труда в булочных, федерацию художников, проделавшую большую работу по перестройке работы в области народного просвещения, а также ряд других профсоюзных организаций, сыгравших большую роль в ломке старого и создании нового государственного аппарата.

До известной степени характер рычага в системе диктатуры пролетариата имел Центральный республиканский комитет национальной обороны 20 округов Парижа, опиравшийся на свои окружные комитеты бдительности.

Одним из главных рычагов Коммуны являлась Национальная гвардия с ее Центральным Комитетом во главе. Сознавая свою силу и свои классовые задачи, руководящее ядро Центрального комитета провело новый устав Национальной гвардии, в первых ведущих параграфах определенно носящий не парижский, а общереспубликанский характер. И эти параграфы Центральный Комитет Национальной гвардии стал последовательно проводить в жизнь, рассылая своих делегатов в крупные города Франции для установления связей и инструктирования Национальной гвардии этих городов.

За исключением обоих федеральных советов, не устанавливавших официальной связи с Советом Коммуны, все остальные перечисленные здесь организации как бы объединялись вокруг Совета Коммуны, признавая в заявлениях, сделанных их делегациями в первом же заседании Совета Коммуны, ее верховенство. Но ясно, что Совет Коммуны не мог играть роль последовательного руководителя и направляющей силы в системе пролетарской диктатуры.

В апреле создались женские окружные комитеты, создавшие свой Центральный комитет Союза женщин по защите Парижа и помощи раненым, функции которого далеко выходили за эти рамки. Союз становится весьма существенным рычагом в системе пролетарской диктатуры.

К числу рычагов надо отнести далеко выходящий за пределы Парижа республиканский Союз департаментов, представлявший свыше 100 тысяч живущих в Париже уроженцев различных департаментов, стремившийся объединить вокруг Парижской коммуны провинциальную Францию.

Наконец, надо упомянуть объединение народных клубов, игравших значительную роль во всех революциях Франции.

§ 4. Избирательная система

До выборов Совета Коммуны, состоявшихся 26 марта, правительством являлся, как мы уже знаем, ЦК Национальной гвар-

дии. В п. 1 Устава Гвардии говорилось: "Республика, являясь единственным правительством права и справедливости, стоит выше всеобщего голосования, которое само создано республикой" и, следовательно, — может в случае надобности для своего сохранения ограничивать всеобщее избирательное право. 200 тысяч вооруженных пролетариев — членов Национальной гвардии — избирали орган своего самоуправления открытым голосованием, неравным, поскольку некоторые преимущества предоставлялись выборному командному составу, и не прямым, а двух- (батальонные советы), трех- (легионные советы) и даже четырехстепенным (сам ЦК Национальной гвардии).

За основу выборов Совета Коммуны взят был избирательный закон 1849 г. Но что касается всеобщего избирательного права, то незачем было применять п. 1 Устава, так как несколько десятков тысяч "лишенцев" бежало из Парижа вместе с правительством Тьера, а оставшиеся объявили в своих газетах бойкот выборов, если не будет принят ряд их условий.

И в принципе и на практике предоставлялось избирательное право женщинам.

Что касается тайного голосования, то Центральный Комитет выразил желание, чтобы в будущем голосование было поименное, так как эта форма более всего соответствует демократическим принципам. Предместья вняли этому и голосовали подписанными карточками.

Говоря о непрямых выборах Коммуны, Маркс замечает: "Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания должны были в свою очередь посылать уполномоченных в Национальное собрание, заседающее в Париже; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкций своих избирателей (императивный мандат) и могли быть сменены во всякое время"[1].

§ 5. Государственная организация

Совет Коммуны, ее высший орган власти, был избран в составе 80 человек. Почти половина была из рабочих, остальные — служащие и лица интеллигентных профессий. Среди них были и бланкисты, и якобинцы, и прудонисты, и беспартийные. Твердого большинства никогда не было.

Это наложило отпечаток на организацию деятельности Совета Коммуны, который стремился построить свою работу на началах широкого, но отвлеченного демократизма, не считаясь с окру-

[1] *Маркс К.* Указ. соч. С. 314.

жающей политической обстановкой. Он не создал постоянного президиума Совета, а избирал его лишь на неделю; не создал было даже постоянного секретариата, но наплыв обращений от широких кругов трудящихся и самый ход работы побудил Совет Коммуны учредить генеральный секретариат.

Большим достижением Совета Коммуны было стремление явиться "совокупностью комиссий, работающих совместно, а не парламентом, где каждый стремится сказать свое слово" (протоколы Коммуны, с. 321). Совет Коммуны выбрал из своего состава 10 комиссий: труда и обмена, общественных служб, продовольственную, просвещения, юстиции, военную, общественной безопасности и внешних сношений.

Для объединения и согласования работы этих комиссий была избрана Исполнительная комиссия, которая должна была организовать контроль за исполнением декретов Коммуны. Но недостатки в организации комиссий, отсутствие в них ответственных руководителей и неудовлетворительность состава Исполнительной комиссии, не справлявшейся со своими функциями, вызвали реорганизацию комиссий: во главе каждого ведомства ставился делегат Совета Коммуны, а комиссии превращались в своеобразные контрольно-совещательные коллегии при этих делегатах. Все 9 делегатов составляли Исполнительную комиссию Совета Коммуны, объединившую и направлявшую их согласованную работу.

Ближайшая неделя показала неудовлетворительность такой организации Исполнительной комиссии: ее 9 делегатов, возглавлявшие всю громадную сложную работу комиссий — министерств Коммуны — в исключительно напряженной и усложняющейся обстановке не находили почти времени для совместных заседаний по общекоммунальным делам. Усиливались требования и в Совете Коммуны, и на местах о создании Советом Коммуны властною Исполнительного комитета или Комитета общественного спасения по аналогии с таким же комитетом эпохи Конвента.

30 апреля 1871 г. Совет Коммуны принял следующий декрет из 3 статей: I. Немедленно организуется Комитет общественного спасения. II. Он составляется из 5 членов, назначаемых Коммуной путем голосования каждого кандидата в отдельности. III. Этому комитету даются самые широкие полномочия в отношении делегаций и комиссий. Комитет ответственен только перед Коммуной.

После переправы наступавших на Париж версальцев на левый берег Сены Совет Коммуны избрал Комитет общественного спасения и объявил его заседания непрерывными.

В общем и целом Совет Коммуны выполнял функции и законодательные в своих декретах, и исполнительные в лице своих комиссий, возглавлявших ведомства и судебные функции, как единственная судебная инстанция по делам депутатов Коммуны и как высшая инстанция по военно-судебным делам.

Исходя из условий исторической обстановки, Маркс писал в "Гражданской войне", что "Коммуна должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы"[1].

Организация, компетенция, функции, линия работы возглавляемых комиссиями нового государственного аппарата Коммуны, разрушившей старый госаппарат, не могли полностью развернуться в несколько недель работы в исключительно тяжелых условиях. Характерные черты этой части госаппарата Коммуны будут отмечены при рассмотрении отдельных комиссий; здесь надо отметить черты общие для коммунальных ведомств в целом.

Несмотря на организованный правительством Тьера саботаж и бегство большинства чиновников, ставшие у власти коммунары добились нормальной работы ведомственного аппарата. Они привлекли к работе оставшихся технических и часть других служащих. Выдвинули из своей среды ведущих работников. Установив высшие ставки жалования ниже декретного максимума, они подняли размеры низших ставок. Штаты ведомств были сокращены в среднем на 75%, структура была упрощена. Ведомства тесно связывались со своей производственной базой, откуда черпали кадры, применяя в ряде случаев конкурс и экзамены, знания для которых обычно получались поступающими в порядке предварительного стажирования. Но в обоих оборонных ведомствах — Военной комиссии и Комиссии общественной безопасности, где нужны были квалифицированные специалисты, рабочие массы не могли в короткий срок создать их, и это тяжело отражалось на обороне и на борьбе с контрреволюцией.

Иначе обстояло дело в ведомствах производственно-хозяйственных, Комиссии труда и обмена, Комиссии общественных служб, Продовольственной комиссии и Комиссии финансов. Комиссии эти справлялись успешно со своими сложными текущими задачами, обслуживая и оборону Парижа и в то же время делая шаги в области социалистического строительства.

В первую очередь это относится к *Комиссии труда и обмена.* Она установила тесную связь с профсоюзами и др. рабочими организациями, предоставив им помещение в одном из бывших министерств и привлекши их представителей к разработке законов и мероприятий, необходимых рабочему классу, и к контролю за их выполнением.

Из мероприятий комиссии надо отметить создание комиссий по обследованию и организации труда, подкомиссии общественных работ, закрытие частных посреднических бюро по найму рабочей силы, организацию биржи труда, организацию обеспечения инвалидов труда, урегулирование труда женщин и подростков.

[1] *Маркс К.* Указ. соч. С. 313.

Комиссия общественных служб реорганизовала их в интересах трудящихся в области транспорта, водоснабжения, в области обеспечения жилищами особенно пострадавших от военных действий, опираясь в своей работе на окружные органы Коммуны.

Финансовая комиссия бесперебойно финансировала работу Коммуны с 19 марта до конца мая. За это время комиссия израсходовала 46 300 тыс. франков, из которых 16 960 тыс. было получено из продолжавшего функционировать Национального банка; остальные покрыты доходами, из которых налоги составили 12 млн. Из этого бюджета Коммуны около 40 млн франков было израсходовано на военные нужды.

Комиссия просвещения опиралась в значительной мере на организованные в ней 3 Комитета по делам обучения, Комитет федерации художников и Комитет федерации артистов зрелищных предприятий. К работе комиссии привлечены были выдающиеся силы, в их числе знаменитый ученый Э. Реклю. Через Комитет обучения проводились мероприятия по средним школам, по освобождению школы от влияния церкви, по организации профессионального образования, по улучшению материального положения учителей и учительниц. По высшей школе, особенно по восстановлению работ медицинского факультета, брошенного бежавшими в Версаль профессорами, работал Комитет из делегатов преподавателей, студентов и врачей, который занялся реформой высшей школы. Комиссией просвещения были реорганизованы музеи, библиотеки, было установлено бесплатное снабжение школьников учебными пособиями и проведен ряд других мероприятий.

Комиссия юстиции провела коренную перестройку судоустройства и судопроизводства, ряд мероприятий по борьбе с контрреволюционной буржуазией, бесплатное совершение актов гражданского состояния, реорганизовала работу нотариата, оценщиков, судебных приставов.

Комиссия внешних отношений должна была установить, с одной стороны, дипломатические отношения с иностранными государствами и политические связи с трудящимися этих стран, а с другой стороны — связь с городами, департаментами, округами и деревнями Франции; но в первой области задач комиссией ничего не было достигнуто, кроме признания ее de facto командованием прусской армии под Парижем; она даже не связалась с парламентариями — социалистами и демократами разных стран, а внутри Франции не сумела достаточно поддержать и укрепить революционное движение различных местностей.

В области организации местного управления большим достижением была постановка работы в 20 округах Парижа. Здесь Коммуна не пошла по путям формальной демократии — выборов ок-

ружных муниципалитетов, несмотря на неоднократные требования этого со стороны некоторых кругов. Декретом Совета Коммуны 30 марта руководство округами было возложено на депутатов Коммуны от данного округа с организуемой при делегации комиссией, составляемой делегатами из актива округа.

Эта система централизации руководства при децентрализации деятельности вполне себя оправдала в тех трудных условиях; в порядке живой связи с массами и по их инициативе Совет Коммуны издал и осуществил ряд декретов.

§ 6. Государственная связь Коммуны Парижа с провинцией

Движение в провинции, благоприятствовавшее укреплению Коммуны, шло по двум линиям. С одной стороны, в крупных центрах — Лионе, Марселе, Тулузе, Лиможе, Нарбонне, Дижоне, Лилле, Сэнт-Этьене, Руане — возникали коммуны, причем в некоторых городах — дважды; при вторичном возникновении Коммуны в Марселе она устранила префектуру департамента и создала вместо нее свою комиссию.

С другой стороны, благоприятное Коммуне движение поддерживали созданные одновременно с Центральным республиканским комитетом в Париже — республиканские комитеты защиты и бдительности почти во всех городах Франции и значительная часть ее муниципалитетов. Видя это, правительство Тьера срочно назначило (на 30 апреля) перевыборы всех муниципалитетов — городских и сельских, в результате чего из 700 000 (в круглых цифрах) членов муниципальных советов, которые были выбраны в 35 000 общин, 200 были легитимистами, 600 орлеанистами, 700 бонапартистами, все остальные — республиканцами или коммунистами. Новоизбранные муниципалитеты хотели в целях мирного разрешения борьбы между двумя правительствами во Франции созвать свой съезд в Бордо, но правительство Тьера запретило это и повело борьбу против новых муниципалитетов.

§ 7. Гражданское и уголовное законодательство Коммуны

Подобно тому, как в начавшейся в сентябре 1870 г. революционной борьбе рабочего класса и других трудовых слоев стали складываться зародыши государственной власти социалистического государства, так в этой борьбе стали складываться элементы социалистического правосознания и правотворчества, связан-

ные с тенденциями новых социалистических общественных отношений.

Ставшие у власти Центральный Комитет Национальной гвардии и затем — Совет Коммуны в первых своих декретах двукратно санкционировали наиболее настойчиво выдвигавшиеся неотложные требования трудящихся. За короткие 9 недель власти Коммуна не могла развернуть систему социалистического законодательства и ограничилась декретами, отражающими неотложные задачи борьбы.

В *области гражданско-правовой* наиболее значительным по своим социалистическим тенденциям был декрет 16 апреля о брошенных хозяевами промышленных предприятиях.

Еще ЦК Национальной гвардии, став у власти, объявил об отсрочке квартирной платы, долговых платежей, о возвращении заложенных в ломбарде необходимейших домашних вещей, белья и одежды без выкупа. Совет Коммуны в декретах, детально разработанных применительно к имущественному положению заинтересованных лиц, стал реализовать эти мероприятия. 25 апреля Совет Коммуны издал декрет о реквизиции пустующих квартир, которые окружными муниципалитетами должны были передаваться в первую очередь пострадавшим от военных действий.

В *области трудового права* надо отметить прежде всего утвержденный Коммуной устав Луврских мастерских по ремонту и починке оружия, которым вводился рабочий контроль на производстве, по-видимому распространенный на все промышленные предприятия военного производства. Затем — постановление Коммуны об уполномочии Комиссии труда и обмена пересмотреть все контракты Коммуны о поставках и подрядах с тем, чтобы они в первую очередь заключались с рабочими, кооперативными ассоциациями, чтобы условия и цены устанавливались специальными комиссиями и оговаривался бы минимум заработной платы.

Декретом 4 апреля устанавливался высший размер заработной платы в 6000 франков в год (которого никто не получал). Депутатам Совета Коммуны установлена была ставка — 15 франков в день. Другим декретом были запрещены штрафы и вычеты из заработной платы.

Был запрещен ночной труд в булочных. Были закрыты частные посреднические конторы по найму рабочей силы, и затем были организованы биржи труда при окружных мэриях.

По *линии уголовного права* были изданы декреты о привлечении к судебной ответственности членов версальского правительства с арестом и секвестром их имущества, о привлечении к суду всех сообщников версальского правительства и о заложниках.

Что касается общеуголовной преступности, то, как отмечают позднейшие официальные источники, в период Коммуны она была ниже обычного уровня.

Судоустройство и судопроизводство подверглось крупным изменениям в ряде декретов и связанных с ними мероприятиях комиссий юстиции. В результате оформилась новая система общегражданских судов, состоявшая из мировых судов, палаты гражданского суда и обвинительного жюри по делам версальцев.

Мировые судьи разбирали и гражданские и уголовные дела; судьи эти должны были избираться всеобщим голосованием, но временно назначались и Исполнительной комиссией и Комитетом общественного спасения из тех бывших судей, которые обязывались "применять новые принципы, внесенные в законодательство революцией 18 марта".

Палата гражданского суда была создана постановлением Коммуны 12 мая "для рассмотрения неотложных дел" в порядке упрощенного судопроизводства, которое тем самым ускорялось и удешевлялось для заинтересованных кругов трудящихся.

Постановление об организации обвинительного жюри было принято 5 апреля Советом Коммуны в ответ на зверства версальцев; "Положение о жюри" было принято только 22 апреля, состав жюри был избран Советом Коммуны 6 мая, а функционировать жюри начало лишь 20 мая, т. е. через полтора месяца после постановления о создании этого органа для борьбы с контрреволюцией, отнюдь не бездействовавшей эти полтора месяца; в то же время "Положение о жюри" заключало ряд либеральных гарантий для обвиняемых; все это ослабляло судебную репрессию против врагов Коммуны.

Большим достижением Положения об обвинительном жюри был раздел о присяжных, которым разрушались прежние ограничения и цензы для выборов присяжных, в частности возраст снижался с 30 до 17 лет — как для поступления в Национальную гвардию, которая и избирала присяжных, причем не только для обвинительного жюри, но во всех случаях участия присяжных в суде.

Пункт III Положения о суде присяжных гласил: "Функции общественного обвинителя выполняют прокурор Коммуны и его четыре заместителя, непосредственно избранные Парижской коммуной". Так создана была прокуратура Коммуны, в деятельности своей далеко выходившая за пределы функций судебного обвинения, тесно связанная с работой Комиссии общественной безопасности и Комиссии юстиции, а потом Комитета общественного спасения.

Парижская коммуна вошла в историю, как прообраз советской власти. "Ее настоящей тайной было вот что: она была по сути дела *правительством рабочего класса*"[1]. При всех ошибках и не-

[1] *Маркс К.* Указ. соч. С. 316.

достатках Коммуны это была “диктатура пролетарского большинства, диктатура массы, направленная против буржуазии, против меньшинства”[1]. “Народ, как “единственный властитель”, “не диктатура одного человека, а всего народа” — вот чем была Парижская коммуна”[2], — говорил Сталин, цитируя слова участников Парижской коммуны.

[1] *Сталин И. В.* Анархизм или социализм? // Соч. Т. 1. М., 1946. С. 371.

[2] Там же. С. 370.

Глава 10. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ФРАНЦИИ В 1871—1918 гг.

§ 1. Развитие политических партий

Относительная слабость промышленного капитала. В середине XIX в. Маркс писал о Франции: "Французская промышленность не господствует над французским производством, поэтому французские фабриканты не господствуют над французской буржуазией"[1]. Правда, 20 лет спустя промышленный капитал вышел из-под опеки Второй империи окрепшим, но далеко не настолько независимым и сильным, чтобы повести в политике свою собственную линию. Достоверные данные говорят о том, что даже в начале XX в. мелкое производство занимало еще очень видное место в экономике страны. Соотношение чисел городского и сельского населения свидетельствовало, что это страна полуземледельческая: в 1871 г. городского населения насчитывалось свыше 31%, а сельского около 69% (да и в 1921 г. городское население все еще составляло 46,5% против 53,5% сельского). Малочисленность крупных городских центров представляла другой немаловажный признак скромного удельного веса промышленности и торговли в национальном хозяйстве: городов, насчитывавших свыше 100 тысяч жителей, было во Франции даже в 1920 г. всего 15, тогда как Германия, например, в этом же году (следовательно, после потерь по Версальскому миру) имела их 45. Абсолютная слабость промышленного капитала еще подчеркивалась соседством ростовщического банковского капитала, ничего не потерявшего, а, напротив, выигравшего в силе со времени Луи Филиппа, и крупного землевладения — союзника ростовщиков, тоже усилившегося за время Второй империи. И банкиры и помещики вошли в Третью республику с твердым намерением не сдавать своих реакционно-монархических позиций. Они имели сообщников в лице кулацкого крестьянства. Мелкособственническое "парцеллярное" крестьянство — продукт революции XVIII в., с тех пор наложившей неизгладимый отпечаток на социальное лицо деревни, — испытывало неприязнь к городским рабочим и слепо повиновалось помещику и деревенскому аббату. В 1848 г. буржуазии удалось натравить на парижский пролетариат не только крестьянскую по составу ар-

---

[1] *Маркс К.* Классовая борьба во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VIII. С. 71.

мию, но и крестьян окрестных деревень, сбежавшихся истреблять социалистов, о которым им сказали, что они хотят поделить всякую собственность. И в 1871 г. героическая Парижская коммуна пала под ударами той же крестьянской армии, не успев доказать французской деревне, что рабочая республика знаменует освобождение крестьян от капиталистического рабства. Абсолютно и относительно слабая промышленная буржуазия и после Парижской коммуны, когда пролетариат казался надолго обескровленным, испытывала жестокий страх перед своим непримиримым врагом и охотно терпела не только рядом с собой, но и над собой банкира и помещика. Франция Третьей республики с удовольствием входит в роль мирового заимодавца, всесветного ростовщика, и эта роль ослабевает лишь после первой мировой войны.

Отсутствие почвы для формирования крупных партий. Эти социальные условия помешали образованию во Франции больших и сплоченных политических партий. Здесь сказывается и недостаточная самостоятельность промышленного капитала, разлагающее влияние ростовщического капитала, который больше всех был заинтересован в том, чтобы драматическую борьбу больших партий разменять на дрянные подтасовки мелких группок: пусть крикливые драки бесчисленных политиканов в одно и то же время и симулируют в глазах масс свободную борьбу свободных мнений и вызывают в тех же массах отвращение к "противоречивой, темной и непонятной" политике. К тому же, чем больше подвизалось на парламентской сцене и вокруг нее крикливых демагогов, тем дешевле они продавались. И историческое прошлое Франции не способствовало формированию крупных и устойчивых партий. За семидесятилетний период между Первой империей и Третьей республикой страна пережила, как известно, две реставрации, две революции и ряд вооруженных восстаний, из которых одно великое восстание Коммуны. На почве, непрестанно колеблемой вулканическими ударами, образование крупных партий, ушедших корнями в историческое прошлое, накопивших опыт и традиции политической борьбы и обзаведшихся массивом привычных сторонников, было крайне затруднено.

Республиканцы и роялисты. Что представляли собой политические группировки на другой день после разгрома Коммуны?

Чрезвычайно важно, что в стране, в самой массе населения, никаких оформленных партий вообще не существовало. Были политические течения и политические симпатии, правильных же политических организаций с руководящими центрами и местными филиалами, с программами и официальными лозунгами, со всем тем, что в середине XIX в. уже до известной степени отличало партийную систему в Англии и США, не было и в подобии. Даже значительно позже, несмотря на крайне оживленную, казалось бы, политическую жизнь, не было не только партийной машины в аме-

риканском или хотя бы в английском смысле, но *сколько-нибудь определенные и ясные группировки складывались лишь в палате*, лишь после выборов, и тот, кто прошел в палату под общим именем и знаменем, например, республиканца, только в палате самоопределялся, как "умеренный республиканец", или "левый республиканец", или даже "радикал".

В Национальном собрании, избранном в феврале 1871 г., таких фракций было несколько, но прежде, чем к ним присмотреться, нужно заметить, что они очень не точно и смутно отражали действительное умонастроение избирателей. Монархия была низвергнута, и республика была провозглашена в Париже под давлением и по требованию парижских рабочих. Парижский пролетариат был в то же время против капитулянтских настроений буржуазии, против сдачи Парижа, против тяжких условий мира. Новое же правительство, захватившее власть и называвшее себя республиканским, в действительности стремилось не к республике, а к конституционной монархии и сознавало, что "война до крайности", чего требовали рабочие, означает не только упрочение республики, но и вооружение революционного пролетариата, могущее привести к далеко идущим и неприятным для буржуазии последствиям. Буржуазия хотела мира: она боялась грозного одушевления, охватившего парижских рабочих. Аристократия хотела мира: она считала, что по горячим следам Второй империи можно легко протащить монархию, если только действовать быстро, не отвлекая сил на войну. Крестьянство хотело мира: цели войны оно представляло себе смутно и продолжение войны связывало с республикой, несчастия Парижа его не трогали, гегемония рабочих была ему неприятна. Оно-то и послало в Национальное собрание реакционное большинство сторонников старых монархических партий. Это было "собрание деревенщины" (assemblйe de ruraux), как его вскоре прозвали республиканцы. Борьба с Парижской коммуной как бы вполне оправдывала его существование. Но как только с Коммуной покончили и как только с Германией был заключен мир, стало со всех сторон неудержимо пробиваться отвращение к монархии, которую готовила "деревенщина". В массе избирателей приверженцы монархии явно убывали и стушевывались, в Национальном же собрании (избранном на неопределенный срок) они все еще составляли около двух третей. И в этом — источник несообразностей, путаницы, острых противоречий, в которых оно то и дело увязало и из которых медленно и лишь кое-как выпутывалось.

Борьба фракций в Национальном собрании. Если 630 депутатов, избранных 8 февраля, расположить справа налево по их убывающей ненависти к республике, то мы получим на крайнем правом фланге легитимистов (около 200), за ними орлеанистов (около 200), за ними бонапартистов (около 30), за ними "независимых" (око-

ло 20), которые, шатаясь от независимости направо и налево, усиливали то группу роялистов, то группу республиканцев; за ними "умеренных республиканцев" (около 100; среди них был Жюль Ферри); за ними радикалов (около 80; среди них был Клемансо); за ними социалистов (около 20, среди них был Луи Блан. Некоторые из них, как Мильер, Рошфор, Малон, Пиа, участвовали потом в восстании Коммуны).

В таком разношерстном обществе был большой простор для самых неожиданных коалиций: по некоторым вопросам орлеанисты соединялись с независимыми и республиканцами и получался "центр" — то левый, то правый, смотря по тому, преобладали ли в этой смеси орлеанисты и какого именно сорта. Радикалы и социалисты обыкновенно составляли руководящее ядро групп, называвшихся соответственно "левая" и "крайняя левая". Как бы то ни было, роялисты составляли здесь явное большинство, но они не могли восстановить монархию: момент для этого был безвозвратно упущен уже давно. Республика была провозглашена 4 сентября 1870 г. В эти дни Энгельс совершенно правильно оценивал положение, определяя республику как "чистейший фарс" и усматривая в ней стратегический ход орлеанистов, единственной партии, имевшей в руках реальную силу для восстановления монархии, но желавшей свалить на республику честь заключения позорного мира[1]. Тем временем, однако, усилились их соперники — легитимисты — и прошли в значительном числе на февральских выборах. Коммуна еще больше спутала карты монархистов, а после подавления Коммуны стали приходить в себя буржуазные республиканцы, и антимонархические настроения в стране стали укрепляться с каждым днем. Почва для реставрации была потеряна, и это выразилось в известном споре из-за государственного знамени, когда орлеанистский претендент уже решился уступить Бурбону с условием, что тот примет трехцветное знамя, с чем Бурбон не согласился. Монархическая идея была этим курьезным пререканием еще более дискредитирована. Не оставался бездеятельным и третий претендент — сын Наполеона III. Перед лицом таких затруднений поколебался даже старый орлеанист Тьер, которого "деревенщина" назначила сначала "главой исполнительной власти", а позже, в августе 1871 г., даже "президентом французской республики": он заявил, что если нельзя усесться втроем на один трон, то приходится признать республику. Тьер удалился в отставку (1873 г.), и на его месте очутился бонапартист Мак-Магон. Но будучи в то же время "величайшим ослом Франции"[2], он еще менее Тьера способен был оправдать надежды монархического

[1] *Энгельс Ф.* Письмо от 7 сентября 1870 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXIV. С. 395.

[2] *Энгельс Ф.* Письмо от 26 мая 1873 г. // Там же. С. 412.

большинства "деревенщины" на восстановление монархии. Среди этих-то склок и интриг приняты были Собранием основные законы республики (1875 г.). В них республика получила, наконец, конституционное признание, и в палате депутатов, избранной после роспуска Национального собрания, республиканцы оказались уже в подавляющем большинстве (360 из 530).

Борьба фракций в палате депутатов. Но, как не трудно было предвидеть, некоторое укрепление республики не только не способствовало консолидации партий, но еще больше дробило фракции и мельчило их интересы. Теперь все больше стирался барьер, разделявший монархистов и республиканцев, все больше тускнело единственное принципиальное различие между двумя основными группировками палаты, и все стремительнее лезли вперед и задавали тон групповые интересы, совершенно иногда незаметные в стране, но невероятно раздутые в стенах парламента. Отмеченные нами выше черты французского партийного механизма прочно конституировались на много лет вперед. До самого конца 80-х годов так называемая "правая" являла собой простое соседство фракций, из которых одни тяготели к какой-нибудь из старых династий, другие предпочитали республике любой монархический режим, третьи, оставаясь реакционными, склонялись к примирению с республикой, находя, что оправдывается старое предсказание Тьера: "республика будет консервативной или ее не будет вовсе". Но и "республиканская левая" переливалась всеми цветами и оттенками либерализма, и здесь еще больше, чем на правой, крошечные группки были заражены манией величия, что не мешало их членам состоять сразу в нескольких из них. Пока на посту Президента оставался "величайший осел Франции", для борьбы с ним и монархической кликой за его спиной образовалось подобие "республиканской партии". Она состояла (справа налево) из трех (!) групп левого центра, из республиканской левой, республиканского союза и крайней левой[1]. В левом центре находились наиболее близкие к монархистам умеренные республиканцы, смешанные с бывшими орлеанистами, ныне республиканцами, в республиканской левой — менее сомнительные республиканцы, в республиканском союзе — сторонники Гамбетты, который никогда не переставал быть республиканцем, но все более склонялся теперь к компромиссу с правыми, что он называл "оппортунизмом", приспособлением к обстоятельствам минуты, в крайней левой — республиканцы-радикалы вроде Клемансо, настаивавшие на решительной борьбе с врагами республики и на реформах, которые бы обеспечили во Франции режим политической свободы.

[1] *Seignobos Ch.*. L'йvolution de la Troisiиme rйpublique. Paris, 1921. P. II.

Оппортунисты и радикалы. Такая "партия" не отличалась и в малой степени необходимым для партии внутренним единством и внешней устойчивостью. Когда же в лице Мак-Магона потерпели поражение открытые реставраторы монархии, распалась и "республиканская партия". Уже на выборах 1877 г., после роспуска палаты Мак-Магоном, республиканцы получили большинство, выборы же 1881 г. дали монархистам всего лишь около 90 мандатов. Огромное большинство избирателей засвидетельствовали свои республиканские настроения. Монархисты вынуждены были стушеваться в палате и спрятать монархические лозунги: они отказались в данной обстановке от нападения на республику и ограничились борьбой против попыток реформировать в республиканском духе администрацию, оставшуюся вширь и вглубь монархической ("республика без республиканцев"). Они выступали теперь под благовидной личиной "консервативной партии", "союза правых", оформившегося после того, как смерть легитимистского претендента способствовала объединению всех трех монархических групп. Но именно республиканская партия, в которой царил оппортунизм Гамбетты, т. е., в сущности, политика уступок реакции, не способна была и к сколько-нибудь последовательным политическим реформам. "Радикальное" крыло партии вышло из повиновения, и под нажимом радикалов правительство, составленное республиканской партией, предприняло некоторые политические реформы, о которых речь шла ниже и которые не удовлетворили радикалов. Но главным пунктом, вызывавшим все более яростную оппозицию радикалов, сделались вопросы внешней и в особенности колониальной политики.

Борьба вокруг колониальной политики. Для понимания межпартийных отношений этого периода необходимо вспомнить, что на середину 80-х годов, когда республиканская партия окончательно расслоилась на оппортунистов и радикалов, падает важный поворот в настроениях и в политике французской буржуазии. В это время, после промышленного подъема 70-х годов, наступает тяжелый кризис. Положение трудящихся масс ухудшается и составляет резкий контраст с роскошью верхов буржуазии. Развертываются широчайшие финансовые аферы, царит оргия обогащения, превосходящая оргии худших времен Второй империи. Правительство республиканской партии поощряет самые грязные спекуляции и, между прочим, передает в руки аферистов всю железнодорожную сеть Франции. В 1887 г. Греви (второй после Мак-Магона Президент республики) уходит в отставку в обстановке чудовищного скандала: в его собственном доме его же родственники торговали орденами и концессиями. В широких массах трудящихся растет возмущение, оживляется рабочее движение, поднимают головы социалисты, руководимые Гедом и Лафаргом. Недовольство мелкой буржуазии сказывается в участившихся анархистских выступлениях.

Все более опасаясь нового движения пролетариата и стоя перед лицом усилившихся требований социальных реформ, верхи буржуазии склоняются к активизации внешней политики. Финансовая олигархия не решается, однако, отдаться идее реванша, т. е. новой войны с Германией, и предпочитает пойти по дороге колониальных авантюр, намечавшихся уже во время Луи Филиппа: на это ее прямо толкала искони выдающаяся роль банков, которые в 80-х годах особенно тесно сращиваются с правительственным аппаратом. Франции, почти выброшенной Англией из Америки и Индии в середине XVIII в., лишь в первой половине XIX в. удалось, как мы уже знаем, завоевать Алжир. По-настоящему же к воссозданию колониальной империи на новых началах и по новым мотивам приступает Франция лишь в 80-х годах. "Не случайность, что во Франции как раз особо быстрое развитие *финансового* капитала, при ослаблении промышленного, вызвало с 80-х годов прошлого века крайнее обострение аннексионистской (колониальной) политики"[1]. В 1881 г. правительство республиканской партии по прямым указаниям Французско-египетского банка захватило Тунис. После этого оно обратило взоры на Индокитай. Юго-восточный берег Индокитая (Кохинхина и Камбоджа) был захвачен уже Луи Наполеоном. Лидер республиканской левой, глава министерства Ферри, лично заинтересованный в эксплуатации природных ресурсов Аннама, послал экспедицию для завоевания Аннама и Тонкина. Это втянуло Францию в войну с Китаем. Китайцы и аннамиты нанесли французским войскам жестокое поражение (1885 г.). Ферри вынужден был уйти в отставку. Новое правительство все же заставило Китай отказаться от Аннама, после чего завоевание Индокитая продолжалось годами в кровопролитной борьбе с местным населением.

Но колониальная авантюра республиканской партии стимулировала возмущение в широких слоях пролетариата и мелкой буржуазии. Последняя, по традициям оказывавшая большое влияние на значительную часть пролетариата, имела свой собственный внешнеполитический идеал в горячих планах реванша. Во внутренней же политике массы требовали решительных политических и социальных реформ, которые давно были обещаны республиканской партией и от которых вожди республиканцев отрекались, как только оказывались у власти. В палате наиболее блестящим выразителем этих требований стал Клемансо, лидер радикалов. Из республиканской партии окончательно выделились враждебные друг другу группы оппортунистов и радикалов, и так как ни одна из них не имела большинства, необходимого для создания правительства, то до конца 80-х годов не было однород-

[1] *Ленин В. И.* Империализм, как новейшая стадия капитализма // Соч. Т. XIX. С. 144.

ных кабинетов: оппортунисты то соединялись на некоторое время с радикалами против правых (политика "республиканской концентрации"), то шли на компромисс с теми же правыми, чтобы с их помощью разбить радикалов (политика "умиротворения").

Буланжизм как выражение всеобщего недовольства. Между тем, трудящиеся массы не могли забыть, что республиканская Конституция по иронии судьбы создана монархистами, жаждавшими удушения республики. Несовершенства этой Конституции били в глаза. Они и сделаны были ответственными за атмосферу политической несвободы, полицейского произвола, чиновничьего засилья, клерикальной реакции. К этому присоединялась жажда реванша, захватившая почти все слои общества. Тут-то и случилось, что беспринципная и бездарная личность, фигура, лично и политически несчастливая, возможная в качестве ведущей силы лишь в эпоху особенного безвременья, увлекла за собой не только очень широкие круги избирателей, но почти всю радикальную партию во главе с Клемансо. Генерал Буланже был произведением всеобщего разочарования и раздражения, и "буланжизм правильно окрестили профессиональным союзом недовольных"[1]. А недовольных этих возглавляли радикалы. Они клюнули на приманку реванша, который им пообещал генерал, поверили его демократическим и республиканским декларациям и вложили желательное им содержание в требование "ревизии", т. е. пересмотра Конституции, которое он вскоре выдвинул. Но очень скоро оказалось, что под "пересмотром" Буланже и его ближайшие соратники разумеют уничтожение парламентского правления. По своему политическому типу лицо Буланже стало подозрительно напоминать Луи Наполеона перед переворотом 51-го года. Вокруг него быстро объединилась вся роялистская реакция — все аристократы, все клерикалы, все клевреты претендентов и римского папы. Его успехи на выборах, его шумная популярность грозили республике смертельной опасностью. Перед лицом этой опасности объединились все фракции республиканцев и нанесли буланжизму поражение на выборах 1889 г.

Но радикалы вышли из этого испытания сильно потрепанными. Они основательно растеряли симпатии парижских рабочих, которых умели раньше завлекать и обманывать социалистической фразой. Силу радикалов составляла слабость французского социализма, с трудом оправлявшегося после разгрома Коммуны. Рабочие были уверены, что радикалы — подлинная революционная партия, противостоящая оппортунистам и защищающая республику[2].

---

[1] *Лафарг П.* Политические партии во Франции // Соч. В 3 т. / Пер. с франц.; под ред. Д. Рязанова. М.—Л., 1925. Т. I. С. 187.

[2] *Энгельс Ф.* Письмо от 16 февраля 1886 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXVII. С. 539.

Возрождение социализма. Но уже в 1877 г. Жюль Гед основал газету "Равенство" — "первую "французскую" *рабочую газету*" (в подлинном смысле этого слова)"[1], которая усердно учила рабочих разнице между подлинным социализмом и радикалистской маскировкой под социализм. В 1879 г. Третий съезд рабочих синдикатов постановил образовать социалистическую рабочую партию, а в 1880 г. составлена была программа этой партии, в чем некоторое участие принимали Маркс и Энгельс[2].

Новорожденной партии предстояли еще чувствительные поражения. Внутри ее происходила борьба между Гедом и Лафаргом, с одной стороны, и мелкобуржуазными социалистами — с другой, которые под именем "поссибилизма" отстаивали оппортунистическую, в сущности, политику компромиссов с буржуазией. Наряду с этим приходилось вести борьбу с анархизмом, имевшим многочисленных приверженцев в среде рабочих мелких и мельчайших предприятий, которые еще долго сохранялись во Франции, и с синдикалистами, объявлявшими синдикат единственной классовой рабочей организацией, а всеобщую стачку главнейшим орудием классовой борьбы и решительно отказывавшимися признавать рабочую политическую партию и парламентскую борьбу. Но самым сильным, пожалуй, соперником социалистов выступали радикалы, отбивавшие у них рабочие голоса на выборах: кандидаты радикалов, проходившие в палату голосами рабочих, принимали здесь кличку "радикалов-социалистов". Поэтому разоблачение и крах буланжизма, рикошетом ударившие по радикалам, сослужили службу социалистам: они составили в палате самостоятельную группу, которая быстро росла по численности и в начале 90-х годов уже достигла нескольких десятков членов. Конечно, это не означало еще гибели радикалов. Напротив, Энгельс, со своим изумительным даром предвидеть будущее, в 1886 г. предсказывал переход всей власти в руки радикалов и лишь тогда, как следствие, отход от них рабочих[3]. Это и произошло 20 лет спустя, после выборов 1906 г.

Республиканцы движутся направо. Действительно, последнее десятилетие XIX в. характеризуется упорным ростом консервативных настроений среди буржуазии, которая уже не считает республику в опасности, но все более пугается социалистического движения и не прочь объединиться с самой черной реакцией, идущей от помещиков и иезуитов, для борьбы с пролетариатом. Среди республиканцев дифференцируется сильная группа "прогрессистов", составившаяся из оппортунистов с очень сильной примесью

[1] *Маркс К.* Письмо от 5 ноября 1880 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXVII. С. 97.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Письмо от 25 октября 1881 г. // Там же. С. 160.

[3] *Энгельс Ф.* Письмо 18 августа 1886 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXII. С. 577.

бывших монархистов. Они назвали свою партию "республиканско-демократическим союзом", ибо кличка "демократ" сделалась во французском политическом обиходе условным обозначением консерватора. В палате к ним примыкали "левые республиканцы" и "левые демократы", которые проводили на практике консервативную программу и занимали места на правой стороне.

Что скрывается под названиями партий? Вообще, к концу XIX в. в строении и названиях политических партий обнаруживается весьма оригинальная особенность, в дальнейшем все усиливавшаяся. Она состоит в том, что общепринятые термины и клички в применении к партиям не только не выражают их направления, но находятся с ними в явном противоречии. Здесь, например, клерикалы ориентации самой ультрамонтанской (т. е. получающие директивы "из-за гор", от Ватикана), чистокровные реакционеры во всем, именуют себя "либералами" по той причине, что воспрещение преподавания религии в правительственных школах, непризнание прав юридического лица за религиозными обществами и другие следствия так называемого отделения церкви от государства они изображали, как ущемление "свободы личности", а себя — как защитников этой свободы. Здесь представители интересов крупного землевладения, связанные с кулацким крестьянством, фрондируют против крупной промышленной и финансовой буржуазии и презрительно называют ее "плутократией", а себя "демократами" и даже "левыми демократами". Таким образом, "названия как бы беспрестанно скользят от крайней левой к крайней правой, и слова самые красные перестают вообще что-либо значить и даже означают нечто противоположное своему первоначальному смыслу и логике"[1]. В начале 70-х годов слово "радикал" внушало буржуазии ужас, к началу же XX в. радикалы столь приручились, что появились даже "радикалы-консерваторы". В конце концов, стало невозможным распознать, кто, собственно, скрывается под ярлыком "консерваторов", "националистов", "прогрессистов", "республиканцев" и т. п., и сам собой создался условный язык предвыборных кампаний, который и предоставлялось расшифровывать привычному избирателю. Так, если республиканец выступал с прилагательным "искренний", республиканцы не без основания различали в нем скрытого монархиста; если к общеизвестному партийному названию присоединялся эпитет "независимый" — это было всегда признаком уклона вправо, но никогда не влево: независимый социалист, независимый радикал означали правых соседей социалистов и радикалов. Как бы себя ни называл кандидат, хотя бы социалистом, но если он защищал "права отца семейства" и "свободное обучение" — это был клерикал, если "свободный труд" и "уважение к собственности"— консер-

[1] *Sigfrid.* Tableau politique de la France de l'ouest Troisieme republique. Paris, 1913. P. XV.

ватор, если же он поддерживал "светское государство", "права государства", "налоговую справедливость" — это был левый.

Реакционное вырождение радикалов. Перед лицом крепнувших консерваторов социалисты не заняли самостоятельной боевой позиции, а стали поддерживать радикалов. В первые годы XX в. сложился даже постоянный парламентский блок социалистов, радикалов и радикалов-социалистов, предназначенный обеспечивать в палате большинство радикальным кабинетам. Но неуклонно совершавшееся движение радикалов направо делало сотрудничество с ними неудобным для социалистов, и под давлением масс они вынуждены были выйти из блока. В 1906 г. крупная избирательная победа дала радикалам почти половину мандатов. В течение трех лет кабинет Клемансо вел яростную борьбу с рабочими и, расстреливая забастовщиков, тем самым расстреливал последние остатки доброй славы радикалов среди французских рабочих. То же делал бывший социалист Бриан, принявший власть после Клемансо и продержавшийся около полутора лет. Второй кабинет Бриана не просуществовал и четырех месяцев (3 ноября 1910 г. — 27 февраля 1911 г.). С этого момента до самого начала первой мировой войны кабинеты сменяли друг друга с головокружительной быстротой: парламент был объят анархией, в стране ширилось грозное возмущение пролетариата.

Победа оппортунизма в социалистической партии. Но социалисты не сумели использовать выигрышное положение, создавшееся, когда радикалы разоблачили себя перед рабочими. Они не сумели объединить вокруг себя пролетариат, отбить его у анархистов и синдикалистов и повести на штурм власти. В 1905 г. две партии — Социалистическая партия Франции (гедисты, бланкисты и др.) и Французская социалистическая партия (поссибилисты и другие во главе с Жоресом) слились в Объединенную социалистическую партию, от которой, впрочем, вскоре отделились "независимые социалисты", предводительствуемые Мильераном, Брианом и Вивиани, которые отстаивали право социалистов участвовать в радикальных кабинетах (они потом организовали Республиканско-социалистическую партию, впоследствии — Республиканский и социалистический союз).

От революционной Социалистической партии Франции потребовались при объединении с реформистами Французской социалистической партии крупные уступки соглашательству. С тех пор гедизм явно и без достаточного сопротивления отступал перед реформизмом, а при первых раскатах военной грозы полностью капитулировал перед социал-патриотизмом.

Шовинистическое безумие не могло, однако, безраздельно владеть партией продолжительное время. Уже на второй год войны возникает некоторая оппозиция социал-патриотизму, что и сказывается на ежегодных конгрессах партии. После Февральской

революции 1917 г. социалисты под давлением рабочих масс покидают правительство. Октябрьская революция сказалась стремительным подъемом революционного настроения пролетариата, но лидеры партии противились напору масс с мужеством, достойным, без сомнения, лучшего применения. Лишь в 1920 г. на конгрессе в Туре большинством 3022 голосов против 1022 решен был вопрос о вхождении в Коммунистический интернационал.

В Социалистической партии осталось не больше 50 000 членов (из 180 000). Она усвоила себе твердую, в общем, политику левого мелкобуржуазного дополнения радикалов. Ее вождем вскоре после раскола стал Леон Блюм.

§ 2. Конституция

Узурпация власти Национальным собранием. Национальное собрание, выработавшее в 1875 г.Конституцию Третьей республики, не имело на то никаких юридических полномочий, ибо оно избрано было именно как Национальное, а не как Учредительное собрание. Его задачей было решить вопрос о мире, а вовсе не о государственном устройстве, и это подтверждается бесспорными документами и всей политической обстановкой того момента. Возьмем ли мы соглашение о перемирии с Пруссией, заключенное 28 января 1871 г., мы прочитаем в ст. 2: "Заключаемое перемирие имеет целью дать возможность правительству национальной обороны созвать посредством свободных выборов в Национальное собрание, которое выскажется, должна ли война продолжаться или должен быть заключен мир и на каких именно условиях". Обратимся ли мы к декрету 29 января 1871 г., окончательно, на другой же день после перемирия, назначившему срок выборов, опять же услышим о Национальном, а не Учредительном собрании. Присмотримся ли к самой обстановке, в которой происходили выборы, к лозунгам, под которыми велась избирательная борьба, увидим ясную картину борьбы сторонников немедленного, хотя и позорного, мира, мира любой ценой, с защитниками войны, "войны до крайности", войны, которая должна, как уверяли они, принести победу Франции. Выборы превратились в своеобразный плебисцит. И так как некоторые республиканцы, предводительствуемые Гамбеттой и другими, агитировали против позорного мира, то в массах избирателей утвердилось неблагоприятное для республиканцев впечатление, что республика означает продолжение войны. Монархисты же подхватили капитулянтские лозунги безоговорочного мира и прошли в Национальное собрание значительным большинством голосов.

Заключив мир, Национальное собрание обязано было разойтись и дать место новому — Учредительному — собранию. Это собрание было бы, по всем данным, республиканским: вспомним,

что дополнительные выборы 2 июля 1871 г. (т. е. уже 3 месяца спустя после заключения мира) оказались гораздо более благоприятными для республиканцев, чем для монархистов. Тем не менее Собрание путем подлога присвоило себе всю власть и решило определить государственное устройство Франции.

Президентство Тьера и "умиротворение страны". Однако Собрание приступило к этому не сразу. Мы знаем уже, что в Национальном собрании численно преобладали монархисты. Но между ними не было согласия, и они чем дальше, тем меньше ощущали опору в широких массах избирателей. В феврале 1871 г. по соглашению между республиканскими и орлеанистскими членами Собрания Тьер был избран "главой исполнительной власти французской республики". Этим наименованием вопрос о форме правления далеко не предрешался. И Тьер, и Мак-Магон после него были в глазах монархистов временными главами временной республики, которую они рассчитывали ниспровергнуть именно с помощью этих "глав". Общее мнение склонялось к тому, что, прежде чем установить окончательно форму правления, необходимо "умиротворить страну". Это молчаливое соглашение между Тьером и большинством Собрания получило имя "Бордоского договора" (Собрание до 20 марта заседало в Бордо, а потом перешло в Версаль). С этого момента до лета 1873 г. течение дел в Национальном собрании определялось, главным образом, соглашениями левого и правого центров против крайней правой и крайней левой. Оба центра сходились на либерально-конституционном режиме. Правый центр хотел орлеанистской, но строго конституционной монархии, т. е. с преобладанием парламента, левый центр склонялся к умеренной республике с сильной президентской властью. Союзом центров — хоть и с величайшим трудом, среди хаотических прений, в обстановке случайных предложений и неожиданных решений — были все же проведены главнейшие мероприятия этого периода (мир, реформа армии, реформа местного самоуправления, реформа налоговой системы и др.). В августе 1871 г. Тьер получил звание Президента республики. Однако тем же законом его права сконструированы были таким образом, что он и теперь оставался больше "главой исполнительной власти", чем главой государства: он, например, признавался ответственным перед Собранием. Вопрос о главе государства и тем самым, в сущности, о форме правления оставался открытым. Но положение становилось все более напряженным. Крайняя левая пускала в ход все доступные в то время средства агитации, чтобы вооружить общественное мнение против "Собрания деревенщины", присвоившего себе учредительные права, которых оно, по справедливому мнению республиканцев, не имело. Гамбетта со всем характерным для него высокопарным одушевлением прямо обращался в своих публичных речах к "городским и сельскохозяйственным рабочим, этому

миру труда, которому принадлежит будущее", с призывом "закончить дело революцией". Кандидаты радикалов то и дело проходили на дополнительных выборах в Национальное собрание. Это приводило в особенную ярость крайнюю правую, со страхом убеждавшуюся, что время работает против монархии. На Тьера, которому надоели бестолковые пререкания претендентов на престол и который явственно усилил свою ориентацию в сторону республики, — конечно, строго охранительной, — сыпались обвинения в том, что он "нарушил Бордоский договор". Характерен для атмосферы бестолочи, которая царила в Собрании, следующий эпизод. В ноябре 1872 г. назначается комиссия из 30 членов для составления проекта закона "о полномочиях властей и об ответственности министров". Республиканцы требуют от комиссии выработки конституции. Монархисты надеются, что комиссия широко раскроет двери монархии. Комиссия же всего только подтвердила ответственность министров перед Собранием, что и без того было совершенно ясно, но зато лишила Тьера права участвовать в прениях, сохранив в то же время его ответственность перед Собранием.

Мак-Магон и продолжение борьбы с республиканцами. В мае 1873 г. Тьер ушел в отставку, хотя для этого не было уважительных объективных причин: ему не выражено было недоверие, от него требовали лишь "более консервативной политики", и он мог бы ограничиться сменой министров. В известном смысле уход Тьера сдвинул дело с мертвой точки: крайние правые, тут же посадившие на президентское кресло уже известного нам Мак-Магона, принялись, агитируя за монархию, быстрыми темпами дискредитировать ее демонстрацией непроходимой тупости легитимистского претендента, но более всего, конечно, рядом открыто реакционных мер, возмущавших население, когда даже скульптурные изображения республики удалялись из учреждений. Мак-Магон, между прочим, специальным посланием потребовал себе как "держателю исполнительной власти" "достаточно длительного существования" и получил-таки в конце 1873 г. семилетний срок президентства ("септеннат"). Тем временем неосторожная политика правых вместе с результатами отдельных дополнительных выборов несколько укрепили республиканскую часть Собрания, и она добилась того, что уже перед тем назначенная конституционная комиссия приступила, наконец, к работе. Но комиссия попросту саботировала: она занялась изучением американской Конституции, разработала обширный проект (довольно реакционный) избирательного права, слушала ученые рефераты об устройстве и правах вторых палат.

Конституционное признание республики. Тогда республиканцы, толкаемые растущим в стране возбуждением (уже раздавались голоса, что Собрание, неспособное прийти к каким-нибудь положительным результатам, должно вотировать свой собственный роспуск), заставили само Собрание заняться формулировкой кон-

ституционного закона об организации законодательной и исполнительной власти. Это было летом 1874 г. Около полугода прошло в бесплодных дебатах вокруг главного спорного вопроса о том, назвать ли правительство "правительством республики", считать ли семилетний срок сроком президентства вообще или сроком президентства лично Мак-Магона ("септеннат личный или безличный"), разрабатывать ли прежде всех других конституционных законов закон о верхней палате или же закон об организации властей. Важно было то, что бесконечные голосования, следовавшие одно за другим, обнаруживали рост республиканского большинства, и 29 января 1875 г. Собрание в последний раз отвергло неугодную монархистам формулу: "Правительство республики составляется из двух палат и президента", чтобы на другой же день принять большинством одного голоса (!) следующий текст (предложение Валлона): "Президент республики избирается абсолютным большинством голосов сената и палаты, объединенных в Национальное собрание. Он назначается на семь лет. Он может быть переизбран".

Итак, в конституционных законах признана была республика.

Окончание работ Национального собрания. В следующие дни проведены были все остальные восемь статей первого конституционного закона, закона об организации властей, а 25 февраля закон этот прошел в окончательном третьем чтении. Еще перед тем, в январе — феврале, в не менее ожесточенной борьбе был принят закон об организации сената (из 300 сенаторов 225 избираются особыми коллегиями на 9 лет, а 75 — назначаются пожизненно Национальным собранием, по мере же выбытия в дальнейшем — самим сенатом), окончательно вотированный 24 февраля. Третий закон — "о взаимоотношении властей" — прошел сравнительно гладко и был окончательно принят 16 июля 1875 г. Затем в том же году приняты были два "органических" закона о выборах сената и палаты депутатов, которые и были выбраны в 1876 г. Национальное собрание разошлось.

Характеристика Конституции. Несовершенства и несообразности детища "деревенщины" очевидны были для всякого. Эта республиканская Конституция обошлась без провозглашения суверенитета народа, без признания основных политических прав граждан. Она зато наделила Президента такой властью, которая делала его очень похожим на монарха: право роспуска палаты, чего не имел до того ни один президент в мире, монархическое право помилования осужденных, право распоряжаться вооруженными силами, право вето, право законодательной инициативы, право заключать тайные договоры. Он политически безответственен как монарх. Он избирается на семь лет и может переизбираться без конца. В то же время Конституция полна пробелов. Она не установила должности председателя совета министров. О совете министров говорила лишь вскользь. Никак не определила финан-

совых и бюджетных прав сената. Крайне неясно сформулировала принцип ответственности министров и т. д.

Конституционные поправки. Казалось бы, что с укреплением республики и образованием в палатах безусловно республиканского большинства Конституция будет радикально пересмотрена и приведена в более благообразный вид. Этого, однако, не случилось. С 1875 г. до самой гибели Третьей республики в 1940 г.Конституция подвергалась пересмотру три раза, и все три раза пересмотр ни в малой степени не касался ее существа. В 1879 г. поправка переносила резиденцию палат и правительства из Версаля в Париж. В 1884 г.: 1) изменен был порядок назначения новых выборов в случае роспуска палат, 2) запрещено было делать республиканскую форму правления вопросом пересмотра, 3) воспрещено было избирать президентами республики членов династий, царствовавших во Франции, 4) отменены были торжественные богослужения в церквах по случаю открытия сессий парламента, 5) изменен был порядок составления сената: от пожизненных сенаторов отказались, оставив доживать уже назначенных; установлено было, что состав сената обновляется каждые три года и, наконец, 6) если до тех пор каждая община ("коммуна") избирала по одному делегату в избирательную коллегию своего департамента, то теперь число делегатов устанавливалось в зависимости от населения общины, если население это не превышало 60 тысяч; общины с населением в 60 тысяч и свыше посылали по 24 делегата (Париж — 30). Четыре первые реформы 1884 г. имели либо вполне демонстративный, либо безразличный характер. Последняя же не устранила антидемократического характера сената, хотя и была в известной степени шагом вперед от пожизненных сенаторов, шагом, сделанным под напором снизу, вынужденным и несовершенным. Преобладание в сенате осталось за сельскими общинами. Наконец, в 1926 г. специальная поправка к Конституции касалась кассы погашения государственного долга и имела главным образом финансовый характер. Во всем остальном Конституция оставалась нетронутой, политический же строй республики постепенно подвергался крупнейшим изменениям. Это значит, что законодательство вместе с парламентской и правительственной практикой пошло своей дорогой, обходя Конституцию и переступая через нее, когда в этом оказывалась надобность.

В этом развитии законодательной и административной практики и состоит конституционная история Третьей республики.

§ 3. Эволюция государственного строя

Положение и роль исполнительной власти во Франции. Эволюция государственного строя Франции совершалась с 70-х годов

по направлениям, вообще характерным для периода империализма. Мы видим здесь упадок парламентаризма, возвышение исполнительной власти, централизацию управления и усиление бюрократического аппарата. Классическая характеристика Маркса, которой он запечатлел Вторую республику во Франции, mutatis mutandis, приложима и к Третьей республике. Как и следовало ожидать, Третья республика усовершенствовала и довела до высшего выражения те конституционные черты, которые подчеркивал Маркс, говоря о Франции как о стране, где "исполнительная власть имеет в своем распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников, т. е. держит в постоянной и самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и отдельных существований, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни, начиная с его самых общих форм существования и кончая частными существованиями отдельных индивидуумов, где это паразитическое тело, благодаря необычайной централизации, в такой же мере вездесуще, всеведуще, подвижно и упруго, в какой действительное общественное тело беспомощно-несамостоятельно, разрозненно-бесформенно..."[1]. Существенное и принципиально важное различие между Второй и Третьей республиками состоит в том, что в республике 1848 г. Национальное собрание, лишь потеряв право раздавать министерские портфели, лишилось, как подчеркивает Маркс, всякого влияния на государственное управление, тогда как в республике 1871 г. палата депутатов пришла к той же потере этого влияния, невзирая на то, что право раздавать портфели полностью сохранилось за нею и даже как будто укрепилось. В этом нельзя не видеть признаков органического усиления исполнительной власти, когда она уже не боится контроля законодательной власти, как раньше, а научилась превращать этот контроль в полезную для себя декорацию. Немудрено: в Третьей республике исполнительная власть воспроизводится на более совершенном базисе, чем во Второй: там она питалась страхом незрелой буржуазии перед своим собственным политическим господством, тогда как здесь достигнуто уже наиболее полное сращение исполнительной власти с верхушкой финансовой и промышленной олигархии.

Роль главы государства. В Третью республику буржуазия вошла уже настолько классово зрелой и политически искушенной, чтобы понимать действительное значение так называемого "главы государства" в буржуазном государстве, достигшем своего наиболее чистого выражения. Республиканцы 1848 г., вроде

[1] *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. VIII. С. 358.

Греви, настаивали на бесполезности президентской должности. Выдающиеся умы буржуазии по справедливости видели в этом взгляде увлечение. Глава государства был необходим буржуазной республике, но роль его должна была ограничиваться символическим олицетворением "единства" общества, "надклассовости" государства и непрерывности государственной власти. Так как все более утверждался взгляд на то, что государственная власть должна осуществляться кабинетом министров и кабинет будет тем сильнее, чем меньше окажется у него соперников на поприще осуществления власти, Президенту была отведена скромная роль. Исторические обстоятельства очень удачно содействовали быстрому проведению в жизнь этой схемы. Французское президентство родилось под несчастливой звездой. Президент Второй республики совершил государственный переворот на глазах у общества и наполнил его законным недоверием к президентской должности. Первый президент Третьей республики был не только явным, но и отъявленным монархистом и стал естественным средоточием реставраторских вожделений со стороны всего отсталого и косного, что было в стране. Устами Гамбетты Франция того времени сказала Президенту, что он должен "удалиться или подчиниться". Мак-Магон предпочел удалиться, но тем самым он и подчинился за себя и за всех своих преемников.

Положение Президента республики. Борьбы никогда больше не было. Из всех перечисленных и не перечисленных нами выше конституционных полномочий Президента за Президентом сохранились одни лишь представительственные: принимать иностранных послов и "высоких" гостей, председательствовать на торжественных публичных церемониях и на официальных обедах произносить ничего не значащие речи. Все действительно важные конституционные прерогативы Президента частью остались без всякого применения, частью перешли к премьеру. После неудачного опыта Мак-Магона с роспуском палаты депутатов опыт этот больше никогда не повторялся. Президентское же вето, довольно скромное по Конституции, так ни разу и не было осуществлено. При назначении кабинета, как и при отставке его, французский Президент имел еще меньше свободы самоопределения, чем английский король, если только это возможно. Полномочия же Президента по руководству внутренней и внешней политикой, по осуществлению государственного управления целиком и без остатка перешли к кабинету, который в своих решениях и действиях ни в малой степени не сообразовался с мнением Президента. Конституция как будто предусматривала участие Президента в заседаниях кабинета. Практика, однако, не постеснялась подчеркнуть и здесь второстепенное, чтобы не сказать подчиненное, положение Президента: если ему и случалось присутствовать в совете министров, то он никогда здесь не председательствовал, не руководил прени-

ями и ограничивался, по-видимому, скромной ролью слушателя. В соответственной французской литературе сделалось обычным выражать досаду и удивление по поводу превращения французского Президента в "куклу", в "чурбан", в "ничтожество смешное, не способное на собственный поступок, слово, хотение"[1]. В этом, однако, не было ничего удивительного.

От Мак-Магона до Лебрена. После удаления Мак-Магона, а в особенности после двукратного президентства и скандальной отставки Греви (1879—1887 гг.), доступ к президентской должности был, по молчаливому соглашению партий, закрыт для людей, так или иначе выдающихся и популярных. Это не трудно было сделать, так как избрание Президента Конституция вручила Национальному собранию, т. е. соединенным палате депутатов и сенату. Карно, сменивший Греви, известен был своими славными предками и своей собственной полнейшей незначительностью. После его смерти (1894 г.) Президентом оказался Перье — денежный мешок, жаждавший, правда, политической популярности, но менее кого бы то ни было способный к политической борьбе. Он ушел в отставку через несколько месяцев, чтобы кануть в политическую неизвестность, из которой случайно вынырнул. Тогда в президентском кресле очутился Фор — тоже капиталист, но не из крупных, консерватор, но не особенно воинственный, государственный человек, но не из видных, всего лишь помощник министра в нескольких кабинетах, т. е. политический деятель самого среднего калибра, посредственность во всех отношениях. Именно потому, что в кругу президентских выборщиков он имел славу ничтожной посредственности, он и одержал при перебаллотировке победу над такими именитыми парламентариями, как Вальдек-Руссо и Бриссон. После него никакими сколько-нибудь яркими качествами не блистали ни Лубе, ни Фальер (1899—1913 гг.), мало известные широкой публике до своего избрания и бесповоротно забытые, как только кончились их мандаты. То же приходится сказать и о Дешанеле, и о Думерге, и о последнем Президенте Лебрене, завершившем вереницу бесславных "пленников Елисейского дворца". И только Пуанкаре (1913—1920 гг.), да еще Мильеран (1920—1924 гг.) резко выделяются из этой плеяды, составляя исключение, лишь подтверждающее общее правило.

Таким образом, в Третьей республике глава государства не мог составить противовеса главе правительства, и исполнительная власть оказалась почти сразу сконцентрированной в руках совета министров и его председателя. Дальнейшему закреплению и расширению этой исполнительной власти, как власти государственного управления в широком смысле слова, весьма способствова-

[1] См.: *Moreau F.* Pour le Regime parlementaire. Paris, 1903. P. 184.

ло то обстоятельство, что и палата депутатов, и сенат без особого сопротивления отступили перед кабинетом, передоверив ему свои законодательные права и сохранив за собой лишь контроль общей политической линии правительства, довольно, впрочем, поверхностный.

Избирательная система. Палата депутатов избиралась всеобщим (при отстранении женщин) избирательным правом. Избирательные нормы открывали доступ к урнам довольно широким слоям мужского населения, но избирательная система отличалась исключительным уродством, превращавшим палату в кривое зеркало политических настроений страны. История избирательного права во Франции с конца XVIII в. есть история колебаний между выборами по департаментам (неправильно называвшимися выборами "по списку") и выборами по специальным избирательным округам. В первом случае каждый департамент (или иная более или менее обширная географическая единица) давал несколько депутатов, и возможно было, следовательно, пропорциональное представительство в каком-нибудь виде, во втором же случае каждый округ давал только одного депутата, и пропорциональное представительство, очевидно, было неприменимо. До 1871 г. эти системы шесть раз сменяли друг друга. Национальное собрание 1871 г. избрано было по департаментским спискам, но с тех пор до конца республики этот способ применялся только три раза — в 1885, 1919 и 1924 гг. Пропорциональное представительство, впрочем, в 1885 г. не имело места, а в 1919—1924 гг. оно применено было в таком уродливом виде, что вызывало отвращение равно и мажоритаристов, и пропорционалистов.

Результаты мажоритарного голосования. Известно, что при мажоритарной системе голосования и при соперничестве нескольких партий число избирателей, остающихся непредставленными, достигает иногда таких размеров, что избранные депутаты представляют лишь очень незначительное большинство избирателей. Во Франции, при системе одночленных округов и в обстановке борьбы не двух или нескольких, а многих партий, при нарочито искусственной кройке избирательных округов и при неожиданностях второго тура, специфические черты мажоритарного голосования приводили к тому, что представительства лишалось уже не меньшинство, а большинство избирателей.

При том, что голоса избирателей дробились между несколькими кандидатами, избранными становились те, кто получал какое-нибудь относительное большинство (скажем, 20 тысяч из 50 тысяч), хотя действительное большинство избирателей голосовало за других кандидатов.

Следующая табличка показывает, как неукоснительно в течение десятилетий фальсифицировалось во Франции общественное мнение с помощью мажоритарной избирательной системы.

Годы	Число избирателей представленных	Число избирателей непредставленных
1881	4 778 000	5 600 000
1885	3 042 000	6 000 000
1889	4 526 000	5 800 000
1893	5 513 000	5 930 000
1898	4 906 000	5 633 000
1902	5 159 000	5 818 000
1906	5 209 000	6 830 000
1910	5 300 000	6 739 000
1914	4 844 206	6 421 892

Избирательная система 1919 г. Но ничуть не лучшей оказалась и система 1919 г. Каждому департаменту предоставлено было избирать не менее трех депутатов. Из каждого партийного списка избранным считался тот, кто собрал абсолютное большинство голосов, и лишь в случае недобора нужного числа депутатов вступал в действие пропорциональный принцип: от деления числа избирателей на число депутатов, подлежащих избранию, получался "избирательный метр", а от деления числа голосов, поданных за всех кандидатов каждого списка, на число его кандидатов — "списочная средняя", и каждому списку уделялось столько мандатов, сколько раз метр содержался в средней. Это уродливая смесь мажоритаризма и пропорционализма в соединении с искусственным распределением мандатов по департаментам (по принципу: меньше мандатов многолюдным и промышленным департаментам и больше мандатов сельским захолустьям) привела к тому, что на выборах, например, 1919 г. социалистическая партия собрала 1 700 000 голосов против 1 400 000, полученных ею в 1914 г., мандатов же ей досталось 68 в 1919 г. против 101 в 1914 г. В 1924 г. социалисты получили 749 647 голосов и 104 мандата, а коммунистическая партия — 875 812 голосов и 26 мандатов!

Состав палаты. Такие выборы, — будь то по многочленным округам, что происходило, как видим, редко, или по одночленным, что служило общим правилом, — не могли дать представительство, способное руководить страной во все усложнявшейся международной и внутриполитической обстановке. В палату проходили ставленники местных избирательных комитетов, готовые служить узким интересам тесного кружка местных воротил, люди, не слишком отягченные моральными принципами, не знавшие, что значит независимость, неизвестные широким избирателям и не пользовавшиеся уважением тех, кто их знал. Адвокаты и журналисты, задававшие тон в палате, оказались к тому же разделенными на множество фракций.

Если палата депутатов избиралась хотя бы по видимости всеобщим и прямым избирательным правом, то и этого нельзя было сказать про сенат. "Деревенщина" Национального собрания без всяких обиняков уделила сенату роль реакционного тормоза. В то время вспоминали слова жирондиста Бюзо, якобы произнесшего перед смертью: "Меня убивает не Робеспьер, а отсутствие второй палаты". Создавая сенат, который должен был в будущем служить противовесом мнимым революционным порывам первой палаты, Национальное собрание постаралось всеми мерами обеспечить его реакционный состав. Последующими уже известными нам поправками выборы сената окончательно сконструированы были так, что в департаментских коллегиях выборщиков представители сельских общин имели подавляющий перевес над представителями городов, так что Марсель, например, насчитывавший в период после первой мировой войны свыше 500 тысяч жителей, посылал в избирательную коллегию департамента 24 выборщика, а от остального населения департамента, численностью в 50 тысяч человек, приходилось 313 выборщиков. Косвенные выборы с преобладанием среди выборщиков представителей деревень, продолжительность мандата (9 лет с обновлением по третям), повышенный возрастной ценз для пассивного избирательного права (40 лет) — все привело к тому, что сенат стал оплотом самых консервативных кругов.

Реакционная роль сената. Он и начал с того, что в 1877 г. оказал требуемое содействие Мак-Магону в его походе против республиканской палаты депутатов. В дальнейшем он сосредоточил свои усилия на том, чтобы держать за руки слишком, с его точки зрения, радикальные кабинеты и слишком левую палату. По существовавшему обычаю кабинет не считался ответственным перед сенатом. Тем не менее в ряде случаев кабинету, не имевшему достаточно прочного большинства в палате, приходилось удаляться в отставку, вследствие вотума недоверия со стороны сената, как это и сделали в сравнительно недавнее время Эррио (1925 г.) и Блюм (1936 г.). Но больше всего роль его сказывалась в неустанном сопротивлении сколько-нибудь прогрессивным начинаниям палаты, вынужденной уступать давлению широких масс вне парламента. В 1880 г. он отверг законопроект, пытавшийся ослабить роль клерикалов в начальном обучении. В том же году он опрокинул предложение о выборах по многочленным округам, что обещало более левый состав палаты. Он вообще противился реформам избирательного права, и женское избирательное право, не раз принимавшееся палатой, встречало в нем яростного и непримиримого врага. Всякое социальное законодательство было ему глубоко противно. В области налоговой системы он был верным охранителем интересов крупного капитала и до самого 1917 г. не позволял ввести подоходный налог. Законопроекты о пенсиях, об охране труда, о социальном страховании он оттягивал годами и если пропускал, наконец, то изуродовав поправками до неузнаваемости.

Палата охотно мирилась с наглым произволом сената, не имевшего права ни называться, ни считаться народным представительством, никого, благодаря системе косвенных выборов, не представлявшего, ни перед кем не ответственного, отражавшего настроения лишь нескольких тысяч деревенских кулаков да верхушки биржевых спекулянтов — шайки международных ростовщиков, столько раз со времени 1871 г. приводивших Францию на край гибели.

Парламентская коррупция. По всей вероятности, ни в одном парламенте коррупция не свила себе такого прочного гнезда, как в палате депутатов и в сенате. В 90-х годах разразился знаменитый панамский скандал, когда оказалось, что биржевые аферисты подкупили больше полутораста депутатов и сенаторов, чтобы с их помощью проводить через парламент нужные им законы. Были скомпрометированы прямо или косвенно многие крупнейшие политические деятели (несколько бывших председателей совета министров, председатель палаты депутатов, ряд министров). Но именно потому, что в дело было вовлечено слишком много очень влиятельных жуликов, власти замяли дело, и из привлеченных к суду осужден был лишь один. Не прошло и нескольких лет, как новое скандальное дело ("процесс Дрейфуса") обнаружило, что в среде высших военных Франции, тесно соприкасавшихся с правительственными и парламентскими кругами, царит та же атмосфера продажности и предательства. Генералы, министры, судьи дружно объединили усилия для того, чтобы выгородить заведомого шпиона (Эстергази), торговавшего военными тайнами, и погубить невиновного. Не будь Дрейфус по своему социальному положению членом господствующего класса, не окажись у него энергичных, а главное, богатых друзей и родственников, он погиб бы в Кайене, как погибали в каторжных тюрьмах бесчисленные революционеры и передовые рабочие — жертвы Третьей республики.

Кабинет и парламент. В Третьей республике финансовая олигархия больше чем где бы то ни было склонна была возвысить исполнительную власть, используя в то же время в качестве ширмы развращенный и продажный парламент. Французская правополитическая мысль всегда усиленно работала в направлении теоретического обоснования этих притязаний, а в последние годы Третьей республики выдающийся юрист в наиболее законченном виде сформулировал теорию приоритета исполнительной власти и сосредоточения в руках кабинета всей власти государственного управления. В государстве первое место должно принадлежать власти исполнительной и лишь второе — власти, постановляющей решения[1]. Этого требует внешняя и внутренняя обстановка. "Со времени 1914 года страна подвергается извне и изнутри новым пагубным опасностям... Русская революция обусловила возникновение

[1] *Hauriou M.* Prйcis de droit constitutionnel. Paris, 1923. P. 527.

во всех государствах коммунистической партии, стремящейся к диктатуре пролетариата насильственными средствами. Необходима сильная исполнительная власть, которая окажет помощь людям благонамеренным, а всех других будет держать в повиновении"[1]. Но не так ли взывали к сильной исполнительной власти все реакционеры 80-х и 90-х годов и начала XX в.? И силой вещей совет министров из одного десятилетия в другое все явственнее становился той основной пружиной, которая давала общее направление политике. Но он же осуществлял и обширные законодательные и административные полномочия. Этому нисколько не помешало то, что практически в Третьей республике с самого начала утвердился институт ответственного правительства: оно солидарно отвечало перед палатой и в случае вотума недоверия уступало свое место новому правительству из лидеров новой парламентской коалиции. Эти смены кабинетов происходили часто, даже слишком часто. Были кабинеты, просуществовавшие один только день и павшие после первой же встречи с палатой депутатов (кабинет Рошбуэ в ноябре 1877 г., Рибо — в июле 1914 г., Марсал — в мае 1924 г.). С 1875 г. до начала первой мировой войны сменилось 48 кабинетов со средней продолжительностью в 9 месяцев и 22 дня. Наряду с этим некоторые кабинеты отличались весьма значительной устойчивостью. Вальдек-Руссо, Комб и Клемансо держались в качестве премьеров непрерывно около трех лет каждый (1899—1902; 1902—1905; 1906—1909 гг.). Но даже эти смены ничего не нарушили в последовательном процессе усиления исполнительной власти по той причине, что контингент государственных деятелей, способных играть руководящую роль, всегда был ограничен: одни и те же лица подолгу мелькали в качестве премьеров на политическом экране, имена одних и тех же влиятельных членов кабинета долгими годами не сходили со страниц политических летописей. Известно, что такие знаменитости, как Фрейсине, Барту, Бриан были министрами без перерыва около пяти лет каждый, и это вовсе не было рекордом: Делькассе был министром около семи лет, менее известный Кроши — около восьми лет. Тот же Фрейсине был председателем совета министров 4 раза, а министром 13 раз. Да и не сводилась ли смена правительства очень часто к тому, что нескольких маловлиятельных членов кабинета удаляли вон с тем, чтобы на их место посадить двоих или троих лидеров из новой парламентской комбинации, да нарочито создавали пару новых министров, нужных только для того, чтобы министерскими портфелями удовлетворить вожаков оппозиции, да среди прежних членов кабинета перетасовывали портфели?

Таким образом, даже и при анекдотической текучести французских кабинетов исполнительная власть здесь, по общему пра-

[1] *Hauriou M.* Prйcis de droit constitutionnel. Paris, 1923. P. 389.

вилу, оставалась в руках завсегдатаев министерств, и раз навсегда взятая линия на усиление и расширение правительственной власти никогда не обрывалась.

Исполнительная власть имела, следовательно, полную возможность подчинить себе законодательную и даже присвоить себе некоторые функции законодательства.

Так появилось на свет обширное законодательство кабинета ("регламент"), далеко оставившее позади себя скудное законодательство парламента. Так как даже политику в собственном смысле слова невозможно было без ежеминутного гибельного риска предоставить палате, разделенной на полтора десятка вечно враждующих фракций, то правительство самочинно, на свой собственный риск, повело и внутреннюю и внешнюю политику, усвоив манеру ставить палату перед совершившимся фактом. Как реагировала палата, зависело от тысячи условий, которых никогда нельзя было предусмотреть заранее. И очень часто непосредственным результатом бывала отставка правительства. Но если бы новое правительство вздумало что-нибудь изменить в этой тактике, оно внесло бы величайший и крайне опасный беспорядок в дела государства и, прежде всего, вооружило бы против себя саму палату депутатов.

Развитие местного управления. Одним из важнейших факторов, способствовавших укреплению исполнительной власти, послужила историческая централизация французской администрации. Центральный и местный бюрократический аппарат, созданный Первой империей, прошел почти невредимым через все революции и перевороты XIX в. и особенно пышным цветом распустился в Третьей республике. В эпоху Второй республики Тьер любил повторять, что реставрация хорошо сделала, не тронув старых административных учреждений империи. Но их не тронули и революции. Местное управление — фундамент всего бюрократического здания Третьей республики — было в основном создано и усовершенствовано всем предыдущим развитием. Вспомним, что административно-территориальное деление Франции на департаменты, округа и общины ("коммуны") создано было революцией XVIII в. Первая империя сохранила это деление, но наполнила его новым содержанием, в котором можно видеть компромисс между централизацией времен монархии и децентрализацией революции. "Решать коллегиально, действовать единолично" — этому наполеоновскому принципу подчинена была организация местных совещательных советов и местных исполнительных органов — префектов и мэров. И те и другие назначались центральной властью. Июльская монархия сделала советы выборными, а Вторая республика сделала выборными и мэров. Вторая империя ввела для выборов в советы всеобщее избирательное право, но вернулась к назначаемым мэрам. Наконец, в 1871 г. мэры стали выборными в не-

больших общинах, а по законам 1876—1882 гг. повсюду (кроме, конечно, Парижа, где никогда не было мэра), законы 1871, 1874, 1884, 1902, 1908 и других годов регулировали деятельность муниципальных и департаментских советов и уточнили их компетенцию, но лишь укрепили, в конце концов, ту жесткую зависимость, в которую советы и мэры еще Наполеоном I поставлены были в отношении к префекту.

Положение муниципальных и других чиновников. Результатом этого чрезвычайно сложного законодательства было то, что префект мог почти любое решение департаментского генерального совета приостановить и опротестовать, в чем ему всегда шла навстречу центральная власть. Да и какую цену имели неопротестованные решения генерального совета, если собственного исполнительного органа совет не имел и решения эти приводились в исполнение тем же префектом, который всегда и при всех условиях придерживался инструкций и директив министерства внутренних дел, а не генерального совета? Департаментские комиссии, учрежденные законом 1871 г. и призванные контролировать префекта в перерывах между сессиями генерального совета, вели призрачное существование. Что же касается муниципальных советов, то все решения их, за исключением самых маловажных, подлежали предварительному утверждению префекта. Мэр, избиравшийся муниципальным советом, превращен был в подручного префекта и мог быть по произволу отстранен от должности тем же префектом на время, а декретом Президента, т. е., по существу, министром внутренних дел, навсегда. Словно в насмешку над несчастными мэрами закон 1908 г. постановил, что это устранение может быть произведено лишь после того, как затребовано письменное объяснение мэра.

Подобная централизация, лишь несколько скорректированная специально французским принципом деконцентрации, была мощным орудием кабинета. С конца 80-х годов, с тех пор как республика укрепилась и последние сторонники монархии в государственном аппарате вынуждены были "удалиться или подчиниться", сделалось традицией сохранять на своих местах агентов аппарата совершенно независимо от правительственных пертурбаций. Эти лояльные, опытные и усердные чиновники оставались в своих должностях десятки лет и твердо обеспечивали преемственность административной политики.

Государственный совет. Было еще одно учреждение, призванное беречь бюрократические традиции и наблюдать, чтобы политические бури, свирепствовавшие в верхах государства, не находили доступа в застойную атмосферу низов. Государственный совет также создан был Первой империей и заботливо сохранен Третьей республикой. Он состоял в основном из советников, назначавшихся Президентом, главным образом, из числа бывших пре-

фектов. Он оказывал немалую помощь правительству, когда оно выступало со своими декретами, интерпретировавшими, заменявшими и отменявшими парламентские законы. Правительство даже обязано было в некоторых случаях запрашивать мнение Государственного совета, но оно, впрочем, никогда не обязано было следовать этому мнению. Он являлся в то же время высшим органом административной юстиции, т. е. судом по всем делам, в которых стороной являлась администрация. Его тайным и прямым назначением было, следовательно, покрывать своим авторитетом произвол правительства в области законодательства и администрации — в области управления. Он, конечно, делал в этом направлении все, что мог.

Политическая свобода в Третьей республике. Внутренняя политика кабинета всегда носила реакционный, по существу, характер. Это происходило независимо от того, оказывались ли у власти умеренные республиканцы 80-х годов (типа Ферри), еще боровшиеся с клерикальной реакцией, или республиканцы 90-х годов (вроде Фрейсине) эпохи укрепления республики и усиления социалистического движения, готовые к союзу с бывшими монархистами против поднимавшегося пролетариата, или радикалы 900-х годов (вроде Клемансо), которые отлично обслуживали монополистический капитал, умея свирепо подавлять рабочее движение и одновременно приобретать дешевую популярность в массах мелкой буржуазии мероприятиями, навязчиво рекламируемыми в качестве прогрессивных, но отмеченных той же печатью реакции. Если, например, в 1881 г. была признана свобода печати и собраний, то законами 1893 и 1894 гг. печать была подчинена весьма существенным ограничениям, для чего как предлогом воспользовались анархистскими эксцессами этих лет. И, конечно, новые законы (“злодейские”) были немедленно направлены не столько против анархистов, сколько против революционных социалистов. Законы эти так общо и расплывчато говорили о “призыве к насилию”, что явилась, например, возможность предавать суду (без участия присяжных) за умеренный и скромный протест против смертной казни.

Тем не менее напор народных масс был иногда так энергичен, что правительство бывало не раз вынужденным идти на либеральные реформы.

Отношения церкви и государства. В 1904—1905 гг. проведено было отделение церкви от государства, но, как и многое другое, это было сделано со всевозможными уступками клерикалам. Воспрещая всякие официальные отношения между государственными органами и учреждениями культа, законодатели совершенно сознательно оставили лазейку для неофициальных отношений, принимавших форму материальной помощи члену причта со стороны муниципальных властей путем предоставления ему коммунальной

должности, — очевидно, синекуры. Больше того, закон прямо признавал полковых священников и относил содержание их на средства государства. Он разрешал даже брать на счет государства расходы по отправлению культа в закрытых учебных заведениях, в тюрьмах и тому подобных местах. Вместо того, чтобы конфисковать громадные имущества, принадлежавшие церкви, в особенности католической, правительство великодушно предложило его "ассоциациям культа", а так как их не оказалось, то богатства эти пошли в руки различных подставных организаций (благотворительных и т. п.), за которыми скрывались те же попы и монахи. Так как, далее, римско-католическая церковь упорно сопротивлялась и не признавала закона 1905 г., то рядом законов 1907 и 1908 гг. правительство пошло на существенные уступки: использование церковных зданий по назначению и самые собрания верующих для религиозных целей были поставлены в столь благоприятные условия, что публичное отправление культа могло продолжаться в обстановке, мало отличающейся от той, которая существовала до 1905 г.

Военный режим и его последствия. Когда началась война 1914—1918 гг., правительство без всякого труда направило все ресурсы администрации и всю силу государственного аппарата на военные цели. Для большей простоты палата (как и сенат) была почти устранена, и диктатура кабинета составила одно натуральное целое с диктатурой военных властей. Эта линия правительства прекрасно выражена была уже значительно позже, в конце 1917 г., не кем иным, как Клемансо, когда он, сформировав кабинет, не стал распространяться перед палатой о своих планах и намерениях, а объявил кратко, но внушительно: "Я буду вести войну. Вот и все".

С первых же дней войны палата, избранная весной 1914 г., прекратила регулярные заседания, и если изредка собирались, то далеко не в полном составе и лишь в закрытых заседаниях. Вся парламентская жизнь сосредоточилась в парламентских комиссиях, где и происходили тщательно скрываемые от посторонних глаз межфракционные сделки и перетасовки. Бывшему социалисту Вивиани, как главе кабинета, образованного в июне 1914 г., выпала сомнительная честь объявить в первые же месяцы войны о временной отмене политических свобод, т. е., в сущности говоря, о приостановке Конституции. Правительство Вивиани, пополненное Мильераном и Делькассе, а главное, социалистами Гедом, Самба и (позже) Тома, получило звание "Правительства национальной обороны" и в качестве такового немедленно вступило в войну с трудящимися массами, требуя от них бесконечных жертв и жестоко подавляя малейшее проявление недовольства. Военная цензура подчинила себе не только прессу, но и все, вообще существующие в природе способы выражения чувств и мыслей.

Развитием военных действий и всей военной конъюнктурой правительство неукоснительно пользовалось для все более жесткого зажима в отношении общества и для освобождения себя от остатков общественного контроля. Бриан, сменивший в конце 1915 г. Вивиани на посту премьера, как более способный оправдать доверие объединенной реакции, создал малый кабинет из пяти министров, который и был настоящими военным кабинетом, работавшим по прямым директивам тяжелой промышленности.

И все-таки недовольство и сопротивление рабочих масс росло. В социалистической партии обострялись разногласия и колебания. При первых известиях о Февральской революции 1917 г. положение настолько усложнилось, что кабинет Бриана пал. За короткое время с марта по октябрь 1917 г. сменились два министерства, пока, наконец, в ноябре к власти не пришел Клемансо, который массами предавал рабочих военному суду, ссылал, отправлял на многолетнюю каторгу, расстреливал. Он не остановился перед тем, чтобы инсценировать обвинение в государственной измене против двух бывших министров (Мальви и Кайо). Но и после заключения мира Франция хранила в своей общественной жизни и государственном аппарате глубокие следы военного режима, обескровившего и без того худосочную демократию Третьей республики.

§ 4. Французская колониальная империя

Рост колониальной империи. Во внешней политике Третьей республики выдающуюся роль играла колониальная экспансия. В промежуток 1880—1918 гг. создана была обширная колониальная империя Франции, вторая по пространству и населению после Британской. Шаг за шагом, в кровопролитной войне с народами Африки и Азии, среди беспрестанных конфликтов с Англией и Германией, закончено было завоевание Северной Африки (Алжир, Тунис, Марокко), захвачены были Сенегал, Судан, Нигер, часть Сомали, берега Гвинейского залива, реки Конго и озера Чад. После десятилетней войны в 1895 г. захвачен был остров Мадагаскар. В Азии Третья республика унаследовала от Второй империи только Кохинхину и Камбоджу, небольшие, сравнительно, территории на юге Индо-Китайского полуострова, да еще Пондишери в Индостане — ничтожный остаток былых индийских владений, но она почти немедленно двинулась на север, на завоевание Аннама и Тонкина, и хотя терпела жестокие поражения от аннамитов, от китайских партизан ("Черные знамена") и китайских регулярных отрядов ("Желтые знамена"), тем не менее к началу XX в. громадная страна была завоевана.

К началу войны 1914—1918 гг. колонии Франции раскинулись в Африке, Азии и Америке на территории пространством свыше

8 миллионов квадратных километров с населением свыше 50 млн. В результате же войны были присоединены к этой колониальной империи части германских колоний в Африке (Того и Камерун) под видом мандатных территорий, и в колонии же были, по существу, превращены подмандатные территории — Сирия и Ливан (ранее входившие в состав Турции).

Роль колоний. С той минуты, как колониальная империя Франции сложилась в своих главных чертах, буржуазия усвоила по отношению к ней уже в дальнейшем не меняющуюся политику. Колонии должны были служить экономическим дополнением метрополии и регулировать свою хозяйственную жизнь так, чтобы французское сельское хозяйство и французская промышленность были застрахованы от всякой конкуренции с этой стороны. Колонии были с самого начала обречены на вековечную роль рынков определенного сырья и рынков сбыта промышленной продукции метрополии. Так как французский капитал, избалованный легкими и крупными прибылями в отсталых странах Европы и на Ближнем Востоке, не особенно охотно шел в колонии, последние не получали от Франции даже тех минимальных технических усовершенствований, которые буржуазные культуртрегеры обычно несут в зависимые страны, взимая, правда, за это немалую плату.

Управление колониями. Алжир. Экономическим назначением колоний определялась и их политико-административная организация. Метрополия стремилась поддерживать добрые отношения с феодально-племенными верхами колоний и превращать их, где можно, в своих союзников и помощников. Она вступала в непрестанные конфликты с нарождающейся буржуазией колоний, подавляла национально-освободительное движение, и то подкупала буржуазию мелкими экономическими и политическими уступками, то устрашала ее перспективой роста местного рабочего движения. Почти всюду французское правительство по возможности использовало племенные распри, раздувало религиозную рознь и культивировало отсталые пережитки в быту подчиненных народов. Цивилизаторские приемы завоевателей были, по меньшей мере, сомнительны. Кое-где, а больше всего в африканских колониях, введены были различные формы принудительного труда, не вознаграждаемого вовсе или вознаграждаемого очень скудно. Администрация колонии ввела обложение коренного населения поголовным денежным налогом, — пусть небольшим, но которого туземец в условиях местного натурального хозяйства заведомо не мог уплатить. Неуплата же налога служила "законным" поводом принудительной отработки, практиковавшейся не только в пользу государства, но и в пользу частных лиц, по указанию администрации. Установилась широкая практика натуральных повинностей, от которых не освобождались ни женщины, ни дети. Терпелось лишь слегка замаскированное рабство детей, продаваемых родителями чаще всего в уплату налогов.

Управление колониями распределено было между тремя министерствами: Алжир состоял в ведении министерства внутренних дел, Тунис и Марокко — министерства иностранных дел, остальные — в ведении министерства колоний, учрежденного в 1894 г.

Во главе администрации Алжира находился генерал-губернатор, непосредственно подчиненный министру внутренних дел. При нем состояли административный совет из чиновников и высший административный совет из чиновников и из выборных от населения. Оба совета имели чисто совещательный характер. Главным, если не единственным, источником законодательства для Алжира служили декреты Президента республики, хотя законы, изданные парламентом, тоже могли распространяться на Алжир, что случалось, однако, очень редко. Генерал-губернатор издавал постановления на основе декретов правительства. Территория Алжира разбита была на три департамента с префектами и генеральными советами в каждом из них. Генеральный совет избирался французами — жителями Алжира и представителями крупнейшей туземной буржуазии. Вообще коренные жители Алжира считались не гражданами (citoyens), а подданными (sujets) и по большинству вопросов подчинялись не гражданскому начальству в лице префекта, а военному — в лице дивизионного генерала, имевшегося в каждом департаменте. Французское гражданство до 1919 г. жаловалось в виде редкого исключения из общего правила. Закон 1919 г. "облегчил" приобретение французского гражданства, поставив условиями этого: грамотность по-французски, обладание французским знаком отличия, обладание сертификатом о добром поведении и т. п.

Тунис и *Марокко*. Иначе поставлено было дело в Тунисе и Марокко. Соглашением в Бордо (1881 г.) тунисский бей был признан государем Туниса. Но рядом с ним поставлен был французский резидент, осуществлявший полную над ним опеку: он визировал его указы, служил посредником между ним и правительством метрополии и осуществлял в действительности законодательную и исполнительную власть, опираясь на своих помощников, называвшихся министрами. В отношении коренного населения Туниса сохранено было деление на племена с "каидами" во главе их, назначающимися беем и соединяющими в своих руках местную административную и судебную власть. Впрочем, над каждым каидом сидел "гражданский контролер", назначавшийся резидентом.

Схоже организовано было управление в Марокко: султан, а над ним резидент, он же министр иностранных дел марокканского султаната, без подписи которого указы султана были недействительны. И здесь то же тщательно консервированное племенное деление с каидами и их помощниками (шейхи и калифы). В городах каидам соответствовали паши. А над ними в качестве настоящей власти — гражданские контролеры. Впрочем, для целей военного управления Тунис и Марокко разбиты были на области, терри-

тории и округа с военными начальниками в каждом из этих делений.

Другие колонии. Колонии, находившиеся в ведении министерства колоний, из которых главные — Французская Западная Африка, Французская Экваториальная Африка, Мадагаскар, Индокитай и несколько Антилльских островов — делились в отношении управления на две крайне неравные группы. Антиллы (Мартиника и Гваделупе), а также Острова Соединения, где преобладало население французского происхождения, управлялись на основе законов французского парламента, имевших, впрочем, лишь очень общую формулировку и касавшихся лишь самых принципиальных вопросов. Колонии эти имели генеральные советы, и губернаторы играли здесь роль, близкую к роли префектов в департаментах метрополии.

Почти вся остальная масса колоний была разделена на четыре генерал-губернаторства: Африка Западная, Африка Экваториальная, Мадагаскар, Индокитай. Здесь источником законодательства являлись почти исключительно правительственные декреты. Здесь генерал-губернатор в качестве главы администрации и представителя правительства метрополии нес всю ответственность за внутреннюю и внешнюю безопасность колоний. Он председательствовал в высшем административными совете, состоявшем из губернаторов провинций, начальников ведомств и представителей местных провинциальных административных советов.

Индокитай. Среди генерал-губернаторств особый интерес представлял Индокитай — самая населенная и богатая колония Франции (свыше 800 тысяч квадратных километров и около 19,5 миллионов населения, по данным 1913 г.). Для удобства эксплуатации страна была искусственно разделена на 6 частей: Кохинхина, находившаяся в непосредственном и полном управлении французских агентов; Аннам, Тонкин, Камбоджа, считавшиеся протекторатами, где французское правительство терпело местных князьков и их ставленников и допускало их участие в эксплуатации трудящихся масс; Лаос — почти в таком же положении и Гуанчжоувань, имевший особое управление. Права генерал-губернатора определены были декретом 1911 г. Он был главой администрации всего Индокитая, ему были подчинены губернатор Кохинхины, главные резиденты Тонкина, Аннама, Камбоджи и Лаоса и администратор Гуанчжоуваня. В Кохинхине при губернаторе имелся колониальный совет, в главных городах Кохинхины (Сайгон), Тонкина (Ханой и Хайфон) имелись муниципальные советы. Все эти части Индокитая разделены были на провинции с гражданским администратором во главе каждой. Здесь, впрочем, рядом с французской администрацией допускалось существование местных администраторов из коренных жителей (тондоки, фу, туан-фу), превращенных фактически в агентов правительства, выколачивавших налоги и принуждавших население к выполнению многообразных лежавших

на нем повинностей. В 1919 г. учреждена была в Тонкине совещательная палата из представителей местной племенной знати. Такие же палаты имели и другие части Индокитая.

§ 5. Гражданское право

Отдельные реформы гражданского права. Развитие гражданского права Третьей республики характеризуется изданием ряда законов, отчасти изменяющих отдельные статьи Гражданского кодекса (и относящиеся к числу основных и принципиальных), отчасти — устанавливающих правила, касающиеся институтов, не включенных в состав Кодекса. Однако подавляющее большинство постановлений Кодекса, в частности общие правила о праве собственности и о договорах, остаются неизменными.

Обострение классовой борьбы пролетариата против буржуазии приводит, наряду с репрессивными мерами со стороны государства, к необходимости некоторых отдельных уступок рабочим, направленных, в конечном счете, к упрочению положения буржуазии. К числу этих мер относятся законы 1890 г. об отмене рабочих книжек (затруднявших рабочим перемену места работы), 1898 г. — об ответственности за вред, причиненный рабочему вследствие несчастного случая (закон этот устанавливал, однако, лишь весьма ограниченное и по кругу случаев, и по размеру вспомоществование рабочим).

С другой стороны, был осуществлен ряд частичных буржуазно-демократических реформ, главным образом, в области семейного права. Реформы эти, по общему правилу, осуществляли требования мелкобуржуазных слоев. Так, в 1884 г. был издан закон о разводах, а в 1886 г. — о процедуре развода, представлявшей некоторые облегчения для лиц, ищущих развода, что не мешает, однако, тому, что и при новой процедуре развод является сложным, длительным и дорогостоящим судебным процессом, в 1893 г. была установлена возможность раздельного жительства супругов (жене дается право жить отдельно от мужа и пользоваться некоторой имущественной самостоятельностью, хотя брак сохраняется). В 1889 г. был издан закон о защите детей, которые были покинуты или подвергаются жестокому обращению; в некоторых наиболее резких случаях устанавливалось лишение отца его власти. В 1896 г. были несколько расширены наследственные права признанных внебрачных детей. В 1897 г. замужней женщине было предоставлено право выступать свидетелем при совершении актов. Наконец, в 1912 г. была отменена прежняя редакция ст. 340, запрещавшей отыскание отцовства, и было разрешено, хотя и в довольно ограниченном круге случаев, устанавливать судебным порядком отца внебрачного ребенка. Но иск о признании отцовства не принимается, если во время зачатия мать ребенка была в близких

отношениях не только с ответчиком. Легко себе представить, какой простор это правило открывает для уклонения ответчика от ответственности путем привлечения всяческих лжесвидетелей, которые порочат перед судом мать внебрачного ребенка.

Торговое право. Роль "торгового обыкновения". В области регулирования торговых сделок растет значение всякого рода торговых обыкновений. В ряде сделок (например, купли-продажи, страхования, банковских и т. п.) права и обязанности сторон во многом определяются всякого рода "общими условиями поставок" и типовыми договорами, вырабатываемыми монополистическими объединениями. В этих случаях закон играет уже второстепенную роль в деле регулирования указанных сделок: на первом месте стоит регулирование самими монополистическими объединениями тех сделок, в которых непосредственно заинтересован крупный капитал. Это регулирование исходит из "торговых обыкновений", выражающих практику крупной торговли и складывающихся под активным воздействием крупнокапиталистических организаций. Конечно, нет какой-либо единой системы торговых обыкновений. Наоборот, эти обыкновения являются весьма дробными и изменчивыми, — отдельные биржи и морские торговые порты имеют свои обыкновения, и последние нередко варьируются по отдельным видам товаров. Представляется ясным, к каким выгодам приводит применение таких обыкновений для монополистических объединений, утверждающих и этим путем свое господство. Ясно и то, что империалистическое государство, являющееся выразителем интересов крупного капитала, не только не препятствует широкому применению торговых обыкновений, но и закрепляет правомерность их применения. Развитие капиталистических отношений в ряде случаев идет помимо законодательного оформления. В частности, только в 1930 г. во Франции издан общий закон о договоре страхования — до тех пор отношения сторон по страховому договору в ряде существенных отношений нормировались правилами, которые вырабатывали страховые общества. Другой пример. Такой важный процесс, как развитие картелей, происходит зачастую без отражения этого процесса в законодательстве: картели возникают на основе договоров между их участниками, и договоры эти часто хранятся в глубокой тайне. Понятно поэтому, что в области регулирования торгового оборота выходит сравнительно мало законов. Из более крупных мероприятий во Франции можно отметить лишь закон 1909 г. о продаже и залоге предприятий; закон этот в первую очередь направлен на сохранение интересов кредиторов отчуждаемого предприятия.

Роль судебной практики. Период империализма характеризуется и расширением судейского усмотрения. Суд, являющийся верным слугой господствующего класса, приобретает возможность отступать от правил закона и проводить в своих решениях установки, соответствующие интересам монополистического капитала.

Например, если проданный товар не соответствует образцу, то это влечет расторжение договора. Однако если в данной области торговли имеется обычай, что покупатель должен оставить за собой и дефектный товар, при условии сбавки с цены, то этот обычай и подлежит применению. Совершенно ясно, что такой взгляд судебной практики продиктован стремлением оградить интересы торгового предприятия, являющегося продавцом.

Тем не менее, несмотря на то, что суд находится в руках буржуазии, замечается стремление участников торгового оборота избавиться от рассмотрения торговых споров общими судами и организовать свои органы для быстрого и безапелляционного разрешения дел. Получает широкое распространение рассмотрение споров в третейских судах, избираемых — формально — по соглашению спорящих сторон, но являющихся фактически непосредственными проводниками установок монополистического капитала и базирующихся в своих решениях на торговых обыкновениях, т. е. на практике крупной торговли сегодняшнего дня.

Законодательство военного времени. Война 1914—1918 гг. потребовала в области гражданского права чрезвычайных мер, выходящих далеко за рамки довоенного права. Законом 5 августа 1914 г. правительство было уполномочено принимать все необходимые меры для облегчения выполнения обязательств и приостановления сроков давности. Был издан ряд распоряжений о мораториях, т. е. об отсрочке, в силу закона, выполнения обязательств. Далее, принимаются чрезвычайные меры для прикрепления рабочих к предприятиям. По закону 17 августа 1915 г. квалифицированные рабочие, призванные в армию, могли быть демобилизованы и направлены на работу, но это означало, что они обязаны принять установленные предпринимателем условия. На основании декрета 17 января 1917 г. при наличии коллективного конфликта между рабочими и фабрикантом рабочие не могли прекратить работу без представления спорных вопросов в орган разрешения трудовых конфликтов. Решение этого органа становилось обязательным для спорящих сторон. Распространение, далее, получили реквизиции, т. е. принудительное отобрание имущества, нужного для ведения войны за фиксируемую в принудительном порядке цену (которая нередко была значительно ниже рыночных цен). Отчасти к этой же группе мероприятий относится и жилищное законодательство периода войны. Были ограничены права домовладельцев по выселению квартирантов (даже по окончании срока договора найма), и квартирная плата была нормирована.

Война ввела в практику многочисленные мероприятия против подданных неприятельского государства. Еще декретом 27 сентября 1914 г. были воспрещены всякие торговые отношения с неприятелем, и гражданам противной стороны запрещалась всякая торгово-промышленная деятельность на территории Франции. Санкцией нарушения указанных запретов являлась тюрьма до пяти лет

и штраф до 20 тысяч франков. С другой стороны, с 1914 г. начал осуществляться секвестр (т. е. изъятие от владельцев и установление принудительного управления) предприятий, принадлежащих гражданам неприятельских стран.

§ 6. Уголовное право

Закон о релегации, закон против анархистов и некоторые другие. Наступление реакции нашло свое выражение и в уголовном законодательстве Франции. Издается ряд законов, носящих исключительный характер и направленных не только против преступников — рецидивистов и профессионалов, но и против революционных деятелей. Таковы, например, законы о релегации (1885 г.) и об анархистах (1894 г.). Релегация означала пожизненную ссылку в Гвиану, отличающуюся убийственным климатом, который, вместе с установленным для ссыльных бесчеловечным режимом, приводил к быстрому вымиранию ссыльных. Применялась релегация к рецидивистам, т. е. к лицам, совершившим определенное число преступлений и осужденным к наказаниям определенной тяжести.

Закон 28 июля 1894 г. против анархистов установил тяжелые наказания, вплоть до релегации, за различные действия (нарушение законов о печати, побуждение к совершению различных преступлений и т. д.), которые суд признает совершенными в целях "пропаганды анархизма" или с целью побуждения к преступлению. Расплывчатость и растяжимость закона 1894 г. дала судам возможность применять этот закон к деятелям революционных партий, а впоследствии — в особенности — к членам коммунистической партии.

Уголовное законодательство рассматриваемого периода не теряет общего своего реакционного характера, несмотря на отдельные либеральные меры в области уголовного права и процесса. Таковы законы об условном осуждении и об условно-досрочном освобождении, а также об особых судах для несовершеннолетних правонарушителей.

В области уголовного процесса можно отметить столь же единичные случаи проявления либерализма. Так, например, изданный в 1897 г. закон хотя и не ввел состязательности в стадии предварительного следствия, но установил все же некоторый контроль защиты над следствием и несколько расширил процессуальные права защиты в этой стадии.

Глава 11. АНГЛИЯ И БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В 1871—1918 гг.

§ 1. Закат либерализма

Борьба за признание тред-юнионов. Во второй половине XIX в. импульс, данный блестящими экономическими успехами предыдущего двадцатилетия, еще довольно долго сказывается расцветом внешних демократических форм.

Нам уже известно, что два десятилетия, последовавшие за тарифной реформой 40-х годов, были временем несравненных успехов экономического развития Англии. "Все прежние поразительные успехи, достигнутые с помощью пара и машин, совершенно стушевались перед мощным подъемом производства за 20 лет от 1850 до 1870 г."[1]. Это блестящее развитие вызвало значительное улучшение положения верхов рабочего класса, но сравнительно мало коснулось широких масс пролетариата и лишь относительно подняло уровень их существования. Энгельс констатировал в 1885 г., что "Ист-Энд Лондона представляет собой все более расширяющуюся трясину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физического и морального упадка при наличии работы. За исключением только привилегированного меньшинства рабочих, то же самое происходит и во всех других крупных городах; не лучше обстоит дело в более мелких городах и сельских округах"[2]. В этих условиях рабочие массы глухо волновались и то и дело вступали в борьбу с предпринимателями. Но законы оказывали предпринимателю в этой борьбе явное покровительство: нарушающий договор рабочий шел в тюрьму, нарушающий договор предприниматель рисковал лишь тем, что суд приговорит его к уплате денежной компенсации. Начавшаяся с 60-х годов широкая стачечная волна вызвала жестокие репрессии со стороны предпринимателей и судов. Особенно важно было то, что тред-юнионы, несмотря на узкие чисто экономические цели, которые они перед собой ставили, главным образом в интересах наиболее зажиточной части рабочего класса, не могли оказать рабочим существенную помощь, ибо законы 1825 г. и следующих годов лишали их прав юридического лица ("корпораций") и рядом оговорок

---

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к книге "Положение рабочего класса в Англии" // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 2. С. 272.

[2] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 273.

делали невозможной поддержку со стороны тред-юнионов бастующим рабочим. Понимая необходимость считаться с рабочими, голоса которых после реформы 1867 г. обеспечивали либералам их избирательные победы, Гладстон — глава либеральной партии — не мог идти против интересов предпринимателей, и закон 1871 г., проведенный им, разрешал, наконец, тред-юнионам являться в суд в лице своих представителей, но оставил в силе почти все ограничения права стачек, между прочим, и запрещение пикетирования. Ограниченно-классовый и условный характер либерализма, как политического течения, демонстрировался этим достаточно ясно. Рабочие-избиратели повернулись спиной к либералам и на выборах 1874 г. дали неожиданную победу консерваторам (впервые после 1847 г.). Консервативному кабинету, гораздо менее, чем либеральный связанному с промышленностью, легче было уступить рабочим: в 1875 г. установлено было договорное равноправие рабочих и нанимателей, был легализован коллективный договор и перестала быть уголовно наказуемой помощь как таковая бастующим со стороны тред-юнионов и их организаций.

Различные избирательные реформы. Демократические реформы продолжались и в других областях. Первая же палата общин, избранная на основании нового избирательного права, вынуждена была обратить внимание на продолжающуюся и даже частью усилившуюся между 1832—1867 гг. избирательную коррупцию. Меры против различного рода злоупотреблений оставались безрезультатными. Казалось, что единственным способом охранить избирателя от незаконного давления и подкупа являлось тайное голосование. Как раз в избирательную кампанию 1868 г. были совершены особенно многочисленные и вопиющие нарушения свободы выборов, и либеральное министерство 1868—1874 гг. провело в 1873 г. после длительной борьбы с палатой лордов билль о тайном голосовании. Конечно, эта мера имела лишь частичный успех. Подкуп и иные формы избирательных злоупотреблений продолжали быть сильным орудием в руках особенно консервативной партии, что и вызывало резкую реакцию со стороны либералов. В 1883 г. второе министерство Гладстона провело законодательное ограничение избирательных издержек и обязало избирательных агентов к публичной отчетности. Закон установил перечень избирательных преступлений и значительно усилил наказание за них.

Реформа 1884 г. Вскоре вслед за этим последовала новая реформа избирательного права. Дело в том, что реформы 1832—1867 гг. не устранили, а усложнили пестроту избирательных цензов, ибо, не создавая единого избирательного ценза, реформы эти к избирателям, пользовавшимся избирательным правом на основе старых законов, присоединили новые категории, различные притом в графствах и городах. Главное зло усматривалось в том, что реформа 1867 г. распространила избирательное право на квартир-

ных жильцов только в городах, так что избирательное право в графствах оказалось явно и значительно уже, чем в городах. С другой стороны, становилось все нестерпимее несоответствие между числом избирателей в округах и числом мандатов, приходившихся на округа, что требовало нового перераспределения депутатских мест. Либералам хотелось провести это перераспределение уже через новую палату общин, выбранную на основе нового избирательного закона, что обещало перераспределение в пользу либералов. Консерваторы требовали одновременного с реформой перераспределения, не желая допустить возможное майоризирование фермерских избирателей в графствах промышленными рабочими графств, например горняками. На этой почве возник, как водится, конфликт между палатой общин и палатой лордов, но неофициальное вмешательство королевы способствовало тому, что лидеры либералов и консерваторов пришли к полюбовному соглашению относительно перераспределения.

Реформа избирательного права прошла в 1884 г., а перераспределение — в 1885 г. Первая почти утроила число избирателей в графствах, доведя его с 90 тысяч до 2 миллионов 500 тысяч. Вторая реформа лишила самостоятельного представительства 105 местечек, имевших менее 16 тысяч жителей; по одному месту получили города с населением менее 57 тысяч жителей; более значительным городам число мандатов было соответственно увеличено. Города и графства разделены были на округа, выбиравшие только по одному депутату ("одночленный список").

Избирательное право все еще оказывалось очень далеким от совершенства. Диспропорция между числом избирателей и числом мандатов сохранялась еще во многих случаях (городишко Даргем с 15 тысячами жителей и округ Рамфорд в графстве Эссекс, имевший 27 тысяч жителей, давали по одному представителю). Лица, занимавшие в нескольких округах помещения, дающие право голоса, получали несколько голосов. Порядок регистрации избирателей отличался сложностью. Выборы происходили не в один день по всей стране. Для избрания не требовалось непременно абсолютного большинства: если голоса разбивались, побеждало относительное большинство. Вознаграждения депутатам все еще не полагалось.

Практика показывала, что почти все эти несовершенства благоприятствовали консерваторам.

Реформа местного самоуправления в графствах. Только в 1888 г. реформа городского самоуправления, произведенная в 1835 г., распространена была на графства. Закон создавал в графствах выборные советы наподобие городских и им передал почти все административные права, раньше находившиеся в руках мирового судьи. Отметим здесь же, что в 1894 г. реформа местного самоуправления была распространена и на сельские единицы: в

приходах с населением свыше 300 жителей появился выборный совет. Таким-то образом местное самоуправление из рук аристократии перешло в руки буржуазии.

Упадок промышленной монополии Англии и политическое значение этого. Благодаря этим и им подобным реформам 70-е годы были свидетелями расцвета английского либерального государства, что позволило, как известно, Марксу допускать здесь возможность мирного развития буржуазной демократии в демократию пролетарскую. Но прошло немного времени, и стали умножаться признаки, говорящие о переменах в характере английского государственного строя. И неудивительно: ведь английский либерализм вырос непосредственно на политической экономии фритредерства. В 1820 г. в парламент была подана знаменитая лондонская петиция, в которой светила промышленного мира решительно восставали против вмешательства государства в экономическую жизнь. Выступая против меркантилизма в экономике и абсолютизма в политике, средний класс отвергал всякую претензию государства на регулирование экономических и общественных отношений. Победа либерализма знаменовала ослабление государственной власти и сокращение сферы ее применения. В то время, как на континенте программа либерализма в своем практическом осуществлении сразу натолкнулась на непреодолимое препятствие, для Англии она явилась чистым выражением мощного развития промышленности в стране, которая уже выполнила задачу создания единого национального государства и под охраной могущественного флота обеспечила ему безопасность от внешних угроз. В противоположность континентальному государству, окруженному врагами извне, волнуемому классовой борьбой изнутри, вынужденному развиваться под знаком суровой идеи этатизма с ее внешним выражением в виде регулярной армии и всесильной бюрократии, Англия, благодаря своему островному положению и компромиссу 1689 г., получила возможность отказа от воинской повинности и от правительственной централизации. Так продолжалось до 70-х годов XIX в., и было ясно, что "промышленная монополия есть краеугольный камень существующего в Англии общественного строя"[1]. Но времена успеха и благоденствия оказались преходящими. С 1876 г. Англия вступила в состояние длительного упадка всех главных отраслей промышленности, и больше всего тех, которые, подобно текстильной промышленности, некогда создали монополию Англии и с которыми традиционно, еще со времен Кобдена, связаны были либералы. Все увидели, что земледельческие и экономически отсталые страны, на промышленной слабости которых Англия построила свою гегемонию, не намерены оставаться весь век ее подчиненной тенью в деле эксплуатации мирового рынка. Амери-

[1] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 274.

ка, Франция, Германия, даже Россия стали все усиленнее производить, и не только для себя, но и для всего мира. Наконец, убедительнейшие факты и цифры объявили Англии, что ее промышленное превосходство подорвано и что она переходит в период застоя.

Перемены в идеологии либералов. Но с ущербом промышленной монополии должны были неизбежно поколебаться основы общественного строя Англии. Важнее всего было то, что стали обнаруживаться трещины в знаменитом социальном мире, стали ломаться и перестраиваться отношения между господствующими и подчиненными классами. Изменилась, прежде всего, буржуазия. Действие германской и американской конкуренции она стремилась преодолеть известным понижением уровня жизни рабочего класса и оживлением колониальной политики. И то и другое было враждебно старым принципам либерализма. Пребывая пока еще относительно миролюбивым и сдержанным в иностранных отношениях, новый либерализм, ставший теперь программой средней и мелкой буржуазии, с тем большей надеждой обратился к своему государству, ожидая и требуя от него энергичного вмешательства в классовые отношения. Это требование мотивировалось, конечно, соображениями "общего блага", защиты неимущих, даже свободы. "Чем больше государство вмешивается, тем больше свободы"[1]. Та же болезненно ощущавшаяся конкуренция промышленных соперников на мировом рынке принудила либерализм постепенно отказаться от былого пренебрежительного отношения к колониям и признать, что "империя — благодетельная сила" и что "как бы туземные народы ни ценили свою независимость, последняя, однако, не есть еще высшее благо", — негру и индийцу нужна не демократия, а спасительная опека британского чиновника[2].

Очевидно, что это уже не прежний либерализм, воспламенивший когда-то умы и сердца, а его вялый и бесцветный эпигон, доживающий дни в мучительном разладе с самим собой.

Новый торизм. Его внутренняя и внешняя политика. Но тем лучше, казалось бы, должны были себя чувствовать консерваторы. С упадком легкой промышленности, с приближением новых войн и новой колониальной экспансии приобретает новое значение тяжелая промышленность, работающая на войну. Земельная аристократия Англии, опирающаяся на свою цитадель — Ирландию, приветствует политику колониального расширения. Ее интересы многообразно переплетаются с интересами владельцев угольных копей и предприятий тяжелой промышленности, с банками, экспортирующими капитал, с влиятельной колониальной бюрократией. Консервативная партия, сохранившая исконную связь

[1] *Samuel H.* Op. cit. P. 25.
[2] Ibidem. P. 413—415.

с земельными магнатами, расширяет и укрепляет сношения с крупным капиталом. По мере того, как гибла "вера в "великую либеральную партию", вера, которая господствовала среди английских рабочих в течение почти 40 лет"[1], консерваторы спешат перехватить влияние на народную массу, чтобы по возможности бесконтрольно ею управлять. Они тоже изменились, хотя и не так значительно, как либералы. Активная колониальная политика, укрепление и расширение империи были лозунгами, от которых они никогда не отказывались окончательно, — теперь, со второй половины 70-х годов, они подхватили их с новой силой. На рубеже двух эпох, при переходе от "свободного" капитализма к монополистическому капитализму, к финансовому капиталу, они сделались агентами империализма и в нем увидели решение всех роковых социальных вопросов. Как раз Дизраэли, испытывавший в 50-х годах такое отвращение к колониям и ставший в 70-х годах лидером консерваторов, в 1877 г. провозгласил королеву Англии императрицей Индии и возглавил движение "джингоистов", почитателей бога войны — Джинго, поджигателей колониальных войн. Он и его соратники уже тогда, в сущности, осознали империалистическую теорию, которую в конце XIX в. сформулировали Чемберлен и Родс. "Чтобы спасти 40 миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, — говорил Родс, — мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами"[2].

Выступая спасителями общества, консерваторы силились создать что-то вроде программы "народного торизма", смутно толкуя о сближении народа с монархией, чему до сих пор, дескать, мешала аристократия, о поднятии путем такого сближения народного благосостояния, об укреплении английского национального чувства, и все это — под сенью возвеличенной национальной церкви. Эта безвкусная смесь национализма и клерикализма, приправленная демагогией, распространялась среди рабочих околопартийными организациями консерваторов вроде "Лиги подснежника". Своих членов Лига насчитывала миллионами. С большим учетом психологических и бытовых особенностей полумещанских, полупролетарских слоев она заманивает приверженцев раздачей титулов "Рыцаря", "Дамы" и т. п. Фермер, рабочий, прачка, мелкая торговка получают за малую годовую плату высокое звание, отличи-

[1] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 278.

[2] *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Соч. Т. XIX. С. 134.

тельный значок и доступ в родовые замки и блестящие дворцы на собрания и праздники Лиги, где отборная знатьториев угощает этих "рыцарей" скверным чаем, плохой любительской музыкой и дрянными брошюрками.

Глубокие перемены в положении английского рабочего класса. Перемена в фундаментальных экономических устоях Англии могла ли не вызвать крупнейших перемен в положении рабочего класса? Мы видели уже, что его своеобразное отношение к буржуазии, отказ его лидеров от революционной тактики, их пристрастие к компромиссам и сделкам с капиталом, все это питалось исключительно благоприятным положением буржуазии, которая была в состоянии легко покорять верхи рабочего класса, приручать его вождей и навязывать пролетариату свою идеологию. Своей многолетней упорной критикой принципов свободной торговли Маркс и Энгельс разоблачили стремление либерализма возвести свободную торговлю в жизненный принцип целой нации и тем самым гасить в зародыше проблески социализма. Очевидно, что с падением основы благополучия буржуазии рабочий класс должен был освобождаться из политического и идейного плена, в котором он находился: "Истина такова: пока сохранялась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии... Вот почему с тех пор, как вымер оуэнизм, в Англии не было больше социализма. С крахом промышленной монополии английский рабочий класс потеряет свое привилегированное положение. Наступит день, когда он весь, не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, окажется на таком же уровне, на каком находятся рабочие других стран. И вот почему социализм снова появится в Англии"[1].

Оживление рабочего движения. Так, писал Энгельс в 1885 г., и это сказывалось по самым различным направлениям. Это сказывалось появлением новых тред-юнионов — тред-юнионов неквалифицированных рабочих, горячо бросившихся в стачечную борьбу. Их представителей вскоре пришлось допустить на общие ежегодные конгрессы тред-юнионов, что отразилось в известной радикализации политики тред-юнионов. Это сказалось появлением социалистических организаций вроде "социал-демократической федерации", партии, правда, очень слабой и возглавлявшейся авантюристами типа Гайндмэна. Это сказалось тем, что на парламентских выборах 1892 г. рабочие впервые отказались в ряде округов от союза с буржуазными партиями и провели своих собственных кандидатов, которые пока что не образовали в палате общин фракции, а сели на левом крыле либералов. Это сказалось больше всего общим положением рабочей массы, которая еще не умела

[1] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 275.

стряхнуть с себя своих полусоциалистических лидеров, но уже явно отказывалась от руководства либералов и консерваторов. Это последнее было чрезвычайно важно, ибо означало крах многовековой английской двухпартийной системы и обещало в ближайшем будущем появление на горизонте третьей политической партии, рабочей по своему социальному составу.

Энгельс отчетливо предвидел ближайшее комбинированное действие меняющейся экономики Англии, нового положения партии, новой роли пролетариата и нового избирательного права. Непосредственно после реформы 1884 г. он писал: "Здесь, прежде всего, необходимо, чтобы в парламент вошло как можно больше официальных рабочих вождей. Тогда дело быстро пойдет на лад: они не замедлят разоблачить себя сами... Всеобщее избирательное право, — а новое английское избирательное право, при отсутствии крестьянства и при передовой промышленной роли Англии, дает рабочим такую же силу, как германское всеобщее, — в настоящее время служит наилучшим рычагом пролетарского движения, и таким рычагом оно станет и здесь. Вот почему так важно прикончить как можно скорее социал-демократическую федерацию, вожди которой сплошь политические карьеристы, авантюристы и щелкоперы"[1].

Рабочая партия. Образовавшаяся в 1906 г. "Рабочая партия" ("Лэйбор-Парти") представляла собой федерацию тред-юнионов и "социалистических" обществ, среди которых главная роль принадлежала "Независимой рабочей партии" и "Фабианскому обществу". Лейбористы с каждой избирательной кампанией во все большем числе проходили в палату общин. В 1906 г. они образовали здесь отдельную фракцию. В своей парламентской тактике они составляли лишь левое крыло либералов, и тем не менее самой силой вещей, против воли лидеров, под медленно, но неуклонно растущим напором масс рабочая партия превращалась в постоянную самостоятельную, отличную от либералов и консерваторов организацию, все чаще и все сильнее конкурировавшую с ними на выборах.

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, все более сказывался предвиденный Энгельсом рост самостоятельности рабочего класса. После стачки углекопов 1912 г. Ленин отмечал, что "в соотношении общественных сил в Англии произошел сдвиг, который не выразишь цифрами, но который чувствуется всеми"[2]. Решительный поворот был уже близок: он произошел под прямым влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, когда Британская социалистическая партия, составившаяся

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXVII. С. 495.

[2] *Ленин В. И.* Английское рабочее движение в 1912 г. // Соч. Т. XVI. С. 237.

в 1911 г. из слияния части социал-демократической федерации с некоторыми другими группами, объединила вокруг себя после 1918 г. наиболее революционные слои рабочего класса и образовала в 1920 г. ядро Коммунистической партии Великобритании.

Кризис двухпартийной системы. Раскол либералов. Однако почва для краха двухпартийной системы подготовлена была задолго до выступления рабочей партии. Глубокий кризис партии самым видимым образом сказался на политической сцене уже в 80-х годах. После избирательной реформы 1885 г. обнаружилось, что либералы не могут состязаться с консерваторами без помощи ирландцев: в палате общин, избранной в 1885 г., было 333 либерала, 251 консерватор и 103 депутата ирландцев, которые, руководимые Парнеллом (англичанином, но ирландским патриотом), единодушно требовали "гомрула", т. е. автономии. Парнелл опирался на вожаков широкого аграрного движения в Ирландии, которые действовали против лендлордов и бойкотом, и террором. Он получил также крупную денежную помощь от ирландских эмигрантов в Америке. В палате общин он уже и до выборов 1885 г. широко стал применять обструкцию, т. е., пользуясь свободой парламентских прений, стремился различными способами затягивать обсуждение и голосование очередных вопросов, делая часто работу палаты почти невозможной. Либералы, лишенные независимого большинства и желая обеспечить себе поддержку ирландцев против консерваторов, приняли, по почину Гладстона, идею гомрула, но это стоило им откола значительной группы, которая в ирландском вопросе стала выступать вместе с консерваторами, защищая целость союза ("юнион") Великобритании с Ирландией, достигнутого в 1800 г. Билль о гомруле 1886 г. был отвергнут большинством палаты общин. Раскол в либеральной партии был так глубок и значителен, ирландский вопрос приобрел такую остроту, что историческая рознь либералов и консерваторов на длинный период сменилась распрей между "гомрулерами" и "юнионистами". В самой Ирландии юнионисты опирались на буржуазию Олстера, северо-западной провинции Ирландии, населенной в большинстве протестантами, потомками выходцев из Англии и Шотландии.

Борьба юнионистов и гомрулеров была цепью поражений гомрулеров. Законопроект, дававший Ирландии автономию, прошел было в палате общин (в 1893 г.), но был отвергнут палатой лордов, о сопротивление которой разбился и ряд других предложений либералов (об уничтожении добавочных голосов на парламентских выборах, о вознаграждении депутатов и др.). В порядок дня вставала новая проблема — роль палаты лордов, явно превращавшейся в реакционный тормоз в руках консервативной партии. Но с 1895 г. юнионисты прочно стали у власти, и в течение целых десяти лет энергично проводили консервативную политику и вовне и внутри. Войны с неграми в Западной Африке и в Судане,

ряд инцидентов в Южной Африке, прямо приведших к англо-бурской войне, были вехами внешней политики Англии этого периода. Во внутренней политике нельзя отметить ни одной демократической реформы.

§ 2. Возвышение исполнительной власти

Новый регламент палаты общин. Последние 15—20 лет XIX в. были временем крупных перемен во внутрипарламентском укладе Англии. Литературная теория ставит эти перемены в исключительную связь с ирландской обструкцией, тогда как в действительности корни их глубже и восходят к реформе 1867 г. Мы видели, что уже реформа 1832 г. открыла период безусловного верховенства парламента в том смысле, что кабинет министров превратился в комитет парламентского большинства, находящийся у власти лишь до тех пор, пока он пользуется доверием этого большинства. Это превращало парламент фактически в единственный источник всей государственной власти, в центр всей конституционной системы, с которым никто не мог и не дерзал равняться. Но последующие десятилетия внесли много нового в такую концепцию, а реформа 1867 г. сделала это новое неотразимо наглядным. Пока палата общин строилась на узкой базе родовой и денежной аристократии, ей можно было без опасения вручить все законодательство и весь контроль над управлением при условии, к тому же, что она будет осуществлять и то и другое в добром союзе с такой сдерживающей силой, какой является палата лордов. Но уже реформа 1867 г. открыла дорогу для влияния на палату общин совершенно новых элементов. В 1872 г. внимательный наблюдатель, настроенный скорее реакционно, замечал по поводу изменившихся отношений внутри и вокруг парламента: "Говоря откровенно, я боюсь именно того, что обе наши политические партии будут добиваться поддержки рабочего человека... Я не могу себе представить ничего, что могло бы подействовать более худшим и более развращающим образом"[1]. Это одно заставляло господствующий класс в лице его наиболее дальновидных представителей подумать о фактическом сужении полномочий парламента, которые демократия грозила использовать нежелательным образом.

Еще настойчивее действовали в том же направлении все расширяющиеся задачи государственного управления в широком смысле слова. Росли и умножались вопросы внутренней политики, неразрешимые без прямого вмешательства государства, его организующей и регулирующей силы. Все большее значение приобрета-

[1] *Беджгот В.* Указ. соч. С. 15.

ли вопросы внешней политики, требовавшие специальных знаний и навыков, быстроты решения, искусного лавирования, секретности. А между тем, еще в 1843 г. Энгельс по справедливости высмеял черепашью медлительность английского парламентского делопроизводства. Эта медлительность 40 лет спустя, на фоне кипучей экономической и общественной жизни, производила, разумеется, впечатление мертвящего застоя. Когда же на сцену выступила обструкция ирландского меньшинства, неспособность парламента справляться вовремя с массой вопросов и дел становилась совсем нетерпима. Тогда была сделана попытка оживить и приспособить к новым условиям скрипучую парламентскую машину. Сверх "комитета всей палаты" явились на смену многочисленные постоянные и сессионные комитеты, так что общие заседания палаты подверглись значительной разгрузке, и работу спикера разделили "чермены" комитетов и их помощники.

Реформа парламентского делопроизводства. Но гораздо большее значение имели мероприятия, сократившие и ускорившие процедуру прохождения биллей. Уже в самом начале 80-х годов отчаянное сопротивление ирландцев в палате общин при прохождении исключительных законов для Ирландии либеральный кабинет Гладстона с трудом преодолевал посредством различных отступлений от старого парламентского регламента, не знавшего никаких ограничений свободы прений. В 1881 г. Энгельс констатировал, что "ирландцы заставили Гладстона ввести в парламенте регламент континентального типа и тем подорвали весь английский парламентаризм"[1].

Но это было только началом. В 1887 г. регламент твердо ввел в парламентский обиход в качестве обычной, а отнюдь не экстренной меры правило закрытия прений. Это значило сломать одну из ценнейших традиций, одну из существеннейших парламентских вольностей. Отныне любой депутат в любой момент мог внести предложение о постановке дебатируемого вопроса на голосование. В случае отсутствия возражений со стороны спикера предложение голосуется и считается принятым, если за него высказалось большинство присутствующих депутатов, но не менее ста (в комитетах соответственно меньше).

Бывают, однако, моменты, когда прекращение прений, несмотря на всю очевидную радикальность этого средства, не дает по специфическим условиям желанного эффекта. Оно неприменимо в тех случаях, когда ораторы меньшинства атакуют статья за статьей какой-нибудь билль, так что прения, прекращенные в одном месте, с новой силой вспыхивают в другом. На этот случай изобретен был способ, позволяющий депутату большинства заблаговременно внести предложение о сохранении данной статьи или ее части в том виде, в каком ее застает его предложение.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXVII. С. 121.

Если же нужно предупредить сразу и прения и поправки, прибегают к "гильотине". Палата (или комитет) заранее назначает день и час, когда, невзирая ни на что, спорный вопрос должен быть поставлен на голосование. Наиболее употребительна "гильотина по отделам": назначается к голосованию в срок не весь билль, а отдельные статьи его или группа статей. Наконец, уже в 1909 г. спикеру было представлено право выбирать для поправок по собственному усмотрению те, которые подлежат обсуждению, и отводить остальные ("кенгуру-гильотина").

Парламентская дискуссия почти не существует. Все эти и иные "упрощения" парламентского делопроизводства в конце концов привели к тому, что оппозиция — принципиальнейший и существеннейший элемент буржуазного парламентаризма — может быть в любую минуту приведена к молчанию и бездействию. По образному выражению одного английского писателя конца XIX в., "удрученный член оппозиции под постоянной угрозой заключения прений должен чувствовать себя, как жаба под бороной"[1]. Начиная с 80-х годов XIX в. ряд мероприятий усовершенствовал регламент таким образом, что не менее девяти десятых времени палаты общин забронировано за биллями, исходящими от правительства. Законодательная инициатива членов оппозиции оказалась очень близкой к нулю. Их право участвовать в дискуссии приближалось к этой же норме. Отныне критика оппозиции допускается лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока это угодно правительству. Но, ограничив критику оппозиции, правительство рикошетом ударило и по собственной партии. Депутат большинства увидел себя столь же ограниченным в своей возможности подвергнуть обсуждению деятельность правительства, как и депутат меньшинства. Приходится сказать, что "если парламентское правление справедливо называется правлением посредством обсуждения (government by discussion), то правление это перестало существовать в Англии в виде правильно и неизменно действующего учреждения"[2].

Кабинет и палата. Все это привело к чрезвычайно усилившейся роли верхушки правящей партии и ее вождей, т. е., по сути дела, кабинета министров. По отношению к господствующей партии кабинет есть ее руководящая головка, лояльность к которой — священная обязанность члена партии, в особенности если он очутился в палате общин. "Повиновение лидерам есть основа парламента. Неисполнение этого правила наказывается бессилием"[3]. Бессилие же парламентского большинства есть прямой и короткий

[1] *Лоу С.* Государственный строй Англии / Пер. с англ. В. И. Браудо; под ред. Б. Э. Нольде; с предисл. М. М. Ковалевского. М., 1908. С. 67.

[2] *Острогорский М. Я.* Указ. соч. С. 123.

[3] *Беджгот В.* Указ. соч. С. 202.

путь к победе оппозиции и, следовательно, к потере власти. Кто из рядовых консерваторов и либералов не содрогнется перед такой перспективой, влекущей неисчислимые печальные последствия личного и общественного свойства? По отношению же к палате общин кабинет перерос в фактического руководителя, без которого она беспомощна. По мере того, как способность палаты общин законодательствовать и контролировать управление уменьшалась, кабинет, напротив, все более укреплялся в своей роли действительного законодателя, держащего к тому же в руках все расширяющийся бюрократический аппарат управления. У кабинета есть верный способ наказать непокорную палату: это — оставить ее без руководства. Одна угроза такого рода приводит ее в повиновение. Кабинет располагает правом роспуска палаты в любое время, перспектива же досрочного роспуска никому из депутатов не может нравиться. Это — новые выборы, о которых сказано, что они "вещь очень дорогая, и, если они неудачны, вещь очень обидная. Вот в чем секрет, объединяющий партии"[1]. Парламентская практика последних ста лет показывает, что палата общин лишь в единичных случаях доживает до конца своих полномочий и в громадном большинстве случаев распускается до срока. Но эти "досрочные роспуски" не должны нас обманывать. Это — в последние 50 лет до первой мировой войны — не результат расхождения кабинета с палатой, расхождения, делающего невозможным дальнейшую совместную работу, а маневр: кабинет выбирает для новых выборов момент, наиболее подходящий для него и наименее благоприятный для оппозиции.

Верховенство кабинета. Все эти обстоятельства и привели к тому, что основное условие английского парламентаризма (впрочем, парламентаризма вообще), уже отмеченное нами в своем месте, конвенциональное, нигде не записанное, но фундаментальное правило ответственности кабинета, потеряло характер, который оно имело в течение 40-летия, предшествовавшего третьей избирательной реформе. Эта эволюция служит, между прочим, блестящим примером меняющегося содержания понятий, которые сохраняют, однако, в целости всю старую форму. И здесь, как повсюду, сказывается вечная антитеза динамизма содержания и статической косности его внешнего выражения, оболочки, в которую оно было облечено когда-то. Традиционная формула, с таким трудом в длительных парламентских боях выработанная и гласящая, что в случае оставления кабинета в меньшинстве по принципиальному вопросу кабинет удаляется в отставку и создается новый из партийного большинства, и теперь еще принимается за чистую монету в руководствах конституционного права, между тем, как уже в 90-х годах XIX в. она нисколько не соответствова-

[1] *Беджгот В.* Указ. соч. С. 203.

ла действительности. На самом деле случаи расхождения кабинета, т. е. лидеров партии, с парламентским большинством, т. е. партией, сделались после 80-х годов редчайшим явлением, с тенденцией к полному исчезновению. Считаться с палатой может быть вынужден только тот кабинет, который, не имея собственного партийного большинства, нуждается в поддержке какой-нибудь промежуточной фракции. Но в таком положении оказывались со времени 1867 г. почти исключительно либералы. Общим же правилом сделалось то, что палата, как правило, не расходится с кабинетом, и кабинет, как правило, не свергается палатой.

Неудивительно, что с выходом на сцену финансового капитала он нашел в кабинете министров как раз ту организацию, которая наиболее соответствовала его видам и потребностям. Монополистическому капиталу не подходят в качестве действительной политической власти многолюдные и разношерстные представительные учреждения с их бесконечными коллизиями партийных интересов, с их сменой неустойчивых настроений, шумной дискуссией и ничтожным практическим эффектом всей этой возни. Он не верит в предустановленную гармонию, венчающую якобы свободную игру стихийных сил, и сомневается, чтобы из столкновения мнений рождалась истина. С прямолинейной грубостью и холодным расчетом хозяина он ищет людей, через которых он мог бы осуществлять свою диктатуру с наименьшими трениями и с наибольшим полезным действием. Кабинет министров, уже подчинивший себе палату общин, уже перенявший ее авторитет в глазах буржуазного избирателя, уже научившийся входить с ним в непосредственный контакт на выборах, уже вооружившийся, что особенно важно, обширным бюрократическим аппаратом, не признающим иного хозяина, кроме него, оказался как раз под стать монополистическому капиталу.

Новое положение палаты лордов. Со времени демократизации избирательного права и превращения палаты общин из феодального представительства в народное, в новом смысле слова, палата лордов окончательно отступила на задний план и утвердилась на роли тормоза против все более возможных демократических "эксцессов" палаты общин. Уже после реформы 1832 г., по мере того как утверждался принцип ответственного правительства и кабинет, следовательно, оказывался в непосредственной зависимости от палаты общин, но не от палаты лордов, лидеры последней открыто и прямо признавали, что она ограничена по сравнению с палатой общин в правах законодательства и администрации и не может претендовать на равное с палатой общин положение. С этой ролью только сдерживающего, только тормозящего механизма можно было мириться, и действительно мирились, но лишь до тех пор, пока не достигла особого обострения борьба либералов и консерваторов. В силу своего социального состава палата лордов

была естественным оплотом аристократии, прямым продолжением консервативной партии в парламенте и, пребывая в бездействии и тишине в период консервативных кабинетов, она пробуждалась от спячки, когда консерваторы оказывались в палате общин в меньшинстве и это меньшинство терпело поражение по существенным вопросам. Тогда лорды пускали в ход свою сдерживающую функцию и тем самым, под лозунгом забот об общих интересах народа и пользе государства, защищали интересы одной из борющихся партий. Верхняя палата превратилась в простой резерв консервативной партии, в такой козырь в игре двух противников, который всегда служит только одной стороне и сообщает перевес только ей. Это, конечно, извращало принципиальный смысл двухпалатной системы и дискредитировало ее.

Борьба либералов с палатой лордов. Либералы неоднократно наскакивали на палату лордов, грозили ей и замышляли ее гибель. В 1871 г. Гладстон встретил ее сопротивление в вопросе об отмене покупки офицерских чинов и обошел это сопротивление лишь тем, что провел реформу помимо парламента, путем королевского указа. В 1884 г. лорды отвергли билль о расширении избирательного права, чем вызвали бурю негодования в рядах либеральных слоев общества. В это время угрозы со стороны приверженцев демократии "переделать или прикончить" палату лордов сделались так энергичны, что некоторые из лидеров палаты лордов сами предлагали ей проекты добровольных реформ, которые, однако, ею отвергались, несмотря на их умеренность.

В 1893 г. палата лордов остановила одно из главнейших мероприятий либерального кабинета — законопроект об автономии Ирландии. В 1906 г., с новым приходом к власти либералов, после десятилетних "каникул", они вновь, конечно, увидели против себя нестерпимую оппозицию лордов. В 1909 г. лорды провалили билль, упразднявший множественное голосование на выборах парламента и совета лондонского графства. За четыре года существования палаты общин 1906 г. ни один билль, против которого высказывалась консервативная оппозиция палаты общин, так и не смог сделаться законом. Иными словами, хотя у власти находились как будто либералы, тем не менее управляло консервативное *меньшинство* палаты общин, опирающееся на палату лордов. Но решительные бои вспыхнули лишь тогда, когда Ллойд Джордж в должности министра финансов внес свой проект бюджета, предусматривающий некоторое увеличение налогов на земельную ренту, наследство и т. п. В своем сопротивлении лорды зашли так далеко, что наложили вето на бюджет 1909 г.

Все понимали, что в этом рискованном шаге заключается отказ от традиций, освященных веками и запрещающих лордам вмешиваться в распоряжение финансовыми средствами страны. Выборы, последовавшие за роспуском палаты общин в 1910 г., означа-

ли, в сущности, поражение либералов, ибо теперь их большинство в палате общин зависело от поддержки ирландских депутатов. Лорды пропустили бюджет, но ирландцы особенно настаивали теперь на реформе палаты лордов, ибо это казалось им необходимым условием для осуществления гомрула. События развертывались быстро, и в конце 1910 г. после нового роспуска палаты общин и новых выборов, почти не изменивших соотношение сил, билль о реформе палаты лордов был принят палатой общин и встретил, конечно, отчаянное сопротивление палаты лордов. Но тут обнаружилось, что новый король Георг V дал либеральному правительству перед выборами обещание назначить столько новых лордов, сколько нужно, чтобы сломить сопротивление старых лордов, если только выборы вновь окажутся благоприятными для либералов. Перед подобной угрозой лорды отступили, и реформа палаты лордов совершилась.

Реформа 1911 г. По акту о парламенте 1911 г. нефинансовый билль, прошедший палату общин в трех последовательных сессиях и всякий раз отвергавшийся палатой лордов, после третьего раза идет на королевское утверждение помимо палаты лордов при условии, что между вторым чтением в первой сессии и последним чтением в третьей сессии прошло не менее двух лет. Финансовые билли вовсе не нуждаются в согласии палаты лордов, право же квалифицировать билли как финансовые принадлежит спикеру палаты общин. Тот же акт устанавливал продолжительность парламентской легислатуры в 5 лет (вместо 7), в чем можно было усмотреть стремление чаще, чем раньше, проверять избирательным вотумом деятельность палаты общин, сильно расширившей теперь свои полномочия. Однако падением своим палата лордов обязана была не одной только борьбе партий и конъюнктурному преобладанию либералов, как это обычно рисуется исследователями вопроса. Реформа 1911 г. не могла бы осуществиться, не будь того предшествующего развития, которое подготовило главенствующую роль кабинета. Только сильный кабинет, безусловно ведущий за собой нижнюю палату, мог отважиться на решительную борьбу с верхней. Немалое значение имело и то, что социальный состав палаты лордов, сама почва, на которой стояла английская верхняя палата, сильнейшим образом изменились к началу XX в.: процесс слияния родовой знати с верхами капитала к этому времени завершился. Буржуазия получает перевес над аристократией, но как раз она-то и не чувствовала кровной связи с палатой лордов и не особенно дорожила ею, сознавая, что сильный кабинет в слабой палате общин достаточно обеспечивает ее интересы. Этот размыв фундамента палаты лордов хорошо отразился в позиции короля, который хотя и потребовал от Асквита роспуска палаты общин и повторного, следовательно, обращения к суду избирателей, но дал все же обещание назначить новых лордов, если суд

этот окажется на стороне либералов. Уже это яснее всего говорило о том, что аристократический король Англии становится буржуазным королем. Не странное ли впечатление производила палата лордов, желавшая во чтобы то ни стало оставаться аристократической палатой?

В Англии слабость верхней палаты есть коррелят слабости нижней, причем и то и другое одновременно и согласно питает могущество кабинета.

В том же 1911 г. за несколько дней до своей окончательной победы над палатой лордов палата общин простой резолюцией постановила о введении вознаграждения членам палаты общин.

Дальнейшее усиление административного аппарата. Военные ведомства. Расширение законных полномочий и рост фактического могущества кабинета совершались попутно с усилением и разветвлением административного аппарата. Со времени 1867 г. подверглись усовершенствованию и укреплению уже существующие ведомства и непрерывно возникали новые. По закону 1870 г. упразднено было двоецентрие в военном ведомстве (глава министерства и главнокомандующий) и в руках военного министра сосредоточено было все управление ведомством с подчинением ему главнокомандующего. Последний, однако, сохранял большую самостоятельность в решении вопросов чисто военного характера и имел право непосредственного доклада королеве. После ряда промежуточных реформ в направлении разгрузки главнокомандующего и ослабления его роли, в 1904 г. должность эта была вовсе упразднена, и военный министр сделался лицом, на которое возложена вся конституционная ответственность за дела военного ведомства. Тогда же при военном министре создан был совет.

В направлении такой же централизации совершалась реформа и адмиралтейства, которое, как мы уже упоминали, значительно упрощено было в 1832 г. В последующие годы практика выдвинула на руководящее место председателя коллегии адмиралтейства, а постановлением кабинета в 1872 г. первый лорд сделался официально ответственным за всю деятельность адмиралтейства.

В 1912 г. для управления военно-воздушными силами создан Воздушный комитет в виде совещательного органа, обслуживающего военное и морское министерства. Дальнейшее развитие этого ведомства шло быстрыми шагами. В 1916 г. Воздушный комитет превратился в главное управление, а в 1917 г. — в министерство.

Еще до первой мировой войны чувствовалась необходимость в каком-нибудь объединении всех военных ведомств, деятельность которых к тому же тесно соприкасалась с деятельностью министерства иностранных дел, министерства Индии и министерства колоний. В 1885 г. создан был Комитет обороны колоний, в 1895 г. — Комитет обороны при кабинете, после бурской войны — Комитет имперской обороны. Во время первой мировой войны этот комитет

превратился в Военный совет, беспрестанно вторгавшийся в компетенцию кабинета. С приходом к власти Ллойд Джорджа был образован военный кабинет из пяти членов, диктаторски руководивший военным и гражданским управлением после войны, с упразднением военного кабинета ощущалась все же необходимость в органе, координирующем действия военных ведомств, и Комитет имперской обороны был расширен включением в него ряда гражданских министров.

Министерство внутренних дел и другие министерства. Компетенция министерства внутренних дел продолжала со времени первой парламентской реформы расширяться: иностранцы, фабричная инспекция, полиция и тюрьмы, надзор за производством и торговлей взрывчатыми и ядовитыми веществами и т. д. Свои первые шаги воздухоплавание сделало под благосклонным присмотром министерства внутренних дел. Но с течением времени развитие этого министерства перестает носить столь экстенсивный характер.

Рядом с ним зарождаются и развиваются обширные ведомства, на которые переходит часть его обязанностей. В начале второй половины XIX в. *министерство торговли* было уже значительным учреждением, ведающим делами торговли, транспорта и промышленности. В дальнейшем его функции усложнялись и развивались.

Ярким примером расширения вмешательства администрации во все сферы гражданского оборота может послужить образование в 1889 г. *главного управления земледелия.* Оно в 1903 г. превратилось в главное управление земледелия и рыболовства. В 1919 г. оно возведено в ранг министерства.

В 1870 г. полномочия Комитета тайного совета по образованию были весьма расширены, и он получил ряд административных обязанностей. Но лишь в 1899 г. учреждено было *главное управление образования* как высший орган, в котором централизованы были функции надзора за образованием, до тех пор рассеянные по различным ведомствам (в министерстве земледелия, внутренних дел и др.). Законами 1902 г. и 1918 г. его функции по распространению низшего и среднего образования были значительно расширены.

В 1916 г. появилось на свет *министерство труда*, в 1919 г. — *министерство транспорта* (гражданская авиация оставлена в воздушном министерстве, а прибрежная навигация — в министерстве торговли).

По мере того, как здравоохранительные полномочия главного управления по делам местного самоуправления, врученные ему в 1871 г., чрезмерно разрослись и выступили в его работе на первое место, возник вопрос о создании специального органа здравоохранения. Оно переняло все функции упраздненного главного

управления по делам местного управления и сделалось вскоре одним из значительнейших министерств. В его руки перешли проблемы жилищного строительства, проблемы первостепенной важности в жизни современных городов.

Административная роль министерства финансов. Этот беглый очерк не обнимает появления и развития целого ряда ведомств, имеющих сравнительно второстепенное значение, как министерство пенсий и другие ему подобные самостоятельные ведомства. Необходимо к тому же отметить, что вокруг и под сенью министерств, главных управлений, советов, отделов и т. п. выросло громадное количество не только совещательных, но и административных учреждений.

Такой стремительный рост бюрократического аппарата несколько неожиданно сказался новым усилением значения министерства финансов. Оно уже в 60-х годах контролировало довольно пристальным образом бюджеты ведомств, к концу же века и позже оно становится самым бдительным регулятором жизни бюрократии именно через посредство своего придирчивого финансового контроля. С давних пор вошло в обычай приписывать к министерству финансов новые ведомства, не имевшие непосредственного отношения ни к одному из министерств, или в деятельности которых были заинтересованы несколько министерств сразу. Так в ведении министерства финансов оказалась *комиссия гражданской службы*, ведающая проверкой специальных знаний кандидатов на государственную службу и определяющая их на должность. Рядом с этим к министерству финансов перешло все регулирование правового положения чиновников, и канцлер казначейства стал настоящим главой административного персонала всех ведомств, своеобразным королем бюрократов.

Новое усиление исполнительной власти после войны 1914—1918 гг. Одним из крупнейших для Англии последствий первой мировой войны было новое расширение и законодательных полномочий, и фактической власти правительства, т. е. кабинета, которыми он воспользовался для укрепления своей диктатуры. В первый же год войны был приостановлен “Habeas corpus act”, почти 100 лет — с 1818 г. — не приостанавливавшийся в Англии (но не в Ирландии!). И тут же оказалось, что в современных условиях простое упразднение личной политической свободы, свободы, главным образом, от незаконного содержания под арестом, как основы всех других видов политической свободы, очень мало прибавляет к огромным возможностям администрации. Понадобилось нечто гораздо более современное, т. е., как это подразумевается, более непосредственно вытекающее из уже существующей практики, узаконяющее ее и облегчающее применение уже испытанных методов. Этой цели и послужил Акт о защите государства того же 1914 г., развязывавший руки администрации. Для своих

иногда очень бесцеремонных действий исполнительная власть получила "законную" почву на все время войны. По окончании же ее Акт о защите государства был отменен, но ведь очень хорошо известно, что чрезвычайные полномочия чиновников, если они применяются достаточный срок, продолжают невозмутимо применяться и после того, как их официально отменили. По общему мнению, так и случилось в Англии с очень многими правами, которые вручены были правительству в качестве временных и экстраординарных.

Реформа избирательного права 1918—1919 гг. Этому расширению и усилению исполнительной власти нисколько не помешала новая реформа избирательного права. Законы 1918—1919 гг., хотя воздержались от провозглашения всеобщего избирательного права как принципа, тем не менее значительно расширили круг избирателей, включив сюда, во-первых, некоторую часть женщин и отказавшись, во-вторых, от квартирного ценза. Законодательство о выборах оказалось значительно упрощенным, так как отпали многочисленные акты, на которых основывались различные избирательные права и которые восходили иногда к XV в. Для женщин все же оставлено было требование повышенного возраста (30 лет) и владения недвижимостью (с годовым доходом не ниже 5 фунтов стерлингов) либо же состояние в супружестве с лицом, удовлетворяющим последнему условию. Женам моложе 30 лет избирательные права не передавались. Пассивное избирательное право женщины получали с 21 года; законодатели рассудили, что в условиях английского буржуазного быта молодых женщин все равно не будут выбирать.

§ 3. Британская колониальная империя

Рост колониальной империи во второй половине XIX в. Вторая половина XIX в. была временем весьма значительного расширения британских колоний. Мы видели, что финансовый капитал произвел переворот в воззрениях на колонии, сложившихся при господстве фритредерства. Он принес с собой новую эру колониальной экспансии. "Для Англии период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860—1880 гг. и очень значительного на последнее двадцатилетие XIX в."[1].

За это время оружием или иным насильственным путем присоединены к Британской империи обширнейшие территории в Африке, расширена индийская граница, захвачен длинный ряд пунктов на Индийском и Тихом океане и отчасти на Атлантическом.

[1] *Ленин В. И.* Империализм как новейший этап капитализма // Соч. Т. XIX. С. 133.

Канада. Конституционное развитие самоуправляющихся колоний продолжалось. Канада, после того как она сложилась в федерацию четырех провинций, стала расширяться за счет соседних земель. Длинная и довольно свирепая война с индейским и полуиндейским населением этих земель привела к поглощению их Канадой. В 1870 г. в качестве нового члена Федерации ("провинция") была присоединена Манитоба, за ней (в 1871 г.) огромная Колумбия и (1873 г.) остров принца Эдуарда, наконец (1905 г.) Саскачеван и Альберта (последнее восстание метисов относится здесь к 1885 г.). В 80-х годах канадские империалисты носились с планами присоединения к Федерации английских владений на Антильских островах, но важнейшие из этих владений, как Ямайка и Доминик, решительно этому воспротивились.

Австралия. Австралийские колонии уже в 1849 г. ощущали известную потребность в федеративном объединении, но трудно было преодолеть центробежные тенденции Нового Южного Уэллса и Виктории. Только в 80-х годах угроза со стороны германской и французской экспансии в Тихом океане оживила замершие было объединительные тенденции. Молодому австралийскому империализму хотелось бы оттеснить и Германию от Новой Гвинеи, и Францию от Новых Гебрид, и Соединенные Штаты от Самоа, и аннексировать все вообще острова Австралазии. В 1883 г. имперское правительство создало федеральный совет Австралазии с очень ограниченными полномочиями (мало законодательных и никаких исполнительных). В 1891 г. происходила разработка федеральной конституции. В 1897 г. создан был конституционный конвент, и в 1900 г. имперский парламент принял Конституцию Австралии. Она была предварительно проведена через референдум в пяти колониях (Западная Австралия присоединилась позже) и, вообще, весьма отличалась от Конституции Канады большим объемом прав отдельных штатов. Впрочем, с течением времени австралийская федерация исправно проделала обычный путь к унитаризму и превратилась, по существу, в централизованное государство. Напротив, Новая Зеландия почти сразу сконструировалась по централизованному типу, и провинциальные советы, созданные здесь, никогда не имели заметного значения и были вовсе упразднены в 1871 г.

Южная Африка. Развитие южно-африканских колоний ознаменовано было, как мы уже знаем, рядом кровопролитных войн. Эти войны усилились, когда на территории Трансвааля открыты были золотые залежи, привлекшие сюда поток авантюристов, главным образом, английских. Английское правительство возобновило поход на бурские республики под остроумными предлогами защиты то негров от буров, то буров от негров, хотя и те и другие ничего так не желали от англичан, как оставления их в покое. Душой империалистического нажима на буров сделался в Англии

министр колоний Чемберлен, а в Южной Африке — Родс, миллионер, плантатор, рабовладелец, золотопромышленник, ставший в конце 80-х годов премьер-министром Кепленда, где он эксплуатировал, между прочим, алмазные россыпи. Долго подготовлявшаяся война началась в 1899 г. и закончилась в 1902 г. Этим было устранено главное препятствие к объединению Южной Африки, которого давно желали влиятельные слои Кепленда и Наталя (получившего ответственное правительство в 1892 г.). Громадное численное преобладание в Южной Африке черного населения и необходимость, следовательно, в особенно сильной и безусловно сосредоточенной власти, заставили с самого начала отказаться от всяких федеральных планов. Конституция Южно-Африканского доминиона (термин "доминион" впервые появился в Конституции Канады 1867 г. и официально употреблен на колониальной конференции 1907 г.) была принята в 1909 г., выдержана в унитарных тонах, и советы четырех провинций оказались вполне подчиненными центральному правительству, не имея никакого контроля даже над провинциальной исполнительной властью ("администратор").

Ирландия. Борьба за политическую свободу Ирландии перешла с 70-х годов, как мы уже знаем, в руки ирландских гомрулеров. Мог ли английский лендлордизм добровольно отказаться от Ирландии — "цитадели", по оценке Маркса, — английской земельной аристократии?[1] Могла ли дать свободу Ирландии английская буржуазия, инстинктом чуявшая, что "каждое народное движение в самой Англии парализуется разладом с ирландцами, которые и в самой Англии составляют очень значительную часть рабочего класса?"[2]. Избирательная реформа 1867 г. почти не отразилась на Ирландии. Результаты же реформы 1884 г. были довольно значительны и увеличили ирландский электорат почти вчетверо. Все усиливавшаяся зависимость либералов от ирландских депутатов заставила Гладстона, как мы уже знаем, перейти к защите гомрула. Соответствующие законопроекты были, однако, отвергнуты (в 1886 и в 1893 гг.). Наступившее господство консерваторов не оставляло места для повторных попыток. И лишь в 1912 г., по окончании борьбы с палатой лордов, либеральный кабинет внес в палату общин проект гомрула, которым, впрочем, автономия Ирландии конструировалась очень узко, гораздо уже обычного статуса доминионов (при этой "конституции" Ирландия сохраняла даже представительство в палате общин, несмотря на наличие собственного ирландского парламента). Билль прошел вопреки палате лордов (по закону 1911 г.), но введение его в действие натолкнулось на сопротивление Олстера. Правительство двинуло было войска в

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Письма. М., 1932. С. 251.
[2] Там же. С. 247.

Северную Ирландию, но английские офицеры приняли сторону Олстера, отказали правительству в повиновении и потребовали отставки, а правительство перед ними отступило и выдало им письменную гарантию, что они не будут направлены против олстерцев. Из создавшегося положения стороны были выведены вспыхнувшей мировой войной.

Введение в действие акта 1914 г. отсрочено было до окончания войны. Но национальное движение в Ирландии обострялось и расширялось, возглавляемое теперь ирландскими рабочими, среди которых уже в годы, предшествовавшие войне, лозунги классовой борьбы сделали большие успехи. Большое участие в движении принимали "синфейнеры", унаследовавшие радикализм фениев и требовавшие независимости Ирландии. В 1916 г. вспыхнуло восстание, в котором руководящую роль играл революционный ирландский пролетариат. Восстание было подавлено, но движение возобновилось после войны под руководством синфейнеров, опиравшихся на вооруженную организацию "Ирландская республиканская армия" и объявивших об отделении Ирландии от Великобритании. Ожесточенная гражданская война длилась около трех лет. Попытка (в конце 1920 г.) несколько видоизменить гомрул 1914 г. осталась безрезультатной. Лишь в конце 1921 г. английское правительство подписало с ирландскими "мятежниками" мирный договор, которым за Южной Ирландией признаны были, наконец, права доминиона по образцу Канады. Северная Ирландия — Олстер — была выделена, освобождена от всякой политической связи с остальной Ирландией и получила собственное расширенное самоуправление, оставаясь провинцией Великобритании ("деволюция"), Англия стала называться Соединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии.

Преобладающая часть синфейнеров, представлявшая интересы ирландской буржуазии и кулаков, одобрила договор, и в 1922 г. была разработана Конституция Ирландии, получившая утверждение английского парламента. "Непримиримые" республиканцы (де-Валера и др.), требовавшие независимости Ирландии и решительно возражавшие против отделения Олстера, отказались признать новый порядок и до 1927 г. воздерживались от участия в выборах ирландского парламента. Конституция 1921 г. действовала до 1937 г.

Конституционное положение доминионов в империи. Война 1914—1918 гг. внесла существенные перемены в отношения между Англией и доминионами. Перемены эти были, впрочем, подготовлены всем предшествующим развитием. В первой половине XIX в. колонии в своих экономических отношениях к метрополии и сами не претендовали на нечто большее, чем роль рынков сельскохозяйственного, отчасти промышленного, сырья, а главное, рынков сбыта промышленной продукции метрополии. Чем дальше, одна-

ко, во вторую половину XIX в., тем очевиднее становится промышленный рост колоний, а в особенности и главным образом доминионов, которые все чаще обнаруживают поползновение выйти из безусловной экономической зависимости от Англии. Метрополия смотрела на эти попытки, как ни умеренны они были, с решительным осуждением. Если приходилось мириться с промышленным ростом, а там и с конкуренцией передовых иностранных государств, то уж в отношении доминионов считалось все еще естественной и необходимой политика, тормозившая их промышленное вызревание и искусственно удерживавшая их на положении вечно малолетних, вечно несамостоятельных дочерей матери-метрополии. Империализм способствовал обострению противоречий между производительными силами доминионов и интересами метрополии. Все растущим вывозом капитала в колониальные и зависимые страны он способствовал промышленному росту доминионов, но это не было всестороннее капиталистическое развитие, а все то же уродливое разращение, при котором доминионам отводилась роль придатков метрополии. Консерваторы создали даже к концу XIX в. величественный, но мало осуществимый проект "имперского предпочтения": колонии должны охранительными пошлинами закрепить свой рынок за продукцией британской промышленности, а метрополия, в свою очередь, установит "преференциальные" тарифы на продукты колониального ввоза, и так создается взаимообслуживание колоний и метрополии, самодостаточная, замкнутая в себе мировая империя, которая сама себя снабжает сырьем и сама потребляет продукцию своей промышленности. Сквозь приятные для глаза украшения в этом плане пробивалась старая идея о преобладании английской промышленности на основе сохранения земледельческого характера имперских частей. Но развитие шло своим чередом. Доминионы все более притязали на роль равноправного партнера в отношениях и с метрополией, а финансовый капитал все более стремился удержать доминионы в подчинении. Война 1914—1918 гг. усилила эти противоречия.

Разумеется, в политическом отношении метрополия вынуждена была считаться с центробежными силами, крепнувшими в доминионах, и благоразумно шла им на уступки, дабы не натягивать струн до критического и опасного напряжения. Поэтому в области конституционных внутриимперских отношений развитие шло по линии ослабления зависимости правительства доминионов от правительства метрополии. С момента получения ответственного правительства доминион признавался как бы достаточно зрелым для широкой политической автономии, хотя по самой сути фактической зависимости доминиона эта автономия означала всего только, что отныне политика имперского правительства в доминионе будет осуществляться не агентами Лондона, а собственным правительством доминионов. До самого 1931 г. представителем

короны, т. е. имперского правительства, в доминионе оставался генерал-губернатор, назначаемый и увольняемый имперским правительством, но права генерал-губернатора постепенно выветривались, и после войны применение их сильно отличалось от того, каким оно было во второй половине XIX в. Генерал-губернатор по-прежнему имел право вето и резервации, но он пользовался и тем и другим все реже и реже. Он по-прежнему назначал и увольнял в отставку кабинет доминиона, но все больше и больше считался при этом с парламентом доминиона, пока накануне войны не очутился в таком же положении, как и английский король. Он попрежнему оставался единственным официальным каналом, через который шли сношения правительства метрополии с правительством доминиона, но постепенно утрачивал всякое самостоятельное значение при этих сношениях, а после войны в доминионах появились "высокие комиссары" в качестве послов имперского правительства.

Нужно, наконец, отметить растущее значение, которое приобрели во внутриимперском обиходе периодические совещания правительства метрополии с правительствами доминионов. С 1887 г. вошли в обычай такие "колониальные конференции", с 1907 г. получившие название имперских.

Индия. Во второй половине XIX в. в управлении Индией не наблюдалось значительных перемен. С января 1871 г. английские короли стали называться, как мы знаем, так же императорами Индии, но в политическом режиме самой Индии это ничего не изменило. Как раз в 1877 г. почти вся Индия (а не отдельные местности, как бывало раньше) была поражена голодом, и 60 миллионов человек умирали от голода и холеры. С тех пор массовые голодовки учащаются. По достоверным данным, с 1850 до 1875 г. голодная смерть унесла 5 миллионов человек, а с 1875 до 1900 г. умерло от голода 26 миллионов. Промышленное развитие Индии шло, однако, своим, хотя и медленным, путем, и на почве этого развития здесь формируется национальная буржуазия и пролетариат, разрастается рабочее и крестьянское движение. В 1885 г. основалась политическая партия буржуазии под названием "Индийский национальный конгресс". Националисты стремились добиться ответственного правительства для Индии строго конституционными средствами борьбы, хотя здесь вскоре дифференцировалось сильное левое крыло, не останавливавшееся перед насильственными методами. Уступая верхам индийской буржуазии, правительство Актом об индийских советах (1892 г.) ввело весьма ограниченный выборный элемент в законосовещательные советы при генерал-губернаторе Индии и губернаторах провинций. Однако в исполнительных органах этих советов ("исполнительные советы") индийцам по-прежнему не было места. Под влиянием русской революции 1905 г. национально-освободительное движение

чрезвычайно обостряется: мирные домогательства национального конгресса переплетаются с рабочими забастовками, с террористическими выступлениями и с убийствами английских чиновников. Минто — генерал-губернатор с 1906 г. и Морли — либеральный министр по делам Индии ввели в Совет по делам Индии (в Лондоне) двух индийцев, одного индийца назначили в исполнительный совет генерал-губернатора и открыли доступ индийцам в исполнительные советы провинций. В 1909 г. число членов законодательного совета при генерал-губернаторе и советов при губернаторах провинций было значительно увеличено, и, соответственно, более крупные круги индийской буржуазии могли принимать в них участие.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала перелом в борьбе трудящихся масс Индии и вплотную поставила перед индийским пролетариатом задачу гегемонии в этой борьбе. Английское правительство еще яснее осознало необходимость политическими уступками привлечь на свою сторону буржуазию. В 1919 г. (при министре по делам Индии Монтегю и генерал-губернаторе Челмсфорде) управление провинциями было перестроено по новой схеме ("диархия"), так что некоторые менее важные отрасли были переданы в ведение "министров", назначаемых из числа членов провинциальных советов, главнейшие же оставлены в руках губернаторов и исполнительных советов при них в составе одного европейца и одного индийца. Избирательное право было расширено. Учрежден был центральный парламент из законодательного собрания (на две трети выборного) и государственного совета (наполовину выборного). Тут уж никакой диархии не было: генерал-губернатор назначал и увольнял по своему усмотрению правительство Индии и мог законодательствовать по любым вопросам, не считаясь с парламентом.

§ 4. Гражданское право

Отдельные реформы гражданского права. В рассматриваемый период английское гражданское право не подверглось каким-либо принципиальным изменениям, но вместе с тем оно непрерывно развивается в ряде отношений.

Капиталистический оборот выражается в английском праве полнее и последовательнее, чем в праве континентальных буржуазных стран (общую характеристику английского гражданского права см. при изложении предыдущего периода).

По закону о судоустройстве 1831 г. были упразднены особые суды, рассматривавшие дела на основании "справедливости", а не "общего права", и была установлена единая судебная система. Тем самым смягчается (хотя и не исчезает) дуализм Common Law

и Equity. Это явление объясняется тем, что "общее право" не было неподвижным, под влиянием возросшего влияния буржуазии на судебные органы усиливается буржуазное содержание Common Law, и оно утрачивает свой прежний формализм и замкнутость. Поэтому и не является необходимым вносить, путем применения справедливости, коррективы в "общее право".

Наряду с этим судебная практика частично пересматривает свои прежние взгляды и вносит отдельные коррективы в свои прежние установки по некоторым вопросам, находившимся в наиболее решительном противоречии с современностью. Так, смягчается прежняя власть мужа над женой: борьба трудящихся женщин за равноправие, рост участия женщин в общественной жизни и в фабрично-заводском труде заставили отчасти пересмотреть отрицание юридической личности жены, установленное прежней судебной практикой. Вместе с тем — уже в порядке закона — в 1822 г. была установлена некоторая имущественная самостоятельность замужней женщины в отношении ее личного имущества. Здесь же следует указать произведенное в 1908 г. ограничение родительской власти (установление ответственности в наиболее серьезных случаях дурного обращения с детьми).

Усиление роли закона. Далее, в рассматриваемый период закон играет бульшую роль в области гражданского права, чем раньше. Усложнение капиталистического оборота и появление ряда новых институтов, рост конкуренции, необходимость точнее зафиксировать права владельцев орудий и средств производства в обстановке усиливающейся классовой борьбы — все это сделало невозможным удовлетворяться в ряде вопросов малоподвижным Common Law и вынудило обратиться к законодательному их регулированию. Были сделаны попытки смягчить недовольство существующим положением со стороны пролетариата и фермеров. Так, в 1892 г. был издан закон о содействии фермерам приобретать в собственность земельные участки, в 1907 г. — закон о приобретении советами графств земельных участков для предоставления их в долгосрочную аренду. Были изданы законы об ограничении в некоторых случаях (в наиболее тяжелых производствах) рабочего времени. С другой стороны, принимались меры, ограничивавшие свободу стачечной борьбы: в 1901 г. суд установил имущественную ответственность тред-юнионов за устройство их членами во время стачки рабочих пикетов (знаменитое "Тафф-Вэйльское дело"). Тред-юнионы так энергично боролись против этого решения, что оно было отменено уже в 1906 г. законом "о промышленных конфликтах".

Из законов, регулировавших институты, в точной формулировке которых были заинтересованы капиталисты в их отношениях между собой, следует отметить закон 1875 г. о сделках с недвижимостями (закон этот стал на путь введения ипотечной системы,

т. е. регистрации прав на недвижимости в особых книгах), закон о векселях 1882 г., закон о купле-продаже товаров 1893 г. (установивший точные правила о порядке заключения договора и об обязанностях сторон), закон о торговых товариществах 1908 г. Однако эти законы в значительной степени являются лишь систематизацией уже накопившейся практики.

§ 5. Уголовное право

Условное осуждение. В области уголовного законодательства следует отметить изданный в 1907 г. закон об "испытании" преступников (т. е. об условном осуждении).

Он отличается от подобных же континентальных законов тем, что суд отсрочивает не выполнение, а самое назначение наказания или даже (в судах суммарной юрисдикции) — самое осуждение. Если суд (по делам с обвинительным актом) найдет, что в виду нравственных качеств обвиняемого, признанного виновным, его предшествующей жизни, здоровья, возраста, уровня умственного развития, характера преступления или каких-либо смягчающих обстоятельств назначение наказания нецелесообразно, суд может отсрочить это назначение под условием представления ручательства хорошего поведения и поручительства (или без такового) о явке по требованию суда. Срок такого испытания — до трех лет. Суды суммарной юрисдикции могут, учтя предшествующую жизнь обвиняемого, вовсе прекратить дело или условно освободить обвиняемого под условием представления ручательства хорошего поведения с назначением или без назначения освобожденному попечителя.

Превентивное заключение. В том же году был издан закон о превентивном заключении привычных преступников. Согласно этому закону суд имеет право признавать лиц, которые по достижении ими 16-летнего возраста не менее трех раз осуждены за серьезные преступления и ведут преступный образ жизни, привычными преступниками и приговаривать их, помимо наказания, к так называемому превентивному (предупредительному) заключению, на срок от 5 до 10 лет, которому они подвергаются уже после отбытия наложенного на них наказания и которое по характеру режима несколько отличается от обычного тюремного заключения.

Законы 1912 и 1916 гг. предусматривают телесные наказания (плети) для некоторых категорий мужчин-преступников.

Сокращение применения краткосрочного тюремного заключения. Закон об отправлении правосудия 1914 г., ставивший своей целью "сокращение числа случаев направления в тюрьму", сделал для суда обязательным при назначении штрафа как меры наказания принимать во внимание имущественное положение об-

виняемого, предоставлять, как правило, не менее чем семидневный срок для уплаты штрафа и разрешать уплату штрафа по частям. Этим законом сокращалось направление в тюрьму за неуплату штрафа. Однако потребовались дополнительные мероприятия для того, чтобы добиться более решительного сокращения числа лиц, для которых штраф заменяется, вследствие его неуплаты, тюрьмой, и в 1935 г. был принят закон, запретивший судам, как правило, постановлять в самом приговоре о замене штрафа в случае неуплаты тюрьмой. Такая замена возможна только путем особого постановления суда.

Законодательство военного времени. Первая мировая война ознаменовалась изданием ряда исключительных законов. Вскоре же после начала войны появился Закон о защите государства, известный под сокращенным названием "DOPA" (Defence of the Realm Act, 1914 г.). Закон этот, в изъятие из основных положений Конституции, предоставил королю (т. е. кабинету) право издавать во внепарламентском порядке указы о защите государства во время войны. Указы эти могли предоставлять как учреждениям, так и отдельным государственным служащим полномочия, имеющие целью обеспечение общественной безопасности и обороны государства. Исполнительная власть получила право передавать на рассмотрение военных судов дела о нарушениях указов, запрещающих отношения с неприятелем, собирание сведений с целью передачи их неприятелю и вообще направленные на оказание помощи неприятелю. Исполнительной власти было предоставлено право издавать такие же указы и с целью обеспечения целости средств сообщения, гаваней и доков. В виде общего правила нарушение изданных на основании закона 1914 г. указов ставило нарушителя в такое положение, как если бы он был подсуден военному суду и совершил преступление, состоя на действительной военной службе.

В дальнейшем постановления Закона о защите государства были распространены на меры, принимаемые с целью предупреждения распространения известий, "могущих вызвать уныние или тревогу". Закон об ограничении прав иностранцев (1914 г.) предоставил исполнительной власти право издавать во время войны или во время опасности, грозящей государству, и вообще в случаях крайней необходимости указы, устанавливающие различные ограничения для иностранцев.

Издание исключительных законов продолжалось в Англии, как и в других странах, во все время войны.

Глава 12. ГЕРМАНИЯ В 1871—1918 гг.

§ 1. Государственный строй

Подъем промышленности. Воссоединение Германии сообщило могучий импульс всем уже издавна действовавшим силам развития: процессы, протекавшие раньше вяло и замедленно, теперь стали развиваться с лихорадочной энергией, противоречия, раньше малозаметные и неактивные, сделались теперь очевидной для всех двигательной силой. После австро-прусской войны 1865 г., когда внимание наблюдателей было устремлено исключительно на образование Северо-Германского союза, Энгельс с несравненной проницательностью отметил обстоятельство, гораздо более важное для Германии, чем этот "драматический государственный акт", а именно: "подъем промышленности и торговли, развитие железных дорог, телеграфа и океанского пароходства". Это развитие, начавшееся после 1848 г., приобрело внушительные размеры уже накануне франко-прусской войны и образования империи. И "как ни уступают эти успехи успехам, достигнутым в то же время Англией и даже Францией, для Германии они колоссальны и дали за 20 лет гораздо больше, чем раньше давало целое столетие. Только теперь Германия втянута решительно и бесповоротно в мировую торговлю"[1].

Франко-прусская война сыграла в этом процессе еще более крупную роль. Военная контрибуция и военная добыча, захват Эльзас-Лотарингии со столь недоставшей немцам железной рудой, политическое объединение Германии под гегемонией Пруссии, — все это сообщало новый размах и новую скорость историческому движению. Действительно, Германия вышла на мировой рынок, окрыленная французскими миллиардами: концентрация капитала стало ярко сказываться во всех отраслях промышленной жизни. Кредитные и промышленные общества вырастали десятками, предприниматели всех родов жадно набросились на эксплуатацию рудных залежей, угля, на строительство железнодорожных линий. Предпринимательская лихорадка охватила все общество. Быстрый рост обнаружился почти во всех отраслях и особенно передовых (электротехника, химия), необходимых для завоевания мирового рынка. В Рейнско-Вестфальской области, в Верхней Силезии и в Саксонии, в Берлине и в приморских городах фабрично-заводская

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к "Крестьянской войне в Германии" // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XIII. Ч. 1. С. 371.

промышленность стремительно росла, и если, например, в начале 60-х годов Германия была по производству железа и стали на четвертом месте среди европейских государств, то в начале 70-х она оказалась уже на третьем.

Расстановка классовых сил. Однако этот промышленный расцвет не сопровождался общественным и политическим, как бы следовало ожидать, возвышением германской буржуазии: для этого она родилась слишком поздно. Рассматривая расстановку классовых сил в Германии непосредственно до и после 1871 г., Энгельс отмечал три основных класса в немецком обществе того времени: крупные землевладельцы, буржуазия, пролетариат. Центром крупного землевладения были старопрусские провинции к востоку от Эльбы, эта колыбель прусского юнкерства, грозившая, однако, стать его могилой, ибо крупные помещики клонились к явному упадку: "все юнкерство постоянно находится на краю пропасти; всякое бедствие, будь то война, неурожай или торговый кризис, грозит ему крахом, и неудивительно, что за последние сто с лишним лет его спасла от гибели только государственная помощь в разных видах и что в действительности оно продолжает существовать только благодаря государственной помощи".

Политическое положение буржуазии. Рядом с этим вырождающимся дворянством буржуазия была экономически несравненно сильнее, но от действительной политической власти она была очень далека. Дело в том, что на другой же день после образования Германской империи особенно чувствительно сказалось роковое историческое свойство немецкой буржуазии: "она, по излюбленной немецкой привычке, всегда запаздывает"[2]. Средства ее капиталистического могущества пришли к ней в такую пору, когда каждый новый шаг экономического развития воссоздавал, перевооружал и усиливал непримиримого врага буржуазии — пролетариат. Вспомним оживленную общественную деятельность, которую уже давно вели немецкие рабочие в своих союзах профессионального, кооперативного и политического характера. Вспомним, что в 1863 г. Всеобщий германский рабочий союз, только что основанный, насчитывал всего тысячу членов, а уже через год, к моменту смерти Лассаля, — свыше 4,5 тысячи членов. Немецкие рабочие организованно выступают на выборах в ландтаги отдельных государств и в рейхстаг Северо-Германского союза и проводят сюда собственных представителей: на выборах 1876 г. в учредительный рейхстаг Всеобщий германский рабочий союз собрал 40 тысяч голосов, а в 1871 г. число голосов, полученных социалистами на выбо-

[1] *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 495.

[2] *Энгельс Ф.* Предисловие к "Крестьянской войне в Германии" // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XIII. Ч. 1. С. 372.

рах рейхстага, превысило 100 тысяч и дало им два мандата. Это не могло не испугать трусливой германской буржуазии. Но для наступления на рабочий класс она нуждалась в сильных союзниках. Таких союзников буржуазия нашла в своем ближайшем полуфеодальном прошлом, заботливо сохраненном для нее историей: "Это — королевская власть со своей армией и своей бюрократией, это — крупная феодальная знать, это — мелкое юнкерство, это, наконец, — попы"[1].

Реакционный характер Конституции. Таким образом, материал, из которого должен был быть сделан новый государственный строй, строй Германской империи, был заранее заготовлен ближайшим историческим прошлым Германии и цементирован всем комплексом классовых взаимоотношений того момента. Пруссия, победившая Францию во главе Северо-Германского союза, уже сравнительно легко преодолевала партикуляристское сопротивление южно-германских государств, вернее — остатки этого сопротивления. Еще в эпоху австро-прусской войны южане охотно повторяли, что "лучше быть французами, чем пруссаками". Прошло всего лишь несколько лет, и после Седана такой взгляд никем уже не принимался всерьез. Осенью 1870 г. Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен присоединились, вернее, были Пруссией присоединены к Союзу. Самый Союз получил название Германской империи, а его Президент — титул императора. Ввиду такого автоматизма этих превращений, — как бы болезненно они ни совершались и сколько бы изворотливости ни пришлось при этом употребить Бисмарку, — нужно ли было измышлять новую имперскую Конституцию? Конечно, оставалось лишь слегка перелицевать Конституцию Северо-Германского союза, причем принять до известной степени во внимание договоры с южно-германскими государствами. Так было предопределено основное — политическое — содержание Конституции. Это не могла быть "конституция народного суверенитета", где народному представительству уделяется обычная в таких случаях полнота власти, где правительство ставится в непосредственную зависимость от парламента, где конституционные гарантии торжественно закрепляют неотъемлемость политических прав граждан.

Бисмарк, поработавший в меру своих сил и способностей над воссоединением Германии, не сумел найти кратчайший и вернейший путь к полному упразднению партикуляризма германских государств и к созданию действительно единого, в национальном смысле, германского народа. Оставаясь весь в плену феодальных политических представлений, он не посмел признать за народом в лице рейхстага то значение, которое ему по праву принадлежало и которое, будучи признано, оказалось бы благодетельным для всего последующего развития Германии. В только что сколоченном

[1] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 373.

конгломерате государств, наций и династий, получившем имя Германской империи, "рейхстаг был единственной корпорацией, действительно представлявшей новое "единство". Чем больший вес приобретал голос рейхстага, чем свободнее была имперская конституция в отношении к местным конституциям, тем теснее должна была сплотиться новая Германская империя, тем полнее баварец, саксонец, пруссак должен был раствориться в немце"[1].

Но создатели империи предпочли выдвинуть на первый план не нижнюю палату — рейхстаг и с ней вместе национальное единство, а верхнюю палату — бундесрат, в котором как раз отражалась старая раздробленная Германия. Они не хотели и не собирались опираться на немецкий народ в рейхстаге, а предпочли путь компромиссов и сделок с правительствами и династиями в бундесрате, т. е. с верхушкой господствующих классов отдельных членов Союза.

Германская федерация — "союз неравных". Это решительно предопределило самый характер германской федерации. Будучи по Конституции и в действительности объединением нескольких государств, сохранивших не только собственные правительства, но и династии, будучи союзным государством, федерацией, Германия не носила почти ни одной черты, обычно свойственной федеральному государству, тип которого выработался уже к тому времени в федерациях Европы и Америки. Здесь почти совсем не было того распределения государственной власти между федеральным правительством и правительствами членов федерации, при котором последним отводится пусть узкая, но в этих пределах формально суверенная законодательная и исполнительная власть. Напротив, имперское правительство присвоило себе почти всю законодательную власть, что оказалось впоследствии очень реальным средством направления всей внутренней и внешней политики империи, и предоставило членам Союза почти всю исполнительную власть, что было бы реально, если бы эти члены не оказались так слабы, и что в действительности лишь дополнительно усилило имперское правительство.

По господствовавшему в юридической литературе мнению члены этой федерации были безусловно лишены суверенитета[2]. И не было в федеральной Конституции ровно ничего, что гарантировало бы им даже и такое существование — не суверенных, но автономных, во всяком случае, государств: федеральная власть могла по собственному произволу настолько расширить свою компетенцию, что автономия государств исчезла бы бесследно, государ-

[1] *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 500.

[2] *Laband P.* Das Staatsrecht des deutschen Reiches. Tьbingen-Leipzig, 1902. S. 517.

ства эти перестали бы существовать[1], и федерация, следовательно, превратилась бы в унитарное государство. Наконец, здесь и в помине не было той типичной черты федерации, которая, при всей своей иногда практической незначительности, все же считалась принципиально существенным элементом федерации: правового формального равенства федерирующих частей. В этом "союзе неравных" Пруссия — самое большое, самое населенное и самое сильное государство (свыше половины общей территории империи и свыше 60% населения) — имела зафиксированный в Конституции и практически еще усиленный безусловный перевес над каждым из остальных 21 государств и над всеми вместе.

Так под видом федерации создано было прусско-германское централизованное государство, в котором все приспособлено было к тому, чтобы 25 тысяч прусских помещиков могли управлять страной через голову германского народа.

Распределение полномочий между Союзом и членами. Конституция, построенная на этой базе и дополненная впоследствии некоторыми поправками, устанавливала, что контролю империи и ее законодательству подлежат не только внешние сношения, вооруженные силы, почта и телеграф, железные дороги, но и таможенное и торговое право, все гражданское и уголовное право, монетная система, бумажная эмиссия, сухопутные и водные пути сообщения, вопросы печати, вопросы союзов и некоторые другие менее важные предметы, во всяком случае, относимые в федерациях к компетенции государств-членов. Последним достались только вопросы народного просвещения, местных налогов, местного самоуправления, полиция (кроме санитарной), тюрьмы и др. Несколько более широкие права, сохранившиеся за Баварией, не меняли общей картины.

Преобладающая роль бундесрата. Законодательная власть империи вверялась Конституцией бундесрату и рейхстагу, обоюдное согласие которых необходимо было для издания закона. Бундесрат состоял из членов по назначению правительства государств (и трех вольных городов). Места распределены были таким образом, что из 58 мест 17 принадлежали Пруссии, остальные же государства имели от шести до одного. Вновь присоединенная Эльзас-Лотарингия, конечно, не становилась членом союза, но была допущена в бундесрат без права голоса. Она объявлена была "имперской землей" и хотя получила подобие местного самоуправления в виде "окружных комиссий", из делегатов которых составлялась "областная комиссия", но в действительности управлялась обер-президентом, а потом (с 1879 г.) — наместником (штатгальтером), который по закону, действовавшему до самого 1902 г., пользовался под непосредственным наблюдением имперского канцлера вполне

[1] *Laband P.* Op. cit. P. 25—26.

диктаторскими правами. Таким образом, по относительному числу мест в бундесрате Пруссии обеспечено было прочное преобладание. Она, к тому же, скоро добилась увеличения числа своих мест до 22-х за счет Вальдека по договору и Брауншвейга, где она заняла место устраненного ею герцога. Делегаты были связаны инструкциями своих правительств, и Конституция специально оговаривала эту обязательность инструкций (ст. 7). Права бундесрата были очень значительны. Конституция снабдила его обычным правом верхних палат — правом участия в законодательстве империи. Последующая практика, однако, сделала так, что законодательная инициатива гораздо чаще и с большим успехом использовалась им, чем рейхстагом, и последний в качестве законодательной инстанции был оттеснен на подчиненное положение. Но Конституция предоставила бундесрату и значительную долю исполнительной власти, постановив, что он выносит решения относительно административных предписаний и мероприятий, необходимых для приведения в действие имперских законов, а также устраняет "недостатки, выясняющиеся при осуществлении имперских законов" (ст. 7). В своем анализе имперской Конституции Энгельс с полным правом подчеркивает значение последнего указания, которым бундесрату, по сути дела, предоставлено было право законодательствовать помимо рейхстага[1]. И он широко пользовался своими полномочиями, издавая указы с силой закона[2].

Роль бундесрата в управлении империей практически усиливалась благодаря его постоянным комиссиям (по иностранным делам, по военным делам и др.), составлявшим его рабочий аппарат. Налоговая комиссия участвовала в назначении имперских финансовых чиновников, а торговля — в назначении консулов. Счетная комиссия получала финансовые отчеты членов Союза и устанавливала размеры их платежей в имперскую кассу. Железнодорожная комиссия деятельно вмешивалась в тарифную политику. Участвовал бундесрат и в назначении членов имперского суда, как и членов счетной палаты. Его влияние на государства Союза подкреплялось его ролью арбитра в конфликтах между ними (ст. 76), Его согласие необходимо было в том, ни разу, впрочем, не представившемся, случае, когда предусматривалась вооруженная экзекуция для принуждения членов Союза к осуществлению своих конституционных обязанностей по отношению к Союзу. Его согласие требовалось при объявлении войны, что случилось только один раз; его согласие требовалось при роспуске рейхстага, что происходило несколько раз. И роспуск рейхстага не означал непременно перерыва в работе бундесрата, так как последний мог заседать и в отсутствие рейхстага, тогда как рейхстаг не мог заседать в отсут-

[1] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 501.
[2] *Laband P.* Op. cit. P. 98.

ствие бундесрата. Бундесрат превратился в действительности в учреждение, работавшее постоянно и притом, что имело немалое практическое удобство, не публично, а в закрытых заседаниях.

Подчиненное значение рейхстага. Рядом с бундесратом рейхстаг явственно отступал на задний план.

Законом 1887 г. срок легислатуры его был установлен в 5 лет вместо первоначальных 3. По закону 1869 г. избирать и быть избранным в рейхстаг мог каждый имперский гражданин, достигший 25 лет (за исключением военных, банкротов и т. п.). Таким образом, женщины и молодежь отстранялись от избирательных урн. Хотя, далее, избирательное право считалось равным, избирательные округа построены были крайне неравномерно: в 1912 г. например, шарлоттенбургский избирательный округ насчитывал 338 794 избирателя, а округ Шаумбург-Липпе — 10 709 избирателей[1]. И тот и другой, однако, избрали по одному депутату. В 1910 г. Берлин имел уже около 2 миллионов жителей и посылал в рейхстаг 6 депутатов, тогда как провинция Познань на такое же население имела 15 депутатов. Рост населения городов и промышленных областей со времени 1870 г. (когда установлены были избирательные округа) неуклонно приводил к тому, что аграрные захолустья получали на выборах громадные преимущества перед экономически ведущими и политически передовыми местностями. Закон 1906 г. несколько перестроил избирательные округа, ничего существенно не изменив в этом положении. Лишь в августе 1918 г., т. е. уже накануне революции, число депутатов увеличено было с 397 до 441 и для ряда крупных избирательных округов введено было пропорциональное представительство. Избирательные кампании протекали в большинстве округов, особенно сельских, под сильным и непосредственным давлением помещиков и властей. Закон 1903 г. впервые ввел изолированные кабинки, но тайна голосования попрежнему в большинстве случаев ничем не была обеспечена. Выборы очень предусмотрительно назначались на рабочий день, что, конечно, удерживало от голосования многих промышленных, а в особенности сельскохозяйственных рабочих. Депутаты до самого 1906 г. не получали никакого вознаграждения и почти никакого возмещения расходов, связанных с исполнением депутатских обязанностей. Между тем, члены бундесрата получали очень даже порядочную мзду. Такой рейхстаг не мог представлять собой полноценное народное представительство в буржуазном смысле, т. е. связанное с прогрессивными слоями общества настолько тесно и поддерживаемое ими настолько твердо, чтобы повести плодотворную борьбу с реакционным правительством и выступить самостоятельным и положительным фактором в жизни страны. Он реши-

[1] *Stier-Somlo Fr.* Deutsches Reichs und Landesstaatsrecht. Berlin und Leipzig, 1924. Bd. 1. S. 165.

тельно не сумел освоить те весьма существенные права, которые отвела ему Конституция. Вся его энергия ушла в оппозицию правительству, и вся его борьба свелась к отказам в санкции правительственным законопроектам, — функции его, следовательно, сделались чисто отрицательными. Законодательной же инициативой он почти перестал пользоваться, а парламентского контроля над администрацией и вообще не имел. Да и законодательную оппозицию рейхстага правительство умело в большинстве случаев либо обходить, либо ломать. Так он несколько раз подвергался роспуску, а новый состав всегда оказывался гораздо сговорчивее. Это произошло четыре раза: когда руководящие партии рейхстага отклонили закон против социалистов, дававший правительству возможность борьбы и с либеральной оппозицией (1878 г.), когда рейхстаг отказался вотировать военные контингенты на 7 лет вперед (1887 г.) и на 5 лет вперед (1893 г.), наконец, вследствие отказа рейхстага в дополнительных кредитах на колониальную войну в Юго-Западной Африке (1907 г.). Во всех этих случаях правительство победило: и закон против социалистов, и "септеннат", и "квиквеннат" были последовательно проведены и военные кредиты предоставлены.

Верховенство Пруссии в Германском союзе. Таким образом, бундесрат имел безусловный перевес над рейхстагом. Действительный же смысл существования и деятельности бундесрата заключался в господствующей роли Пруссии. Значение бундесрата как верхней палаты федерального государства, где якобы уравновешиваются интересы членов федерации и создается общая воля Союза, было чисто теоретическим. Но через его посредство Пруссия — самый сильный член Союза — осуществляла свое главенство в Союзе, и в этом заключалась его громадная практическая роль.

Мы видели уже при рассмотрении политического строя Германии до воссоединения, какой реакционный характер имела Прусская конституция 1850 г., как угнетающе господствовала феодальная реакция во всех областях политической жизни Пруссии. Имело громадное значение, что в бундесрате и через бундесрат мертвящее дыхание пруссачества обдавало всю Германию. Здесь помещичья олигархия Пруссии противополагала себя трудящимся массам Германии и господствовала над ними лишь при очень слабом, пассивном сопротивлении буржуазии, а чаще всего при ее содействии. Это достигалось, прежде всего, численным перевесом делегатов Пруссии в бундесрате; имея за собой, по существу, больше трети мандатов, она легко разрушала в зародыше всякие попытки враждебных коалиций среди разрозненных представителей остальных государств. Конституция подчеркивала и укрепляла ее преобладание: достаточно было 14 голосов членов бундесрата, чтобы отклонить всякое изменение Конституции, всякое, следовательно, умаление конституционных преимуществ Пруссии (ст. 78),

и никакое законодательство, военное или финансовое, невозможно было против воли председателя бундесрата, если он высказывался за сохранение действующих постановлений (ст. 5), которым, как увидим далее, всегда являлся один из прусских делегатов.

Организация исполнительной власти. Обеспечить главенство Пруссии призвана была и организация всей исполнительной власти Союза. Президентом Союза с титулом германского императора признан был прусский король. Это соединение в одном лице функций германского императора и функций прусского короля оказалось очень плодотворным приемом для обеспечения гегемонии Пруссии. Как император, прусский король являлся верховным вождем вооруженных сил империи и назначал всех имперских чиновников. Он назначал из числа прусских делегатов бундесрата имперского канцлера — председателя бундесрата, который "вел дела бундесрата" (ст. 15) и был в то же время председателем прусского совета министров. Как прусский король, он назначал делегатов Пруссии в бундесрат и именно через них, как и через канцлера, осуществлял все полномочия бундесрата в области внутренней и внешней политики.

Канцлер являлся главой имперского административного аппарата. Федеральных министров, кроме канцлера, не было, были лишь начальники имперских ведомств, — подчиненные канцлера, носившие большей частью звание государственных секретарей (государственные секретари по внутренним, иностранным, колониальным, морским делам, юстиции, казначейства, почт и имперских железных дорог) и все вместе составлявшие, особенно при Бисмарке, не более как "управление имперского канцлера" (Reichskanzleramt). С 1873 г. появились заместители канцлера, но они самостоятельного значения не получили. Все это были чисто центральные ведомства: имперские законы и постановления приводились в действие исключительно должностными лицами отдельных государств — членов Союза, а на канцлере и государственных секретарях лежало наблюдение за исполнением закона. И они имели тысячу средств заставить слабые и целиком зависящие от Пруссии правительства государств неуклонно держаться линии, диктуемой из центра. Притом, как мы уже знаем, канцлер в качестве председателя бундесрата, а еще больше как глава прусской делегации в бундесрате, задавал здесь тон и практически направлял деятельность бундесрата. В то же время, как единственный имперский министр, он выступал в рейхстаге от имени бундесрата и всего имперского правительства. Он, однако, и теоретически не считался связанным, и на деле не был связан необходимостью иметь доверие рейхстага, будучи ответственен только перед императором.

Как видим, все меры были приняты к тому, чтобы сделать канцлера "единственным прочным стержнем всей имперской кон-

ституции"[1]. И действительность сложилась в дальнейшем так, что сначала Бисмарк управлял государством от имени императора, а потом Вильгельм II делал то же самое через имперского канцлера. Имея в виду характерные черты государственного строя империи и вспомнив расстановку классовых сил, сложившуюся к моменту образования империи и лишь очень медленно колебавшуюся в последующие годы, мы без труда разберемся в сложных и на первый взгляд противоречивых отношениях партий до первой мировой войны.

§ 2. Политические партии

Бисмарк и единство Германии. Единство Германии составило с самого начала основную цель стремлений буржуазии, не всегда, впрочем, достаточно ясно ею сознававшуюся. "Объединение Германии было необходимо, и Маркс, как перед 1848 г., так и после него, всегда признавал это. Энгельс еще в 1859 г. прямо звал немецкий народ на войну ради объединения. Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контрреволюционно, по-юнкерски"[2]. Слабость и разрозненность буржуазии, ее запоздалое вступление на авансцену политической жизни, угрожающе быстрый рост пролетариата, как самостоятельной силы, привели к тому, что осуществление жизненных интересов буржуазии оказалось в руках канцлера Бисмарка — прусского феодала и юнкера по происхождению, социальному положению и политическим воззрениям. Вынужденный не зависящими от него историческими условиями делать прогрессивное дело национального объединения Германии и превращения ее в буржуазное государство, он делал это лишь теми средствами, которые единственно были ему доступны: не путем развязывания сил буржуазной демократии и — пусть постепенного — моделирования парламентского строя, как наиболее совершенной формы буржуазного господства, а средствами бонапартистского пошиба, т. е. сохраняя мнимую независимость государственной власти от общества, навязывая одной рукой буржуазии кучу феодальных пережитков не только в общественном строе, но и в законодательстве и в управлении, а другой рукой вводя новые, буржуазные тона и краски в старую систему абсолютизма и вызывая этим возмущение феодального землевладения. Историческое дело создания германского единства совершалось, по идее Бисмарка, с опорой на полуфеодальную юнкерскую Пруссию и при сохранении прусского абсолютизма, разве

[1] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 502.
[2] *Ленин В. И.* Русские Зюдекумы // Соч. Т. XVIII. С. 92.

лишь внешне модернизованного. Бисмарк мог бы растворить эту Пруссию в обновляющейся Германии, но такого желания у него отнюдь не было; он хотел бы раз навсегда опруссачить Германию, но для этого у него не было сил. Такая двойственность положения и роли Бисмарка почти на двадцать лет вперед после воссоединения Германии определила его собственную политику и его отношение к общественным силам и политическим партиям Германии. Те же, в основном, мотивы руководили и Вильгельмом II, когда, оттолкнув Бисмарка, он сам стал на его место.

Общие основы партийной системы. В своих главных чертах политические партии Германии сформировались еще в период Северо-Германского союза. Основой партийных образований послужили классовые расслоения в Пруссии и в остальной Германии того времени, а в рамках этих общих определяющих линий совершались разнообразные передвижки и перестановки под действием особо характерных и оригинальных условий политической жизни Германии. Уже начало 60-х годов застало здесь не две и не три, а несколько партий, оспаривавших друг у друга влияние на избирателей и на правительство. Время и условия оказались потом очень благоприятными для дальнейшего размножения партий. Весь исторический период от воссоединения Германии до первой мировой войны отмечен отсутствием действительного национального единства, невозможного при давящей гегемонии Пруссии и всеобщем отвращении к ней, а следовательно, отсутствием почвы для создания мощных национальных партий. С другой стороны, непроходимая классовая пропасть разделяла здесь не только буржуазию и пролетариат, — между буржуазией и аристократией наблюдались демаркационные линии, через которые трудно было перешагнуть и которые до известного момента весьма мешали общему пониманию и взаимным уступкам. При этом помещики отличались классовой ограниченностью и зависимостью от милостей государства, а буржуазия на заре своей общественной карьеры отмечена была печатью той трусости и подлости, которые в других странах она воспринимает уже к концу своего пути. Это делало окончательно недостижимым такое положение, при котором две-три крупные партии монополизируют политическую арену, делят между собой избирателей и не оставляют почвы для существования мелких политических групп.

Бисмарк, которого как раз отличала склонность к мелкой закулисной интриге и запутанной дипломатической игре, нашел лавирование между классами и балансирование между партиями самым для себя удобным приемом, обеспечивавшим ему единоличную власть. Он не только поддерживал политическую раздробленность, партийный разброд и чересполосицу, которую застал, придя к власти, но много поработал для дальнейшего измельчения партий, что, разумеется, облегчало господство над ними.

В соответствии с этим и государственный аппарат воссоединенной Германии оказался построенным так, что со своей стороны действовал в пользу национальной дезинтеграции Германии и обострения борьбы между различными политическими течениями: рейхстаг не явился для буржуазии школой национальной спаянности и сплоченности, — напротив, здесь нация подавлялась и унижалась. Бундесрат и не стремился разумно уравновешивать интересы государств, — здесь господствовал дух прусской казармы и прусской канцелярии, и мелким государствам каждую минуту демонстрировалось преимущество силы над правом.

После двадцатилетнего господства Бисмарка во главе Германии оказался человек, наделенный, пожалуй, всеми слабыми сторонами Бисмарка, но ни одной из его сильных сторон. Вильгельм II самоуверенно пустился по пути "железного канцлера", хотя сам он больше походил на картонного паяца. Результатом было то, что германские империалисты получили, наконец, мировую войну, к которой так стремились и которая, вопреки их надеждам, закончилась разгромом Германии и революцией 1918 г.

Классовые основы германских политических партий Энгельс в конце 80-х годов обрисовал следующим образом: "Крупные землевладельцы и часть крестьянства составляли массу консерваторов; из промышленной буржуазии вербовалось правое крыло буржуазного либерализма — национал-либералы, тогда как левое его крыло — ослабленная демократическая или так называемая прогрессистская партия — состояло из представителей мелкобуржуазных слоев, поддерживаемых частью буржуазии и рабочих. Наконец, рабочие имели в социал-демократии свою самостоятельную партию, к которой принадлежали и мелкие буржуа"[1].

Консерваторы. Колыбелью если не всех, то наиболее значительных партий была Пруссия. Здесь "немецкие консерваторы" основали в крупнопомещичьих областях Восточной Пруссии цитадель самой черной реакции, клерикального фанатизма и феодального застоя. В Пруссии их представители держали в своих руках командные посты в армии и администрации, они же играли руководящую роль в высшем имперском чиновничестве. Их кумиром была сильная армия, не подчиняющаяся никому, кроме императора, готовая пустить в ход штыки и сабли против врагов абсолютизма, откуда бы они ни явились: со стороны ли рабочего класса, или со стороны рейхстага. "Абсолютный король есть тот король, который творит нашу волю", — давно твердили они. Они требовали неограниченной государственной помощи рассыпающемуся и заживо гниющему юнкерскому землевладению, огрызались на промышленную буржуазию, относились с недоверием и враждой к капиталистическому развитию, в котором не без основания видели

[1] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 497—498.

могилу помещичьим привилегиям, преимущественному положению аграриев в государстве и той роли, которую они играли среди населения своего округа, держа в полувассальной зависимости своих арендаторов, массу сельскохозяйственных рабочих, почти все крестьянство. Воинствующую членскую массу консерваторов составляло именно мелкое и среднее юнкерство, наиболее разоряющаяся, вырождающаяся, лишенная перспектив, паразитически затхлая и коснеющая в заскорузлом невежестве часть прусских помещиков. Более крупные среди них, виднейшие аристократы и чиновники, владельцы доходных латифундий, обнаруживали и более широкий кругозор, смыкались с крупной промышленностью, причем не только политически, разумеется, и выделились в самостоятельную партию "свободных консерваторов". В противоположность юнкерам они видели неизбежность империи, почти примирились с ней и охотно называли себя "имперской партией". Они большей частью поддерживали Бисмарка почти во всех его начинаниях.

Национал-либералы. Национал-либералы представляли имперскую буржуазию. Эта партия меньше всех других носила какой-либо местный отпечаток и чуждалась какого-либо партикуляризма. Она имела сторонников повсюду — и в северных и в южных государствах, а сильнее всего было ее влияние среди крупных промышленников Силезии, Саксонии, Рейнской провинции, Вестфалии. Относительная слабость этой партии определялась политической незрелостью крупной и средней буржуазии, которую она представляла. Всем, что так невыгодно отличало эту буржуазию, — изолированность в широких народных массах, раболепство перед аристократией, страх перед пролетариатом, — всем этим заклеймена была с самого начала и партия национал-либералов. С первых шагов воссоединения Германии она выступила с помпезной программой настоящего конституционализма, даже парламентаризма, а в экономической области требовала полной свободы для промышленности и торговли. Но она очень скоро выдохлась, почти отказалась от сколько-нибудь активной оппозиции в рейхстаге и покорно поплелась за Бисмарком, куда бы он ее ни вел.

Свободомыслящие. В 80-х годах от национал-либералов откололась группа неисправимых фритредеров, тогда как ядро национал-либералов переориентировалось на протекционизм. Эти "манчестерцы" вскоре после отпадения от национал-либералов соединились со "свободомыслящей народной партией" небезызвестного, много раз впоследствии осмеянного социал-демократами за свой мнимый социализм, Евгения Рихтера. Свободомыслящие были сродни национал-либералам, но всегда держались левее их, и своих сторонников рекрутировали среди антиклерикально настроенных лавочников, мелких хозяйчиков, владельцев небольших мастерских. Они часто фигурировали под названием "прогрессистской" партии, что не мешало им, чем далее к концу XIX в., тем более,

поддаваться реакции, мало, в конце концов, отличаясь от национал-либералов.

Католический центр. Несколько особняком среди крупных партий стояла "партия центра". В 1870 г. в прусском ландтаге возникла чисто католическая партия, которая под видом представительства за "все классы" католического населения защищала в протестантской Пруссии интересы католической церкви и католического духовенства (католиков здесь было не больше трети населения). Очень скоро эта партия, оставаясь строго католической по своему составу, стала притягательной силой для самых разнородных элементов Германии, тяготившихся гегемонией Пруссии и объединяемых враждой к пруссачеству. Отсюда — крайне разнокалиберный классовый состав "центра", отсюда и те симпатии, которые питали к нему многочисленные мелкие группы рейхстага, особенно национальные, образуемые поляками, датчанами, эльзас-лотарингцами, ганноверцами ("вельфы"). Отсюда необходимость для вожаков "центра" вносить в свою программу демагогические лозунги, предназначенные к уловлению различнейших классовых элементов — от польского помещика и баварского аристократа до прусского кулака и цехового подмастерья. Политическая линия центра, как и национал-либералов, совершила тот же путь от очень яркой оппозиции имперскому правительству в начале 70-х годов до сотрудничества с ним ко времени первой мировой войны.

Другие партии. Перечисленными партиями не исчерпывались политические группировки рейхстага. На всем протяжении его существования мы видим здесь до 12 таких группировок. Так, около 1898 г. от партии свободомыслящих обособилось и стало самостоятельно выступать на выборах ее антимилитаристское крыло под названием "свободомыслящего союза". Упомянуть следует и родственную им мелкобуржуазную "немецкую народную партию", влиятельную в Баварии, а еще больше в Вюртемберге. Позже, в 1910 г., обе фракции свободомыслящих объединились с "немецкой народной партией" в "прогрессистскую народную партию". К концу 80-х годов несколько усилилась "христианско-социальная партия", пытавшаяся раньше приемами социальной демагогии отбить у социал-демократов рабочих избирателей, а потом перешедшая к погромно-антисемитской агитации. Антисемиты спекулировали на политическом невежестве мелких предпринимателей, лавочников, кустарей, которые испытывали неизбежный ужас перед разоряющими их крупными капиталистами, но целиком отождествляли их с еврейскими банкирами и промышленниками и яростно восставали против мнимо специфической "еврейской конкуренции" в торгово-промышленной сфере и на поприще интеллигентных профессий.

Социал-демократы. Объединение 1875 г. Наконец, совершенно особое место в этой пестрой политической системе заняла Германская социал-демократическая партия. Социалистическое дви-

жение в Германии восходит истоками своими к бурной эпохе 40-х годов, когда оно испытывало сильное влияние французского утопического социализма. Но только в 60-х годах восточные прусские провинции сделались центром значительного рабочего движения, руководителем которого был в течение нескольких лет Лассаль. Он, однако, делал все от него зависящее для того, чтобы им пробужденное рабочее движение и им созданную самостоятельную политическую партию пролетариата направить на совершенно ложный и опасный путь поддержки бонапартистских маневров Бисмарка и его игры в "государственный социализм". Суровая критика и энергичное противодействие Маркса и Энгельса помешали Лассалю нанести непоправимый вред немецкому рабочему движению. Но и после смерти Лассаля (1864 г.) Маркс и Энгельс вынуждены были вести длительную борьбу с теоретическим и практическим наследством лассальянства. В противовес лассалевскому Всеобщему германскому рабочему союзу была образована на съезде в г. ЭйзенахеСоциал-демократическая рабочая партия, вожди которой — Бебель и Либкнехт — лишь в общем следовали указаниям Маркса и Энгельса и, в противоположность им, далеко недооценивали вредности лассальянства. Их примирительный курс и способствовал слиянию обеих партий на съезде в Готе (1875 г.) вопреки подробно мотивированным возражениям Энгельса, напоминавшего, что "нельзя позволить сбивать себя с толку криками об объединении" и что как раз "заядлые сектанты и величайшие склочники и прохвосты в известные моменты громче всех кричат о единстве"[1]. Опять же, после того, как совершилось объединение, Маркс и Энгельс настойчиво, последовательно и искусно работали над тем, чтобы парализовать вредные последствия объединения и извлечь все возможные выгоды из него. Бессмертной критикой Готской программы Маркс и Энгельс дали и германскому и мировому пролетариату урок правильного понимания задач классовой борьбы. В письме Маркса с исключительной ясностью поставлен и разрешен был вопрос о революционном превращении капиталистического общества в коммунистическое и о государстве революционной диктатуры пролетариата[2]. В письме к Бебелю Энгельс, следуя Марксу, осветил ряд вопросов классовой борьбы пролетариата, долженствующей привести к захвату власти пролетариатом[3] .

Рост влияния партии и закон против социалистов. И до и после 1875 г. влияние социал-демократической партии среди рабо-

[1] *Маркс К.* Письмо от 13 октября 1868 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXX. С. 606.

[2] *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XV. С. 283.

[3] *Энгельс Ф.* Письмо к Бебелю // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XV. С. 289 и сл.

чих масс и среди мелкой буржуазии неуклонно росло. На выборах рейхстага 1871 г. социалисты получили 101 527 голосов, в 1874 г. — уже 351 670 голосов, в 1877 г., несмотря на усилившиеся гонения, аресты социалистических лидеров, репрессии против социалистической печати, — 493 477 голосов. Партия стала внушать правительству значительные опасения, и Бисмарк уже в 1877 г. попытался провести исключительный закон против социалистов. Так как либеральное большинство рейхстага отклонило соответствующий законопроект, не без основания опасаясь, что исключительный закон может быть использован и против либералов, — Бисмарк распустил рейхстаг и на выборах 1878 г. добился путем откровенного административного террора поражения национал-либералов и свободомыслящих. Принятый рейхстагом в 1878 г. закон против социалистов поставил, коротко говоря, социалистов вне закона. Целые области и большие города (Берлин, Гамбург) очутились под режимом так называемого "малого осадного положения". Организациям социал-демократии, ее кассам, ее прессе, ее союзам и обществам нанесен был серьезный удар. Но своей конечной цели репрессии не достигли; они только замедлили и затруднили рост партии. Все беззакония, совершаемые служителями закона, все неправосудие судов, все административные трюки Бисмарка и его агентов могли временами очень тяжко отзываться на отдельных членах партии и отдельных сторонниках ее, но не могли подкосить самую партию. Она приспособлялась к работе в новых условиях, и неистощимые жизненные силы пролетариата с легкостью и быстротой, поражавшей ужасом его противников, компенсировали ущерб, наносимый партии правительственным террором.

На выборах 1881 г. число голосов, поданных за социалистических кандидатов, резко снизилось (310 тысяч), но уже в 1884 г. оно опять поднялось до 550 тысяч, а в 1887 г. — до 763 128. Еще три года спустя бесплодность закона против социалистов стала ясна всем, кроме, разве, Бисмарка с его прямыми клевретами, и в начале 1890 г. он был отменен.

Партийный состав рейхстага 1871—1912 гг. Таковы были политические партии Германии. О сравнительной их силе в рейхстаге дает представление количество их мандатов по десятилетиям от воссоединения до последнего предвоенного рейхстага 1912 г. В имперском рейхстаге 1871 г. консерваторы имели 57 мест (при общем числе избирателей в 7 976 000 они получили, в круглых цифрах, 550 000 голосов); свободные консерваторы имели 37 мест (на 350 000 голосов); национал-либералы — 120 (на 1 180 000 голосов); центр — 61 (на 700 000); свободомыслящие — 46 (на 350 000); немецкая народная партия — 2 (на 180 000 голосов); национальные партии (считая и ганноверцев) имели 19 мандатов.

В дальнейшем соотношение численного состава фракций изменялось следующим образом.

	Годы			
	1881	1890	1903	1912
Консерваторы	51	71	52	42
Свободные консерваторы	27	21	20	14
Национал-либералы	86	42	50	45
Центр	97	107	100	91
Свободомыслящие	61	67	21	—
Социал-демократы	12	35	81	110
Немецкая народная партия	9	10	6	—
Национальная партия (включая представителей Эльзас-Лотарингии)	44	38	31	44
Прогрессистская народная партия	—	—	—	42

§ 3. Борьба классов и партий

Реформы Бисмарка. Политическая слабость германской буржуазии сказалась в том, что воссоединение Германии произошло не путем революции, разрушающей остатки феодализма, а контрреволюционными методами, т. е. с сохранением господства отживших классов и всего "готического" хлама феодально-абсолютистской государственности. В течение двадцати лет после воссоединения Бисмарк был живейшим выражением создавшейся двойственности и вытекавших отсюда противоречий. Более связанный по своим классовым интересам с прошлым Германии, чем с ее будущим, он, однако, стремился в меру своего разумения удовлетворять основные экономические потребности буржуазии. Он сблизился на первых порах с национал-либералами, вернее говоря, властно повел их за собой, нередко, правда, встречая с их стороны сопротивление, но легко преодолевая его комбинациями внутри- и внепарламентского характера.

Первая половина 70-х годов была временем, когда национал-либералы достигли вершины возможного для них влияния, имея в рейхстаге 1874 г. 152 представителя, т. е. больше, чем какая бы то ни было другая партия за все время существования рейхстага. В этот именно период установлена была единая система денежного обращения и введена золотая валюта, были сделаны крупные шаги по пути создания единого права. Германия получила почти однообразное уголовное и торговое право (общеимперский Гражданский кодекс введен был в действие лишь в 1900 г.). В 1874 г. имперский закон о печати устранял оставшиеся от средневековья ограничения печати, хотя и ввел суровые судебные кары за антиправи-

тельственные выступления. Из мероприятий местного характера следует отметить проведенную Бисмарком в 1872 г. реформу местного самоуправления в восточных провинциях Пруссии. В каждой провинции, делавшейся на округа, учреждены были выборные окружные собрания. Однако полицейская власть помещика в округе, бывшая до того феодальной привилегией, по существу, сохранилась, так как внутри округа обязанности начальников полиции безвозмездно несли лица, назначавшиеся королем всегда из местных землевладельцев. Сверх того, крупные имения составляли самостоятельные районы, где помещик, с согласия начальника округа (ландрата), сам являлся старшиной или назначал старшину.

"Культуркампф". Шаги, предпринятые Бисмарком на пути к имперскому единству, укрепили не германскую, а прусско-германскую империю и тем самым обещали увековечить тягостную для всех непруссаков гегемонию Пруссии. Мероприятия эти должны были вызвать усиление и сплочение всех антиправительственных элементов, как ни пестры они были. А "общее знамя эти пестрые элементы нашли в ультрамонтанстве"[1]. С одной стороны, имперское правительство в лице Бисмарка готово было возненавидеть всякую силу, казавшуюся ему слишком самостоятельной и осмеливавшуюся соперничать с ним, а такой грозила стать в Германии католическая церковь, вдохновляемая воинственными планами папы (Пия IX), а с другой — все, что было в Германии центробежного, все, подавляемое и оскорбляемое Пруссией в своем национальном, главным образом, достоинстве, все, оппозиционно настроенное против пруссачества, стало группироваться вокруг католической церкви, выразительницей интересов которой в 1870 г. сделалась, как мы уже знаем, партия центра, всегда, впрочем, по составу своему строго и чисто католическая. Недаром вождем партии был Виндгорст — лидер ганноверских вельфов, особенно и демонстративно непримиримых антагонистов Пруссии. Бисмарк без колебания вступил в бой с центром, имея на своей стороне либеральные фракции рейхстага, и провел ряд антиклерикальных законов, из которых важнейшим был закон о передаче светским должностным лицам ведения актов гражданского состояния и об обязательном гражданском браке (1875 г.). Так как духовенство по прямым указаниям Рима отказалось подчиняться этим законам, правительство обрушило на непокорных священников и мирян град административных репрессий. Все это, однако, оказалось совершенно тщетным. Сочувствие и содействие многочисленных и разнообразных оппозиционных элементов сделало сопротивление католиков очень стойким и эффективным. Против Бисмарка вооружились даже консервативные протестантские круги, особо недоволь-

[1] *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 506.

ные его союзом с либералами и охотно изображавшие его борьбу с католической церковью как подрыв религиозных устоев вообще. Борьба эта, прозванная сторонниками Бисмарка "культуркампфом", закончилась, в сущности, полным поражением Бисмарка. Он сам признал в своем выступлении в прусском ландтаге в 1886 г., что его борьба с католиками была "гоньбой верхом за дикими гусями". Пришлось "железному канцлеру" идти на мировую с гусями: из антиклерикальных законов одни перестали применяться, другие были вовсе отменены впоследствии, и остался в силе лишь только что упомянутый. Партию же центра правительственные преследования только укрепили и на довольно долгий срок выковали из нее самую, после социал-демократов, сильную и стойкую оппозицию. Даже в рейхстаге 1912 г. центр оставался крупнейшей после социал-демократов фракцией.

Распад национал-либералов. Отказавшись от "культуркампфа", Бисмарк бросил потерявших уже для него интерес национал-либералов и повернул, в то же время, к такой экономической политике, которую национал-либералы не могли одобрить: он перестал поощрять свободу торговли и своеобразный протекционизм и стал покровительствовать не столько промышленности, сколько крупному землевладению. Повышением таможенных пошлин на предметы массового потребления (табак, кофе, керосин) он хотел, кроме того, усилить доходы имперской казны и освободить ее от известной зависимости, в которой она находилась по отношению к членам Союза. Консерваторы и центр, за которыми стояли помещики и кулаки, сочувствовали его начинаниям с теми или иными оговорками; национал-либералы же, поскольку представляли торговую буржуазию, были против, а поскольку отражали интересы промышленников, склонялись и к компромиссу. В результате они, как мы уже знаем, раскололись и с 1881 г. навсегда потеряли значение одной из ведущих партий рейхстага, которое имели до этого времени. Но распад национал-либералов, единственной, строго говоря, средней партии рейхстага, на которую могло длительно опираться правительство, усилил распад и разноголосицу, и без того царившие в рейхстаге, а главное, сделал крайние фракции решающей силой в парламентских битвах.

Падение Бисмарка. Именно после "победы" над национал-либералами на выборах 1881 г. Бисмарку стало все труднее проводить через рейхстаг свои законодательные мероприятия. Политика лавирования между классами и партиями, чем дальше, тем явственнее, обнаруживала свою несостоятельность. Конфликт достиг особенной силы в 1887 г., когда рейхстаг отказался возобновить закон о семилетнем контингенте армии. После роспуска этого рейхстага Бисмарку удалось создать на выборах коалицию национал-либералов с обоими фракциями консерваторов — "картель". В новом рейхстаге Бисмарк имел послушное большинство, и именно с

опорой на это большинство он провел, между прочим, свои провокаторские "социальные законы" о принудительном страховании рабочих, пытаясь и таким способом парализовать влияние социал-демократов, непреодолимо росшее вширь и вглубь, несмотря на преследования правительства. Но как раз этот же рейхстаг и нанес Бисмарку жесточайшее поражение, отказав ему в 1890 г. в утверждении нового, еще более жестокого исключительного закона и в продлении старого закона против социалистов, срок действия которого истекал осенью 1890 г. В том же году кончились полномочия рейхстага, и на новых выборах искусственная комбинация картеля расстроилась. Правые партии потерпели поражение. Социал-демократы сразу утроили число мандатов. Это было, пожалуй, самым ярким показателем банкротства внутренней политики правительства, и, следовательно, Энгельс был прав, говоря о "социал-демократической партии, свергнувшей Бисмарка"[1]. Чтобы вновь обрести в новом рейхстаге утраченный контроль, Бисмарк, верный своей методе беспринципных политических фокусов и закулисных межпартийных махинаций, обратил взоры на центр, самую сильную фракцию рейхстага, и имел тайное свидание с Виндгорстом. Это послужило предлогом для острого столкновения между ним и Вильгельмом II, незадолго до того вступившим на престол. Времена и обстоятельства до такой степени изменились для старого канцлера, что его просьба об отставке была, против всех его ожиданий, принята.

Усиление монополистического капитала. Времена действительно менялись так быстро и радикально, что государственные деятели и с более широким кругозором, чем Бисмарк, не успевали замечать и отмечать происходившие сдвиги. Силы промышленного развития выступили в конце столетия со всесокрушающей энергией. Уголь, в избытке имевшийся в Германии еще до территориальных приобретений в результате победы над Францией, железо, полученное Германией вместе с Эльзас-Лотарингией, наконец, французские миллиарды, влившиеся золотым потоком в хозяйство страны, — все это, рука об руку с политическими факторами, которыми явились воссоединение Германии и последовавшие за этим реформы, вызвало исключительный рост германской промышленности. В своем развитии Германия явно обгоняла самую старую индустриальную страну — Англию — и далеко ее опередила в концентрации и централизации капитала. За двадцатилетие с 1890 до 1910 г. Германия последовательно опередила Англию в добыче и потреблении руды и угля, в производстве железа, стали и чугуна. Тяжелая промышленность стала безусловно господствовать в промышленном хозяйстве Германии. Машино-

[1] *Энгельс Ф.* Социализм в Германии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 2. С. 243.

строение сделало необыкновенно быстрые шаги. В то же время протекционистская политика правительства способствовала росту всякого рода монополий, основной формой которых послужил картель. Картелирование промышленности началось уже с конца 70-х годов и к концу столетия число картелей значительно выросло, не переставая увеличиваться и далее. "Число картелей в Германии определялось приблизительно в 250 в 1896 г. и в 385 в 1905 г. при участии в них около 12 тысяч заведений"[1]. Это, в свою очередь, облегчало банковскому капиталу проникновение в картелированную сверху донизу промышленность: в начале XX в. финансовый капитал наложил руку на всю внутреннюю и внешнюю политику Германии.

Активизация германского империализма. Такие экономические перевороты вызвали крупные перестановки в отношении классов. В то время, как мелкое юнкерство продолжало вырождаться и деклассироваться, следуя прогнозу, установленному для него Энгельсом в 80-х годах, магнаты землевладения уже раньше, как мы отмечали, находившие точки соприкосновения с крупной промышленностью, теперь все теснее смыкались с индустриальными королями. Они охотно заводили промышленные предприятия на своих землях, еще охотнее становились участниками капиталистических концернов, и сам Вильгельм II нисколько не брезговал подачками этого рода от пушечного короля Круппа. И помещики, и монополистский капитал оказались согласно заинтересованными в повороте Германии на путь активной колониальной политики. В свое время Бисмарк заявлял: "Я не хочу колоний. Они годятся только для синекур". Хотя он десять лет спустя делал некоторые попытки перестроиться в этом направлении и поддержал и округлил земельные приобретения немецких предпринимателей в Африке, составившие ядро германской Юго-Западной Африки и германской Восточной Африки, но действительного значения колониальной экспансии не понимали ни он, ни его преемник Каприви, отдавший Англии Занзибар в обмен на Гельголанд и утверждавший, что нет ничего хуже, как получить в подарок всю Африку. Такая точка зрения тогда же встретила резкую оппозицию среди некоторых слоев юнкерства и крупной буржуазии, требовавших широкой колониальной экспансии. В 1891 г. создается Всеобщий германский союз, получивший с течением времени большое влияние под именем Пангерманского союза. Пангерманисты делали все возрастающий упор на пропаганде захвата Германией ряда земель в самой Европе, расписывая эти земли как немецкие и включая в их число Австрию, Данию, Голландию, часть Швейцарии и Бельгии, прибалтийские владения России. Они строили планы далекого продвижения на Восток ("Drang nach Osten!"). Идея рас-

[1] *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Соч. Т. XIX. С. 86.

членения России играла в этих планах все возрастающую роль. Значительное течение в пангерманизме направлялось против Англии, призывая сосредоточить против нее все усилия, чтобы достигнуть передела колоний. Наконец, при канцлере Гогенлоэ (1894—1900 гг.) происходит крутой поворот во внешней политике Германии, и она стремительно переходит к хищнической империалистической политике. Дело не ограничивается земельными захватами на западном и восточном берегах Африки, арендой Кяо-Чао, открывшей германскому капиталу путь к естественным богатствам Шандунского полуострова, и приобретением островов Марианских, Каролинских и Марешальских, что укрепило германские позиции на подступах к Азиатскому материку. Германия обращает пристальные взоры на Ближний Восток, на Турцию, имея в виду проникнуть на путях экономического и политического подчинения Турции в Малую Азию, в Сирию, в Месопотамию, где германских империалистов неотразимо влекли к себе залежи нефти и редких металлов и неисчерпаемые источники сельскохозяйственного сырья.

С этого времени империалистическая политика гогенцоллернской Германии становится все энергичнее. Магнаты землевладения превращаются в боевой авангард финансового капитала и все сильнее увлекают его в сторону необузданной агрессии, чему он, надо сказать, очень мало сопротивляется. Нетерпеливый напор юнкерской реакции с ее преклонением перед силой, с ее культом солдатчины, с презрением к слабым нациям, с твердым убеждением, что военное насилие — самый скорый и верный создатель "национального богатства", становится главным двигателем германской политики.

Нет никакого сомнения, что ближайшие основы гитлеризма, как цельной системы с собственной внутренней и внешней политикой, заложены были уже в кайзеровской Германии, с тем чтобы после первой мировой войны получить наиболее полное и законченное выражение.

Противостоять этой роковой тяге к реакции внутри и к военным взрывам вовне мог бы только пролетариат. Но лидеры социал-демократии сделали все от них зависящее, чтобы дезориентировать, расколоть, разоружить его. И они достигли своей цели

Реакция по всей линии. В полном соответствии с новой и чрезвычайно энергичной империалистической политикой, сопровождавшейся, конечно, лихорадочным усилением вооружений (особенно морских), внутренняя политика Германии становится с каждым годом все реакционнее. Каприви, сменивший Бисмарка, еще опирался некоторое время на национал-либералов и центр и вынужден был делать буржуазии известные уступки, а также провести кое-какие меры охраны труда (закон о воскресном отдыхе для рабочих и об 11-часовом максимальном рабочем дне для женщин). Но в канцлерство Гогенлоэ магнаты юнкерства, поддержи-

ваемые тяжелой индустрией, берут перевес, и в рейхстаге тон задают консерваторы в союзе с центром, за которыми плетутся окончательно потерявшие всякую самостоятельность национал-либералы.

Но консерваторы были численно слабы, национал-либералы разлагались и разваливались, и правительство оказывалось в довольно неприятной зависимости от центра, неприятной потому, что центр, на который нажимала мелкобуржуазная часть его избирателей, вынужден был время от времени делать оппозиционные жесты: так, он провалил в 1893 г., как мы уже знаем, военный закон, в 1895 г. сделал то же с законопроектом, как бы воскресившим исключительный закон против социалистов (Umsturzvorlage), а в 1900 г. — с законом, по существу, уничтожавшим свободу союзов. Но это была не более как отрыжка прежней оппозиционности центра: он все явственнее поворачивал направо, навстречу наглеющей реакции и в течение первого десятилетия XX в. оказал сменившему Гогенлоэ канцлеру Бюлову (1900—1909 гг.) неоценимые услуги при проведении реакционных военных и финансовых законопроектов. Именно центр, например, выступил автором ханжеского закона, официальным назначением которого была борьба с преступлениями против нравственности в печати и в искусстве, но который фактически открывал дорогу крайне придирчивой политической цензуре (1900 г.). Это было время широкого наступления на ничтожные и без того политические права рабочих, когда стачечников подвергали всевозможным репрессиям на основе вводимого то тут, то там "осадного положения", когда штрейкбрехерам и провокаторам была обеспечена охрана полиции и судов, когда свирепствовала цензура, когда коренное население в Эльзас-Лотарингии и в польских провинциях подвергалось яростным гонениям. При Гогенлоэ, а особенно при Бюлове, притеснения польского населения в Познани и в Верхней Силезии чрезвычайно усилились. Германизаторы откровенно и почти официально ставили своей целью онемечение польских земель и польского населения, причем особенно свирепствовали "гакатисты" (по инициалам трех лидеров германизаторского союза). Поляки сопротивлялись всеми доступными им средствами, между прочим, нашумевшими в свое время школьными забастовками. Впрочем, в рейхстаге польская национальная партия ("Коло") долгое время шла на поводу у центра и лишь за несколько лет до первой мировой войны более или менее решительно переходит в оппозицию.

Партийные коалиции в рейхстаге. Поддерживая реакционную политику Бюлова, центр за свои услуги требовал подачек и подачек. Правительство, однако, далеко не всегда удовлетворяло его домогательства, и как раз в 1906 г., когда оно отказало в ведомственных перемещениях и назначениях, с которыми давно приставали лидеры центра, последние соединились с социал-демо-

кратами и отказали правительству в кредитах на подавление восстания готтентотов (гереро) в африканских владениях Германии. Бюлов воспользовался этим, чтобы распустить рейхстаг и попытаться отделаться от центра. Новые выборы, однако, даже усилили центр (105 мандатов вместо 100), но зато жестоко ударили по социал-демократам, которых Бюлов и боялся, и ненавидел. Многочисленные мелкобуржуазные избиратели, отдававшие обычно свои голоса социал-демократам, были в эту избирательную кампанию распылены шовинистической агитацией и головокружительными обещаниями империалистов, — они изменили социал-демократам, и те потеряли почти половину своих мандатов (38 из 81). В рейхстаге 1907 г. Бюлову удалось объединить в так называемом "готтентотском" блоке и консерваторов, и национал-либералов, и даже свободомыслящих, и даже прогрессистов. Невозможно было более наглядно демонстрировать жалкое падение германского либерализма во всех его фракциях, течениях и оттенках. Почти единственной уступкой со стороны реакции ее либеральным сотрудникам был новый закон о союзах и собраниях (1908 г.), изуродованный, впрочем, поправками консерваторов. Сотрудничество блока с правительством оказалось, однако, непрочным, и когда встал вопрос о налоге на наследства, как одном из источников покрытия новых военно-морских расходов, консерваторы, вместе с центром, отвергли подобное покушение на помещичьи карманы, и "готтентотский" блок развалился. За эту неудачу Бюлов поплатился своим канцлерским постом.

Новому канцлеру Бетман-Гольвегу (1909—1917 гг.) достались в наследство обломки блока в виде союза центра с обеими фракциями консерваторов, известного под названием "черно-голубого" (всего 189 мандатов). Привлекая к себе в случае надобности черносотенцев из христианско-социальной партии (16 мандатов) или им подобных, черно-голубой блок прочно господствовал около трех лет, и господство это ознаменовалось рядом новых косвенных налогов и новыми законодательными преследованиями пролетариата.

Борьба за реформы в Пруссии и в Эльзас-Лотарингии. Однако боевое настроение пролетариата явно растет и сказывается, например, в энергичной борьбе за реформу избирательного права в Пруссии. Здесь знаменитая трехклассная система по-прежнему служила оплотом политического господства аграриев и денежных мешков. Бетман-Гольвег попытался обновить кое-какими поправками эту избирательную систему, но не удовлетворил ими ни правых, ни левых, и внесенный им в прусский ландтаг законопроект был отвергнут (1910 г.). Берлинские рабочие реагировали на реформаторство Бетман-Гольвега бурными массовыми демонстрациями. Новая попытка избирательной реформы, исходившая в 1912 г. от свободомыслящей фракции ландтага, оказалась столь же безус-

пешной. Закоснелая реакционность прусского государственного режима рисовалась особенно ярко на фоне сравнительных успехов движения за избирательную реформу в Южной Германии: в период 1904—1911 гг. всеобщее избирательное право введено было в Баварии, Вюртемберге и Гессене. Впрочем, в Саксонии около того же периода избирательное право было значительно ухудшено из страха перед успехами саксонских социал-демократов.

В конце 1910 г. рейхстаг под сильным давлением социал-демократов принял, наконец, закон об автономии Эльзас-Лотарингии: был учрежден провинциальный двухпалатный ландтаг, нижняя палата которого избиралась посредством всеобщего избирательного права; в то же время Эльзас-Лотарингия получила представительство в бундесрате. Вся эта "конституция" нисколько не мешала проявлениям самого дикого произвола в Эльзас-Лотарингии со стороны германской военщины и администрации. По-прежнему, как и 40 лет назад, господствовали здесь в том или ином виде исключительные законы, регулировавшие по-своему права прессы, свободу собраний и союзов и т. п. Когда в 1913 г. в эльзасском городе Царбене (Саверн) прусский лейтенант, живое воплощение тупого и низменного всегерманского солдафонства, позволил себе грубое и глупое издевательство над местным населением, Ленин по всей справедливости отметил симптоматическое значение этого инцидента: в Цаберне "обострился и вышел наружу истинный порядок Германии, господство сабли прусского полуфеодального землевладельца"[1]. Разве не получил командир полка, в котором состоял отличившийся лейтенант, демонстративного одобрения от прусского кронпринца? Разве сам Вильгельм II, по внутренней сути своей тот же ограниченный и самовлюбленный прусский лейтенант, — не угрожал еще до инцидента Эльзас-Лорингии, что он попросту отнимет у нее ее конституцию, только что дарованную?

Избирательная победа социал-демократов. Черно-голубой блок за сравнительно короткий период своего правления основательно восстановил против себя самые различные круги избирателей. Уже за последние два года существования рейхстага (1910—1911 гг.) социал-демократы на дополнительных выборах приобрели 10 новых мандатов. Неудивительно, что выборы 1912 г. ознаменовались чувствительными неудачами клерикально-помещичьей реакции. Консерваторы лишились 26 мандатов, центр поплатился 14, христианские социалисты — 13, даже национал-либералы растеряли 9 мандатов. Напротив, социал-демократы увеличили число своих мандатов по сравнению с прошлыми выборами чуть ли не втрое (110 вместо 43) и сразу вышли на линию самой сильной партии рейхстага.

[1] *Ленин В. И.* Цаберн // Соч. Т. XVII. С. 100.

Реформизм и оппортунизм социал-демократии. Таким образом, социал-демократы с прогрессистами и национал-либералами при поддержке национальных партий могли иметь большинство. Но дело в том, что не только либеральные фракции оказались к этому времени, как, впрочем, и раньше, абсолютно неспособными к устойчивой оппозиции правительству, — зараза оппортунизма и примиренческой дряблости стала проникать и в верхушку социал-демократической партии. После падения закона против социалистов это стало сказываться и в теоретическом и в практическом отношениях. Эрфуртская программа, сменившая в 1891 г. Готскую, была, конечно, шагом вперед по сравнению с той, но и она допустила крупнейшую ошибку, не только не объявив диктатуру пролетариата конечной целью классовой борьбы, но и не упоминая о диктатуре пролетариата вообще. Эту ошибку и имел в виду Энгельс, когда высмеивал "миролюбивый оппортунизм и мирно-спокойно-свободно-веселое" "врастание" старого свинства в "социалистическое общество"[1]. На это же он указал в своей критике Эрфуртской программы, требуя признания неизбежности и необходимости насильственной пролетарской революции[2].

Отход от революционных идеалов, чем ближе к первой мировой войне, становился все заметнее среди вождей германской социал-демократии и стал особенно разителен в связи с тем, что русская революция 1905 г. способствовала значительному повышению революционной активности германского пролетариата, показывая ему, между прочим, на конкретном примере великое революционное значение всеобщей стачки. Хотя руководство партии официально осудило попытки ренегатов, вроде Бернштейна, столкнуть германских рабочих с завещанного Марксом и Энгельсом пути классовой борьбы, ревизионизм практически делал большие успехи в социал-демократии и накладывал свою печать на тактику лидеров. Все чаще сказывается уклон в сторону реформизма и компромисса с буржуазией, все больше места в работе партии стала занимать парламентская борьба в ущерб прямой и непосредственной массовой революционной борьбе. Отпор, который давали этому течению старые вожди партии, и среди них Либкнехт и Бебель, был далеко не всегда достаточен, на что много раз указывал Ленин в своей неустанной и последовательной борьбе с оппортунизмом и реформизмом во II Интернационале вообще и в германской социал-демократии, в частности. Ибо германская социал-демократия оказалась ведущей партией II Интернационала и более других являлась ответственной за ошибки, заблуждения, нако-

[1] *Энгельс Ф.* Письмо 29 июня 1891 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Письма. М., 1923. С. 315.

[2] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // *Маркс К., Ф. Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 2. С. 107—108.

нец, измену II Интернационала. В свое время германская социал-демократия много сделала для организации и обучения пролетариата в обстановке более или менее мирного развития. Но когда к концу XIX в. мирное развитие сменилось эпохой классовых битв и гражданских войн пролетариата, германская социал-демократия, а с нею и II Интернационал оказались в арьергарде рабочего движения, судорожно цепляясь за старые методы борьбы и тормозя революционное развитие.

Война 1914 г. и положение внутри социал-демократической партии. В этой обстановке вожди социал-демократии не захотели и не сумели организовать действительный отпор империалистической реакции. Когда же война началась, они стали слугами этой реакции, усердно помогая правительству и капиталистам в установлении и поддержании военного режима внутри страны, превращавшегося для рабочих в военную каторгу на фронте или на предприятиях. В декабре 1914 г. один лишь Карл Либкнехт в парламентской фракции рейхстага открыто высказал свое отрицательное отношение к войне, отказавшись голосовать за военные кредиты. Постепенно возрастающее сопротивление рабочих масс выразилось, между прочим, в том, что в 1915 г. левые социал-демократы (Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Франц Меринг и другие) образовали группу, получившую вскоре название "Спартак".

Измена социал-демократических лидеров. Лидеры же партии, между тем, не зевали и в ренегатстве своем скатывались все дальше и все ниже. В соответствии с усложнившейся политической обстановкой господствующие классы Германии предъявляли к ним все более серьезные требования, и те стремились быть на высоте своих задач. Под ударами военных поражений шатались устои гогенцоллернской монархии, народные массы революционизировались. После Февральской революции 1917 г. германская буржуазия увидела, что к опасности военного поражения присоединяется еще более грозная для нее опасность революционного взрыва. В рейхстаге под руководством левого крыла центра стало кристаллизоваться большинство, готовое отказаться от завоевательных целей войны. Но банк и помещики еще не сдавались. Ушел в отставку Бетман-Гольвег, решительный сторонник такого отказа (июль 1917 г.). Назначен был канцлером аграрий Михаэлис, принимавший этот отказ с различными оговорками. В такой обстановке на лидеров социал-демократии буржуазия возложила обязанность удержать массы от революционного выступления, все более назревавшего. В 1917 г. образовалась Независимая социал-демократическая партия Германии, прямое назначение которой было разыгрывать мнимую оппозицию по отношению к руководству социал-демократической партии и демагогическими разговорами завлекать в свои ряды рабочих, уже раскусивших предательство социал-демократической верхушки, но еще не осведомленных о

том, что Независимая социал-демократическая партия — не более, как экспозитура социал-демократической партии. Движение независимцев происходило под руководством Каутского, приложившего все усилия к тому, чтобы выхолостить и обезвредить это движение и нейтрализовать энергию примкнувших к нему рабочих.

Предсмертные судороги режима. Но тщетны были усилия верных слуг буржуазии: Великая Октябрьская социалистическая революция воспламенила германских рабочих и солдат революционным энтузиазмом. Тогда лидеры социал-демократии, "преданные без лести", в вероломстве своем последовательные до конца, не остановились и перед тем, чтобы собственную спину подставить под грозящую рухнуть монархию, монархию, покрывшую себя позором, виновную в бесчисленных преступлениях против рабочего класса, щедро обагренную народной кровью. Дело в том, что в конце декабря 1917 г. Вильгельм II, так часто и так развязно заявлявший о своем презрении к парламентаризму, почувствовал к нему, очутившись в беде, симпатию, и в обращении на имя канцлера Гертлинга, одного из лидеров центра, сменившего 1 ноября 1917 г. Михаэлиса, возвестил о своем желании привлечь германский народ к более, чем до того, деятельному участию в определении судеб отечества. Однако и это сомнительное народолюбие находилось под спудом до самой той поры, пока у германской военщины не исчезла последняя надежда на поворот военного счастья. Лишь 1 октября 1918 г. новый имперский канцлер, принц Макс Баденский, приступил к срочному созданию демократии и парламентаризма в Германии при обязательном сохранении гогенцоллернской династии и всех, разумеется, прочих династий. Тут-то и предложили свои услуги лидеры социал-демократии, и целый ряд этих лидеров (среди них Шейдеман) вошли в состав образованного принцем правительства. Были опубликованы (28 октября 1918 г.) новые конституционные законы, вносившие изменения в Конституцию Германской империи. Поправка к ст. 15 Конституции постановляла, что имперский канцлер нуждается в доверии рейхстага и несет ответственность перед бундесратом и рейхстагом. Менее важный характер имела поправка к ст. 11, требовавшая согласия рейхстага и бундесрата на объявление войны и заключение международных договоров. Но и эти изменения не могли уже спасти империю.

Падение монархии. Тщетны были все героические меры. Несколько дней спустя рабочие, солдаты и матросы стали захватывать один город за другим. 9 ноября Макс Баденский объявил об отречении кайзера и передал должность имперского канцлера социал-демократу Эберту. В этот же день перед лицом стихийно возникших Советов рабочих и солдатских депутатов Шейдеман поспешил объявить республику.

§ 4. Гражданское право

История составления Гражданского кодекса. С момента воссоединения Германии усилились требования составления общего для всей Германии гражданского законодательства. Интересы буржуазии не мирились с архаичными правовыми системами, вроде Прусского ландрехта или "общего права", переставшими удовлетворять потребностям жизни и препятствовавшими промышленному развитию. Вместе с тем крупнокапиталистический оборот испытывал немалые затруднения вследствие партикуляризма права и требовал выработки законодательства не только современного по своему содержанию, но и единого для всей Германии. Наряду с этим мысль о единстве права отвечала националистическим устремлениям широких кругов, усматривавших в единстве права усиление государственного единства. Но эти требования выработки единого законодательства встречали и серьезных противников в лице феодалов, сознававших, что новый кодекс будет в своей основе буржуазным, и не желавших расстаться с привилегиями в области, например, помещичьего землевладения, и стремившихся сохранить феодальные институты в области семьи, наследования и т. п. Против единого кодекса высказывались и некоторые германские государства, стремившиеся сохранить в возможно более широком объеме свою автономию и боровшиеся против дальнейшего усиления гегемонии реакционной Пруссии. Энгельс специально указывает на то сопротивление, которое оказывалось среднегерманскими государствами распространению компетенции империи на материальное гражданское право[1].

Таким образом, в вопросе об унификации гражданского права создалась чрезвычайно сложная обстановка, и борьба за выработку единого гражданского кодекса растянулась на ряд лет. В момент образования Германской империи выработка единого гражданского кодекса еще не предусматривалась. Лишь в 1873 г. был издан закон об установлении компетенции империи в области выработки единого гражданского права, и в 1874 г. бундесрат назначил комиссию для составления кодекса. Эта комиссия, узкая по своему составу, состояла из чиновников и теоретиков (особую роль в ней играли Планк и знаменитый профессор римского права Виндшейд). Адвокатов и представителей деловых кругов в комиссии не было. Будучи закончен и опубликован в 1887 г., проект вызвал большое оживление. Его обсуждению посвящена была большая литература. Общая оценка оказалась неблагоприятной. 70-е и 80-е годы характеризовались, как мы уже знаем, быстрым индустриальным развитием Германии, и проект, в основе которого лежало "общее право", уже не соответствовал потребностям капиталистическо-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 503.

го оборота. Националистические круги подвергали вместе с тем принципиальной критике пандектные концепции основных институтов, указывая на необходимость придерживаться германского права, т. е., по существу, закрепить феодальные порядки. Против проекта высказывался и Бисмарк, назвавший его "ящиком Пандоры" (т. е. источником бедствий).

В результате было признано невозможным направить этот "источник бедствий" на законодательное обсуждение, и в 1890 г. для нового рассмотрения проекта была создана новая комиссия, в состав которой были включены адвокаты, парламентарии, практические деятели. Комиссия внесла в проект ряд изменений, частью имевших целью отойти от выраженных в проекте позиций пандектного права в направлении "германского права", частью — ослабить слишком резкое выражение принципов капиталистической эксплуатации, создать видимость охраны слабых — "социализировать" право. Конечно, ни о каких действительных уступках эксплуатируемым классам не было и речи.

К 1895 г. работы комиссии были уже закончены, и был опубликован так называемый "второй проект". Этот проект подвергся рассмотрению в рейхстаге и бундесрате, были внесены некоторые изменения, главным образом по настоянию католического центра, и 18 августа 1896 г. проект был утвержден. Однако для приведения законодательства отдельных германских государств и деятельности учреждений в соответствие с новым Кодексом и для предоставления возможности заинтересованным кругам изучить новый Кодекс, вступление его в силу было отложено до 1 января 1900 г. Так, со всевозможными отсрочками Германия получила единое гражданское законодательство, и кончилось многовековое применение пандектного права (кроме некоторых отдельных вопросов, не нормированных новым Кодексом и не имеющих большого значения).

Состав и общая характеристика германского Гражданского кодекса. Германский Гражданский кодекс (Bьrgerliches Gesetzbuch, сокращенно BGB) является крупнейшей буржуазной кодификацией конца XIX в. Он состоит из 2385 параграфов, многие из которых являются обширными.

Кодекс делится на пять книг.

Первая книга называется "общей частью" и излагает основные гражданско-правовые институты, имеющие значение для всех отделов гражданского права: лица (физические и юридические), вещи, правовые сделки, сроки, давность, осуществление и обеспечение прав.

Вторая книга посвящена обязательственным отношениям, так называемым правилам о содержании обязательственных отношений, о договорных отношениях вообще, об отдельных обязательственных отношениях (купля-продажа, мена, дарение, имуществен-

ный наем, заем, ссуда, договор о предоставлении услуг, подряд, товарищество, поручительство, неосновательное обогащение, обязательства, возникающие вследствие причинения вреда).

Третья книга имеет своим содержанием вещное право: владение, собственность, залоговое право и некоторые другие институты.

Четвертая книга посвящена семейному праву и пятая — наследственному праву.

Вместе с Кодексом был издан "Закон о введении Гражданского кодекса в действие". В этом законе, прежде всего, содержатся нормы по вопросам так называемого "международного частного права" (т. е. установление тех случаев, когда к иностранцам и к правоотношениям, возникшим за границей, могут применяться в Германии иностранные законы, и тех случаев, когда германские законы применяются к правоотношениям германских граждан за границей). Кроме того, во вводном законе устанавливаются изменения ряда имперских законов, в целях приведения этих законов в соответствие с новым Кодексом. Далее, около 100 статей посвящено перечню тех вопросов, по которым остается в силе прежнее законодательство отдельных германских государств; как мы уже упоминали, Кодекс касается не всех вопросов гражданского права, и в отдельных случаях остались в силе прежние правила. Заканчивается вводный закон так называемыми "переходными постановлениями", т. е. главным образом определением границ применения Кодекса к правоотношениям, возникшим до его вступления в силу.

Составители Гражданского кодекса не ставили своей задачей сделать Кодекс доступным для широких кругов, и поэтому Кодекс может быть освоен лишь специалистом-юристом. Длинные, тяжело изложенные параграфы, детально развитая специальная терминология, отсутствие определений институтов (буржуазные юристы часто считают, что выработка определения — дело не законодателя, а доктрины), обилие ссылок одних статей на другие, — все это является отличительными чертами Кодекса.

По своему содержанию Кодекс верно отражает черты своего времени. Германия являлась буржуазно-помещичьим государством, и Кодекс в основе своей является буржуазным, но в некоторых отдельных вопросах (например, в регулировании прав собственника земли и вообще в некоторых вопросах, по которым оставлены в силе ранее действовавшие законы) встречаются остатки феодальных порядков. В основном постановления Кодекса пронизаны принципом защиты капиталистических интересов — это видно и в так называемой "свободе договора", и в нормировке неограниченной частной собственности, и в регулировании договора найма услуг. Если и встречаются кое-где правила, имеющие вид уступки интересам нанявшегося, то они отличаются второстепенным характером и не изменяют общей целеустремленности Кодекса, направленного на защиту интересов буржуазии.

Вместе с тем по характеру изложения ряда важнейших правил Кодекс резко отличается от других, более ранних, законодательств, в частности — от Кодекса Наполеона. Если Кодекс Наполеона, составленный в период победы и утверждения капитализма в передовых странах, дает яркие и точные формулировки, недвусмысленно утверждающие классовое господство буржуазии, то в германском Кодексе мы наблюдаем иное. Рост сил пролетариата, обострение классовой борьбы между предпринимателями и рабочими заставляют господствующие классы прибегать к лицемерным и туманным формулировкам, скрывающим свое действительное классовое содержание. Судебный аппарат прочно находится в руках помещиков и буржуазии, судья является проводником их интересов. Отсюда — и это характерно для всего периода империализма и не только в Германии — расплывчатость закона и широта судейского усмотрения. Закон является неопределенным, его можно истолковать по-разному, но судья знает, как нужно применить данную норму. В силу этого Кодекс изобилует отсылками к растяжимым и внеюридическим критериям, которые могут быть понимаемы по-разному и получили ироническое название "каучуковых правил". Но в руках судьи эти неопределенные нормы получают вполне определенное содержание и используются в интересах буржуазии. Приведем примеры: § 242 — "Должник обязан исполнить обязательство таким образом, как этого требует добрая совесть (Treue und Glauben), с учетом воззрений оборота". То же говорится о толковании договоров (§ 157). § 826 устанавливает имущественную ответственность лица, умышленно причинившего вред, способом, противным добрым нравам. Что такое "добрые нравы", "добрая совесть", "воззрения оборота"? В законе эти понятия не определены, и делом судьи является установление в каждом конкретном случае содержания этих понятий. И, конечно, эти правила применяются сообразно с тем, что является "добрыми нравами" в глазах помещиков и буржуазии, сообразно с тем, как смотрит на "потребности оборота" капиталист.

Говорят, что ряд правил Кодекса проникнут "социальными" воззрениями и устанавливает, будто бы, защиту слабого. В виде примера приводят прежде всего § 226: "Осуществление права недопустимо, когда это осуществление имеет своей целью лишь причинение другому вреда". Но совершенно ясно, что в жизни лишь в виде редкого исключения могут встретиться случаи, когда единственной целью осуществления права является причинение вреда. Капиталист постоянно причиняет вред — рабочим, которые гибнут от непосильного труда, получая нищенскую зарплату; потребителям, которым он вручает, при первом удобном случае, недоброкачественный товар, с которых он стремится взять повышенную цену; другому капиталисту, которого он разоряет в конкурентной борьбе. Но все эти действия с буржуазной точки зрения вполн-

не законны, ибо причинение вреда не является единственной целью всех подобных действий. И потому § 226, как и иные "социальные" правила, ни в какой степени не лишает германский Кодекс его индивидуалистического, эгоистического, безжалостного к интересам других лиц характера.

Отдельные институты Кодекса. Мы не имеем возможности излагать подробно содержание Кодекса и остановимся поэтому лишь на некоторых его правилах, представляющих особый интерес в качестве примера регулирования гражданско-правовых отношений.

а) *Лица* разделяются на физические и юридические. Что касается физических лиц, то совершеннолетие наступает с 21 года, но возможно объявление совершеннолетия по достижении 18 лет. Совершеннолетний может быть лишен дееспособности, если он душевнобольной, или расточитель, или когда он вследствие пьянства не может вести свои дела и подвергает семью опасности разорения или угрожает ее безопасности. Правила о юридических лицах говорят об обществах и учреждениях, но не о торговых товариществах и объединениях, — соответствующие правила включены в состав Торгового кодекса.

б) *Сделки.* Среди правил, устанавливающих случаи недействительности сделки, следует отметить ч. 1 § 138, согласно которой ничтожна сделка, нарушающая добрые нравы. Это — одно из "каучуковых правил", не дающее никакой действительной защиты нравственных начал в обороте. В своем дальнейшем изложении § 138 указывает, что недействительна сделка, посредством которой одно лицо использует нужду, легкомыслие или неопытность другого лица и выговаривает себе несоразмерную имущественную выгоду. Но и это правило устанавливает лишь некоторую защиту отдельных представителей буржуазии, эксплуатируемых чрезмерно зарвавшимися капиталистами, отклоняющимися от "нормальных" правил поведения капиталиста. Предоставление фабрикантом рабочему грошовой заработной платы сюда не подойдет: судья не усмотрит здесь несоответствия заработной платы выполненному рабочим труду.

в) *Обязательство.* Кодекс содержит весьма подробные правила об отдельных видах договоров — купле-продаже, найме и т. п. Эти правила в значительной степени суммируют итоги пандектной доктрины и приспособляют ее к интересам крупнокапиталистического оборота. В тех случаях, когда в договоре сталкиваются интересы капиталистов и представителей беднейших слоев населения, Кодекс решительно становится на защиту первых. Например, если землевладелец сдал свою землю в аренду крестьянину, то, в обеспечение причитающейся ему арендной платы, он имеет залоговое право на вещи, которые были ввезены арендатором, — на инвентарь и т. п. (§ 559 и 585). Если арендный договор не был заключен в письменной форме, то землевладелец может его пре-

кратить в любое время, по истечении года найма (§ 566). Найму рабочей силы, играющему огромную роль в капиталистическом обществе, Кодекс посвящает сравнительно мало правил (всего 20 параграфов), и в этой скудости законодательного нормирования видно стремление по возможности не стеснять наймодателя твердым правилом закона, предоставить ему возможность в широком объеме определять отношения с нанявшимся по своему усмотрению. В этих правилах Кодекса не устанавливается право нанявшегося на отдых, нет общей нормировки продолжительности рабочего времени (некоторые правила по этому вопросу содержатся в специальных законах, например о фабрично-заводском труде). На случай, если заработная плата не была определена, Кодекс содержит лишь глухую ссылку на "обычное вознаграждение" (§ 612). Если нанявшийся, по обстоятельствам, связанным с его личностью, но не по своей вине, лишен возможности работать (например, болезнь), то он не теряет права на вознаграждение лишь в том случае, если эти препятствия длятся "сравнительно незначительное время" (§ 616). Все эти правила не устанавливают никаких гарантий основных интересов нанявшегося.

г) *Собственность.* Общая формулировка права собственности в Кодексе близка по своей категоричности к соответствующим правилам Французского кодекса: "Собственник вещи может, поскольку этому не противоречит закон или права третьих лиц, обращаться с вещью по своему усмотрению и устранять других от всякого воздействия на вещь" (§ 903). Правда, можно воздействовать на чужую вещь, но лишь в тех случаях, когда это необходимо для предотвращения наличной опасности (например, лицо берет чужую лестницу, чтобы спасать имущество из горящего здания) и с возмещением собственнику всех происшедших убытков (§ 904). Что касается приобретения и утраты права собственности, то Кодекс строго различает недвижимости — с одной стороны, и движимые вещи — с другой. Приобретение или переход права собственности на недвижимости происходит путем записи в особую поземельную (ипотечную) книгу, где на каждую недвижимость отводится особый лист для записи прав, объектом которых является эта недвижимость: право собственности, залоговое право и т. п. Нет записи — нет и права. Такой порядок имеет целью обеспечить распознаваемость прав на недвижимость и облегчение получения кредита под залог домов и т. п.: приобретатель дома или лицо, дающее деньги под залог дома, должны точно знать, какие права установлены на данный дом, так как от этого зависит его цена. В отношении же движимых вещей для перехода права собственности необходима передача вещи приобретателю, связанная с соглашением обеих сторон о переходе права собственности (§ 929).

д) *Семейное право.* Брачный возраст устанавливается для мужчин — в 21 год, для женщин — в 16 лет. Этот возраст несколько

выше возраста, зафиксированного Французским кодексом (18 и 15 лет), но и германский Кодекс допускает понижение брачного возраста для женщин. Буржуазные законодательства вообще поощряют заключение женщинами брака в возможно раннем возрасте: из-под власти отца под власть мужа — такой обычно путь женщины в буржуазном обществе.

Кодекс устанавливает гражданскую форму заключения брака. Личные отношения супругов определяются началом главенства мужа, что является основным правилом буржуазного брачного права. Жена получает фамилию мужа. "Мужу принадлежит решение всех дел, касающихся общей супружеской жизни; в частности, он определяет и место жительства" (§ 1354). С соблюдением этого правила жена управомочена и обязана вести домашнее хозяйство (§ 1356). В основе имущественных отношений супругов лежит, если нет особого брачного договора, начало подчинения управлению мужа имущества, которое жена внесла в супружеское имущество и приобрела во время брака (§ 1363).

Развод допускается лишь в силу строго определенных причин (прелюбодеяние, посягательство одного супруга на жизнь другого, злонамеренное оставление одним супругом другого, глубокое потрясение супружеских отношений путем грубого нарушения созданных браком обязанностей, либо бесчестного, либо безнравственного поведения, неизлечимая душевная болезнь). Иск о разводе должен быть предъявлен в течение шести месяцев после возникновения основания для просьбы о разводе. Решение о разводе должно быть постановлено судом после тщательного разбора дела, причем в ряде случаев замечаются тенденции к ограничительному толкованию поводов к разводу.

В основе отношений между родителями и детьми лежит начало родительской власти. Однако если отец не лишен родительской власти (например, вследствие совершения им преступления против интересов ребенка), то он один осуществляет ее. Родительская власть переходит к матери лишь после смерти отца или лишения его родительской власти, но и в этих случаях к матери может быть назначен советник, контролирующий ее действия. Родительская власть весьма обширна по своему объему и осуществляется бесконтрольно. Кодекс многозначительно указывает, что в силу права на воспитание отец может принимать "соответствующие исправительные меры" (§ 1631). Дети могут явиться и объектом эксплуатации со стороны родителей. Если родители содержат детей, то дети обязаны работать в хозяйстве родителей сообразно со своими силами и своим положением в жизни (§ 1617). Последняя оговорка указывает, что от этой обязанности свободны дети буржуазных семей.

е) *Наследственное право.* Характерной чертой законного наследования по Кодексу является отсутствие ограничения степе-

ней родства, дающего право на наследование. Поэтому если нет более близких родственников, то родственник отдаленнейшей степени, никогда не видевшей наследодателя и даже не знавший о его существовании, становится обладателем наследственного имущества. В таких случаях наследственное право лишено какого бы то ни было разумного основания: связь между наследованием и семьей разрывается. Беспредельность законного наследования родственников объясняется стремлением сохранности имущественных ценностей в руках господствующих классов, к которым в подавляющем большинстве случаев принадлежит и наследодатель, и наследник.

Законное наследование происходит в порядке очередей: в первую очередь призываются дети умершего, а если они умерли раньше наследодателя — их потомки. Наследниками второй очереди являются родители наследодателя и их нисходящие. К третьей очереди относятся деды и бабки, их нисходящие и т. д.

Кодекс предоставляет наследодателю право оставить свое имущество по завещанию, и выбор завещательного наследника определяется усмотрением наследодателя. Но устанавливается обязательная доля в пользу нисходящих, родителей и супруга наследодателя. Наследодатель не может лишить этих лиц их обязательной доли — здесь происходит наследование вопреки завещанию. Размер обязательной наследственной доли равняется половине стоимости той доли, которую лицо получило бы при наследовании по закону.

Характеризуя германский Гражданский кодекс (в связи с другими законодательными актами Германской империи), Энгельс указывает, что "устранение пестрых правовых норм, формальных и материальных, господствовавших в мелких государствах, было уже само по себе настоятельной потребностью для развившейся буржуазии, и в этом устранении главная ценность новых законов, — гораздо меньше ценности в их содержании"[1].

Торговый кодекс 1897 г. Издание Гражданского кодекса сделало необходимым пересмотр Торгового кодекса 1861 г. В новом Гражданском кодексе уже содержались общие правила о сделках, о договоре купли-продажи, и соответствующие правила Торгового кодекса, включенные в него вследствие отсутствия в то время общегерманской законодательной нормировки этих институтов, сделались излишними. С другой стороны, и прочие отделы Торгового кодекса надо было привести в соответствие с правилами Гражданского кодекса.

Новая редакция Торгового кодекса (Handelsgesetzbuch, сокращенно HGB) была утверждена 10 мая 1897 г. и вступила в силу одновременно с Гражданским кодексом — 1 января 1900 г.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 503.

Торговый кодекс уже не является более самостоятельным кодексом, каким он был до издания Гражданского кодекса, и представляет собой лишь дополнение к нему, содержащее регулирование специально торговых институтов и специальные правила для торговцев. Например, в дополнение к общим правилам о купле-продаже, имеющимся в Гражданском кодексе, Торговый устанавливает некоторые особые правила для торговой купли-продажи. Согласно ст. 2 вводного закона к Торговому кодексу к торговым делам применяются правила Гражданского кодекса, но лишь постольку, поскольку в Торговом кодексе не устанавливается иного. Сохранение в Германии дуализма частного права, т. е. деление частного права на гражданское и торговое, свидетельствует о той силе, которую имел в Германии в конце XIX в. крупный торговый капитал, желавший удержать свои специально торговые юридические институты.

Наряду с Торговым кодексом взаимоотношения торговцев в значительной степени регулируются торговыми обычаями и обыкновениями, о чем мы упоминали, говоря о французском гражданском праве.

Торговый кодекс состоит из 905 параграфов и делится на четыре книги.

В первой книге даются общие правила о том, кто считается торговцем, о торговом реестре (так называется официальный список предприятий), о фирме (т. е. о названии предприятия), о торговых книгах, о торговых служащих и о маклерах.

Вторая книга посвящена торговым товариществам. Особые правила даются прежде всего о полном (так называемом "открытом") товариществе[1], о коммандитном товариществе[2] и об акционерном обществе[3]. Эти правила Торгового кодекса имеют особое значение. Процессы концентрации и централизации капитала приводят к тому, что уже в конце XIX в. основными деятелями торгового оборота являются не единоличные торговцы, а различные объединения, в основе которых лежит соединение капиталов. Торговый кодекс дает и правила о тех видах товариществ, которые пользуются наибольшим распространением. Следует, однако, отметить, что вне Торгового кодекса остались "товарищества с ограниченной ответственностью", нормируемые специальным законом

[1] Так называется товарищество, все участники которого несут неограниченную ответственность своим личным (т. е. не внесенным в товарищество) имуществом по обязательствам товарищества.

[2] В коммандитном товариществе одни участники отвечают перед кредиторами товарищества всем своим имуществом, а другие (вкладчики) — лишь своим вкладом в товарищество.

[3] В акционерном обществе из взносов участников составляется основной капитал общества, и участники общества (акционеры) не отвечают своим личным имуществом по обязательствам общества.

1892 г. Участники этих товариществ не отвечают по обязательствам товариществ своим личным имуществом (и в этом сходство этих товариществ с акционерным обществом), но доли участия в этих товариществах не могут отчуждаться столь свободно и бесконтрольно, как паи (акции) акционерного общества. По мысли законодателя, товарищество с ограниченной ответственностью должно было являться более узким и более устойчивым объединением различных участников, чем акционерное общество. Однако практически форма товарищества с ограниченной ответственностью является, наряду с акционерным обществом, особенно в последующее время, излюбленной формой объединений.

Третья книга Кодекса говорит о торговых сделках. Кроме общих правил об этих сделках, эта книга содержит постановления о торговой купле-продаже, о договоре комиссии, о договорах экспедиции товаров, хранения товаров и перевозки.

Наконец, четвертая книга посвящена морской торговле и специальным институтам, связанным с торговым мореплаванием.

Судоустройство и гражданский процесс

1. Создание для всей Германии единой судебной системы и единых правил процесса (как уголовного, так и гражданского) являлось необходимым звеном в деле усиления власти империи и стоявшей во главе империи Пруссии и одним из средств для охраны интересов реакционного дворянства. Вместе с тем судебное и процессуальное единство Германии отвечало и интересам буржуазии, которая была заинтересована в единстве как материального, так и процессуального права.

При таких условиях установление единого судоустройства и гражданского процесса не встретилось с теми трудностями, которые стояли на пути выработки единого материального гражданского права, — и объединение судебной системы и гражданского процесса было осуществлено значительно раньше объединения материального гражданского права. Еще в 1877 г. был издан "Закон об организации судов" (Gerichsverfassungsgesetz), содержавший правила об организации как уголовных, так и гражданских судов и представлявший собой одну из мер, принятых Бисмарком немедленно после воссоединения Германии с целью укрепления империи и борьбы против рабочего движения. Эти меры отвечали интересам дворянства и буржуазии. Для осуществления этих целей Бисмарк должен был располагать крепким, единообразным, дисциплинированным судебным аппаратом, подконтрольным единому имперскому центру (имперскому суду).

Низшим судом является "участковый суд" (Amtsgericht), которому подведомственны в области гражданских дел лишь мелкие споры — на сумму до 500 марок. По более значительным делам

судом первой инстанции является коллегиальный "земский суд" (Landesgericht), апелляционной инстанцией — "высший земский суд" (Oberlandesgericht). Наконец, высшей и единой для всей Германии инстанцией является имперский суд (Reichsgericht). В основном он является кассационной инстанцией, и его решения имеют для низших судов руководящее значение.

Особых торговых судов не существует, но в некоторых земских судах образуются специальные камеры по торговым делам, причем в этих камерах заседают в качестве членов суда представители торгово-промышленных кругов.

2. Еще в середине XIX в. развитие оборота стало требовать объединения гражданско-процессуальных правил и пересмотра ранее существовавших в отдельных германских государствах, часто архаичных и пронизанных феодальными установками, гражданско-процессуальных законов. В Конституции 1849 г. уже было указано, что "судопроизводство должно быть публичным и устным". С 1862 г. начались работы по составлению гражданско-процессуального кодекса для государств Германского союза, а в 1864 г. Пруссия выработала свой проект. В 1867 г. была образована комиссия для выработки проекта гражданско-процессуального кодекса для государств Северо-Германского союза. С 1871 г. эти работы перешли в руки органов империи.

После ряда переработок и длительного обсуждения в 1877 г. был издан для всей Германской империи Гражданско-процессуальный кодекс (Zivilprozessordung) — обширный законодательный акт, состоящий из 10 книг и 1048 параграфов.

Германский Гражданско-процессуальный кодекс выражает, главным образом, установки буржуазии в области гражданского процесса. Сторонам предоставляются обширные права в области представления доказательств и распоряжений своими процессуальными правами. Суд является пассивным: у него нет инициативы в собирании материалов и исследовании взаимоотношений между тяжущимися; он лишь воспринимает и оценивает представленный сторонами материал. Вместе с тем нужно отметить относительную (с точки зрения масштабов буржуазного оборота) простоту построения германскогоГражданского кодекса, который выгодно отличался от сложности и архаизма, например, французского процесса.

§ 5. Уголовное право

Уголовный кодекс 1871 г. Индустриальное развитие Германии, сопровождавшееся ростом пролетариата, резким усилением классовых противоречий и классовой борьбы, требовало нового уголовного законодательства для борьбы с общими и политически-

ми преступлениями. Образование Германской империи вызвало необходимость в едином уголовном законодательстве. Этой задаче служил вступивший в силу в 1871 г. и формально не отменявшийся фашистским правительством Уголовный кодекс. Кодекс этот отразил хозяйственные и политические особенности Германии того времени: буржуазно-помещичий характер страны, полуабсолютистскую систему управления, "обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм"[1]. Не отличаясь ни новизной идей, ни законодательно техническими качествами, Уголовный кодекс 1871 г., тем не менее, удовлетворял требованиям пруссаческо-милитаристической клики, фактически стоящей у власти и в Германской империи. Защита частной собственности во всех ее формах, развитая классификация государственных преступлений, весьма суровая система наказаний, знающая и смертную казнь, и пожизненную каторгу, — таковы основные особенности этого Кодекса.

Законы против социалистов и анархистов. Из отдельных законов следует отметить реакционнейший исключительный закон, направленный специально против социалистического движения, так называемый закон о социалистах. Закон этот (действовавший с 1878 до 1890 г.) предусматривал право высылки в административном порядке неблагонадежных лиц из местностей, объявленных на "малом осадном положении". Закон запрещал, далее, всякого рода социалистические организации, собрания и произведения печати, имеющие целью социалистическую пропаганду.

Под предлогом борьбы с анархистами был издан другой реакционный закон 9 июня 1884 г. против так называемого преступного и общеопасного пользования взрывчатыми веществами. Закон этот создал ряд новых составов преступлений: например, умышленное поставление в опасность имущества, здоровья или жизни других путем применения взрывчатых веществ. Наказание — каторжная тюрьма, а в некоторых случаях — смертная казнь.

Процессуальный кодекс 1877 г. Дополнением к Уголовному кодексу 1871 г. явился Уголовно-процессуальный кодекс 1877 г., построенный по типу смешанного процесса. Этот кодекс, хотя и отразил влияние Французского уголовно-процессуального кодекса (например, в делении процесса на предварительное следствие и судебное рассмотрение), но в ряде важнейших вопросов отступил от французского образца.

Энгельс дал яркую характеристику имперского законодательства, в особенности относящуюся к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам. Творцы новых имперских уложений, гово-

[1] *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XV. С. 284.

рит Энгельс, вышли из старой школы полицейского произвола. "Не говоря о чисто юридической стороне, политической свободе не очень поздоровилось в этих кодексах. Если суды шеффенов предоставляют буржуазии и мелкой буржуазии возможность участвовать в обуздании рабочего класса, то от опасности возобновления буржуазной оппозиции государство по мере возможности обеспечивает себя ограничением компетенции присяжных судов. Политические статьи уголовного уложения часто настолько неопределенны и растяжимы, словно они пригнаны к нынешнему имперскому суду, а этот суд к ним"[1].

[1] *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 504.

Глава 13. АВСТРО-ВЕНГРИЯ В 1867—1918 гг.

§ 1. Компромисс

Divide et impera. В конце 60-х годов, после несчастливых войн с Италией и Пруссией, выброшенные из Германии руководящие круги австрийской буржуазии убедились, что дальнейшая распря с Венгрией — наиболее значительной и сильной частью империи — грозит самому существованию Австрии, как самостоятельного государства. Ослабленное и расшатанное этой распрей государство, очевидно, не может противостоять сильным соперникам ни на полях сражений, ни даже в мирном международном обороте. В 1866 г. Энгельс имел известные основания говорить о предстоящем переходе к Германии немецких провинций Австрии[1]. Господствующие классы Австрии не могли в то время равнодушно относиться к угрозе, нависшей над ее государственной самостоятельностью со стороны Германии. К тому же в усиливавшейся Италии они увидели новую и очень реальную опасность, угрожающую остаткам итальянских владений Австрии. Очутившись без прежней поддержки германских немцев, австрийские немцы ощущали с неприятной ясностью свою слабость. С другой стороны, господствующие классы Венгрии вовсе не были уверены в том, что Венгрия, предоставленная самой себе, сможет с успехом сопротивляться России. Доносил же Паскевич русскому государю после усмирения Венгрии в 1848 г.: "Венгрия — у ног вашего величества". Уступая голосу благоразумия, венгерские помещики и немецкая буржуазия решили заключить компромисс, размежеваться, довести до минимума возможность взаимных столкновений и обратить все усилия на сохранение своего господства над подчиненными классами и нациями. Именно в это время тогдашний глава австрийского правительства Бейст бросил своему венгерскому коллеге ставшую знаменитой фразу о подавлении славянских народов. То была "старая специальная система управления, когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, дает им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними". Таким образом, приближая одну национальность, она давит через нее на остальные.

Содержание соглашения 1867 г. Для этого-то обе стороны и развязали друг другу руки соглашением 1867 г., превратившим

---

[1] *Энгельс Ф.* Письмо 25 июля 1866 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XXIII. С. 368.

Австрию и Венгрию в два отдельных государства, имеющих некоторые общие установления. Законом 12 июня Венгрия предложила, а законом 21 декабря Австрия приняла план нового устройства и новых отношений (Основной государственный закон об общих делах и о способах их устройства). Теперь опять стали официально употребительны старинные названия Цислейтании и Транслейтании (по имени реки Лейты, отделявшей эрцгерцогство Австрийское от Венгрии), где под Цислейтанией разумелась вся совокупность австрийских земель, а под Транслейтанией — Венгрия, совершенно поглотившая Трансильванию, но с автономной Хорватией. Оба государства получили общего наследственного монарха, который являлся императором для Австрии и королем для Венгрии. Ему принадлежало верховное наблюдение за общими, как увидим сейчас, делами, он назначал общих министров, утверждал законы, касающиеся общих дел, и имел указное право в отношении их же. Именно, общими признаны были некоторые определенные отрасли управления: иностранные дела, организация армии и флота (с разными ограничениями) и финансы (т. е. лишь те, собственно, расходы, которые вызываются ведением общих дел). Заведование общими отраслями управления передавалось трем министрам по принадлежности, которые и являлись единственными общеимперскими (кроме монарха) органами управления (ст. 1). Для наблюдения же с обеих сторон за общим управлением создавался оригинальный орган в виде так называемых делегаций: делегация рейхсрата и делегация сейма в равном числе членов (по 60). Делегации созывались один раз в год на очень краткую сессию. Они работали строго раздельно, и лишь в случаях разногласий допускалось совместное заседание — не для прений, однако, а исключительно для голосования по спорному вопросу. На таких совместных заседаниях преимущество получала все-таки венгерская делегация, так как члены ее отличались большей сплоченностью, чем члены австрийской делегации, гораздо более пестрой и разрозненной по национальному составу. Делегации, конечно, не управляли, законодательные же их функции были крайне ограничены и сводились почти исключительно к установлению общего бюджета. Закон отнес к их компетенции все общие дела (ст. 13 закона 1867 г.). Контроль за ними они осуществляли, главным образом, путем интерпеллирования министров, которые считались ответственными перед делегатами. Конечно, ввиду совершенно необычного характера делегаций, делавшего их и отдаленно непохожими на парламент, настоящей парламентской ответственности министров здесь не получалось.

Так как сверх всего этого нужно было предвидеть потребность в одинаковой политике обоих государств по отношению к важнейшим вопросам хозяйственной жизни, то закон 1867 г. об общих делах перечисляет отрасли, которые, хотя и не находятся

в ведении какой-либо общей администрации, однако "управляются на основе общих принципов, от времени до времени согласуемых". Это — торговые и тарифные дела, косвенные налоги, — в особенности, затрагивающие промышленность, — денежная система, железные дороги, военная система (ст. 2). Эти вопросы регулировались параллельными одинаковыми законами, исходившими отдельно от рейхсрата и от сейма, но подготовляемыми особыми паритетными комиссиями ("депутациями") того и другого.

Таким образом, объединение касалось действительно лишь самого необходимого. Подавляющее большинство вопросов государственного управления разрешалось совершенно отдельно и самостоятельно парламентом и правительством каждой из этих стран, заметно отличавшихся друг от друга по своему политическому строю. Ни одно из известных науке определений не подходило для этого объединения: здесь, очевидно, не получалось ни унии личной, ни реальной, ни федерации, ни конфедерации в каком бы то ни было виде. Согласились на том, что это – "дуалистическая", двуединая монархия. Внутренний же строй каждого из двух государств определялся самостоятельными конституциями, и внутренняя их жизнь протекала в различных условиях.

§ 2. Конституционная Австрия

Основные законы. 21 декабря 1867 г. проведены были через рейхсрат, предварительно одобривший соглашение с Венгрией, пять основных законов, представлявших собой для Австрии как бы дополнение Конституции 1861 г.: "об имперском представительстве", "об общих правах граждан", "о правительственной и исполнительной власти", "о судебной власти", "об имперском суде". Этими актами и был установлен тот государственный строй Австрии, который с известными изменениями просуществовал до самой гибели двуединой монархии в результате войны 1914—1918 гг.

Избирательное право. Австрия приобрела внешность конституционной монархии. Рейхсрат окончательно сконструировался из палаты господ и палаты депутатов: "господа" — т. е. императорские принцы, представители высшего дворянства австрийских земель, "которые выдаются... своими обширными земельными владениями", высшее духовенство и пожизненные члены по назначению императора (ст. 2); депутаты — т. е. представители населения. Эти последние до 1873 г. избирались двухстепенными выборами, именно — сеймами земель, что давало возможность тому или другому сейму, где оппозиция венскому правительству приобретала большинство, отказываться от выборов депутатов. Поэтому закон 1868 г. уполномочил правительство прибегать к прямым, в подобных случаях, выборам. Наконец, в 1873 г. выборы повсемест-

но превращены были в прямые, но австрийское избирательное право продолжало сохранять самый странный и искусственный характер. Для выборов депутатов рейхсрата избиратели каждой земли поделены были на 4 курии: крупных землевладельцев, торгово-промышленных палат, городов, сельских общин. Классовый состав первых двух курий характеризуется их названием. Для участия в городской курии установлен был, как условие, имущественный ценз или высокий образовательный ценз. Так же и в сельских куриях к выборам допускались лишь плательщики прямого налога, да к тому же выборы происходили здесь по двухстепенной системе. Таким образом, различные избирательные условия в совокупности своей так фильтровали избирателей, что не только рабочий класс и неимущее крестьянство, но вся основная масса городской мелкой буржуазии оказывались за бортом. Но главное, конечно, состояло в том, что посредством деления избирателей на курии в рейхсрате получалось безусловное и решительное преобладание помещиков и крупной буржуазии: за каждой курией было закреплено определенное число избираемых ею депутатов, и число это не находилось ни в каком соответствии с числом куриальных избирателей: из 353 депутатов 85 избирались помещиками, 139 — буржуазией, 129 — крестьянами, и голос, например, избирателя-помещика приравнивался к голосу 200 избирателей крестьян.

Централизация. Конституция предоставила рейхсрату обычные парламентские полномочия, и отношения между палатами строились по общему парламентскому типу: на законопроекты требовалось согласие обеих палат. Между рейхсратом и областными сеймами компетенция распределена была таким образом, что сеймам почти ничего не оставалось. Конституция устанавливала необыкновенно длинный и пестрый перечень предметов ведения рейхсрата, куда входили даже вопросы народного образования и здравоохранения, из чего можно судить о широте автономии, предоставляемой коронным землям (ст. 11 и 12 закона об имперском представительстве). Следует иметь в виду, что большинство членов этих сеймов избиралось тем же путем, что и члены рейхсрата, т. е. по четырем классным разрядам. И в сеймах, следовательно, обеспечено было господство верхов населения.

Император. Главой государства и главой, в то же время, правительства являлся император (ст. 2 закона о правительственной и исполнительной власти). Министры ни по закону, ни по обычаю не считались политически ответственными перед рейхсратом. Отношения императора к рейхсрату характеризуются больше всего тем, что он имел не только общее указное (в осуществлении законов), но и чрезвычайное указное право, т. е. мог издавать временные законы в перерывах между сессиями рейхсрата (ст. 14 закона об имперском представительстве). Практически получалось так, что император отсрочивал или закрывал досрочно сессию рейхсрата и проводил в виде указа мероприятия, на которые рейхсрат не да-

вал согласия. Рейхсрат, раздробленный на национальные фракции, бессилен был бороться со злоупотреблениями такого рода, хотя закон и требовал для таких указов последующей санкции рейхсрата.

Режим. За конституционной внешностью в Австрии продолжало скрываться то всесилие необыкновенно продажной бюрократии, которым страна эта характеризовалась и в дореволюционные времена. Сравнительная слабость буржуазии, бессилие рейхсрата, подавленность местного самоуправления, политическое бесправие и недостаточная организованность рабочего класса приводили к тому, что чиновник не чувствовал над собой никакой узды и свободно следовал старым административным традициям, которые отдавали обывателя в его полное распоряжение и не проводили, с другой стороны, особенно заметной грани между государственной казной и чиновничьим карманом. Австрийская полиция по-прежнему славилась своим деспотизмом, придирчивостью, регламентацией, распространяемой и на прессу, и на общественную жизнь граждан.

§ 3. Конституционная Венгрия

Парламентаризм. Конституция Венгрии мало отличалась по стилю от Конституции Австрии, но, по существу, здесь сложилось несколько иное положение, и политический строй Венгрии более явственно склонялся к парламентаризму, т. е. к господству представительного учреждения над исполнительной властью. Венгрия получила самостоятельное министерство, совершенно отдельное от австрийского, во главе с особым министром — президентом. Это министерство назначалось, конечно, королем, но вследствие гораздо более, чем в Австрии, однородного характера венгерского парламента Франц-Иосиф вынужден был считаться с его партийным большинством, и из этого большинства формировался кабинет. Довольно долгое время парламент занимал преобладающее положение, между ним и кабинетом существовало доброе согласие, не наблюдалось, с другой стороны, и сколько-нибудь значительных конфликтов между правительством Венгрии и королевской властью.

Избирательное право. Парламент состоял из двух палат ("столов"): магнатов и депутатов. В составе первой были неизбежные принцы королевского дома ("эрцгерцоги"), крупнейшие венгерские аристократы (мерилом знатности служила сумма ежегодно уплачиваемого земельного налога), высшее духовенство различных исповеданий и несколько десятков членов по назначению короля. Нижняя же палата избиралась, и избирательное право было с большой предусмотрительностью и не меньшей бесцеремонностью так построено, чтобы обеспечить и палате безусловное преобладание мадьяр, процент которых в населении, как мы уже знаем,

всегда был ниже пятидесяти. Принцип этого избирательного права был очень прост и откровенно реакционен: оно покоилось на имущественном цензе. Это позволяло помещикам и буржуазии прежде всего отстранить от выборов неимущие классы вообще, безотносительно к тому, какой они были национальности. Но венгерским аристократам этого было мало. Они так специализировали требования имущественного ценза применительно к различным местностям страны, чтобы почти начисто вычесать из избирательной массы немадьярские элементы. Это было, конечно, нетрудно, если, отбросив всякие стеснения и зная экономическую характеристику национальных групп по районам, смело варьировать по местностям и по категориям населения ставки земельного, или промыслового, или иного прямого налога, дарующие избирательное право. Даже из общего правила прямого голосования сделано было исключение для Трансильвании, где в ряде случаев применялись двухстепенные выборы. Голосование было везде открытое. Этими нехитрыми приемами и было обеспечено в палате депутатов подавляющее большинство помещиков и капиталистов, и притом именно венгерских. Правда, в конце 90-х годов на восемнадцать с половиной миллионов населения Венгрии избирателей не насчитывалось и девятисот тысяч, но с этим господствующие классы Венгрии охотно мирились. Трудящиеся же массы волновались все сильнее.

Палата депутатов достаточно точно отражала интересы мадьярских эксплуататоров, и палате магнатов сравнительно редко приходилось пускать в ход свои обычные в таких случаях тормозящие права. И сопротивление ее никогда не бывало особенно стойким: в 1894 г., например, когда возник конфликт по поводу секуляризации актов гражданского состояния, проводившейся нижней палатой, оппозиция верхней была сравнительно легко сломлена.

Автономия Хорватии. Следуя доброму старому австро-венгерскому обычаю разъединять национальности, предоставляя некоторым из них кое-какие привилегии, Венгрия сделала хорватским помещикам ряд уступок и поставила Хорватию в особое положение по сравнению с Трансильванией или Словакией. За Хорватией (соединенной со Словенией) признана была автономия, на основании которой отдельный хорватский сейм ("сабор") получил в свое ведение гражданское и уголовное право, просвещение и дела вероисповедные. Все остальные отрасли законодательства и управления отнесены были к "общим" и изъяты из компетенции хорватских властей. Но хорватский сейм получил право избирать сорок делегатов в палату депутатов и трех — в палату магнатов для участия при обсуждении и решении здесь тех вопросов, которые касаются также и Хорватии. Хорватский бан, поставленный во главе управления Хорватией, назначался королем по указанию венгерского правительства и был практически проводником интересов этого правительства. То же следует сказать о пяти хорват-

ских членах венгерской делегации. Хорватский язык был признан, однако, официальным языком в Хорватии. И все же замирить Хорватию не удалось: массы не переставали, как мы отметим далее, глухо волноваться, и временами вспыхивали короткие восстания.

По отношению же ко всем другим национальностям Венгрии правительство усвоило раз навсегда политику безоглядной мадьяризации, решительно отказываясь от признания культурных прав или особых политических интересов этих национальностей. Трансильвания, например, имевшая до 1867 г. автономию, была после соглашения этого года "растворена" в Венгрии с упразднением малейших признаков национального самоуправления. В этом отношении не делалось особенного различия между здешним коренным румынским населением и многочисленными издавна здесь жившими саксонскими немцами.

Политические партии Венгрии. Если не принимать во внимание хорватскую делегацию, легко заметить почти однородный в классовом и национальном отношениях состав палаты депутатов, что достигалось указанными уже искусственными мероприятиями. Этому соответствовал и однотонный, сравнительно с австрийской палатой, характер политических партий. Их было несколько, но выделялись лишь две — партия либералов и партия независимости, а из этих двух долгое время ведущую роль играла либеральная. Обе партии одинаково были шовинистическими представителями воинствующих венгерских националистов, обе превыше всего ставили мадьярскую "высшую расу" и принципы ее господства в Венгрии, обе хотели преобладания Венгрии в австро-венгерском союзе, а в конечном счете — полного ее отделения в совершенно самостоятельное государство (с сохранением, разве, личной унии). Но либеральная соглашалась до поры до времени терпеть дуализм, а партия независимости требовала немедленного разрыва. Естественно, что править в существующих условиях могла только либеральная, и на парламентском поле она не имела соперников. Коломан Тисса — лидер этой партии — находился во главе правительства целых 15 лет (1875—1890 гг.), почти до самой своей смерти. Партия независимости опиралась на довольно широкие слои крестьянства и мелкой городской буржуазии и была не прочь играть роль радикальной оппозиции, выступающей с требованиями политических реформ. Партия либералов не выпускала из рук правительственного руля, иногда уступая некоторым требованиям оппозиции.

§ 4. Между унитаризмом и федерализмом

Борьба классов и наций в Австрии. По сравнению с Венгрией, политическая жизнь в Австрии протекала гораздо более бур-

но, вернее — сумбурно. Ее классовый и национальный состав явно обрекал ее на бесконечную неурядицу, и здесь внутренняя обстановка с 1867 г. — цепь непрерывных потрясений, все нараставших по своим размерам и значению, пока империалистическая война 1914—1918 гг. не нанесла двуединой монархии последнего удара. Компромисс 1867 г. застал Австрию сравнительно слабой в экономическом отношении страной, — она отставала и от Германии, и от Франции. Ни одна из наций, населявших эту страну, не выделила буржуазии настолько сильной, чтобы обеспечить безусловный и решительный перевес одной нации и ее ведущую роль. Отсюда все усиливавшаяся межнациональная борьба, наполнявшая по временам совершенно неожиданным содержанием только что рассмотренную Конституцию. Главными соперниками оказались немцы и чехи, но до единства в их национальной среде было далеко, так как крупная чешская буржуазия охотнее шла на соглашения с немецкой, чем городская мелкая чешская буржуазия — главный враг немцев, а с другой стороны, немецкая буржуазия очень не ладила с немецкими же помещиками. Как раз немецкая землевладельческая знать находила точки соприкосновения с крупными помещиками других наций Австрии и поэтому не прочь была даже поддерживать националистские притязания чехов и поляков: феодалы большей частью без различия национальностей дружно объединялись против немецкой буржуазии. В политическом отношении последняя была настроена по понятным причинам централистски: она нуждалась в достаточно сильном и едином правительстве, которое повело бы борьбу с феодальными пережитками в гражданском обороте, тормозившими индустриальное развитие Австрии.

Политические партии. Поэтому политическая партия, представлявшая в рейхсрате интересы немецкой буржуазии, и присвоила себе название "либеральной" (или прогрессивной). Она же при этом вполне одобряла централистскую по тону своему Конституцию Австрии и охотно называла себя "конституционной". Напротив, политическая партия немецкой аристократии почти во всем была противоположна либералам: она настаивала на ослаблении центрального правительства, т. е. на предоставлении более значительных прав сеймам земель, — она была, следовательно, сторонницей чего-то похожего на федерализм. Она решительно противилась секуляризации австрийского семейного права, ослаблению школьной власти католического духовенства, отходу от конкордата, чего домогались либералы, ибо власть католической церкви в гражданском быту составляла одно из препятствий капиталистического развития. Сторонники аристократов составили партию католическую, консервативную, шедшую во многом на соединение с национальными партиями и поощрявшую федералистские вожделения чехов.

Правительство либералов и унитаризм. В борьбе этих двух основных течений, которые оказывались почти равносильными, императору Францу-Иосифу и его двору выпадала роль арбитра, склонявшего весы в ту или другую сторону. И он частенько-таки колебал эти весы, внося неустойчивость и неуверенность в политику и доводя иногда дело до очень опасного кризиса. Тотчас же после возникновения нового порядка он склонился на сторону либералов, и либеральное министерство провело ряд законов, направленных к укреплению центральной власти и ослаблению остатков феодализма в гражданском обиходе (реформа администрации с упразднением некоторых судебных функций, остававшихся у нее, реорганизация армии, причем рейхсрату навязан бы десятилетний контингент, укрепление финансового хозяйства, значительное ослабление власти духовенства в области брачного права и руководства школьным делом). Торжество либералов длилось, однако, очень недолго. Особенно резкое сопротивление их политике шло из Чехии и Моравии, где чешские националисты объявили бойкот сеймам, оказавшимся в руках правительственного большинства, отказали в признании рейхсрату и потребовали восстановления "чешского королевства" (Богемия, Моравия, Силезия) на тех же, в общем, условиях, на каких восстановлена самостоятельность Венгрии. В Праге начались довольно крупные народные волнения. Другие славянские земли тоже встали в более или менее решительную оппозицию к централистскому правительству: галицийский сейм требовал широкой автономии, далматские горцы поднялись с оружием в руках. Замешательство усилилось вследствие роста стачечной борьбы пролетариата. А в конце 1869 г. венские рабочие организовали весьма внушительную демонстрацию под лозунгами всеобщего избирательного права и политических свобод. Рейхсрат собирался продолжать борьбу с "федералистами", но славянские депутаты все покинули его, так что едва сохранялось законное большинство, и положение либералов становилось крайне затруднительным.

Правительство консерваторов и "федерализм". Император, очень податливый на клерикальную агитацию и связанный понятными симпатиями с аристократическими элементами страны, недостаточно твердо поддерживал либералов, а после франко-прусской войны и совсем повернул в противоположную сторону, поставив у власти аристократическое министерство с "федералистскими" планами. Он даже объявил о своем полном признании прав чешского королевства. Уже особым рескриптом приостановлено было действие в Чехии общеавстрийской Конституции. Но сильнейшее возбуждение, охватившее немецкую буржуазию, получило весьма внушительную поддержку венгерских помещиков, опасавшихся крупных для себя осложнений со стороны южных славян в случае удачи чешских притязаний: Венгрия дала понять, что

она воспротивится всякой попытке превращения дуализма в "триализм".

Опять централисты. Избирательная реформа. Тогда император, уже освоившийся с крутыми поворотами, вновь призвал к власти централистов. Опять чехи, вернувшиеся было в рейхсрат, ушли из него. Но в 1873 г. правительство прибегло к мероприятию, обещавшему облегчить его борьбу с национальной оппозицией: новый избирательный закон, проведенный через рейхсрат в порядке поправки к Конституции (что требовало квалифицированного большинства двух третей), отменял выборы членов рейхсрата сеймами земель и устанавливал прямые выборы населением. Теперь четырехклассная система деления избирателей, применявшаяся при выборах сеймов, перешла в общеавстрийское избирательное право. Сеймы потеряли, следовательно, возможность саботировать выборы рейхсрата, а правительство избавилось от необходимости то и дело распускать их и назначать новые выборы, чтобы добиться большинства, согласного исполнить свою избирательную функцию. Национальная оппозиция потеряла одно из своих орудий. В Чехии избранные населением чешские депутаты отказывались являться в рейхсрат, но значение этого отказа ослаблялось тем, что страна имела все же представителей в рейхсрате, хоть и исключительно немецких. Среди чехов, к тому же, обнаружилось расслоение: часть — старо-чехи — крепко держалась старой тактики бойкота рейхсрата, младо-чехи же стояли за перенос борьбы на парламентское поле. В конце 70-х годов тактика младо-чехов победила, и в дальнейшем именно они представляли наиболее активные слои чешской буржуазии, горевшей желанием отбить у немецкого капитала внутренний австрийский рынок, тогда как старо-чехи со своими консервативно-дворянскими традициями и приемами оказались недостаточно поворотливы.

Ослабление либералов. Либеральное министерство не ограничилось реформой избирательного права: были предприняты и другие реформы, был, в частности, формально отменен конкордат (1874 г.), значительно ослаблено было вмешательство закона и администрации в экономические отношения. Но позиции либералов сильно пошатнулись вследствие биржевого краха 1873 г. и длительной экономической депрессии, последовавшей за ним. Они разделились в рейхсрате на три фракции ("клубы"), что ослабляло кабинет, вынужденный в некоторых вопросах лавировать между этими фракциями. В 1879 г. кабинет пал в результате крупного недовольства, вызванного среди значительной части буржуазии занятием Боснии и Герцеговины, вернее — расходами, которые потребовались в связи с этим занятием, и славянскими волнениями, которые должны были, очевидно, усилиться в той же связи. Занятая борьбой за внутренний рынок, немецкая буржуазия Австрии еще не имела аппетита к империалистическим захватам, на

которые толкал Австрию Бисмарк. Ближайшей причиной отставки кабинета был разгром либералов на выборах 1879 г., когда они потеряли в рейхсрате руководящее положение. Здесь оказалось около 145 конституционалистов против 170 более или менее определенных федералистов, составившихся из чехов, которые вернулись, наконец, в рейхсрат, поляков, более мелких славянских групп и немецких аристократов.

Реакция. Теперь после длинного перерыва совершен был очередной поворот в сторону соглашения с национальной оппозицией. Либеральная буржуазия была ослаблена, а федералисты — усилены тем, что масса мелкой буржуазии, разоряемой кризисами и крахами, охотно прислушивалась к демагогии клерикалов, аграриев и прочих "федералистов". Около пятнадцати лет (1879—1893 гг.) у власти находилась разношерстная антилиберальная коалиция из старо-чехов, польских аристократов, немецких католиков-консерваторов и других реакционеров, славянских и немецких. Правительство (гр. Таафе) делало славянам только ничтожные уступки, например по части языка, назначением которых было как раз обострить и разжечь вражду национальностей и отвлечь их внимание от дружной политической борьбы с правительством. Действительные победы одержаны были лишь помещичьей кликой в ее стремлении затормозить буржуазное развитие страны: она добилась частичной отмены свободы в занятиях ремеслами и торговлей, ряда исключительных законов, на манер германских, против рабочего движения (запрещение профессиональных союзов и др.), мер, клонившихся к укреплению кулацкого землевладения. Были, впрочем, сделаны попытки завлечь рабочих введением страхования от увечий, сокращением рабочего дня до 11 часов и обязательным воскресным отдыхом. Реакция стремится направить недовольство эксплуатируемых рабочих и разоряемой мелкой буржуазии в русло антисемитизма.

Известное значение придавалось и реформе избирательного права, целью которой было усилить мелкобуржуазные слои избирательного корпуса, шедшие на поводу у реакционеров-федералистов: в 1882 г. был понижен до пяти флоринов (около пяти рублей) прямой налог, уплата которого требовалась для права голоса в городских и сельских куриях.

§ 5. Обострение всех противоречий. Перед концом

Демократизация национальной борьбы. Господство интернационального союза реакционеров с опорой на мелкобуржуазную прослойку избирателей не могло продолжаться бесконечно. Австрийская промышленность развивалась, крупная буржуазия уси-

ливалась, рабочий класс все явственнее выступал в качестве революционной силы, требовавшей социальных и политических реформ. В этой связи национальное движение славян, обычно попадавшее в дворянско-клерикальное русло, приобретает иную — демократическую — окраску, что особенно ярко сказалось в Чехии. Здесь младо-чехи решительно затмили своих консервативных соперников — старо-чехов, и в рейхсрате 1891 г. их очень усилившаяся фракция перешла в энергичное наступление, требуя не только превращения Чехии в равноправного партнера Австрии и Венгрии, но и широких политических реформ, как, например, всеобщего избирательного права. В национальное славянское движение все шире вливается свежая демократическая струя. Поднимающихся рабочих и крестьян мало интересуют старинные "священные", но весьма обветшавшие конституции и не менее старинные "исторические", но бессмысленные или вредные, с их точки зрения, права. Эту новую — массовую — силу национального движения союз двора и аристократии уже не может использовать в своих интересах, и двуединая империя то и дело оказывается перед опасными кризисами, из которых любой может стать роковым и привести к распаду.

Австрийская социал-демократия. Важным показателем радикальной перемены в обстановке явился рост организованного социалистического движения. В 1888 г. на объединительном съезде (в Гайнфельде) образовалась австрийская социал-демократическая партия, стремившаяся примирить на общей программе довольно различные политические течения: одно — больше всего дорожившее возможностями легальной работы в массах и отказывавшееся ради этого от революционной пропаганды, и другое — анархистско-путчистское — склонявшееся к террору и не понимавшее значения повседневной политической борьбы рабочего класса. Гайнфельдская программа, подобно Эрфуртской, не ставила вопроса о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Австрийская социал-демократия не сумела дать надлежащую постановку и национальному вопросу, столь важному в условиях Австро-Венгрии. На съезде в Брюнне (1899 г.) в партийную программу проник принцип культурно-национальной автономии, хоть и не в полном еще объеме. Вреднейшая тенденция расслоить рабочих на национальные группы, где они будут объединяться со своей национальной буржуазией на почве культурного самоуправления, сказалась здесь достаточно ясно, а в дальнейшем получила в работах австрийских социал-демократов законченное выражение. Одновременно с этим в самую организационную структуру партии проникает национально-федеральное начало: "Еще до 1896 г. в Австрии существует единая с.-д. партия. В этом году впервые требуют чехи на Лондонском международном конгрессе отдельного представительства и получают его. В 1897 г., на Венском партейтаге (в Вим-

берге), единая партия формально ликвидируется и устанавливается вместо нее федеративный союз шести национальных "с.-д. групп". Далее эти "группы" превращаются в самостоятельные партии. Партии мало-помалу разрывают связи между собой. За партиями разрывается парламентская фракция — образуются национальные "клубы"[1].

Избирательная реформа 1896 г. Колебания и ошибки лидеров социал-демократии не могли, однако, затормозить крепнувшее рабочее движение. Начало 90-х годов — начало крупных стачек и демонстраций австрийского пролетариата, начало ожесточенной борьбы с предпринимателями и с правительством.

Выпадение чехов из правительственной коалиции и грозное усиление радикально-демократического напора вконец расстроили и без того тревожную парламентскую жизнь Австрии. Когда рухнуло долголетнее министерство Таафе (1893 г.), уже невозможно было склеить в сколько-нибудь прочный блок разрозненные и дерущиеся фракции рейхсрата. Борьба между чехами и немцами разгоралась по всем направлениям и во всех формах — от бешеной конкуренции немецких и чешских капиталистов до драк между немцами и чехами на улицах Праги и в самом рейхсрате. Правительство попыталось укрепить свое положение новой избирательной реформой (1896 г.): оно решило привлечь к выборам более широкие круги крестьян и городской мелкой буржуазии, на политическую ограниченность которых оно крепко рассчитывало, а попутно привлечь симпатии и некоторых рабочих слоев. В дополнение к четырем старым куриям создана была пятая, для состояния в которой не требовалось имущественного ценза ("курия всеобщего голосования"). Эта курия избирала 72 депутата на 70 тысяч избирателей. Голос, следовательно, одного избирателя помещичьей курии равнялся 100 (почти) голосам избирателей пятой курии. Независимо от этого, реформа 1896 г. присоединила к уродствам куриальной системы уродства множественного вотума. Так как выборы по куриям шли в разные сроки, то ничто не могло мешать избирателям первых четырех курий подавать голос и по пятой курии, но так как обратного отношения, очевидно, не могло быть, то реформа, допустив к выборам известное число рабочих и крестьян, усилила в то же время удельный вес буржуазно-дворянских избирателей. Более трети избирателей всегда голосовали по двум куриям. Выборы по пятой курии были прямыми лишь в крупнейших городах, в прочих же местностях — двухстепенными.

Кризис рейхсрата. Положение правительства, однако, все усложнялось. В результате парламентских выборов 1896 г. чешская группа усилилась, и правительство стало искать соглашения

[1] *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1935. С. 33.

с чехами. Но правительственное постановление 1897 г., согласно которому чешский язык уравнивался с немецким в административном обиходе Чехии (а это означало удаление с должностей немецких чиновников!), так задело немцев, что они перешли в рейхсрате к яростной обструкции. Парламентская Европа с изумлением и брезгливостью взирала на необыкновенные сцены в рейхсрате, где полиция, введенная в самое здание парламента, разнимала и тащила вон дерущихся депутатов. Пришлось почти тут же (1898 г.) отменить злосчастное распоряжение, но тогда к обструкции перешли чехи, и в Праге запахло настоящим восстанием. Даже в Галиции, где польские аристократы нераздельно господствовали, растет демократическое движение, возникает и укрепляется в начале XX в. кулацкая национал-демократическая партия с явно сепаратистским направлением. Сильно активизируется борьба украинских крестьян против помещиков.

Предательство социалистов. В этих передрягах социалистическая фракция рейхсрата (в 1896 г. социал-демократы получили 15 мандатов) довольно быстро самоопределилась как правительственная, в общем, фракция. И впоследствии австрийские социал-демократы с честью несли заслуженное звание "императорско-королевских социал-демократов". Они усиленно твердили массам о "сверхнациональном" характере габсбургской монархии, о необходимости сохранить ее целостность и в национальном вопросе вели, в сущности, общую с правительством беспринципную линию мелких реформ и уступок, гнилых компромиссов и сделок, которые запутывали положение и делали невыносимым совместное существование австрийских наций.

Новая обстановка в Венгрии. Неудивительно, что в такой раскаленной атмосфере стали меняться установившиеся в 70-х годах отношения между Австрией и Венгрией. Мадьярским помещикам и капиталистам представлялось заманчивым вырвать новые уступки из рук слабеющего венского правительства. Венгерская буржуазия хотела бы отгородиться от конкуренции австрийской промышленности таможенной границей, получить самостоятельный государственный банк, отдельную венгерскую армию, которая могла бы особенно пригодиться в борьбе с усиливавшейся хорвато-сербской "ирредентой". Со времени присоединения Боснии и Герцеговины хорватские националисты стали требовать объединения Хорватии с Далмацией и Боснией-Герцеговиной в одно государство на одинаковых правах с Австрией и Венгрией. В начале 80-х годов на вспыхнувшее в Хорватии восстание венгерское правительство ответило военными репрессиями, и в течение многих лет после этого в Хорватии царил режим исключительных законов, что не мешало вооруженным столкновениям возникать от времени до времени. Либеральная партия, которая, как мы знаем, поддерживала добрые отношения с Веной, теперь все более вяло сопротив-

ляется наскокам партии независимости. Обе эти партии, впрочем, больше всего на свете боялись обострявшегося волнения батраков и рабочего класса Венгрии. В конце 90-х годов ряд чисто венгерских по населению комитетов охвачен был крупными рабочими волнениями, которые принялись усмирять военною силой. Венгерский парламент немедленно "занялся" рабочим вопросом и изготовил закон, обрушивавший на рабочих аресты и штрафы: за одну лишь попытку сговора с целью добиться повышения заработной платы. Отношения между эксплуататорами и трудящейся массой становились все напряженнее, и буржуазия очень дорожила антинародным составом парламента (против упомянутого закона голосовали только два депутата!). Австрийское правительство прекрасно учитывало это, и самой действительной в его руках мерой обуздания венгерских сепаратистов была угроза ввести в Венгрии всеобщее избирательное право. Эта угроза и разгон венгерского парламента с помощью трансильванских солдат (1906 г.) на время охладили воинственный пыл мадьярской буржуазии.

Избирательная реформа 1907 г. Но в самой Австрии правительство вынуждено было ввести избирательную реформу. Русская революция 1905 г. повлияла самым бодрящим образом на народные массы Австро-Венгрии. Угроза всеобщей забастовки, подкрепленная массовыми демонстрациями венского пролетариата, вырвала у рейхсрата закон о всеобщем равном, прямом и тайном избирательном праве (февраль 1907 г.). Это логически требовало хотя бы некоторого законодательного ограждения свободы собраний, и соответствующий закон, вводивший известные гарантии в этой области, был принят в том же году. Новый избирательный закон сильно сказался на выборах 1907 г.: число социал-демократических мандатов выросло до 87, и они заняли в рейхсрате место второй по величине партии.

Национальные и классовые противоречия продолжают обостряться. Состав рейхсрата вообще обновился ввиду усиления демократических представителей различных наций, но это повлекло за собой дальнейшее обострение национальной борьбы и в рейхсрате, и в стране. Правительство еще меньше стало считаться с рейхсратом и перенесло все внимание на внешнюю политику, видя единственное спасение в новых аннексионистских шагах на Балканах. Окончательное присоединение Боснии и Герцеговины (1908 г.), с одной стороны, чуть было не привело к войне с Россией, а с другой — разожгло до предела волнение южных славян Австро-Венгрии, для которых воссоединение с Сербией представлялось единственным и желаннейшим исходом из невозможной национальной путаницы Австро-Венгрии. К этому присоединились грозные рабочие волнения и в Австрии, и в Венгрии, которые в 1912—1913 гг., например, вылились в широкие демонстрации и в Вене, и в Будапеште: войска расстреливали толпу, были раненые

и убитые. Австрийские и венгерские социал-демократы делали все от них зависящее, чтобы обезвредить пролетариат, из Гайнфельдской программы еще в начале XX в. было устранено все, что могло представляться призывом к революции, в рейхсрате социал-демократы дружно выступали на стороне министерства против славянской оппозиции, в мае 1913 г. венгерские социал-демократы сорвали всеобщую забастовку.

Конец Австро-Венгрии. Между тем, финансовый капитал Австро-Венгрии быстрыми шагами шел к большой балканской войне: австрийским банкирам и венгерским магнатам военный разгром и аннексия Сербии и Черногории казались жизненно необходимыми и для укрепления международных позиций, и для поднятия внутреннего престижа монархии. Впрочем, и лидеры австрийской социал-демократии приветствовали войну 1914 г., как "начало великой эры для немецкой нации".

Война 1914 г. послужила для правительства поводом к приостановке конституционного режима. Рейхсрат созван был вновь лишь в июне 1917 г., когда под действием военных поражений, военных бедствий, а главное — событий в России, Австро-Венгрия явственно приблизилась к революции. Но ничто уже не могло остановить распадения государства: если некоторое время еще была в ходу планы федерации, то уже летом 1918 г. чехи, поляки, южные славяне открыто рвали на части истлевшие лохмотья Австро-Венгрии.

Великая Октябрьская социалистическая революция по-новому мобилизовала революционную энергию рабочих масс, которые во всех частях империи поднимались теперь на борьбу за диктатуру пролетариата. В ноябре 1918 г. отрекся от престола император Карл. Тогда же (12 ноября) возникла буржуазная республика в Австрии. Связь Венгрии с Австрией и Хорватией фактически разрушилась уже в начале 1917 г. В конце октября 1918 г. объявлена была независимая Чехословацкая республика.

§ 6. Гражданское право

Практика Уложения 1811 г. Общее гражданское уложение 1811 г., составившее в свое время эпоху в истории гражданского права, к середине XIX в. не могло, естественно, не устареть и не отстать от быстро текущей жизни. Расхождение между текстом уложения и потребностями жизни сначала устранялось в практике применения постановлений уложения путем соответствующего их толкования. По замечанию одного из известных австрийских цивилистов[1], одни параграфы Уложения подверглись настолько огра-

[1] *Ehrenzweig A. A.* System des ųsterreichischen allgemeinen Privatrechts. Wien, 1925. Bd. 1. S. 31.

ничительному толкованию, что утратили почти всякое практическое значение, наоборот, другие, занимавшие в Уложении совсем незаметное место, выдвинуты практикой на первый план и получили очень широкое применение.

Пересмотр Уложения. На грани XX в. авторитетнейший австрийский юрист Иосиф Унгер в работе "Zur Revisien des ABGB" ("К вопросу о пересмотре Общего гражданского уложения")[1] поставил вопрос о необходимости привести этот кодекс на уровень современных потребностей путем издания новелл по отдельным особенно назревшим вопросам. Предложение Унгера обратило на себя внимание правительства, которое (в апреле 1904 г.) образовало комиссию (под председательством Унгера) для пересмотра Общего гражданского уложения. Темпы работы этой комиссии, однако, не удовлетворяли правительство. Министерство юстиции, со своей стороны, разработало проект изменений и дополнений некоторых норм Общего гражданского уложения и внесло этот проект, с заключением комиссии по пересмотру Уложения, в декабре 1907 г. в качестве правительственного предложения в палату господ. Там проект подвергся переработке в специальной подкомиссии, выделенной из юридической парламентской комиссии. В июле 1909 г. был опубликован проект (без мотивов) в первом чтении; затем подкомиссия учла поступившие критические замечания и в 1912 г. представила проект во втором чтении в юридическую парламентскую подкомиссию; в том же году проект поступил на рассмотрение общего собрания палаты, однако дальнейшее его продвижение было задержано надвинувшейся империалистической войной. Изменения отдельных норм, которые признавались особенно неотложными, были проведены в качестве частичных новелл в порядке чрезвычайных правительственных актов (так называемого Notverordnungen). В таком порядке были изданы (1914—1916 гг.) новеллы относительно давности, относительно недвижимостей, не занесенных в поземельные книги, и др.

§ 7. Уголовное право

В уголовном законодательстве Австро-Венгрии отразился дуалистический характер империи. Уголовный кодекс 1852 г. сохранил свое действие в Австрии, Венгрия же приступила к созданию собственного уголовного законодательства. В 1878 г. здесь был издан сохранивший свою силу до настоящего времени Уголовный кодекс о преступлениях и проступках, а в 1879 г. также до сих пор действующий Устав о нарушениях. Действие этих законодательных актов распространилось на Словакию и Закарпатскую Украину.

[1] Grьnhut's Zeitschrift. Bd. 31. S. 389.

Уголовное законодательство Австро-Венгрии сохранило свой дуалистический характер до самого распада государства. Австрия, с одной стороны, и Венгрия — с другой, развивали свое законодательство независимо друг от друга.

В уголовном законодательстве как Австрии, так и Венгрии проявилась двойственная тактика буржуазии. Наряду со все большим усилением реакционных мероприятий правящие классы Австро-Венгрии делали в области уголовного законодательства отдельные либеральные жесты. Так, в Венгрии в 1908 г. последовали новеллы, которые ввели условное осуждение и установили специальные правила по делам о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними. В 1913 г. в Венгрии были введены детские суды. В то же время были изданы реакционные законы о печати и об "общественно опасных тунеядцах".

Глава 14. ИТАЛИЯ В 1871—1918 гг.

§ 1. Политический строй первых лет воссоединения

Классы. Воссоединение Италии произошло на исходе первого периода капитализма, в переломный момент развития от первого ко второму периоду. Это наложило отпечаток на политический строй Италии в течение всего второго периода.

Половинчатый и противоречивый характер Конституции 1848 г. отражал незавершенность буржуазной революции и объективные противоречия в стране. Блестящая характеристика Энгельса, сделанная уже в 90-х годах, с совершенной точностью определяла создавшееся положение: "Буржуазия, придя к власти в период борьбы за национальную независимость и позднее, не могла и не хотела довести свою победу до конца. Она не разрушила остатков феодализма и не реорганизовала национального производства на современный буржуазный лад. Неспособная предоставить стране относительные и временные выгоды капиталистического порядка, она взвалила на нее всю тяжесть, все трудности последнего. Не довольствуясь этим, она запуталась в самых грязных финансовых аферах, потеряв навсегда последние остатки уважения и доверия.

Рабочий народ — крестьяне, ремесленники, землевладельческие и промышленные рабочие — зажат в тиски, с одной стороны, вековым гнетом, унаследованным не только от феодальных времен, но и от античной древности (обработка земли исполу, латифундии на юге, где скот вытесняет человека), с другой же стороны — самой хищнической фискальной системой, какую когда-либо изобретал буржуазный порядок"[1].

Следующие основные черты характеризовали положение: неравномерность экономического развития при относительной капиталистической развитости севера и отсталости центра и юга; пестрота социально-бытовых укладов в семи воссоединившихся государствах; преимущественно аграрный характер страны с еще полунатуральным крестьянским хозяйством и полуремесленным характером промышленности, особенно в центре и на юге; сохранение обильнейших пережитков феодализма (крупное землевладение, крепостнические формы эксплуатации труда в деревне и т. д.); бедность экономических ресурсов; отсутствие колоний.

---

[1] *Энгельс Ф.* Будущая итальянская революция и социалистическая партия // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XVI. Ч. 2. С. 377.

Все эти обстоятельства тормозили социально-экономическую централизацию страны, замедляли рост национального самосознания, приводили к силе и живучести местного партикуляризма, "регионализма".

В этом же центробежном направлении действовал и ряд других факторов. Сюда относятся издержки национально-освободительных войн и дороговизна нового централизованного государственного аппарата, приведшая к крупному дефициту (к 1871 г. — 10 миллиардов лир) и вызвавшая повышение налогов, ложившихся тяжестью особенно на деревню (налог на помол!), что не повышало популярности нового государства. Население коснело в невежестве, и число неграмотных доходило до 75%. Авторитет государства подрывался направленной против него пропагандой католической церкви.

Церковь и государство. Отношения между государством и церковью сложились в Италии рассматриваемого периода весьма своеобразно. Дело в том, что папа с самого начала отказался признать власть Итальянского королевства над Римом и территорией бывшего Церковного государства, требуя возвращения этой территории и признания над ней светской власти папы. Он порвал всякие сношения с итальянским государством и заперся в Ватиканском дворце, который отказался покидать. Энцикликой от 1 ноября 1870 г. он объявил себя "узником Ватикана", а буллой "Non expedit" (1871 г.) запретил католикам активное сотрудничество с государством, и, конечно, участие в правительстве.

Правительство пыталось разрешить церковный вопрос так называемым "гарантийным законом" (13 мая 1871 г.): оно гарантировало духовную и международную независимость папы, его личность признавалась "священной и неприкосновенной", он получил права "суверена" на отведенной ему в пределах Рима небольшой ватиканской территории, включавшей папский дворец, парк и т. п., государство обязывалось ежегодно выплачивать ему ренту в 3 225 000 лир. Однако папа регулярно отказывался как от признания гарантийного договора, так и от принятия ренты.

Вместе с тем, согласно Конституции, итальянский король сохранял право назначения на церковные должности. Эта прерогатива итальянской короны раздражала Ватикан.

Так в пределах государства, в самой его столице, оказалась независимая от него церковная организация с громадным влиянием внутри страны и с сильными международными связями вовне. Между этой церковью и Итальянским королевством началась многолетняя "распря" ("diggidio"), которая осложняла внутренние отношения в стране. В конце 70-х годов и в 80-х годах проведен был ряд антиклерикальных законов (о светской школе, о гражданском браке, о конфискации церковных имений и др.).

Политические партии. Господство правой. Главными носителями партикуляризма были помещики и крестьяне, но парти-

куляризм заражал и буржуазию, и пролетариат. Это приводило к дробности политических партий. Сравнительно большое влияние имел анархизм и анархо-синдикализм. Буржуазные и помещичьи политические партии отличались не столько своими программами и целями, сколько территориальными связями. Ограниченное избирательное право и открытое голосование способствовали господству местных олигархических клик избирателей, проводивших своих депутатов в парламент. Депутаты представляли не столько политические направления, сколько интересы местных олигархий.

До 1874 г. положение в парламенте характеризовалось фактической диктатурой так называемой конституционной правой (Кавур и др.), которая путем исключительного административного нажима провела в первый же парламент 407 депутатов (из 443). Она представляла интересы дворянства и промышленной буржуазии, главным образом Северной Италии. В силу узости своих взглядов и своей замкнутости правая получила историческую кличку "котерии" ("consorteria"). Ее цель состояла в упрочении нового государственного строя на умеренно-либеральных началах.

Близко к ней стоял левый центр, связанный преимущественно с буржуазией юга, участвовавший в правительстве, но большой роли не игравший.

Обе партии состояли из группировок, с легким переходом членов не только из одной группы в другую, но и из одной партии в другую.

Оппозиция слагалась из клерикалов — справа и республиканцев — слева. И те и другие располагали лишь небольшим количеством депутатов.

В рабочем движении за это время преобладало влияние анархистов бакунистского толка, воздерживавшихся от участия в парламентских выборах. Рабочие своего представительства в палате не имели.

Правительство и парламент. В обстановке непрерывных войн парламент обычно предоставлял правительству чрезвычайные полномочия и в этих условиях сколько-нибудь значительной роли играть не мог.

Правая почти бессменно находилась у власти до 1876 г.

На практике уже за этот период зародилась парламентская ответственность правительства, большого практического значения, однако, не имевшая.

§ 2. Развитие итальянского конституционализма

Общая обстановка. К концу 70-х и началу 80-х годов XIX в. происходят значительные изменения в социально-экономическом и политическом строе и положении Италии.

Североитальянская промышленность, получившая внутренний рынок, стала быстро развиваться. За четыре года — 1879—1883 гг. — ввоз угля удвоился, а железа и стали возрос в 12 раз. Вклады в сберкассы за десятилетие 1872—1882 гг. возросли в два раза — с полумиллиарда до одного миллиарда лир.

К этому времени итальянская буржуазия начинает переходить к активной внешней политике и протягивает руку к колониям (Ассаб в Эритрее — 1879 г., Массауа — 1885 г., Сомали — 1889 г.). В 1882 г. Италия примыкает к Австро-германскому союзу и включается в игру крупных капиталистических держав.

Внутри страны рост промышленности ведет к росту рабочего движения, к усилению стачечной борьбы пролетариата, к ослаблению влияния анархизма. В 80-х годах появляются первые антибакунистские рабочие партии, представляющие собой зародыш будущей социалистической партии, которая окончательно складывается в 1893 г.

Все эти изменения приводят к сдвигу и в государственном строе. Возросшая политическая активность пролетариата и городских мелкобуржуазных слоев вынуждает господствующие классы идти на расширение избирательного права, которое одновременно сопровождается и реорганизацией буржуазных партий, уравновешивающей эту уступку. За этот период развиваются все основные характерные черты итальянского политического строя: зыбкость буржуазных политических партий, слабость парламента, преобладание исполнительной власти, несмотря на частые смены кабинетов.

Избирательная реформа 1882 г. Первая избирательная реформа была проведена законом 22 января 1882 г., который с изменениями действовал до 1912 г. Закон ограничивал активное избирательное право двумя цензами: имущественным (прямой налог не менее определенной суммы, или арендная плата) и образовательным (в пределах обязательного элементарного курса со сдачей экзамена). Закон 1882 г. ввел тайное голосование.

Число избирателей почти втрое увеличилось и несколько превысило 2 миллиона (7,07% населения), но по-прежнему наблюдался сильный абсентизм, по-прежнему в выборах участвовали лишь имущие классы, по-прежнему практиковались злоупотребления и явные нарушения избирательного права. Процветала покупка голосов, нарушения тайны голосования, явная фальсификация выборов (особенно в аграрных районах юга).

Политические партии. Господство левой. В 70-х годах в политических партиях произошел ряд существенных сдвигов. Завершение национального воссоединения (признанного теперь всеми европейскими государствами) вынуждало пьемонтские господствующие классы делить власть с представителями других частей Италии. Развитие же капитализма, с одной стороны, и рост революю-

ционного движения — с другой, приводили к тому, что либеральная буржуазия примирилась с монархией, которая обеспечивала известный рост капитализма и при этом служила опорой против революционного движения.

Монархическая левая, победившая на выборах 1874 г., с 1876 г. пребывала руководящей партией почти бессменно до конца XIX в. В отличие от старой правой, она представляла господствующие классы уже не только севера, но и других частей Италии и выражала диктатуру буржуазно-помещичьего блока с преобладанием буржуазии.

Эти две партии — вернее, составлявшие их группы — заполняли парламент и составляли правительство в последнюю четверть XIX в. При этом преобладание было на стороне групп левой. По-прежнему обе партии представляли собой нестойкий конгломерат группировок, объединившихся вокруг определенных лидеров при легком переходе членов из группы в группу, из партии в партию. Депутаты неизменно представляли преимущественно местные интересы.

В этих условиях Депретис в 1882 г. объявил о своей готовности сотрудничать с любыми политическими партиями и деятелями, как справа, так и слева, намеренными поддерживать монархию. Этот принцип взаимного приспособления политических партий и деятелей получил имя "трансформизма" и стал характерной особенностью итальянской политической жизни. Его суть заключалась в полной беспринципности партий и групп, стремившихся участвовать во власти лишь ради удовлетворения местных и групповых интересов.

Грани между старой правой и новой левой сглаживались все больше и больше. При отсутствии каких бы то ни было принципиальных политических разногласий они различались только своими местными и групповыми интересами.

Оппозиция слагалась из "непримиримых" республиканцев, а с 90-х годов — и из социалистов, проведших на выборах 1895 г. 15 депутатов. В этом году окончательно оформилась Итальянская социалистическая партия.

Взаимоотношения партий — парламента — правительства. Характер политических партий определял и характер взаимоотношений партий, парламента и правительства.

Отсутствие строгих границ между фракциями приводило к крайней неустойчивости кабинетов, и с 1852 по 1922 г., т. е. за 70 лет, сменилось 63 кабинета. Следовательно, их средняя продолжительность составляла 13 месяцев.

Но за неустойчивостью кабинетов скрывалась, как и во Франции, устойчивость самих премьеров и узкий круг "министериабельных" политических деятелей. Кабинеты сменялись — премьеры оставались, да и министры брались примерно из того же кру-

га лиц, лишь в несколько иной комбинации. За 70 лет сменилось 63 кабинета, но премьеров только 25. Джолитти, например, 5 раз оказывался во главе кабинета, а Депретис — 7.

Частая смена кабинетов не мешала тому, что депутаты находились в тесной зависимости от правительства. Поскольку депутаты представляли не политические направления и программы, а местные олигархии, они руководствовались не общими политическими интересами, а требованиями местных патронов, которые протащили их в парламент. Добиться же удовлетворения этих требований они могли только от министров. Еще Занарделли жаловался в 1878 г., что депутаты проводят больше времени в министерских прихожих, чем в палатах. Это были не "представители нации", как уверяла Конституция, а зависимые ходатаи по делам помещиков и предпринимателей.

В связи с этим смена правительств происходила не столько в связи с крупными политическими вопросами, сколько в связи со случайными и второстепенными интересами. Следовательно, парламент не влиял на общую политическую линию правительства.

Точно так же и состав новых правительств подбирался не под углом зрения политической линии, а с учетом персональных комбинаций и связей. Подбор министров официально так и назывался "Combinazion" или "Rimpasto" ("переделка", "перетасовка"). Общее направление политики от этого не менялось.

В этих условиях устанавливалась своеобразная взаимозависимость между избирательскими кликами, депутатами, министрами. С одной стороны, давление шло снизу: депутаты должны были ублаготворять своих влиятельных избирателей, чтобы иметь шансы на переизбрание, а министры шли навстречу вымогательствам депутатов, чтобы получать их поддержку в парламенте. Но давление шло и сверху: правительство нажимало как на депутатов угрозой досрочного роспуска парламента, так и на избирателей угрозой отказа в прибыльных для тех или иных групп мероприятиях (крупный подряд, прокладка железной дороги) в случае избрания неугодных правительству депутатов.

Положение исполнительной власти. Все это приводило к тому, что, несмотря на частую смену кабинетов, в Италии был слабый парламент и относительно сильная исполнительная власть.

Сама Конституция обусловила средства влияния исполнительной власти на законодательную: право досрочного роспуска парламента, отсрочки его сессий, назначения сенаторов, право вето и т. д. К досрочному роспуску палаты депутатов прибегали очень часто: она почти ни разу не дожила до своего законного срока: средняя ее продолжительность с 1852 по 1922 г. составляла 3 года (вместо 5 лет).

Та же Конституция усилила исполнительную власть, дав ей право издания декретов и регламентов. Особенно широко вошло в

практику "предварительное" законодательство правительства под предлогом срочности, т. е. издание так называемых декретов-законов (decretti-leggi), подлежавших последующему утверждению со стороны парламента. Декреты-законы стали вытеснять нормальные парламентские акты и представлялись в парламент на утверждение в таком количестве и с таким запозданием, что парламент штамповал их автоматически и пачками, превращаясь все более и более в орган регистрации правительственных актов.

Неудивительно, что почти полностью выпала из ведения парламента внешняя политика.

Классовая борьба. Запоздалость воссоединения и капиталистического развития Италии при скудости экономических ресурсов, преимущественно аграрном характере страны и обильных пережитках феодализма в сельском хозяйстве приводили к такой остроте классовых противоречий, какой не знали другие буржуазно-демократические страны. Борьба рабочих тесно переплеталась с борьбой крестьян, принимала определенно политические формы и выливалась в политические стачки, поджоги помещичьих усадеб, восстания, даже попытки захвата власти на местах. Стоит указать на крестьянские волнения 80-х годов, сицилийское восстание 1893—1894 гг., майские события 1898 г. Государство не могло справиться с этими волнениями при помощи обычных карательных органов и вынуждено было пускать в ход военную силу, вводить осадное положение и т. д. В борьбе против революционного движения левая не отставала от крайней реакции. Криспи кроваво подавил восстание в Сицилии в 1894 г., распустив республиканские и социалистические организации. Но революционное движение неуклонно росло. За один 1901 г. было 1042 стачки. В 1904 и 1907 гг. страна была охвачена генеральными забастовками, которые носили политический характер и сопровождались столкновениями с войсками. В июне 1914 г., накануне первой мировой войны, в стране разыгралась знаменитая "красная неделя", ознаменовавшаяся вооруженным восстанием с захватом рабочими власти на местах и объявлением республики в ряде городов.

Буржуазно-помещичий блок. Политические партии. В начале XX в. буржуазно-помещичьи группы формально объединились в конституционную или либеральную партию, которая оставалась всего лишь блоком. Блок возглавляли Джолитти, Саландра, Орландо. Он пробыл у власти до 1922 г., т. е. до прихода фашистов, обыкновенно имея в палате до трех четвертей мандатов и представляя интересы торгово-промышленной буржуазии и аграриев-латифундистов. Наиболее характерной фигурой либеральной партии был Джолитти, руководивший внутренней политикой в начале XX в. либо в качестве премьера, либо закулисно.

В 1910 г., накануне триполитанской войны, образовалась национальная партия — партия наиболее агрессивной крупной про-

мышленной и банковской буржуазии севера, особенно заинтересованной в колониальной экспансии.

Оппозиция слагалась из остатков республиканцев, располагавших обычно 20—30 мандатами, и из социалистов, которые в 1900 г. провели 32, а в 1913 г. — уже 58 депутатов. В рядах руководимой социалистами Всеобщей конфедерации труда к 1913 г. было уже 320 тысяч членов.

Быстрое капиталистическое развитие, интенсивная пролетаризация деревни, образование широкого слоя деклассированных, безработных, люмпен-пролетарских элементов, соглашательство социалистов — все это привело к новому усилению анархизма, преимущественно синдикалистской окраски. В 1913 г. был создан Итальянский синдикальный союз, насчитывавший 100 тысяч членов.

Рост революционного движения привел к известным сдвигам в позициях церкви. В 1903 г. папа разрешил священникам принимать участие в выборах, в 1905 г. снял с верующих запрещение участвовать в политической жизни, которое они, впрочем, не особенно строго соблюдали. В 1906 г. было положено основание католической партии, которая уже в 1909 г. провела в палату 24 депутата.

Избирательная реформа 1912 г. Рост революционного движения заставил правительство идти на некоторые уступки пролетариату, выразившиеся, в частности, в расширении избирательного права.

Накануне триполитанской войны Джолитти с целью перетянуть на свою сторону социалистов обещал новую реформу избирательного права. В своих мемуарах он обосновывает реформу необходимостью сделать "массы заинтересованными в поддержании государства"[1]. Ему удалось расколоть социалистическую партию, из которой были исключены правые Биссолати и Бономи, открыто ставшие на сторону правительства и образовавшие после исключения "реформистскую партию".

Вторая избирательная реформа была проведена 30 июня 1912 г. Активное избирательное право предоставлялось всем мужчинам с 30 лет, мужчинам в возрасте от 21 до 30 лет оно предоставлялось лишь при наличии одного из следующих условий: 1) грамотность, 2) уплата налога, 3) наличие земельной собственности, 4) наличие самостоятельной квартиры, 5) отбытие воинской повинности. Реформа довела число избирателей до 8 миллионов.

Закон 1913 т. установил вознаграждение депутатов (в нарушение Конституции).

Формальное расширение демократических прав отнюдь не означало демократизации строя, ибо избирательная реформа шла

[1] *Giolitti G.*. Memoires de ma vie. 1923. P. 1922.

рука об руку с консолидацией правительственного блока, дальнейшим усилением исполнительной власти и усилением административного нажима при выборах.

§ 3. Военный и послевоенный кризис

Вопрос о вступлении в войну. Участие Италии в первой мировой войне лишний раз выявило слабость итальянской буржуазии, привело к политическому кризису и облегчило захват власти фашистами.

На путь колониальных захватов итальянская буржуазия вступила в конце XIX в. и не особенно удачно. Итальянская армия терпела чувствительные поражения от воинственных абиссинцев, защищавших свою независимость, тем не менее в 1889 г. Италия утвердилась на африканском берегу Красного моря, в Эритрее. С началом XX в. империалистическая политика Италии втягивает ее в войну с Турцией. Война за Триполитанию (1911—1912 гг.) потребовала от Италии чрезмерного напряжения и вновь вскрыла военную слабость этой страны, хотя и закончилась завоеванием Триполи и Киренаики и оккупацией Додеканеса.

Все это подготовило вовлечение Италии в войну 1914 г.

За участие в войне на стороне Антанты были верхи монополистического капитала, особенно тяжелая промышленность и часть североитальянских банков. Воинственно настроены были также ирредентистские круги, буржуазные оппозиционные партии и организации с мелкобуржуазным базисом — республиканцы, радикалы, франкмасоны, реформисты, синдикалисты.

За нейтралитет была значительная группа Джолитти, большинство аграриев, значительная часть буржуазной интеллигенции, наконец, клерикальные круги.

Кризис парламента. В этих условиях самое вступление в войну было куплено ценой нового подрыва парламентского авторитета (если только, впрочем, таковой существовал): подавляющее большинство депутатов (300 джолиттианцев, 58 социалистов) были против войны, правительство же, возглавлявшееся Саландра, тайным лондонским договором от 26 апреля 1915 г. (которым Италии были обещаны "ирредентные" территории Австро-Венгрии) обязалось вступить в войну не позже 26 мая 1915 г. Правда, для объявления войны согласия парламента по Конституции не требовалось. Но так как только парламент мог дать правительству военные кредиты и чрезвычайные полномочия, то "интервентисты" (сторонники вступления в войну) решили сломить сопротивление парламента. Они развернули по стране разнузданную шовинистическую кампанию в виде демонстраций, митингов и т. д., на которых открыто раздавались недвусмысленные угрозы по адресу не толь-

ко депутатов, но даже короля. Еще в январе 1915 г. интервентисты создали специальную организацию в виде "фаший революционного действия", во главе которых стал бывший социалист Бенито Муссолини. Он провозгласил "революционное обновление Италии через войну". Фашии вербовали сторонников среди мелкой буржуазии, интеллигенции и люмпен-пролетарских элементов. 22 мая 1915 г. терроризованный парламент проголосовал кредиты и чрезвычайные полномочия, а затем на все время войны был отстранен от дел и почти не созывался.

Правительство во время войны. Но и само правительство терпело одно моральное поражение за другим. Ни один из крупных политических деятелей не пожелал возглавить кабинет, вынужденный вести войну, к которой, по общему мнению, подкрепляющемуся все новыми фактами, Италия не была подготовлена. Даже социалисты, учитывая резкие антивоенные настроения масс, не могли открыто поддерживать войну и вынуждены были занять центристскую позицию — "не помогать, но и не мешать войне". Они не голосовали за военные кредиты и не входили в правительство, что не мешало им оказывать ему косвенную, но сильную поддержку. Как бы то ни было, государственный механизм функционировал в Италии хуже, чем в Англии или во Франции. Правительство было подменено военными властями, верховным командованием, разными так называемыми "прифронтовыми правительствами", под властью которых оказалось две трети страны и которые ведали и гражданские вопросы. При верховном командовании был образован особый комиссариат по гражданским делам, представлявший собой, по существу, второе правительство Италии.

Фактическое поражение Италии. Военно-хозяйственный аппарат оказался хуже, чем предполагали. Армия неделями голодала. Дезертирство приняло исключительные размеры, и к концу войны в военных судах скопилось более миллиона дел о военных, пропавших без вести. В стране насчитывалось не менее 150 тысяч дезертиров, и на юге, в Калабрии и Сицилии, отряды их были многочисленнее и сильнее полиции, которая не могла с ними справиться. Неуклонно росли антивоенные настроения и революционные выступления, усилившиеся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

За время войны Италия не одержала ни одной значительной победы, но потерпела ряд серьезных поражений, из которых крупнейшим явилась катастрофа под Капоретто в октябре 1917 г., потрясшая страну и оставившая неизгладимое впечатление. В Ливии поднялись племена, и Италия потеряла почти всю эту колонию, за исключением города Триполи.

В результате в Версале Италию третировали чуть ли не как побежденную страну и не расплатились с ней полностью даже по лондонскому векселю 1915 г. Италия получила от Австро-Венг-

рии Южный Тироль до Бреннерского перевала, Горицу, Триест, Истрию, часть Каринтии и Крайны, наконец, Зару. Но ей не дали обещанной Северной Далмации, ничего не дали ни из турецкого наследства в Малой Азии, ни из германского колониального наследства в Африке.

Италия вышла из войны ослабленной, истощенной, с надорванной политической и хозяйственной системой. Официальный фашистский источник открыто писал: "И мы вышли из войны с психологией побежденного народа"[1].

Первые послевоенные годы характеризуются в Италии бессилием правительства и открытым разложением государственного аппарата. Революционное движение принимает явственные формы, выливаясь в забастовки, захват земли крестьянами, захват заводов рабочими, установление рабочими контроля над местными органами самоуправления, над распределением продовольствия, даже над железнодорожным транспортом. Кульминационный пункт революционного движения — захват заводов на севере Италии со стороны 600 тысяч рабочих в течение почти месяца (сентябрь 1920 г.). Государственный аппарат был бессилен бороться, ибо полиции не хватало, армия была ненадежна, а господствующие классы — внутренне расколоты и деморализованы.

В этих условиях воскресают "фашии" 1915 г., усиленные демобилизованными фронтовиками. Они организованно направляются против революционного движения и шаг за шагом завоевывают доверие крупной буржуазии.

В октябре 1922 г. верхи буржуазии передают власть фашистской партии.

§ 4. Гражданское право

Гражданский кодекс Итальянского королевства. К моменту воссоединения Италии в отдельных ее частях действовали различные гражданские кодексы. Хотя на них отразилось в той или иной степени влияние Кодекса Наполеона и гражданское право не представляло столь резких различий, как в начале века, тем не менее деятели национально-освободительного движения считали первоочередной задачей создание единой правовой системы. В конце 1859 г. новое правительство поручило специально созданной комиссии разработку проекта итальянского гражданского уложения. Роль Пьемонта в происшедшем государственном переустройстве обусловила то, что комиссия в первую очередь использовала существовавшее законодательство Сардинии. Альбертинский

[1] Носившая высокоофициозный характер статья "Fascism (фашизм)" в Enziclopedia Italiana. Vol. XII. p. 851.

кодекс был положен в основу первого проекта, выработанного в три месяца в 1860 г. В 1861 г. этот проект был заменен проектом Кассини, рецепировавшего Кодекс Наполеона с внесением в него некоторых особенностей, взятых из местных кодексов. Смерть Кавура задержала рассмотрение этого проекта в парламенте и повлекла за собой смену министерства. В 1862 г. Мильети предложил новый проект, представлявший возврат к Альбертинскому кодексу, но в следующем 1863 г. комиссия Пизанелли окончательно остановилась на французском образце. К участию в разработке проекта были привлечены местные комиссии, работавшие в ряде городов. Проект Пизанелли был принят парламентом без постатейного обсуждения, опубликован 25 июня 1865 г. и вступил в силу 1 января 1866 г. под названием Гражданский кодекс Итальянского королевства.

Его содержание и характер. Итальянский Гражданский кодекс в редакции 1866 г. был весьма близок к Французскому гражданскому уложению. Он заимствовал у Кодекса Наполеона и расположение материала, и содержание большинства статей. Но в то же время он отличался от своего образца некоторыми второстепенными особенностями. В нем были введены некоторые, неизвестные французскому праву, институты, как наследственная аренда (эмфитевзис), подробно регламентированы владение, общая собственность и сервитуты. В области семейного права была введена нерасторжимость брака, были допущены только оспаривание брака и разлучение супругов, но не развод; были внесены улучшения, хотя и незначительные, в положение внебрачных детей, была несколько расширена имущественная самостоятельность замужней женщины, и общность имущества супругов не предполагалась по закону. Из последующих дополнений следует отметить два закона, принятых в 1876 г. по пришествии к власти либералов: об отмене личного ареста за долги и о расширении дееспособности замужних женщин.

Несмотря на отдельные различия, итальянский Гражданский кодекс имел тот же общий характер, что и Кодекс Наполеона. Он явился в первую очередь кодексом земельной собственности, — даже договоры рассматриваются в нем в разделе о способах приобретения и переноса собственности. Если французское гражданское законодательство, появившиеся в начале века, отвечало потребностям молодого буржуазного общества, то воспроизведение этого законодательства более чем на полвека позже в Италии не могло иметь того же успеха. Такие пробелы, как отсутствие регулирования юридических лиц, ощутительно отзывались в эпоху растущего значения капиталистических объединений.

Торговый кодекс. По этим причинам, а также в связи с усиливавшимся влиянием Германии на итальянскую политику, при начавшейся подготовке торгового кодекса составители его, также пошедшие по пути заимствования, обратились не только к фран-

цузскому праву, но и к германскому. Вошедший в силу 1 января 1883 г. Торговый кодекс сохранял только расположение статей Французского торгового кодекса, но заимствовал основное содержание, в частности, положения о векселях и ценных бумагах, из германских источников.

§ 5. Уголовное право

Национальное воссоединение поставило в числе других задач и задачу создания единого для всей Италии уголовного права, соответствовавшего по своему содержанию общегосударственным интересам.

Стремление к единству в области уголовного права выразилось в попытке введения на всей территории Италии Уголовного и Уголовно-процессуального кодекса Сардинии 1859 г. Однако осуществить это удалось вначале только в Северной и в части Средней Италии. Тоскана не присоединилась к этой мере, так как не согласилась на восстановление смертной казни, отмененной в Тоскане в 1860 г. Южная Италия не хотела отказаться от тех прогрессивных новшеств, которые содержал Неаполитанский уголовный кодекс 1819 г. Рим, еще не ставший столицей Италии, руководствовался в области уголовно-правовой старым Грегорианским регламентом 1832 г.

Когда же Рим, после 1871 г., принял, наконец, Уголовный кодекс Сардинии, а Южная Италия ввела в действие тот же, лишь несколько переработанный, Кодекс, вся Италия, за исключением Тосканы, получила единое уголовное право. Нельзя было, однако, сказать, чтобы оно вполне соответствовало политическим и экономическим особенностям Италии как единого национального целого. Такой единый не только формально, но и по существу, Уголовный кодекс издан был лишь в 1889 г., после двадцатилетней подготовки.

Проект нового кодекса составлялся в то время, когда шла борьба между школами уголовного права, а Кодекс 1889 г. явился компромиссом между представителями классической и социологической школ. Даже итальянские криминалисты, восхваляющие достоинства Кодекса, вынуждены признать его эклектический характер.

Влияние классической школы выразилось, в частности, в принятии Кодексом 1889 г. принципа nullum crimen sine lege.

Защищая интересы развивающегося капитализма, Кодекс в то же время сохранил некоторые пережитки феодального уголовного права.

Кодекс ввел в главу “Преступления против свободы” составы таких преступлений, как стачки рабочих и объединения с целью добиться повышения заработной платы.

В то же время Кодекс сохранил преступления против религии, ввел наказание за супружескую неверность, предусмотрел обязательное смягчение наказания при убийстве, совершенном супругом или его родственником, заставшим другого супруга в момент прелюбодеяния.

Кодекс отказался от смертной казни, но ввел взамен ее пожизненные каторжные работы, соединенные с обязательным молчанием и отбываемые в течение первых семи лет в одиночном заключении.

И после воссоединения в Италии продолжало действовать старое уголовно-процессуальное законодательство, которое для первой стадии процесса предусматривало инквизиционную форму, а для второй — обвинительную.

Глава 15. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ В 1871—1918 гг.

§ 1. Политическая централизация

От федерации к унитаризму. Если в 1867 г. Маркс заметил в XXV главе "Капитала", что Соединенные Штаты в экономическом смысле все еще представляют собой колонию Европы, то 23 года спустя Энгельс счел нужным прибавить, что с того времени Штаты развились до положения второй промышленной страны мира, хотя еще не совсем утратили свой колониальный характер (1890 г.); а на пороге первой мировой войны в новом издании "Капитала" редактору пришлось уже отметить, что "Соединенные Штаты сделались первой промышленной страной в мире, утратили колониальный характер и сами ведут политику колониального расширения"

С запозданием на несколько лет против Европы Соединенные Штаты закончили эру расцвета промышленного капитала и, начиная приблизительно с конца 70-х годов, вступают на путь перехода к империализму. Запас свободных земель был почти исчерпан и в погоне за новыми рынками и источниками различных видов сырья Соединенные Штаты покупают и захватывают все новые территории, выходя на Антильские острова и на просторы Тихого океана. Они приобретают у России Аляску, отнимают у Испании Филиппины и подавляют там национальное восстание[1], овладевают независимой республикой Гавайских островов и превращают ее в свою "территорию" (1898 г.), прочно основываются на Антиллах, частью путем завоевания (Порто-Рико — у Испании), частью путем покупки (Виргинские острова — у Дании). Не ограничиваясь этим, они начинают политику экономического подчинения Южной Америки, превращения тамошних республик в "карманные государства" Соединенных Штатов. Доктрина пятого Президента Монро, в 1823 г. провозгласившего недопустимость европейской интервенции в дела американского континента, превращается в понимании Президента Кливленда в допустимость только североамериканской интервенции в дела Южной Америки.

Эта внешняя экспансия, разумеется, является лишь выявлением концентрации капитала и создания промышленных монополий внутри самой страны. Именно в Америке создаются гигантские тресты и большие банки, превращающие ее в "главную стра-

[1] См.: *Ленин В. И.* Соч. Т. XIX. С. 161; Т. XX. С. 232.

ну капитализма, его "цитадель"[1]. Постепенно два больших треста (Моргана и Рокфеллера) забирают в свои руки треть национального богатства США. Два процента населения владеют 65% этого богатства. Идет быстрое обезземеление фермерства путем закабаления его дешевым кредитом в неурожайные годы: фермер все чаще — только арендатор у банка. Мелкая буржуазия Америки, в особенности фермерство, тщетно пытается сопротивляться путем проведения антитрестовских законов, путем установления политики биметаллизма (двойного золотого и серебряного обращения), выгодной для фермеров. Со своей стороны крупный капитал нажимает на конгресс с целью облегчения своих операций и проведения "политики доллара". В этой борьбе полномочия конгресса все время возрастают путем очень широкого толкования различных постановлений Конституции, в особенности пункта о регулировании торговли между штатами.

Лишь один раз — 25 февраля 1913 г. — полномочия эти формально расширяются в экономической сфере путем предоставления конгрессу права устанавливать подоходный налог (XVI поправка). Но конгресс и без формальных полномочий издает ряд постановлений в области железнодорожного права, регулирования изобретений, регулирования прав трестов и акционерных компаний, реорганизации банковского дела Соединенных Штатов и т. д. Для выполнения все расширяющихся задач федеральной администрации нужен все более развитой административный аппарат, и конгресс в корне реорганизует федеральное управление. Создаются все новые центральные ведомства, и число их достигает двенадцати. В 1789 г. их было четыре: иностранных дел, военное, финансовое и почтовое; в 1791 г. создано морское ведомство; в 1849 г. ведомство внутренних дел; в 1862 г. — департамент земледелия, в 1888 г. — торговли, преобразованный в 1903 и 1913 гг. в департаменты торговли и труда; генерал-прокурор Соединенных Штатов, весьма долгое время работавший без всякого аппарата, лишь в 1890 г. был поставлен во главе специального ведомства юстиции. К 10 перечисленным выше департаментам добавлены в 1916 г. судовое бюро по заведованию торговым флотом США и в 1921 г. — государственный контроль. Большая часть американских ведомств, как видим, была создана во второй половине XIX в., равно как целый ряд так называемых "независимых" комиссий, вроде комиссии по междуштатной торговле, направляющих и частично регулирующих разные отрасли администрирования.

В 1916 г. создан (20 августа) Совет национальной обороны США, с задачами разработки плана национальной обороны, мероприятий по ней и координирования ресурсов и деятельности за-

[1] *Сталин И. В.* Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) // Вопросы ленинизма. 10-е изд. С. 351.

интересованных ведомств. Совет состоит при Президенте США, его членами являются министры военный, морской, сельского хозяйства, труда и внутренних дел.

Число федеральных служащих Соединенных Штатов стремительно растет и с 1890 по 1922 г. увеличивается с 200 тысяч до 561 тысячи человек.

Учащающиеся экономические кризисы и быстрый рост рабочего движения побуждают правящую олигархию все усиливать полномочия центральной власти, действуя преимущественно путем искусных юридических толкований. Эти толкования применяются и Президентом, и конгрессом, и верховным судом. В конце XIX в. США заканчивают свое превращение из федерации в унитарное государство. Товарищ Сталин отметил эту эволюцию Соединенных Штатов в следующих словах: "Из всех существующих федеративных объединений наиболее характерными для буржуазно-демократического строя являются американская и швейцарская федерация. Исторически они сложились из независимых государств — через конфедерацию к федерации, причем на деле превратились в унитарные государства, сохранив лишь формы федерализма"[1].

Третий цикл "поправок" к Конституции США. Правящая буржуазия старалась прикрыть внешним "демократизмом" происходившее усиление власти федерального правительства и стоящих за этим правительством крупного капитала, банков и трестов. Суды Соединенных Штатов официально признавали отдельные штаты суверенными государствами. В этих штатах во второй половине XIX в. внешние демократические формы продолжали развиваться (расширение избирательных прав, введение референдума, народной инициативы, даже отозвания депутатов, чиновников, судей избирателями). Эта внешняя демократизация частично перешла и в федеральную сферу. 31 мая 1913 г. в Конституцию была введена 17-я дополнительная статья, согласно которой сенат Соединенных Штатов составляется теперь из двух сенаторов от каждого штата, выбираемых народом штата прямыми выборами.

26 августа 1920 г. 19-й поправкой было предоставлено избирательное право женщинам. В этом случае конгресс лишь резюмировал движение к женскому избирательному праву, начавшееся в отдельных штатах за 30 лет до того и охватившее одну треть штатов к концу первой мировой войны[2].

---

[1] Известия ВЦИК от 3 апреля 1918 г.

[2] Женское избирательное право в Соединенных Штатах впервые было введено на территориях Уайоминг (1869) и Юта (1870); в штатах оно распространялось следующим образом: Уайоминг (1890), Колорадо (1895), Юта (1898), Айдаго (1898), Дакота Южная (1909), Вашингтон (1910), Калифорния, Орегон, Мичиган, Канзас, Аризона (все 1912), Невада и Нью-Йорк (1913), Массачусетс (1914), Монтана (1916).

Эти поправки к Конституции образуют третий цикл поправок. Американцы обычно причисляют к ним же запрет спиртных напитков 16 января 1919 г., также резюмировавший движение, начавшееся в ряде штатов в 60-х годах. Это мероприятие привело к колоссальному развитию тайных шинков и контрабанды спиртных напитков. В конце концов запрет пришлось отменить конституционной же поправкой 5 декабря 1933 г. — последней точкой в формальном конституционном развитии Соединенных Штатов. Перед тем, в 1932 г., 20-я поправка установила новый срок вступления в должность президента и начала полномочий палаты представителей.

§ 2. Эволюция партий и государственного строя

Эволюция конгресса. В результате столетней внутренней эволюции все основные государственные институты Соединенных Штатов более или менее резко изменили свой характер, хотя их конституционная внешность и оставалась прежней. Изменился, прежде всего, в ряде отношений конгресс. Фактически сильно изменились права конгресса, забравшего в свои руки патентное морское, железнодорожное, финансовое и в значительной мере гражданское и уголовное право.

Верхняя палата конгресса — сенат, используя свое право давать согласие на назначение Президентом высших должностных лиц и ратификацию договоров, — поставила под свой контроль важнейшие вопросы иностранной политики (отклонила до 50 договоров) и увольнение министров, послов и т. д. Поскольку сенат мог не одобрить ни одной кандидатуры взамен уволенного — и иногда это делал, — президентам приходится считаться с его мнением и при увольнениях заручаться согласием руководящих сенатских групп.

Изменилась и структура конгресса: дело не только в том, что здесь получилось 96 сенаторов и 435 депутатов против 26 и 65 в первые годы США, дело даже не в создании палатой представителей, начиная с 60-х годов, до 50, а сенатом до 30 постоянных комитетов и комиссий по различным отраслям законодательства, управления и внутреннего распорядка (“комитет регламента”, “комитет правил”), в которых отсеиваются проекты, заслушиваются министры и фактически предрешаются дебаты. Появилось гораздо более важное по существу *добавление.* Кроме палаты представителей и сената создалась еще третья негласная и “невидимая” палата, члены которой назначаются крупными трестами и банками и которая приобрела название “лобби” или прихожей конгресса. Это название носят 5—6 десятков дельцов, имеющих влияние на деятельность конгресса путем негласных сделок с его членами.

Республиканцы и демократы. Американские партии тоже проделали важную эволюцию и имеют свою историю, тесно связанную с двумя фазами развития Соединенных Штатов — до и после гражданской войны 60-х годов.

В первой фазе борьба шла между федералистами, стоявшими за максимально больший суверенитет штатов и права личности. Признанным вождем первых был вначале военный секретарь Вашингтона полковник Гамильтон, вождем вторых — Джефферсон, бывший посланником Соединенных Штатов во Франции в эпоху революции, хорошо усвоивший идеи мелкобуржуазной демократии. Сделав свое дело укрепления нового государства, федералисты исчезли, уступив место республиканцам.

С течением времени и увеличением количества западных штатов наметился раскол между плантаторской группой старых южных штатов и фермерской группой западных; республиканская партия, вербовавшая своих приверженцев из той и другой группы, в соответствии с этим раскололась на национальных республиканцев и демократических республиканцев. В 1856 г. остатки федералистов и национальных республиканцев (именовавших себя также вигами) образовали новую сильную партию, присвоившую себе название республиканской. Демократические республиканцы стали называться просто демократами.

Яблоком раздора между партиями оказалась проблема рабства, в которой северные республиканцы были против, а южные демократы за сохранение рабства. Поражение юга дало решительный перевес республиканцам и в значительной мере обеспечило необходимые условия для концентрации американского капитала. Встревоженные этой концентрацией мелкобуржуазные массы дали в 1885 г. на выборах перевес Кливленду — кандидату демократов и с тех пор партии довольно регулярно чередовались у власти, с некоторым перевесом для республиканцев до конца первой мировой войны (7 президентов республиканцев против 4 демократов) и с определенной тенденцией к усилению демократов в промежутке между первой и второй мировыми войнами. Программы партий потеряли при этом почти всякое отличие. Борьба на выборах шла обычно около какого-нибудь специально выбранного "боевого" наглядного вопроса, вроде снижения таможенных пошлин или отмены запрета спиртных напитков. "После освобождения негров, — писал Ленин, — разница между этой и другой партией становилась все меньше. Борьба этих партий велась преимущественно из-за вопроса о большей или меньшей высоте таможенных пошлин. Никакого *серьезного* значения для массы народа эта борьба *не имела*. Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных *дуэлей* двух буржуазных партий". Еще в 1908 г. один американский журналист заметил, что две правящие партии Америки

подобны двум бутылкам, одинаково пустым, но имеющим различные этикетки. Сделалось общеизвестным, что эти партии осуществляют интересы финансирующих их крупных капиталистов и при победе на выборах делят общественные должности по так называемой "спойльсистэм" или правилу добычи (выражение американского сенатора Марси). Каждая партия, победив на выборах, выгоняет из государственного аппарата всех сторонников своей противницы и сажает своих. Для последних 12 лет перед второй мировой войной характерна сравнительно большая гибкость маневрирования демократической партии, выдвинувшей для успокоения недовольных масс, страдающих от безработицы на востоке и тяжких условий фермерской аренды на юге и на западе, "новый курс" Рузвельта, от которого она, как можно видеть, все больше отходит сейчас.

Третьи партии. Кроме двух основных партий неоднократно возникали так называемые "третьи партии". Некоторые из них, как упомянутые уже фрисойлеры 40—50-х годов, требовавшие раздела свободных земель, или гринбекеры 60—70-х годов, настаивавшие на усиленном выпуске бумажных денег (гринбеки — зеленые казначейские билеты), — исчезли вместе с исчезновением вольных земель и выявлением вредных сторон инфляции.

В конце 80-х и начале 90-х годов намечаются более крепкие и более связанные с массами фермеров и рабочих группировки популистов (народников), отстаивающих интересы мелкобуржуазной демократии, и социалистов, связанных с узкоцеховыми американскими рабочими союзами.

Влияние марксизма в рядах американских социалистов было первоначально незначительно, но быстро росло. Оппортунизм лидеров свел, однако, на нет первоначальные (в конце XIX и начале XX вв.) успехи социалистической партии. Она теряет почти всякое влияние в широких рабочих массах. Мировая война и связанные с ней экономические потрясения, а главное — победа Великой Октябрьской социалистической революции сказываются ростом революционности американского пролетариата, и в 1919 г. создается американская коммунистическая партия, под влиянием которой уже в 30-х годах формируется рабоче-фермерская партия запада. Крупный размах приобретает профсоюзное движение.

Ни одна из буржуазных "третьих партий" не приобрела прочного и длительного влияния на политическую жизнь. Демократы и республиканцы сохранили свои позиции правящих партий буржуазии.

"Партийная машина" республиканцев и демократов во второй половине XIX и в XX в. Организация республиканцев и демократов сложилась весьма схоже: на местах — первичные партийные собрания и выбираемые, но предварительно намечаемые незначительным кружком воротил ("ринг") партийные комитеты.

Выше — съезды партий по графствам, штатам и, наконец, национальные конвенты партий, выставляющие кандидатов в президенты республики.

По словам знаменитого исследователя американской государственности и права Джемса Брайса, "именно партийная организация и образует второе правительство... бок о бок с легальным правительством, учреждаемым конституцией"[1]. Назначение этой неконституционной организации, обозначаемой американцами как "кокес", — захватить и, захватив, удержать законодательный и административный механизм легального правительства, учрежденного Конституцией.

Благодаря сложившимся внутрипартийным отношениям вся масса членов партии "принуждена следовать немногим вождям и устремлять на указанные им цели все могущество американских избирателей"[2].

Эволюция избирательной системы. Достижению этой задачи очень способствует американская избирательная система. В этой области Конституция с 1787 г. почти не изменилась. Она лишь ввела запрет ограничивать избирательные права под предлогом цвета кожи (1865 г.) или пола (1920 г.). В остальном сохраняется принцип допущения к избирательным урнам "в соответствии с законодательством каждого отдельного штата". Американские буржуазные партии сознательно поддерживали запутанность этого избирательного права, облегчающую игру партийной машины.

Чтобы быть избирателем, необходимо иметь избирательную квалификацию и, по общему правилу, попасть в списки избирателей. До 1820 г. во всех штатах практиковался высокий имущественный ценз, устраняющий девять десятых населения от выборов. Отмена ценза шла очень медленно, и лишь к 1870 г. в связи с 15-й поправкой, признавшей избирательные права негров, был принят принцип голосования всех совершеннолетних мужчин, а с 1872 г. — принцип тайного голосования (закреплен федеральными законами 1871 и 1872 гг. для федеральных выборов). Затем началось (с 1869 г.), сначала в ряде штатов с фермерским населением, затем в промышленных — движение в пользу женского избирательного права, приведшее к отмеченной выше 19-й поправке в Конституции, и почти одновременно возникло обратное цензовое движение, маскируемое самыми различными постановлениями, но вызванное стремлением правящей буржуазии оттеснить от выборов негров на юге и революционно настроенных неимущих иммигрантов на северо-востоке (итальянцев, евреев, поляков и т. д.). В этих целях искусно нагромождаются разные "квалификации избирателя".

---

[1] *Brise G.* Modern democracies. London, 1922. V. II. P. 45.

[2] Ibidem.

С 1920 г. избирателями являются граждане США обоего пола, достигшие 21 года от роду и удовлетворяющие в различных штатах различным цензам.

Первый общий ценз, сложившийся везде, но не везде одинаковый, это местожительство ("резиденция") перед выборами, которая колеблется для федеральных выборов от 3 месяцев до 2 лет, а для местных — от 10 дней (Уисконсин) до полугода (Род-Айленд).

Второй общий ценз, также сложившийся везде, но не везде одинаковый, это отсутствие порочащих обстоятельств и порочащих дефектов. По этому цензу устраняются слабоумные, душевнобольные и осужденные за ряд преступлений, в частности, взяточники (в 12 штатах), дуэлянты (в 3 штатах), двоеженцы (в 2 штатах).

Третий дополнительный ценз, встречающийся в 21 штате, это ценз грамотности, который выражается обычно в умении прочесть вслух по-английски и разумно объяснить какую-либо статью Конституции. Он появился в 70-х годах на юге, где, по существу, имеет в виду негров, но требуется также в Массачусетсе и Нью-Йорке (1921 г.), где имеет в виду иммигрантов.

Четвертый дополнительный ценз, встречающийся в 20 штатах, уцелел от системы имущественного ценза: он требует уплаты подушного или иного налога или же наличия земельного участка. Два штата, не требуя налога, устраняли от выборов "нищих" (Мэйн, Нью-Джерси).

Третий и четвертый цензы помогали устранению помимо негров и иммигрантов беднейших слоев, а также индейцев, живущих в резервациях и не платящих налога (устранение индейцев было специально оговорено в 5 штатах).

Кроме того, Калифорния устранила от выборов китайцев, а Северная Каролина — безбожников (т. е. отказывающихся от какой бы то ни было религии). 29 штатов устранили от выборов "солдат, моряков и матросов Соединенных Штатов". В остальных 19 штатах они имеют только активное избирательное право.

Это избирательное право, потребовавшее колоссального законодательства, нельзя, разумеется, назвать всеобщим, хотя американцы его таким называют. В своем осуществлении оно с конца XIX в. всюду является прямым (кроме, конечно, президентских выборов), формально равным (один голос) и тайным (закрытые бюллетени). Выставление кандидатуры на выборах, по общему правилу, проводится первичным партийным собранием, причем некоторые штаты (Пенсильвания) подкрепляют соответственное постановление закона уголовной санкцией. Исключительно развилась при этом так называемая "избирательная география" — или выкраивание округов в пользу своей партии.

Начиная с 80-х годов в практику отдельных штатов начал проникать так называемый австралийский бюллетень (заимствованный западными штатами из Австралии). При этой системе все

выборы по данному штату назначаются на один день, так сказать залпом, и все кандидатуры вносятся в один огромный лист. Размер бюллетеня не раз достигал трех футов длины и более фута ширины, причем в списке оказывались имена до полутораста кандидатов, претендующих на 42 различных должности. Самая техника вычеркивания имен при этом становилась очень трудной и избиратель либо не шел на выборы, либо слепо голосовал за указанные ему партийными "вербовщиками" столбцы бюллетеня.

Абсентизм местами достигал 50%.

Все попытки улучшения американской избирательной системы, предпринимавшиеся в последние десятилетия, успеха не имели. Бессильными остались уголовные законы против подкупа и застращивания, обходились законы, запрещающие партиям расходовать на выборы суммы свыше определенной цифры.

Изменения в положении Президента США. Президент Соединенных Штатов значительно изменил свой конституционный облик. По Конституции Президент — глава исполнительной власти федерации. Он представляет ее во внешних сношениях и обладает обширными полномочиями по командованию вооруженными силами и организации их управления. Все главные должностные лица Федерации, включая судей, назначаются им (с согласия сената); главы ведомств (министры) ответственны перед ним, им же увольняются. Президент выбирается на 4 года. Вместе с ним выбирается на тот же срок вице-президент, который при наличии Президента выполняет обязанности председателя сената, а в случае смерти, досрочного ухода с должности или длительной неспособности Президента замещает его. Сенат в этих случаях выбирает особого председателя. Было всего шесть случаев замещений, не считая замещения Рузвельта Труменом (предпоследний случай — Гардинг-Куллидж в 1925 г.). Президент и вице-президент должны быть природными гражданами Союза и не моложе 35 лет. По конституции они выбираются двухстепенными выборами (избиратели — выборщики — Президент, причем выборщики выбираются в числе, равном числу депутатов и сенаторов данного штата). Условия избрания — получение абсолютного большинства голосов выборщиков. 12-я поправка к Конституции предусмотрела, что если нужного большинства не наберется, то из трех кандидатов в президенты и стольких же в вице-президенты, получивших большее число голосов, палата выбирает Президента, а сенат — вице-президента. Палата же может предать обоих указанных лиц суду сената, причем в таком суде председательствует верховный судья. Для осуждения необходимо две трети голосов, которого не набралось, однако, в единственном имевшем место случае предания суду Президента (Джонсон — 1869 г.).

Президент имеет право в чрезвычайных случаях созвать конгресс, имеет право предлагать ему на рассмотрение нужные меры, утверждает прямо или утверждает десятидневным молчанием

принимаемый конгрессом законопроект и может в течение этих десяти дней отослать проект на вторичное рассмотрение. Принятый вторично в обеих палатах двумя третями голосов, билль становится законом и, как выражаются американские юристы, конгресс в этих случаях "опрокидывает" президентское вето (что, впрочем, бывает редко).

Наконец, Президент имеет право помилования осужденных федеральными судами.

Таковы в общем несложные постановления Конституции.

Но в порядке обычая полномочия Президента значительно изменились.

Прежде всего избрание выборщиков потеряло первоначальный смысл, благодаря непоколебимо установившемуся обычаю, заставляющему выборщиков голосовать за кандидата своей партии во всех случаях. В 1872 г., например, выборщики Гораса-Грили, хорошо зная, что он накануне умер, все же подали голоса за него, так как не успели получить новых партийных инструкций, а другого кандидата их партии не было.

Далее, установился обычай, что Президент может избираться лишь два раза к ряду (основание положил Вашингтон своим отказом выбираться на третье четырехлетие). Первая попытка нарушить этот обычай в XX в. (Рузвельт-старший) окончилась неудачей. Впервые в 1940 г. Рузвельт-младший был избран в третий раз, а в 1944 г. — в четвертый.

Опять-таки в порядке обычая считается твердо установленным, что Президент не может быть ни негром, ни католиком; президенту Гардингу угрожала серьезная опасность провала на выборах из-за выпущенной кем-то брошюры, утверждавшей, что его бабушка была негритянка. Сторонникам Гардинга пришлось затратить большие суммы, чтобы спешно скупить тираж раньше, чем брошюра успела получить распространение.

Но главное: колоссально выросли полномочия Президента. Это расширение полномочий исторически произошло далеко не сразу. В первые 40 лет истории Соединенных Штатов, в период борьбы за утверждение национального суверенитета, президенты — большей частью из военных и очень часто из южан — шаг за шагом укрепляли свое положение против притязаний конгресса. Сложная внешняя обстановка войны с англичанами, мексиканцами, индейцами требовала энергичного руководителя во главе страны. Затем наблюдается некоторое затишье. Ряд президентов старается жить в ладу с конгрессом, крайне редко используя право вето. Столкновение Севера и Юга выдвигает в 60-х годах энергичные фигуры Линкольна и Джонсона. Последний вступает в открытую борьбу с конгрессом, но окрепшая и сознающая свою силу северная буржуазия 15 раз кряду "опрокидывает" в конгрессе президентское вето и в конце концов отдает Джонсона под суд. Начинается период правления конгресса, когда многочисленные коми-

теты конгресса, контролируя бюджет отдельных ведомств, фактически вмешиваются во все отрасли управления. В 80-х годах Брайс в своей "Американской республике" высказывает мнение, что американцы могли бы, пожалуй, вообще обойтись без Президента[1]. Однако общие тенденции в эпоху империализма к усилению исполнительной власти уже через несколько лет дают себя чувствовать в Соединенных Штатах, и уже Президент Кливленд в конце тех же 80-х годов 260 раз останавливает своим вето решение конгресса. Все усложняющаяся внешняя и внутренняя обстановка требует властного "капитана" на мостике государственного корабля Соединенных Штатов, и партийная машина поставляет таких капитанов. Теперь уже не комитеты конгресса направляют политику Президента, как это было в 70-х годах и в начале 80-х годов. В XX в. Президент, опираясь на послушный ему и не ответственный перед конгрессом кабинет и так называемый "рулевой" комитет из представителей партий при конгрессе, руководит последним. 40 лет спустя после Брайса другой исследователь американской конституционной истории — Берджес резко подчеркивает чрезвычайно возросшее значение Президента[2]. Президент Мак-Кинли начинает войну с Испанией и ставит конгресс перед совершившимся фактом, хотя для объявления войны необходимо согласие конгресса. Рузвельт-старший организует революцию в Колумбии, создавшую Панамскую республику (1903 г.). Он признает эту республику в спешном порядке и хладнокровно замечает: "Я взял канал, а конгрессу предоставил разговаривать".

Франклин Рузвельт получает от конгресса в условиях экономического кризиса, требующего чрезвычайных мер, полномочие на издание указов с силой закона, необходимых для борьбы с экономическими затруднениями. В этом порядке проходит ряд трудовых кодексов по отдельным отраслям труда, регулируется площадь посевов в южных штатах, организуются общественные работы и создаются целых два ведомства — "аграрной помощи" и "национальной реконструкции промышленности", — учреждение и деятельность которых лишь спустя несколько лет были признаны неконституционными Верховным судом. Это стоило должности нескольким верховным судьям, которых в партийном порядке "убедили" выйти в отставку.

Президент стал движущей силой законодательства. Помимо возможности осуществлять в конгрессе свои предложения при содействии партийного "рулевого" комитета, помимо получения от конгресса указанных чрезвычайных полномочий он сурово контролирует и ту часть деятельности конгресса, в которой депутаты

[1] *Брайс Дж.* Американская республика. В 3 ч. / Пер. с англ. В. Н. Неведомского. Ч. 1. Национальное правительство. М., 1889. С. 330.

[2] *Берджес.* Недавние изменения в американской конституционной теории. 1923. С. 85—86 (на английском языке).

и сенаторы успевают проявить некоторую инициативу. Когда-то были президенты, которые ни разу не применяли вето (оба Адамса, Джефферсон, Ван Бюрен, Фильмор, Гарфильд), но эти времена давно отошли в прошлое, и общее число случаев президентского вето в Соединенных Штатах перевалило за 600, причем лишь в 7% всех случаев конгрессу удавалось "опрокинуть" это вето.

Обычаем разработана особая техника вето — так называемое карманное вето. Президент обязан утвердить или отклонить билль в течение десяти дней; если билль представляется Президенту — а по соглашению с рулевым комитетом это легко сделать — меньше чем за десять дней до конца сессии конгресса, Президент может просто "спрятать билль в карман" и, не сказав ни да, ни нет, заставить конгресс рассматривать, если ему угодно, билль снова в следующей сессии. Этим приемом неоднократно отклонялись важные социальные мероприятия. Более половины всех случаев вето падает на финансовые законы.

Эволюция судебной власти США. Историческое развитие судебной власти Соединенных Штатов совершалось в плане такого же расширения и усиления. Федеральный суд по Конституции представлялся довольно скромным учреждением, но в дальнейшем он использовал по-своему, во-первых, указание Конституции, что она сама, законы и договоры Соединенных Штатов составляют верховное право страны; во-вторых — возможность разбора споров между штатами и всех дел, связанных с международным и призовым правом; в-третьих — свою формальную независимость, так как члены суда назначались пожизненно и могли быть сменены лишь по вотуму конгресса квалифицированным большинством (единственная попытка сделать это успехом не увенчалась).

Опираясь на эти данные, верховные судьи Джей (один из "отцов конституции") и Маршал ввели в практику Соединенных Штатов так называемую судебную проверку конституционности закона. Практика эта началась в отдельных штатах, но действительное значение получила именно в Федерации. Она сводится к тому, что по ходу процесса любая из сторон может заявить против любого закона отвод по неконституционности. Если суд признает этот закон не соответствующим Конституции, никто не может быть привлечен к ответственности за его невыполнение и он тем самым фактически теряет силу, хотя остается внесенным в законодательные сборники. Это грозное право судебного вето привело к тому, что американская Конституция стала такой, как понимают ее судьи. В первой половине XIX в. Верховный суд использовал свои права для расширения власти конгресса и Президента в целях охраны интересов рабовладельцев (знаменитое дело Дреда Скотта в 1857 г.). Во второй половине XIX в. он всячески содействовал усилению "федеральной узурпации", т. е. прежде всего росту полномочий центральной власти, и противодействовал рабочему законодательству.

Широко распространилась также практика судебных приказов и — с 90-х годов — "предостережений" административным органам, и даже частным лицам, которые, по мнению суда, не выполняют своих конституционных обязанностей или выходят за рамки конституционной легальности. Лицо, пренебрегшее таким предостережением, рискует быть привлеченным к ответственности за "неуважение к суду" и поплатиться, в лучшем случае, крупным имущественным взысканием. В частности, судебные приказы превратились в одно из сильнейших легальных средств борьбы со стачечным движением.

Система федеральной юстиции сильно разрослась: наряду с федеральным Верховным судом и подчиненными ему судебными палатами и крупными федеральными судами появились специальные суды Соединенных Штатов по таможенным делам и по претензиям к Соединенным Штатам. Наряду с этим продолжают действовать суды отдельных штатов, также широко развивающие практику проверки конституционности законов, причем на их решение возможна апелляция к федеральной системе судов.

При этих условиях понятно, что в XX в. в Соединенных Штатах серьезно заговорили о правлении судей или "олигархии судей", состав которых рекрутируется из наиболее богатых юристов. Сильное сопротивление, оказываемое судами социальному законодательству, вызвало в последние 25 лет негодование в рабочих и фермерских массах и породило ряд проектов о подчинении судов народному контролю путем постановки на референдум решений суда о неконституционности закона. Проекты эти не имели, однако, успеха, хотя сочувствие Президента, проявленное к ним, заставило суды вести себя осторожнее, в особенности в вопросах деконституционализации президентских указов. Во всяком случае, остается фактом, что решение Верховного суда Соединенных Штатов "относительно того, что конгресс и парламенты штатов могут делать, и чего они не могут делать, часто важнее, чем какой-либо акт конгресса или парламентов штатов"[1].

Отдельные штаты и эволюция их строя. В эволюции отдельных штатов обычай и судебная практика сыграли не меньшую роль, чем в конституционной эволюции самого Союза. Конституции штатов, в противоположность Конституции Союза, менялись и исправлялись несчетное число раз. Действующие в настоящее время акты представляют целую хронологическую гамму: наиболее старая Конституция действует в Вермонте (1793 г.) и наиболее молодая — в Аризоне (1912 г.).

Часто встречая со стороны местных судов объявление своих актов неконституционными, местные законодатели, начиная с 30-х годов, проводили огромное количество поправок к конституциям,

[1] *Brise G.* Op. cit. P. 91.

против которых судейское вето было бессильно. Конституции разрастались в толстые книги. В конституционном порядке регулировалось даже устройство лотерей. Основное устройство штатов (которым Союз гарантирует республиканскую форму) по внешности напоминает самый Союз; верхние и нижние палаты штатов представляют разные слои населения; во главе исполнительной власти стоят выбранные правители (губернаторы) с частью выборными, частью назначенными помощниками — инспекторами, интендантами и т. д. Штаты имеют свое гражданское и уголовное законодательство, в их ведении находятся местные дороги, просвещение, здравоохранение, местное управление, суды, полиция, тюрьмы. Они располагают довольно значительным бюджетом и имеют свою милицию, которую Союз может вызвать и на свою службу.

Начала формального народовластия получили в штатах широкое развитие. Выборность должностей проводилась, особенно со второй половины XIX в., глубже, чем в Союзе, и часто распространялась даже на судебные должности. Референдум, известный в Массачусетсе еще в конце XVIII в. и закрепленный в конституциях его же (1820 г.), Коннектикута (1818 г.) и Нью-Йорка (1821 г.), затем начал быстро завоевывать почву, особенно в западных штатах, где в среде фермеров-землевладельцев и скотоводов увлекались демократическими учреждениями. На западе же (Южная Дакота в 1898 г., затем Юта, Орегон и другие) распространялись институты народной законодательной инициативы и отозвания, которое стали применять как к депутатам парламентов, так и к администрации, а в шести штатах даже к судьям. Вопрос об отозвании неугодных лиц по предложению инициативной группы определенной численности ставился на народное голосование в очень сложных формах, приводящих к тому, что, например, в Калифорнии, где издан целый ряд законов об отозвании, практически случаев отозвания не наблюдалось. В XX в. 21 штат допускает референдум для обыкновенных законов, в 19 штатах существует народная инициатива и в 10 — отозвание. Все штаты, кроме штата Делавер, ввели референдум для конституционных изменений[1]. Наблюдается, однако, очень вялое участие избирателей в этих голосованиях, так как население уже убедилось в их малой продуктивности. Падение интереса к местным делам и местному законодательству объясняется также ростом федеральной централизации и сознанием неудобства большой пестроты права, создавшейся в 48 штатах.

[1] Иногда, впрочем, практиковалось вместо референдума избрание специальных учредительных "конвентов"; такие случаи имели место в Миссисипи в 1890 г., в Южной Каролине — 1895 г., Делавере — 1897 г., Виргинии — 1902 г. и трижды в Луизиане — в 1898, 1918 и 1922 гг.

§ 3. Местное управление

Графство. Развитие местного управления определялось: 1) противоречиями между Севером и Югом Соединенных Штатов на первой фазе их развития, 2) повсеместным ростом централизации во второй фазе (после гражданской войны).

Первые пуританские поселенцы северо-восточных штатов (Новая Англия) условиями борьбы с суровой природой и постоянной войны с индейцами вынуждались держаться плотными кучками и селиться так называемыми таунами (группа усадеб и дворов, связанная тесным соседством и управляемая сходкой всех взрослых мужчин). По существу, это было видоизмененное английское вестри. Эта единица осталась основной в северных прибрежных штатах.

На юге, при крупном плантационном рабском хозяйстве, система поселения была иной. Колонисты создавали большие имения, центры которых сравнительно далеко отстояли друг от друга. Эти имения объединялись в более крупные, чем на севере, округа, именовавшиеся заимствованным из Англии термином "графство". Управлялись они съездами помещиков, причем выборные должности в них нередко переходили из поколения в поколение одних и тех же семей местной аристократии. Таким образом, сложились два начальных типа местного управления — таун на севере и графство на юге. С уплотнением населения на юге южные графства стали дробиться на участки (дистрикты и приходы) и даже совсем упраздняться (штаты Каролина и Луизиана). На севере, с началом колонизационного похода за Аллеганы, была применена система образования новых таунов. Ордонанс 1787 г. и дополнительные законы устанавливали нарезку на новых землях особых округов — тауншипов, величиной в 36 квадратных миль. Выраставшие новые тауны управлялись, как и прежние, сходками. Различные причины вынуждали отдельные тауны группироваться в более крупные единицы — 4 графства центральных штатов. Эти графства распространялись затем и на прибрежные штаты, хотя никогда не получали в них крупного значения. Органом управления этих графств явились составлявшиеся из представителей таунов "бюро надзирателей", "бюро комиссаров" и т. д. Эти бюро рассматривались как центральный орган графства, но, по существу, входившие в них лица ведали различными ветвями управления судебного, земельного, финансового, военного и были весьма мало связаны друг с другом. Так наметился третий тип местного управления Соединенных Штатов, развившийся к середине прошлого столетия и до настоящего времени сохранившийся в 8 штатах (Нью-Йорк, Мичиган и др.).

С окончанием гражданской войны общая тенденция к централизации и некоторому унифицированию политической системы

не замедлила сказаться и в местном управлении. В южных, "реконструированных" после поражения, штатах были восстановлены графства. На севере и западе большая часть штатов заменила систему представительства от таунов системой прямых выборов должностных лиц графства населением (судья, шериф, землемер, сборщик налогов и т. д.). Вместе с тем парламенты штатов начали поручать графствам выполнение ряда функций центральной администрации штатов, субсидируя их и подчиняя жестокому контролю со своей стороны. Это усиление значения графства в местном управлении более заметно в центре, на юге и на западе, чем в старых восточных штатах, где таун сохранил значение основной местной единицы, а графство осталось лишь поверхностной надстройкой, играющей роль, главным образом, судебного округа.

Город. Наряду с земским управлением складывалось городское в поселениях с числом жителей, колебавшимся по разным штатам от 800 до 10 000. Поселения эти выделялись законодательством штатов в особые единицы под именем сити, бургов, мюнисипалити. Здесь наметились три основных типа. Старейший из них, продержавшийся в течение почти всего XIX в. и в некоторых восточных штатах уцелевший до сих пор, носил название "федерального устройства". Население города выбирало две палаты местного совета и мэра города. Отношения между палатами, советом в целом и мэром строились по образцу отношений между конгрессом и Президентом Соединенных Штатов. Громоздкость и дороговизна системы привели сначала к упразднению верхних городских палат (заметно после гражданской войны), затем к выработке в конце XIX в. второго типа городского управления — так называемого управления одной комиссией или малым советом. Малый совет нового типа состоит из 5—7 человек, распределяющих между собой отрасли управления и совместно издающих обязательные постановления. Мэра при этой системе не выбирают.

Дальнейшим шагом по пути централизации явился третий тип, так называемый управительский. При этой системе вся полнота власти передается в руки наемного директора или управителя, приглашаемого на определенный срок малым советом, который выбирается населением. Члены малого совета никаких административных и иных обязанностей не несут; они лишь периодически заслушивают отчеты управителя.

§ 4. Колонии

Виды колоний и их управления. С конца XIX в. Соединенные Штаты решительно вступают на путь империалистической экспансии и быстро движутся по этому пути.

Под властью Северо-Американского Союза в XX в. оказывается несколько "территорий" и "зависимых владений". Сюда относятся Аляска, Гавайи, Порто-Рико, Филиппинская республика, Панамская зона и несколько островов в Атлантическом и в Тихом океане (Виргинские острова, Самоа и др.).

Мелкие острова и Панамская зона управляются военными губернаторами, назначаемыми властью Президента, и жизнь их регулируется законодательством конгресса и постановлениями Президента. Территории Гавайи и Аляски, "владение" Порто-Рико и Республика Филиппины, организованные законами США 1900, 1912, 1917 и 1935 гг., считаются автономными. Филиппины не представлены в конгрессе Соединенных Штатов, остальные автономии имеют в нем совещательный голос. Губернаторы и верховные суды автономий, кроме Филиппин, назначаются Президентом Соединенных Штатов. Конгресс и губернатор, а в отношении Филиппин Президент и конгресс Соединенных Штатов имеют право вето по отношению к местному законодательству. Конгресс может равным образом изменить по своему усмотрению акты об устройстве территорий в Порто-Рико. В отношении Филиппин, где Конституция основана на американском законе, но одобрена на островах плебисцитом, вопрос представляется более спорным.

Практически отношения между Соединенными Штатами и их "владениями" построились вполне по типу обычных отношений между метрополией и колониями: в Порто-Рико американские сахарные (и другие) тресты произвели своеобразную "очистку земель", заняв под сахарные плантации лучшие куски острова; сообщение сельскому хозяйству малокультурного характера взвинтило цены на привозные (из США) продукты питания к невыгоде, конечно, трудящегося населения; на Гавайях прилагаются усилия для искусственного превращения островов почти исключительно в рынок сахарного сырья; на Филиппинах путь американского владычества (с 1898 г.) был отмечен многочисленными восстаниями населения, кроваво подавляемыми американскими властями.

§ 5. Гражданское и уголовное право

Фазы развития правовой системы. Развитие правовой системы Соединенных Штатов прошло несколько фаз, соответствующих фазам их государственного развития. В раннюю эпоху до утверждения Федерации в первоначальных штатах действовало английское "общее право" и в принципе признавались королевские статуты. Их дополняли местные обычаи, постановления советов колоний и, наконец, ряд религиозных постановлений, заимствованных из Библии. В частности, уголовное право выводилось именно из Библии и отличалось значительной суровостью. Издававшиеся колониями уголовные законы получили название "синих ко-

дексов" (от насмешливой клички пуритан "синие" или "посиневшие"). Так, в 1642 г. в Коннектикуте был издан Кодекс, состоявший из десяти заповедей Моисея с добавлением запрета волшебства, в Массачусетсе аналогичные кодексы были изданы в 1641 г. и даже в 1768 г.

Судебное право штатов в то время строилось по образцу английского, но в формах, значительно отставших от английского судопроизводства XVIII в. С созданием Федерации законодательная деятельность штатов начала энергично развиваться.

Начинаются попытки кодификации местного права, чем американское право сильно отличается от английского. Первые попытки делаются в Луизиане под влиянием Кодекса Наполеона. Они приводят к изданию Уголовно-процессуального кодекса, систематизации материального права, выработке проекта уголовного кодекса (так называемый Кодекс Ливингстона 1821 г.).

На всех этих актах, оказавших сильное влияние на соседние штаты, лежит печать подражания французскому революционному и наполеоновскому законодательству.

Кодификация англо-голландского права в Нью-Йорке и прилегающих штатах началась в 1842 г.; в 1848 г. она завершилась принятием Гражданско-процессуального кодекса Нью-Йорка, по образу которого были с 1848 по 1878 г. приняты такие же кодексы в Миссури, Кентукки, Индиане и 19 других штатах. Уже к 60-м годам нью-йоркские юристы (Фильд) разработали систематический свод материального права (гражданский и уголовный кодексы). Уголовный кодекс был принят в 1871 г. и оказал крупное влияние на другие штаты; Гражданский дважды принимался, но не был утвержден губернатором и применяется до настоящего времени скорее как известная сводка обычаев, чем как закон. Однако оба нью-йоркских кодекса — и гражданский, и уголовный — были в 1866 г. приняты штатом Дакота и оказали сильное влияние на право окружающих штатов.

Начиная с 50-х годов Калифорния, возглавляющая группу западных штатов, вступает на путь кодификации. В ее праве преобладают англо-американские элементы. Калифорнийский уголовно-процессуальный кодекс, принятый в 1850 г., был реципирован 20 штатами, из которых Иллинойс в 1910 г. ввел значительные усовершенствования.

В 1872 г. Калифорния (под очень сильным влиянием нью-йоркского кодекса, как показал русский исследователь Малышев) издала свой Гражданский кодекс и свой Уголовный кодекс, которым подражали многие западные штаты.

ЧАСТЬ IV

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

РАЗДЕЛ 1

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Глава 16. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В 1917—1947 гг.

§ 1. Политические партии

Конец двухпартийной системы. Консервативно-либеральная коалиция. Из первой мировой войны политический строй Великобритании вышел с глубокими изменениями, которые в дальнейшем развивались и углублялись.

Кризис двухпартийной системы, определившийся еще в конце XIX в., приобретал все более резкие очертания. В английских условиях это означало все больший кризис общественных отношений, углубляющийся упадок буржуазного либерализма, расширяющееся наступление реакции и все возрастающее сопротивление рабочих масс.

Война застала у власти либеральный кабинет Асквита. В 1915 г. Асквиту пришлось ввести в кабинет нескольких консерваторов и одного лейбориста (Артура Гендерсона): кабинет стал коалиционным. В следующем же году обнаружилось, что сохранять во внутренней политике обычную линию либеральной партии вообще невозможно, а в особенности во время войны. Ллойд Джордж устранил Асквита и реформировал кабинет на тех же, казалось бы, коалиционных началах, но в действительности правительственная власть была сосредоточена в руках четырех человек, которые вели вполне консервативную политику с широкими репрессиями против рабочих на основании "Акта о защите государства" 1914 г.

В организационном отношении маневры Ллойд Джорджа чувствительнее всего сказались, как и следовало ожидать, на либеральной партии: она раскололась на либералов Асквита и либералов Ллойд Джорджа. Неудивительно, что на парламентских выборах 1918 г. (через месяц после перемирия) либералы потерпели поражение: консерваторы получили 384 мандата, либералы — 165 (либералы Ллойд Джорджа — 136, либералы Асквита — 29), лейбористы — 72, ирландские националисты — 80, "независимые" — 6. Однако из числа консерваторов 334 человека были сторонниками продолжения коалиции с либералами. Уже опять грозил круп-

ными осложнениями ирландский вопрос, уже назревало бурное забастовочное движение, стимулируемое экономическим кризисом послевоенных лет. Банки и тяжелая промышленность, интересы которых защищали консерваторы, требовали во внешних отношениях активной империалистической политики и борьбы с Советской Россией, а во внутренних — перехода к протекционизму, смягчаемому системой "имперских преференций, т. е. взаимными импортными и экспортными льготами в отношениях между метрополией и доминионами. Все это, однако, наталкивалось на расширяющееся недовольство трудящихся масс, среди которых влияние Великой Октябрьской социалистической революции сказывалось с каждым днем все явственнее. Но по-прежнему не было никого, кто бы возглавил эти массы и их борьбу. Английская компартия сложилась лишь в 1920 г. из нескольких социалистических групп и только ко второй половине 20-х годов приобрела свое значение авангарда английского рабочего класса. Лидеры же тред-юнионов и лейбористской партии всю энергию свою направляли на то, чтобы, с одной стороны, завоевать избирателей расколовшейся либеральной партии, и на то, с другой стороны, чтобы удержать рабочий класс на старых позициях мирной парламентской борьбы.

Консерваторы не рассчитывали справиться с этими затруднениями без помощи либералов и, в частности, без руководства Ллойд Джорджа. Поэтому после выборов 1918 г. сохранилась коалиция во главе с Ллойд Джорджем.

Первый поход консерваторов и их победа. Однако с течением времени консерваторов все менее удовлетворяло верховенство Ллойд Джорджа, и они решили отказаться от коалиции.

В 1921 г. парламент был досрочно распущен, и в ноябре состоялись новые выборы, происходившие, как, впрочем, и выборы 1918 г., на основе нового избирательного права, увеличившего почти втрое число избирателей.

Теперь консерваторы, выступавшие совершенно самостоятельно, получили 344 мандата, либералы (расколотые на две фракции) — 118, лейбористы — 142, компартия — 2 (после состоявшегося в 1921 г. превращения Ирландии в доминион в палате общин оказалось 615 мест вместо прежних 707).

Выборы засвидетельствовали, что двухпартийная система отошла в прошлое, что лейбористы в этой новой партийной системе выдвигаются на второе место и что мажоритарное представительство, кое-как служившее при системе двух больших партий, плохо служит при системе трех партий, ставя результаты выборов в зависимость от различных случайностей. При мажоритарном представительстве, когда страна делится на небольшие сравнительно округа, на которых каждый избирает одного депутата, выбранным считается тот, кто получил абсолютное большинство голосов.

И лишь в том случае, если голоса разбились между несколькими кандидатами (что при двухпартийной системе бывало редко), побеждает получивший наибольшее число голосов, т. е. относительное большинство. Таким образом, при обычном ходе вещей непредставленное меньшинство избирателей округа может быть значительным, но это все-таки меньшинство. Дело изменилось, когда борьба между тремя кандидатами ("на три угла") стала не исключением, а правилом. Тогда в ряде округов может победить относительное большинство, и большинство мандатов окажется в силу разных случайностей за партией, собравшей в общей сложности меньшинство голосов.

Так именно вышло на выборах 1922 г. Всего голосовало свыше 14 млн избирателей. Консерваторы получили около 5,5 млн голосов и 344 мандата, либералы (обеих групп) — свыше 3 млн голосов и 118 мандатов, лейбористы — свыше 4 млн и 142 мандата, компартия — свыше 47 тыс. и 2 мандата. Никакого соответствия между числом голосов и мандатов, очевидно, не было. Но зато главный эффект был совершенно ясен и никого не удовлетворил. Консерваторы собрали меньше 0,4 всех голосов, а провели в палату общин больше половины всех депутатов. От имени меньшинства избирателей они получили возможность господствовать в парламенте и управлять страной. Но это все-таки не годилось для крутых поворотов вправо, которых требовали правые консерваторы, последовательные империалисты, враги демократии, сторонники агрессивной внешней политики и безоглядного наступления на рабочий класс.

Второй поход консерваторов и их поражение. В декабре 1923 г. Болдуин, представитель тяжелой промышленности, став во главе правительства вместо "умеренного" Бонар-Лоу (умер в октябре 1923 г.), решил "сделать большую игру": поставил на карту парламентское большинство, чтобы вернуть его вместе с большинством в стране.

Консерваторы не учли, однако, главного: сдвига в рабочих массах как могущественного политического фактора и краха двухпартийной системы как важного организационного момента. Парламент был распущен, но выборы 1923 г. принесли консерваторам не победу, а поражение. Из 20 с лишним миллионов зарегистрированных избирателей и теперь голосовало не больше 75% (свыше 15 млн). Консерваторы получили несколько меньше 6,5 млн. голосов, лейбористы несколько менее 4,5 млн, либералы несколько более 4 млн, компартия около 77 тыс. Распределение же мандатов получилось следующее: консерваторы — 258, лейбористы — 191, либералы — 159, компартия — 0. Иначе говоря: недобор в несколько десятков тысяч голосов обошелся консерваторам в 86 мандатов. Лейбористы, получившие всего на 250 тыс. голосов больше, чем в 1922 г., выигрывали 50 мандатов. Компартия, выиграв-

шая около 30 тыс. голосов, потеряла и те два мандата, которые имела.

Соответствия между голосами и мандатами было еще меньше, чем в 1922 г. Главный же результат был очень внушителен: теперь ни одна партия не имела абсолютного большинства мандатов. О возобновлении консервативно-либеральной коалиции нечего было и думать. Особенно не расположены были к этому либералы, которые в новом парламенте реорганизовались, наконец, в единую фракцию под лидерством Асквита и рассчитывали, что в случае образования лейбористского кабинета он будет зависеть целиком от их поддержки. Лейбористы были второй по величине партией палаты общин, и им по традициям английского парламентаризма принадлежало право организовать правительство. Наиболее дальновидные из консерваторов предпочитали толкнуть лейбористов к власти сейчас же, в момент всеобщего замешательства и неопределенности, когда внутренние затруднения все росли и у ворот стояла "четвертая зима безработицы".

Первое лейбористское правительство. Лидер лейбористов Макдональд образовал однородный лейбористский кабинет — правительство меньшинства. То, что этот кабинет потом сделал, и то, как и почему он пал, исчерпывающе объясняется характеристикой, которую Сталин в середине 20-х годов дал лейбористской партии. Говоря о названии этой партии "рабочая", Сталин предостерегает против того, чтобы принимать это название всерьез, ибо "*на деле* рабочая партия в Англии является партией блока рабочих и мелкой городской буржуазии. *На деле* эта партия есть партия блока двух классов, причем, если говорить о том, чье влияние сильнее в этой партии, влияние рабочих, противопоставляющих себя буржуазии, или влияние мелкой буржуазии, то надо сказать, что влияние мелкой буржуазии является преобладающим в этой партии. Этим, собственно, и объясняется, что рабочая партия в Англии является *на деле* придатком либерально-буржуазной партии"[1].

Поставленный у власти маневром двух враждебных ему партий, Макдональд 9 месяцев демонстрировал перед рабочими массами ту истину, что пролетарское правительство в Англии — дело вполне возможное, но что придет оно не из недр "рабочей" партии: лейбористская партия не думала воспользоваться властью так, как того требовали интересы пролетариата. Рабочие требовали борьбы с безработицей, обложения капитала, национализации угольных копей и тому подобное, на что "рабочее" правительство было не способно. Уступая давлению масс, которое дошло до антиправительственных демонстраций, Макдональд объявил о при-

[1] *Сталин И. В.* Революция в Китае и ошибки оппозиции. М., 1927. С. 14.

знании (вернее, полупризнании) де-юре Советского правительства. И это было едва ли не единственным прогрессивным мероприятием за 9 месяцев существования лейбористского правительства. За эти 9 месяцев рабочие и мелкобуржуазные избиратели были достаточно деморализованы зрелищем "рабочего правительства", разбитого параличом и находившегося в позорном плену у консерваторов и либералов. Власть давила лейбористских лидеров, как непосильная тяжесть, а консерваторы имели время перестроиться. В сентябре 1924 г., оставшись в меньшинстве в палате общин по одному не особенно важному вопросу, Макдональд подал в отставку.

На выборах 1924 г. лейбористский избиратель в массе остался верен партии. Лейбористы получили в общем около 5,5 млн голосов, т. е. выиграли свыше миллиона, но мандатов получили только 151 (т. е. потеряли 40). Консерваторы же, блокируясь, где надо, с либералами против лейбористов, получили свыше 8 млн голосов (48%) и 413 мандатов (67%).

Торжество реакции. Пятилетнее (1924—1929 гг.) господство консерваторов было временем жестокой реакции во внутренней политике и разнузданного шовинизма во внешней.

В 1926 г. в парламенте прошел закон об удлинении рабочего дня в угольной промышленности. Горняки в ответ на насилия правительства и предпринимателей (снижение зарплаты, локауты) объявили забастовку, скоро превратившуюся во всеобщую, но сорванную лидерами тред-юнионов и лейбористской партией. Это было одно из крупнейших поражений английского рабочего класса за последние сто лет. В 1927 г. прошел закон, запрещающий "политические стачки" (сочувствия, протеста и т. п.) и делавший невозможной всякую борьбу со штрейкбрехерами (закон "О трудовых конфликтах и о профсоюзах").

Английское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР.

Но к очередным выборам 1929 г. консервативное правительство пришло в обстановке естественного недоверия и озлобления рабочих, явственно видевших, что правительство это в борьбе против экономического кризиса, охватившего Англию, как и все капиталистические страны, и жестоко ударившего по пролетариату, имеет один только рецепт — наступление на рабочий класс и дальнейшее снижение его жизненного уровня.

Второе правительство лейбористов. Выборы 1929 г. дали консерваторам свыше 8,5 млн голосов, но всего 260 мандатов, а лейбористам — менее 8,5 млн голосов, но мандатов 287 (либералам несколько меньше 5,5 млн голосов и 59 мандатов). Опять консерваторы лишились абсолютного большинства мандатов, опять лейбористы очутились на втором месте, и опять Макдональд составил однопартийный лейбористский кабинет. Опять под явным давле-

нием лейбористских избирателей восстановлены были дипломатические отношения с СССР. Во внутренней же политике Макдональд ничего не мог и не хотел сделать для облегчения положения рабочих. Между тем, консерваторы, оправившись за спиной лейбористского правительства от поражения, переходили в наступление и требовали среди других реакционных мер сокращения выплаты пособий по безработице. Макдональд готов был уступить. Протестуя против этого, значительная часть членов лейбористского правительства вышла в отставку, и Макдональд в июле 1931 г. в перерыве между сессиями палаты общин ввел в правительство несколько консерваторов и либералов. Громадное большинство лейбористов — членов палаты общин не одобрило этого шага и перешло в оппозицию к правительству Макдональда. Он и оставшиеся с ним в палате 13 лейбористов были исключены из партии и получили название национал-лейбористов. Это было если и не расколом партии, то, во всяком случае, тяжелым для нее потрясением, которым консерваторы не преминули воспользоваться: палата общин была распущена и на выборах в октябре 1931 г. друг против друга стояли сплоченные консерваторы, поддерживаемые национал-либералами и национал-лейбористами, и деморализованная лейбористская оппозиция. 12 млн голосов, полученных консерваторами (55%), дали им 471 мандат (свыше 67%), лейбористы же получили 6,5 млн голосов (30%) и 52 мандата (около 9%).

Макдональд продолжал возглавлять правительство, в котором полными хозяевами были консерваторы, вплотную приступившие к протекционистской политике, вводя пошлины даже на предметы питания (решения Оттавской конференции 1932 г.), резко, с другой стороны, сокращая пособия по безработице, которая продолжала расти (поход безработных на Лондон осенью 1932 г.), и введя возмутительную систему "проверки нуждаемости".

Правительство консерваторов и соглашение с фашистами. Очередные выборы 1935 г. несколько улучшили положение лейбористов в палате общин. Из 30,5 млн избирателей голосовало около 22. Из них только около 12 млн голосовало за кандидатов консерваторов, национал-лейбористов и национал-либералов, т. е. за кандидатов правительства, и около 10 млн — за кандидатов оппозиции. В частности, собственно консерваторы получили 11 млн голосов и 387 мандатов, а лейбористы 8 млн и 154 мандата. Так или иначе около половины избирателей высказались против консерваторов, но это не помешало им считать свое положение укрепившимся. Правительство возглавил Болдуин, в 1937 г. уступивший место представителю крайней реакции Невилю Чемберлену. Правительство Чемберлена взяло курс на соглашение с фашистской кликой, захватившей власть в Германии, Италии и Японии. Позорнейшим памятником этой политики было Мюнхенское

соглашение, которым Судетская область передана была Германии, что значило обезоружить Чехословакию перед лицом фашистского агрессора.

Вторая мировая война и единый антифашистский фронт. В сентябре 1939 г. произошло нападение фашистской Германии на Польшу, и началась вторая мировая война. Общественное мнение Англии требовало дружного отпора фашистской агрессии, на что правительство Чемберлена было не способно. В мае 1940 г. Чемберлен удалился в отставку, и Уинстон Черчилль составил коалиционное "национальное" правительство из консерваторов, лейбористов, либералов и нескольких "независимых". После вероломного нападения Германии на СССР все политические партии Англии, отложив на время обычные разногласия, объединились для отпора врагу. В первых рядах борцов против фашизма шла компартия Англии, сделавшая с конца тридцатых годов большие успехи в своей работе среди масс. На выборах 1935 г. она провела в палату общин своего кандидата (Галлахер). За время второй мировой войны число ее членов достигло 60 тыс.

Окончание второй мировой войны и обострение классовых противоречий. Победоносное окончание войны в Европе сопровождалось пересмотром тех условий, на которых объединили свои силы лейбористы и консерваторы. Народные массы Великобритании вполне осознали, что вторая мировая война была войной за демократию, и они потребовали от правительства действительного осуществления демократических принципов во внешней и внутренней политике.

На XVII съезде английской компартии (октябрь 1944 г.) генеральный секретарь компартии Поллит выразил мнение всех трудящихся Великобритании, когда призвал к общенародному единству для разрешения таких проблем, как безработица, низкая заработная плата, длительный рабочий день, плохие жилища, социальная необеспеченность.

Декларация лейбористов на конференции этой партии в 1945 г. объявила целью будущего лейбористского правительства национализацию Английского банка, топливной, энергетической, железоделательной, сталелитейной и других отраслей промышленности, контроль над монополиями, ликвидацию безработицы, борьбу с жилищным кризисом, отмену закона о трудовых конфликтах в промышленности и о профсоюзах и другие мероприятия. Между тем, консервативная партия в лице своего лидера Черчилля резко высказывалась против социальных реформ, единодушно требуемых трудящимися.

Результатом обострившихся политических разногласий был выход лейбористов из правительства, роспуск палаты общин и новые — впервые после 1935 г. — выборы. Эти выборы принесли лейбористам полную победу, дав им 393 мандата из 640.

Поражение Черчилля и его друзей и победа лейбористов — один из важных результатов второй мировой войны, вызвавшей широкое демократическое движение во всем мире. Именно этому лейбористы и обязаны своей победой на выборах. В результате выборов было сформировано однородное лейбористское правительство во главе с лидером партии Клементом Эттли.

Третье лейбористское правительство. За истекшие со времени выборов два года лейбористское правительство не выполнило и малой доли своих предвыборных обещаний. К середине 1947 г. осуществлена национализация Английского банка, угольной и энергетической промышленности и отменен закон о трудовых конфликтах. Все это, однако, не наносит никакого ущерба капиталистам и приносит сравнительно мало пользы рабочим. Английский банк и до того был на деле правительственным органом, и реформа лишь юридически закрепляет это фактическое положение. Держатели акций получили при этом компенсацию, щедрую даже с их точки зрения. Столь же "благоприятно" разрешился вопрос и в отношении владельцев национализированных копей и шахт. По смыслу заявления лейбористского министра топлива и энергетики, шахтовладельцы избавлены от собственности, которая превратилась для них в тяжелое и убыточное бремя, и так как им за это еще и хорошо заплатили, то они вдвойне благодарны лейбористскому правительству. Трудящиеся же Англии получили добавочное нелегкое бремя в виде компенсаций, которые за их счет правительство выплачивает богачам. Отмена закона 1927 г. также не смутила предпринимателей, там как правительство предусмотрительно оставляет в силе законы военного времени, запрещающие забастовки как форму разрешения трудовых конфликтов. Если же забастовки все-таки происходят, то лишь как "дикие" (нелегальные) и, следовательно, лишь постольку, поскольку их почему-либо терпят те же предприниматели.

Безработица, которую лейбористские претенденты на портфели в 1945 г. обещали ликвидировать, в 1947 г. весьма значительно выросла, а жилищное строительство, также твердо запроектированное в программе, идет такими темпами, что, по предварительным подсчетам, потребует для своего завершения 150 лет.

Не причиняя консерваторам никакого беспокойства во внутренней политике, лейбористское правительство снискивает во внешней политике их полное, не раз публично ими подчеркнутое одобрение. Следуя в своей внешней политике инспирации наиболее консервативных кругов Америки и играя роль их послушного партнера в Организации Объединенных Наций, служа опорой фашистской реакции в Греции, поощряя фашистский режим в Испании и Португалии, ведя неуклонную реакционную линию по отношению к Индии, Египту, странам арабского Востока, солидаризируясь с реакционными веяниями, идущими из Канады, Авст-

ралии и Южно-Африканского союза, допуская по отношению к народным демократиям враждебный тон (необоснованные обвинения по адресу Польши в связи с выборами сейма 1947 г., такого же рода претензии к Болгарии и Румынии) и позволяя себе по отношению к ним явно нелояльные акты (задержание золотого запаса Польши, отказ в признании законных притязаний Югославии в Юлийской Крайне в Триесте, Словенской Каринтии), лейбористское правительство вызывает все большее разочарование у трудящихся масс.

§ 2. Государственный строй Великобритании

Избирательная реформа 1918 г. Развитие государственного строя Великобритании в период между двумя мировыми войнами характеризуется уже известной нам основной чертой: буржуазная демократия развивается, но это развитие чисто внешнее, ее содержание все более выветривается, реакция укрепляется, где вопреки, а где и благодаря буржуазно-демократическим институтам.

Наибольшее значение имели реформы избирательного права 1918 и 1928 гг.

Реформа 1884 г. значительно (втрое) увеличила число избирателей, но все еще сохранила имущественный ценз (в виде квартирного). Все еще не существовало деления на избирательные округа, равные по числу населения (хотя бы приблизительно), один и тот же избиратель мог голосовать в нескольких округах (где у него имелся имущественный ценз), выборы происходили не в один день по всей стране, а продолжались несколько недель.

Избирательная реформа 1918 г. устранила, хотя и не особенно радикально, все эти наиболее одиозные недостатки. В избирательный список заносилось каждое лицо мужского пола, достигшее избирательного возраста (21 года) и проживающее в избирательном округе не менее 6 месяцев. Но лицо, имеющее ценз оседлости в одном округе и земельную или иную собственность в другом или вошедшее в избирательный список по университетскому избирательному округу, может голосовать в двух округах и сохраняет, таким образом, два голоса (однако не больше двух). Голосовать больше чем в двух округах закон воспретил.

В вопросе женского избирательного права реформа не пошла дальше уродливого компромисса. Активное избирательное право получили женщины, достигшие 30 лет и владеющие помещением для жилья или занятий (с годовой доходностью не ниже 5 фунтов стерлингов) либо состоящие в супружестве с лицом, удовлетворяющим этим условиям.

Установлены были одинаковые избирательные округа так, что один депутат приходился приблизительно на 70 тыс. жителей.

Выборы проводятся в один день по всей стране. Палата общин 1918 г. избрана была уже на основе нового избирательного закона. Число избирателей поднялось (в круглых цифрах) с 8 млн в 1910 г. до 21 млн, что составило около половины населения.

Избирательная реформа 1928 г. Следующий шаг сделан был в 1928 г., когда специальным актом парламента женщина была уравнена в избирательных правах с мужчиной. Реформа была проведена консервативным кабинетом, который не без оснований рассчитывал на ближайших выборах получить голоса новых избирательниц. Однако надежды эти не оправдались. Из 4 млн новых голосов (на выборах 1929 г. голосовало около 26 млн избирателей против 22 млн в 1924 г.) большая часть оказалась на стороне лейбористов (около 8,5 млн голосов против 5,5 млн в 1924 г.), но прирост этот произвел, как мы уже знаем, очень незначительный эффект. В промежуток между двумя крупными избирательными реформами, в 1926 г., закон сократил ценз оседлости до трех месяцев (для Олстера остался прежний шестимесячный срок).

После реформ 1926 и 1928 гг. английское избирательное право, хотя и не совсем равное, но допускающее к выборам значительно больше половины населения (на выборах 1945 г. числилось избирателей 33 млн, из коих голосовало 20 млн), надо признать довольно широким, но и это массовое голосование не дает результатов, нужных массам: вся обстановка капиталистического государства, буржуазный государственный аппарат в целом — злейший враг всеобщего избирательного права. К этому присоединяются нелепости мажоритарной избирательной системы, которая одна способна исказить результаты голосования, если бы и не было других недостатков.

Отношения палаты общин и палаты лордов. Палата общин, избираемая на основе широкого избирательного права, попрежнему имеет рядом с собой невыборную олигархическую палату лордов, враждебную ей и готовую в нужный момент выступить против нее. Отношения мелку палатами никак нельзя считать урегулированными в демократическом духе актом 1911 г., и это особенно ясно становилось по мере усиления лейбористов с 1918 г. Палата лордов по-прежнему и сейчас, как 50 лет назад, — цитадель консерватизма. В этой односторонности — ее громадная и совершенно явная одиозность. "Когда у власти консервативное правительство, палата лордов сохраняет почти полную безжизненность; если же у власти правительство другой партии, палата лордов склонна создавать ему ненужные затруднения и стремится использовать все свои полномочия, оставшиеся еще у нее в силу "Акта о парламенте", чтобы сделать затруднения правительства наибольшими"[1]. Полномочия же эти все-таки значитель-

[1] *Muir R.* How Britain is governed... 3nd ed. London, 1936. P. 251—252.

ны: палата лордов может отсрочить на два года любую неугодную ей меру правительства, и уже давно можно было предвидеть, что она непременно будет пользоваться этой возможностью, если у власти окажутся лейбористы: "Рано или поздно конфликт с социалистическим правительством неизбежен"[1]. Палата лордов не может оспаривать финансовые билли, прошедшие палату общин, но до настоящего времени не было случая, чтобы спикер палаты общин объявил финансовым такой билль, который в действительности не является финансовым и не подходит под (очень точные) квалификации акта 1911 г. Таким образом, "хотя палата лордов формально лишилась права вето, по существу она его сохранила. Можно даже сказать, что косвенным образом сохранилась ее власть над финансами, ибо всякое большое мероприятие в области социальной реконструкции есть по существу билль о перераспределении доходов, и власть отсрочить его осуществление есть финансовая власть очень значительного характера"[2].

Парламент и правительство. Усиление правительственной власти. Отношения между парламентом и правительством развивались после первой мировой войны по прежней линии все растущего практического перевеса правительства. Если это консервативное правительство, оно господствует не только в палате общин, но и в палате лордов. Если это лейбористское правительство, опирающееся на лейбористское большинство в палате общин (как после выборов 1945 г.), оно вынуждено считаться с палатой лордов, но отнюдь не с палатой общин.

Для усиления и расширения своей власти и для освобождения от сколько-нибудь полного контроля палаты общин правительство пользуется всяким случаем: войной, внутренними затруднениями, осложнившейся внешней обстановкой. Делегированное законодательство превращается после первой мировой войны в общее правило. В 1932 г. специальная комиссия во главе с лорд-канцлером изучала вопрос о власти министров. Ее заключения подвели некоторые итоги развития делегированного законодательства в XX в. Комиссия признала, что правительство уже давно законодательствует по *принципиальным* вопросам и даже вводит новые налоги, а это в Англии, где историческое развитие парламента тесно переплетается с борьбой его за исключительное право регулировать обложение, означает полное фактическое поражение парламента. Комиссия признала, что правительство свободно "изменяет" парламентские статуты. "Одна только мысль о том, что подчиненное законодательство может позволить себе расходиться со священным текстом статута, на первый взгляд возмутительна. Чего же нам, — вопрошают законодатели, — здесь

[1] *Laski H.J.* Parliamentary government in England. London, 1938. P. 103.
[2] Ibid. P. 105.

сидеть и тщательно обсуждать точный язык будущего закона, если кто-то посторонний может потом изменить этот закон росчерком пера? Зачем, вопрошают граждане, мы голосуем на выборах и посылаем представителей в законодательное собрание, если какой-то невыборный чиновник может уничтожить дело наших рук?"[1]

Что бы ни говорили озадаченные законодатели и что бы ни спрашивали возмущенные избиратели, все стоят перед фактом давнего и все более явного упразднения парламента как законодательного органа.

Комиссия лорд-канцлера авторитетно засвидетельствовала, что как там себе хотят законодатели и их избиратели, а практика делегированного законодательства необходима и неизбежна. Но суть-то в том, что после первой мировой войны имеется уже не делегированное законодательство, а законодательство правительства, которое законодательствует и прямо, и косвенно, и по принципиальным вопросам, и по бюджетным, и по техническим, и по каким ему заблагорассудится, и с разрешения палаты общин и без оного. В 1927 г. "парламент принял 43 закона. О большинстве из них общество либо ничего не слышало, либо слышало очень мало. Они были предложены министрами... И в том же 1927 г. ... министрами было издано не менее 1349 обязательных постановлений и распоряжений. Они представляют собой такую же составную часть законодательства, как акты парламента"[2].

Чрезвычайные полномочия превращаются в постоянные. Эта роль правительства, окончательно сосредоточившего в своих руках правительственную, в новом смысле, власть (т. е. одновременно и неразлучно нормативную по всем и всевозможным вопросам и исполнительную), особенно возрастает в моменты кризисов. В эти периоды власть правительства приобретает открыто и закономерно охранительный, реакционный, иногда террористический по отношению к трудящимся характер. Но в XX в. Великобритания, как мы сейчас покажем, идет от кризиса к кризису. В 1914 г. диктаторская и бесконтрольная власть правительства получила обоснование в "Акте о защите государства". Вскоре по окончании войны, в 20-х годах, господствующие классы Великобритании стали лицом к лицу с подъемом революционной активности пролетариата. Это было время бурно растущей безработицы, крупных забастовок, уличных демонстраций и волнений, походов безработных на Лондон и т. д. Это был кризис посерьезнее даже военного с точки зрения классовых интересов буржуазии. Парламентский акт 1920 г. об исключительных полномочиях, в отличие от акта 1914 г., был не временным, а постоянным законом, который правитель-

[1] *Carr C.Th.* Concerning English administrative law. N.Y., 1941. P. 341.
[2] *Muir R.* Op. cit. P. 72.

ство уполномочено было приводить в действие когда ему угодно, простым объявлением "исключительного положения". Акт об исключительных полномочиях позволял правительству в любую минуту восстанавливать всю систему, господствовавшую во время войны, т. е. внесудебную расправу по ряду "преступлений", цензуру, обыски, аресты и высылки по произволу полиции, без разрешения суда, наконец, смертную казнь. И уже в 1921 г. во время забастовки горняков террористическая машина эта была пущена в ход; затем она свирепствовала в 1924 г. во время стачки докеров; затем — в 1926 г. во время всеобщей забастовки.

Назначение, смысл, роль закона о чрезвычайных полномочиях, который неизменно выступал на сцену в дни рабочих волнений, совершенно ясны. Во время всеобщей забастовки страна была превращена в военный лагерь. Тюрьмы наполнены были арестованными за "речь против монархии", за "хранение документов, содержание которых противоречит правительственным мероприятиям", за "угрозу штрейкбрехерам" и за тому подобные "преступления".

Некоторые более отдаленные, но поучительные справки. Когда в 1893 г. войска, вызванные для усмирения углекопов, застрелили в темноте двух стачечников, Асквит, тогда министр внутренних дел, дал в палате общин подробное объяснение, смысл которого был тот, что министр внутренних дел, а следовательно, кабинет в целом, совершенно не ответственен за организацию и образ действий местного самоуправления. А между тем, как подчеркнул Асквит, обязанность предупреждать и подавлять беспорядки лежит в Англии и теперь, как и в глубокой древности, на обязанности органов местного самоуправления. И он тут же решительно заявил, что "для охранения правосудия и для господства законного порядка в стране был бы очень печален тот день, в который мы решилась бы централизовать то, что теперь зависит от местного населения, если бы мы отняли у мировых судей контроль над политикой и передали бы его министру внутренних дел"[1].

Поучительно сопоставить эти заявления с не менее твердыми словами министра внутренних дел в палате общин 5 мая 1926 г., когда он, защищая действия правительства, подчеркнул, что чрезвычайные полномочия даны отнюдь не каждому судье или полицейскому офицеру, а именно министру внутренних дел, от которого уже зависит передоверить эти полномочия судьям и полиции[2].

---

[1] *Поррит Э.* Современная Англия. Права и обязанности ея граждан / Пер. с англ. О. В. Полторацкой. М., 1897. С. 351—355.

[2] Отчет о заседании палаты общин // Times. 1926. May 6.

Выступление министра внутренних дел в палате общин 5 мая 1926 г. по поводу применения Акта о чрезвычайных полномочиях отличалось вообще бесстыдной откровенностью. Перечислив длинный ряд драконовских постановлений чрезвычайного закона и коснувшись мер против действий, "возбуждающих мятеж", он утешил палату общин сообщением, что постановления эти представляют лишь использование уже сложившегося "общего права" с той лишь особенностью, что они позволяют действовать без проволочек. Упомянув о праве полиции арестовывать без судебного приказа, он признался, что в настоящее время права обыкновенного констебля арестовывать без такого приказа вообще очень обширны[1].

Таким-то образом к концу двадцатых годов нашего века централизация и бюрократизация достигли в Англии того именно предела, о котором говорил со страхом Асквит в 1893 г.

Не показательно ли, что за период с 1919 по 1934 г. было вынесено больше приговоров за политические преступления, чем за сто лет — с 1817 по 1919 г.?

Акты периода второй мировой войны. Наконец, накануне второй мировой войны в августе 1939 г. новый акт "Об исключительных полномочиях" (обороны) подразумевал, что и до открытия военных действий, и после этого правительство облекается диктаторскими полномочиями. К 1 сентября правительство уже подарило стране 18 статутов по вопросам денежного обращения, цен, полномочий судов, образования новых министерств, об уполномоченных правительства в графствах, о военной службе, об экспорте и импорте и проч. и проч. Затем статуты посыпались десятками. Палата общин некоторое время пыталась сохранить хоть некоторые законодательные права, но в ноябре 1939 г. вынуждена была одобрить резолюцию, внесенную Чемберленом, согласно которой законопроекты исходят только от правительства.

Новые законы установили право правительственных агентов: 1) заключать в тюрьму на неопределенный срок без суда, без объявления причины ареста, 2) арестовывать за "попытку вызвать недовольство среди занятых на королевской службе", 3) вводить исключительное положение во всей стране или в отдельных местностях.

Одна из газет ("Evening Standard") писала в 1939 г., что агентов Андерсона (министр внутренних дел) народ боится больше, чем немцев.

Некоторые из этих мероприятий были неизбежны и впоследствии оправданы военной необходимостью. Из них важнейшим был переход к всеобщей воинской повинности и создание многомиллионной регулярной армии. Но зачем в течение всего 1938 г. дей-

[1] Отчет о заседании палаты общин // Times. 1926. May 6.

ствовал специальный закон, запрещающий политические демонстрации в Ист-Энде — рабочем районе Лондона? Зачем была закрыта газета компартии "Dally Worker"? Как характерна та торопливость и жадность, с которой английская буржуазия пользуется всякими кризисами, военными и невоенными, чтобы окружиться частоколом чрезвычайных законов и экстренных мероприятий и чтобы расширить поход на передовую часть рабочего класса!

Всякое расширение правительственной власти в буржуазном государстве есть прежде всего расширение бюрократического аппарата. После первой мировой войны создан был ряд новых министерств и среди них министерства угольной промышленности, общественных работ, колоний, доминионов, авиации, пенсий. Иначе говоря, в одних областях бюрократизация усиливалась (колонии, военное дело), а на другие области распространялась заново.

Во время второй мировой войны правительственный аппарат был расширен до чрезвычайных размеров. Создан был ряд новых министерств вроде министерства экономической войны, министерства военного производства, министерства военного снабжения, министерства гражданской обороны, министерства национального обеспечения и др.). Большинство из этих ведомств по окончании войны было ликвидировано, но, как мы уже знаем, от однажды расширенных и умноженных полномочий бюрократический аппарат никогда целиком не отказывается даже по миновании той надобности, которая создала эти полномочия. В частности, надо отметить крупную реформу 1946 г., состоящую в создании нового министерства — министерства обороны для координации деятельности министерств военного, морского и авиации.

Одновременно создается Комитет обороны под председательством премьер-министра с участием четырех упомянутых министров и некоторых других.

Централизация и местное самоуправление. Период после первой мировой войны характеризуется дальнейшим распространением правительственной централизации на область местного самоуправления. Со времени реформ 1888 и 1894 гг. централизация делала последовательные и успешные шаги, и можно сказать, что ко второй мировой войне установилась полная и всесторонняя зависимость местного самоуправления от центрального правительства. По сути дела, здесь налицо те самые внутренние отношения централизованного государства, которые мы наблюдаем в крупных государствах континента. Характерная черта английской системы централизации в том, что она осуществляется не агентами центра на местах, а иными способами. Во французской, например, системе до 1940 г. префект департамента был агентом министерства внутренних дел, им назначаемым и увольняемым (формально Президентом республики), перед ним исключительно от-

ветственным, но наделенным весьма широкими законными правами надзора по отношению к Генеральному совету и, что особенно важно, практически служившим единственным исполнительным органом Генерального совета.

Агенты типа префекта являются на континенте и после второй мировой войны важнейшими органами централизации. Английская система местного самоуправления не знала и не знает ничего похожего на таких агентов. Лорд-наместник и шериф — единственные должностные лица графства, назначаемые королем. Но первая должность уже очень давно имеет вполне и исключительно почетный характер; шериф же — исполнитель судебных решений и не имеет отношения к местному самоуправлению. Свое руководство местным самоуправлением центральные ведомства проводят способами, по существу, приближающимися к континентальным, но отличающимися от них по форме. Эффективность там и здесь одинакова.

Роль министерства здравоохранения. Главную роль играет в этой области министерство здравоохранения, созданное в 1919 г. вместо Главного совета местного управления и перенявшее функции этого Совета. С этого времени вся обширная область коммунального и муниципального благоустройства вместе с местными финансами составила сферу ведения министерства здравоохранения, так что общественная санитария и здравоохранение являются лишь некоторой частью этой сферы. Формы руководства со стороны этого министерства и многих других (министерства внутренних дел, торговли, просвещения, земледелия и рыболовства, транспорта и других) суть отдаваемые в виде общих и конкретных распоряжений и циркуляров указания, которых органы местного самоуправления обязаны придерживаться в своей деятельности, право утверждать многие из местных постановлений, носящих характер общеобязательных норм (by-laws или по новейшей правительственной транскрипции bye-laws). Со времени первой мировой войны соответствующие ведомства твердо усвоили практику издавать типовые правила на все случаи местной жизни, и эти правила благоразумно реципируются органами самоуправления во избежание бесполезных трений с центральной властью.

Парламентские акты 1928 и 1929 гг. Но все более и более верным средством подчинения органов местного самоуправления центральной власти становится со времени первой мировой войны их финансовая зависимость от центра. Правительство и раньше утверждало займы, заключаемые местными органами, так что без санкции центра советы городов и графств не получали необходимых средств для проведения насущных мероприятий, но теперь оно все чаще и непосредственно выступает в качестве источника специальных ассигнований на различные конкретные цели,

а тем самым ставит местные органы в самую прямую и близкую зависимость от себя.

Именно в этом отношении громадное значение имели парламентские акты 1928 и 1929 гг., которые значительно сократили право органов местного самоуправления облагать на местные нужды промышленные, железнодорожные и в особенности сельскохозяйственные предприятия. Уже и раньше существовали ограничения в отношении церковной, школьной, государственной и иных видов собственности; с конца же 20-х годов ресурсы местного самоуправления были так сужены, что без государственной финансовой помощи они не могут обходиться в длинном ряде случаев. Акт 1929 г. очень подробно определяет и регулирует виды правительственной финансовой помощи, ставя правительственные субсидии в известную зависимость от числа населения города или графства и от других данных.

Акт о местном управлении 1933 г. Наконец, в 1933 г. вековой (считая с первой значительной реформы городского самоуправления 1835 г.) путь развития английского местного самоуправления был подытожен в Акте о местном самоуправлении, который можно считать кодексом местного самоуправления. Акт однообразно и точно формулирует основания и порядок возникновения новых территориальных единиц, их органов, устанавливает минимум и максимум советников и олдерменов в различных советах, сроки их службы, фиксирует нормы избирательного права в органы местного самоуправления, регулирует деление на избирательные округа и все прочие детали выборов, говорит о сроках созывов советов, об их деятельности, об их председателях, о комиссиях и комитетах, о местных должностных лицах (общее число которых накануне второй мировой войны достигало 100 тыс.) и их правах и обязанностях, о местных обязательных постановлениях, исходящих от советов, о бюджетах, о займах, об ассигнованиях от центральной власти, о способах контроля деятельности местного самоуправления со стороны центральных ведомств и т. д. и т. п.

Все то, что в течение века и более регулировалось от случая к случаю отдельными актами парламента, решениями правительства, обычаем, практикой, суммировано в акте 1933 г., приведено в ясность и в систему с устранением всего отжившего и несообразного и с учетом опыта и практики векового развития.

Закон 1945 г. об избирательном праве. Законом 1945 г., принятым еще до выборов, давших победу лейбористам, было *расширено избирательное право* в советы графств, городов и приходов. Это избирательное право, принадлежавшее раньше только плательщикам местных налогов, распространено указанным актом на ряд других категорий местных жителей, удовлетворяющих цензу оседлости (12 месяцев). Вследствие этого число избирателей возросло на 7 млн. На выборах в ноябре 1945 г. в большинстве графств одержали верх лейбористы.

§ 3. Государственный строй Британской империи

Доминионы. В отношениях между Великобританией и доминионами произошли после первой мировой войны крупные перемены. Доминионы, окрепнув в промышленном отношении во время войны, все чаще и решительнее претендуют на то, чтобы играть роль во внешней политике метрополии. Консервативная идея "самозамыкающейся империи", отделенной от внешнего мира барьером охранительных пошлин, пользуется большим успехом в доминионах, особенно в Канаде. Перейти к протекционизму, к пошлинам на сырье и даже на продукты питания консерваторы пытались уже после своей избирательной победы 1924 г. Вздорожание жизни как результат таких попыток вместе с ударами экономического кризиса стоили им парламентского большинства на выборах 1929 г. Но в 1931 г., опять заняв руководящую роль в палате, они еще решительнее перешли к протекционистской политике, доминионы же их в этом твердо поддерживали. В 1932 г. на имперской экономической конференции в Канаде (Оттава) были осуществлены преференциальные тарифы.

Уэстминстерский статут. Изменения в политических отношениях между метрополией и доминионами были зафиксированы еще раньше. Имперская конференция 1926 г. объявила, что Великобритания и доминионы суть "автономные объединения внутри Британской империи, равные по своему положению, статусу, ни в какой мере и ни в каком отношении не подчиненные друг другу во внутренней и внешней политике, хотя и объединенные общим подданством короне и свободно соединившиеся как члены Британского содружества наций"[1]. Тут же предусмотрительно присовокуплялось: "Однако начала равенства и сходства, присвоенные статусу, не распространяются универсальным образом на функции"[2]. Далее в ряде положений раскрывается смысл этой оговорки, сводящейся к тому, что руководящая роль во внутренней и внешней политике принадлежит и должна принадлежать Великобритании хотя бы только как первой среди равных (юридически) доминионов.

Постановления конференции 1926 г. были подтверждены конференцией 1930 г. На основе этих решений был издан парламентский закон 1931 г., получивший название Уэстминстерского статута. Все практические предложения конференции и статута представляют собой официальное оформление отношений и положений, сложившихся в течение последних 50 лет. Важнейшие из этих постановлений касаются полномочий и роли генерал-губернатора и констатируют, что последний является в доминионе пред-

[1] The Imperial Conference of 1926. Results. P. 14.
[2] Ibidem.

ставителем короля, но не правительства Великобритании. Отсюда совершенно очевидно современное значение генерал-губернаторской должности как почетной, а не правительственной, вроде должности лорда-наместника в графстве. Для полной ясности решения конференций 1926 и 1930 гг. подтверждают, что генерал-губернатор в вопросах управления доминионом занимает такое же, в общем, положение, как король в Великобритании. Из того, что генерал-губернатор перестал быть представителем имперского правительства, вытекает и то (также признано конференциями), что правительство доминиона *непосредственно* ведет свои сношения с имперским правительством, а сравнение генерал-губернатора с королем как нельзя лучше подчеркивает, что права генерал-губернатора в области законодательства (инициатива, вето, резервация) теряют всякое практическое применение, права же в отношении исполнительной власти (главное — назначение министров доминиона) получают характер вполне номинальный. Генерал-губернатор не может поддерживать правительство, потерпевшее поражение в парламенте доминиона, он должен принять его отставку и поручить составление кабинета лидеру парламентского большинства. С другой стороны, генерал-губернатор не может поддерживать и палату, вступившую в конфликт с правительством, и не вправе поэтому отказать правительству в его требовании досрочного роспуска палаты.

Само назначение генерал-губернатора сделалось вопросом внутренней политики доминиона: генерал-губернатор по-прежнему назначается имперским правительством (т. е. королем), но непременно по указанию правительства доминиона и почти всегда из местных уроженцев. В известной связи с этим получила новое значение должность "высокого комиссара" — нечто вроде посла имперского правительства в доминионе. Со своей стороны и доминионы обзавелись в Лондоне "высокими комиссарами", признанными представителями правительств доминионов.

Из других постановлений конференции и статута отметим то, которое фиксирует отказ имперского парламента от права издавать законы, обязательные для доминиона, если только этого не требует сам доминион. По общему правилу на территории доминиона действуют только законы доминиона. Отменено условие, согласно которому законы доминиона не действительны, если противоречат имперским законам, и признано право доминиона вносить любые изменения в имперские законы, действующие в доминионе, или даже отменять их.

Нью-Фаундленд. Что касается отдельных доминионов, то наиболее важные изменения произошли в положении Нью-Фаундленда и Ирландии. Нью-Фаундленд не выдержал потрясений мирового экономического кризиса капитализма 1929 г. и вынужден был отказаться (как бы временно) от положения доминиона. Спе-

циальным парламентским актом установлено для него особое управление через комиссию из 6 лиц по назначению британского правительства и под председательством генерал-губернатора Ньюфаундленда. Это чрезвычайное положение сохраняется и после второй мировой войны.

Ирландия (Эйре). В Ирландии события развивались следующим образом. Как мы знаем, в 1922 г. Ирландия получила права доминиона, и была разработана Конституция Ирландии, утвержденная английским парламентом. Это была Конституция Южной Ирландии. Северная же часть (6 графств) — Олстер — была оторвана от остальной страны и составила автономную провинцию Великобритании. Непримиримые ирландские республиканцы, предводительствуемые Де Валера, не удовлетворились создавшимся положением, требовали независимости Ирландии, отказались признать новый порядок и до 1927 г. бойкотировали выборы ирландского парламента. Но в этом году Де Валера и его единомышленники ("Фианна-Файль") вошли в парламент. При поддержке крестьян (Де Валера требовал отмены выкупных платежей за землю, установленных английским правительством в 1922 г.) Де Валера пришел в 1931 г. к власти и в упорной борьбе с британским правительством в 1937 г. объявил об отказе Ирландии от статуса доминиона, об отмене Конституции 1922 г., после чего провел через ирландский парламент новую Конституцию совершенно независимого государства Эйре. Со своей стороны британское правительство тогда же объявило, что новая Конституция не может внести существенные изменения в положение Ирландии как части Британской империи.

Главные противоречия, разделяющие правительства Великобритании и Ирландии: 1) вопрос об Олстере, 2) вопрос об обороне Ирландии. Ирландское правительство настаивает на воссоединении Ирландии и Олстера и требует удаления из Ирландии британских вооруженных сил, а также отказа Великобритании от использования ирландских портов в случае надобности с военными целями (это право было обусловлено англо-ирландским договором 1921 г.). По второму из этих вопросов было достигнуто компромиссное соглашение в 1932 г.: Ирландия сама организует свою военную оборону, но пользуется при этом финансовой поддержкой Великобритании.

Во время второй мировой войны Ирландия официально сохраняла нейтралитет, и Черчилль в мае 1945 г. отметил, что английское правительство не могло пользоваться во время войны портами Ирландии и вполне господствовало только в Олстере. Как бы отвечая на это и пытаясь разъяснить очень неясное положение Ирландии, Де Валера объявил, что Эйре — независимая республика, но в вопросах внешней политики она связана с государствами Британского содружества наций: в особых вопросах

ирландской внешней политики английский король действует от имени Эйре и по соглашению с ней.

Колонии и мандаты. Колониальная империя Англии после первой мировой войны расширилась. Значительная часть германских колоний в Африке перешла к Великобритании под видом мандатных территорий. К Великобритании перешла почти вся германская Восточная Африка (Танганьика), вклинившаяся в английские владения на пути от Кеплэнда к Египту. Таким образом создан был непрерывный сухопутный путь от крайнего англо-африканского юга до Суэцкого канала. К Великобритании перешли под видом мандатных территорий и бывшие турецкие владения в Азии — Ирак (Месопотамия) и Палестина.

Ирак. Ирак до 1932 г. был мандатной территорией. В этом году мандат был прекращен, и Ирак вошел в Лигу Наций как независимое государство. Внешне Ирак стал конституционным государством с королем во главе, с парламентом и ответственным кабинетом, но независимость его весьма относительная. Ирак связан с Великобританией договором о военном союзе, позволяющим Великобритании пользоваться территорией Ирака для военных целей. Ирак формально обязан и практически вынужден следовать в своей внешней политике указаниям Великобритании.

Захват Палестины. Развитие событий в Палестине совершалось значительно сложнее и требует более подробного изложения.

В 1917 г. Палестина, входившая в состав Оттоманской империи, была оккупирована Великобританией. В стране установился оккупационный режим, осуществлявшийся английской военной администрацией. Севрский договор 1920 г. утвердил Декларацию Бальфура 1917 г., обещавшую создать в Палестине "национальный очаг еврейского народа", однако без ущерба для гражданских и религиозных прав нееврейских общин. Британское господство над Палестиной было юридически оформлено 24 июля 1922 г., когда Совет Лиги Наций, согласно принципам ст. 22 Версальского договора, избрал английского короля в качестве мандатария.

Мандат содержал следующие условия: а) "Мандатарий будет иметь все права по законодательству и управлению, поскольку они не будут ограничены условиями этого мандата" (ст. 1); б) "Мандатарий будет, поскольку позволят обстоятельства, поощрять местную автономию" (ст. 3); в) "Мандатарий создаст национальный очаг для евреев и будет содействовать их иммиграции в Палестину, однако ничего не должно быть предпринято в ущерб местному нееврейскому населению" (ст. 2, 4 и 6); г) "Мандатарию будет принадлежать контроль над внешними сношениями Палестины" (ст. 12). Далее, в ст. 17 мандат предусматривает за мандатарием право на вербовку добровольцев из местного населения "для сохранения мира и порядка, а также для защиты страны". Нако-

нец, согласно ст. 22, официальными языками Палестины считаются английский, арабский и еврейский.

Английские власти и не думали создавать национальный очаг для евреев. Они не установили мира и порядка, как обещали. Наоборот, в стране идут волнения и восстания.

Управление Палестиной. Британское правительство назначило верховного комиссара и главнокомандующего Палестины, подчиненного министру колоний. При нем был создан консультативный совет, в состав которого вошли 10 чиновников и 10 назначенных представителей местного населения (7 арабов и 3 еврея).

Страна была разделена на 6 округов во главе с окружными комиссарами, подчиненными верховному комиссару.

Трансиордания. Следует отметить, что и по сей день Палестина не имеет точных границ. Дело в том, что при дележе азиатских владений Турции Великобритании передана была по палестинскому мандату также и Трансиордания как часть Палестины. Но вслед за этим Трансиордания была искусственно отделена от Палестины и получила самостоятельное управление. В 1928 г. правитель Трансиордании был возведен в сан эмира, т. е. короля. 22 марта 1946 г. был подписан договор между эмиром Трансиордании и британским правительством, по которому Англия "завершила" свою миссию мандатария и предоставила "независимость" этому королевству. Фактически же Трансиордания продолжает оставаться под военной оккупацией, а ее король — под властью английского "советника".

"Приказ в Совете о Палестине 1922 г.". Через две недели после установления мандата на Палестину британский верховный комиссар издал "Органический закон Палестины", известный как "Приказ в Совете о Палестине 1922 г."[1]. Этот приказ с некоторыми последующими поправками действует и в настоящее время. Основное содержание его следующее.

Исполнительную власть осуществляет верховный комиссар, назначенный британским королем. "В помощь верховному комиссару будет иметься исполнительный совет", составленный по инструкции короля. Верховный комиссар действует под руководством министра по делам колоний.

Законодательную власть согласно ст. 17 осуществляет опять-таки верховный комиссар, который "будет иметь право и власть... обнародовать такие указы, которые могут быть необходимы для мира, порядка и хорошего управления в Палестине". "Никакие указы не будут обнародованы верховным комиссаром без заключения совещательного совета", а указы по вопросам, "особо предусмотренным условиями мандата, не будут обнародованы до тех пор, пока их проект не будет сообщен министру по делам колоний

[1] Конституции буржуазных стран. Т. III. М., 1936. С. 239—254.

и не будет одобрен им с изменениями или без них". Согласно ст. 17 и 27 английский король сохраняет за собой право вето на уже обнародованные верховным комиссаром указы в течение одного года.

Статьи 19, 20 и 21 предусматривают создание в Палестине вместо совещательного органа законодательного совета, в состав которого войдут верховный комиссар и 22 члена; из них 10 — назначенные верховным комиссаром чиновники, а остальные 12 — избранные от населения.

"Верховный комиссар может в любое время путем прокламации отсрочивать или распускать совет" (ст. 22).

Эта "конституция", или "органический закон", до сих пор, однако, не введена в действие полностью вследствие бойкота со стороны арабского населения, требующего самоуправления. Вся власть и по настоящее время сосредоточена в руках верховного комиссара, который сам назначает членов своего исполнительного совета. Закон, издаваемый верховным комиссаром, появляется в виде "ординанса" (декрета, постановления).

Важнейшими с точки зрения управления ординансами являются: 1) "Ординанс религиозных общин" 1926 г. и 2) "Ординанс муниципальных корпораций" 1934 г.

На основе первого "палестинское правительство" издало правила по организации еврейской общины. Правительство предоставляет еврейской общине некоторую автономию в вопросах культуры и религии. Главным еврейским религиозным авторитетом является раввинский совет, облеченный юрисдикцией по делам гражданского состояния. Светские органы правления — выборная ассамблея и подчиненный ей Генеральный совет (Ва'ад Леуми), имеющие ограниченные финансово-административные права. Генеральный совет признан как официальное представительство еврейской общины в ее сношениях с правительством. В местностях, где проживает не менее 30 евреев, создаются местные комитеты.

Дела иммиграции и создания "еврейского национального очага" взяло на себя с 1928 г. признанное палестинским и британским правительствами Еврейское агентство, состоящее, главным образом, из сионистов.

Религиозные дела мусульман контролируются Мусульманским верховным советом, ведающим также мусульманскими вакуфами (религиозно-общинным благотворительным имуществом) и судами шариата. Светским органом, представляющим арабские интересы, является Высший арабский исполнительный комитет, образованный блоком нескольких арабских партий Палестины.

Второй ординанс 1934 г. регулирует выборы в муниципалитеты и функции последних. В сельских местностях в управлении участвуют местные советы. Местные власти издают распоряжения лишь с согласия окружного комиссара.

Таким образом, народ Палестины лишен всякого самостоятельного участия в управлении своей страной. В 1935 г. была сделана попытка воскресить "законодательный совет", но без успеха.

Антиимпериалистическое движение в Палестине. С первого же дня своего господства над Палестиной британский империализм встретил упорное сопротивление арабов. Арабы, особенно их буржуазно-помещичьи элементы, объединившиеся под руководством Арабского исполнительного комитета, требовали прекращения еврейской колонизации и иммиграции, как и отмены британского мандата. Они выдвинули лозунг независимости страны и ее единства с другими арабскими территориями. С этими требованиями была отправлена в 1922 г. в Лондон комиссия Арабского исполнительного комитета.

С целью дальнейшего углубления национальной розни британское правительство продолжало поддерживать колонизацию Палестины еврейскими националистами, которые под видом создания в Палестине "еврейского национального очага", обещанного Бальфуром барону Ротшильду в 1917 г. ("Декларация Бальфура"), усердно скупают земли арабов, насаждают здесь крупное плантационное хозяйство, разлагая крестьянские общины и жестоко эксплуатируя трудящихся евреев и арабов без всякого различия национальностей.

Число иммигрантов с каждым годом увеличивалось, особенно после 30-х годов. Если в 1922 г. еврейского населения насчитывалось 83 790 человек, то в 1944 г. оно достигло 528 702 человека. В начале же 1947 г. эта цифра возросла до 600 000. Арабов в Палестине вдвое больше.

Приезжающие в Палестину трудящиеся евреи вместо обещанного им "национального очага" оказываются на плантациях сионистских капиталистов в такой же жестокой эксплуатации, как и арабские крестьяне и рабочие. Поэтому естественно стремление трудящихся арабов и евреев объединиться в общей борьбе против сионистских эксплуататоров и британских империалистов. Трудящиеся массы города и деревни без различия национальности выступали сообща против империалистического гнета. Коммунистическая партия, созданная в 1919 г. в условиях жестоких преследований, в 30-х годах и позже возглавляла движение рабочих и крестьян (евреев и арабов) в их борьбе против эксплуататоров.

Восстание арабов 1933 г. носило сугубо антиимпериалистический характер. Массовая борьба против англичан продолжалась и в последующие годы, а в 1936 г. достигла особого ожесточения. Специальная британская комиссия 1936 г. предложила план раздела Палестины на три части: английскую, еврейскую и арабскую. Ответом на этот "план" явился новый подъем национально-освободительного движения. Конференция, состоявшаяся в марте

1939 г. в Лондоне по палестинскому вопросу, не дала никаких положительных результатов.

Вторая мировая война ускорила ход событий. После войны Средний Восток, в том числе и Палестина, превратился в арену соперничества между английским и американским империализмом. США стремятся превратить арабские страны в свой рынок. Они взялись за постройку нефтепровода, который должен соединить Персидский залив со Средиземным морем через Саудовскую Аравию и Палестину.

Национально-освободительное движение в Палестине, не прекращавшееся все эти годы, с каждым днем усиливается. С конца 1945 г. Палестина входит в состав Лиги арабских стран. Затеянный Англией план создания "Великой Сирии", в состав которой вошли бы Сирия, Ливан, Трансиордания и часть Палестины под эгидой Великобритании, был встречен сопротивлением большинства арабов, требующих независимости Палестины.

Согласно ст. 77 Устава ООН Палестина является одной из тех стран, которые должны получить независимость или же перейти под опеку ООН. Однако когда Совет ООН по опеке весной 1946 г. рассматривал вопрос о судьбе подмандатных территорий, вопрос о Палестине остался открытым под тем предлогом, что англо-американская комиссия пока не закончила свою работу в Палестине.

Как потом стало известно, англо-американская комиссия высказалась против предоставления Палестине независимости. Палестина, как гласит решение этой комиссии, не должна представлять собой ни арабское, ни еврейское государство. А какое — об этом ничего определенного не сказано.

При обсуждении палестинского вопроса на специальной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 14 мая 1947 г. единственно правильную позицию занял представитель советской делегации, предложивший создать независимое двуединое демократическое арабско-еврейское государство.

Индия. "Конституция" 1919 года. Еще большей сложностью и напряженностью отличается положение в Индии. В первой мировой войне индийская буржуазия и ее партия Всеиндийский национальный конгресс помогали Великобритании. Индия была превращена в крупнейшую базу снабжения британских армий. Но вследствие этого развивалась местная индустрия, и индийская буржуазия обогащалась. Она усилила свои требования автономии. Народные же массы выдвигали революционные требования, направленные против империалистического гнета.

Великобритания вынуждена была пойти на "уступки", и имперская конференция 1917 г. решила в дальнейшем допустить Индию к участию в работах имперских конференций. Было высказано мнение о необходимости предоставить Индии статус доми-

ниона. Потребовалось, однако, еще два года ожесточенной политической борьбы, чтобы вырвать у Англии очередную, в сущности, незначительную, реформу.

То был период сильнейшего подъема в Индии национально-освободительного движения — отклик победоносной Великой Октябрьской социалистической революции. Британский империализм надеялся некоторыми уступками индийской буржуазии погасить пламя национально-освободительного движения. Такой уступкой была реформа, проведенная на основе проекта министра по делам Индии Монтегью и генерал-губернатора Индии Челмсфорда и опубликованная как "Акт британского парламента об Индии 1919 г.".

Была проведена более четкая демаркационная линия между центральным индийским правительством и правительством провинций. В компетенцию генерал-губернатора и его исполнительного совета не было внесено никаких изменений, изменения же, внесенные в провинциальное управление, сводились к тому, что в провинциях создавалась диархия, т. е. двоевластие, означавшее лишение губернатора части его власти и передачу ее "министрам", ответственным перед местной законодательной ассамблеей. Во главе провинции, как и раньше, стоял губернатор. Отрасли управления в каждой провинции были разделены на две группы: "резервированные" и "переданные". "Резервированные" — это отрасли, которые были сохранены за губернатором и его исполнительным комитетом (законодательство, полиция, общественный порядок, правосудие, земледелие и др.). За деятельность этих ведомств губернатор отвечал не перед местным законодательным органом, а лишь перед центральным правительством Индии и имперским правительством. "Переданными" означались те отрасли, которыми управляли "министры", назначенные губернатором из числа лидеров местного законодательного органа (образование, здравоохранение, акцизное управление и пр.). Высшим контрольным органом, впрочем, и здесь являлся губернатор.

Как видим, важнейшие отрасли правления оставались в руках губернатора и его чиновников. К тому же местный законодательный совет не располагал ответственными полномочиями. Около трети его членов назначались губернатором, остальные выбирались. Избирательными правами пользовалось 5 миллионов человек, т. е. 10—12% тогдашнего населения Британской Индии. Следует добавить, что губернатор, согласно "конституции", имел полномочия издавать декреты и вопреки воле законодательного совета. В этом случае требовалось лишь одобрение имперского правительства. Губернатор имел право отменять принятые законодательным советом постановления.

В центральном правительстве Индии не было и этой диархии. По "конституции" 1919 г. генерал-губернатор и его исполнительный совет продолжали оставаться носителями верховной и

нераздельной власти в Индии, ответственными только перед имперским парламентом. Поэтому созданные "конституцией" центральные законодательные органы — законодательное собрание (ассамблея) и государственный совет — не имели никакой власти над правительством, т. е. над генерал-губернатором и его исполнительным советом. Если принятый этими палатами закон, по мнению генерал-губернатора, затрагивал безопасность или спокойствие Британской Индии или какой-либо ее части, он мог приостановить действие этого закона, или наложить на него вето, или оставить его "на благоусмотрение его величества". С другой стороны, если внесенный генерал-губернатором законопроект отвергался, он все равно мог обнародовать его как закон. Нужно было только сообщить об этом имперскому правительству.

Нижняя палата (ассамблея) состояла из 144 членов, 31 из которых назначался правительством, а 103 избирались английской и индийской буржуазией и помещиками. Верхняя палата (государственный совет) состояла из 27 назначенных и 33 выборных членов. Для участия в этих выборах требовался высокий имущественный ценз. Поэтому в выборах в государственный совет могли участвовать лишь 17,5 тыс. человек, а в законодательное собрание — 909 тыс. человек.

Борьба Индии за независимость. "Конституция" 1919 г. была встречена в Индии бурей протеста, несмотря на то, что лидер Национального конгресса Ганди и другие конгрессисты предлагали сотрудничать с Великобританией для проведения реформ в жизнь. В 1920 г. во время сессии конгресса в Калькутте началось движение гражданского неповиновения. Бойкотировались все мероприятия правительства, даже проходившие в то время выборы в местные и центральные законодательные органы. Волнения продолжались и в 1921 г., причем индусы и мусульмане выступали единым фронтом с требованием самоуправления. Открывались национальные школы, устанавливались национальные суды.

В то время как народные массы все смелее поднимались на борьбу за независимость, крупная буржуазия открыто переходила на сторону Британской империи и в 1926 г. образовала *Национальную партию*, ограничивающую свои цели самоуправлением Индии в рамках Британской империи и сотрудничеством с англичанами.

Обеспечив себе поддержку крупной индийской буржуазии, британский империализм усилил репрессии против трудящихся масс. Но прогрессивные элементы Индии продолжали борьбу. В 1921 г. на сессии в Мадрасе конгресс под давлением левых элементов принял решение о том, что его конечной целью является "Пурна Сварадж", т. е. полная национальная независимость. Это решение не было поддержано правыми элементами (Ганди), которые в 1928 г. на конференции Национального конгресса предло-

жили проект реконструкции Индии как доминиона. Проект был принят конгрессом.

Комиссия Саймона 1928 г. В начале 1928 г. британское правительство отправило в Индию комиссию во главе с Саймоном для исследования обстановки в Индии и для выяснения вопроса о возможности организовать там ответственное правительство.

Все прогрессивные партии бойкотировали комиссию Саймона, состоявшую из одних англичан. Индийский народ поднялся на всеобщую забастовку. В Мадрасе полиция открыла огонь по толпе демонстрантов. Многие из брошенных в тюрьму объявили голодовку. Люди погибали в тюрьмах и на виселицах.

В ответ на зверства британских властей Национальный конгресс на съезде в Лахоре в 1928 г. принял решение добиваться полной независимости. Члены конгресса вышли из центральных и провинциальных законодательных органов. Был выдвинут лозунг о гражданском неповиновении, о неуплате налогов — на этот раз налога на соль.

В 1929 г. лидер Национального конгресса Неру объявил: "Для нас свобода означает конец британского господства. Я не верю, что статус доминиона даст нам реальную свободу".

Революционная борьба не прекращалась. В 1928 г. британское правительство усилило репрессии против революционных элементов и в первую очередь против коммунистов. В 1929 г. парламент принял закон о высылке из Индии всех коммунистов не индийской национальности.

В июне 1930 г. был опубликован доклад комиссии Саймона, в котором авторы предлагали предоставить провинциям Индии по возможности широкую автономию, создать вместо действовавшего тогда центрального правительства федеративную систему правления, в которую входили бы все части Индии, в том числе и индийские княжества.

Для обсуждения этого доклада и ряда других проектов британское правительство созвало три конференции "за круглым столом" в 1930, 1931 и 1933 гг.

Эти годы были временем резкого усиления волнений и ответных репрессий.

Организации Национального конгресса были объявлены нелегальными, и свыше 100 тысяч членов этой партии были посажены в тюрьму. Все имущество и денежные средства конгресса были конфискованы. Действие гражданского законодательства было приостановлено, и страна управлялась декретами генерал-губернатора.

В 1933 г. правительство Великобритании объявило проект новой конституции Индии, а 2 августа 1935 г. имперский парламент принял "Акт о правительственном строе Индии".

"Конституция" Индии 1935 г. регламентирует вопросы индийской федерации, губернаторских и главнокомиссарских про-

винций, законодательства, администрации, финансов, собственности, правосудия, гражданской службы и пр.

Для характеристики этой "конституции" приведем хотя бы содержание ст. 2—7: "Все права, вся власть и вся юрисдикция, принадлежавшие прежде его величеству королю, императору Индии..., осуществляются его величеством". "Генерал-губернатор Индии назначается его величеством". "Будет иметься главнокомандующий вооруженными силами его величества в Индии, назначаемый за собственноручной королевской подписью". Исполнительная власть вверяется генерал-губернатору, совету же министров предоставляются лишь совещательные права.

Законодательные органы Индии должны состоять из двух палат: верхней — государственный совет и нижней — ассамблея.

Государственный совет состоит из 104 представителей индийских княжеств и 156 — избранных крупной буржуазией Британской Индии (право голоса имеют лишь около 100 тыс. человек). Нижняя палата, ассамблея, состоит из 125 представителей индийских княжеств и 250 — от Британской Индии, причем они должны избираться не прямо населением, а провинциальными законодательными органами.

Таким образом, по "конституции" 1935 г. как исполнительная, так и законодательная власть в Индии принадлежит Великобритании и ее верным слугам, представителям индийской крупной буржуазии и помещиков. Как прежде, так и теперь военное дело, внешние сношения, руководство туземными княжествами, подавление революционного движения, "защита" меньшинства, т. е. разжигание национальной розни и сохранение диких кастовых пережитков, входят в "особые обязанности" генерал-губернатора, который правомочен когда угодно издавать любые указы, имеющие силу закона, приостанавливать частично или полностью действие "конституции" и т. д.

При всем этом "конституция" 1935 г. введена была в действие лишь в 1937 г. и то в незначительной своей части, а именно — в отношении выборов и функций провинциальных представительных собраний. Если по акту 1919 г. 3% населения провинций пользовались избирательными правами, то "конституция" 1935 г. распространила это право на 10% взрослого населения. На выборах в провинциальные ассамблеи в 1937 г. имели право участвовать 30 174 тыс. человек, в том числе 4255 тыс. женщин из имущих слоев общества.

Выборы в провинциях по "конституции" 1935 г. проходили следующим образом. В 11 провинциях в местные законодательные ассамблеи избирались 1585 человек. Выборы проходили не по территориальному принципу, а по куриям, созданным по признакам национальным, религиозным, кастовым, профессиональным и др. Женщины, например, голосовали отдельно от мужчин, при

этом женщины-европейки отдельно от женщин коренного населения. Европейцы, составлявшие меньшинство населения, имели больше мест, чем избиратели-туземцы, буржуазия и помещики располагали гораздо большим количеством мест, чем многомиллионный пролетариат.

После выборов 1937 г. были организованы провинциальные правительства. В восьми из одиннадцати провинциях абсолютное большинство мест в законодательных ассамблеях выиграли члены партии Национальный конгресс, а в трех — Мусульманская лига (в Бенгалии, Пенджабе и Синде). В шести провинциях министерство образовали конгрессисты, в трех — Мусульманская лига. Эти министерства действовали до начала второй мировой войны, т. е. всего два года.

Ко времени второй мировой войны вполне сформировались, кроме Национального конгресса, следующие важнейшие политические организации: Мусульманская лига, Хинду махасабха, Кисан сабха.

Мусульманская лига была организована еще в 1906 г. группой промышленников и землевладельцев мусульманского вероисповедания. До второй мировой войны Мусульманская лига в общем шла рука об руку с Национальным конгрессом. Но с 1934 г., когда президентом лиги стал Мохаммед Али Джинна, лига стала, не без подстрекательства со стороны англичан, резко противопоставлять себя Национальному конгрессу как чисто индусской организации. По мнению руководства Мусульманской лиги, индусы и мусульмане — разные нации. Поэтому лига выдвинула план раздела Индии на две части — на Хиндустан и Пакистан. Али Джинна не раз подчеркивал, что главным врагом мусульман является не Англия, а Национальный конгресс. Он категорически отказался от компромисса с последним и, в частности, от предложения Ганди о проведении плебисцита в областях с преобладанием мусульманского населения. Лозунг Пакистана привлек к лиге широкие мусульманские массы. Для мусульманской буржуазии Пакистан означает избавление от конкуренции более сильной экономически индусской буржуазии. Народные массы видят в Пакистане избавление от гнета индусских помещиков, предпринимателей и ростовщиков, захвативших главные экономические позиции в районах преобладания мусульман. Соперничество лиги и конгресса является самым больным местом национально-освободительного движения, облегчающим дело англичан. К этому, видимо, и стремятся реакционные лидеры лиги, тогда как рядовые ее члены вкладывают в лозунг Пакистана антиимпериалистическое содержание. Следует отметить, что многие демократически настроенные члены лиги не поддерживают идею сепаратизма.

Хинду махасабха — крайняя шовинистская партия крупной индусской буржуазии и землевладельцев, не соглашающаяся ни на какие уступки мусульманам.

Кисан сабха, т. е. союз крестьян, возник в борьбе крестьян против помещиков, ростовщиков и империалистов. В отдельных селах и деревнях стихийно возникли сельские комитеты, которые потом организовались в окружные и провинциальные союзы и, наконец, во Всеиндийскую кисан сабху. Они поддерживают внешнюю и внутреннюю политику Всеиндийского национального конгресса.

Новые английские обещания. Еще в 1938 г. Национальный конгресс принял решение не участвовать в предстоявшей войне, но, когда вспыхнула вторая мировая война, вице-король объявил Индию воюющей страной. В ответ на начавшееся гражданское неповиновение британские власти арестовали Ганди, Неру и десятки тысяч конгрессистов. Генерал-губернатор и губернаторы действовали диктаторски.

Когда японцы захватили Бирму и вплотную подошли к воротам Индии, британское правительство поспешило послать туда сэра Стаффорда Криппса с обещанием статуса доминиона. Все индийские партии отвергли очередной маневр британского правительства.

С окончанием войны национально-освободительное движение приняло в Индии особо острые формы. Этому способствовало резкое ухудшение экономического положения в стране, голод, унесший миллионы человеческих жизней, рост безработицы, дороговизна, вдвое увеличившая стоимость жизни рабочих, и т. д. В этих условиях прозрачные английские маневры превратили Индию в вулкан, который, по словам Неру, готов ежеминутно взорваться. Антианглийские демонстрации в Калькутте (1945 г.), баррикадные бои между населением и войсками в Бомбее (январь 1946 г.), забастовка 900 тысяч железнодорожников (июнь 1946 г.), всеобщая забастовка почтовых служащих и стачка солидарности с ними в Бомбее (июль 1946 г.), наконец, восстание индийских военных моряков и многие другие факты подтверждают слова Неру.

Английское правительство поняло: необходимы уступки, чтобы не потерять все. События в Индонезии и Вьетнаме толкали к действию. В 1945 г. лейбористы предложили Индии осуществить план Криппса. Теперь они несколько изменили свои предложения. В мае 1946 г. Англия опубликовала новые условия индийской "независимости".

Согласно этим условиям Индия должна превратиться в Индийский союз, составленный из автономных Британской Индии и княжеств. Во главе Союза будут стоять исполнительные и законодательные органы, созданные этими автономными провинциями. Последние будут иметь, в свою очередь, свои высшие органы с соответствующей компетенцией. Внутри Индийского союза провинции будут образовывать три зональных объединения по рели-

гиозному принципу. Этот план должен, по мысли англичан, рассмотреть и принять учредительный орган, избранный провинциальными законодательными собраниями. Княжества, где таких собраний нет, будут иметь своих представителей, назначенных иным образом, но, во всяком случае, таким, который позволил бы англичанам опираться на них.

Мусульманская лига, вначале было согласившаяся с этим планом, отказалась затем от участия как в учредительном органе, так и во временном правительстве, которое англичане предложили создать на период, предшествующий утверждению учредительным органом индийской конституции. Что касается Национального конгресса, то он вначале отказался от участия в таком правительстве, но затем, когда ему было предложено сформировать правительство, согласился на это.

Отношение индийской компартии к английскому плану было недвусмысленно выражено в специальном решении Центрального Комитета: компартия будет "разоблачать план внутри и вне законодательного собрания, как маневр, преследующий цель подавить растущее движение масс, расколоть национально-освободительное движение и увековечить империалистическое господство в новой форме".

Английские обещания и действительность. В конце 1946 г. лидер Национального конгресса Джавахарлал Неру возглавил правительство Индии, т. е. исполнительный совет вице-короля. Он считается заместителем председателя правительства, поскольку председателем считается вице-король. Вместе с ним в правительство вошли шесть лидеров конгресса; пять мест было отдано мусульманам. В связи с отказом Мусульманской лиги участвовать в правительстве три места были заполнены мусульманами — не членами лиги.

Образование правительства Неру далеко еще не означает новой эры в истории индийского народа. Мало что изменилось в том, что касается управления индийским народом.

Верховной властью над Индией по-прежнему облечен король Великобритании, император Индии. По-прежнему он назначает генерал-губернатора (он же вице-король) Индии и губернаторов провинций Британской Индии.

Генерал-губернатор подчиняется министру по делам Индии, а губернаторы — как генерал-губернатору, так и в отдельных случаях министру по делам Индии.

Генерал-губернатор является главой правительства Индии управляющим Британской Индией. Он же в качестве политического советника поддерживает связь между британской короной и индийскими княжествами. Таким образом, вице-король в качестве генерал-губернатора управляет Британской Индией, а в качестве политического советника — индийскими княжествами.

Правительство Индии есть не что иное, как исполнительный совет во главе с генерал-губернатором.

Из 15 членов правительства 11 являются индийцами. Они хотя и составляют большинство в правительстве, однако бессильны против вице-короля, который по "закону" имеет правомочие не считаться с мнением большинства "своего" правительства. Кроме этого, главнокомандующий и министры внутренних дел, финансов и военный являются обязательно англичанами.

Во главе провинциальных правительств, так же, как и раньше, стоит губернатор, или "главный комиссар", который, согласно "конституции" 1935 г., управляет провинцией, "консультируясь" с советом министров провинции, ответственным перед законодательной ассамблеей. Однако губернатор имеет право не считаться с мнением министров по вопросам о "сохранности мира и спокойствия" и пр. Он может издавать законы, "если законодательный орган отказывается действовать" так, как угодно губернатору.

В княжествах Индии Англия осуществляет свою власть через политический департамент, во главе которого стоит тот же генерал-губернатор в качестве политического советника. Княжества связаны не с индийским правительством, а с британской короной через политический департамент и министра по делам Индии.

Таким образом, Англия не только не "ушла" из Индии, но, как видно, и не собирается оставлять эту страну, обогащавшую ее финансовых, промышленных и парламентских воротил.

Лейбористское правительство лихорадочно ищет приемлемого для британских империалистов выхода из индийского тупика, и лидеры индусской и мусульманской буржуазии, по-видимому, идут ему навстречу.

Летом 1947 г. принято решение о разделе Индии на две части: Хиндустан и Пакистан. Княжества остаются вне этих объединений. В разделенной и, следовательно, по-новому ослабленной Индии англичане собираются властвовать по-прежнему с опорой на феодальные княжества.

Египет. Отношения с Египтом со времени первой мировой войны значительно изменились. В 1914 г. Великобритания объявила о своем протекторате над этой частью бывшей Оттоманской империи. В 1922 г. английское правительство отказалось от протектората и признало независимость Египта, сохранив, однако, за собой право вооруженной защиты коммуникаций, идущих через Египет. Практически это означало, что английские войска продолжают оккупацию Египта и английские "советники" господствуют в гражданском управлении. В 1923 г. Конституция Египта установила конституционную монархию с королем, двухпалатным парламентом и ответственным кабинетом, но главную роль во внутренней и внешней политике играл по-прежнему английский по-

сол. В 1936 г. новый англо-египетский договор, заменивший договор 1922 г., подтвердил право Англии защищать Египет от военного нападения, содержать войска в зоне Суэцкого канала (т. е. на территории Египта) и участвовать вместе с Египтом в управлении Суданом ("Англо-Египетский Судан"), что практически отдавало в руки Великобритании контроль над течением Нила и, следовательно, над всем хозяйством Египта.

После второй мировой войны, в ответ на расширяющееся национально-освободительное движение в Египте, лейбористское правительство предприняло сложные маневры, цель которых — сохранить под видом нового договора старую зависимость Египта от Великобритании.

Глава 17. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ В 1917—1947 гг.

§ 1. Политические партии

Демократы. Со времени первой мировой войны в жизни и в отношениях главных американских партий происходят медленные, но глубокие изменения, корни которых были заложены в конце XIX в. Ни республиканцы, ни демократы никогда не отличались последовательностью в своей политике. Напротив, пестрота социального состава делала каждую партию ареной борьбы противоречивых интересов.

Территориальной базой демократов всегда был юг. Плантаторская и промышленная буржуазия юга, поддерживающая демократов, была и остается заинтересованной в порабощении и эксплуатации негритянского населения, составляющего большинство в некоторых южных штатах. Демократы, партия, традиционно сильная на юге со времени гражданской войны, всегда поддерживала здесь политику преследования негров, допускавшую все средства насилия — от устранения негров от выборов посредством нарочито создаваемых избирательных ограничений до убийств и линчеваний. Здесь, на юге, демократы всегда раздували расовый конфликт и отодвигали с его помощью классовую борьбу на второй план.

Но югом область их распространения не ограничивалась. Они вербовали сторонников и среди бедноты индустриальных городов северо-востока, и среди фермерского населения запада, разоряемого крупным капиталом. Они объединяли под своим знаменем недовольных режимом республиканской партии, улавливая их демогогией фразеров, пленительными, но, в сущности, малосодержательными, не рассчитанными на исполнение лозунгами своих избирательных платформ. Редко оказываясь во главе федерального правительства, они, однако, задавали тон в ряде штатов, держа здесь в своих руках выборные и невыборные посты, легислатуры, муниципальные аппараты графств и городов.

Эти особенности подготовили издалека их внезапную и сокрушительную победу в 1932 г.

Республиканцы. Среди республиканцев заметны были и до и после первой мировой войны не менее крупные противоречия. Обосновавшись раз и навсегда на службе у крупного капитала, улавливавшего в свою орбиту фермерство и обмещанившуюся верхушку пролетариата, они с давних пор включили в свою программу

защиту сильной центральной власти, способной отстаивать систему покровительственных тарифов, "изолирующих" Соединенные Штаты экономически от остального мира, а во внешней политике — систему империалистических захватов.

Ленин был глубоко прав, когда по поводу выборов президента в 1912 г. говорил: "После освобождения негров разница между той и другой партией становилась все меньше. Борьба этих партий велась преимущественно из-за вопроса о большей или меньшей высоте таможенных пошлин"[1].

Однако высокие цены на продукты промышленности и низкие на произведения сельского хозяйства то и дело вызывали возмущение фермерских масс, и это выражалось в усилении левого "радикального" крыла партии — "прогрессивных республиканцев". В начале XX в. к тому же настает конец многолетней политической пассивности американского пролетариата. На президентских выборах 1912 г. подъем рабочего движения сказался резким усилением стачечной борьбы. Республиканская партия раскололась, и в этот момент победили, как и следовало ожидать, демократы. Их лидер Вудро Вильсон стал Президентом.

Возвышение и падение демократов. Правление демократов, однако, показало совершенно ясно, что и демократическая партия успела с конца XIX в. стать партией крупного капитала. Став Президентом, Вильсон усердно расширял владения Соединенных Штатов в Латинской Америке (военные экспедиции в Гаити, С. Доминго, в Мексику). Он также непримиримо, как и республиканцы, относился к рабочим организациям, к требованиям пролетариата, к забастовщикам. В 1916 г., будучи вновь избран Президентом, в чем немалую роль сыграла надежда массового избирателя на то, что Вильсон удержит Соединенные Штаты от вступления и империалистическую войну, он именно и вовлек Соединенные Штаты в эту войну на стороне Антанты. Этого требовал от Вильсона крупный капитал, к тому времени вполне распространивший свой контроль и на демократов, которые превратились в своеобразную агентуру крупного капитала в массах фермеров, городской мелкой буржуазии и некоторой части рабочих, исстари воображавших, что демократы защищают интересы "маленького человека" перед алчными трестовиками и миллиардерами.

В президентство демократа Вильсона рабочие деятели Муни и Биллингс попали на всю жизнь в тюрьму по совершенно ложному обвинению. Реакция развертывалась вовсю. В штатах свирепствовали антирабочие законы. Выборы конгресса в 1918 г., когда большинство получили республиканцы, должны были служить предостережением демократам. Но что они могли сделать?

---

[1] *Ленин В. И.* Итоги и значение президентских выборов в Америке. Соч. Т. XVI. С. 190.

Участием Соединенных Штатов в войне и победой Антанты демократы подготовили свой собственный последующий крах и возрождение политического могущества республиканцев — своих вековечных соперников.

Годы первой мировой войны были временем бурного развития промышленности Соединенных Штатов, колоссального расширения внешнеторговых связей, роста "национального богатства". Но это как раз и означало прогрессирующее обеднение трудящихся масс. Соединенные Штаты разбогатели необычайно, но известно, что в условиях капитализма национальное богатство тождественно с народной нищетой. Реальная заработная плата падала, уровень жизни американского рабочего снижался против довоенного. 1919—1920-е годы были годами мощного роста стачек. Но это было политическим приговором демократической партии, которая в глазах своих массовых приверженцев оказалась обыкновенной республиканской вороной в демократических перьях.

На президентских выборах 1920 г. демократический кандидат провалился. Республиканцы вновь и надолго пришли к власти. Возвышение демократов оказалось непрочным.

Республиканцы опять у власти. Президент Гардинг, который в юности был лесорубом, наборщиком, потом страховым агентом, наконец, партийным профессионалом республиканской партии, оказался самым преданным слугой крупного капитала, глубоко погрязшим со своими друзьями в аферах уголовного характера. Он внезапно и загадочно умер (1923 г.) как раз тогда, когда расследования обещали вскрыть особенно интересные подвиги Президента в качестве предводителя спекулянтов, взяточников, расхитителей казны. Его заместителем на президентском посту оказался вице-президент Кулидж, личность незначительная, бесцветная и молчаливая, которому, однако, республиканская партия обеспечила победу на очередных выборах 1924 г.

В том, что в президентство Кальвина Кулиджа (1925—1929 гг.) экономический кризис 20-х годов сменился высокой конъюнктурой и наступила полоса хваленого процветания ("просперити"), Президент был нисколько не повинен. К этому "процветанию" рабочие массы и фермеры тоже не имели никакого отношения. Фермеры разорялись, бросали свои земли, уходили в города. Безработица росла, становилась хронической. Пролетариат бурно волновался. Приближались страшные удары всеобщего экономического кризиса капитализма. Но в 1928 г. на очередных выборах республиканец Гувер — делец, крупный капиталист, банкир, реакционер — клялся перед избирателями, что он продолжит и расширит "просперити". Поддержанный банками и трестами, Герберт Гувер сделался Президентом (1929—1933 гг.).

Но тут же республиканская партия стала тонуть в пучине самого ужасного экономического кризиса, какой когда-либо виде-

ли Соединенные Штаты. Он длился все время президентства Гувера. Он свирепствовал во всех областях хозяйства. Он понизил наполовину промышленную продукцию. Крупный капитал, монополии страдали мало, напротив, в некоторых отраслях они усиливались, но рабочий класс и фермеры были охвачены безработицей, голодом, нищетой, размеры которых все росли, вызывали все большее возмущение, переходившее в политическую борьбу, принимавшую революционный характер.

В период своего президентства Гувер ассигновал многие миллионы долларов на спасение банков и трестов, по которым ударил кризис. Но он почти ничего не делал для помощи рабочим и фермерам, а то, что был вынужден делать, никаких осязаемых результатов не давало.

Демократы опять у власти. К президентским выборам 1932 г. положение было очень ясным. Десятилетнее без перерыва господство республиканцев завершилось жесточайшим экономическим кризисом. В глазах избирателей в кризисе виновата была прежде всего правящая партия. Широчайшие круги сторонников республиканцев отшатнулись от них, приведенные в панику ужасающими размерами экономического бедствия. Это осветило выгодным светом демократов, не замедливших удесятерить свой оппозиционный по отношению к республиканцам пыл. Главенствующая плутократия Нью-Йорка, пресловутый Уолл-стрит, улица банковских королей, не сочла нужным компрометировать себя поддержкой обанкротившихся республиканцев. Она имела все основания надеяться, что демократы, даже решительнее республиканцев, вступят на путь государственной помощи трестам и банкам, потерпевшим от кризиса. Как раз старые демагогические замашки демократов подсказывали им теперь современные лозунги "государственного контроля" над биржей и трестами, что представляло собой хорошую приманку для массовых избирателей, но не страшило богачей. Демократы ловко использовали и возмущение многих миллионов безработных, и отчаяние разоренных фермеров, и общее разочарование всех слоев в республиканцах. Учитывая все это, решающие круги плутократии предпочли, как они это делали и раньше, "пересесть" с республиканской партии на демократическую, не предвидя от этого никаких для себя неудобств.

Они, однако, во многом просчитались.

Очень скоро после прихода демократов к власти оказалось, что американский пролетариат сильно изменился в своих политических настроениях и тактике, что его очень многому научила мужественная борьба американской компартии, что он умеет теперь смыкаться с фермерами, со всем, что есть прогрессивного в массах населения, и что массы эти не допустят теперь, чтобы их избирательными бюллетенями играли по-старому политические спекулянты.

Первое президентство Рузвельта и попытки социальных реформ. Новый Президент Франклин Рузвельт развернул чрезвычайно внушительную программу спасения капиталистов, заглатываемых пучиной кризиса. Но не минуло и двух лет, как обнаружилось, что массовый избиратель, давший демократам победу в 42 штатах из 48, не только ждет, но и требует себе помощи государства. Помощь фермерам, в отчаянии бросающим фермы, безработным, гибнущим от голода, работающим, изнемогающим под игом предпринимателей, многим миллионам обнищавших, опустившихся, деморализованных, грозящих Америке взрывом возмущения — вот о чем совершенно внятно осмелился говорить Рузвельт и в своих посланиях конгрессу, и по радио, и в речах на разных съездах. Он пошел дальше словесных реформ, чего, может быть, Уолл-стрит и не ожидал. Он объявил "новый курс" экономической политики и перешел к широкому "регулированию" хозяйственной жизни. Закон "о национальной администрации восстановления промышленности" стремился подчинить капиталистическое хозяйство некоторому плану и общим нормам. Так называемые кодексы "честной конкуренции" пытались урегулировать отношения между трудом и капиталом, установить минимум заработной платы, определенную рабочую неделю. Официальное признание получили профсоюзы и коллективные договоры. "Федеральная администрация чрезвычайной помощи" раздавала пособия нуждающимся, организовала общественные работы. Длинный ряд других "администраций" стремился оказать помощь фермерам и другим слоям нуждающегося населения. Лидер демократов Франклин Рузвельт, придя к власти голосами фермеров, городской мелкой буржуазии, рабочих, попытался рядом, в сущности, скромных, но конкретных мер оплатить хотя некоторые из векселей, которые он и его партия щедро раздавали трудящимся во время избирательной кампании. Правда, Рузвельт делал это как честный и последовательный буржуазный демократ.

Когда весной 1933 г. кризис пошел на убыль, сменившись депрессией, а потом некоторым оживлением, капиталистические организации стали явно выступать против всех президентских попыток "планового хозяйства", против всех попыток рвать со "здоровым индивидуализмом", т. е. со свободой спекуляции, эксплуатации, с анархией производства. А без этого не могло быть и организованной помощи массам, страдавшим не только от кризиса, но, главным образом, от всей неупорядоченности и стихийности капиталистического хозяйства.

Капитал решил отделаться от уже ненужной ему и стеснительной для него опеки, созданной Рузвельтом, и в этом капиталу оказал весьма эффективную помощь Верховный суд Соединенных Штатов, когда в 1935—1936 гг. объявил основные мероприятия и учреждения, созданные согласно закону о "национальной адми-

нистрации", не соответствующими Конституции со всеми последствиями такого решения. Капитал решил устранить руками пяти реакционных (республиканских) членов Верховного суда созданную Рузвельтом систему, пока Рузвельт не успел воспользоваться своими полномочиями для того, чтобы сделать что-либо значительное для обездоленных масс. Финансовая олигархия потребовала от Рузвельта не только прекращения попыток "направлять" биржу, банки, промышленность, но и свертывания общественных работ, обходившихся казне в несколько миллиардов долларов, и отказа от социального законодательства в виде официального признания профсоюзов и коллективных договоров. И если это "социальное" законодательство удалось спасти, то только потому, что в конгрессе 1935 г. был проведен так называемый "закон Вагнера" о трудовых взаимоотношениях между рабочими и предпринимателями, закон, с которым предприниматели в дальнейшем практически считались довольно мало[1].

Второе президентство Рузвельта. Новый водораздел между партиями. В этой обстановке произошли очередные президентские выборы 1936 г. Рузвельту и его партии на этих выборах была обеспечена поддержка многих миллионов противников крайней реакции, увидевших опасность, которая грозила основам американской буржуазной демократии. И хотя Рузвельт имел против себя 70% прессы, хотя против него вооружились многие из могущественных воротил демократической же партии, он тем не менее одержал полную победу. Все усилия республиканцев вернуть себе голоса фермеров центрального запада, испокон веков выступавших на стороне республиканцев, не привели ни к чему. Только в двух крайних северо-восточных штатах одержал верх республиканский кандидат, где и получил 8 выборщиков. Рузвельт победил в 46 штатах из 48.

Победа убедила Рузвельта в том, что взятая им линия обеспечивает ему весьма многочисленную и сплоченную массу избирателей. В начале 1938 г. Рузвельт обратился к конгрессу с посланием, в котором объявил, что "одна треть населения Соединенных Штатов плохо питается, плохо одевается и живет в плохих помещениях". Он потребовал от конгресса принятия ряда законов, регулирующих рабочее время и заработную плату. Он не мог, однако, рассчитывать на полную поддержку конгресса в этих начинаниях: хотя демократы имели большинство в обеих палатах конгресса, но довольно явственно наметился уже тогда блок реакционной части демократов с республиканским меньшинством кон-

[1] Закон Вагнера (1935 г.) разрешал организацию профсоюзов, признал за рабочими право на заключение коллективных договоров, запретил предпринимателям прибегать к репрессиям за участие рабочих в профессиональном движении и т. п.

гресса. И предложение Рузвельта о реформе Верховного суда (т. е. о предоставлении Президенту права назначать новых членов суда сверх обычных 9), что немедленно привело бы к перевесу сторонников Рузвельта в Верховном суде и без проволочек разоружило бы эту твердыню антирузвельтской реакции, было сенатом отклонено. Отвергнуты были и некоторые другие предложения Рузвельта (среди них требование о предоставлении ему полномочий для перестройки правительственного аппарата без испрашивания всякий раз специального разрешения конгресса).

Решением конгресса было учреждено специальное Бюро по вопросам труда, обязанное следить за соблюдением законов о труде. Это Бюро — одно из тех полуадминистративных, полусудебных, полузаконодательных учреждений, которые стали создаваться конгрессом с конца XIX в., — вынесло несколько решений, неблагоприятных для трестов, особенно нагло нарушавших закон Вагнера, увольнявших рабочих за принадлежность к профсоюзам, применявших локауты, шпионаж на предприятиях, террористические акты против рабочих и пр. и пр.

На выборах конгресса 1938 г. политический водораздел проходил не между республиканцами и демократами, как это всегда было за последние сто лет, а между сторонниками реакции и сторонниками прогресса, имеющимися в каждой из этих двух партий. Реакция мобилизовала все силы и укрепила свои позиции в конгрессе. Республиканцы почти удвоили свои мандаты в палате представителей и выиграли 8 мест в сенате. В палате представителей оказалось 170 республиканцев против 262 демократов; в сенате — 23 против 69. Но дело было не в этом номинальном распределении мест, а в том, что республиканцы и демократы перемешались — они были и в лагере реакции, и в лагере прогресса. Партийные организаторы демократов во многих случаях направляли своих избирателей против демократических кандидатов, призывая их отдавать голоса республиканцам. Лидеры республиканцев предпочитали в иных случаях поддержать реакционера-демократа, чем прогрессиста-республиканца.

Внешняя политика Рузвельта. Твердо став в положение лидера и главы американской буржуазной демократии, Рузвельт вел последовательно прогрессивную внешнюю политику. Свое вступление в президентскую должность в 1933 г. он ознаменовал важным актом внешней политики: Соединенные Штаты, наконец, признали де-юре СССР, и в ноябре 1934 г. были восстановлены дипломатические отношения с Советским Союзом, прерванные, как известно, в связи с интервенцией Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, на Советском Севере (Архангельск) и в Сибири в 1918 г.

С началом второй мировой войны, т. е. с 1939 г., Рузвельт все решительнее выступает на стороне антифашистского блока, и хотя

3 сентября 1939 г. Соединенные Штаты официально объявили о своем нейтралитете, но соблюсти этот нейтралитет не позволяла Рузвельту его линия на защиту прогресса и демократии против фашизма. В том же году конгресс разрешил продажу оружия воюющим сторонам, что, как показало ближайшее будущее, было гораздо больше в интересах Великобритании, чем Германии, Японии, Италии.

Осенью 1940 г. Соединенные Штаты стали готовиться к войне на стороне Великобритании. Рузвельт провел колоссальную программу производства вооружений, осуществил в законодательном порядке всеобщую воинскую повинность (до вступления Соединенных Штатов в войну), расширил снабжение Великобритании бомбардировщиками и тем самым как бы принял весьма эффективное участие в "битве за Англию" на стороне Англии.

Третье президентство Рузвельта и вступление Соединенных Штатов в войну. В этой обстановке произошло совершенно исключительное в политической истории Соединенных Штатов событие: в 1940 г. президентская кандидатура Рузвельта была выставлена в третий раз, чего, как известно, не было со времени возникновения Соединенных Штатов как государства. И Рузвельт был избран. Это означало беспримерное укрепление его позиций, признание народом Соединенных Штатов, что в жертву Рузвельту как вождю могут быть принесены самые "священные" исторические традиции Соединенных Штатов.

Линия Рузвельта укрепилась и стала еще яснее с момента вероломного нападения фашистской Германии на СССР. В течение 1941 г. Рузвельт рядом актов и обращений выразил готовность помочь СССР и осуществил соответствующие меры.

В декабре 1941 г. предательское, без объявления войны нападение Японии на Гавайские острова вызвало вступление Соединенных Штатов в войну против Германии, Италии, Японии.

Чтобы выиграть войну — великую войну демократии, цивилизации и прогресса против бесчеловечности и варварства фашизма, — Рузвельт запроектировал и осуществил при поддержке всех передовых слоев Соединенных Штатов гигантскую военную, производственную и политическую программу. И когда еще до окончания войны, но уже при определившемся перевесе союзников произошли очередные президентские выборы 1944 г., Рузвельт был избран Президентом в четвертый раз. Выборы конгресса этого года дали демократам в палате представителей 243 мандата, республиканцам — 190; в сенате соответственно — 57 и 38.

Трумен ликвидирует наследие Рузвельта. 12 апреля 1945 г. смерть оборвала плодотворную деятельность величайшего из американских президентов. В должность Президента вступил вице-президент Трумен. С первых же шагов он отступил от заветов Рузвельта, хотя на словах объявлял при всяком случае свою солидарность с ним.

Трумен довольно быстро вывел из правительства всех старых сотрудников и помощников Рузвельта (например, министра торговли, последовательного демократа Уоэллеса), заменив их завзятыми реакционерами. Он решительно пошел навстречу необычайно усилившимся после войны американским монополиям, требующим наступления на рабочие массы и империалистической внешней политики. Под их нажимом он отменил один за другим почти все законы, устанавливавшие контроль над промышленностью, над ценами, над заработной платой. Наступление на рабочий класс приняло самые резкие формы: для борьбы с растущей стачечной борьбой конгресс принял антирабочий "закон Кейза", значительно урезывавший право на забастовки и отменявший многие другие, признанные со времен Рузвельта, права профсоюзов. Даже реакционер Грин, председатель Американской федерации труда (АФТ), выразился о "законе Кейза" как о "мстительном истерическом законодательстве наихудшего типа". Тогда Трумен предпринял довольно неуклюжий маневр: он наложил вето на законопроект Кейза, но предложил законопроект, устанавливавший принудительный арбитраж. Законопроект этот прошел в конгрессе с некоторым смягчением (исключен был предложенный Труменом параграф о мобилизации на военную службу стачечников с предприятий, подчиненных правительственному контролю).

Политические результаты политики Трумена сказались быстро: на выборах конгресса в ноябре 1946 г. республиканцы взяли решительный верх над демократами, получив в палате представителей 246 мест из 435, а в сенате — 51 из 96.

Теперь Трумен, не имея партийного большинства в конгрессе, должен либо плыть в фарватере республиканцев, что значит погубить демократическую партию, либо обречь себя на бездействие.

В создавшейся обстановке Трумен обратился 8 января 1947 г. к республиканскому конгрессу с посланием, где запоздало берет рузвельтовский тон защиты интересов народа перед капиталом, отмечая, что за вторую половину 1946 г. покупательная способность народа снизилась, реальная заработная плата упала, прибыли же "корпораций", доходы от капиталовложений и от арендной платы резко поднялись.

Какое дело до всего этого республиканскому конгрессу, притом такому, в котором тон задают несомненные реакционеры?

Летом 1947 г. конгресс принял антирабочий законопроект Тафта-Хартли, делающий почти невозможной всякую стачечную борьбу рабочих. Законопроект прошел вопреки вето Трумена, который не принял никаких мер, чтобы сделать свое вето эффективным.

Внешняя политика Трумена. Во внешней политике Трумен выступает верным оруженосцем реакции. В 1947 г. он провел через конгресс закон о "помощи" Греции и Турции, который дает

ему возможность открыто вооружать и всячески вообще поддерживать фашистскую реакцию в этих странах. В своих официальных и неофициальных выступлениях он не скупится на разного рода обвинения по адресу государств новой демократии.

Социалистическая партия. Как мы уже знаем, в связи с ростом рабочего движения американская социалистическая партия сделала в конце XIX и в начале XX в. некоторые успехи. Однако к началу первой мировой войны вполне выявилась губительная роль оппортунистических лидеров этой партии, тесно связавшихся с лидерами верхушечной профсоюзной организации АФТ. Гомперс, происходивший из английской иммигрантской семьи, возглавивший АФТ вскоре после ее возникновения в 80-х годах XIX в. и остававшийся во главе ее до своей смерти (в 1924 г.), сделал все, чтобы привить американскому рабочему движению худшие черты английского тред-юнионизма. Его преемник Грин твердо продолжает эту линию.

Американская социалистическая партия возникла в самом конце XIX в. Ее влияние среди рабочих, сначала значительное, затем падало: ее президентский кандидат на выборах в 1912 г. получил около 900 тыс. голосов, в 1916 г. около 500 тыс., в 1920 г. около 900 тыс., в 1928 г. около 140 тыс., в 1932 т. около 900 тыс., в 1936 г. только 200 тыс. голосов. Падало и число ее организованных членов, редко превышавшее после первой мировой войны 10 тыс. Она все дальше, в лице своих лидеров, отходит от социалистической платформы, все теснее смыкается с реакционным руководством АФТ, все решительнее выступает против единого фронта с компартией Соединенных Штатов. Грин, руководитель АФТ, и Томас, лидер социалистической партии, идут рука об руку в своей ненависти к коммунистам, в услугах республиканцам и правым демократам. В самом начале 40-х годов Грин адресовал письмо всем тред-юнионам АФТ с предложением исключать из тред-юнионов и впредь не принимать членов компартии или хотя бы сочувствующих ей.

Боевые организации реакции. Рядом со старыми организациями реакции, вроде ку-клукс-клана и других, после первой мировой войны для активной борьбы с усилившимся революционным движением появились новые: “Америка прежде всего”, фашистские и полуфашистские организации вроде “серебряных рубашек”, “черных легионеров”, “виджилянтов” или “бодрствующих”, “стражей” и т. п. Они выступают помощниками реакционных лидеров американского социализма в их борьбе с революционными рабочими.

Коммунистическая партия. Единственным боевым авангардом американского пролетариата является Коммунистическая партия Америки. Она возникла в сентябре 1919 г. Ее основой послужила левая часть социалистической партии. До зимы 1921 г. па-

раллельно существовали левые рабочие политические организации, которые, впрочем, жестоким террором правительства загнаны были в подполье. Только в 1923 г. была создана единая рабочая партия, называющаяся с 1928 г. Коммунистической партией Америки. С 1924 г. выходит газета компартии "Daily Worker", пользующаяся заслуженной славой борца за интересы рабочих. В стачечных боях американская компартия играет роль испытанного друга, вождя и защитника масс. Деятельности партии сильно мешала внутрипартийная борьба. Правые элементы в компартии твердили об "исключительности американского капитализма", о вечности "процветания". Они тесно смыкались в рабочем движении Америки с троцкистами — врагами социализма и рабочего класса, слугами реакции. Но для американских рабочих скоро стала ясна антирабочая и контрреволюционная суть теории об "американской исключительности".

Фракционной борьбе в американской компартии был положен конец исключением из партии правых. Дальнейшие годы были временем большого роста партии. Если в 1932 г. партия насчитывала не более 18 тыс. членов, то к 1940 г. число это возросло до 90 тыс. Во время второй мировой войны компартия действовала как авангард наиболее передовых прогрессивных общественных сил Америки, возглавляя борьбу против всех профашистских групп и тенденций. Это было необходимо. Но на пути сотрудничества с буржуазными и мелкобуржуазными демократами и прогрессистами лидер партии Браудер стал склоняться к политике ликвидации самостоятельной компартии. Под его влиянием в 1944 г. было объявлено об упразднении компартии и о создании вместо нее "коммунистической политической ассоциации" как "беспартийной организации" с "опорой на рабочий класс". Все это было в высшей степени неопределенно, расплывчато и глубоко ошибочно. Но массы передовых американских рабочих восстановили свою партию и исправили ошибки руководства. На съезде компартии (1945 г.) состоялось решение о восстановлении коммунистической партии и о принятии нового устава взамен принятого X съездом в 1938 г., где компартия выставлялась простой продолжательницей традиций Пейна, Джефферсона и Линкольна, т. е. придатком буржуазной демократии.

Новый устав характеризует партию как партию рабочего класса, как партию марксистскую, защищающую интересы трудящихся против эксплуататоров и реакционеров. Новое руководство партии возглавляется Фостером (председатель партии) и Деннисом (генеральный секретарь).

В 1947 т. против компартии был открыт широкий поход. Пресловутая комиссия палаты представителей "по расследованию антиамериканской деятельности" привлекла к суду Денниса за его справедливый и мужественный отказ давать ей показания. Суд

приговорил Денниса к максимальному наказанию — годичному тюремному заключению и штрафу в тысячу долларов.

Новые моменты в тред-юнионистском движении. В значительной мере под влиянием компартии и организуемых ею рабочих возникает в 30-х годах текущего столетия движение за реорганизацию тред-юнионов на новой, производственной основе. Так создается в 1938 г. второй профсоюзный центр — Комитет, а потом Конгресс производственных профсоюзов. Профсоюзы, входящие в АФТ, — это по большей части все еще цеховые профсоюзы, в которые к тому же закрыт доступ неквалифицированным, необученным рабочим. Профсоюзы же КПП построены все на производственной основе, объединяя рабочих одного производства, по предприятиям, невзирая на профессию и на квалификацию. Движение производственных профсоюзов росло с необычайной силой. В 1939 г. число рабочих, объединенных в производственных профсоюзах, превышало число рабочих АФТ и достигло 4 млн человек.

Во время второй мировой войны исполинская производственная программа, развернутая Рузвельтом, сказалась необычайным приливом рабочих в профсоюзные организации — АФТ и КПП. К концу 1944 г. АФТ насчитывала около 7 млн членов, но это не внесло изменений в оппортунистическую, антирабочую, контрреволюционную тактику руководящей верхушки. Число же членов КПП к этому времени составляло около 6 млн и продолжало расти.

Компартия Америки неоднократно выступала с предложениями положить конец расколу профсоюзного движения в Соединенных Штатах, но всякий раз эти предложения наталкивались на совершенно неприемлемые условия, которые ставили руководители АФТ. АФТ не хочет единства. Когда по окончании второй мировой войны профсоюзы 50 государств создали Всемирную федерацию профсоюзов, объединяющую 70-миллионную массу организованных рабочих мира, АФТ, в отличие от КПП, отказалась принять участие в этом объединении.

§ 2. Государственный строй

Конституционные поправки. Общие замечания. Известное значение в развитии государственного строя Соединенных Штатов со времени первой мировой войны имеют поправки, внесенные в Конституцию в период между двумя мировыми войнами.

В сравнительно небольшой промежуток времени — с 1919 по 1932 г. — Конституция восприняла четыре поправки. Напомним, что история американской Конституции как документа показывает, что изменения вносились в нее обычно после бурных и важных событий. Так, первые десять поправок внесены были в 1791 г. после победоносного окончания войны за независимость, одиннадцатая — тогда же, в конце XVIII в., двенадцатая — в 1804 г., т. е.

все в период становления нового молодого государства, только что сбросившего с себя иго британской метрополии. Но вслед за этим больше полувека к Конституции не прикасались, и это было время, когда рядом с писаной Конституцией Соединенных Штатов зародилась и росла вторая, неписаная. После громовых раскатов гражданской войны Севера и Юга в Конституцию вошли одна за другой три поправки. После этого опять почти полувековое затишье, затем две поправки в 1913 г., и, наконец, — первая мировая война, за которой воспоследовали четыре поправки в сравнительно небольшой промежуток времени: восемнадцатая — в 1919 г., воспретившая спиртные напитки, девятнадцатая — в 1920 г., распространившая избирательное право на женщин, двадцатая — в 1932 г., установившая новый срок вступления президента в должность и новый срок начала полномочий палаты представителей и сената, двадцать первая — в 1933 г., отменившая восемнадцатую поправку.

Восемнадцатая и двадцать первая поправки. По поводу восемнадцатой поправки надо напомнить, что антиалкогольное движение существовало в Соединенных Штатах издавна, но лишь во время первой мировой войны получила широкое распространение агитация против расходования зерна на производство спирта. К 1919 г. обнаружился небывалый спрос Европы на американский хлеб, и фермеры массами сделались сторонниками запрещения спиртных напитков — так называемого "сухого" закона. Однако демократы, бывшие в лице Президента Вильсона в то время у власти, не желали "сухого" закона. Их "мокрота", как говорили, проистекала в значительной степени от того, что в Нью-Йорке, старинной цитадели демократической партии, трактирщики, содержатели "салунов" (кабаков) — все почти сплошь демократы. И вообще демократы больше республиканцев связаны были с водочными и пивоваренными заводчиками. Вильсон наложил вето на принятый конгрессом закон о воспрещении изготовления и продажи спиртных напитков. Но антиалкогольное движение было столь напористым, что в конгрессе закон был вторично принят $^{2}/_{3}$ голосов и осуществлен как восемнадцатая поправка к Конституции, после того как три четверти штатов ратифицировали эту поправку. В таком виде закон стал обязателен для всех штатов[1].

[1] "1. Год спустя после ратификации этой статьи производство, продажа или перевозка в пределах Соединенных Штатов спиртных напитков, предназначенных для питья, ввоз или вывоз их в отношении Соединенных Штатов и всякой территории, подлежащей их юрисдикции, сим воспрещается.

2. Конгресс и отдельные штаты имеют конкурирующее право побуждать к исполнению этой статьи путем соответствующего законодательства".

Перевод этой и других поправок сделан по тексту Конституции, приложенному к книге: *Young G. T.* Modern government of America and its activity. N.Y., 1942.

Запретительная поправка действовала 14 лет. Но жизнь опрокидывала ее на каждом шагу и совершенно явно. Потребление алкоголя не уменьшалось. Статистика говорила, что в 1918 г. в Соединенных Штатах потреблено было свыше 51 млн галлонов вина и свыше 93 млн галлонов спирта, а в 1930 г. — около 75 млн галлонов вина и около 200 млн галлонов спирта. В стране процветало и превратилось в важную отрасль "народного" хозяйства тайное винокурение. В середине 20-х годов этим занималось свыше полумиллиона человек. Едва ли не вчетверо больше было контрабандистов, "тайно" перевозивших спирт и торговавших спиртом.

Неэффективность восемнадцатой поправки становилась очевидной. Против нее было много влиятельных политиканов как в демократической, так и в республиканской партии. И там и здесь были "мокрые" и "сухие". И когда в 1933 г. на президентских выборах победили заведомо "мокрые" демократы, восемнадцатая поправка была отменена, что можно было сделать, конечно, только новой поправкой — двадцать первой по счету.

Двадцать первая поправка была ратифицирована не употреблявшимся ранее способом, именно — не легислатурами штатов, а конвентами, специально созванными для этой цели. Конгресс воображал, что такой порядок отмены восемнадцатой поправки будет походить на референдум.

Девятнадцатая поправка. Следует иметь в виду, что лишь очень немногие вопросы избирательного права регулируются Конституцией Соединенных Штатов. Все текущее (и при этом очень важное) законодательство в этой области составляет компетенцию штатов, а не федеральной власти. После первой мировой войны уже в 15 штатах женщины на основе местного законодательства имели одинаковые с мужчинами избирательные права. Надо было унифицировать это движение, и конгресс пошел навстречу этой потребности: в 1920 г. девятнадцатой поправкой к Конституции женщинам предоставлено повсеместно избирательное право[1].

Двадцатая поправка. Двадцатая поправка имеет лишь отчасти политический характер. Как известно, выборы Президента Соединенных Штатов происходят каждый високосный год. Выборщики избираются в ноябре (в один день по всей стране), вотируют в январе следующего за високосным года, подсчет их голосов в конгрессе производится в феврале, вступление же Президента в должность совершалось 4 марта. Так как с момента избрания выборщиков вопрос о кандидате в Президенты фактически решен, то в течение четырех месяцев оба "избранника" — избранный,

[1] "1. Избирательные права граждан Соединенных Штатов не будут отменены или ограничены Соединенными Штатами или отдельными штатами под предлогом пола.

2. Конгресс имеет право побуждать к исполнению этой статьи путем соответствующего законодательства".

но еще не вступивший в должность, и получивший отставку, но еще остающийся на посту, — оказывались в ложном положении, вынуждавшем их к компромиссам и не совсем благовидным взаимным сделкам.

Двадцатая поправка, принятая конгрессом в марте 1932 г. и ратифицированная законным большинством ($^3/_4$) штатов к февралю 1933 г., установила, что Президент вступает в должность 20 января, чем указанное несоответствие отчасти смягчается.

Но и палата избиралась в целом, а сенат обновлялся на одну треть в ноябре каждого четного года, полномочия же их начинались 4 марта следующего года. Так получалась слишком кратковременная легислатура и ненужный длительный перерыв в деятельности конгрессов. Та же двадцатая поправка установила, что полномочия палаты представителей и сената начинаются 3 января года, следующего за четным[1].

Основные моменты развития. Рост централизации. Но гораздо большее значение, чем это формальное развитие Конституции, имел рост централизации — факт первостепенной важности в жизни Соединенных Штатов как государства.

Накануне второй мировой войны внимательный американский исследователь государственного строя Соединенных Штатов заканчивает свое изложение следующим образом: "На всем протяжении этой книги и в особенности на протяжении последних

---

[1] "1. Сроки полномочий президента и вице-президента истекают накануне 20 января, а сроки сенаторов и представителей — накануне 3 января того года, в который эти сроки кончились бы, если бы эта статья не получила ратификации. И тогда же должны начинаться сроки полномочий их преемников.

2. Конгресс должен собираться по крайней мере один раз в год. Его заседания должны начинаться в канун 3 января, если только законом не назначен будет другой день.

3. Если ко времени начала полномочий президента избранный президентом умрет, избранный вице-президент станет преемником. Если президент не будет избран к сроку, установленному как начало его полномочий, либо избранный президентом окажется не в состоянии исполнять свои обязанности, то избранный вице-президентом будет действовать в качестве президента, пока президент не вступит в должность. Конгресс может издать закон на случай, если ни избранный президентом, ни избранный вице-президентом не в состоянии вступить в должность, и объявить, кто же тогда будет действовать в качестве президента, или указать способ, каким должен быть определен таковой, и указанное таким образом лицо будет действовать, пока президент или вице-президент вступит в должность.

4. Конгресс может издать закон на случай смерти лица, которого палата представителей избрала президентом, когда это право выбора ей предоставляется, и на случай смерти лица, которое сенат избрал вице-президентом, когда это право ему предоставлено.

5. Эта статья вступит в действие лишь тогда, когда она будет ратифицирована как поправка к конституции легислатурами $^3/_4$ штатов в течение 7 лет со времени ее постановки на ратификацию".

глав читатель волей-неволей остается под впечатлением, быть может, даже несколько раздражающим, все одной и той же мысли, вновь и вновь повторяющейся подобно теме или "мотиву" симфонии: "Моя тема всегда была и будет одна". Возросшие функции — централизация — нужда в лучшей организации — больше целостности — больше опытности — больше ответственности — больше функций — больше централизации и так до бесконечности"[1].

Другой американский автор начинает свою книгу тем, чем кончает указанный выше: "Оглядываясь на это широкое развитие правительственной деятельности, мы можем видеть, как неизбежно эта возросшая активность должна была означать концентрацию власти. Наша политическая система не могла бы оперировать такими громадными и разнообразными вопросами (делами), не собирая воедино широко разбросанные и децентрализованные ресурсы этой системы в более сосредоточенные формы. Эта перемена сказывалась в разных видах, особенно заметно в государственной централизации, которая означает переход власти от штатов к федеральному правительству, в законодательной концентрации, т. е. в сосредоточении власти внутри конгресса в руках небольшой группы лиц, наконец, в концентрации исполнительной власти, которая создала современный тип президентской должности"[2].

Усиление финансовой зависимости штатов. Современное положение штатов в федерации как продукт развития централизации после первой мировой войны есть положение автономных провинций вполне унитарного государства. Главным же орудием такого подчинения штатов федеральной власти является, по единодушному свидетельству различных авторов, финансовая зависимость штатов от федеральной власти. Субсидии, с которыми федеральная власть приходит на помощь штатам, получили начало в 1916 г. и с тех пор все расширяются и увеличиваются. В 1920 г. их общая сумма превысила 42 млн долларов, в 1930 г. — 147 млн, в 1931 г. — 238 млн, в 1932 г. — 300 млн, и в 1935 г. — 2 млрд долларов. "Эти субсидии или помощь ассигнованиями" стали теперь установившейся чертой нашей государственной системы. Обычно они предоставляются штатам с условием, что они до последнего доллара употребят субсидию на соответственную цель и что в этом они подчиняются некоторому федеральному контролю. Однако эти ассигнования часто затрагивают области, которые считались целиком в сфере полномочий, сохраняемых за штатами. Таким путем федеральное правительство, по-видимому, посредством как бы подкупа проникает (со своим контролем) в сферу, другими путями для него запретную"[3].

---

[1] *Anderson W.* American government. N.Y., 1938. P. 1051.

[2] *Young G. T.* Op. cit. P. 5.

[3] *Гуч.* Руководство по государственному устройству Соединенных Штатов Америки. 1939. С. 632 (на английском языке).

Развитие президентской власти. Конечно, в этой растущей централизации, в этом усилении и расширении федеральной правительственной власти главную роль, больше чем когда бы то ни было, играют президенты. Президентская власть, ее практический объем, ее фактические полномочия, очень значительные ко времени первой мировой войны, еще выросли ко времени второй мировой войны. Важнейшим этапом на этом пути было президентство Франклина Рузвельта и цикл его мероприятий по задуманной им реформе хозяйственного строя Соединенных Штатов. Такие эпохи не проходят бесследно. Можно думать, что новый курс Рузвельта и закон о национальной администрации 1932—1936 гг. подготовили то положение, которое Рузвельт занял с началом второй мировой войны.

Полномочия Рузвельта во время войны. Вторая мировая война принесла новое развитие правительственного контроля хозяйственной деятельности, проводившегося в порядке федерального законодательства и президентских указов. Этот контроль начался уже в 1940—1941 гг., как только в США была официально признана чрезвычайность положения[1]. При этом конгресс пошел уже привычным — особенно со времени первой мировой войны и всеобщего кризиса — путем расширения полномочий Президента, а Президент — путем создания специального административного аппарата. Уже 2 июня 1940 г. "закон Шеппарда" предоставлял Президенту, по существу, неограниченный контроль экспорта (создана лицензионная система); в том же 1940 г. при существовавшем с 1916 г. Совете национальной обороны появляется Консультативный комитет национальной обороны, планирующий ее подготовку, и бюро по определению очередности заказов и заданий. В январе 1941 г. при Президенте создаются специальные канцелярии по вопросам производства, позже — управление военного производства и по руководству делами чрезвычайного времени. Последнее явилось органом связи Президента с быстро создававшимися управлениями по осуществлению новых президентских полномочий.

В 1941—1942 гг. Президенту были предоставлены, помимо права контроля экспорта, право контролировать распределение сырья и требовать первоочередности выполнения военных заказов частными предприятиями, право реквизиции иностранных судов, укрывшихся в портах США, право регулирования передвижения по территории и через границы США, право реквизиции военного и военно-морского оборудования, станков и материалов, нужных для обороны, право регулирования цен и установления рационов

[1] Состояние "ограниченной чрезвычайности" обстоятельств было декларировано Президентом 8 сентября 1939 г., "неограниченная чрезвычайность" — 27 мая 1941 г., а состояние войны объявлено конгрессом 8 декабря 1941 г.

и т. д. С 1942 г. Президент располагает огромными полномочиями "для максимального использования экономики страны на нужды обороны". Кроме того, особые полномочия получают некоторые ведомства. Так, департамент финансов получил право замены никеля серебром в мелкой монете, комиссия по междуштатной торговле — право регулирования автотранспортных перевозок и их очередности (такое же право в отношении железнодорожного транспорта ей уже принадлежало).

Наряду со старыми ведомствами указы Президента стремительно создавали новые учреждения по контролю и регулированию разных сфер хозяйства. Важнейшими из таких учреждений были: 1) управление *по вопросам труда* в военное время, имевшее полномочия по регулированию трудовых конфликтов; 2) управление *по делам военного производства*; 3) управление *судоходства* военного времени; 4) управление *по обеспечению сырьем*; 5) управление *по контролю производства и распределению продовольствия* и особенно *совет экономической обороны*, он же — совет экономической войны[1], переименованный в 1943 г. в *управление экономической войны*.

Совет экономической войны нес координационные функции и ведал вопросами регулирования экспорта и импорта, а с реорганизацией его в управление экономической войны получил полномочия по *финансированию* ввоза и иностранных закупок.

Особое управление ведало осуществлением закона 1941 г. о сдаче в аренду и взаймы вооружения, по которому Президент получил широко использованное им право передавать "взаймы, в аренду или каким-либо другим путем" вооружение и другие материалы "любой стране, защита которой, по мнению Президента, является жизненно необходимой для обороны США".

В 1944 и 1945 гг. Президент получал и осуществлял новые полномочия и создавал новые учреждения. В итоге он получил в свое распоряжение очень далеко идущий и разветвленный контроль производства, транспорта, торговли и трудовых резервов страны. Соответственный аппарат работал далеко не всегда достаточно согласованно и эффективно, встречая немало препятствий в правовом режиме частной собственности, в отсутствии нужных кадров, в индивидуалистических навыках американцев. Но нет сомнения, что эта система оставила крупный след в жизни государства и дала *сильный толчок централизации и унификации*.

Президент и конгресс. Американский Президент всесилен, но при том условии, что конгресс не находится по отношению к нему в явной оппозиции. Права, которые Рузвельт так широко осуще-

[1] В состав этого совета входили вице-президент США, государственный секретарь (министр иностранных дел), министры: военный, морской, финансов, земледелия, торговли и генеральный прокурор.

ствлял в период 1932—1936 гг. и 1940—1945 гг., все же были переданы ему конгрессом. Президент обладает огромной правительственной силой, но это — потенциальная сила. Чтобы привести ее в действие, нужно сотрудничество конгресса. Конгресс *не может действовать* сам, но он может *мешать Президенту действовать* и тем обречь его на бездействие.

Таковы уроки десятилетия 1935—1945 гг. За это десятилетие конгресс отклонил немало предложений Рузвельта, несмотря даже на то, что большинство в конгрессе все это время принадлежало демократам. В 1938 г., например, Рузвельт, как уже упомянуто выше, просил конгресс освободить его от необходимости обращаться к законодательным палатам всякий раз, когда нужна перестройка какого-либо правительственного учреждения. Конгресс отклонил соответствующий законопроект, хотя все понимали, что административный аппарат чрезвычайно громоздок, что реформы (отдельные, более или менее мелкие) то и дело необходимы. Около того же времени конгресс отклонил поддержанный Рузвельтом законопроект о запрещении судов Линча. В 1944 г. конгресс не согласился с налоговыми предложениями Рузвельта и принял законопроект о налогах, настолько противоречивший видам Президента, что тот наложил на него вето; конгресс опрокинул это вето. Особо поучительным является в этом отношении вопрос о реформе Верховного суда. Когда в 1937 г. Рузвельт решился на реформу Верховного суда, сохранявшего в то время значение цитадели республиканской реакции и стоявшего на пути прогрессивной деятельности Президента, обычных президентских полномочий для такой реформы не хватало. Предложение Рузвельта состояло в том, чтобы в том случае, когда член Верховного суда переходит 70-летний возраст и не удаляется в отставку, Президент был вправе назначить добавочного судью, пока число судей не достигнет 15 (максимум)[1]. Но сенатский комитет отверг соответствующий билль, и было ясно, что, хотя члены палаты представителей и сената в большинстве принадлежат к одной партии с Президентом, они не пойдут за ним в этом крупнейшем перевороте отношений между "разделенными" властями, перевороте, который означал бы отказ от вековой роли суда (предполагаемой, но мнимой), как "охранителя конституции", как "сдержки" и предупреждения засилия ("диктатуры") Президента или конгресса. Оппозиция республиканских членов Верховного суда была сломлена различными обходными мерами. Идя этими неформальными путями политических и партийных отношений, Рузвельт лишь с трудом и на протяжении довольно значительного времени добился перевеса демократов в Верховном суде. Не будет ничего удивительного в том, что если на президентских выборах победит республиканский кан-

[1] *Young G. T.* Op. cit. P. 226.

дидат (в пользу которого так потрудились Трумен, Бирнс и другие), конфликт между ним и демократическим Верховным судом вспыхнет с новой силой. Партийные заправилы видят в этом одну из важнейших политических выгод того, что они давно называют "системой сдержек и противовесов".

В наше время (т. е. конец 40-х гг. XX в. — *Прим. ред.*) конгресс одинаково недоверчиво относится и к важным и к неважным предложениям Президента. Примером первых может служить уже не раз выдвигавшееся Труменом предложение ввести всеобщее военное обучение, которое должно заменять старую систему комплектования армии из волонтеров. Срок действия временно введенного в 1940 г. и несколько раз возобновленного закона о всеобщей воинской повинности истекал 31 марта 1947 г., и в этом году вопрос должен был быть, наконец, решен. Но в данный момент конгресс не хочет, по-видимому, ни предлагаемого Труменом военного бюджета, ни его новой военной системы.

В 1946 г. Трумен предложил объединить министерство военное, министерство военного флота и министерство авиации в одно министерство национальной обороны. Конгресс в 1947 г. принял это предложение.

Примером менее значительных предложений является вопрос о замещении должности Президента. Как известно, в случае вакантности (по тем или иным причинам) должности Президента, она передается вице-президенту (ст. 2 Конституции, также поправка 20-я). Благодаря этому условию Трумен в 1945 г. и стал Президентом. Конституция предоставляет конгрессу право определить, кто исполняет обязанности Президента, если вакантными окажутся должности и Президента и вице-президента. И конгресс в 1886 г. постановил, что в этом случае президентские обязанности переходят к министру иностранных дел (государственному секретарю), или (если вакантна и эта должность) к министру финансов, или (в тех же случаях) к генеральному прокурору, к морскому министру, к министру внутренних дел. И вот Трумен, афишируя, очевидно, свой демократизм, нашел, что президентская должность должна переходить к лицу выборному, а не назначенному. В 1945 г. он потребовал от конгресса нового закона, которым обязанности Президента переносились бы на спикера палаты представителей, т. е., по сути дела, предложил вернуться к порядку, существовавшему с 1792 до 1886 г. Конгресс не рассматривал предложения Трумена, и тот повторил его в феврале 1947 г., но пока безрезультатно.

Президент и федеральный правительственный аппарат. Конечно, Президент черпает по-прежнему большую силу в им назначаемом и ему подчиненном громадном федеральном бюрократическом аппарате. К 40-м годам этот федеральный гражданский аппарат обнимал около 1 млн чиновников. Это — фактические пра-

вители государства. Но и здесь делаются все возрастающие усилия ввести в рамки усмотрение и произвол Президента в назначении и увольнении чиновников. Старая "система добычи" с 80-х годов XIX в. медленно уступает напору новой системы — "системы заслуги": в средних и низших звеньях федерального аппарата чиновники должны подбираться не по усмотрению Президента и его ближайших помощников, а специальной "комиссией гражданской службы" из трех лиц по назначению Президента и сената, которые при замещении должности должны руководствоваться соображениями не партийной принадлежности, а способности кандидата, его образования, стажа, квалификации. Это ослабляет значение Президента в отношении государственного аппарата и делает многие слои чиновников более независимыми по отношению к нему. Должности разделены на "классифицированные" и "неклассифицированные". Во второй половине 30-х годов нынешнего столетия из 900 тыс. федеральных должностей было только 200 тыс. неклассифицированных, т. е. замещавшихся по свободному усмотрению Президента вне компетенции комиссии гражданской службы. Двумя приказами Президента в 1938 г. права этой комиссии были расширены и уточнены. Тем не менее злоупотреблений, т. е. назначений в порядке "системы добычи" на такие должности, которые замещаются по "системе заслуги", всегда много.

Во всяком случае, комиссия гражданской службы, как и весь государственный аппарат Соединенных Штатов, находится в руках буржуазии и тщательно оберегает аппарат от проникновения в него враждебных капиталу влияний. В этом отношении Президент, конгресс, комиссия гражданской службы, республиканцы, демократы — все действуют обычно в добром согласии. Изданный в 1947 г. приказ Трумена идет в этом направлении необыкновенно далеко: он предписывает министру юстиции проверить всех правительственных служащих с точки зрения их "лояльности к Соединенным Штатам" и увольнять всех заподозренных в "нелояльности". Приказ прямо указывает на коммунистов. В составе комиссии гражданской службы создается "бюро по наблюдению за лояльностью", которое будет пресекать доступ на службу коммунистам и вообще всем революционным или хотя бы оппозиционным элементам.

Конгресс. Развитие избирательного права. Переходя к положению конгресса, надо отметить прежде всего, что сохраненное, как известно, за штатами законодательство о выборах за истекшие 30 лет находилось, в общем, под явным знаком реакции. Единственным светлым пятном на этом темном фоне является уже известное нам предоставление избирательных прав женщинам. Помимо этого конгресс не предпринимал ничего прогрессивного, штаты же во многих отношениях явно стремились вспять. В 30-х годах нашего столетия делались попытки устранить от избира-

тельного права лиц, получающих поддержку от государства (по безработице, главным образом), число которых достигало миллионов и охватывало одно время от $^1/_5$ до $^1/_4$ всего взрослого населения штатов. Ни в одном из штатов, однако, не решились на такую меру. Но требование в ряде штатов уплаты избирательного налога как условия избирательного права, в сущности, клонилось к тому же. "Это очень эффективное средство лишить избирательного права многих бедняков и специально негров"[1].

Избирательные права военнослужащих. Около половины штатов лишают тем или иным способом избирательных прав "солдат и моряков". В 1944 г. Рузвельт предложил конгрессу меру, которая обеспечивала широкие избирательные права военнослужащих вообще и находившихся за рубежами Соединенных Штатов в частности и в особенности. Конгресс дважды отклонял законопроект, вводивший единую федеральную систему участия в голосовании личного состава вооруженных сил, и принял другой законопроект вполне компромиссного характера, который Рузвельт назвал "обманом солдат и моряков, сражающихся за нас". Новый закон по-прежнему ставил участие военнослужащих в выборах в зависимость от сложных и разношерстных законов разных штатов. Только в отдельных случаях с разрешения губернатора штата допускается голосование "на федеральной основе" (если, например, военнослужащий докажет, что он не мог голосовать в своем штате — лично или по почте — так как не получил своевременно избирательного бюллетеня).

Избирательные права негров. Главные атаки делались и в наше время делаются на избирательные права негров. Известно, что в "черном поясе" юга и в прилегающих к нему штатах большинство населения или очень значительная часть его — негры. По отношению к 13 млн негров, живущих компактными массами здесь и более разбросанно в других частях Соединенных Штатов, американская буржуазия откровенно придерживается расовой теории с явной целью обречь эти миллионы на роль вечно эксплуатируемого, непритязательного, дешевого рабочего скота, исполняющего самые тяжелые обязанности. Скрыть в наше время классовую сущность негритянского "расового" вопроса в Соединенных Штатах уже невозможно. Удержать негритянский народ на этой ступени, закрыть ему доступ к образованию, лишить политических прав где по закону, а где хитростью, насилием, угрозами, изолировать его от его белых братьев по классовому положению — вот программа американской буржуазии в негритянском вопросе. В этом направлении "успешно" развивалось законодательство отдельных штатов в последние 30 лет. В ряде штатов запрещены смешанные браки (между белыми и черными) под страхом очень

[1] *Anderson W.* Op. cit. P. 374.

суровых наказаний. Во второй половине 30-х годов нашего столетия в штате Мисиссипи вышел закон об издании отдельных учебников по вопросам государственного устройства для детей черных. В учебниках этих не должны излагаться правила и порядок голосования на выборах, не должно быть описания прав и обязанностей граждан.

Различные, очень действительные способы устранения негров от выборов привели в наше время (40-е годы) к тому, что в южных штатах негры почти поголовно не голосуют. Этого, однако, показалось мало. Большое значение в американской избирательной кампании имеет ее первая стадия — назначение кандидатов: так как в подавляющем большинстве случаев выбранным окажется либо республиканец, либо демократ, то очевидно, что назначение кандидата есть дело большой важности. Назначения же эти происходят на так называемых "первичных собраниях избирателей". Ввиду очевидной важности этих назначений, они даже получили название "первичных выборов". И вот уже давно делаются попытки отстранить негров от этих первичных выборов посредством специальных законов. Так, Техас и другие южные штаты провели законы о "белых первичных собраниях", на основании которых только белым избирателям разрешается участвовать в первичных собраниях избирателей демократической партии. Однако в южных штатах, где так сильны демократы, решения первичных собраний имеют часто большее значение, чем последующие официальные выборы. На этом основании Верховный суд аннулировал в разное время соответствующие законы штатов, признав, что первичные собрания — существеннейшая часть избирательной кампании и устранение из этих собраний негров противоречит Конституции (14-й поправке). Тогда Техас и другие штаты просто удалили из демократической партии всех черных и таким образом чисто внутрипартийным актом, до которого судам не может быть дела, достигли приблизительно тех же целей. Но и для этого в дальнейшем оказалась необходимой законодательная санкция: право демократической партии закрыть свои ряды для негров нужно было основать на законе. И совсем недавно (в конце 1946 г.) южные штаты стали проводить законы "о преимуществах белых на первичных выборах", чем законодательным порядком закрепляется право демократической партии не принимать в свои ряды негров.

Конгресс нарушает требования Конституции. Равнодушие конгресса к таким вопиющим нарушениям Конституции чрезвычайно характерно. Четырнадцатая поправка к Конституции установила, что, если законодательство штата отстраняет по той или иной причине граждан штата от избирательных прав, число представителей этого штата в палате представителей конгресса должно быть соответственно сокращено. Противозаконные манипуля-

ции южных штатов, приводящие к тому, что *большинство* населения здесь не голосует, уже давно должны были на основании Конституции свести к очень незначительному числу мандаты этих штатов в палате представителей. Но конгресс ни разу не пытался осуществить предписания четырнадцатой поправки.

За истекший период произошли лишь некоторые изменения в распределении мандатов палаты представителей между штатами. По требованию Конституции места в палате представителей должны распределяться между штатами соответственно числу их населения, устанавливаемому переписью каждые десять лет. Но правительство систематически нарушает Конституцию и не считается с данными переписей. Уже согласно переписи 1920 г., число членов палаты представителей должно было бы составить 460, но оно и сейчас (1947 г.) равняется 435. Все дело ограничилось тем, что после переписи 1930 г. наибольшее число мандатов признано за штатом Нью-Йорк (45), наименьшее — за Аризоной, Невадой, Делавером, Новой Мексикой, Вермонтом и Вайомингом (по одному). Это нарушение Конституции мотивируется соображениями нежелательности слишком многолюдной палаты представителей и проистекающих отсюда неудобств, но действительные причины те, что происшедшие после первой мировой войны и происходящие сейчас гигантские перемены в социальном составе городов и деревень, в особенности рост городов вследствие бегства сюда разоренных фермеров, пролетаризация и пауперизация городского населения могут очень невыгодно, с точки зрения господствующих классов, отразиться на составе палаты представителей. Новое распределение уменьшило бы число мандатов у многих штатов с преобладанием сельского населения, соответственно усилив представительство промышленных штатов.

Строго говоря, эти систематические нарушения закона, требующего перераспределения депутатских мандатов каждые 10 лет, уже давно сделали палату представителей не соответствующей по своему составу требованиям Конституции.

Избирательная кампания. Избирательная кампания в Соединенных Штатах — по выборам Президента или конгресса — продолжала обнаруживать все те отрицательные черты, которыми она отличалась до первой мировой войны. Цифры говорят об этом убедительнее всего. В президентскую кампанию 1920 г. на 105,7 млн душ населения число достигших избирательного возраста и состоявших в гражданстве Соединенных Штатов равнялось 54,4 млн. Можно допустить, что из них около 5 млн лишены избирательного права, как не удовлетворяющие требованиям закона (ценз грамотности, оседлости, не уплатившие избирательного налога и т. д.). Таким образом, должны были подать голоса около 49 млн. Между тем в выборах участвовало всего 26,8 млн человек (около 25% населения и около 55% избирательного корпуса). На выбо-

рах 1924 г. из 57 млн избирателей голосовало чуть больше 29 млн. Только в 1932 и 1936 гг. процент голосующих становится необычайно "высоким", перевалив за 50.

Абсентеизм десятков миллионов избирателей "великой демократии" выступает еще явственнее, если рассмотреть его по отдельным штатам. Тогда оказывается, что в 1920 г. в 30 штатах (из 48!) число голосовавших было менее 30%, населения, колеблясь в некоторых штатах между 15 и 4%.

Пропорции между числом голосов, поданных за президентских выборщиков, и числом выборщиков, полученных кандидатами в президенты, столь же необычны и неожиданны. В 1924 г. противники Кулиджа получили: демократ — около 3,4 млн голосов и 136 выборщиков, а республиканец-прогрессист — свыше 4,8 млн голосов и 13 выборщиков. В 1932 г. Франклин Рузвельт получил 22,8 млн голосов, Гувер — 15,8 млн голосов; остальные голоса (около 1 млн) распределились между кандидатами социалистов и коммунистов. Из общего числа поданных голосов Рузвельт получил несколько больше половины, число же его выборщиков достигло 472 (для избрания достаточно 266). В 1936 г. республиканец на 16,7 млн голосов получил, 8 выборщиков, а Рузвельт на 27,8 млн голосов — 523 выборщика. В 1940 г. Рузвельт собрал 27,2 млн голосов и 449 выборщиков, республиканец — 22,3 млн голосов и 82 выборщика. В 1944 г. соответственные цифры: 25,6 млн и 432, 22 млн и 99.

Две или три палаты? В отношениях между палатами конгресса не произошло существенных изменений. Сенат и его решения по-прежнему пользовались бульшим влиянием среди населения, чем палата представителей и ее решения. В столкновениях с палатой представителей сенат мог всегда одержать верх. Прения в сенате всегда были и остаются более свободными, чем в палате представителей: здесь неупотребительны те жесткие рамки, которые ставятся ораторам в палате, и поэтому обструкция ("флибустьерство") — произнесение многочасовых речей с целью затормозить работу сената и вынудить большинство на уступки меньшинству — практикуется широко.

Все большее значение приобретает пресловутая "третья палата", "невидимая палата", "лобби". Со времени первой мировой войны умножаются случаи, когда вокруг того или иного билля, за его принятие или отклонение происходит настоящая пляска миллионов долларов. В 1935 г. тресты затратили через лобби около миллиона долларов на подкуп палаты представителей, чтобы провалить негодный трестам законопроект. И билль не прошел.

Язвы лоббизма широко сознаются. Лобби превращают конгресс в законодательный аукцион, в торжище, где законы продаются тому, кто больше даст.

Но почему бы и не существовать "законодательству доллара" рядом с "дипломатией доллара", с "политикой доллара" и т. д.?

Временами под давлением общественного мнения конгресс пытается регулировать деятельность лобби, требуя их личной регистрации и регистрации их жалованья, требуя ежегодных отчетов об их "работе" и сообщения о том, с кем они имели дело в течение года[1].

Конгресс с легким сердцем принимает подобные постановления: они совершенно безвредны, и лобби обходят их шутя.

Территории. Зона Панамского канала. Пуэрто-Рико. Острова Виргинские. В отношении "территорий" нужно отметить не особенно большие изменения в политическом управлении зоной Панамского канала, Пуэрто-Рико и Виргинскими островами и значительные — в политическом положении Филиппин.

Зона Панамского канала ввиду ее стратегической важности была в 1939 г. передана в управление военного министерства Соединенных Штатов, и губернатор зоны поставлен под непосредственный контроль командующего вооруженными силами зоны. Пуэрто-Рико (ставшая под именем Порто-Рико колонией Соединенных Штатов в конце XIX в.) лишь в 1917 г. признана "территорией" с соответственными последствиями в отношении административной организации острова. С тех пор могущественные сахарные тресты все более усваивают взгляд на Пуэрто-Рико как на страну, где все должно быть принесено в жертву их интересам: сахарные короли захватили под плантации все сколько-нибудь удобные земли. Сельское хозяйство пришло в упадок: мясо, масло, овощи, рис ввозятся, а так как тарифы и цены находятся под контролем трестов, дороговизна жизни достигает такой степени, при которой удел неимущего населения — медленная голодная смерть. Местное испанское (в большинстве) население все настойчивее добивается прав национального самоопределения, в чем Соединенные Штаты ему отказывают. В 1932 г. Порто-Рико был переименован в Пуэрто-Рико; но эта уступка чистоте испанского языка недорого стоила правительству и немного дала населению острова. В 1946 г. законодательное собрание Пуэрто-Рико два раза принимало законопроект о введении в школах испанского языка как языка преподавания. В первый раз законопроект подвергся запрещению со стороны губернатора Пуэрто-Рико, а второй раз наложил на него вето сам Трумен.

Острова Виргинские приобретены были у Дании в 1917 г. (за 25 млн долларов). Права территории и соответственное, следовательно, управление острова получили лишь в 1936 г.

Филиппины в 1946 г. перестали считаться территорией Соединенных Штатов Америки и получили формальную независимость.

[1] *Young G. T.* Op. cit. P. 96.

Глава 18. ФРАНЦИЯ В 1917—1947 гг.

§ 1. Политические партии

Последствия первой мировой войны. Война 1914—1918 гг. привела к серьезным изменениям в экономической и политической жизни Франции. Страна понесла огромные людские потери, которые в дальнейшем не могла возместить. В течение 3—4 лет после войны в 30 департаментах Франции не хватало рабочей силы в деревне. Северные районы Франции, бывшие театром военных действий, оказались разоренными, а репарационные платежи лишь отчасти могли возместить огромные расходы по их восстановлению.

Однако если непосредственные экономические последствия войны создавали определенные затруднения для правящих классов Франции, то в целом французская буржуазия выиграла от войны. Франция вновь получила индустриальные области Эльзас и Лотарингию. В ее руках оказались лотарингское железо, а также саарский уголь. В ходе войны была расширена французская машиностроительная промышленность. Из страны, преимущественно вывозившей капитал в денежной форме, Франция после победы превратилась в страну, широко экспортировавшую продукцию промышленности. Это сделало французскую буржуазию более самоуверенной и агрессивной как внутри страны, так и на международной арене.

Капиталистическая верхушка, обогатившаяся на военных заказах, была очень узка: "двести семейств" — крупнейшие акционеры Французского банка, участвовавшие в выборах правления. Еще большая доля приходилась узкой кучке в 203 человека (57 семей), которые занимали почти все директорские посты в крупных монополистических объединениях. Война принесла разорение мелким рантье, потерявшим в результате инфляции около 100 млрд франков, но обогатила некоторую часть мелкой буржуазии.

Быстро развивавшийся процесс концентрации промышленности, сопровождавшийся все большим сращением промышленного и банковского капитала, имел своим следствием увеличение числа промышленных рабочих и сокращение числа кустарей и ремесленников, не использующих наемного труда.

Положение французского рабочего в первые послевоенные годы резко ухудшилось. Перевод промышленности с военного производства на мирное протекал болезненно, приводил к значительному росту безработицы. Реальная заработная плата находилась на та-

ком уровне, который едва обеспечивал основной массе рабочих полуголодное существование.

Вместе с этим французская буржуазия смогла подкормить известную часть рабочих, пролетарскую аристократию, бросив ей крохи своей колониальной империалистической добычи.

Сельское хозяйство Франции, в котором было занято больше половины населения страны, испытывало хронический застой. Росло число кулаков и крупных землевладельцев, но сотни тысяч крестьян разорялись и искали спасения в городах. Этот процесс имел своим важным следствием рост политической активности мелкого и среднего крестьянства, укрепление его связей с рабочим классом.

Октябрьская революция в России дала мощный толчок революционному движению рабочего класса Франции. Уже с конца 1917 г. возросло число забастовок. Рабочий класс и даже часть буржуазной интеллигенции выступали против антисоветской политики французского правительства.

В такой обстановке французская буржуазия проводила двойственную тактику: с одной стороны, пошла на серьезные уступки, в частности на введение в 1919 г. восьмичасового рабочего дня, а с другой — стала готовиться к репрессивным мерам.

Национальный блок. Крупная буржуазия стремилась создать такое правительство, которое обеспечивало бы политику твердого сопротивления революционным выступлениям трудящихся, проводило бы восстановительные работы за счет трудящихся, отменило бы мероприятия военного времени (прогрессивный налог, запрещение экспорта капитала). Она требовала твердой политики и в международных отношениях с целью закрепить на европейском континенте гегемонию Франции, достигнутую победой над Германией. На этой почве под шовинистическими лозунгами объединились все правые партии, которые и одержали победу на первых послевоенных выборах 1919 г., завоевав почти две трети мест в палате депутатов. Ведущую роль в этом объединении, присвоившем себе название Национальный блок, играла партия Республиканско-демократический союз, представлявшая интересы крупной и средней буржуазии, а также верхушечных слоев крестьянства. Ее вождем был Пуанкаре. Наиболее реакционной силой в блоке была партия Национально-республиканского действия — партия крупных концернов и наиболее империалистических слоев французской буржуазии. Большую роль в успехе Национального блока сыграли клерикальные элементы. Победе правых партий много способствовал избирательный закон 1919 г., поставивший исход выборов в зависимость от крестьянства (см. ниже).

В январе 1920 г., после отставки кабинета Клемансо, Мильеран сформировал правительство Национального блока. Это был первый в XX в. кабинет, в котором не принимали участия радикалы.

Радикалы объединяли в своих рядах кулаков и крупных дельцов, занявших руководящее положение, но вместе с ними в рядах этой партии находились бедные крестьяне и мелкие лавочники, чиновники и интеллигенты. Радикалы (радикал-социалисты), дискредитированные в глазах рабочего класса, еще в предвоенные и военные годы, приставшие к Национальному блоку и выступавшие на выборах под двусмысленным лозунгом: "Ни реакции, ни революции", к тому же расколотые на несколько групп, потеряли на выборах половину своих мест в палате и с тех пор — руководящую роль во французской политике.

Раскол в рядах социалистов. Образование коммунистической партии. Выборы 1919 г. принесли неудачу также социалистической партии, потерявшей треть мест. Главной причиной этого было то, что заседавшие в парламенте оппортунистические лидеры социалистической партии шли наперекор стремлениям не только рабочего класса в целом, но большинства членов собственной партии.

Французский рабочий класс продолжал в 1920 г., — вопреки сопротивлению не только христианских профсоюзов, но и реформистского руководства Всеобщей конфедерации труда, — стачечную борьбу. Правда, по вине реформистов эти классовые бои проходили преимущественно под экономическими лозунгами, но чем дальше, тем все труднее реформистским лидерам оказывалось вести за собой членскую массу социалистов. На социалистическом конгрессе в Туре в декабре 1920 г. подавляющим большинством (почти $^3/_4$ голосов) было решено присоединиться к III Интернационалу. Революционное большинство социалистов образовало Французскую коммунистическую партию.

В январе 1921 г. реформистское меньшинство на своем съезде воссоздало социалистическую партию. В 1921 г. произошел раскол и во Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) — из ее состава выделилось революционное меньшинство, которое образовало Унитарную конфедерацию труда, находившуюся под влиянием коммунистов.

Вызванный действиями реформистов раскол рабочего класса облегчил партиям и правительству Национального блока планомерное осуществление политической реакции. Частично было удовлетворено наглое требование металлургической ("Комите де Форж") и угольной монополии об отмене восьмичасового рабочего дня.

Коммунистическая партия сразу же стала подвергаться жестоким преследованиям — вплоть до того, что 10 января 1923 г. был произведен полицейский налет на помещение Центрального Комитета партии и арест группы его членов.

"Левый картель". 23 сентября 1920 г. премьер-министр Мильеран был избран Президентом республики. После двухмесячного существования кабинета Лэйга в январе 1921 г. был сформирован кабинет Бриана, куда последний, в целях смягчения внутри-

политической обстановки, привлек четырех радикалов. Этим самым радикально-социалистическая партия стала, по сути дела, пленницей Национального блока. Представители радикалов (Сарро и др.) остались и в кабинете, сформированном годом позже Пуанкаре.

Пуанкаре проводил реакционную политику еще последовательнее, чем Мильеран и Бриан. Большинство радикал-социалистов не могло, не совершая политического самоубийства, взять на себя ответственность за политические преследования внутри страны, за субсидии католической церкви и за провал внешней политики: оккупация Рура не помогла выколотить репарации, но привела к ухудшению отношений с Великобританией. Поэтому на выборах в мае 1924 г. радикал-социалисты предпочли блокироваться с социалистической партией (и группами, промежуточными между этими двумя партиями). Образованный таким образом "левый картель" получил большинство в палате. Пришлось уйти не только кабинету Пуанкаре, но и Президенту Мильерану, вмешавшемуся в политическую борьбу. На пост Президента был избран правый деятель — Гастон Думерг, а новый кабинет образовал один из наиболее прогрессивных радикал-социалистов — Эдуард Эррио.

Вернувшиеся к власти при поддержке социалистов радикалы круто повернули курс внешней политики: после ряда лет активной агрессивной политики, после поддержки белогвардейцев и белополяков, после вооруженной интервенции в РСФСР были установлены, наконец, дипломатические отношения с Советским Союзом (октябрь 1924 г.). Обещана была эвакуация Рурской области, оккупированной после войны французскими войсками.

В области внутренней политики правление "левого блока" не было успешным: оно натолкнулось на непреодолимое сопротивление финансового капитала. Несмотря на улучшение общего экономического положения, Франция испытывала большие финансовые трудности. Расходы по послевоенной реконструкции составили на 1 января 1925 г. почти 75 млрд франков. Положение французской валюты в связи с неумеренной эмиссией и ростом государственного долга стало чрезвычайно непрочным.

Правительства Бриана, Пуанкаре. 10 апреля 1925 г. кабинет Эррио потерпел в сенате поражение по вопросу о принудительном займе и вышел в отставку. Это был конец "левого картеля". В праворадикальных кабинетах Пенлеве и Бриана капитулировавшая перед реакцией партия Эррио играла уже второстепенную роль. Съезд социалистической партии вынужден был вынести решение об отказе от сотрудничества с радикалами. Единственным "достижением" кабинета Бриана — Лаваля, сформированного в марте 1926 г., было зверское подавление восстания риффов в Марокко. Финансовые трудности устранены не были. 20 июля Бриан ушел в отставку. Эррио была вновь предоставлена возможность создать

министерство. "Двести семейств" тотчас же организовали финансовую панику (искусственное понижение курса франка). Радикалы отступили. Премьером стал Пуанкаре. Только правительству Пуанкаре удалось добиться соглашения с банками. Почувствовав у власти своего человека, финансовая олигархия прекратила саботаж и допустила стабилизацию франка, окончательно завершенную декретом 25 июня 1928 г., уже после новых выборов, принесших правое большинство за счет нового поражения радикал-социалистов[1].

После выборов Пуанкаре и его министр внутренних дел Тардье с еще большим усердием, чем прежде, принялись преследовать коммунистов и усиливать позиции клерикалов (создание специальных епархиальных ассоциаций для управления церковными богатствами и т. п.). Клерикальный крен политики правительства вынудил съезд радикал-социалистической партии в ноябре 1928 г. отозвать из правительства министров-радикалов. В истории радикальной партии это был первый случай прямого вмешательства партийного съезда в дела парламентариев. Кабинеты сменялись один за другим, одинаково бессильные справиться с экономическим кризисом. Радикал-социалисты, как и социалисты, были почти неизменно в оппозиции к этим правительствам. Это помогло обеим партиям добиться успеха на очередных выборах (май 1932 г.), когда радикалы получили 183 депутатских места, а социалисты — 130. Демократически-республиканский союз и другие правые группы оказались в меньшинстве.

Народный фронт. В сложной обстановке падения производства (за период с 1929 по 1936 г. оно сократилось на треть) и роста безработицы к власти пришли опять радикалы и близкие к ним группы (кабинеты Эррио, Поля Бонкура, Даладье).

Начало 1933 г. ознаменовалось, как известно, захватом гитлеровцами власти в Германии. По примеру гитлеровцев французские реакционеры стали готовить внепарламентские, насильственные действия. Первоначально созданная как союз ветеранов войны организация "Боевых крестов", руководимая полковником графом де ля Рокк, была превращена в массовую фашистскую организацию полувоенного типа с тайными складами оружия. Были и другие фашистские организации (монархическая "Аксьон франсэз", "франсисты" и т. п.). Вместо того чтобы принять меры к подавлению антиреспубликанского заговора, кабинет радикала Даладье подал в отставку, уступив место реакционным правительствам Думерга и Лаваля, которые вырвали у палат чрезвычайные полномочия и издали ряд декретов, под предлогом экономии

[1] Коммунисты и социалисты увеличили число полученных ими голосов, но вследствие применения мажоритарной системы потеряли часть мандатов.

еще более ухудшивших положение рабочих, служащих и крестьян. Режим чрезвычайных декретов должен был стать первым шагом к упразднению парламентаризма.

Но расчеты Лаваля и де ля Рокка сорвал свободолюбивый французский народ. Рабочий Париж ответил на фашистскую манифестацию 6 февраля 1934 г. грандиозной демонстрацией 9 февраля, а 12 февраля — общегородской политической забастовкой. Волна митингов и демонстраций прокатилась по всей Франции. Социалистическое руководство вынуждено было, наконец, принять предложения коммунистической партии о едином фронте. Под давлением масс руководители Всеобщей конфедерации труда были вынуждены в марте 1936 г. согласиться на восстановление профсоюзного единства: Всеобщая и Унитарная конфедерации труда образовали единую конфедерацию.

К движению присоединились и радикалы. Главной причиной этого было давление крестьянства, разоряемого налогами, банковскими процентами, ипотеками, арендной платой, возросшей по сравнению с довоенным уровнем в 6—7 раз. Если бы радикалы не присоединились к коммунистам и социалистам, они рисковали бы остаться без сторонников. Так появился Народный фронт, к которому давно стремилась коммунистическая партия и который она неустанно и с успехом пропагандировала в массах.

Очередные (1936 г.) выборы дали Народному фронту подавляющее большинство голосов (5,6 млн из 9,8 млн) и депутатских мандатов. Было избрано 72 коммуниста. Правительство (впервые в истории Французской республики) сформировал лидер социалистической партии Леон Блюм из социалистов и радикалов. В 1937 г. под влиянием мощного забастовочного движения, напугавшего предпринимателей, кабинет Блюма провел через палаты закон о сорокачасовой рабочей неделе при повышенной заработной плате, об оплачиваемых отпусках, коллективных договорах и фабричных старостах, о кредитах крестьянству, об отмене лавалевских декретов об "экономии". Были распущены "Боевые кресты".

Но триумф демократии был недолговечен. Натолкнувшись на сопротивление буржуазии, радикалы и окружение Блюма капитулировали. Ассоциация предпринимателей требовала отмены сорокачасовой рабочей недели, хотя фактически большинство предприятий не было загружено даже при 40 часах в неделю. Свое требование буржуазия подкрепила организованным "бегством капитала" (вывоз капитала за границу). Кризис наступил в связи с гражданской войной в Испании. Блюм отказал в помощи Испанской республике. Победа Франко означала фашистское окружение Франции и смертельную опасность для республики, Так радикалы и социалисты изменили демократии и Народному фронту. Когда сенат в июне 1937 г. отверг финансовые законопроекты кабинета Блюма, что вызвало его отставку, это только оформило новое поражение демократии.

При сменившем Блюма правительстве Шотана, продолжавшем опираться на Народный фронт, реакция готовилась уже к захвату власти. При поддержке правых партий и германской агентуры был организован военно-фашистский заговор так называемых кагуляров (отколовшаяся наиболее фашистская часть сторонников де ля Рокка), вовремя разоблаченный министром внутренних дел социалистом Дормуа. Для того чтобы помешать разоблачению высокопоставленных лиц (Тардье и др.), замешанных в деле кагуляров, кабинет Шотана подал в отставку. Второй кабинет Блюма (март 1938 г.) просуществовал всего месяц. Открыто заявив о своем отказе от борьбы против финансового капитала, Леон Блюм надолго сошел с политической сцены. В апреле 1938 г. был образован кабинет Даладье (без социалистов). Он называл себя, подобно версальцам 1870—1871 гг., "правительством национальной обороны" и, подобно им, он был в действительности правительством национальной измены. Народный фронт оказался окончательно расколотым.

Вторая мировая война. Над Францией нависла гитлеровская угроза. Но не всем она казалась угрозой. "Комите де Форж" и другие монополии установили теснейшие связи с германскими концернами. Главари буржуазных партий, включая многих радикалов, посещали, не скрывая этого, парижский "коричневый дом" и салоны, открытые гитлеровскими агентами. Гитлер успешно готовил во Франции "пятую колонну".

Распад Народного фронта был лишь частью кризиса всей партийной системы во Франции. Только коммунисты вели твердую и последовательную борьбу с реакцией, разоблачали происки гитлеровской агентуры. В других партиях профашистские тенденции тайно или явно брали верх.

Правительство Даладье отступало перед фашизмом по всему фронту. Получив чрезвычайные полномочия, кабинет Даладье отменил 40-часовую рабочую неделю, предоставил предпринимателям возможность крайнего удлинения рабочего дня, увеличил прямые и косвенные налоги и, чтобы сделать невозможными забастовки, военизировал частные предприятия, имевшие военное значение, транспорт, коммунальные учреждения и др.

В области внешней политики Даладье пошел на открытый сговор с фашизмом, увенчанный позорной памяти Мюнхенским соглашением с Гитлером и Муссолини. Усилия Даладье были направлены на то, чтобы спровоцировать военное нападение Германии на СССР.

Ради этого, а также ради того, чтобы ликвидировать компартию и рабочее движение внутри страны, французская реакция была согласна на капитуляцию перед фашистской Германией. Капитулянты срывали военное производство, проникали в армию, вели пораженческую агитацию.

В сентябре 1939 г. Германия напала на Польшу. Мюнхенское соглашение было разорвано в клочки. Своей целью Германия открыто объявила господство над Европой и над всем миром, уничтожение Франции и Англии, захват колоний. На карту было поставлено не только существование этих государств и их колониальных империй, но и самое существование английского, французского и других народов Европы. Франция и Англия объявили Германии войну. Вторая мировая война началась.

Война застала Францию не подготовленной к отпору Германии. Измена и предательство руководящей верхушки французской буржуазии предопределили военный разгром Франции.

Немало изменников было и в среде генералитета. Старый реакционер маршал Петэн уже в начале 1939 г. установил связи с немцами. Во времена так называемой "забавной войны" (когда на Западе фактически не было военных действий) немецкий фланг был открыт для французского наступления. Силы немцев были в тот момент на Западе втрое меньше французских. Но огромная, мобилизованная с первых дней войны (что обезлюдило промышленность и деревню) армия пряталась за оборонительной "линией Мажино". Вдоль бельгийской границы, где эта линия укреплений обрывалась, поставили худшую армию (генерала Корапа). Когда немцы начали наступать, французские генералы один за другим получили от главнокомандующего Гамелэна приказы об отступлении. Если к этому добавить, что Даладье (бывший в течение пяти лет министром обороны), Петэн и Гамелэн отвергли в 1936 г. так называемый "план Кота" (о расширении авиации), а в 1939 г. "план Дотри" об увеличении производства танков и о создании парашютных войск, то картина предательства становится совершенно ясной. Не только ресурсы обширной империи (цветные войска и т. д.), но и ресурсы самой Франции не были использованы.

Правительство Даладье фактически устранило парламент, добившись права законодательствовать путем декретов. Но свои диктаторские полномочия Даладье использовал только для драконовских мер против коммунистов, которые одни предупреждали народ, что активнее всех стремятся вовлечь Францию в войну те, кто собирается предать республику. Депутаты-коммунисты были лишены мандатов и преданы суду при закрытых дверях. Были лишены мандатов 3000 коммунистов — членов генеральных и муниципальных советов и распущены 300 муниципалитетов, где коммунистам принадлежало большинство. Были закрыты 160 коммунистических газет. Социальное законодательство 1936—1937 гг. было отменено. Монополии получали огромные военные заказы и гигантские прибыли, но повышение заработной платы рабочим было воспрещено.

Сорвав, таким образом, оборону страны и разоружив рабочий класс, правительство Даладье в марте 1940 г. уступило мес-

то кабинету Рейно, в который вошли и социалисты (министр юстиции Сераль и др.). Кабинет все время пополнялся сторонниками капитуляции. Наконец, в июне на посту вице-премьера оказался Петэн. Когда немцы уже начали наступление и генералы-предатели пропустили германские колонны к сердцу Франции, правительство продолжало заниматься охотой на коммунистов.

Капитуляция. Подготовка капитуляции началась 9 июня 1940 г., когда один из самых реакционных политиков — Пейрутон был послан в Северную Африку, чтобы обеспечить подчинение правительству колониальной администрации на случай капитуляции. 12 июня новый главнокомандующий генерал Вейган заявил правительству (уже бежавшему из Парижа), что военное положение безнадежно. 16 июня близ г. Бордо в замке, который Петэн окружил войсками, большинством 13 голосов против 11 кабинет решил просить у немцев перемирия. Рейно ушел в отставку, и Президент Лебрен назначил главой правительства того, кто первый потребовал капитуляции, — Петэна.

В радиопередаче из Лондона 23 июня де Голль мог уже с полным правом сказать, что на французской земле нет больше независимого правительства.

Французская буржуазия пошла на капитуляцию потому, что считала своим главным врагом французский рабочий класс. Правители Франции, "дав себя запугать призраком революции, с перепугу положили под ноги Гитлера свою родину, отказавшись от сопротивления"[1]. Пытаясь ускорить решение о капитуляции, генерал Вейган выступил на заседании кабинета с абсолютно ложным сообщением о том, что в Париже коммунисты подняли восстание.

Три пятых французской земли было оккупировано немцами. Французская крупная буржуазия оккупированной зоны — так же, как и неокуппированной — продолжала свою линию национального предательства. Подчиненная немцам политически, Франция вскоре оказалась подчиненной и экономически.

"Правительство Виши". Две пятых Франции составили так называемую неоккупированную зону, которая и была предоставлена в распоряжение Петэна и его клики. Центром этой зоны стал курортный городок Виши. Гитлер счел целесообразным сохранить видимость самостоятельного французского "правительства" для того, чтобы французские колонии, флот и внешнеторговые связи не перешли в руки Великобритании. Однако режим Виши был не более, как копией гитлеризма. Авторитарное государство, запрещение рабочих организаций, расовое законодательство, передача просвещения в руки церкви, которая вновь стала государственной, нако-

[1] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 20.

нец, попытка создать "трехцветный легион" для отправки на советско-германский фронт в состав гитлеровской армии — все это наглядно свидетельствует о фашистском характере режима Виши и о его полном подчинении нацистам.

В состав клики Виши вошло подавляющее большинство деятелей прежних правых партий и некоторые радикалы. К ним присоединились неофашисты типа Марке и Дэа, в большинстве ренегаты социалистической партии. Группа Дэа и еще более бандитская фашистская группа Дорио, обосновавшаяся в оккупированной зоне, играли роль правой оппозиции по отношению к режиму Петэна, что, по мысли немцев, должно было подчеркивать "самостоятельность" последнего. В сентябре — декабре 1940 г. руководителем французского фашизма рядом с Петэном был Лаваль. В декабре он вынужден был уйти, но с апреля 1942 г., когда показная независимость Петэна стала бесполезной для немцев, а мобилизация всех ресурсов Франции для войны на Востоке стала необходимостью, Гитлер опять поставил Лаваля во главе вишийского "правительства".

Каждый день существования режима Виши показывал непримиримое отношение к нему французского народа. Даже люди, не связанные с движением Сопротивления, не признавали режима Петэна—Лаваля. В ноябре 1942 г., в связи с высадкой союзников в Северной Африке, Гитлер отдал приказ об оккупации германскими войсками всей Франции. Существование "правительства" Виши фактически прекратилось.

Борьба за освобождение Франции. Освобождение Алжира было первым актом освобождения Франции от гитлеровского ига. В день высадки англо-американских войск в Алжире и ряде других портовых городов французское население восстало против вишийской администрации и облегчило десантные операции союзников. Адмирал Дарлан, назначенный Петэном верховным комиссаром Северной Африки, пытался сначала организовать сопротивление, но сразу же попал в руки американцев, отказался от мысли о сопротивлении и с разрешения этих последних сформировал действовавшее от имени Петэна правительство Северной Африки. Так же поступили другие колониальные администраторы Виши. Это была попытка части французского фашизма перейти на службу к американцам и добиться их поддержки против республиканцев.

Англичане же, в отличие от американцев, не поддерживавшие открытых связей с режимом Виши, делали ставку с некоторыми оговорками на движение "Сражающейся Франции", руководимое уже с июня 1940 г. лондонским комитетом генерала де Голля. Заслугой Шарля де Голля было то, что он в день капитуляции призвал французов продолжать борьбу и в трудные для союзников дни сумел отколоть от Виши часть французских колоний (Экваториальная Африка) и флот. Но в составе движения де Голля

было немало реакционных элементов из прежних правых партий и даже из числа кагуляров.

Однако главную силу этого движения составили демократические элементы: французская коммунистическая и социалистическая эмиграция, а внутри Франции с ним установило связь широкое антифашистское движение Сопротивления. Это придало движению "Сражающейся Франции" политический авторитет и вынудило американцев дать согласие на передачу под власть де Голля французской Северной Африки. В 1943 г. в Алжире были созданы новые французские органы власти ("Консультативная ассамблея" и др.), действовавшие уже не от имени Петэна, а именем республики.

Временное правительство. Весной 1944 г., когда стала ясной — в связи с поражением немцев на Востоке — неизбежность скорого освобождения Франции, де Голлю пришлось впервые допустить в свой комитет представителей коммунистической партии и движения Сопротивления внутри Франции. После этого он решился провозгласить свой комитет Временным правительством Французской республики. Оно было признано СССР, Англией и США. Через 2 месяца после открытия второго фронта в Европе, в конце августа 1944 г., правительство де Голля прибыло в освобожденный Париж. Вместе с коммунистами и социалистами в правительство вошли в большом количестве представители радикалов и правых ("независимые республиканцы"). Среди новых министров были уже деятели движения Сопротивления внутри Франции. В качестве представителя Национального совета Сопротивления вошел в состав совета министров, получив портфель министра иностранных дел, лидер так называемого Народно-республиканского движения — Бидо.

Национальный совет Сопротивления. Инициатором антигерманского движения Сопротивления была коммунистическая партия Франции. К моменту капитуляции она была единственной силой, способной организовать партизанское и вообще подпольное движение против фашистских оккупантов. Уже в мае 1941 г. коммунистам удалось создать массовую организацию Сопротивления — Национальный фронт. Коммунисты были до конца самыми последовательными деятелями Сопротивления. 75 тысяч французских коммунистов погибли от рук гитлеровских палачей.

Позже и социалисты создали ряд групп Сопротивления и объединили их в Движение национального освобождения.

Наконец, некоторые буржуазно-католические группы, убедившись в том, что "правительство" Петэна—Лаваля мало чем отличается от германской комендатуры, объединились в так называемую Гражданскую и военную организацию.

В 1943 г. все три организации вместе с нелегальными профессиональными союзами (опиравшимися на нелегальные "народ-

ные комитеты" на предприятиях) создали единый центр — Национальный совет Сопротивления и подпольную армию, насчитывавшую не менее 125 тысяч бойцов. Когда в августе 1944 г. союзники подошли к Парижу, город уже был освобожден войсками Сопротивления и восставшими рабочими столицы.

Национальный совет Сопротивления был, по сути дела, ядром новой демократической государственности, да и на местах в ряде случаев советы Сопротивления создавали временные местные органы власти. Но англо-американское командование не допустило такого развития событий, заявив, что признает только правительство де Голля и уполномоченных им лиц.

Де Голль официально одобрил программу Национального совета Сопротивления: национализацию ключевых отраслей промышленности и банков, чистку государственного аппарата и наказание изменников, привлечение сил Сопротивления к управлению страной.

Однако на деле генерал де Голль и большинство его министров заняли реакционную позицию, предавшие Францию и выполнявшие четыре года немецкие заказы монополии сохранили свое имущество, лишь очень немногие вишийцы были арестованы.

Совершенно иным было отношение союзного командования и де Голля к силам Сопротивления. Вместо того чтобы превратить их в ядро новой, демократической французской армии, их влили в руководимые реакционным офицерством, подобранным еще Дарланом, алжирские войска. Лучшую же часть внутренних сил Сопротивления, освободителей Парижа, — так называемую патриотическую гвардию — в октябре 1944 г. просто разоружили, недвусмысленно заявив, что, если они не подчинятся, в дело вмешаются расквартированные во французской столице американские дивизии.

Известное размежевание сил реакции и демократии произошло в октябре 1945 г. На референдуме из 19 млн голосов (в круглых цифрах) свыше 18 млн подано было за созыв Учредительного собрания, т. е. за создание новой конституции. Тогда же состоялись и выборы Учредительного собрания. Коммунистическая партия оказалась первой по числу полученных голосов и мандатов.

Коммунистическая партия. Большинство французского пролетариата шло теперь за коммунистами, число членов партии приближалось к миллиону. В возрожденной, насчитывавшей уже около 6 миллионов членов Всеобщей конфедерации труда на три четверти руководящих постов были избраны коммунисты. Коммунисты получили на выборах в Учредительное собрание 4,8 миллиона голосов. Политические позиции коммунистической партии не поколебались и в дальнейшем. На выборах во второе Учредительное собрание за нее было подано 5,2 миллиона голосов, а на выборах в Национальное собрание — почти 6 миллионов голосов. В На-

циональном собрании коммунистическая фракция насчитывает 186 депутатов и является наиболее многочисленной.

Социалисты. Иначе обстояло дело с социалистической партией. Не пожелав установить единый фронт с коммунистами в первом Учредительном собрании, социалисты спасли буржуазный строй во Франции. Благодаря их поддержке де Голль установил реакционный временный режим, ограничивавший власть Учредительного собрания. Благодаря их поддержке де Голль сумел свести к минимуму программу национализации, ограничив ее частью угольных шахт и электростанций, железными дорогами и несколькими банками, причем фактическое управление выкупленной собственностью осталось в руках бывших владельцев. Политика сотрудничества с буржуазией проводилась социалистическими лидерами (во главе которых вновь появился Блюм) и после 20 января 1946 г., когда генерал де Голль подал в отставку и его место занял социалист Феликс Гуэн.

Отставка де Голля была вызвана тем, что социалисты вынуждены были под давлением рабочего класса пересмотреть свои первоначальные позиции по конституционному вопросу и голосовать за демократический проект конституции. Но на референдуме 26 мая 1946 г. социалисты отказались от совместной с коммунистами борьбы за утверждение конституции и заняли позиции пассивного выжидания, что и привело к неутверждению конституции.

Такая политика привела к тому, что социалистическая партия растеряла значительную часть политического авторитета, приобретенного участием в движения Сопротивления. Число членов партии не превышает 200 тысяч. На выборах в первое Учредительное собрание за социалистов голосовало 4,5 миллиона избирателей, на выборах во второе Учредительное собрание — только 4,2 миллиона, а на парламентских выборах в ноябре 1946 г. — меньше 4 миллионов. При этом социалисты собирают больше голосов среди городской мелкой буржуазии, чем среди рабочих. Социалистическая фракция в Национальном собрании насчитывает 106 депутатов.

МРП. Третьей крупной политической партией оказалось католическое Народно-республиканское движение (МРП), ядром которого послужила существовавшая еще до войны малочисленная и реакционная народно-демократическая партия (христианские социалисты). В отличие от большинства епископов, низшее духовенство Франции недружелюбно отнеслось к германской оккупации. Приходские священники поддержали "народных демократов" — единственную католическую группу, не пошедшую на службу к немцам. При помощи приходского духовенства народно-республиканское движение завоевало себе массовую поддержку среди крестьянства. Оставаясь, в общем, при старой реакционной програм-

ме, руководители этого движения приняли активное участие в сопротивлении немецко-фашистским оккупантам, что и создало им политический авторитет. После освобождения Франции крупная буржуазия и Ватикан учли преимущества МРП перед опозоренными капитуляцией старыми буржуазными партиями и предоставили ей большие средства и возможности. На выборах в первое Учредительное собрание МРП получила 4,6 миллиона голосов, во второе — 5,5 миллиона, на выборах в Национальное собрание — 5,2 миллиона голосов. Фракция МРП насчитывает в Национальном собрании 163 депутата и является второй по силе (после коммунистической) парламентской фракцией.

Лагерь крайней реакции. Радикалы не сумели после освобождения Франции восстановить свое положение. Мюнхенская политика Даладье, как каинова печать, горит на лице радикальной партии. Ей пришлось вообще спрятать свое лицо и выступать вместе с мелкими группами под вывеской Республиканского объединения. Во всех трех Собраниях это объединение насчитывало по несколько десятков депутатов. В таком же положении оказались крайне правые партии; им не помогли многочисленные реорганизации и переименования. Демократический альянс и старая Республиканская федерация уступили ведущее место новой так называемой Республиканской партии свободы, такой же непосредственной агентуре крупных трестов. Крайне правым не удалось создать массовой партии. Все они вместе, имевшие до войны большинство в парламенте, теперь собрали меньше голосов, чем одна коммунистическая партия. В Национальном собрании реакция имеет около 80 депутатских мест, а Республиканское объединение — немногим более шестидесяти. Несколько мандатов принадлежит мусульманским партиям, существующим в колониях.

Борьба между демократией и реакцией. Политическая борьба велась в течение 1945—1946 гг. вокруг ряда вопросов, решение которых должно было определить судьбу Франции. Коммунисты отстаивали прежде всего принятие демократической конституции, и им удалось добиться значительной демократизации государственного строя. На страже республиканского строя стоят, кроме коммунистической партии и профессиональных союзов, такие массовые организации, как Республиканская молодежь Франции, Союз французских женщин, рабочие комитеты на предприятиях.

Гораздо труднее оказалось защищать экономические интересы трудящихся. Номинальная заработная плата рабочих выросла по сравнению с довоенным уровнем в 4 раза, а цены — в 8—10 раз. Между тем даже минимальное требование ВКТ о повышении ставок на 25% вызвало ожесточенное сопротивление правого лагеря, хотя доходы трестов по сравнению с довоенным временем выросли в шесть раз. Стремясь дискредитировать и ослабить левые партии, в первую очередь коммунистов, предприниматели и банки

всеми мерами препятствуют героическим усилиям рабочих поднять производство, отказываются вкладывать капиталы в дело восстановления, стараются сорвать мероприятия по укреплению франка. Методами саботажа реакция пытается сделать то, что ей не удалось на выборах: сорвать план восстановления экономики, вместе с этим сорвать планы национализации промышленности и банков, нарочито создаваемыми трудностями осложнить деятельность правительства, с тем чтобы перейти в наступление и добиться победы.

Борьба идет и вокруг вопросов внешней политики. Коммунистическая партия последовательно добивалась и добивается демократической внешней политики, обеспечивающей безопасность и независимость Французской республики: разоружения и демократизации Германии, ликвидации франкистской диктатуры в Испании, строгого соблюдения Устава Организации Объединенных Наций. Центром сопротивления этой линии являлись правые и социалисты.

Все буржуазные партии ставили перед собой общую цель — отстранить коммунистов от участия в правительстве. Но это означало в послевоенных условиях объявить открытую войну рабочему классу. Социалисты высказывались против создания левого правительства, но за участие коммунистов в широкой правительственной коалиции, боясь, в случае вступления в кабинет без коммунистов, окончательно изолировать себя от рабочего класса и разделить в результате печальную судьбу радикалов. В свою очередь, коммунисты считали более целесообразным в сложной послевоенной обстановке отстаивать интересы трудящихся внутри правительства.

Тем не менее МРП и радикалы непримиримо противились предоставлению коммунистической партии важных постов в кабинете (портфелей иностранных дел, внутренних дел, национальной обороны), согласившись в конце концов лишь на частичное участие коммунистов в руководстве делом обороны. Коммунисты возглавляли министерства промышленного производства, вооружений, труда и, в последнем кабинете Временного правительства (Бидо), кроме того, — министерства реконструкции и здравоохранения. Им принадлежал также пост вице-премьера (М. Торез).

МРП и радикалы не поддержали после выборов в Национальное собрание кандидатуры Мориса Тореза на пост премьера, хотя он был лидером крупнейшей фракции Собрания. Лишь в январе 1947 г., после кратковременного существования правительства Блюма, состоявшего из одних социалистов, удалось сформировать правительственную коалицию.

16 января 1947 г. на объединенном заседании обеих палат парламента состоялись выборы президента республики. Большинством 454 голосов из 833 был избран социалист Венсан Ориоль.

Президент с одобрения Национального собрания поручил формирование кабинета правому социалисту Рамадье.

Больше всего портфелей в первом постоянном правительстве (девять) попало в руки потерпевшей поражение на выборах социалистической партии. Эта партия, несмотря на свою относительную слабость в стране и в Собрании, заняла руководящее положение в правительстве как доверенная партия буржуазии, способная более гибко, чем правые, охранять интересы капитала. Не случайно больше половины министров-социалистов были известны как противники сотрудничества с коммунистической партией.

Коммунистическая партия и Народно-республиканское движение получили по пять портфелей. Такое же количество досталось Республиканскому объединению (радикалы и их союзники), крайне слабому в стране и в Собрании. Однако механизм буржуазной демократии, легко позволяющий поступать прямо вопреки результатам выборов, привел к тому, что сила радикалов оказалась именно в их слабости: маленькая радикальная фракция могла оказаться в роли арбитра между "левой" (социалисты и коммунисты) и "правой" (Республиканская партия свободы, МРП и др.). Из состава правого крыла в правительство вошли два так называемых "независимых республиканца". В оппозиции осталась только Республиканская партия свободы, являющаяся замаскированной фашистской организацией, и созданная позже де Голлем реакционная организация — Объединение французского народа.

Распределение портфелей в правительстве Рамадье не отражало действительной расстановки сил в стране и, самое главное, не отвечало действительной силе и влиянию коммунистической партии. Оно было результатом политической борьбы, в которой правые партии и вместе с ними социалисты добивались устранения коммунистов из правительства, что им удалось только в мае 1947 г. под нажимом и при поддержке американской реакции.

§ 2. Государственный строй

Парламент. По окончании первой мировой войны, в 1919 г., состоялись очередные выборы во французскую палату депутатов. Парламентская жизнь возобновилась. Она мало отличалась от французской парламентской жизни XIX столетия. Только еще ничтожнее стал средний депутат и сенатор, еще уже стал круг лидеров, влияющих на решение государственных дел. Регламент палаты был изменен в сторону некоторого ограничения прений и увеличения власти председателя.

Роль недемократического по способу избрания сената относительно возросла. Уход кабинета в отставку в результате неблагоприятного вотума сената стал обычным явлением. Так, верхняя палата свергла в 1925 г. кабинеты Эррио и Пенлеве, в 1929 г. —

кабинет Бриана, в 1930 г. — Тардье, в 1937 г. — Блюма. Палата депутатов ни разу не оспаривала принципа ответственности правительства перед обеими палатами, формально установленного ст. 7 конституционного закона 25 февраля 1875 г.

Увеличилось значение и число парламентских комиссий. В 1936 г. в палате депутатов насчитывалось уже 26 комиссий. Из них наиболее влиятельная была финансовая. В сенате имелось 11 комиссий.

Парламент еще в большей мере, чем до войны, ослаблялся многопартийностью; число парламентских групп превышало число партий в стране. Количество групп и группочек в палате имело тенденцию к росту: в 1925 г. в палате насчитывалось 11 фракций, в 1932 г. — 18, в 1936 г. — 17, в сенате почти неизменно существовало семь групп и немало так называемых "независимых".

Избирательное право. Избирательное право осталось без изменений. Принятый палатой депутатов в 1919 г. закон о предоставлении права голоса женщинам был в 1922 г., к величайшему облегчению большинства депутатов, отвергнут сенатом. Происходили изменения в избирательной системе. В 1919 г. решено было перейти к системе голосования списком, по департаментам. Это не было, однако, введением пропорционального представительства. Список, получавший абсолютное большинство, проходил целиком, и только если ни один список в департаменте не получал большинства, производились сложные расчеты на пропорциональной основе. Эта система оборачивалась неизменно против левых партий, сила которых была в городах. В 1919 г. социалистическая партия собрала 1,7 миллиона голосов против 1,4 миллиона, полученных в 1914 г., но потеряла треть депутатских мест. В 1924 г. коммунисты собрали на 125 тысяч голосов больше, чем социалисты, но получили в четыре раза меньше мандатов. В избирательных коллегиях, которые выбирали сенаторов, по-прежнему подавляющее большинство обеспечивалось представителями сельских общин.

В июле 1927 г. было принято решение вернуться к мажоритарной системе. Мажоритарная система в 1932 г. оправдала надежды буржуазии. Коммунисты собрав миллион голосов и завоевали всего 10 мандатов, в то время как социалисты, например, получили 100 мандатов, собрав менее 2 миллионов голосов. Зато опыт 1936 г. показал, что стоит демократическим партиям объединиться, и они могут преодолеть трудности мажоритарной избирательной системы.

Характеризуя французскую избирательную систему, М. Кашен писал: "Дело в том, что, опасаясь пролетарского движения, французская буржуазия разделила Францию и Париж на маленькие округа, которые Бриан в свое время называл стоячими болотами. На первом туре выборов в этих округах участвуют кандидаты всех партий, причем редко кандидат какой-либо партии полу-

чает решающее большинство. Приходится назначать второй тур, на котором, однако, все кандидаты различных партий объединяются против кандидатов компартии. Если объединить количество голосов, полученных компартией во всех этих округах, то это число окажется весьма внушительным. Но лишь в самых редких случаях коммунист может получить больше голосов, чем все кандидаты других партий, вместе взятые. Таким образом, компартия имеет, как говорится в Евангелии, много званых, но мало избранных"[1].

Президент. Институт главы государства не претерпел в этот период существенных изменений. С окончанием президентских полномочий Пуанкаре (январь 1920 г.) Третья республика не знала уже активных президентов. После неудачной попытки Мильерана вмешаться в партийную борьбу на стороне правых в 1924 г. победивший на выборах "левый картель" вынудил формально безответственного главу государства подать в отставку, и партии возобновили молчаливый договор об избрании на президентский пост лишь второстепенных лиц (Думерг, Думер, Лебрэн). Это, однако, имело и свою оборотную сторону: в 1940 г., когда силы сторонников и противников капитуляции в правящих кругах были почти равны, многое зависело от решения Президента Лебрэна. Он не мог бы, конечно, помешать оккупации Франции врагом, но он мог назначить такое правительство, которое переехало бы в Алжир и продолжало бы борьбу. Ничтожный Президент не посмел выполнить свой конституционный долг и покорно уступил место Петэну.

Совет министров. Период 1918—1940 гг. был периодом непрерывного роста власти совета министров и особенно его председателя (премьера). Правда, средняя продолжительность службы одного кабинета упала до 6 месяцев (в предыдущий период — 9 месяцев), но в состав кабинетов больше, чем когда-либо, назначались одни и те же лица: Бриан, бывший одиннадцать раз главой правительства и министром почти во всех кабинетах, Тардье, Шотан, Пенлеве, Фланден, Лаваль, Даладье и еще десятка два лиц были тем узким кругом, который поставлял Франции министров.

После Клемансо уже не оспаривалось мнение о том, что Третьей республике необходим властный председатель совета министров. Все премьеры, вплоть до Даладье, стремились походить на "тигра". Канцелярия премьер-министра разрослась и придавила ряд министерств. При председателе совета министров с января 1933 г. состояли советы национальной экономики (в котором, между прочим, заседали представители "профессий"), Высший совет национальной обороны и др. Поль Дешанель, побывавший и на посту премьера, и на президентском посту, писал: "Непредусмотренная законом власть председателя совета министров поглотила мало-помалу другие органы власти. Она уничтожила или парали-

[1] Конституции буржуазных стран. М., 1935. Т. 1. С. 64.

зовала власть президента республики, председателя палаты, министров, самих палат, которые в великой исторической драме в состоянии только регистрировать совершившиеся факты".

Практика бесконтрольного делегированного законодательства практиковалась не только Пуанкаре, Думергом, Лавалем и Даладье, при которых она особенно процветала, но и всеми другими премьерами. Последний глава правительства Третьей республики Поль Рейно заявил в палате, что каждый раз при утверждении бюджета парламент автоматически тем самым одобряет все изданные ранее чрезвычайные декреты. Этот нелепый тезис встретил полное одобрение палаты (из которой уже были удалены коммунисты).

Местное управление. Административное деление и местное управление сохранились в общем в том же виде, в каком существовали до войны. В каждом из 90 департаментов полным хозяином оставался префект — чиновник министерства внутренних дел. В 38 014 коммунах существовали муниципальные советы, избиравшиеся всеобщим голосованием по системе пропорционального представительства сроком на 6 лет. Деятельность муниципалитетов была еще более стеснена, чем до войны 1914—1918 гг. Им не разрешалось, в частности, открывать свои предприятия.

Конец Третьей республики. Несмотря на то, что действительный государственный строй Третьей республики был весьма далек от подлинного демократизма, ведущие буржуазные политики уже давно требовали пересмотра Конституции в реакционном духе. Тардье, Пуанкаре и Думерг в 1933—1934 гг. ставили вопрос об отмене парламентской ответственности правительства.

После того, как Даладье добился удаления из парламента единственных подлинных защитников демократии — коммунистов, большинство в палате депутатов оказалось у правых партий, причем даже те правые, которые не были сторонниками немцев, были все же сторонниками упразднения парламентских учреждений. На созванном Петэном в июле 1940 г. заседании Национального собрания (совместное заседание обеих палат) присутствовало 649 депутатов и сенаторов из 932. Большинством 569 голосов против 80 французский парламент совершил самоубийство и предательство, передав Петэну законодательную власть и право издать новую конституцию. Это постановление послужило юридической основой для марионеточного режима Виши.

Однако полномочия на издание конституционных актов были даны Петэну при условии, что он их представит на одобрение народного представительства. Так как это никогда не было сделано, июльское решение потеряло всякое юридическое значение, и режим Петэна формально, как и фактически, был чистой узурпацией.

Первым же декретом Петэн присвоил себе звание, права и функции главы французского государства. Должность президента

республики упразднялась. Самое слово "республика" более не употреблялось. Второй декрет разъяснял, что "глава французского государства обладает всей полнотой государственной власти. Он назначает и увольняет министров и государственных секретарей, которые ответственны только перед ним... Он осуществляет законодательную власть в совете министров... провозглашает законы и обеспечивает их исполнение... Он назначает на все должности... имеет право амнистии... ратифицирует договоры... может объявлять осадное положение..."

Созыв палат был сначала отсрочен на неопределенное время, а потом (25 августа 1942 г.) они вовсе были упразднены. Петэн обещал созвать новое законодательное собрание, но, конечно, не сделал этого. 22 января 1941 г. им было назначено совещательное собрание из двухсот вполне надежных с фашистской точки зрения личностей. Но и этот орган не играл никакой роли. 18 апреля 1942 г., когда Лаваль стал премьер-министром, "глава французского государства" передоверил ему всю исполнительную власть, а 17 ноября 1942 г., когда неоккупированная зона прекратила свое существование, он передал Лавалю и свое "право" издавать законы. Фактически же Францией управляли немцы через специальные комиссии, созданные для контроля за исполнением условий перемирия между Францией и Германией.

На путях к Четвертой республике. Зародышем будущего правительства Четвертой республики стал сформированный 23 июня 1940 г. в Лондоне Временный французский национальный комитет с де Голлем во главе, состоявший из девяти так называемых "национальных комиссаров". Власть Комитета признал с самого начала ряд французских колоний. Признанный британским правительством в качестве лидера всех свободных французов, де Голль приступил к формированию собственных вооруженных сил. В октябре 1942 г. движение, возглавлявшееся де Голлем, приняло наименование "Сражающейся Франции".

Как указывалось выше, адмирал Дарлан, а после его смерти генерал Жиро пытались и после высадки союзников в Северной Африке сохранить там подобие режима Виши. 7 декабря 1942 г. Дарлан провозгласил себя "главой государства в Северной Африке". Жиро назвал себя (7 февраля 1943 г.) "французским гражданским и военным главнокомандующим" и назначил при себе совещательный комитет из генералов и экономический совет. Однако население Северной Африки не желало иметь дело с "главнокомандующим", Тогда был создан под двойным председательством прибывшего в Алжир в июле 1943 г. де Голля и Жиро Французский комитет национального освобождения. В ноябре 1943 г. Жиро пришлось уйти в отставку, и Северная Африка окончательно стала базой движения "Сражающейся Франции". При Французском комитете национального освобождения была создана Консультатив-

ная ассамблея, куда вошли представители от генеральных советов Алжира и алжирских политических организаций, представители движения Сопротивления внутри Франции и 20 бывших депутатов и сенаторов. Ассамблея была совещательным органом, но подготовила почву для восстановления французского парламентаризма.

21 апреля 1944 г. ФКНО издал декрет о том, что Национальное учредительное собрание, которое решит вопрос о государственном строе Французской республики, должно быть созвано через год после освобождения Франции. Все законы и декреты, изданные в Виши, объявлялись недействительными.

Вскоре после этого Консультативная ассамблея поставила перед ФКНО вопрос о переименовании его во Временное правительство Французской республики, что и было осуществлено. В августе 1944 г. правительство, как уже указано, переехало в Париж.

9 октября 1944 г. Консультативная ассамблея была реорганизована: в ее состав было введено 248 человек, из которых 151 — деятели движения внутреннего Сопротивления.

Первыми свободными выборами были муниципальные выборы в апреле—мае 1945 г. На основании декрета, изданного еще в Алжире, впервые в выборах участвовали женщины. Явка на выборы была рекордной для Франции — 80—90%.

Учредительное собрание и референдум. В октябре 1945 г. состоялись выборы в Учредительное собрание и одновременно референдум, на котором большинством (66%) голосов был утвержден предложенный де Голлем и одобренный всеми партиями, кроме коммунистической, закон о временной организации власти, сильно ограничивавший права Учредительного собрания.

Собрание должно было в семимесячный срок выработать и представить на утверждение избирателей проект конституции. Оно могло также по предложению правительства принимать так называемые "органические" законы, например, о национализации. Оно утверждало доходные (но не расходные) статьи бюджета. В остальном власть принадлежала Временному правительству.

Учредительное собрание должно было избрать главу Временного правительства (он же и временный глава государства), затем утвердить предложенный им состав совета министров, после чего правительство фактически уже не несло ответственности перед Собранием, поскольку не было обязано выходить в отставку в случае неблагоприятного для него голосования Собрания.

Такая форма организации власти действовала и после избрания 2 июля 1946 г. второго Учредительного собрания, вплоть до того, как 30 сентября 1946 г. была принята и с избранием Президента республики введена в действие новая Конституция.

Первый проект конституции, выработанный Учредительным собранием после продолжительной борьбы между левыми и пра-

выми партиями, был поставлен на всенародное голосование 5 мая 1946 г. В Учредительном собрании он был принят 309 голосами против 249. Однако в результате референдума проект был отклонен: за него высказалось 47% голосов (9,3 млн человек), против него голосовало 53% (10,5 млн).

В конституционном вопросе реакция сплотилась главным образом вокруг требования второй палаты и широких полномочий президента.

Вторую палату реакция желала иметь в качестве противовеса Национальному собранию (нижней палате), препятствующего последней в осуществлении социальных и экономических реформ. Для этого, разумеется, нужно было обеспечить соответствующий состав верхней палаты. Де Голль предлагал, чтобы она избиралась трестами, концернами и банками, которые он из осторожности объединял под названием "экономических" организаций, муниципальными органами и "интеллектуальными" обществами. Другая часть реакции желала поручить комплектование верхней палаты одним только генеральным и муниципальным органам.

Расширения полномочий президента правые партии, в том числе и МРП, добивались в надежде, что это даст возможность их кандидату в президенты де Голлю самовольно и бесконтрольно управлять Францией.

Первый проект конституции, главным и наиболее последовательным защитником которого была коммунистическая партия, предусматривал однопалатный парламент и серьезно ограничивал права президента.

Вслед за отклонением этого проекта состоялись выборы в новое Учредительное собрание. На этих выборах (июнь 1946 г.) коммунистическая партия получила на 140 тысяч голосов больше, чем в октябре 1945 г., но в силу избирательной механики потеряла 4 мандата. Наибольшее количество мест получила МРП, хотя число голосовавших за нее увеличилось всего на 9 тысяч человек. Во втором Учредительном собрании эта партия имела 162 мандата вместо 145 в первом, коммунистическая партия — 148 мандатов вместо 152.

Крупное поражение потерпели, как уже указывалось, социалисты. За полгода они потеряли более 300 тысяч голосов и получили 120 мандатов вместо 136.

При обсуждении второго проекта конституции левые партии были вынуждены пойти на некоторые уступки, которые, однако, не нарушали общего демократического и прогрессивного характера конституции. Они согласились на введение второй палаты (Совета республики), права которой, однако, ограничиваются рекомендациями Национальному собранию, не обязательными для последнего. Выборы членов Совета носят в своей основе демократический характер. Несколько расширив права президента в сравнении

с предыдущим проектом, конституция приняла меры против превращения президента в диктатора.

МРП присоединилась к коммунистам и социалистам, и проект конституции был принят Учредительным собранием. Референдум 13 октября 1946 г. принес ее утверждение, хотя и незначительным большинством голосов (53% высказалось за, 47% — против).

В ноябре 1946 г., согласно новой Конституции, состоялись выборы в Национальное собрание. За коммунистическую партию голосовало на 430 тысяч больше, чем в июне. Новые выборы были новым поражением социалистов, жестоко поплатившихся за антикоммунистическую пропаганду и призывы к классовому миру потерей голосов рабочих. За 5—6 месяцев они лишились 643 тысяч избирателей. МРП потеряла около полумиллиона голосов, но в сравнении с Учредительным собранием сумела увеличить состав своей фракции на 1 депутата.

Таким образом, коммунисты оказались на первом месте и по числу собранных ими голосов, и по числу депутатских мест (186). Им принадлежит 30% всех мандатов.

Демократизация экономического строя. Выборы в Учредительное собрание и референдум наглядно свидетельствуют о значительном полевении не только основной массы французского рабочего класса, но и той части крестьянства и мелкой буржуазии, которая, голосуя за коммунистическую партию, выразила тем самым согласие на демократизацию не только государственного строя, но и французской экономики.

Сила французской реакции заключается до сих пор в том, что в ее руках находятся важные рычаги экономического давления. Идея национализации промышленности и банков родилась еще в недрах Сопротивления во время борьбы с Германией. Ее отстаивал не только рабочий класс, для которого осуществление национализации означает увеличение его доли в общенародном доходе, — ее поддерживала и часть мелкой буржуазии и ремесленников, разоренных концентрацией производства, проводившейся немцами и обогатившей пресловутые "200 семейств". Сотрудничество крупного капитала с врагом делало эту меру еще более популярной. Следует отметить, что, учитывая эти настроения, МРП должна была включить в свою программу лозунги борьбы с трестами и хотя на словах, но присоединиться к программе экономической реконструкции.

Уступая категорическим требованиям коммунистической партии, правительство де Голля вынуждено было еще в 1944 г. провести национализацию угольных шахт Севера и Па-де-Кале, на которые приходится $^2/_3$ всей французской добычи угля, автомобильных заводов Рено, авиамоторных заводов Гном и Рон, а также Компании воздушных сообщений. Эта национализация была в значительной степени фиктивной. Угольные компании получили от государства крупные денежные компенсации.

В 1945 г., когда на пост министра промышленного производства пришел коммунист Марсель Поль и весь состав правительства оказался более левым, была проведена национализация Французского банка и четырех других наиболее крупных банков Франции.

Учредительное собрание провело национализацию производства электроэнергии и газа, страховых компаний, в руках которых находились колоссальные средства, Алжирского банка и всех угольных шахт страны. Несмотря на отчаянное сопротивление электротрестов, агентурой которых выступала МРП, несмотря на сопротивление страховых и иных компаний, задетых национализацией, наконец, несмотря на активное давление со стороны Англии и США, первый тур борьбы за экономическое возрождение Франции на новой прогрессивной основе окончился победой рабочего класса и его партии.

Однако задача еще не решена, пока в руках трестов находится черная металлургия, промышленность цветных металлов и другие отрасли, за национализацию которых борются сейчас коммунисты.

"Битва за производство", осуществляемая рабочим классом под руководством коммунистической партии, принесла серьезные результаты — и главным образом на национализированных предприятиях. Уже в октябре 1946 г. добыча угля составляла 109% к довоенному уровню, грузооборот железных дорог — 102% и т. д.

В трудной борьбе с реакцией коммунистическая партия и Всеобщая конфедерация труда добились повышения заработной платы рабочих на 17,2—38%, приравнения заработной платы женщин к заработной плате мужчин, увеличения окладов государственных служащих, увеличения заработной платы сельскохозяйственных рабочих, — это крупные успехи коммунистической партии.

Новая французская Конституция. Принятию новой Конституции предшествовала, как уже сказано, острая и длительная политическая борьба. Реакция, программу которой особенно ярко развернул генерал де Голль в своем выступлении в г. Байе 16 июня 1946 г., предпочла бы не демократическое правительство, а диктатуру. Но реакция не могла установить нового "авторитарного" режима силой, так как это вызвало бы отпор со стороны всего французского народа и прежде всего рабочего класса, руководимого коммунистами и Всеобщей конфедерацией труда. С другой стороны, силы демократии, несмотря на свою организованность и мощь, не могли действовать внепарламентскими методами, так как за спиной де Голля стояло военное могущество Великобритании и США. Поэтому и реакция и демократия вынуждены были искать решения вопроса путем голосования, путем борьбы вокруг новой Конституции.

Утвержденная 13 октября 1946 г. Конституция носит на себе много следов политического компромисса, но в основе является

демократическим документом. Она воскрешает старинную Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., но дополняет ее такими демократическими принципами, как равноправие женщин, запрещение всякой дискриминации по мотивам происхождения, убеждения и вероисповедания, обязанность граждан трудиться, право на организацию профессиональных союзов и проведение забастовок, бесплатное светское образование, право государства ограничивать частные монополии, отказ от завоевательных войн и соблюдение международного права. Конституция провозглашает принцип всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Принятый одновременно с Конституцией избирательный закон предоставляет избирательное право мужчинам и женщинам, не исключая и военнослужащих, и вводит пропорциональное представительство. Каждый департамент составляет один избирательный округ, за исключением семи крупнейших департаментов, которые делятся на несколько округов.

Национальное собрание, избираемое на пятилетний срок, является нижней палатой. Вторая палата — Совет республики, но он сильно отличается от прежнего сената. Законы исходят от Национального собрания (которое не может никому делегировать законодательную власть), а Совет республики обладает лишь правом в течение двух месяцев предложить свои поправки. Если между палатами нет согласия, решение принадлежит Национальному собранию. Правительство несет политическую ответственность перед Национальным собранием. Выборы в Совет республики двухстепенные, но подавляющее большинство членов избирательных коллегий — делегаты, избранные путем всеобщих выборов на основе пропорционального представительства. В коллегии входят также генеральные и муниципальные советники и депутаты Национального собрания от департамента. Шестая часть Совета республики назначается Национальным собранием.

Президент республики избирается на совместном заседании Национального собрания и Совета республики тайным голосованием на 7 лет, причем может быть переизбран только один раз. Он имеет право в течение не более 10 дней просить парламент о пересмотре принятого закона. Если президент не обнародует закон в установленный срок, это делает председатель Национального собрания. Президент назначает на высшие гражданские и военные должности, но эти его акты, как и всякие другие, требуют скрепы председателя совета министров и соответствующего министра. Назначаемый президентом премьер не может приступить к формированию кабинета, пока Национальное собрание абсолютным большинством голосов не одобрит его кандидатуру и его программу.

Конституция устанавливает, что исполнительная власть вверяется совету министров, причем подчеркивается руководящая

роль его председателя. Совет министров обязан выходить в отставку, если Национальное собрание абсолютным большинством голосов выражает ему недоверие, но после двух правительственных кризисов, вызванных вотумом Собрания, совет министров может вынести решение о досрочном роспуске Национального собрания декретом президента.

В этом случае на время проведения избирательной кампании образуется правительство из представителей всех партий, возглавляемое председателем распущенного Национального собрания. Такое переходное правительство необходимо для того, чтобы воспрепятствовать попыткам правительственных партий повлиять на выборы или установить единоличную диктатуру.

Для рассмотрения судебных дел политического характера Национальное собрание избирает специальный Верховный суд. Все остальные суды подчиняются Высшему совету магистратуры, состоящему из президента республики, министра юстиции, четырех представителей от судебных чиновников, двух юристов по назначению президента и шести членов, избираемых Национальным собранием. Попытка реакции сохранить судебную систему, полностью независимую от законодательной власти, провалилась.

В Конституции нет упоминания о колониях, а говорится о Французском союзе, состоящем из метрополии, заморских департаментов и территорий, а также так называемых объединенных государств, т. е. автономных колоний. Руководство Союзом принадлежит правительству.

Проведение в жизнь демократических положений, имеющихся в новой Конституции Французской республики, зависит, разумеется, от фактического соотношения сил демократии и реакции. Действительный государственный строй Франции к началу 1947 г. еще очень далек от того, каким он должен быть по Конституции. Экономическое могущество монополий не подверглось необходимым ограничениям. Государственный аппарат как в министерствах, так и на местах состоит почти целиком из старых чиновников Третьей республики. Больше того, бюрократический аппарат вырос в полтора раза по сравнению с довоенным временем. Судьи на три четверти также остались старые, и дело доходило даже до забастовок присяжных заседателей, возмущенных тем, что судьи не выносили обвинительных приговоров изменникам родины, которых присяжные признавали виновными. Практиковалась продажа адвокатских должностей и т. п.

Ничего не изменилось пока в области местного управления. Сохранились даже созданные при Петэне наддепартаментские областные объединения (“режьон”), хотя еще в начале 1946 г., по предложению Тореза, были отозваны возглавлявшие эти объединения правительственные комиссары. Префекты оставались полными хозяевами департаментов, как это было до 1940 г.

Ничего не сделано для перестройки французской колониальной империи на основе принципов новой Конституции. Не было удовлетворено требование колониальных народов о предоставлении им статута объединенных государств, а против народа Вьетнама, который завоевал свою автономию и право на последовательно демократическую конституцию с оружием в руках, ведется несправедливая война. Колониальная администрация оставалась целиком в руках генералов и администраторов, назначенных в лучшем случае де Голлем, а в большинстве — вишийскими властями.

Таким образом, принятие Конституции 1946 г. явилось лишь началом нового этапа политической борьбы во Франции.

Конституция еще не была введена в жизнь, как правые партии и вместе с ней часть социалистов потребовали ее пересмотра. Под этим лозунгом французская реакция выступила на выборах в Национальное собрание (ноябрь 1946 г.).

Правительство Рамадье, руководящая роль в котором принадлежит правым социалистам и МРП, стало на путь нарушения Конституции, удалив 5 мая 1947 г. путем президентского декрета министров-коммунистов из состава кабинета под предлогом нарушения ими "министерской солидарности".

Единственным надежным защитником новой французской Конституции является коммунистическая партия Франции, группирующая вокруг себя все наиболее прогрессивные силы и неустанно работающая над сплочением демократических сил страны.

Глава 19. ГЕРМАНИЯ В 1917—1947 гг.

§ 1. Революция 1918 года

Образование Советов. Ликвидация их правыми социал-демократами. В результате империалистической войны 1914—1918 гг. Германия потерпела поражение. Поражение Германии имело своим следствием резкое обострение и без того уже накаленной политической ситуации в стране. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции происходило дальнейшее революционизирование рабочих масс Германии. Уже в январе 1918 г. в важнейших пролетарских центрах возникла всеобщая забастовка, в которой участвовало свыше 600 тысяч рабочих. Бастующие требовали хлеба, мира, отмены милитаризации предприятий, демократизации государственных учреждений и амнистии политическим заключенным.

В ходе забастовки в ряде мест Германии возникли подпольные Советы рабочих депутатов. Забастовка была сорвана из-за предательской политики правых социал-демократов — Эберта и Шейдемана. Тем не менее она была предвестником наступавшей революции.

Революция в Германии началась 3 ноября вооруженным восстанием в Киле революционных матросов военно-морского флота, отказавшихся выполнить приказ командования о вступлении в бой с английским флотом и начавших расправу с офицерами. Совет солдатских и матросских депутатов и Совет рабочих депутатов Киля немедленно начали вооружать рабочих, солдат и матросов. Восстание распространилось и на другие города. Рабочие, солдатские и матросские массы повсюду стали создавать Советы. В течение нескольких дней Советы возникли в Гамбурге, Лейпциге, Штутгарте, Ганновере, Мюнхене и в других городах.

Германский император бежал из Германии в Голландию и отрекся от престола. За ним отреклись от престола короли, князья, герцоги, стоявшие во главе отдельных германских государств.

В течение ноября 1918 г. почти вся Германия покрылась сетью Советов. Однако Советы в Германии не имели надлежащего руководства со стороны подлинно революционной пролетарской партии.

Еще в начале 1917 г. в социал-демократической партии Германии произошел раскол. Тогда же возникла новая партия — независимая социал-демократическая партия Германии. Ее возглавили оппортунисты Каутский, Бернштейн и другие.

Организованный еще в начале первой мировой войны Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург союз "Спартак" (будущая коммунистическая партия Германии) вошел в состав независимой социал-демократической партии. Это была ошибка союза "Спартак", не понявшего вследствие своей идеологической слабости необходимости создать партию нового типа. В результате этого пролетариат Германии во время революции не имел своей собственной подлинно революционной партии.

Социал-демократам удалось захватить руководство Советами в свои руки, и использовать их для борьбы против революции. В этом им помогали и так называемые независимые социал-демократы, в частности, своей политикой сочетания Советов с Учредительным собранием.

В ноябре 1918 г. по постановлению берлинского Совета рабочих и солдатских депутатов было создано центральное правительство Германской республики. Оно было названо Советом народных уполномоченных. Возглавлял его социал-демократ Эберт. От социал-демократов в правительство вошли еще Шейдеман и Ландсберг. От независимой социал-демократической партии в правительство вошли три представителя.

Революционные рабочие и солдаты потребовали вхождения в состав правительства вождя спартаковцев Карла Либкнехта. Свое вступление в правительство Либкнехт обусловил передачей всей власти в руки Советов и исключением из правительства его буржуазных членов. Условия Либкнехта не были приняты, и он отказался войти в правительство.

Правительство Эберта по своей классовой природе было буржуазным, а революционное наименование и лозунги "социальной республики" призваны были лишь затушевать его действительную классовую сущность и обмануть народные массы. При помощи сохраненного социал-демократами старого государственного аппарата, державшегося на том же социальном базисе, что и прежде, социал-демократия делала все для того, чтобы сломить натиск революции и сохранить власть буржуазии.

Правительство Эберта подчинило себе исполком берлинского Совета и оттеснило другие Советы на задний план.

В период с 16 по 21 декабря 1918 г. происходил первый съезд Советов Германии. Большинство делегатов съезда составляли социал-демократы (288 из 490). Спартаковцев было всего 10 человек. Социал-демократическое руководство приняло все меры к тому, чтобы Карл Либкнехт и Роза Люксембург не могли принимать участие в работе съезда.

Принятыми съездом решениями была подготовлена открытая и полная ликвидация Советов. Съезд отклонил предложение спартаковцев об объявлении Германии единой социалистической республикой и о советской системе организации власти как осно-

ве будущей конституции Германии, принял решение о передаче исполнительной и законодательной власти правительству Эберта, о созыве Национального учредительного собрания и назначении выборов в это Собрание на 19 января 1919 г. В избранный съездом Центральный Совет, наделенный функцией парламентского контроля над правительством, вошли лишь правые социал-демократы.

Подавление революции. После съезда Советов правительство Эберта приняло все меры к подавлению революционного движения. В этой крайне напряженной обстановке независимые социал-демократы вышли из состава правительства, и оно было пополнено социал-демократами Висселем и Носке. В руках Носке была сосредоточена вся военная власть, использованная им для разгрома революционного движения.

В провокационных целях правительство Эберта объявило об увольнении популярного в массах берлинского полицей-президента Эйхгорна. Сделано это было для того, чтобы толкнуть к восстанию берлинских рабочих, не успевших еще организоваться и вооружиться.

Руководящий центр берлинского восстания — Временный революционный комитет объявил правительство Эберта низвергнутым и временно принял на себя функции правительства. Однако, несмотря на требование Либкнехта о быстрых и решительных действиях, Временный революционный комитет действовал не энергично. Это дало возможность Носке стянуть контрреволюционные отряды и подготовить разгром берлинского восстания в январских боях 1919 г.

В ночь с 15 на 16 января 1919 г. по приказу Эберта и Носке контрреволюционные офицеры зверски убили вождей германского пролетариата — Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Вскоре были подавлены революционные выступления пролетариата и в других промышленных центрах Германии (Рейнско-Вестфальской области, Саксонии, Баварии и др.). В течение марта—апреля 1919 г. были разгромлены последние очаги советской власти. В начале мая после героических боев пала Баварская советская республика.

Несмотря на наличие всех объективных условий для победы пролетариата, германская революция окончилась победой буржуазии. Решающее значение имела слабость германского пролетариата, в течение многих лет обрабатывавшегося социал-демократами в духе реформизма и шовинизма. Величайшей бедой германского пролетариата было то, что он в этот один из наиболее революционных моментов своей истории оказался в плену у социал-демократии и пошел в своей основной массе за ней, что он не имел своей революционной партии — коммунистической. Когда в ходе революции коммунистическая партия возникла, она оказалась еще слишком слабой, чтобы вырвать пролетариат у социал-демократии и повести его за собой.

§ 2. Веймарская конституция

Учредительное собрание. 6 февраля 1919 г. в Веймаре открылось Учредительное собрание, руководящая роль в котором принадлежала социал-демократам. Социал-демократическое руководство Советов заявило Учредительному собранию об их самоликвидации. Возникшая к этому времени коммунистическая партия в Учредительном собрании участия не принимала, заняв по отношению к нему позицию бойкота.

Учредительное собрание 262 голосами против 75 приняло конституцию, известную под названием "Веймарской".

Основные положения Веймарской конституции. Конституция объявила Германию демократической республикой, признала равенство всех перед законом, установила всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайной подаче голосов, ввела пропорциональную систему выборов, провозгласила свободу слова, печати, митингов и демонстраций, неприкосновенность личности, тайну переписки. Являясь типичной буржуазно-демократической конституцией, она содержала ряд оговорок, дававших возможность господствующему классу ограничивать права и свободы граждан.

Органом общеимперского законодательства был рейхстаг. Депутаты рейхстага не были ответственными перед избирателями. Конституция указывала, что они подчиняются только своей совести.

К исключительному законодательству империи были отнесены: 1) внешние сношения; 2) колониальные дела; 3) вопросы гражданства, свободы передвижения, иммиграции и выдачи преступников; 4) организация обороны; 5) монетное дело; 6) таможенное дело; 7) почтовое, телеграфное и телефонное дело.

К конкурирующему законодательству империи были отнесены вопросы гражданского права, уголовного права, судопроизводства, свободы собраний, союзов и печати, здравоохранения, рабочее законодательство и ряд других важных вопросов.

Органом представительства германских земель в общеимперском законодательстве и управлении был рейхсрат, в котором каждая земля имела по крайней мере один голос, а более крупные — по одному голосу на каждые 700 тысяч жителей. Представителями земель в рейхсрате были члены их правительств.

Законопроекты вносились в рейхстаг либо по инициативе рейхсрата, либо имперским правительством с согласия рейхсрата.

Рейхсрат имел важное право опротестования законов, принятых рейхстагом. Если рейхстаг настаивал вторично на своем решении, то решал президент: он либо присоединялся к рейхсрату, либо ставил спорный вопрос на референдум. Но двумя третями голосов рейхстаг мог потребовать референдума, и тогда президент либо публиковал закон в редакции рейхстага, либо передавал его на референдум.

Глава государства — президент избирался населением на 7 лет (из числа лиц, достигших 35-летнего возраста). Он был наделен огромными правами: представлял Германию в международных сношениях, заключал от имени республики договоры с иностранными государствами, ему принадлежало командование вооруженными силами, он пользовался правом помилования, назначал и смещал чиновников и офицеров и мог предоставлять осуществление этого права другим властям; ему было предоставлено право досрочного роспуска рейхстага. Со своей стороны рейхстаг двумя третями голосов мог потребовать референдума и поставить на нем вопрос о смещении президента. Случаи роспуска президентом рейхстага в Германии были, но случаев смещения президента по предложению рейхстага не было.

Статья 48 Конституции предоставляла президенту право принимать все меры, вплоть до применения вооруженной силы, в случае, если серьезно нарушается общественная безопасность или грозит опасность такого нарушения. Эта статья предоставляла президенту право приостанавливать полностью или частично такие права и свободы, как неприкосновенность личности, неприкосновенность жилищ граждан, тайна переписки, свобода слова, собраний, союзов, обществ и т. д. Конституция оговаривала, что о всех таких мерах президент должен немедленно доводить до сведения рейхстага, который может отменять эти меры, тем не менее антидемократический характер этой статьи очевиден. На ее основании в 1923 г. была применена военная сила империи против революционного восстания в Саксонии.

Правительство назначалось президентом. Оно должно было пользоваться доверием рейхстага. Другими словами, при выражении рейхстагом недоверия правительству оно обязано было уйти в отставку. Распустить рейхстаг в этом случае президент не мог. Это не помешало тому, что за время действия Веймарской конституции было несколько так называемых президентских правительств, т. е. правительств, назначавшихся президентом не из большинства рейхстага и не имевших формального доверия рейхстага. Такими были последние несколько правительств до прихода фашистов к власти.

Веймарская конституция хотя и была известным шагом вперед в деле централизации Германии, но предоставляла все же значительные права составлявшим империю землям. Статья 12 Конституции устанавливала, что земли сохраняют законодательную власть "до тех пор и в той мере, поскольку империя не пользуется своими законодательными правами".

Имея внешне демократический характер, Конституция по своему существу была направлена на охрану частной капиталистической собственности, на подчинение интересов пролетариата интересам буржуазии.

Для распространения в массах иллюзии "гражданского мира" Конституция в 156-й статье провозгласила необходимость "обеспечить сотрудничество всех производящих слоев населения, привлечь работодателей и рабочих к участию в управлении и регулировать добывание, производство и распределение". Эта статья, как и вся Конституция, привела не к социализации германской промышленности, как это утверждали Каутский и другие, а к укреплению господства монополистической буржуазии.

В Веймарской Германии в основном был сохранен старый государственный механизм. Судебный аппарат, кадры военщины и бюрократии остались прежние.

Установившаяся в 1919 г. республика соответствовала интересам германской буржуазии больше, чем монархия Вильгельма с ее значительными феодальными пережитками, представлявшими помеху хозяйничанью буржуазии.

Ведущая роль среди государств, входивших в состав Германии, принадлежала Пруссии. Поддержанная прусскими юнкерами финансово-промышленная буржуазия Германии укрепилась у власти, создала буржуазную республику без республиканцев, но с самого начала рассматривала ее как вынужденный переходный этап к установлению открытой террористической диктатуры.

§ 3. Политические партии в период Веймарской конституции

Националисты. В период действия Веймарской конституции в Германии существовало около тридцати политических партий. Видное место среди них занимала немецкая национальная народная партия (националисты). Она возникла на базе старой помещичьей консервативной партии. Оставаясь по своей социальной основе юнкерско-помещичьей партией, она вобрала в себя представителей офицерства и чиновничества, главарей тяжелой промышленности и банков и вела за собой некоторые слои разорившейся городской и сельской мелкой буржуазии. Националисты подчеркивали свое резкое, непримиримое отношение к Версальскому договору и этим пытались играть на национальных чувствах немцев. Основным требованием этой партии было возрождение прежней силы германского империализма для осуществления реванша, для подготовки новой войны, установления мирового господства Германии. Такая внешнеполитическая программа импонировала значительным слоям офицерства и генералитета, которые после войны оказались не у дел. Поэтому они охотно шли во всякого рода создававшиеся буржуазией полувоенные организации. Своими пангерманскими реваншистскими идеями партия расчищала дорогу к власти фашизму. Лидерами партии были Шахт, Зельдте, Гугенберг.

Демократическая партия. Эту партию образовали бывшие прогрессисты и "левые" национал-либералы. Демократическая партия в первое время после образования республики играла видную роль, была родоначальницей Веймарской буржуазной конституции, участвовала в Веймарской правительственной коалиции. Однако в дальнейшем обострение классовой борьбы привело к упадку этой партии. В 1930 г. она переименовалась в государственную партию.

Немецкая народная партия возникла из правого крыла и центра бывшей национал-либеральной партии и правой части прогрессистов. Основную ее базу составляли представители тяжелой промышленности. В нее входила также верхушечная часть интеллигенции и чиновничества. Партия выступала за решительное подчинение государственной власти интересам капитала, против всяких уступок рабочему классу. Во внешней политике она высказывалась за собирание сил для новой империалистической агрессии. Народная партия участвовала в ряде правительств, а в 1922, 1925 и 1926 гг. ее представители возглавляли правительства (рейхсканцлеры Куно, Лютер).

Партия центра (христианские демократы). Партия центра возникла из бывшей партии католического центра. Вначале она именовалась христианско-демократической народной партией. Эта партия представляла интересы крупных католических помещиков и капиталистов, опираясь также на среднюю и мелкую католическую буржуазию, а также на часть католических рабочих. Программа партии была рассчитана на привлечение самых различных социальных групп. Христианские демократы демагогически использовали стремление масс к миру, их тяжелое материальное положение.

С 1920 до 1932 г. христианско-демократическая фракция являлась второй по численности (после социал-демократов) в рейхстаге. Она участвовала почти во всех правительствах, а некоторые правительства возглавлялись ее представителями (рейхсканцлеры Ференбах, Вирт, Маркс, Брюнинг).

Фашистская партия. При прямой поддержке наиболее реакционной части финансовой буржуазии, юнкеров и милитаристских клик в Германии уже с 1919 г. стали создаваться различные военные и полувоенные организации. С фронта вернулись тысячи офицеров, не нашедших себе в стране применения. Много было деклассированных элементов из разорившихся мелких лавочников, ремесленников и некоторой части рабочих и служащих, лишившихся работы в условиях послевоенной разрухи и кризиса. Из такого рода элементов и вербовались члены этих организаций.

Одна из таких организаций была основана в 1919 г. в Мюнхене неким Дрекслером. Вскоре и нее вошел будущий "фюрер" не-

мецких фашистов Адольф Шикльгрубер — Гитлер. Одно время он был агитатором рейхсвера, состоял шпионом баварской контрразведки.

Члены этих организаций, в значительной массе деклассированные элементы и уголовные преступники, привлекались материальными подачками и обещаниями крупной карьеры после захвата власти.

Национал-социалистская партия, объединившая эти организации, с первых дней своего возникновения финансировалась крупными капиталистами Германии — Круппом, Тиссеном, Клейном, известными банкирами Кирдорфом и фон Штраусом. На получаемые от них средства гитлеровцы стали создавать штурмовые отряды, служившие в руках капиталистов орудием расправы с революционными рабочими организациями.

Программа партий изображала фашистов поборниками воссоединения немецких земель, говорила о необходимости возвращения Германии отнятых у нее территорий и присоединения других территорий, населенных немцами. В программе выдвигались требования возвратить Германии ее колонии.

Призывая к борьбе против "национального унижения Германии", фашисты в действительности ставили своей задачей порабощение народов других стран.

Внутриполитические требования фашистов имели явно демагогический характер. К ним относились: наделение крестьян землей, борьба против крупных универмагов, против ростовщиков, конфискация военных прибылей, участие рабочих в управлении промышленностью и в прибылях, наконец, установление так называемой автаркии (снабжение страны исключительно продукцией германского хозяйства) и устранение таким образом конкуренции импортных продуктов.

Эти требования Гитлером, разумеется, не были осуществлены. Он никогда и не собирался их осуществлять.

Такая программа нужна была гитлеровцам для вовлечения в партию мелкой буржуазии, интеллигенции, крестьянства, отсталых рабочих и безработных. Фашистская партия стала центром притяжения для деклассированных элементов, для людей, стремившихся к легкой наживе. Само название, которое она себе присвоила — "немецкая национал-социалистическая рабочая партия" — носило ярко выраженный демагогический характер. И. В. Сталин указывал, что при самом тщательном рассмотрении ее программы в ней нельзя обнаружить даже атома социализма.

В 1923 г. Гитлер, вместе с генералом Людендорфом при помощи штурмовых отрядов пытался совершить государственный переворот. Путч закончился поражением. Людендорф, однако, не понес никакого наказания, а Гитлер отделался несколькими месяцами заключения в крепости.

В годы относительной стабилизации капитализма (1925—1928 гг.) буржуазия, сохраняя фашистов как резерв на случай государственных осложнений, предпочитала, пока еще было возможно, управлять в старых внешне демократических формах. Когда же в Германии, как и в других капиталистических странах, разразился экономический кризис и усилилось революционное движение, буржуазия стала шире пользоваться услугами фашистского сброда.

При помощи террора, всевозможных мер насилия, беззастенчивой демагогии и обмана фашисты получают на выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 г. 107 мандатов, на выборах 31 июля 1932 г. — 230 мандатов, на выборах 6 ноября 1932 г. — 196.

В январе 1933 г. буржуазия передает в руки фашистов всю государственную власть.

Социал-демократы. Выше отмечалось, что во время ноябрьской революции 1918 г. у германского пролетариата не было подлинно революционной партии. Германская же социал-демократия в лице своих лидеров делала все от нее зависевшее, чтобы расколоть и ослабить рабочий класс и облегчить победу буржуазии. Эту роль им было выполнять тем легче, что в их руках находились основные правительственные посты: Президента (Эберт — до 1925 г.), премьера (Шейдеман, Бауэр, Мюллер — 1919—1930 гг.), видные министерские посты в правительствах 1921—1922 гг. К тому же в течение 12 лет (1920—1932 гг.) она была крупной фракцией рейхстага. Всей своей оппортунистической политикой, своим отказом от единого фронта рабочего класса социал-демократы способствовали наступлению реакции и расчищали дорогу к власти фашистам.

Компартия. Коммунистическая партия Германии образовалась в декабре 1918 г. на базе союза "Спартак".

Первый учредительный съезд партии оформил выход союза "Спартак" из независимой социал-демократической партии и образование самостоятельной партии. Основной задачей германского пролетариата съезд провозгласил борьбу за диктатуру пролетариата, за установление советской власти.

В декабре 1920 г. после раскола независимой социал-демократической партии к коммунистической партии присоединились левые независимые. Во все последующие годы влияние коммунистической партии непрерывно росло.

В 1923 г. коммунисты во главе с Эрнстом Тельманом возглавили героическое восстание гамбургских рабочих, окончившееся неудачей из-за капитулянтской политики тогдашних руководителей компартии Брандлера и Тальгеймера и предательства социал-демократов.

Преодолевая все трудности, коммунистическая партия росла и крепла, очищая свои ряды от оппортунистов и троцкистов типа Брандлера, Тальгеймера, Маслова, Рут-Фишер и др.

Компартия располагала значительным числом мандатов в рейхстаге: в мае 1924 г. — 62, в декабре 1924 г. — 45, в мае 1928 г. — 54, в сентябре 1930 г. — 77, в июле 1932 г. — 89 и даже в ноябре 1932 г., несмотря на то, что выборы проходили в обстановке жесточайшего террора, — 101.

Будучи боевой революционной партией, коммунистическая партия допустила, однако, ряд ошибок. В период безработицы и экономического кризиса, предшествовавших приходу Гитлера к власти, нельзя было выставлять непосредственной задачей установление власти рабочего класса, как это сделали лидеры компартии. Для этого не было необходимых предпосылок. Коммунисты со своими лозунгами оставались изолированными, ибо решающая задача этого периода состояла в том, чтобы защитить демократические свободы против наступления фашистской реакции.

В своей повседневной деятельности компартия не всегда проводила различие между социал-демократическими вождями и социал-демократическими рабочими массами, делая эти массы ответственными за политику вождей.

В своей профсоюзной политике партия допустила ту ошибку, что, создав так называемую революционную профоппозицию, она, по существу, отказалась от работы в социал-демократических профсоюзах.

Мнимый радикализм и сектантство представляли собой "детскую болезнь левизны" германской компартии.

§ 4. Установление фашистской диктатуры

Экономический кризис и усиление реакции. Хозяйственное положение Германии в связи с экономическими последствиями войны было очень тяжелым. Вслед за оккупацией Рурской области французами в стране наступил экономический кризис, выразившийся в резком падении производства, сокращении торговли, финансовой разрухе. Положение широких народных масс, более всего пострадавших от этого кризиса, было ужасающим. Между тем в интересах повышения производства буржуазия не находила иных средств, кроме нового снижения жизненного уровня рабочих и усиления их эксплуатации.

Социал-демократы, выполнившие задачу разоружения революции, в 1923 г. выходят из правительства. Коалиционный кабинет Штреземана был заменен откровенно буржуазным кабинетом Маркса (партия центра). В стране установилась военная диктатура генерала Секта — душителя революционного движения. Наступивший период относительной стабилизации капитализма ознаменовался наступлением на социально-экономические права трудящихся. Был отменен 8-часовой рабочий день, система государ-

ственного страхования рабочих была заменена системой страхования за счет рабочих, отменен закон об охране материнства и др. Социал-демократы неуклонно поддерживали кабинет Маркса и охотно проголосовали за предоставление ему чрезвычайных полномочий, на деле означавшее санкцию на установление военной диктатуры для расправы с революционными массами и на стабилизацию капитализма, осуществляемую за счет рабочих.

В 1925 г. умер Эберт, и Президентом был избран кандидат правых партий фельдмаршал Гинденбург — представитель прусских милитаристских кругов, жаждавших реванша и использовавших власть для его подготовки. Реакционным силам открылись новые возможности для борьбы против Веймарской республики.

С приходом Гинденбурга к власти тенденция подчинения всего политического аппарата интересам монополистического капитала вырисовывалась все отчетливее, а рост реваншистских устремлений в юнкерско-буржуазных кругах усиливался.

Известно, что по Версальскому договору Германии было запрещено иметь сухопутную армию численностью свыше 100 тысяч человек; соответственно было ограничено ее вооружение. Однако никакого действительного контроля над соблюдением Германией этих условий установлено не было. При всем этом победители не имели намерения ликвидировать военную мощь Германии. База германской агрессии — тяжелая и военная промышленность — осталась, по существу, нетронутой. Более того, Англия и Америка отпустили Германии кредиты, которые позволили ей увеличить свои производственные возможности, и, по существу, свели на нет уплату репараций.

В 1928 г. появились признаки нового оживления массового движения, и буржуазия вновь призвала к власти социал-демократию в лице правительства Мюллера. Но уже очень скоро в связи с начавшимся мировым экономическим кризисом, ухудшившим и без того тяжелое положение народных масс (в стране насчитывалось 2 миллиона безработных), и усилившимся революционным движением социал-демократы очистили место для открыто реакционного правительства Брюнинга, которому Гинденбург по требованию рейхсвера вручил пост рейхсканцлера (март 1930 г.).

В июле 1930 г. Брюнинг, правительство которого не имело большинства в рейхстаге, распустил рейхстаг и назначил новые выборы. Выборы (сентябрь 1930 г.) принесли большую победу коммунистической партии, получившей 4,6 млн голосов (на 1,3 млн голосов больше, чем в 1928 г.) и 77 мандатов (вместо 54 мандатов в 1928 г.).

Фашистская партия, собравшая 6,4 млн голосов, т. е. в 8 раз больше, чем в 1928 г., получила 107 мандатов.

Правительство Брюнинга издало ряд декретов, снизивших заработную плату рабочих и удлинивших рабочий день. Большин-

ство своих мероприятий Брюнинг проводил путем чрезвычайных декретов. Рейхстаг был отстранен на задний план.

В этой обстановке компартия призвала к образованию единого фронта, но натолкнулась на решительное сопротивление социал-демократических лидеров. Последние отвергли предложение компартии, объявив правительство Брюнинга "меньшим злом", чем господство фашистов.

В начале 1932 г. происходили очередные президентские выборы. Они отразили главное размежевание сил в стране. Все буржуазные партии и социал-демократы оказались в одном лагере. Они голосовали за монархиста Гинденбурга, спустя год после выборов призвавшего к власти фашистов. Компартия, насчитывавшая в своих рядах свыше 300 тысяч членов, и шедшие за нею революционные массы голосовали за вождя германского пролетариата Эрнста Тельмана. Гинденбург получил 19,3 млн голосов, Э. Тельман — 3,7 млн голосов. Это был крупный успех компартии. Напуганная этим успехом, буржуазия поспешила вручить власть кабинету, еще более реакционному, чем кабинет Брюнинга.

В мае 1932 г. по настоянию промышленных и финансовых магнатов к власти призывается фон Папен, опиравшийся на поддержку прусских юнкеров и офицерства. Это был снова "президентский" кабинет, не имевший большинства в рейхстаге. Фон Папен вступил в союз с Гитлером и оказал широкое покровительство национал-социалистской партии.

На выборах в рейхстаг (6 ноября 1932 г.) гитлеровцы, опираясь на фон Папена, широко прибегая к насилию и демагогии, протащили 196 своих депутатов.

Коммунистическая партия вновь обратилась к социал-демократам с предложением о едином фронте. Коммунисты предлагали социал-демократам совместно организовать всеобщую забастовку, добиться отмены чрезвычайных законов правительств Брюнинга и фон Папена и роспуска штурмовых отрядов гитлеровской партии. Социал-демократическое руководство отвергло эти предложения, объявив призыв к забастовке "провокацией", а единственным методом борьбы — избирательный бюллетень.

Между тем, создание единого фронта трудящихся масс против наступавшего фашизма имело бы решающее значение. Именно из-за того, что единый фронт не был создан, пролетариат оказался ослабленным и неспособным на серьезное сопротивление открытой террористической диктатуре.

Приход Гитлера к власти. Уже в 1930 г. видные представители рейхсвера во главе с будущим военным министром Бломбергом приняли решение об оказании поддержки Гитлеру в его стремлении к власти. В 1931 г. созданный в Гарцбурге объединенный фронт империалистических группировок в составе представителей юнкерства, монополистического капитала, генерального шта-

ба и крупной буржуазной интеллигенции принял решение об установлении в стране открытой диктатуры при руководящей роли национал-социалистов.

В декабре 1932 г. Папена заменил генерал Шлейхер. Это правительство продержалось недолго. Реакция настойчиво требовала от Гинденбурга назначения Гитлера рейхсканцлером. 30 января 1933 г. Гитлер возглавил кабинет из фашистов и националистов. С этого момента в Германии установилась открытая террористическая диктатура самых реакционных, самых шовинистических, самых империалистических элементов финансового капитала в ее наиболее агрессивной форме.

В Кратком курсе истории ВКП(б) так характеризуется приход фашистов к власти:

"Германская буржуазия видела, что буржуазно-демократические свободы, сохранившиеся в Германии, могут сыграть с ней злую шутку, что рабочий класс может использовать эти свободы для развертывания революционного движения. Поэтому она решила, что для сохранения в Германии власти буржуазии есть только одно средство — уничтожить буржуазные свободы, свести к нулю парламент (рейхстаг) и установить террористическую буржуазно-националистическую диктатуру, способную подавить рабочий класс и найти себе базу среди реваншистски настроенных мелкобуржуазных масс. И она призвала к власти партию фашистов, именующую себя для обмана народа партией национал-социалистов, хорошо зная, что партия фашистов является, во-первых, наиболее реакционной и враждебной рабочему классу частью империалистической буржуазии, и, во-вторых, — наиболее реваншистской партией, способной увлечь за собой миллионные массы националистически настроенной мелкой буржуазии".

§ 5. Фашистский режим

Система политического бандитизма. Придя к власти, фашисты прежде всего фактически упразднили Веймарскую конституцию, хотя и не отменили ее формально. Уже 4 февраля 1933 г. Гинденбург и Гитлер подписали постановление, отменявшее свободу собраний и печати и устанавливавшее строгое наказание за нарушение этого постановления. 28 февраля были изданы постановления "Против измены германскому народу" и "О защите народа и государства", которыми приостанавливалось действие статей Конституции о правах и свободах граждан. Эти постановления ставили своей целью подавление "вредных для государства коммунистических насильственных действий".

В ночь на 28 февраля 1933 г. Геринг устроил провокацию с поджогом здания германского рейхстага и пытался обвинить в этом

германскую компартию. Поджог рейхстага послужил сигналом для дикого кровавого разгула фашистов.

Необычайно широко готовили гитлеровцы судебный процесс по обвинению в поджоге коммунистов. Главным обвиняемым в поджоге рейхстага гитлеровцы избрали Г. М. Димитрова. На состряпанном фашистами Лейпцигском процессе Димитров превратился из обвиняемого в обвинителя и разоблачил фашизм перед всем миром. Лейпцигский процесс позорно провалился. Судьи были вынуждены оправдать Димитрова.

Террор становился все шире. Сотни тысяч передовых рабочих были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря и там подвергались пыткам, перед которыми бледнеют ужасы средневековой инквизиции. Десятки тысяч передовых людей погибли в кровавых застенках гестапо. Все наиболее прогрессивное, что имелось в Германии, было отдано на расправу уголовным элементам, организованным в штурмовые отряды. Была арестована коммунистическая фракция рейхстага; арестовано было также значительное число социал-демократических депутатов и других левых политиков и журналистов. Были запрещены не только коммунистические, но и социал-демократические газеты. Установилась система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции.

Оформление диктатуры. 24 марта 1933 г. был издан закон, цинично названный гитлеровцами "Для устранения бедствий народа и государства". Им устанавливалось, что имперские законы могут издаваться имперским правительством и могут уклоняться от имперской Конституции. Они вступают в силу на следующий же день после их опубликования за подписью рейхсканцлера и в санкции президента, а тем более в санкции рейхстага не нуждаются.

Далее закон устанавливал, что договоры с иностранными государствами, относящиеся к вопросам имперской компетенции, не нуждаются в одобрении парламента. Имперское правительство могло само издавать необходимые предписания для проведения в жизнь этих договоров. Для действительности всех этих законов нужна была одна только подпись рейхсканцлера.

Всем этим рейхсканцлеру, т. е. Гитлеру, предоставлялись исключительные полномочия. Рейхстаг и формально и фактически отстранялся от участия в политической жизни и законодательстве страны.

В августе 1934 г. умер Президент Гинденбург. В тот же день издается закон о верховном главе Германской империи. По этому закону должности рейхсканцлера и президента объединялись, и к Гитлеру не только фактически, но и юридически перешли все права президента. Гитлеру было присвоено звание главы государства пожизненно с правом самому себе назначить преемника.

Текущая деятельность по управлению государством осуществлялась так называемым имперским правительством, которое возглавлялось Гитлером. Он назначал и смещал членов правительства, ответственных только перед ним.

Рейхстаг формально не был ликвидирован, но он собирался лишь для того, чтобы заслушать декларацию Гитлера, и заседал полтора-два часа.

По закону 3 июля 1934 г. депутат рейхстага терял свой мандат, если он не присягнул гитлеровской партии или был исключен из ее рядов. Преемника назначал председатель национал-социалистской фракции рейхстага.

"Выборы" рейхстага считались тайными, но фактически они таковыми не были, ибо во время выборов объявлялось, что тот, кто прячет от общественного мнения характер своего голосования, тот враг народа. Это "моральное" воздействие подкреплялось всеми средствами массового террора.

Кандидатов выставляла только одна партия — фашистская. Раздавались бюллетени с отметкой "за" и нумерованные конверты. Такая организация "выборов" заранее предопределяла их исход.

В чисто демагогических целях гитлеровцы трижды за время своего господства проводили плебисциты: по вопросу о выходе Германии из Лиги Наций, по вопросу о признании за Гитлером узурпированных им президентских полномочий и по вопросу о присоединении Австрии. Все эти плебисциты проходили в условиях жесточайшего террора по отношению к заподозренным в уклонении от голосования или в отрицательном голосовании.

Ликвидация автономии земель Германии. Приход фашистов к власти ознаменовался полной ликвидацией автономии земель и установлением строжайшей централизации в государственном устройстве.

"Законы" фашистского правительства о переустройстве империи от 30 января 1934 г.[1] и об имперских наместниках от 30 января 1935 г. упразднили народные представительства земель, превратили земли в области и их управление целиком подчинили имперскому правительству. В области были назначены имперские наместники (штатгальтеры), являвшиеся постоянными представителями правительства. Им предоставлялись огромные полномочия, вплоть до подготовки и издания местных законов. Закон об имперских наместниках устанавливал, что "право назначения чиновников области принадлежит фюреру и рейхсканцлеру", т. е. Гитлеру.

Указ 1934 г.[2] отменил гражданство германских земель и установил единое имперское гражданство.

---

[1] Конституции буржуазных стран. Т. I. С. 118—119.

[2] Там же. С. 119.

В том же году был ликвидирован рейхсрат, являвшийся согласно ст. 60 Веймарской конституции органом представительства германских земель в законодательстве и управлении империей.

Монополия фашистской партии. Законами 1933 г. была оформлена монополия фашистской партии. Закон "против образования новых партий" объявил национал-социалистскую партию единственной политической партией, а участие в каких-либо других политических партиях — уголовно наказуемым деянием.

Закон "Об обеспечении единства партии и государства" объявил фашистскую партию "носительницей национальной идеи" и в соответствии с этим установил "единство партии и государства". Этим узаконялась всеобъемлющая диктатура фашистской партии в Германии, ее тоталитарное господство в стране.

Национал-социалистская партия присвоила себе особые, суверенные права. Например, для членов партии существовал особый партийный суд, призванный прикрывать темные дела членов партии, о которых при рассмотрении их в общих гражданских судах могли бы узнать широкие массы.

Съезды партии происходили в Нюрнберге. Решения, принимавшиеся на съезде, назывались нюрнбергскими законами. В съездах принимали участие партийные чиновники, руководители местных партийных организаций.

Партия была построена на началах строжайшего назначенства и иерархической субординации. Во главе ее стоял фюрер, являвшийся ее абсолютным диктатором. При фюрере были центральные управления партии, которые возглавлялись назначенными им руководителями. Многие из них входили в состав правительства в качестве министров.

К партии примыкал ряд организаций, составлявших важную часть фашистского государственного механизма: штурмовые отряды (СА), охранные отряды (СС), организация гитлеровской молодежи, союз девушек, союз женщин, национал-социалистский моторизованный корпус и авиакорпус.

Тотальное вмешательство в хозяйственную и общественную жизнь. Все отрасли общественной жизни — промышленность, сельское хозяйство, торговля, ремесло, культура — были подчинены государственному регулированию в интересах помещиков и капиталистов.

К числу фашистских организаций, осуществлявших это регулирование, относился так называемый "Трудовой фронт", созданный вместо ликвидированных профсоюзов. Рабочие вовлекались в Трудовой фронт в принудительном порядке. Во главе этой организации стоял специальный фюрер (Лей).

Трудовой фронт имел своей задачей воспитание трудящихся в духе отказа от классовой борьбы и установления "мира" на пред-

приятиях. Последнее означало бесконтрольное господство предпринимателей над рабочими.

Гитлеровцы ввели в Германии систему принудительного труда, обязательную трудовую повинность, распространявшуюся на мужчин и женщин, разогнали все рабочие организации и категорически запретили какую бы то ни было борьбу за улучшение условий труда.

Строгому государственному регулированию было подчинено также и сельское хозяйство. На каждое крестьянское хозяйство заводилась подворная карточка, в которой записывалось, что и сколько каждое хозяйство должно засеять и сколько оно должно сдать государству. Немецкие крестьяне были лишены права распоряжаться землей и плодами своего труда.

Выше указывалось, что программа фашистской партии, с которой она шла к власти, обещала крестьянам безвозмездное отчуждение помещичьих земель. На самом же деле политика Гитлера свелась к еще большему усилению господства помещиков и кулаков. Крестьяне нищали, помещики и кулаки обогащались. 34 тысячи крупных земельных собственников владели 16 млн га земли. Захватывая и присваивая себе земли и замки, заправилы гитлеровской банды и сами стали крупными помещиками.

Арендная кабала была распространена в фашистской Германии шире, чем когда бы то ни было ранее. Свою опору в деревне гитлеровцы видели в кулачестве, насаждение и укрепление которого было главной целью их политики в отношении крестьян. Этой цели служил закон "О наследственных крестьянских дворах" (1933 г.), которым предусматривалось, что крестьянские земельные владения свыше 7,5 и до 125 га передаются не всем наследникам, а только старшему сыну; остальные дети были лишены права на наследство. Наследственный двор не мог быть заложен или продан. Если его хозяин оказывался несостоятельным, на его место ставился другой.

Государственному регулированию были подвергнуты также торговля, ремесло, культура через особые торговые, ремесленные и культурные палаты. Существовали, например, так называемые культурные палаты по театру, кино, печати, радио и т. д. Во главе каждой палаты стоял фюрер, назначавшийся министром культуры и пропаганды (Геббельсом).

Чиновники. В особое положение было поставлено чиновничество, игравшее очень важную роль. Уже в 1933 г. был принят закон "О восстановлении чиновничества". Важную часть закона составлял так называемый "арийский параграф", согласно которому право на службу в государственном аппарате было предоставлено только арийцам, причем под неарийцами понимались все, имевшие примесь "неарийской крови" хотя бы и в отдаленном поколении.

Полиция. С первого момента прихода к власти гитлеровцы усилили полицию членами штурмовых и охранных отрядов. В одной лишь Пруссии в полицию было привлечено 50 тысяч человек в качестве вспомогательной силы.

Законом 1933 г. Гитлер изъял тайную полицию из ведения общей полиции и сделал ее самостоятельным органом.

Полиция была организована по военному образцу. Начальником всей полиции являлся Гиммлер. Формально она состояла при министерстве внутренних дел, фактически же она являлась самостоятельным органом.

В руках Гиммлера были сосредоточены все орудия борьбы с враждебными фашистскому режиму элементами (гестапо, СС, СД и др.). Под его руководством была создана вся система концентрационных лагерей с их каторжно-террористическим режимом и массовыми средствами истребления.

Агентура гестапо действовала на заводах, фабриках и в жилых домах. Гестапо вторгалось во все стороны общественной жизни. Свою деятельность оно распространяло и далеко за пределы Германии, создавая "пятые колонны" в тех странах, где Германия была заинтересована в установлении профашистской политики.

Совет имперской обороны. Решающее значение в управлении страной с 1939 г. получил узкий круг лиц, составивших совет имперской обороны. Этот совет был создан накануне войны с Польшей, Англией и Францией специальным приказом Гитлера от 30 августа 1939 г. "на время нынешнего политического напряженного положения в стране".

§ 6. Крах фашистского государства. Борьба за демократическую Германию

Вторая мировая война. Важнейшим этапом в подготовке гитлеровской Германией второй мировой войны было введение всеобщей воинской повинности. 16 марта 1935 г. Гитлер издал закон о всеобщей воинской повинности, устанавливавший обязательную военную службу для всех подданных мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет. Приказом Гитлера 1935 г. срок военной службы был установлен в один год. В 1936 г. он был продлен до двух лет.

Гитлер и руководители армии быстро сошлись во взглядах на характер армии. Армия строилась как орудие агрессии, как средство пресловутой доктрины молниеносной войны.

Во все последующие годы Германия бешеными темпами вооружалась, о чем, в частности, свидетельствует рост численности рабочих, занятых в военной промышленности. В 1914 г. в военной промышленности работало 110 тысяч рабочих, а в 1938 г. — 800 тысяч. Владельцам военных заводов было разрешено увеличивать

рабочий день до самых крайних пределов. Практически это выразилось в установлении 14- и даже 16-часового рабочего дня.

Фашистская армия с первых же дней призвана была служить разбойничьим целям империалистической клики, целям покорения чужих народов и захвата чужих территорий. Сознательно и планомерно осуществлялся организованный грабеж покоренных народов, истребление населения на временно захваченных гитлеровцами территориях. С особой жестокостью эта политика проводилась германским фашизмом в отношении советских людей на временно захваченных им советских землях.

По мере роста и вооружения германской армии Гитлер начал проводить свою политику захватов. В марте 1938 г. была захвачена Австрия и вскоре затем Судетская область. В марте 1939 г. германские войска вторглись в Чехословакию и подчинили себе всю страну. В сентябре того же года подверглась военному нападению Польша, а за ней в 1940 г. — Франция.

Началась вторая мировая война.

Конец фашистского режима. В июне 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Этот шаг был началом конца гитлеровской Германии.

В ходе второй мировой войны сложилась мощная антигитлеровская коалиция, в которой ведущая роль принадлежала Советскому Союзу, Соединенным Штатам и Великобритании. Главная тяжесть борьбы с фашизмом выпала на долю Советского Союза, спасшего мировую цивилизацию от фашистского варварства.

Советский Союз, сражаясь с гитлеровской Германией и ее многочисленными сателлитами один на один, добился коренного поворота в ходе войны, выгнал немецких захватчиков с советской территории, а также с территорий Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии и других стран и затем при содействии англо-американских войск, предпринявших вторжение в Западную Европу, принудил Германию к безоговорочной капитуляции.

В соответствии с Декларацией о поражении Германии 5 июня 1945 г. и Декларацией Берлинской конференции о Германии 2 августа 1945 г. правительства четырех союзных держав приняли на себя верховную власть в Германии, осуществляемую Союзным Контрольным Советом.

Выполнение и саботаж Потсдамских решений. По решению Берлинской (Потсдамской) конференции подготовка окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе должна быть проведена путем восстановления во всей Германии местного самоуправления на демократических началах, введения представительных учреждений в районах и землях, разрешения и поощрения деятельности демократических партий и свободных профсоюзов, установления свободы слова, собраний, печати и религии.

За истекшие с момента оккупации Германии и с момента Берлинской конференции два года достигнуты некоторые успехи в области демократизации Германии.

В Германии появились и развернули свою деятельность демократические организации, прежнее влияние фашизма и милитаризма в трудовых слоях населения подорвано. Однако зональная раздробленность и отсутствие единства политической жизни сказываются на степени демократизации в различных зонах оккупации.

Во всех зонах в 1946 г. были проведены выборы в органы местного самоуправления, а в советской и американской зонах, кроме того, выборы в представительные учреждения (ландтаги) земель. Однако выборы проходили не на основе единой для всей Германии демократической избирательной системы, вследствие чего в британской и американской зонах отмечается распределение мандатов в представительных учреждениях среди отдельных партий, не соответствующее количеству поданных за каждую партию голосов. Так, в британской зоне оккупации на выборах в местные органы самоуправления в сентябре 1946 г. социал-демократическая партия на 11 млн голосов получила 1549 мандатов, Христианско-демократический союз на такое же количество голосов — 8583 мандата, а коммунистическая партия на 2 млн голосов только 139 мандатов.

По избирательной системе, установленной в американской зоне, партия, собравшая менее 10 процентов голосов, вообще не получала ни одного мандата в ландтаге. Такая механика выборов устранила нежелательную американцам оппозицию в ландтаге и лишила малочисленные партии возможности иметь свое представительство.

В ряде земель приняты новые конституции. Однако из-за отсутствия политического единства Германии многие из них исходят из прямо противоположных принципов. Так, Конституция Баварии (американская зона) исходит из идеи федерализации Германии и лишь вскользь говорит о том, что Бавария входит в состав Германии. Наоборот, Конституция Тюрингии (советская зона) исходит из признания единства Германии и прямо говорит о Тюрингии как о составной части единой Германской демократической республики.

Ясно, что демократизация и демилитаризация Германии, без чего немыслимо превращение Германии в миролюбивое государство, требуют устранения источников, порождающих реакцию и милитаризм. Одним из таких источников является крупное землевладение — юнкерство, опора германского империализма. Ликвидация юнкерства возможна только путем демократической земельной реформы. Между тем, эта реформа проведена только в советской зоне оккупации.

Берлинская конференция предусмотрела роспуск германских вооруженных сил и военных организаций и ликвидацию военно-экономического потенциала Германии. Это решение Берлинской конференции также неодинаково выполнялось и выполняется во всех зонах оккупации. В западных зонах под флагом "трудовых батальонов" сохранились нерасформированные немецкие воинские соединения, и очень мало сделано для ликвидации военно-экономического потенциала. По данным на 1 января 1947 г., в британской зоне оккупации было ликвидировано только 7 процентов военных предприятий. Нетронутыми оставались такие заводы-гиганты, специально созданные для целей агрессии, как заводы Германа Геринга, Круппа, И. Г. Фарбениндустри и другие. В западных зонах Германии монополии сохраняют еще свое экономическое и политическое влияние.

Очень мало сделано в западных зонах по выполнению решения Берлинской конференции о денацификации Германии. На многих важных хозяйственных и административных постах продолжают оставаться лица, активно способствовавшие приходу Гитлера к власти, организовавшие подготовку и проведение германской агрессии. Даже в органах суда и прокуратуры западных зон продолжают оставаться бывшие фашисты, осуществлявшие карательную политику при гитлеровском режиме. Из материалов Контрольного Совета, приводившихся товарищем В. М. Молотовым на заседании Совета министров иностранных дел 13 марта 1947 г., известно, что в органах суда и прокуратуры американской зоны таких лиц работает около 35%, в британской зоне до 43%, а во французской зоне до половины всего состава судей — бывшие деятели гитлеровского режима.

Эти факты свидетельствуют о серьезных нарушениях в западных зонах программы, принятой на Берлинской конференции.

Демократические преобразования в советской зоне оккупации. В советской зоне оккупации решения Берлинской конференции выполняются полностью. Уже вскоре после оккупации Германии в советской зоне были ликвидированы крупные концерны, тресты и синдикаты, являвшиеся экономической базой гитлеризма. Многие предприятия, принадлежавшие военным преступникам и активным нацистам, конфискованы и переданы органам местного самоуправления.

Многое уже сделано в советской зоне для возрождения мирной экономики Германии. К концу 1946 г. здесь действовало свыше 20 тысяч крупных и средних предприятий, около 300 тысяч мелких мастерских. В то время как в западных зонах Германии сотни тысяч немцев не могут найти применения своему труду, на территории советской зоны нет безработных.

Громадное значение для подрыва социальной базы реакционных сил имеет проведенная на территории советской оккупа-

ционной зоны аграрная реформа. На этой территории до аграрной реформы было 12 369 помещичьих хозяйств размером от 100 до 1000 и выше га, а хозяйств размером от 0,5 до 5 га — 366 707. Ясно, что демократическая аграрная реформа являлась неотложной экономической и социальной необходимостью.

Аграрная реформа началась в советской зоне осенью 1945 г. и закончилась к лету 1946 г. Были конфискованы земельные владения со всеми относящимися к ним постройками, живым и мертвым инвентарем и прочим сельскохозяйственным имуществом, принадлежавшие военным преступникам и виновникам войны, руководителям и активистам нацистской партии и гитлеровского государства, а также тем помещикам, которые владели площадью земли от 100 га и выше.

Для осуществления реформы были созданы в общинах сельские комиссии, избранные на общих собраниях сельскохозяйственных рабочих, безземельных крестьян, крестьян, имевших менее 5 га земли, и переселенцев, проживавших в данной деревне, в районах — районные комиссии и в провинциях — провинциальные комиссии. В состав комиссий не допускались члены бывшей фашистской партии.

Распределение земли производилось на собраниях малоземельных и безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих данной местности. Общий размер надела в порядке земельной реформы не превышает 5 га и только при плохом качестве земли он с утверждения районной комиссии по земельной реформе увеличивался до 8—10 га.

Простые сельскохозяйственные орудия, рабочий и продуктивный скот частично переданы в индивидуальное владение наиболее нуждающихся крестьянских хозяйств, получивших землю, а тракторы, молотилки, комбайны и другие сложные сельскохозяйственные машины, находившиеся в конфискованных хозяйствах, переданы крестьянским комитетам взаимной помощи для организации прокатных пунктов, обслуживающих в первую очередь хозяйства, наделенные землей.

В результате земельной реформы 389 518 хозяйств получили 1 млн 816 тыс. га земли.

Земельная реформа явилась важнейшим средством увеличения сельскохозяйственной продукции. Первый после реформы сев прошел успешно. Посевная площадь под зерновыми, картофелем, сахарной свеклой, овощами, табаком была значительно увеличена. Урожай 1946 г. был выше урожая 1945 г.

В полной мере сказались и политические результаты земельной реформы. С точки зрения интересов мира и решения германской проблемы они привлекают к себе особенное внимание. Крестьянство повернуло на путь демократии, показав это на выборах в общинные органы самоуправления, крейстаги и ландтаги, про-

исходивших в советской зоне в сентябре и октябре 1946 г. Во всех сельских округах крестьянство отдало подавляющее большинство голосов Социалистической единой партии Германии, которая была инициатором и руководителем земельной реформы.

Военно-экономическое разоружение. В советской зоне нет ни германских воинских частей, ни каких-либо других германских военных или полувоенных организаций. Все военные организации, как и военные предприятия, ликвидированы. Военно-экономическое разоружение в западных зонах почти еще не началось.

Социалистическая единая партия Германии. Вскоре после капитуляции Берлина советское командование разрешило политическую деятельность коммунистам, социал-демократам, членам либерально-демократической партии и Христианско-демократического союза. Эти партии тогда же создали антифашистский блок и начали сотрудничать с оккупационными властями.

Опыт прошлых лет, когда разрыв между коммунистами и социал-демократами привел к ослаблению рабочего класса и к усилению реакции, подсказал необходимость объединения двух партий рабочего класса на основе новой единой программы. В апреле 1946 г. это объединение было осуществлено. 22 апреля 1946 г. состоялся объединенный съезд коммунистической и социал-демократической партий Германии, который принял решение об объединении этих партий и создании Социалистической единой партии Германии. Этим двум рабочим партиям стало ясно, что без установления единства невозможно демократическое обновление Германии.

В советской зоне широко развернулась деятельность профсоюзов, организаций молодежи, женских союзов, культурных организаций и комитетов крестьянской взаимопомощи.

Выборы 1946 г. Важнейшим мероприятием в деле демократизации явились выборы в органы общинного самоуправления, в крейстаги и ландтаги, проведенные в сентябре — октябре 1946 г. Выборы показали значительное влияние и авторитет Социалистической единой партии Германии. На общинных выборах эта партия получила 57,3% голосов, на выборах в ландтаги и крейстаги — 47,54% голосов.

В основу избирательной системы был положен принцип пропорционального представительства, вследствие чего результаты выборов являются действительным отражением соотношения сил между партиями.

Право выставлять кандидатов было признано за разрешенными в советской зоне партиями и антифашистскими демократическими организациями. Допускалось выставление совместных кандидатов. Самые выборы проходили при соблюдении демократических принципов (тайное голосование, публичный подсчет голосов и т. д.).

Крупный успех на выборах Социалистической единой партии Германии явился результатом тех социально-экономических и политических преобразований, которые были проведены в советской зоне при активном участии этой партии. Итоги выборов свидетельствуют о том, что политика Социалистической единой партии Германии нашла поддержку не только в рабочем классе, но и среди крестьянства и интеллигенции.

В советской зоне гитлеровцы решительно устранены из административного, хозяйственного и коммунального аппаратов, отстранены от руководства общественной и культурной жизнью.

В других зонах, как отмечалось выше, на важнейших административных и хозяйственных постах продолжают оставаться лица, активно способствовавшие приходу Гитлера к власти, организовавшие подготовку и проведение германской агрессии.

Указанные выше мероприятия, проведенные в советской зоне в области демократизации, свидетельствуют о точном выполнении Советским Союзом решений Берлинской конференции.

Позиция СССР в вопросе о будущем государственном устройстве Германии. Весной 1947 г. в Москве собрался Совет министров иностранных дел для обсуждения мирного договора с Германией. На первом же своем заседании Совет министров принял решение о ликвидации Прусского государства — этого родового гнезда и твердыни германских милитаристов, постоянного источника агрессивных войн. Одним из наиболее важных вопросов был вопрос о будущем государственном устройстве Германии. Предложения Советского Союза по этому вопросу в кратких чертах сводились к следующему.

Германия восстанавливается как единая демократическая республика с двухпалатным парламентом и общегерманским правительством. Президент избирается парламентом. На всей территории Германии должна действовать общегерманская конституция, а в землях — конституции земель.

Конституции Германии и земель обеспечивают свободу деятельности демократических партий, профсоюзов и других общественных организаций.

Всем гражданам обеспечиваются демократические права и свободы.

Парламент, ландтаги земель и органы местного самоуправления должны избираться на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании и по пропорциональной системе.

Советские предложения исходят из необходимости ликвидировать гитлеровскую централизацию и восстановить автономию земель в том виде, как это предусматривалось Веймарской конституцией. Окончательному государственному устройству, которое должно быть установлено самим германским народом, должна предшествовать временная политическая организация.

По советским предложениям временная политическая организация должна быть осуществлена путем создания центральных германских административных департаментов, выработки Контрольным Советом при участии демократических партий и профсоюзов временной конституции Германии, проведения выборов в соответствии с временной конституцией и образования временного правительства.

Основной задачей временного германского правительства должно быть искоренение фашизма и проведение всесторонней демократизации Германии.

Временная политическая организация Германии должна обеспечить германскому народу возможность демократического государственного устройства.

Глава 20. ИТАЛИЯ В 1917—1947 гг.

§ 1. Конец буржуазной демократии и установление фашистского режима

Буржуазия после первой мировой войны. В 1915 г. Италия вступила в первую мировую войну. Но из войны эта хищническая и жадная, а в сущности, слабая буржуазия вышла еще более обессиленной. Война была цепью скрытых или явных поражений Италии. Первые послевоенные годы — это годы ее международного унижения, полного крушения надежд на "Великую Италию", на господство в Адриатическом море, на обещанные Антантой колонии.

А внутреннее положение было, пожалуй, еще хуже. Сжималась искусственно раздутая во время войны промышленность. Это сопровождалось массовой безработицей, широким финансовым кризисом, банкротством банков, бегством капитала, стремлением свалить на трудящиеся массы издержки войны, переложить на их плечи трудности перевода разоренной страны на рельсы мирного времени.

Подъем классовой борьбы. В этих условиях воскресли старые революционные традиции итальянского пролетариата и итальянской мелкой буржуазии. В 1918—1919 гг. итальянской компартии еще не было, и эти годы — время небывалого раньше подъема *социалистической партии.* Она, насчитывавшая до войны едва полсотни тысяч членов, имела в 1919 г. свыше 200 тысяч. В профессиональных союзах также ощущался бурный прилив членов, и в 1920 г. их число возросло против 1913 г. втрое. Рабочий класс, арендаторы-испольщики, батраки, городская мелкая буржуазия жадно искали руководства, объединяющего центра, вождей для действия, для борьбы. Они нашли презренных центристов в социалистической партии и безголовых синдикалистов в профсоюзных центрах, которые усердно сбивали с толку массы, горевшие желанием борьбы.

Великая Октябрьская социалистическая революция была для всех трудящихся Италии примером, лозунгом, образцом для подражания. Уже в 1919 г. батраки и испольщики (меццадри, контадино) юга и Средней Италии самовольно, "прямым" революционным действием захватывают пустовавшие, втуне лежавшие, годами не обрабатывавшиеся помещичьи латифундии, в то время как они, земледельцы, лишены были клочка поля и умирали с голоду. Растерявшееся правительство вынуждено было задним

числом легализовать этот захват. В сентябре 1919 г. правительство либерала Нитти издало указ, который признавал законным занятие незастроенной или необработанной земли.

Социалистические лидеры терялись перед этим напором. Старая социалистическая партия трещала изнутри, расшатываемая буйным ветром народного пробуждения. На Болонском съезде в 1919 г. обнаружилось разделение социалистической партии на четыре фракции: *максималисты* во главе с Бордигой, звавшие прочь от парламентской борьбы на улицу, на баррикады, на революцию, но очень мало понимавшие, как соединяется революционная борьба пролетариата с его же борьбой на подступах к парламенту и в самом парламенте, пока парламентские иллюзии не изжиты еще в рабочем классе и крестьянстве, пока они еще ждут многого от легальности, от государства, от короля; *парламентаристы* во главе с Серрати, противники Бордиги, стоявшие за использование парламента и парламентской борьбы, но недооценивавшие революционной инициативы масс; *центристы* — самые гнилые соглашатели, "приемлющие" диктатуру пролетариата, но только без насилия над контрреволюционерами и вообще буржуазией; наконец, явные *оппортунисты*, а при случае контрреволюционеры, во главе с Турати — буржуазным наемником и агентом в итальянском рабочем классе, который уже в 1921 г., когда фашистские бандиты все больше разнуздывались и совершали нападения на рабочих, на революционеров, на редакции социалистических газет, на социалистические муниципалитеты, громко рекомендовал рабочим "терпение и прощение врагов".

Тем не менее на Болонском съезде под могучим напором масс партия вынесла решение о вступлении в Коминтерн.

Соперницей социалистов, которые были не в силах переварить беспокойную массу новых членов, выступила новая партия — *популяри*, явная экспозитура Ватикана, опиравшаяся на бесчисленных сельских и городских священников. Партия пыталась проникнуть в рабочий класс через желтые "христианские" профсоюзы, усердно доказывая отсталым рабочим, крестьянам, мелким буржуа городов, что истинная задача народа — примирение и сотрудничество труда и капитала. Посредницей же в этом союзе партия выдвигала католическую церковь, для которой будто бы "все люди братья" и которая "одинаково" принимает к сердцу "справедливые" интересы фабриканта и нужды рабочего и во всяком случае больше покровительствует "трудящимся и обремененным", чем свободным и богатым бездельникам. Эта партия присвоила себе название "народной" (*популяри*) и довольно далеко проникла в народные массы.

Партийный состав парламента 1919 г. Расположение, удельный вес, количество и число итальянских партий этого периода до некоторой степени рисуются из данных парламентских выбо-

ров 1919 г. (происходивших по новому избирательному закону, о котором ниже).

Социалистическая партия получила 1 841 000 голосов (всего в выборах участвовало свыше 11 млн избирателей) и провела 156 депутатов. *Либеральная партия* крупной буржуазии, сильно погромленная неудачной войной и заигрывавшая теперь своим левым крылом с социалистами, а правым — с фашистами, получила в парламенте 195 мандатов, но была здесь разделена на либералов просто (113), либералов левых (46) и радикалов (36). За ними по числу мандатов (100) шла *пополяри* — партия, поддерживаемая князьями церкви и теми слоями помещиков и буржуазии, которые надеялись отбиться от социалистической революции религиозной демагогией.

Это были три крупнейшие фракции палаты депутатов. Остальные фракции насчитывали лишь по несколько мандатов. Среди них можно отметить социалистов-реформистов (13), отделившихся от социалистической партии в 1912 г., и *республиканцев* (13) — старую группировку очень локального характера, еще в конце XIX в. возникшую в Центральной Италии. *Коммунисты* в то время еще не составляли партии; они еще были лишены единого руководства, еще искали дорогу, еще не понимали великого значения революционной инициативы масс, безучастными свидетелями которой они были при захвате латифундий. Коммунистов оказалось в палате депутатов 11. Что же касается *фашистов*, то хотя они уже к тому времени сорганизовались, уже штрейкбрехерствовали, уже совершали бандитские налеты и выставили свои кандидатуры на выборах, ни один из них в палату депутатов не прошел.

Таким образом, если учесть, что либералы были раздроблены, социалисты оказались в палате депутатов самой крупной партией. Они могли бы вести за собой палату, они могли бы заставить либералов и пополяри считаться с собой, но для этого надо было бы установить контакт с народными массами за стенами парламента и парламентскую борьбу сочетать с революционной. Ни Серрати, ни Ладзари (центр), ни Бордига, не говоря уже о буржуазном подголоске Турати, не были к этому способны.

Подъем революционного движения. Пока палата депутатов 1919 г. занималась обычным в таких многофракционных парламентах времяпрепровождением (словопрениями, интригами, групповыми раздорами, сделками, взаимным надувательством), революционная волна шла кверху. Конец 1919 г. и 1920 г. были временем такого забастовочного движения, какого, пожалуй, никогда не видывала итальянская буржуазия: бастовали рабочие Рима, Милана, Флоренции, бастовали железнодорожники, трамвайщики и почтовики по всей стране, объявлялись стачки солидарности с Советской Россией, происходили демонстрации под лозунгами диктатуры пролетариата и власти Советов.

Кульминационным пунктом движения был захват рабочими летом 1920 г. металлургических заводов — достойный пролетарский ответ на объявленный предпринимателями локаут. Уже в 1919 г. рабочие Северной Италии захватили на некоторое время локаутированные текстильные предприятия, и правительство Нитти легализовало этот захват. Теперь дело было поставлено еще организованнее. Рабочие наладили своими силами и с помощью сочувствующих им инженеров и техников производство, обеспечили снабжение предприятий сырьем, организовали сбыт продукции, поставили у предприятий вооруженную пулеметами охрану. Около месяца предприятия оставались в руках рабочих. Но с каждым днем все назойливее вставал вопрос: что же дальше? Если бы социалисты повели массы на штурм государственной власти, чего хотели и искали рабочие, дело итальянского пролетариата было бы выиграно. Но руководство партии было озабочено одним: ликвидировать революционное движение. Они говорили рабочим, что победа за ними, что правительство готово на всевозможные уступки, что опасно слишком натягивать струны. Рабочие послушались их, оставили предприятия, отступили.

А вслед за этим перешло в наступление правительство.

Пролетариат Италии получил великий исторический урок: можно взять в свои руки все заводы и фабрики, все земли, но если государственный аппарат не тронут, если его сконцентрированная сила — войско и чиновничество — остается в руках буржуазии и помещиков, все победы и успехи пролетариата будут ликвидированы, как только правительство соберет резервы и перестроит свои силы.

Выборы 1921 г. Пополяри отказались поддерживать либеральное правительство Нитти ввиду его "уступок" рабочим, и премьером стал Джиолитти — профашист, старый мастер политических обманов. Палата депутатов была распущена. Новые выборы 1921 г. привели к избирательным урнам около 12 млн избирателей (голосовало также население территорий, полученных Италией в результате войны). Процент избирателей, однако, понизился (29,6% населения против 30,9% в 1919 г.), но процент участвовавших в выборах несколько повысился (58,4 против 56,6%).

От социалистов к этому времени откололись революционная часть, составившая компартию, и правая — открыто реформистская соглашательская часть (Турати). Официальная социалистическая партия (лидер Серрати) получила теперь только 124 мандата, правые социалисты — 25, компартия — 15; пополяри оказались второй по числу мандатов партией (108), за ними шли правые либералы (82) и либералы-демократы (85). Фашисты, неистовствовавшие и свирепствовавшие, пускавшиеся на всевозможные демагогические авантюры, на "социалистические" и "антикапиталистические" лозунги, протащили всего только 36 депутатов (в палате депутатов 1921 г. было 535 мест).

Возникновение коммунистической партии. Коммунистическая партия Италии образовалась на Ливорнском съезде социалистической партии (1921 г.). С этого съезда ушли безоговорочные сторонники Коминтерна, принимавшие целиком и полностью 21 условие.

Первое время компартия Италии находилась под лидерством А. Бордиги, будущего троцкиста. Это обусловило слабость компартии к тому моменту, когда классовые бои разгорелись с особенной силой и наступление фашистов расширилось. В 1923 г. в компартию влилась социалистическая группировка Серрати. Только в конце 1922 г. и начале 1923 г. компартия Италии получила новое, подлинно революционное руководство в лице Тольятти, и с этих пор она мужественно борется с фашизмом.

Усиление фашизма. Слабые в палате депутатов 1921 г., фашисты непомерно усилились в стране. Программа фашистских кружков 1919 г. (фашьо-ди-комбатименто), составленных бывшим социалистом Муссолини из всяких деклассированных элементов, из демобилизованных офицеров и унтер-офицеров, требовала политических реформ, например, созыва учредительного собрания, новой конституции, 8-часового рабочего дня — даже для крестьян, чрезвычайных налогов на капитал, конфискации военных прибылей. И когда отсталые рабочие летом 1919 г. громили и грабили магазины в Милане, фашистские провокаторы были в авангарде этих "революционеров" и завоевали себе среди них таким способом большую популярность. Но массы пролетариата отвечали презрением на погромные выходки, на демагогию, на шовинистическую истерику фашизма.

1921—1922 годы — время явной, хотя и постепенной переориентации фашизма. Рабочие, преданные социалистами, отступили. Правительство Джиолитти оправляется от страха и переходит в наступление. Буржуазия, опасавшаяся в 1920 г. диктатуры пролетариата, поднимает голову: гроза прошла. Но она может вернуться. И в такой момент Муссолини предложил буржуазии свои фашьи, своих молодчиков, своих погромщиков, свои штрейкбрехерские команды. Фашьи стали пополняться выходцами из "порядочных" буржуазных семей. На фашистские организации как на оплот против пролетарского социализма начинают благосклонно смотреть либералы; старик Джиолитти приветствует восходящую звезду фашизма. В кассы фашизма начинает щедро притекать золото от банков, от предпринимателей, от помещиков. Теперь у фашистов есть и деньги и люди. Они открывают серию нападений на революционных рабочих, на социалистические организации, особенно и главным образом на компартию, на социалистические и коммунистические муниципалитеты, на редакции социалистических и коммунистических газет, они хватают своих противников, избивают, убивают их или, напоив касторкой, водят по улицам.

В конце 1921 г. фашисты имеют даже собственные рабочие профессиональные союзы, в которые они завлекают наиболее колеблющихся, дезориентированных и отсталых рабочих. Из-за насилий фашистских организаций, избиений, убийств, погромов, из-за штрейкбрехерских команд ("техническая помощь") забастовки затруднены, иногда невозможны. Капиталисты преисполняются доверием к Муссолини — это их настоящий человек.

Правительство Муссолини. Палата 1921 г. не удовлетворяла Джиолитти. Он ушел, и его сменил на некоторое время либерал Бономи, потом либерал Факта. Политическая жизнь сосредоточилась не в палате депутатов, а за ее стенами. Здесь Муссолини рвался к власти, и ему нетрудно было отбить ее у ничтожного Факта. В октябре 1922 г. Муссолини повел на Рим несколько тысяч вооруженных фашистов — сброд, о котором один итальянский генерал сказал тогда же: "С четырьмя пулеметными ротами я очищу от них город". Но Муссолини и руководящие капиталистические организации, уже слепо верившие ему, изобразили это как "массовый" поход на Рим, как выражение воли народа. Король Виктор Эммануил III меньше кого бы то ни было склонен был противиться фашистам. Муссолини был назначен главой правительства. Кабинет, составленный им в конце 1922 г., был парламентский, коалиционный, в котором были и фашисты, но который "облагораживали" своим присутствием либералы и пополяри. Однако в палате депутатов этот кабинет имел против себя сильную оппозицию социалистов и коммунистов. В борьбе Муссолини с оппозицией прошел 1923 г. и часть 1924 г. За это время Муссолини реорганизовал свои фашьи, выкинув из них все элементы, которые всерьез рассчитывали на республику, на "участие рабочих в управлении предприятиями", на "участие рабочих в прибылях", на "землю — крестьянам" и т. д. Самые черные, отменно контрреволюционные, преданные капиталу части фашистов были организованы в фашистскую милицию (несколько сот тысяч) — ударные отряды, силой оружия охранявшие правительство Муссолини от его врагов.

Выборы 1924 г. Надо было уничтожить парламентскую оппозицию, которая сильно мешала и во внутренних, и в международных отношениях. Нужно было добиться фашистского большинства в палате депутатов. А это не так трудно было сделать в стране, политический строй которой всегда был пародией на демократию, где выборы всегда "делались" правительством и где теперь к услугам дуче были вооруженные отряды насильников и регулярный государственный аппарат. Но как все-таки выйти на выборы теперь, когда в течение полутора лет пребывания у власти Муссолини показал себя таким преданным и верным слугой капиталистов, снижая налоги на промышленников, повышая налоги с крестьян и арендаторов, вводя ряд государственных монополий

(спичечная и др.), которые вызывали вздорожание необходимейших населению предметов?

Вероятно, присмотревшись к практике выборов в таких "демократических" странах, как Великобритания и Соединенные Штаты Америки, Муссолини решил оформить эту практику королевским указом (обычная в Италии практика "decretti legi"): осенью 1923 г. был опубликован новый избирательный закон, согласно которому партия, получившая на выборах не менее $^1/_4$ голосов, берет себе $^2/_3$ мандатов.

Выборы 1924 г. были "триумфом" фашистских банд. Фашистская милиция выколотила из терроризированных избирателей 4,3 млн голосов, что при 12 млн избирателей составило ровно столько, сколько надо, чтобы иметь большинство мандатов в палате. Другие партии — от либералов до социалистов — получили в общей сложности 7,2 млн голосов. Но фашисты "правомерно" взяли себе 356 мандатов, а вместе с националистами (близкая к фашистам и слившаяся с ними вскоре группировка) они располагали 374 мандатами. Остальные партии получили от 1 до 39 мандатов — всего 161 мандат. Среди них 46 мандатов получили социалисты и 19 мандатов — коммунисты, на которых обращено было острие фашистского террора и которые собрали все-таки свыше 268 тысяч голосов.

Антифашистское движение и "авентинская" оппозиция. Фашисты сумели терроризировать народ, но обмануть его они не могли. В стране явно поднималась антифашистская волна, и выразителем антифашистских массовых настроений явился в новой палате депутатов социалист Джакомо Матеотти, который в горячей и яркой речи разоблачил кровавую комедию фашистских выборов 1924 г. Вскоре после этого он был убит фашистами.

Ответом была волна самого широкого народного возмущения. Если бы в эти дни социалисты согласились на предложение компартии о создании единого антифашистского фронта, Муссолини вряд ли уцелел бы. Но парламентская оппозиция решила "убить себя смешным": популяри, социалисты, демократы, республиканцы ушли в виде протеста из палаты депутатов, очистив место фашистам, т. е. ушли от борьбы и обессмертили себя ироническим прозвищем "авентинской" оппозиции. Во времена Древнего Рима уход плебеев из города на Авентинский холм был величественной драмой, в 1924 г. уход оппозиции из палаты депутатов был забавной комедией.

Одни только коммунисты остались в палате лицом к лицу с оголтелыми фашистскими убийцами, они одни представляли собой парламентскую оппозицию фашизму, повседневно героически отстаивая в палате и за ее стенами интересы пролетариата.

Разгул фашистского террора. Муссолини, жестоко перепугавшийся в первые дни катастрофы, в публичных выступлениях оправдывавшийся, отмежевывавшийся от насилий, умолявший не

смешивать их с фашистским режимом, Муссолини, боявшийся массового антифашистского движения и увидевший вскоре, что усилиями социалистов оно превращается в глупый фарс "авентинской оппозиции", вновь обретает всю свою наглость. С начала 1925 г. он, в самых широких масштабах пользуясь всей организованной силой государственного аппарата и фашистских добровольческих и всяких иных отрядов, стал продолжать дело убийц Матеотти. Фашистское правительство "исключительными законами" 1926 г. запретило политические партии, кроме, конечно, фашистской, закрыло нефашистскую прессу, упрятало в тюрьму одних лидеров "Авентина", заставило бежать за границу других, свирепыми репрессиями привело к молчанию и без того бессильную критику третьих. Закон о защите государства, принятый в ноябре 1926 г., восстановил смертную казнь, легализовал внесудебную расправу, в частности административную высылку, ввел чрезвычайные трибуналы. С особой силой репрессии обрушились на коммунистов: их убивали, поджигали помещения, где они находили убежище, сеть специальных судов принялась выносить приговоры всем, хотя бы подозреваемым в коммунизме, к тюрьме на 75 лет, к ссылке на острова, где осужденные погибали от злокачественных лихорадок или от голода.

Фашистский режим развертывался во всей своей чудовищной сущности.

§ 2. Фашистское государство — орудие кровавого насилия над массами

Закон "О полномочиях главы правительства". Овладеть государственным аппаратом и подчинить его интересам и целям разбойничьего итальянского империализма было главной и первоочередной задачей итальянских фашистов. На это была прежде всего направлена борьба Муссолини с палатой депутатов, и в этой борьбе он к 1926 г. одержал полную победу, которую оставалось в дальнейшем лишь укреплять и расширять.

Он так и делал.

Старая итальянская Конституция — Статут Пьемонтского королевства 1848 г., с 1860 г. распространенный на воссоединенную Италию, — никогда не была отменена. Фашистское правительство просто не обращало на нее никакого внимания, отстраняло ее, как отстранил дуче итальянского короля, предоставив ему при надобности покрывать своей королевской санкцией злоупотребления и грабительства фашистской банды.

24 декабря 1925 г. палата депутатов, превращенная с изгнанием из нее коммунистической фракции (31 октября 1925 г.) в нечто вроде казармы фашистских "черных рубах", преподнесла

Муссолини закон "О полномочиях главы правительства". Закон этот предоставил главе правительства (он же для пущей важности — первый министр и государственный секретарь) прежде всего исполнительную власть, за которую он признавался ответственным исключительно перед королем. О министрах говорилось, что они "ответственны перед королем" — вполне формальное и ничего реально не означавшее положение — и перед главой правительства — важное добавление к Конституции, делавшее дуче начальником министров, низведенных на роль его простых подчиненных. До самого 1936 г. Муссолини самовластно держал в своих руках 7 важнейших министерских портфелей, так что заведовавшие соответственными министерствами были и по существу, и по форме всего только его помощниками. Но он контролирует, согласно названному закону, все течение дел и в парламенте, ибо без его согласия ни один вопрос не может быть включен в повестку дня обеих палат.

Следует помнить, что сенат, составлявшийся по Конституции из членов по назначению контроля, меньше всего способен был доставить Муссолини какие-либо хлопоты и сохранялся в неприкосновенности до 1938 г., когда парламент был окончательно упразднен.

Закон "О праве исполнительной власти издавать юридические нормы". Принимать в какой-нибудь степени "чернорубашечников", наполнявших палату депутатов, за законодателей Муссолини не собирался. За законом 1925 г. о полномочиях дуче как главы исполнительной власти последовал уже в январе 1926 г. закон о его же законодательных полномочиях. Законом о праве исполнительной власти издавать юридические нормы последние были разделены на: 1) законы, 2) декреты-законы и 3) нормы. Законы исходят только от парламента, декреты-законы (имеющие ту же материальную силу, что и законы) исходят от исполнительной власти "в случае настоятельной и безусловной необходимости", нормы же (которых, конечно, по их обязательной силе самый искушенный глаз не отличит от законов) могут издаваться советом министров в целях "организации и функционирования государственных органов, общественных органов и учреждений и их персонала".

После этого фашистский парламент даже официально и формально потерял всякий смысл. Он стал созываться редко и заседал всего несколько часов в сессию.

Фашистские профсоюзы и корпорации. Одновременно или почти одновременно с этими "реформами" законодательной и исполнительной власти совершалась реорганизация синдикатов (профсоюзов), и окончательно складывалась структура фашистской партии.

Фашистские синдикаты предназначались стать одной из главных организаций порабощения рабочего класса. Законом 1926 г.

"О правовой организации коллективных трудовых отношений" в сочетании с "хартией труда" (1927 г.) устанавливалось наличие как рабочих, так и предпринимательских синдикатов. Только фашистские, т. е. признанные правительством, синдикаты наделялись правом "обслуживать" предпринимателей и рабочих. Предпринимательские синдикаты создавались с исключительной целью объединять предпринимателей в борьбе с рабочими и согласовывать их действия в этой борьбе. Состоять в рабочем синдикате было фактически неизбежно для рабочего, так как он во всяком случае платил синдикальный взнос (процент от заработной платы). Какого-либо влияния на управление синдикатом, на ход его дел члены рабочего синдиката были лишены: руководящая верхушка синдиката назначалась правительством (специальным министром корпораций). Синдикаты работодателей по отдельным отраслям производства объединялись в масштабе провинции в федерации, а в масштабе всей страны — в конфедерации. Это еще больше усиливало их по отношению к рабочим синдикатам.

По идее закона 1926 г. и "хартии труда" во всем обнимаемом синдикальной организацией хозяйстве создавались паритетные представительства рабочих и предпринимательских союзов — корпораций. Здесь проектировалось разрешать все вопросы организации труда, "примирять" труд с капиталом и "ликвидировать" классовую борьбу. Корпорации с такими задачами составляли ту идею итальянского фашизма, с которой он носился, как известный персонаж с писаной торбой. Отсюда и новое гордое название фашистского государства — "корпоративное". Практически все это было демагогией самого низкого пошиба, практически корпораций в стиле и смысле законов 1926 и 1927 гг. никогда не было. Вместо них в крупных городских центрах существовала комиссия из секретаря фашистской провинциальной организации, ему подчиненного префекта (главы провинциальной администрации), делегатов предпринимательских союзов и назначенческих правлений рабочих синдикатов. Они-то и "примиряли труд с капиталом". Только в 1934 г. (когда экономическое положение Италии, по оценке самого дуче, приближалось к национальной катастрофе и когда выходом из фашистского тупика могла быть только счастливая военная авантюра) Муссолини назначил 739 человек, составивших 22 корпорации. Среди них было 134 делегата от предпринимательских синдикатов, 134 — от правлений рабочих синдикатов, 137 крупнейших капиталистов, 66 заправил из аппарата фашистской партии и др.

Эти "корпорации" должны были служить и служили дальнейшему укреплению позиций трестированного капитала. Сам Муссолини в качестве министра корпораций возглавил "общее собрание" корпораций.

Фашистская партия. Ко второй половине 20-х годов окончательно сложилась и организация фашистской партии. Это была

меньше всего политическая партия и больше всего государственное бюрократическое учреждение. Ее устав утверждался королевским декретом. Ее начальник, почему-то именовавшийся секретарем, назначался таким же способом по представлению главы правительства. Она имела (по крайней мере на бумаге) двоякого рода органы: коллегиальные и единоличные. И те и другие назначались без всякого участия членской массы. Так называемый "великий фашистский совет" состоял из председателя палаты депутатов, председателя сената, министров и разных других крупных чиновников, секретаря фашистской партии и находился под председательством главы правительства. Законы 1928 и 1929 гг. сделали этот совет верховным органом партии и государства (он давал заключения по конституционным вопросам, предлагал кандидатов в министры, через него пропускались важнейшие законы).

Национальная директория была следующим коллегиальным органом, назначавшимся главой правительства по представлению секретаря фашистской партии и фигурировавшим как совещательный совет при этом секретаре. Провинциальные директории составлялись аналогичным образом в провинциях при провинциальных секретарях.

Действительной движущей силой механизма были единоличные органы: дуче, секретарь, секретари провинциальные, секретари местных фашьо.

Новое фашистское избирательное право. Ко времени очередных выборов палаты депутатов 1928 г. для фашистской диктатуры стало ясно, что, несмотря на необузданный террор фашистской милиции, на бесчеловечную свирепость судов, на кнутобойство полиции, тайной и наружной, на отсутствие легально признанных партий, свободной прессы, свободных профсоюзов, несмотря на все это, проводить выборы в палату депутатов — дело хлопотливое и небезопасное.

К 1928 г. итальянские империалисты чувствовали себя удовлетворительно: они получали все возраставшие прибыли, они концентрировали в своих руках все больше "национального" богатства. Но крестьяне, рабочие, мелкая буржуазия и даже владельцы средних торговых и промышленных предприятий имели основание ко все возраставшему недовольству: крестьяне разорялись, уровень жизни рабочего повседневно падал, заработная плата снижалась, покупательная способность населения уменьшалась, внутренний рынок, всегда в Италии очень узкий, от фашистского хозяйничанья все больше сжимался. Таким образом, рядом с Италией фашистской всегда, неизбежно и необходимо существовала Италия революционная, Италия рабоче-крестьянская, готовая подняться против своих поработителей. Почти половина населения продолжала работать в сельском хозяйстве, где господствовали феодальные пережитки, феодальное распределение земли. 700

тысяч середняцких хозяйств имели участки от 5 до 20 га, 150 тысяч кулацких — до 100 га, 21 тысяча помещичьих — свыше 100 га. Половина земельной площади принадлежала крупным помещикам. Крестьянство и рабочий класс все мучительнее ощущали жестокое иго трестов, особенно потому, что своего угля, леса, нефти, хлопка Италия не имела и в 30-х годах XX в., как и до первой мировой войны. Все это ввозилось. Все это по непомерно дорогой цене оплачивали те же крестьяне и рабочие.

Но к услугам фашистского диктатора были его законодательные права, чтобы выводить его из подобных затруднений. Законом "О реформе политического представительства" 1928 г. избирательное право, процедура выборов и самый избирательный корпус были "преобразованы": избирателями были объявлены четыре категории мужчин старше 21 года (или старше 18 лет, если они женаты и имеют детей): 1) плательщики синдикальных взносов (т. е. состоящие в фашистских профсоюзах), или 2) уплачивающие 100 лир прямого налога, или 3) состоящие на государственной службе, или 4) принадлежащие к духовенству. Этим законом, конечно, выборы были фундаментально обеспечены от участия неблагонадежных элементов, а мимоходом, в виде побочного, но весьма немаловажного эффекта, раскрывалась возможность двойного и тройного голосования для чиновников, для попов, для крупных налогоплательщиков.

Главная, однако, суть была не столько в организации избирателей, сколько в организации самих выборов, разделенных на две стадии: 1) выдвижение кандидатов, 2) голосование. Первая признавалась исключительной функцией фашистских синдикатов и других фашистских организаций, т. е. их назначавшихся правлений. Синдикаты выдвигали 800 кандидатов, другие — 200 кандидатов. Так называемый великий фашистский совет отбирал 400 кандидатов из этой тысячи (а также со стороны по своему усмотрению). Единый список в 400 имен ставился на открытое голосование: закон тайного голосования не предусматривал.

Таким-то способом и "избиралась" палата депутатов в 1929 г. и 1933 г., пока к 1938 г. фашистские диктаторы не нашли для себя стеснительной даже и эту комедию. В октябре 1938 г. фашизм нанес, наконец, жалкому парламентскому ублюдку последний удар: палата была упразднена и вместо нее учреждена "палата фашьо и корпораций" из главы правительства, членов национальной директории и членов национального совета корпораций. Все они утверждались в депутатском звании главой правительства, а председатель палаты фашьо и корпораций — королем. Всех членов было около 650. Срока полномочий не было установлено, и их всегда можно было разогнать — всех вместе или поодиночке. Права палаты определялись кратко и неясно: она "сотрудничает с правительством в издании законов". Первая палата фашьо и корпораций собралась 23 апреля 1939 г.

Ликвидация местного самоуправления. Фашизм не пощадил, конечно, местного самоуправления, органы которого и до того не отличались особенной широтой своих прав и обязанностей. Италия была строго централизованным государством. Законами 1889, 1898, 1908 и 1915 гг. провинциальное и коммунальное самоуправление моделировалось по французским образцам. Провинции соответствовали департаментам, другие подразделения — кантонам и округам. Основную роль играли провинции и общины. Они имели выборные советы. В общинах органом исполнительной власти был синдик по выбору общинного совета. Во главе провинции стоял префект — агент министра внутренних дел, игравший существенную роль во время выборов провинциального совета и общинных советов. Министерство внутренних дел контролировало местное самоуправление самым непосредственным образом, сужая его компетенцию до области мелких местных коммунально-хозяйственных вопросов.

Законом 1926 г. фашистское правительство установило, что только $^{1}/_{3}$ членского состава общинных советов избирается, а $^{2}/_{3}$ назначаются префектом. Законы 1928 и 1932 гг. окончательно "реорганизовали" местное управление так, что самоуправление исчезло бесследно. Главой провинции остался префект, но никаких выборных органов в провинции уже не оказалось. При префекте учрежден был совет префектуры и административная комиссия (джунта) из чиновников по назначению министра внутренних дел. Он же (формально королевским декретом) назначал "ректорат" провинции, который под председательством "президента" заменил провинциальный совет. Ответственным за всю администрацию провинции был префект.

В общине фашистские законы учредили должность "подеста", который осуществлял здесь и нормативные, и исполнительные полномочия с помощью совещательного органа ("консульта"). Последний назначался префектом из кандидатов, намечавшихся местными фашистскими организациями.

Полиция. В таком государстве необходимо громадна была роль полиции. Она была старого централизована в руках министра внутренних дел. В провинциях она, впрочем, подчинялась префекту и особому чиновнику — квестору. Особое значение имела политическая полиция — род итальянской гестапо под вычурным названием "Организация охраны от антифашистских преступлений" (ОВРА). С 1926 г. учреждена была "Особая служба политических расследований" — достойный прототип немецко-фашистской СД. Полицейское значение имела и "добровольная милиция национальной безопасности" — фашистская милиция из отборных головорезов, включенная потом в армию. Она делилась на легионы. При каждом легионе состояло свое "бюро политических расследований". В провинциях свирепствовали полицейские суды в виде про-

винциальных комиссий из префекта, прокурора, квестора, начальника карабинеров (сельская полиция), начальника фашистской милиции. Эта комиссия ссылала антифашистов в колонии, на острова, запирала в тюрьмы на десятки лет.

Колониальные захваты фашизма. Первая мировая война не дала Италии никаких новых колониальных владений. Но на положении колоний оказались переданные Италии по Сен-Жерменскому мирному договору (1919 г.) Южный Тироль и Триест с прилегающей к нему территорией. И в Тироле, и в особенности в Триестской области преобладали среди населения славяне. Часть города Фиуме, захваченного было итальянцами, уступлена была в 1920 г. Югославии.

Фашизм развил яростную борьбу за колонии. С начала 20-х и до начала 30-х годов шла военная борьба с населением Триполи и Киренаики, объединенных потом под старинным названием Ливии. В 1936 г. после ожесточенной войны была оккупирована значительная часть Эфиопии (Абиссинии), по случаю чего итальянский король получил титул императора Эфиопии. В том же году Эритрея, Сомали и Эфиопия были объединены в Итальянскую Восточную Африку под управлением генерал-губернатора (он же вице-король Эфиопии). В апреле 1939 г. была захвачена Албания.

§ 3. Итальянское государство после второй мировой войны

Политические партии. Военный разгром фашистской Италии всецело был обусловлен победами советских войск над фашистскими захватчиками. Когда Гитлер, безнадежно завязший на востоке, отказал Муссолини в помощи против англо-американских войск, высадившихся в 1943 г. на юге Италии, поражение Италии стало представляться ее фашистской верхушке неминуемым, и разбойники, пресмыкавшиеся перед своим атаманом в годы его могущества и славы, немедленно взбунтовались против него. Почти одновременно несколько видных фашистов (среди них зять Муссолини — граф Чиано) потребовали его отставки. Но гораздо большее значение имели бурные выступления рабочих Северной Италии и резкий подъем партизанского и вообще антифашистского движения по всей Италии. Фашистский режим горел в пламени народного возмущения.

Приняв отставку Муссолини, король в июне 1943 г. поручил сформировать правительство маршалу Бадольо, который довольно долго пытался сохранить верность немецко-фашистским союзникам и объявил, что "война продолжается". Но, как известно, одни маршалы без народа и армии не могут воевать, а страна не желала войны. В сентябре 1943 г. правительство Бадольо подписало

капитуляцию Италии. Тогда гитлеровские войска оккупировали большую часть Италии вместе с Римом, и англо-американцам пришлось шаг за шагом очищать страну от немецко-фашистских захватчиков.

В 1944 г. Муссолини был схвачен партизанами в Северной Италии и расстрелян.

По очищении Италии от гитлеровцев и создании Союзной контрольной комиссии (а при ней Консультативного совета по делам Италии) как верховной власти Италии, руководящей внутриполитической силой сделался комитет (джунта) шести политических партий. Это были (считая справа налево): либералы, христианские демократы, партия демократии труда, партия действия, социалисты, компартия.

Либералы, никогда не имевшие в стране массовой базы, не приобрели ее, конечно, ни тогда, когда способствовали выдвижению Муссолини, ни во время фашистской диктатуры, ни, наконец, в пору подъема демократической народной Италии. Они служили капиталу после первой мировой войны, готовы были служить ему и после второй мировой войны, но их лидеры — Орландо, Нитти и другие — были генералами без армии. Они вынуждены были поэтому перенять лозунги демократии, которые им претили, и идти до поры до времени за демократическими партиями, чтобы не очутиться вовсе за бортом политической жизни.

Христианские демократы — возродившиеся в 1943 г. популяри. В противоположность либералам у них была в 1919—1925 гг. массовая, хотя и своеобразная, база, и она же оказалась в их распоряжении в 1943 г. Религиозная демагогия — их главное оружие. То, что они говорят религиозно настроенным рабочим, крестьянам, мещанам о необходимости использовать "социальные силы" католицизма, о посредничестве церкви в отношениях труда и капитала, о воздержании от крайностей как левых, так и правых партий, поразительно напоминает то, что говорят народу во Франции лидеры Народно-республиканского движения (МРП). Причина в том, что и в Италии, как во Франции, как и всюду, эти сладкоречивые демагоги инспирируются Ватиканом и говорят и действуют по его инструкциям.

Тем не менее положение христианских демократов затруднительно, и источник затруднений именно в сложности их массовой базы, их избирателей. Это большей частью низы населения, наиболее темные, малосознательные, малограмотные, малообеспеченные, находящиеся под сильным влиянием низшего католического духовенства, сельских и городских приходских священников. Священники и служат основной агентурой партии в массах избирателей. Без них партия бессильна. Но это низовое духовенство, живя нередко одной жизнью со своей паствой, почти так же бедствует. Оно с завистью и недоброжелательством смотрит на кня-

зей церкви, тонущих в роскоши и разврате. Оно настроено демократически, думает так же, хочет того же, что и ремесленники, мелкие торговцы, мещанство и те слои рабочих и крестьян, которые близко соприкасаются с мещанством. Естественно, что между этими кругами христианских демократов и высшим руководством партии — церковными иерархами — щель, которую опасно расширять. Ватикан теснейшим образом связан с итальянской монархией и со всей реакцией, центром которой была монархия. Ватикан всегда готов сомкнуться с либералами — монархистами и реакционерами по своей сути. Но боясь лишиться поддержки массового избирателя, руководство христианских демократов рядится в демократические одежды и, хотя сквозь зубы и со всевозможными оговорками, говорит о демократии и о республике. Все это не мешает ему подстерегать момент, удобный для того, чтобы круто повернуть направо — к соглашению и союзу со скрытыми и явными монархистами.

Социалистическая партия, наученная испытаниями эмиграции и подполья, в 1934 г. приняла (с каким опозданием!) предложение компартии о единстве действий в борьбе с фашизмом. Единство просуществовало, однако, недолго, и в 1939 г. соглашение было разорвано по вине и по инициативе социалистической партии. Только в 1944 г. оно было восстановлено. Многие лидеры социалистической партии честно и твердо держат с тех пор один курс с компартией, и среди них надо прежде всего назвать генерального секретаря партии Ненни. Но социалистическая партия была неоднородна непосредственно после первой мировой войны и осталась такой же после второй мировой войны. Наряду со здравомыслящими и классово зрелыми представителями пролетариата, для которых полное слияние с компартией есть лишь вопрос времени, в ней сохранились в значительном числе, хотя и в меньшинстве, элементы мелкобуржуазные, для которых малоприемлем твердый курс на широкую народную демократию, которые пугаются трудностей борьбы за крупные социальные реформы и боятся неизбежных издержек этой борьбы. Эти элементы тянут партию вправо — к блоку с христианскими демократами, к разрыву с компартией.

Компартия образовалась сравнительно поздно (в январе 1921 г.) путем раскола социалистической партии на Ливорнском съезде, где 98 тысяч голосов (против 59 тысяч) было подано за вступление в Коминтерн. В первое время компартия, как уже говорилось об этом, не имела подлинно революционного руководства. Троцкист Бордига был представителем гнилого пассивного течения, ожидавшего со сложенными руками автоматического краха фашизма. Он был исключен из партии в 1932 г. После этого партия стала развивать работу в массах, проникать в фашистские организации; было заключено соглашение о едином антифашистском фронте с подпольной социалистической партией. Но мас-

совая работа компартии развивалась все же недостаточно широко. В 1935 г. на VII Конгрессе Коминтерна Г. М. Димитров совершенно правильно отметил, что итальянская компартия совершает чудеса героизма в борьбе с фашизмом, но этот героизм не сочетается с повседневной борьбой в массах. На XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. представитель делегации ВКП(б) в Коминтерне т. Мануильский совершенно точно охарактеризовал положение итальянской компартии, когда сказал, что она все еще не создала крепкой нелегальной организации, не возглавила недовольства масс войной в Абиссинии, интервенцией в Испании.

В период второй мировой войны положение изменилось: итальянская компартия оказалась и авангарде борьбы против войны, в гуще масс, где росло возмущение военной авантюрой, рабским подчинением фашистской Германии, грабительским походом в Советский Союз, бесчинствами итальянского фашизма на захваченных территориях СССР. Число подпольных активистов компартии росло, и когда военный крах Италии стал совершившимся фактом, обнаружилось, что компартия — один из самых влиятельных и сильных членов блока шести партий. В январе 1947 г. число ее членов дошло до 2 200 000.

Из других партий демократического блока надо упомянуть созданную в январе 1943 г. некоторыми прогрессивными представителями городской мелкой буржуазии партию действия, демократическую и республиканскую по своей программе, и партию демократии труда, истоки которой восходят к последнему году перед первой мировой войной, когда социалисты-реформисты (Биссолати и др.), исключенные из партии за поддержку войны Италии с Турцией 1912—1913 гг., создали собственную организацию. В эту организацию в 1943 г. влились бывшие радикалы (левая часть либералов во главе со своим лидером Бономи).

Первое правительство демократического блока. В 1944 г. блок шести партий был уже наиболее влиятельной общественной силой Италии. Он создал Центральный комитет национального освобождения и сеть местных организаций — местных комитетов национального освобождения, которые контролировали положение в городах и в провинциях. Блок требовал: отречения короля от престола, организации правительства из лидеров блока, созыва Учредительного собрания.

После промежуточных правительств Бадольо и Бономи первое требование блока было, наконец, удовлетворено, хотя и с важной оговоркой: отречение короля не означало упразднения монархии; во главе государства очутился принц-наместник Умберто, политическая амфибия — не король и не президент, нечто вроде "местоблюстителя" королевского престола.

В апреле 1945 г. Ферручио Парри, мелкобуржуазный демократ из Северной Италии (он участвовал в партизанских отрядах),

лидер партии действия, возглавил правительство из представителей шести партий блока.

В сентябре 1945 г. состоялось открытие Национального совещательного собрания, образованного из представителей партий, входящих в блок (в количестве 200 членов), партий, находящихся вне блока (20 членов), профсоюзов (46 членов), антифашистских членов бывшей палаты депутатов (80 членов), различных других общественных организаций — культурных и т. п. (10 членов). Президентом Национального совещательного собрания был граф Сфорца (партия действия); вице-президентами были социалист и христианский демократ.

Противоречия внутри демократического блока и первое правительство де Гаспери. Разношерстный состав блока сказывался все сильнее. Внутри его коммунистическая партия, социалистическая партия, Партия действия составляли левое крыло, либералы и христианские демократы — правое крыло, а партия демократии труда — болото, центр, колеблющийся между флангами. Либералы с каждым днем все явственнее обнаруживали свою роль экспозитуры капиталистов, нажившихся при Муссолини. Они при всяком удобном и неудобном случае провозглашали, что "фашизм в Италии мертв", в то время как на каждом шагу он проявлял самые гнусные признаки жизни: в провинциях сидели фашистские префекты, на юге и в Средней Италии трудящихся терроризировали банды фашистов, то и дело сообщали о бегстве фашистов из тюрьмы, крупнейшие "деятели" фашистского режима (Феддерцони и Ботаи) укрывались в Ватикане. Наконец, фашизм заявил о себе открыто: бывший фашист Джанини организовал "партию обыкновенного человека" ("фронтэ дель уомо куалюнкуэ") и в своих выступлениях усиленно воскрешал фразеологию и демагогию фашизма периода 1919—1925 гг.

Реакция играла на крупных экономических затруднениях этого периода: 35% промышленности было разрушено, 75% подвижного железнодорожного состава повреждено или вывезено, торговый флот почти исчез, не было хлеба, не было продовольствия, не было сколько-нибудь решительных экономических и социальных реформ.

Конец 1945 г. либералы признали моментом, удобным для наступления. Заключив тайное соглашение о поддержке с христианскими демократами, они объявили о своем выходе из правительства Парри. Другого средства ликвидировать кризис не нашлось, как передать пост главы правительства лидеру христианских демократов графу де Гаспери. Кабинет был составлен из трех представителей от каждой из следующих партий: христианских демократов, социалистов, коммунистической партии, партии действия, партии демократии труда, либеральной (при одном беспартийном специалисте).

Избирательный закон. В течение 1946 г. произошли два события первостепенной важности: 3 мая одновременно проводились выборы Учредительного собрания и референдум. На народное голосование поставлен был один, но очень важный вопрос: "Хотите ли вы установления республики?"

Для выборов Учредительного собрания (как и для участия в референдуме) Национальное совещательное собрание выработало новый избирательный закон. Устанавливалось всеобщее, равное, прямое, тайное избирательное право с пропорциональным представительством. Большие споры вызвал вопрос об обязательности голосования. Обязательное голосование — не редкость в практике буржуазных государств: оно существовало до войны в Чехословакии, Болгарии, существует и сейчас в Бельгии. Но в обстановке послевоенной Италии требование обязательности голосования основывалось на своекорыстных соображениях реакции, рассчитывавшей на то, что известная часть малосознательных и неграмотных, политически отсталых и вообще чуждающихся политики избирателей окажется именно в лагере реакции, там, где свободно действует поповская агентура христианских демократов, где вращаются агенты либералов, Джанини и других фашистов и монархистов. То же можно было сказать и о значительной массе женщин, впервые в итальянской политической истории допущенных к голосованию и находившихся еще под сильным влиянием своих духовников. Для них-то и нужен был, по мнению реакции, гонящий к урнам хлыст в виде штрафа за воздержание от выборов.

Христианские демократы и их союзники решительно требовали обязательности голосования, компартия, социалисты, партия действия не менее решительно возражали. Большинством голосов Национальное совещательное собрание установило обязательность голосования, но в правительстве де Гаспери, утверждавшем закон, сошлись на компромиссе — санкцией за воздержание был избран не штраф, а моральное порицание: отметка в легитимационной книжке, оглашение имени.

Борьба партий внутри блока. Интриги христианских демократов. К моменту выборов Учредительного собрания и референдума внутренняя политическая обстановка в Италии отличалась большой сложностью. Христианские демократы развивали яростную кампанию против своих союзников и сотрудников в правительстве — коммунистов. Они (вместе с другими реакционерами) играли на экономических затруднениях Италии, на тяжелом продовольственном положении ее и, не стыдясь, подчеркивали в своей избирательной агитации, что экономическую и продовольственную помощь Соединенные Штаты и Великобритания, особенно первые, окажут только такому правительству, которое не "запятнает" себя соглашением с коммунистами, а поскольку социалисты взяли и держат твердый курс на единство действий с компартией, — то и с социалистами.

Выборы Учредительного собрания. До известной степени эта политика имела успех, хотя и не такой, какого хотелось христианским демократам. Выборы внесли много ясности в политическую обстановку и в отношения партий. То были первые в Италии выборы в буржуазно-демократическом смысле слова, хотя итальянский парламент насчитывал к тому времени 80 лет существования. Зарегистрировано было свыше 28 млн избирателей. К урнам пришло около 23 млн. Они выбрали 545 депутатов Учредительного собрания. Между наиболее крупными политическими партиями мандаты распределились следующим образом: на первом месте оказалась христианско-демократическая партия, получившая 8,8 млн голосов (35,2%) и 207 мандатов, социалистическая партия — 4,7 млн голосов (20,7%) и 115 мандатов, компартия — 4,4 млн голосов (18,9%) и 104 мандата. Реакционные партии и группировки, в том числе либералы, демократия труда, куалюнкуисты и другие получили в общей сложности 87 мандатов, мелкие партии республиканского направления, в том числе партия действия и др., — 32 мандата.

Референдум. Расположение партий и сочетание голосов на референдуме было иным. В то время как на выборах Учредительного собрания республиканские партии (христианские демократы, социалисты, компартия, республиканцы) получили около 20 млн голосов, т. е. свыше 80%, на референдуме республика прошла 12,7 млн голосов против 10,7 млн голосов, поданных за монархию.

Анализ этих цифр показывает, как много монархистов среди христианских демократов.

Как бы то ни было, республика победила. Важнейший оплот клерикально-фашистской реакции был сломлен. Принц-наместник сел на корабль и уехал в Англию. Ватикан осиротел.

Председателем Учредительного собрания был избран правый социалист Сарагат, а временным главой государства — христианский демократ де Никола.

В 1947 г. после ухода Сарагата председателем учредительного собрания был избран коммунист Умберто Терначини (из 436 голосов за него было подано 279).

Второе правительство де Гаспери. Учредительное собрание образовало новое правительство в составе де Гаспери (премьер-министр, министр внутренних дел и министр иностранных дел), 7 христианских демократов, 4 коммунистов, 4 социалистов, 2 республиканцев, 1 "независимого".

Главной своей задачей Учредительное собрание признало разработку конституции. Срок был установлен 20 октября 1946 г., а затем продлен до июня 1947 г. Когда в сентябре 1946 г. правительство де Гаспери ставило вопрос о доверии, против него вотировали либералы, монархисты, партия действия, куалюнкуисты.

Раскол социалистической партии. В 1946 г. происходили съезд коммунистической партии и съезд социалистической партии.

На съезде компартии принято было решение официально предложить социалистической партии слияние в единую партию. На съезде социалистической партии выявилось крупное правое меньшинство, выступавшее против слияния и, по-видимому, против даже единого фронта с компартией. Генеральный секретарь социалистической партии Ненни высказался за продолжение единого фронта с компартией. Голосование показало, что он имеет за собой большинство, но недостаточно крупное. Ненни вынужден был уступить место генерального секретаря некоему Ломбардо, а сам перешел на специально по этому случаю созданный пост председателя партии.

Еще несколько месяцев спустя, в январе 1947 г., на очередном съезде социалистической партии правые группы пошли на формальный раскол и на образование новой "социалистической партии итальянских трудящихся" (лидеры Сарагат и др.). Есть прямые указания на то, что раскол социалистической партии "привез" с собой из Соединенных Штатов де Гаспери, ездивший туда просить финансовой поддержки у "дипломатии доллара". О финансовой поддержке Италии слышно мало, и то, что слышно, неясно, о финансовой же поддержке раскольников — Сарагата и других — имеются очень точные данные.

Третье правительство де Гаспери. Де Гаспери, вернувшись из Соединенных Штатов, много и с пылом говорил о том, что он составит правительство без коммунистов и, пожалуй, без социалистов. Но обстановка, которую он застал в Италии, не благоприятствовала этим воинственным намерениям. В феврале 1947 г. де Гаспери составил правительство из 6 христианских демократов, 3 коммунистов (министры юстиции, путей сообщения, общественных работ), 3 социалистов, 1 "независимого" (бывший лидер партии действия граф Сфорца) в качестве министра иностранных дел и еще 1 "независимого" в должности министра национальной обороны (Гаспарото из партии демократии труда).

Победа демократии на муниципальных выборах. Внутренним событием, значительно охладившим боевой пыл де Гаспери, была, как можно предполагать, победа демократии на муниципальных выборах, начавшихся в марте 1946 г. и закончившихся в октябре.

В римском муниципалитете компартия получила 15 мандатов, социалисты — 7, партия действия — 4, партия демократии труда — 2. Христианские демократы, по-видимому, не получившие в Риме ни одного мандата, не могли примириться с таким положением. Придравшись к некоторым затруднениям и задержке при избрании исполнительного органа муниципального совета, правительство декретом временного президента республики объявило о роспуске муниципального совета Рима.

Четвертое правительство де Гаспери. Наконец, в мае 1947 г. реакция вновь пошла на приступ: де Гаспери подал в отставку,

после чего они его клевреты из христианско-демократической партии срывали все попытки составить новый кабинет с представительством компартии. После нескольких таких попыток, бесплодных ввиду интриг христианских демократов, де Гаспери образовал свой четвертый кабинет из христианских демократов и нескольких "независимых", под каковым названием скрываются правые либералы и бывшие активные соратники Муссолини.

Вопреки обещаниям разработать конституцию и произвести парламентские выборы в июне 1947 г. Учредительное собрание продлило свои полномочия до конца 1947 г.: правое большинство Собрания явно уклоняется от встречи с избирателями.

Мирный договор. В начале 1947 г. было объявлено о ликвидации Союзной контрольной комиссии в Италии. В феврале 1947 г. между Италией и Союзными и Соединенными державами заключен мирный договор. Некоторые из постановлений мирного договора имеют отношение к политическому устройству Италии. Так, Италия обязуется обеспечить своему населению политическое и гражданское равноправие, свободу слова, печати, собраний, религии. Ее военные силы (сухопутные, морские, воздушные) весьма существенно ограничены (численность армии не должна превышать 250 тысяч человек). Италия лишилась всех своих колоний — Ливии, Эритреи, Сомали и возвращает Греции острова Додеканеза, захваченные в 1912 г., обязалась признать независимость Албании и Эфиопии.

Глава 21. ЯПОНИЯ В 1868—1947 гг.

§ 1. Государственный строй

Буржуазная революция 1868 г. Буржуазная революция, совершившаяся в Японии в конце 60-х годов прошлого столетия, известная под названием "реставрации Мейдзи" ("просвещенного правительства"), была незаконченной, половинчатой.

До самой революции феодальный порядок сохранялся в Японии в нетронутом виде. Крупные феодалы содержали собственное войско, составленное из дворян (самураев), и нередко обладали правом чеканить монету. Их зависимость от центрального правительства определялась обычаями чисто феодального характера, главным образом в области военной службы, и все более ослаблялась иммунитетами.

Основная производительная сила страны — крестьянство — не обладала ни землей, ни личной свободой и на протяжении веков терпеливо тащила на себе тяжелый груз поземельных налогов, барщины и иных повинностей, основанных на феодальном праве.

С развитием капиталистических отношений и их проникновением в деревню эксплуатация и обнищание японского крестьянина стали еще более усиливаться. К этому добавилась весьма актуальная угроза порабощения Японии иностранным, в первую очередь американским, капиталом, перед которым раздробленная Япония оказалась бессильной. Для японского крестьянина колонизация означала новое, дополнительное ярмо. На этой стадии развития некоторые по-разному понимаемые интересы феодального крестьянства, молодой японской буржуазии и низшего дворянства (самураев) сошлись, хотя и на весьма непродолжительное время.

Крестьяне начали борьбу за ликвидацию феодального строя, за землю и личную свободу; буржуазия, слабая и неопытная, боявшаяся крестьянства не меньше, чем феодалов, желала устранения наиболее архаичных и реакционных сторон феодализма, задерживавших развитие капиталистических отношений, объединение и централизацию страны; самурайские элементы, частью уже связавшиеся с буржуазией, стремились к ослаблению своей зависимости от непосредственных сеньоров и видели в восстановлении императорской власти залог своего материального благополучия.

Немалое влияние на развитие этих исторически закономерных событий оказала угроза порабощения извне. Японии навяза-

ны были силой неравноправные договоры с Соединенными Штатами (1854 г.), с Великобританией и Францией (1858 г.) и, наконец, с Пруссией (1861 г.).

Началом революции считается 1850 г. Ее ведущей силе — самураям, оказавшимся наиболее сплоченными и организованными, удалось без особого труда прибрать к рукам и крестьянское движение, и движение буржуазии, охотно согласившейся на компромисс с феодализмом и даже в силу своей слабости искавшей его. Тем самым определился компромиссный характер революции 1868 г., развертывавшейся под лозунгом реставрации монархии. Так японский капитализм с самого начала и до сегодняшнего дня оказался оплетенным густой сетью феодальных отношений.

Важнейшие особенности японского империализма. Феодальные пережитки сохранились главным образом в деревне и, поскольку сельское хозяйство оставалось и в значительной мере остается главной отраслью экономики Японии, оказывали сильнейшее влияние на все развитие страны, в том числе и на структуру японской промышленности.

До аграрной реформы, предпринятой уже в декабре 1945 г., 74% японских крестьян владели 22,3% пахотной земли, тогда как в руках помещиков, составлявших немногим более 3% японских землевладельцев, находилось 42% земли. Два с половиной миллиона крестьянских хозяйств владели земельными участками размером менее половины гектара, а полтора миллиона крестьянских хозяйств вовсе не имели земли.

И те и другие арендовали землю у помещиков, причем эта аренда была сопряжена с повинностями, носившими ярко выраженный феодальный характер.

Низкий жизненный уровень японского рабочего в значительной мере определялся еще более низким жизненным уровнем японского крестьянина, готового принять любую работу за неслыханно дешевую оплату.

Щедрые субсидии правительства, передача частным капиталистам государственных предприятий, освобождение их от налогов и особенно грабительская война 1894—1895 гг. с Китаем позволили японским капиталистам в конце прошлого века выступить в качестве самостоятельной силы. С этого времени начинается быстрый подъем японской промышленности. Главными источниками накоплений, вкладывавшихся в промышленность, были колоссальные прибыли японских капиталистов, добывавшиеся за счет чудовищного ограбления широких народных масс в самой Японии и в завоеванных Японией колониях.

Три войны, периодически предпринимавшиеся через каждые 10 лет, особенно первая мировая война, из которой Япония извлекла наибольшие выгоды, захватив без выстрела германские колонии на Тихом океане и почти монополизировав восточные рын-

ки, обогатили японских капиталистов. Японии удалось быстрыми темпами пробежать первую стадию капитализма, создать крупные монополии и выйти в число главных империалистических держав.

При всем этом японская промышленность, даже при ее высокой степени концентрации, носит явственный отпечаток сохранившихся в стране феодальных отношений. Текстильная промышленность, дающая наибольшую возможность эксплуатации дешевого женского и детского труда, играет и по сей день очень важную роль в японской экономике. В 1929 г. стоимость продукции текстильной промышленности составляла 41,4% стоимости всей промышленной продукции страны, тогда как продукция металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности едва достигала 20%. Последующие годы, связанные с военной конъюнктурой, дали сравнительно быстрый рост последних двух отраслей промышленности, но и в 1935 г. они давали (по стоимости продукции) примерно столько же, сколько одна текстильная промышленность.

Общеизвестная система вербовки женщин и детей для работы на японских фабриках указывает на то, что и здесь свойственная капитализму система "свободного договора" между предпринимателем и рабочим сосуществовала с типично феодальной покупкой и закрепощением работника. Закабаленные фабрикантами крестьянские девушки нередко передаются взаймы другому фабриканту, в казармы которого они и переходят, не разрывая своих кабальных отношений с первым собственником. Труд этих работниц не может быть охарактеризован иначе, как принудительный, а самая система эта — иначе, как система, основанная на сильнейших пережитках феодализма.

Заработная плата японских рабочих очень низка. В 1934 г. японский индустриальный рабочий получал в 8 раз меньшую оплату труда, чем американский, и в 6—7 раз меньшую, чем английский и французский, а японская текстильщица — в 12 раз меньше американской.

Япония — страна относительно высокой концентрации промышленности. По данным за 1936 г., мелкие предприятия, на которых работают от 5 до 50 рабочих, составляли 91,8% к общему числу учитываемых статистикой промышленных предприятий. Если же прибавить не учитываемые статистикой предприятия с числом рабочих менее 5, то этот процент еще более возрастет.

Но в том-то и значение концентрации промышленности, что на фабриках и заводах с числом рабочих более 500, составляющих всего 0,7% к общему числу предприятий, занято около $^1/_3$ всего фабрично-заводского пролетариата, а выпускаемая ими продукция составляла в том же 1936 г. около 40% всей промышленной продукции. Еще выше степень концентрации финансового капитала. Достаточно сказать, что еще в 1934 г. некоторые крупней-

шие концерны (Мицуи, Мицубиси, Симитомо, Ясуда и др.), составляющие около полупроцента всех компаний страны, владели 55% капитала всех японских компаний.

При всем этом Япония до сих пор остается страной десятков тысяч кустарных предприятий и мелкой домашней промышленности. Здесь феодальные отношения сказываются еще полнее в виде целой системы подмастерьев и учеников, чаще всего не получающих заработной платы. Все эти мелкие предприятия могут существовать и выдерживать трудную конкурентную борьбу с крупным капиталом главным образом ввиду существующих на них еще более зверских форм эксплуатации рабочих.

Основные особенности японского империализма могут быть охарактеризованы следующим образом:

1) При довольно высокой степени концентрации и централизации капитала сохраняются полуфеодальный строй в сельском хозяйстве и сильнейшие пережитки феодализма в промышленности.

2) Низкий жизненный уровень японского крестьянина и рабочего имеет следствием крайне низкую покупательную способность внутреннего рынка.

Это обстоятельство вместе с тем, что Япония не имеет серьезной промышленно-сырьевой базы и зависит от импорта чугуна, стали, угля, хлопка и т. п., толкает японскую буржуазию на захват внешних рынков. В свою очередь, это обусловливает, с одной стороны, еще большую эксплуатацию трудящихся масс, вынужденных за нищенскую оплату и непосильным трудом обеспечивать японским монополиям способность к конкуренции с американскими, английскими и другими товарами, с другой — определяет агрессивную политику в отношении других стран, выдвигающую на первый план армию и флот — монополию военной силы.

3) Господство феодальных элементов в сельском хозяйстве, имеющем важное значение в экономике полуаграрной страны, какой до сих пор остается Япония, весь строй японской промышленности, в значительной части опирающейся на сельскохозяйственную продукцию, поставляемую деревней, наконец, общность интересов, заключающихся в усилении военно-бюрократической машины, необходимой как для угнетения трудящихся масс в самой Японии, так и для империалистической агрессии вовне, определяют тесную экономическую связь и политический союз между верхами буржуазии и военно-феодальными элементами, при гегемонии этих последних.

4) Выражением этого союза была японская монархия, служившая интересам как буржуазии, так и помещиков и вследствие этого имевшая относительно самостоятельный характер.

Японский государственный строй соединил буржуазные и феодальные черты и явился типичным выражением компромисса

этих двух господствующих и эксплуатирующих классов, компромисса, нашедшего выражение в абсолютной монархии.

Император. Японская Конституция 1890 г. имела своим образцом Конституцию Пруссии, одну из наиболее реакционных в Европе. Японский государствовед Наконо Томио подсчитал, что из 76 статей Конституции 46 являются по своему происхождению прусскими, и вообще не нашел в ней более трех оригинальных статей.

Конституция предоставляла императору, по существу, неограниченную законодательную, исполнительную и судебную власть, слегка затушеванную некоторыми "демократическими" установлениями. Авторы Конституции, считавшие, что императорская власть в Японии является "...укоренившейся в национальном чувстве и истории более, чем в других странах", позаботились о сохранении всех ее прерогатив, чтобы "...не позволить этому учреждению переродиться в своего рода внешнее украшение всего конституционного здания" (*Ито Хиробуми*). Особу императора Конституция объявила "священной и неприкосновенной", а правящую династию — "непрерывной на вечные времена". Официальная теория причисляла императора к богам и выводила его происхождение от богини Солнца.

Верховное управление. Тем не менее верховное управление практически никогда не находилось в руках императора, хотя он, несомненно, оказывал немалое влияние на дела государства. Основной принцип японского "конституционализма" периода 1890—1945 гг.: император никогда не предпринимает ничего важного без своих советников. Власть этих советников, не предусмотренная Конституцией, распространялась очень широко. В их состав, помимо тайного совета, установленного Конституцией, входили: "генро" — совет из представителей важнейших феодальных родов, внеконституционный совещательный орган при императоре, сошедший со сцены со смертью последнего генро Сайондзи лишь в конце 30-х годов нынешнего столетия; министерство императорского двора, игравшее особую роль при императоре; совет маршалов и адмиралов и др.

Тайному совету было передано Конституцией рассмотрение важнейших государственных дел (ст. 56), и фактически любой вопрос мог быть отнесен к его компетенции. Обычай сделал обязательным обращение к нему правительства по всем важным вопросам политики, от него исходило одобрение императорских указов о назначениях, он имел голос в делах, относящихся к династии, он имел право толкования Конституции. Его влияние определялось его близостью к императору и самим составом его членов, пожизненно назначавшихся императором из лиц, принадлежавших, как правило, к высшей бюрократии.

Упоминавшееся выше министерство императорского двора (собственно три лица — министр двора, хранитель печати и глав-

ный камергер) не входило в состав кабинета министров и не было ему подчинено. Независимое от смены кабинетов, оно оказывало сильнейшее влияние на назначение нового премьера и делило эту важную функцию только с генро.

Военщина. Но самым глубоким, сильным и вредным по своим последствиям было влияние военной клики. Исключительное положение генералитета, почти полная его независимость от кабинета министров и даже, наоборот, зависимость этого последнего от военщины оказывали решающее воздействие на характер японской монархии.

Мы уже упоминали некоторые причины, определившие быструю концентрацию капитала в Японии к образованию монополий. В частности, отметим поощрение японскими правящими кругами концентрации промышленного и банковского капитала, искусственное слияние банковского и промышленного капитала вследствие бесплатной передачи банкирским домам Мицуи, Мицубиси и др. государственных предприятий. В результате всего этого финансовый капитал в лице десятка крупнейших концернов очень скоро захватил в свои руки контроль над экономикой страны.

И наряду с этим японская деревня, в которой живет половина всего населения, находилась в крайне бедственном положении и представляла собой раздолье только для помещиков, кулаков, ростовщиков. Рынок же сбыта промышленных товаров был весьма ограничен. Наличие многих тысяч мельчайших кустарных и полукустарных предприятий свидетельствовало о том, что степень концентрации капитала намного отстает от степени его централизации. Наконец, сравнительно слабое развитие тяжелой промышленности указывало, с одной стороны, на недоразвитость и слабость японского империализма и, с другой — на известную искусственность его происхождения.

Внутренняя слабость японского монополистического капитала толкала его на ограбление Китая и других стран. Этим достигалось, по выражению Ленина, "восполнение" финансового капитала. Но это "восполнение", возможное только с помощью оружия, породило, в свою очередь, монополию военщины, бесконтрольное хозяйничание военных.

Между тем именно армия сохранила в Японии наибольшую часть чисто феодальных пережитков и, защищая интересы помещиков и капиталистов, осталась сословием, кастой со своими особыми интересами и претензиями.

Императорское обращение № 135 от 1889 г. устанавливало, что все наиболее важные вопросы, относящиеся к армии и флоту, докладываются императору начальниками соответствующих штабов помимо кабинета и даже помимо военного и морского министров. Что касается последних, то они, имея то же право непосредственного доклада императору, должны были принадлежать к

высшему военному командованию и состоять на действительной военной службе.

В 1912 г. эти посты было разрешено занимать офицерам, состоявшим в запасе, но императорским указом 1936 г. вновь установлено было прежнее правило. Поскольку же ни один кабинет не мог быть сформирован и не мог функционировать без военного и морского министров, военная клика получала возможность прямого влияния и на состав кабинета, и на его деятельность.

Японский парламент лишь в очень малой степени мог влиять на военные дела. Императору принадлежало не только право объявления войны, заключения мира и верховного командования, но и все руководство армией в мирное вовремя.

Статья 67 Конституции была истолкована таким образом, что парламент не мог касаться вопроса о расходах, необходимых для содержания армии и флота, и не имел, следовательно, компетенции в том, что составляет одну из самых сильных сторон парламентского правления.

В 1913 г. военная верхушка получила согласие императора на увеличение армии и флота не только помимо парламента, но и помимо кабинета, причем премьер узнал об этом решении уже после того, как оно состоялось.

Фактически генеральный штаб всегда мог вести настоящую войну без объявления войны, открывать и продолжать военные действия. В 1918 г., когда Япония вторглась в пределы советского Дальнего Востока, туда была послана армия, в 14 раз большая, чем то было условлено между Японией и США. Это была сделано верховным командованием. Оккупация Сахалина, продолжавшаяся еще около 3 лет после изгнания Советской Армией японцев из Приморья, была главным образом делом военного командования. Военные действия в Маньчжурии и Китае были спровоцированы и начаты высшим военным командованием. То же произошло на Хасане и в Халхин-Голе.

Апогея своего влияния на государственные дела японская военщина достигла накануне и во время второй мировой войны, сделав кабинет министров своим прямым орудием.

Кабинет министров. Кабинет министров не предусмотрен Конституцией, которая только мимоходом касается отдельных полномочий составляющих его министров. Образованный императорским указом 1885 г., он продолжал существовать как учреждение, подразумеваемое Конституцией в числе других имперских учреждений.

Своеобразное положение японского кабинета сравнительно с другими буржуазными правительствами определяется, с одной стороны, зависимостью от императора и от его камарильи, а с другой — почти полной независимостью от парламента. Его не могли свалить ни вотум недоверия, поскольку последний почти не был

известен японской теории и практике, ни отставка отдельных министров, поскольку ни один закон не предусматривал коллегиальной ответственности министров[1], ни даже отклонение бюджета парламентом, так как Конституция разрешала в этом случае применение бюджета предшествующего года (ст. 71). Конституция устанавливала ответственность министров только перед императором, и из соответствующей статьи (55), а также из других невозможно было вывести заключения о парламентской ответственности кабинета.

Императорским указом 1889 г. кабинету министров была предоставлена компетенция в вопросах управления, применения законов, в международных сношениях, а также в том, что касалось законопроектов бюджета и других менее важных дел. При этом надо иметь в виду, что в вопросах управления страной и исполнения законов кабинет действовал только через посредство императорских указов, в вопросах международных он был связан прерогативой императора на заключение международных договоров (ст. 13 Конституции), в вопросах бюджетных он был ограничен в том, что относится к расходам на армию и к некоторым другим расходам, точно так же отнесенным к компетенции императора.

Наконец, исключительное положение в кабинете военного и морского министров, а также роль тайного совета и его компетенция в делах международной и внутренней политики сильно ограничивали кабинет формально и практически.

При всем том было бы ошибкой представлять себе кабинет министров в качестве бессильного или второстепенного органа власти. Его значение определялось уже тем, что в каждый данный момент он выражал интересы той или иной преобладающей группы господствующего класса и, следовательно, опирался на эту группу. Все остальные конституционные и внеконституционные органы в большинстве случаев действовали не непосредственно, а через кабинет и вследствие этого вынуждены были с ним считаться. Немаловажное значение имело и то, что *непосредственное* и каждодневное управление находилось опять-таки в руках министров, и им был подчинен государственный аппарат. Наконец, глава кабинета сносился с императором, конечно, без каких-либо посредников и, принадлежа к числу влиятельнейших деятелей, имел часто не меньшее значение, чем его соперники.

На премьер-министре, или, как он официально назывался, министре-президенте, лежало формирование кабинета и фактическое назначение министров. Он осуществлял общий контроль над деятельностью всех учреждений империи, приостанавливал лю-

[1] Исключения могли иметь место только после отставки морского или военного министра в случаях, когда военные саботировали вхождение в данный кабинет.

бое решение или мероприятие по той или иной отрасли управления, и эти его действия имели силу до решения вопроса императором, председательствовал на заседаниях кабинета, формулировал его политику, наконец, докладывал о ней императору.

Японский кабинет никогда не был многочисленным. В первый период своего существования он состоял из 10 человек: министра-президента, министров иностранных дел, внутренних дел, финансов, военного и морского, юстиции, просвещения, сельского хозяйства и торговли, связи. В 1918 г. было создано министерство железнодорожного транспорта, в 1924 г. возникло министерство торговли и промышленности, выделившееся из министерства сельского хозяйства и торговли, ставшего после этого министерством сельского хозяйства и лесоводства. В 1929 г. было восстановлено министерство колоний[1], существовавшее в течение двух лет в 90-х годах прошлого столетия. В соответствии с этим число министров возросло до 12, не считая премьера. Наконец, было создано министерство здравоохранения, и в таком виде кабинет сохранился до второй мировой войны.

Японский министр, в отличие, скажем, от английского, мог не состоять депутатом парламента, но на практике, и особенно в период 1920—1930 гг., министрами оказывались большей частью члены нижней палаты. Слабость парламента исключала наличие строго партийных кабинетов, но известное приближение к партийной системе, несомненно, наблюдалось, пока существовали две главные политические партии — минсейто и сейюкай.

Устройство парламента. Избирательная система. Создавая парламент, авторы Конституции видели перед собой не столько его положительные, сколько отрицательные качества и довольно откровенно выражали свой страх перед "народным представительством".

Японский парламент состоял из двух палат: палаты пэров и палаты представителей.

В своих комментариях к Конституции ее автор Ито недвусмысленно указывает на палату пэров как на оплот династии и консервативных элементов. Принцы крови, князья и маркизы являлись членами палаты по наследству, графы, виконты и бароны избирали из своей среды членов палаты на 7 лет, ряд членов назначался пожизненно в палату за "особые заслуги", известное число членов избиралось крупнейшими налогоплательщиками, наконец, здесь были 4 представителя академии наук. Все вообще категории членов палаты утверждались императором. Наследственные пэры входили в палату по достижении совершеннолетия, графы, виконты и бароны в возрасте 25 лет, представители нало-

[1] Министерство колоний было названо очень осторожно — "министерством заокеанских дел".

гоплательщиков — не моложе 40 лет, остальные — по достижении 30-летнего возраста. Общее число членов палаты достигало 400.

Палата представителей состояла в 1919 г. из 466 депутатов. Развитие капиталистических отношений, быстрое усиление позиций промышленников, банкиров и торговцев нашли свое отражение в последовательном изменении составляющих нижнюю палату групп господствующего класса. В первом японском парламенте (1890 г.) преобладание принадлежало помещикам, число которых достигло половины общего числа депутатов (48%), а в 1928 г. помещики составляли лишь около 10%. В то же время число промышленников, торговцев и банкиров увеличилось в палате с 12 до 33%. Остальные места занимали адвокаты, чиновники, журналисты и т. д. Возрастной ценз для члена нижней палаты — 30 лет. В остальном депутат должен был отвечать тем же требованиям, которые предъявлялись к избирателям.

Избирательная реформа 1925 г. По закону 1900 г. избирателем становился тот, кто уплачивал прямой налог в сумме 10 иен. Этим законом устранялись не только рабочие и крестьяне, но и мелкая буржуазия, а также обедневшая часть самураев. Число избирателей не достигало и миллиона. Ища поддержки мелкой буржуазии и части самураев в борьбе с остатками феодализма, крупная буржуазия добилась расширения избирательного права, распространения его по закону 1919 г. еще почти на два миллиона человек. Это было достигнуто снижением налогового ценза до 3 иен. На этом движение за расширение избирательного права не остановилось. После первой мировой войны расширяется классовая борьба пролетариата и беднейшего крестьянства с капиталистами и помещиками, возникает коммунистическая партия, образуются рабочие союзы, растет забастовочное движение. Господствующие классы вынуждены были пойти на новую избирательную реформу.

Принятый после долгих колебаний и борьбы закон 1925 г. распространил избирательные права на все мужское население, за исключением глав знатных фамилий[1], военнослужащих, студентов, вообще учащихся, лиц, не имеющих определенного местожительства или проживающих в данном избирательном округе менее года (ценз оседлости), бедняков или лиц, содержащихся за счет частной или общественной благотворительности. Возрастной ценз был установлен в 25 лет.

Установив "всеобщее" мужское избирательное право, избирательный закон принял все возможные меры к недопущению в нижнюю палату представителей трудящихся. Кандидат в депута-

[1] На этом настояли сами "знатные фамилии", не желая смешиваться с "прочими" гражданами и отстаивая свое исключительное положение.

ты должен был сделать взнос в 2000 иен, который поступал в казну, если этот кандидат собрал на выборах меньше определенного числа голосов. Вспомним, что средний годовой заработок рабочего не превышал 500—600 иен в год.

Дело, однако, не только в этом. Согласно закону избирательную кампанию мог вести только сам кандидат, его избирательный агент, его избирательный комитет или служащие комитета. Содержание всех этих лиц целиком относилось за счет кандидата.

Средний расход на одного депутата буржуазных партий достигал 50 тысяч мен. Такие партии, как минсейто и сейюкай (см. ниже), затрачивали на выборах по 5 миллионов иен каждая, получая эти деньги от монополистических объединений Мицуи, Мицубиси, Окура и др. Во время избирательной кампании в Японии ощущается острый недостаток в ассигнациях достоинством в 1 иену — приблизительная цена голоса. Сравнительно высокий процент избирателей, участвовавших в голосовании на выборах 1928, 1930 и других годов, сами японцы объясняли подкупом, так же как подкупом объяснялось и поразительно равномерное распределение голосов, поданных за кандидатов в тех или иных избирательных округах.

Избирательные округа по закону 1925 г. посылали в парламент от 3 до 5 депутатов. Избранным считался тот, кто получил хотя бы относительное большинство голосов. Закон требовал при этом, чтобы кандидат получил не менее $^1/_4$ того числа голосов, которое получается от деления всех поданных голосов на число депутатских мест. Таким образом, если округ может послать в парламент 5 депутатов, а число голосовавших в нем составило, к примеру, 100 тысяч, кандидат может быть избран, если за него голосовало 5 тысяч из 100 тысяч. При этом следует иметь в виду, что избиратель мог подавать только один голос.

Классовый смысл всей этой избирательной механики крайне ясен. Недаром закон 1925 г. отменил одночленные избирательные округа, введенные законом 1919 г., и возвратился к прежнему положению дел, установленному в 1900 г., т. е. к многочленному округу.

Когда возникает опасность проникновения в парламент рабочего или крестьянина, буржуазные партии выдвигают в данном округе такое число кандидатов, какое намного превосходит число депутатов, могущих быть избранными, разбивают голоса избирателей, действуют подкупом, террором и т. д. и сравнительно без труда получают то относительное большинство голосов, какое в действительности является абсолютным меньшинством.

Для полноты картины добавим, что руководство выборами в Японии принадлежит министру внутренних дел, которому подчинены все местные органы власти.

"Абсолютная власть, которая принадлежит ему в отношении губернаторов префектур и полиции, — замечает Квигли, наблю-

давший японские порядки на месте, — позволяет министру, если ему угодно, мешать собраниям оппонентов данной партии (т. е. той, к которой принадлежит сам министр. — *Прим. ред.*), арестовывать лиц, помогающих им, и потворствовать подкупу, проводимому его собственной партией, в то же время мешать подобной тактике со стороны других партий... Министр юстиции имеет возможность поддерживать судебные обвинения против тех лиц из оппозиции, которые нарушили букву закона, тогда как против членов собственной партии это обвинение не поддерживается"[1].

Гнет правительства становился террористическим, когда дело доходило до коммунистической партии и других демократических и революционных объединений трудящихся. Поэтому в Японии говорили, что правительство всегда побеждает на выборах.

Компетенция парламента. В вопросах, связанных с изменением Конституции, японский парламент никакой инициативы не имел. Он мог рассматривать, принимать или отклонять только те поправки к Конституции, которые исходили от императора.

Законодательная власть принадлежала по Конституции парламенту совместно с императором, имевшим право отклонить принятый палатами законопроект без каких-либо условий и ограничений. Фактически парламент вотировал только те законопроекты, которые исходили от правительства, хотя формально законодательная инициатива депутатов не отрицалась. Дело только в том, что предложение законопроекта, равно как и поправок к нему, должно было исходить по крайней мере от 20 депутатов, а предложение поправок к бюджету — от 30 депутатов. Даже для запроса правительству требовалось согласие не менее 30 депутатов. На одной из сессий парламента правительство внесло 54 законопроекта, из которых было принято 49; депутаты внесли 40 законопроектов, из которых было принято 4, и то при поддержке правительства.

Конституция предусматривала право императора издавать в экстренных случаях указы с силой закона в промежутке между сессиями парламента, но с последующим представлением на его утверждение. На практике такого рода указы издавались и во время сессий парламента, и вовсе не в экстренных случаях, а отклонялись они парламентом очень редко. Так как императору принадлежало право роспуска парламента, то правительство имело широкие возможности воздействовать на палату в своих целях. Что касается палаты, то, поскольку правительство перед ней не было ответственно, она не имела сколько-нибудь эффективных средств для соответствующего воздействия на него.

Финансовые права парламента были, как мы уже видели, очень ограничены. Он не имел права изменять что бы то ни было

[1] *Quigley H. S.* Japanese government and politics. An introduction study... New York—London, 1932. P. 254.

в отношении так называемых "обыкновенных расходов", расходов на содержание государственного аппарата, на содержание армии и флота, расходов, вызванных договорными обязательствами перед иностранными государствами, не был вправе изменять оклады чиновников и вообще не мог отказать в ассигнованиях, основанных на применении действующих законов или относящихся "к законным обязательствам правительства".

Таким образом, более $^2/_3$ бюджета не зависело от парламента, в случаях же, когда парламент отказывал в вотировании бюджета, правительство, как уже говорилось, применяло бюджет прошлого года, и на этом дело оканчивалось.

К этому следует добавить, что нижняя палата, избиравшаяся по Конституции на 4 года, но почти никогда не доживавшая этого срока, собиралась на 3 месяца в году. Только в течение этого времени она могла доставлять правительству более или менее сомнительные огорчения. В остальные 9 месяцев правительство, пользуясь правом издавать указы, по своему предмету ничем не ограниченные, было вправе принять любую финансовую меру и осуществить ее до следующей сессии.

В других случаях правительство, опираясь на большинство в палате, могло провести финансовый законопроект, предусматривающий ассигнования на несколько лет вперед, поставив тем самым все будущие парламенты перед свершившимся фактом.

Контрольные функции палаты были весьма ограничены уже тем обстоятельством, что никакая резолюция палаты не обязывала кабинет к отставке. Даже на простые вопросы депутатов министр мог не отвечать, если находил соответствующее дело "секретным", а правительство в целом могло отказать парламенту в представлении потребованных им сведений.

Местное управление. Еще менее самостоятельными и еще более бесправными, чем парламент, были так называемые органы "местного самоуправления" в префектурах, городах и селах.

Непосредственное управление на местах, в высшей степени централизованное и бюрократическое, находилось в руках 46 губернаторов (или префектов). Созданные в 1878 г. выборные собрания и советы префектур представляли собой совещательные органы при губернаторе. Собрание префектуры, как правило, заседало один месяц в году, а избираемый им совет (исполнительный орган собрания) — один раз в месяц. Председателем совета был губернатор.

Роль собрания сводилась в значительной степени к утверждению актов и мер, предлагавшихся губернатором. На рассмотрение собрания поступал ограниченный круг вопросов, по преимуществу заключавшихся в местном бюджете и общественных работах. Губернатор обладал правом отменять неугодные ему постановления собрания или совета. Через министра внутренних дел

он мог распустить собрание, а следовательно, и избираемый из его среды совет. Губернатор, тяготившийся почему-либо советом или собранием, мог управляться без этих органов, что иногда на практике и делалось.

Управление городами и селами было формально предоставлено избиравшимся местными собраниями их советам и мэрам. Ни одно важное решение не могло быть принято местным собранием или мэром без согласия префектуры. Губернатор мог приостановить любое действие собрания, сместить мэра и назначить вместо него своего чиновника.

Такова японская карикатура на местное самоуправление.

§ 2. Политические партии

Хотя деятельность политических партий в Японии до второй мировой войны далеко не достигала того размаха, к которому мы привыкли, наблюдая страны буржуазной демократии, тем не менее партии играли вполне определенную и часто значительную роль в политическом обиходе, в жизни парламента, вообще — в процессе классовой борьбы.

Боевым авангардом трудящихся масс Японии является коммунистическая партия.

Коммунистическая партия. Она возникла в 1922 г. как результат полувековой борьбы пролетариата Японии. Несмотря на страшные репрессиями, идеи социализма все более и более проникали в массу рабочих и крестьян, и в трудной борьбе с агентурой буржуазии, пробиравшейся временами к руководству, коммунистическая партия мужала и крепла, несмотря на всю ярость обрушивавшихся на нее жестокостей.

Казни и убийства коммунистов совершались обычно без суда и следствия. Тем не менее число членов партии быстро увеличивалось. В 1927 г. партия создала уже первые фабрично-заводские ячейки, коммунистические фракции в организациях японского Крестьянского союза, профсоюзах и других легальных организациях трудящихся. В 1928 г. партия приступила к изданию нелегального печатного органа "Красное знамя" и использовала парламентские выборы для открытого выступления перед массами.

С конца 1927 и до марта 1928 г. партия утроилась в своей численности и имела уже 40 производственных ячеек. Почти половина всех забастовок, происшедших в 1927 г., руководилась непосредственно или через другие организации коммунистической партией. Она смело возвысила голос против интервенции в Китае, добилась первых побед рабочего класса на выборах в парламент.

Признанием возросшего влияния коммунистов были массовые репрессии, предпринятые против них правительством барона

Танака в 1928 г. Были запрещены все легально существовавшие левые рабочие организации (Пролетарская лига молодежи, левый профсоюз Хегикай, так называемая рабоче-крестьянская партия Роното), более тысячи революционно настроенных рабочих и крестьян, в том числе коммунистов, было арестовано. Императорский указ 1928 г. устанавливал не менее 5 лет тюремного заключения для рядовых членов компартии и смертную казнь для ее лидеров. В октябре 1928 г. японская полиция убивает генерального секретаря компартии Ванатабе Масаносуке.

Компартия отвечает на эти репрессии созданием комитета по восстановлению рабоче-крестьянской партии и организацией съезда этой партии, состоявшегося в декабре 1928 г. Она неустанно увеличивает свое влияние в массах и оказывается достаточно сильной, чтобы изгнать из своих рядов левацкие анархо-террористические группы (1930 г.). Японские коммунисты возглавили борьбу против интервенции в Маньчжурии, против провокаций на советской границе, развернув активную агитацию в массах рабочих и в солдатских казармах.

Работа компартии сказалась в росте забастовочного движения, в большей его организованности, следствием чего было увеличение числа победно завершившихся забастовок. В 1922 г., когда компартия только организовалась, в стране произошло 250 забастовок, из которых только 40 окончились полной победой рабочих. В 1937 г. было уже 998 забастовок, и из них победой окончились 224, компромиссом 351.

О росте компартии и об ее активизации косвенно говорят правительственные данные о числе арестованных коммунистов: в 1928 г. — 1850 человек, в 1931 г. — 6903, в 1932 г. — 9212.

Правительственные репрессии закаляли партию и не прерывали ее роста, хотя и наносили ей болезненные удары.

В 1935 г., выступая в парламенте, японский министр юстиции вынужден был констатировать, что "...несмотря на все меры, предпринимаемые правительством с 1928 г. по пресечению коммунистического движения, последнее пустило настолько глубокие корни, что даже после неоднократных арестов коммунистов и всей руководящей головки остающиеся на свободе коммунисты продолжают свою деятельность, а правительство до сих пор не может добиться окончательного искоренения коммунизма"[1].

В годы второй мировой войны, когда все партии, в том числе и "социалистические", целиком примкнули к монархии, одни коммунисты возглавили народ в борьбе за свободу и мир.

Сейюкай. Из других партий Японии, подвизавшихся на политической арене между первой и второй мировыми войнами, следует упомянуть две крупные буржуазные партии — сейюкай и минсейто.

[1] *Хаяма У.* Рабочее движение в Японии. М., 1937. С. 156.

Партия сейюкай (друзья политики), опиравшаяся на концерн Мицуи и служившая его интересам, группировала по преимуществу землевладельцев и торговцев. Она была самой милитаристической и реакционной партией Японии, тесно соприкасавшейся с откровенно фашистскими элементами и военщиной. В 1930 г. эта партия насчитывала около 3 миллионов членов.

Минсейто. Минсейто (партия народной политики) финансировалась и руководилась концерном Мицубиси. Она выражала интересы промышленной буржуазии и не прочь была рядиться в костюм либерализма. По численности минсейто только несколько уступала сейюкай (2 600 000 человек).

Обе партии единодушно выступали за империалистическую политику и беспощадное подавление революционного движения. Минсейто, менее связанная с помещиками, под которыми особенно нагревалась почва, была более осторожна во внешней политике, чем сейюкай, и выступала за более тщательную подготовку к "большой войне". Во внутренней политике она склонялась к компромиссам с социал-демократией.

Социал-демократы. Японская социал-демократическая партия сякай тайсюто вполне сложилась лишь в 1932 г.

Рабочие долго верили демагогическим лозунгам этой партии вроде "защиты прав угнетенных рабочих и крестьян-пролетариев". На самом деле лидеры партии неизменно заявляли себя "честными сторонниками монархии", всеми средствами отмежевываясь от марксизма. В резолюции ЦК социал-демократической партии от 1932 г. проводилась чудовищная мысль о том, что партия должна считать "...ложным и иллюзорным марксистский интернационализм, подчеркивающий общность интересов только неимущих классов, ставящий во главу угла только интересы мирового пролетариата и пренебрегающий общностью национальных интересов"[1].

В своей борьбе за массы японские коммунисты делали существенное различие между руководящими лидерами сякай тайсюто, этой агентурой буржуазии в рабочем классе, и рабочими, входившими в состав сякай тайсюто. Эта тактика привела к отрыву многих и многих тысяч рабочих от социал-демократии и переходу их в лагерь компартии.

§ 3. Главные моменты империалистической экспансии Японии

Экспансия 1872—1918 гг. С самого своего возникновения японский монополистический капитал поставил одной из своих глав-

[1] Цит. по: *Хаяма У.* Указ. соч. С. 122.

ных целей захват чужих земель, экспансию в отношении других народов, создание огромной колониальной империи. "Агрессивность монополистического капитализма в Японии помножена на военный авантюризм абсолютистского военно-феодального империализма"[1].

В 1872 г. Япония овладела Ликейскими островами, через год она сделала первую попытку овладеть Формозой. В 1876 г. японцы начинают проникновение в Корею и после ожесточенной борьбы захватывают ее сначала частью (1905 г.), а затем и полностью (1910 г.). В 1894—1895 гг. Япония вторгается в Китай и захватывает Ляодун, Пескадорские острова и, наконец, Формозу. В первую мировую войну Япония заполучила Каролинские, Маршальские и Марианские острова на Тихом океане.

Наш особый счет Японии. Что касается нашей страны, то тот особый счет, который мы предъявили Японии, открывается еще японской агрессией 1904 г.

"Как известно, — говорил Сталин в своем Обращении к народу 2 сентября 1945 г., — в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота... Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток. Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны"[2].

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала значительную активизацию рабочего класса Японии. Страна вступает в полосу стачек пролетариата, восстаний крестьян. Страх перед революцией, стремление "покончить с большевизмом", старые мечты о завоевании Дальнего Востока толкнули японский империализм на известную интервенцию в Приморье, Восточной Сибири и Северном Сахалине. Япония предприняла эту интервенцию, "...воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них..."[3].

[1] Цит. по: Тезисы ИККИ. 1932 г.

[2] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 181.

[3] Там же. С. 181—182.

12 января 1918 г. японский крейсер "Ивами" без предупреждения вошел во владивостокскую бухту якобы "для защиты японских подданных". Вскоре после этого здесь высадился японский десант.

В течение четырех лет Япония грабила и терзала советский Дальний Восток и убралась восвояси только потому, что ее выгнали Советская Армия и партизаны. Интервенцией на Дальнем Востоке японские империалисты начали свою антисоветскую политику, продолжавшуюся с неизменным постоянством до самого разгрома Японии во второй мировой войне. Все это время наш особый счет Японии пополнялся новыми и новыми статьями.

Политика лавирования. Провал интервенции на Дальнем Востоке ослабил международные и внутренние позиции тогдашнего кабинета сейюкай: к власти пришла более умеренная партия — кенсекай, т. е. будущая минсейто, проводившая политику лавирования и осуществившая некоторые либеральные реформы, вроде избирательной реформы 1925 г., закона об арбитраже между рабочими и предпринимателями и др.

В 1925 г. японское правительство под давлением народных масс устанавливает дипломатические и торговые отношения с СССР.

Тем временем концерны Японии, связанные с тяжелой промышленностью, настойчиво добивались отказа от так называемой "негативной" политики минсейто и поощряли сейюкай и военные круги к наступлению на минсейто. Финансовый кризис 1927 г. активизировал эти настроения и помог сейюкай образовать правительство во главе с лидером партии генералом Танака, руководителем интервенции на Дальнем Востоке, ярым врагом СССР. Правительство Танака немедленно посылает войска в Китай для борьбы с гоминьданом, а внутри страны прибегает к беспощадным репрессиям против носителей "опасных мыслей" и всячески поощряет промышленников к снижению заработной платы рабочих и увеличению рабочего дня.

Меморандум Танаки. Барон Танака получил известность своим меморандумом на имя императора, в котором он формулировал задачи японской политики.

Танака указывал на Китай, как на первый и самый важный объект захвата, и предвидел войну с Соединенными Штатами и Советским Союзом. "Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, — говорилось в меморандуме, — мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы".

Танака считал для Японии абсолютно необходимым "...вновь скрестить... мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии".

Захват Маньчжурии (1931 г.) и превращение ее в колонию означали реализацию плана Танака в одном пункте и начало

подготовки к реализации его в другом, самом важном пункте — в подготовке нападения на Советский Союз.

Япония — очаг войны на Востоке. Возглавляемое генералом Араки так называемое "молодое офицерство" добивалось для себя полной монополии политической власти, а также контроля в экономической области. В этой политике Араки столкнулся с противодействием старых концернов — главным образом Мицуи и Мицубиси, не желавших вмешательства государства в их дела. Террористические акты, совершенные "молодым офицерством", отправили в могилу руководителя концерна Мицуи барона Дана и самого премьер-министра Инукаи (1932 г.). Уступая требованиям аракистской военщины, монархия отказалась от партийных кабинетов и отдала правительственную власть адмиралам и генералам, впрочем, не отказавшимся от сотрудничества с партиями.

В 1932 г. правительство наметило новые военные планы, приняло все меры к тому, чтобы подавить коммунистическое движение, справедливо рассматривая его как сильнейшее препятствие в осуществлении этих планов. Началась полоса массовых арестов революционных рабочих и коммунистов и внесудебной расправы над ними.

Сочтя "коммунистическую опасность" ликвидированной, правительство развязывает себе руки выходом из Лиги Наций (1933 г.) и вторгается в Китай за пределы Великой Китайской стены, предварительно оккупировав провинцию Жехе.

Отношения Японии с Советским Союзом становятся все более напряженными.

"Отказ Японии от подписания пакта о ненападении, в котором Япония нуждается не меньше, чем СССР, — говорил Сталин на XVII съезде ВКП(б) 26 января 1934 г., — лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно... Я уже не говорю о том, что одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается"[1].

Отказ Японии от ограничения морских вооружений (1934 г.) и демонстративный уход с морской конференции в Лондоне (1936 г.) указали всему миру на существование нового очага войны и восстановили против Японии некоторые круги Англии и Соединенных Штатов. Обстановка становилась все более напряженной.

Однако неумеренная агрессия японских милитаристов входила в сильнейшие противоречия с внутренней слабостью японского империализма. Военно-инфляционная конъюнктура в Японии, связанная главным образом с созданием необходимой для войны тя-

[1] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1939. С. 437.

желой промышленности, легла на плечи трудящихся массой новых налогов и снижением заработной платы. Обострение классовой борьбы выразилось в движении, направленном на создание единого фронта трудящихся против войны и реакции. Этим движением руководила компартия, которая в своем подполье обрела новые силы.

Полевение масс принесло победу партии минсейто, выступившей на парламентских выборах 1936 г. против "молодого офицерства", главным образом против его притязаний на вмешательство в экономическую жизнь. 18 мест в парламенте получили социал-демократы.

Раздраженное выборами, "молодое офицерство" учинило путч, ознаменовавшийся убийством ряда политических деятелей и в конце концов приведший к власти представителей военных кругов (правительство Хирота). Новое правительство начало с восстановления старого закона, отдававшего должности военного и морского министров генералам и адмиралам действительной службы, и подготовило ряд реакционных законопроектов. В области внешней политики правительство Хирота ознаменовало свою деятельность налетом на советскую границу (у озера Ханка), ультиматумом Китаю, принятие которого означало бы полное его порабощение, и, наконец, разбойничьим "антикоминтерновским пактом", заключенным с фашистской Германией. Военный и политический союз Японии и Германии, направленный на покорение и раздел мира между этими двумя странами, был дополнен союзом идеологическим и "теорией" о кровном "арийском" родстве японцев и германцев.

Под прикрытием "антикоминтерновского пакта" Япония и Германия собирали силы для "большой войны".

На путях к бесконтрольному хозяйничанию японской военщины стояли в тот период по крайней мере три силы: широкие народные массы, не желавшие войны и ответившие на усиление эксплуатации и резкое снижение жизненного уровня забастовками первой половины 1937 г. в городах и активизацией борьбы крестьян-арендаторов с помещиками в деревне; "старые" концерны, опасавшиеся усиления своих "молодых" конкурентов, теснее, чем они, связанных с военными кругами; наконец, парламент и парламентские партии, в уничтожении которых Хирота и сменивший его у власти генерал Хаяси видели устранение последней помехи своим авантюристическим планам, тем более, что парламентские выборы 1937 г., на которых население голосовало против правительства, выявили большой рост оппозиционных настроений в народе.

Война в Китае. Фашизация государственного строя. После некоторой внутренней борьбы разнородные элементы внутри господствующих классов Японии сплотились. Выражением достигну-

того компромисса было правительство принца Коноэ, человека одинаково близкого к земельной и финансовой аристократии и тесно связанного с генералитетом.

Кабинет Коноэ развязал войну в Китае, установил государственный контроль над экономикой, подчинив последнюю интересам агрессии (так называемый закон о "всеобщей мобилизации нации"), и повел новое широкое наступление на коммунистов и революционных рабочих (декабрь 1937 г.). Это последнее выразилось в разгоне левых профсоюзов, массовых арестах коммунистов.

Японский государственный строй все более тяготел к фашистским методам управления и все более находил себе опору в разного рода фашистских и террористических организациях, которые возникли и развились, начиная с 20-х годов, в среде военщины, в кругах финансовой и промышленной буржуазии.

Знакомые нам по гитлеровской Германии лозунги "нового порядка", "избранной расы", "особых интересов", поиски "невеликой территории" для "великой", но "безземельной" нации и т. д. стали программными лозунгами японского фашизма и правительственной политики. Япония открыто заявляла о ее "особых интересах" в Китае, о "новом порядке в Азии", установление которого есть ее "историческая миссия".

Наш особый счет. Хасан и Халхин-Гол. "В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев"[1].

Поражение Японии у озера Хасан было ударом по кабинету Коноэ. В январе 1939 г. Коноэ ушел в отставку. Новый кабинет (Хиранума) пошел на еще большее сближение с Германией и Италией, подготовляя военный союз между тремя странами. Полный и позорный провал этого правительства на Халхин-Голе и другие внешнеполитические поражения свалили и этот кабинет.

Один за другим сменяются японские правители, но цель их в конце концов одна и та же — подготовка к "большой войне". Государственный аппарат перестраивается для выполнения этих планов. Война в Европе, развязанная Германией, подстегивает японских империалистов.

---

[1] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 182.

"Новая политическая структура". В июле 1940 г. к власти (во второй раз) приходит Коноэ. Начинается создание так называемой "новой политической структуры". За этим термином скрывалась широко задуманная реорганизация государственного строя Японии в целях еще большей централизации управления, ликвидации какой бы то ни было оппозиции и усиления военной диктатуры.

Такого рода план уже давно вынашивался японской военщиной. После неудачи открытого выступления "молодых офицеров" в феврале 1936 г. они решили добиваться диктатуры иными путями. В первую очередь следовало захватить пять важнейших министерских постов и в руках этих пяти министров сосредоточить всю власть в стране. Политические партии должны были навсегда лишиться возможности образовать правительство, а парламент, в котором эти партии особенно сильны, должен был потерять какое бы то ни было влияние на государственные дела. Чтобы тем легче это было осуществить, военщина считала необходимым отменить "всеобщее" избирательное право, введя имущественный ценз и другие ограничения.

План Коноэ имел целью реализовать эти давние стремления фашистской военщины. В условиях начавшейся второй мировой войны, открывшей, как казалось алчным японским милитаристам, широкие возможности для экспансии, к плану Коноэ присоединились все политические партии, кроме, разумеется, коммунистической, в том числе сейюкай, минсейто, тайсюто, объявившие о самороспуске и составившие так называемую "Ассоциацию помощи трону".

Стремясь к полному и бесконтрольному руководству во всех областях экономической, политической, культурной (и даже физкультурной) жизни, японская военщина предусмотрела создание так называемой "национальной организации" с разветвленной сетью всякого рода отделов в центре и на местах (экономический, политический, парламентский, по делам печати и т. д.), подчиненных национальному совету.

Японский парламент был окончательно низведен до роли покорного голосующего органа, составленного из членов, частью назначаемых правительством, частью избираемых по спискам "национальной организации".

Унификация печати, строжайшая цензура, разгон общественных организаций, если они хотя бы в самой отдаленной степени напоминали о демократии, полное подчинение государству всей системы образования и воспитания молодежи, неслыханная шовинистическая агитация — все это было следствием политики, сформулированной Коноэ.

Вступление Японии во вторую мировую войну. 7 декабря 1941 г. Япония, ободренная успехами своих союзников в Европе, с которыми она около года назад заключила откровенный военный

и политический союз ("Пакт трех держав"), вероломно, без объявления войны напала на США в Пирл-Харборе. Вслед за тем в течение одного-двух лет были захвачены ею Французский Индо-Китай, Малайя, Голландская Индия, Бирма, Филиппины.

То были успехи головокружительные, но тем менее прочные. И очень скоро японские правящие круги почувствовали свою внутреннюю экономическую и военную слабость. Все попытки пробиться в Индию и Австралию окончились неудачей, а затем наступил и новый тур в развитии военных событий, приведший к полному разгрому и безоговорочной капитуляции Японии. Победа союзников была облегчена упорной борьбой народов оккупированных территорий за свое освобождение, все более обостряемой хищническими методами их ограбления со стороны Японии.

§ 4. Политическая борьба и государственный строй после 1945 г.

Безоговорочная капитуляция. Успехи союзников, разгром квантунской армии, совершенный в течение нескольких дней героическими советскими войсками, вынудили японских милитаристов сложить оружие и принять условия безоговорочной капитуляции.

"Сегодня, 2 сентября, — говорил Сталин в своем Обращении к народу 2 сентября 1945 г., — государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие"[1].

Тем самым через 4 месяца после капитуляции Германии был ликвидирован и второй очаг мировой агрессии. Наступил конец второй мировой войны.

По условиям капитуляции Япония лишалась всех захваченных ею когда бы то ни было земель: Южного Сахалина, Курильских островов, Маньчжурии, Кореи, Формозы, Голландской Индии, Китая и др.

Своим участием в разгроме Японии советский народ смыл пятно поражения русских войск в 1904 г. Южный Сахалин и Курильские острова были возвращены нашей стране, и теперь "...они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии"[2].

---

[1] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 180.

[2] Там же. С. 182.

Оккупационный режим. После прекращения военных действий на территорию Японии высадились американские войска. Верховная власть перешла в руки американских оккупационных властей во главе с генералом Макартуром.

Оккупация не устраняет в Японии ни императора, ни центрального правительства, ни местных властей. Государственный строй Японии оставлен без изменений впредь до выработки новой конституции.

Потсдамская декларация союзников обязала японское правительство устранить "...все препятствия на пути к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа". Одной из наиболее важных задач оккупационных властей, помимо демилитаризации Японии и взыскания репараций, было и остается — обеспечить исполнение указанного требования Потсдамской декларации. Для этого нужно было в первую очередь устранить от власти реакцию и предоставить широкие возможности для активного воздействия на политику страны демократическим элементам. Однако в лице американцев японская реакция нашла себе верного союзника в борьбе с демократией. Это намного облегчило ее положение и позволило ей обосноваться у власти.

Маневры японской реакции после капитуляции. Потеряв колонии, армию и флот, японские империалисты не отказались от намерений продолжать свою прежнюю политику в будущем, когда это окажется возможным. Их первые усилия после поражения были направлены на то, чтобы сохранить в своих руках все, что можно, от прежней власти внутри страны. Первым и главным условием этого является для них сохранение монархии.

Приняв требования Потсдамской декларации, японское правительство просило только об одном: "Никаких требований, подрывающих прерогативы его величества как суверенного правителя".

В лице императора японская финансовая аристократия и японские полуфеодальные элементы видят гарантию незыблемости своего союза и своей власти над трудящимися, в лице императора они видят средство традиционного воздействия на широкие массы населения.

Самую капитуляцию эти круги стремились изобразить как результат "благожелательности" императора, но не как результат поражения "императорской армии". Чтобы укрепить свою позицию в новых условиях, император Хирохито издал рескрипт, отказывающийся от версии "божественного происхождения" императора.

В своем стремлении сохранить монархию японская реакция нашла себе поддержку у американцев, видящих в императоре дополнительную гарантию против "коммунистической опасности".

Основной задачей японской реакции в послевоенный период была и остается одна: не отвергая ни одного из распоряжений оккупационных властей и выказывая им полную внешнюю покорность, маневрировать, как только можно, и сохранить старое, насколько это удастся.

Правительство Сидехара. Для этой роли был избран старый дипломат Сидехара, 14 лет находившийся в тени вследствие своих "либеральных взглядов", как уверяют японцы. Сидехара был тесно связан с концерном Мицубиси и партией минсейто. Своей целью он ставил сохранение монархии во что бы то ни стало.

Правительство Сидехара сделало все возможное, чтобы сорвать чистку государственного аппарата от военных преступников. Вычищенные чиновники и даже министры заменялись другими, столь же ответственными за войну. Нетронутым оставался весь полицейский аппарат — основная опора господствующих классов в их борьбе с революционным и демократическим движением.

Приказ Макартура о ликвидации концернов и крупного землевладения был формально выполнен, а в действительности, как сообщала "Нью-Йорк Таймс", собственники концернов и поместий "...разделили свои предприятия и поместья между членами своих семей, сохраняя, однако, полный контроль как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, и, таким образом, независимые предприниматели вынуждены обращаться за финансовой поддержкой к концернам". Американские оккупационные власти, разумеется, хорошо информированы обо всем этом, но, будучи столь же слабо заинтересованы в ликвидации монополий, как и в демократизации страны, они не проявляли никакой активности в том, чтобы названный приказ был исполнен по существу.

Правительство Сидехара разработало законопроект о возмещении крупным промышленникам вызванных войной "убытков" и о вознаграждении тех капиталистов, предприятия которых находились в бывших японских колониях и пойдут на уплату репараций. Сумма этих возмещений достигает 300 миллионов иен. Чтобы представить себе всю чудовищную величину этой суммы, отметим, что государственный бюджет Японии даже в последние годы не достигал 30 миллиардов иен.

Закон о земельной реформе, принятый в декабре 1945 г. старым парламентом, предусматривал выкуп у помещиков всего только около 1200 тыс. га земли, причем нищий японский крестьянин, продававший за несколько иен своих детей, должен был платить за землю наличными или становиться должником государства. Менялся хозяин — гнет оставался.

Новый избирательный закон, принятый правительством Сидехара, предоставил под давлением народа избирательные права женщинам и снизил на 5 лет возрастной ценз для избирателей и

депутатов (20 и 25 лет), сохраняя почти все старые цензы. Избирательных прав лишены бедняки, получающие государственную или частную помощь, лица, не имеющие постоянного местожительства, — что особенно важно сейчас, после войны, лишившей многие миллионы людей крова и работы, — и даже те, кто подвергался репрессиям за свою антивоенную демократическую деятельность в прошлом.

Выборы 10 апреля 1946 г. Эти выборы были отмечены небывалой в истории Японии борьбой за депутатские места.

После роспуска фашистской "Ассоциации помощи трону" старые партия вновь консолидировались. Минсейтовцы с прибавкой части реакционных сейюкаевцев создали "партию прогресса" (симпото), поставившую своей целью "сохранение национальной структуры Японии". Сейюкай приняла название дзиюто, что означает "либеральная партия". Бульшая часть лидеров обеих партий подпала под закон о чистке, и те, кто уцелел, немногим отличаются от тех немногих, кем реакции пришлось пожертвовать.

Возродилась и социал-демократическая партия (сякайто). Достаточно сказать, что своей программой крайние правые лидеры этой партии провозгласили "построение социализма при императоре" — обычный демагогический прием, применяемый для обмана масс. Многие эти лидеры справедливо разоблачены как сообщники фашистских и милитаристических организаций. Левое крыло партии стремится к сотрудничеству с коммунистами и к созданию единого демократического фронта.

Коммунистическая партия, после капитуляции Японии впервые вышедшая из подполья, возглавила широкое народное движение за объединение всех демократических сил страны и в качестве своей ближайшей программы действий провозгласила борьбу за решительную чистку государственного аппарата, за привлечение к суду всех военных преступников, фактическую ликвидацию концернов и последовательную, радикальную аграрную реформу.

Компартия требует создания рабочего контроля над производством, народного контроля над распределением продовольствия, ликвидации монархии и установления народной республики.

Быстро стали подыматься на ноги разгромленные перед войной профессиональные союзы. К середине 1946 г. в их рядах было уже около 2 миллионов организованных рабочих.

Как и в старое время, все силы реакции были мобилизованы для борьбы с коммунистами. При явном поощрении правительства и оккупационных властей стали расти и объединяться всякого рода реакционные партии и группы, число которых приближалось к четырем сотням. В противовес народному фронту они стали в некоторых местах создавать "фронт императорских подданных" и т. п.

Либералы и прогрессисты получили на выборах 10 апреля щедрую поддержку со стороны концернов. Кандидаты этих партий покупали голоса избирателей за щепотку риса. Шайки хулиганов срывали избирательные митинги коммунистов и избивали коммунистических кандидатов. Фальсификации подвергались и списки избирателей, из которых сплошь да рядом исключались демократически настроенные лица.

Антинародные выборы 10 апреля 1946 г. дали нужный для реакции результат: 235 мест из 466 получили бывшие сейюкаевцы и минсейтовцы, теперешние "либералы" и "прогрессисты". Социалистическая партия провела в парламент 94 депутата и коммунисты — 5. Остальные места поделили "независимые" (77) и мелкие партии.

В состав парламента вошли 147 промышленников, 19 крупных торговцев, 49 помещиков и кулаков, 53 чиновника.

При всем этом японские коммунисты, получившие 2 миллиона голосов и впервые в истории Японии имеющие своих депутатов в парламенте, могут справедливо расценивать выборы, особенно если принять во внимание ту обстановку, в которой они проводились, как свою крупную победу, за которой последуют другие, еще более крупные.

Отставка Сидехара, происшедшая после долгого раздумья и целого ряда маневров, была одной из таких побед коммунистов, взявших на себя инициативу его свержения.

Уход Сидехара едва не привел к власти социалистов, поскольку лидеру наиболее крупной парламентской партии — либеральной — оккупационные власти запретили возглавить кабинет ввиду его причастности к военным преступлениям, а прогрессивная партия, лидером которой сделался Сидехара, не могла уже претендовать на участие в правительстве.

Боясь потери своей популярности в массах, социалисты отказались от коалиции с либералами, господство которых они должны были прикрывать своим "социализмом", а без этого правительство им доверено не было.

После многих маневров к власти все же пришли либералы во главе с Иосида, председателем этой партии, министром иностранных дел в кабинете Сидехара.

Либералы не скрывают своих убеждений. Они публично заявляют о "правах" Японии на Северный Китай и Корею, они, как и Сидехара, полагают, что колониальные владения Японии не потеряны, а находятся пока что в "особых обстоятельствах". Японская армия не распущена: маскируясь под разными названиями, она продолжает жить, руководимая своими генералами и офицерами.

Новая японская Конституция. В соответствии с планом переустройства Японии на якобы "демократических началах" каби-

нет Иосида выработал проект новой конституции, утвержденный японским парламентом и штабом Макартура.

Новая Конституция опубликована в ноябре 1946 г. и вступила в действие с мая 1947 г. Тем не менее в политической структуре Японии произошло так же мало изменений в сравнении с довоенным временем, как и в ее экономической структуре.

Конституция Японии сохраняет императора в качестве "символа государства и единства народа". Он все еще имеет право назначать премьер-министра и других министров. Теперь это право обусловлено согласием парламента, но, как мы уже знаем, пока японский парламент будет таким, каким он был и каким остается сейчас, невозможно себе представить конфликт между ним и императором. Император и до войны никогда не назначал премьер-министра самостоятельно. Теперь его прежние советники, которым при существующем режиме обеспечена руководящая роль в парламенте, будут действовать не за спиной парламента, а от лица его.

Император сохранил право созывать и распускать парламент, назначать выборы, утверждать международные договоры. Все поправки к Конституции могут вноситься в нее только именем императора.

Японский парламент по-прежнему состоит из двух палат — палаты представителей и палаты советников. В обоснование необходимости палаты советников были выдвинуты старые аргументы, в свое время излагавшиеся Ито, — соблюдение "осторожности в делах управления", или, говоря яснее, обеспечение тормозящего влияния на деятельность нижней палаты. Верхняя палата по-прежнему остается прибежищем самых реакционных сил страны.

Новая японская Конституция доверху наполнена разного рода демагогической фразеологией, цель которой — выставить Конституцию в демократическом свете. Она более или менее торжественно декларирует о народе как носителе суверенной власти, что теперь вполне возможно в связи с "добровольным" опровержением легенды о божественном происхождении императора, сделанном им самим, о разного рода правах и свободах "суверенного" народа и т. д.

Все эти обещания плохо гармонируют с законом об охране общественного порядка, запрещающим демонстрации, дающим основания для произвольных арестов и ликвидирующим всякое подобие свободы печати.

Провозгласив "право рабочих создавать организации, заключать коллективные договоры и действовать коллективно", Конституция в то же время не препятствует правительству запрещать забастовки и всячески пресекать любые другие действия рабочих, направленные на улучшение их экономического положения.

Из сказанного легко можно усмотреть, что дело демократизации Японии еще и не начато.

Выборы в верхнюю и нижнюю палаты, проведенные в апреле 1947 г., очень мало изменили положение.

За демократизацию политического и экономического строя Японии последовательно борется только одна партия — коммунистическая. Несмотря на категорический отказ руководящей верхушки социал-демократов составить единый фронт с коммунистами в избирательной кампании 1947 г., коммунисты, верные интересам единства рабочего класса, завязывают все более тесные связи с низовыми социалистическими организациями, во многих случаях охотно откликающимися на призыв компартии.

Целый ряд событий, из которых заслуживают быть отмеченными движение за свержение реакционного правительства Иосида, массовые демонстрации и многочисленные забастовки, свидетельствуют о все большей зрелости японского рабочего класса.

Новая Конституция не снимает вопроса о демократизации японского государственного строя. Оккупационные власти не принесут Японии устранения от власти блока верхушки буржуазии с военно-феодальными элементами. Эту задачу может решить только сам японский народ, возглавляемый прогрессивными демократическими организациями, и в первую очередь коммунистической партией.

РАЗДЕЛ 2

ПРАВО

Глава 22. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО (1917—1947 гг.)

§ 1. Общая характеристика

Введение. Великая Октябрьская революция была коренным переломом в истории человечества. Возникновение первого в мире советского социалистического государства и неизменное возрастание его внутренней мощи и международного престижа не могли не оказывать все усиливающегося влияния на ход правового развития капиталистических государств, в частности на развитие их гражданского права.

В то же время в 1917 г. и в ближайшие за тем годы глубоко влиял на развитие гражданского права капиталистических стран и ряд экономических условий, порожденных первой мировой войной. Первая мировая война способствовала обострению отдельных черт, которые уже со времени перехода капитализма в стадию империализма служили выражением в гражданском праве основных экономических особенностей империализма.

Ряд военных и послевоенных мероприятий государства означал все более широкое вмешательство его в сферу хозяйственной деятельности частных лиц, с одной стороны, и расширение непосредственной хозяйственной деятельности государства — с другой. Это приводило ко все более интенсивному сращиванию верхушки монополистического капитала с государственным аппаратом, ибо органы, осуществлявшие контроль над частнохозяйственной деятельностью, как и органы хозяйственной деятельности государства, по общему правилу, состояли и из государственных чиновников, и из представителей финансового капитала. Иногда представители финансовой олигархии назначались на ответственные посты по государственному регулированию хозяйства. В других случаях функции принудительного проведения государственных мероприятий в области производства или снабжения возлагались на объединения промышленников или торговцев, которые, оставаясь частными собственниками своих предприятий, вместе с тем становились, таким образом, и непосредственными агентами государства, наделялись функциями принуждения. Нетрудно понять, насколько

такое положение облегчало финансовому капиталу осуществление его стремлений в борьбе с менее крупными и средними предприятиями, насколько оно содействовало концентрации производства и повышало экономическое и политическое влияние финансовой олигархии.

Глубочайший экономический кризис 1929—1933 гг., наступивший после кратковременной стабилизации (1924—1929 гг.), произошел в условиях общего кризиса капитализма. Вызвав разорение целого ряда предприятий и поглощение их другими, более мощными предприятиями, кризис, с одной стороны, сыграл весьма заметную роль в деле концентрации промышленности и банков, а с другой — потребовал нового активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь, подготовил и облегчил некоторые мероприятия отдельных государств в период второй мировой войны. Понятно, что эти хозяйственные мероприятия прямо или в конечном счете служили интересам финансового капитала, способствовали концентрации промышленности и обостряли противоречия капиталистического общества.

Во время второй мировой войны капиталистические государства не только регулировали частнохозяйственную деятельность и осуществляли иногда функции принуждения при посредстве частных предпринимательских объединений, но и широко выступали в качестве хозяйственных субъектов, вытесняли порой частный капитал из сферы соответствующих областей народного хозяйства.

Это тесное сплетение финансовой олигархии с государственным аппаратом, стирающее грани между частными предприятиями и государственными органами, не могло не ослаблять, а иногда и прямо сводить на нет начало буржуазной законности в хозяйственной жизни, а за ней — и в жизни капиталистического общества в целом. Произвол, с которым монополистические организации использовали средства государственного принуждения для своих целей, постепенно стал проникать во все области общественных отношений.

Хозяйничание в Германии и Италии фашизма, террористической диктатуры наиболее хищнических элементов финансового капитала, ознаменовалось полным слиянием в этих странах финансовой олигархии и государственного аппарата, самым беззастенчивым попиранием основных начал права и возрождением наиболее темных сторон средневековья.

Было бы, однако, чрезмерным упрощением считать, что все без исключения мероприятия капиталистических государств в изучаемый период непосредственно осуществляли интересы одного лишь монополистического капитала. В условиях общей неустойчивости капиталистического строя монополистический капитал иногда шел на уступки средней буржуазии и стремился смягчить

процесс пролетаризации мелкой буржуазии. Отдельные из таких мероприятий, как, например, акты Президента США Франклина Рузвельта 1933—1935 гг., направленные на охрану труда и помощь фермерам, встречали яростное сопротивление реакционных кругов и под их давлением отменялись. Другие подобные мероприятия, сохраняя формальную силу, под давлением тех же кругов утрачивали практическое значение. Лишь ряд мер хозяйственного регулирования, осуществленных после нападения гитлеровцев на СССР, был поддержан в буржуазно-демократических государствах, боровшихся против фашизма, широкими массами и оказался поэтому эффективным.

Героическая борьба СССР явилась основным фактором разгрома фашизма. Однако крушение фашистского режима в Италии и Германии не означало полного искоренения фашистских тенденций в капиталистическом мире; расовая дискриминация продолжает существовать в США и Южно-Африканском союзе; в Испании, в Португалии продолжает действовать фашистский режим. Эти явления, разумеется, не остаются без влияния и на общий ход развития гражданского права капиталистического мира.

В то же время освобожденные от гитлеровского ига народы Югославии, Болгарии, Чехословакии, Польши, создав новые народно-демократические государства, вступили на путь подлинно демократического правового развития.

Основные изменения общего характера гражданского права. Изменения гражданского права легче всего представить, проследив развитие трех основных систем гражданского права: французской, германской и англо-американской, определяющих развитие гражданского права большинства капиталистических стран.

Основное изменение общего характера гражданского права в указанный период заключается в небывалом по глубине проникновении в гражданское право начал и элементов административного права. Государственное регулирование хозяйственной жизни осуществляется, по общему правилу, путем издания государством обязательных к исполнению административных предписаний. А это означает вытеснение из гражданских законодательств значительного круга действовавших ранее диспозитивных норм, лишь восполнявших недостаточно полно выраженную волю участников соответствующих правоотношений и замену их нормами императивными, принудительными. Этот процесс нашел отражение и в науке буржуазного гражданского права (а также и в теории права капиталистических стран). Отрицательное отношение к традиционному делению права на публичное и частное, высказанное уже ранее представителем "юридического социализма" австрийским юристом Антоном Менгером, французским юристом Дюги и другими, стало находить себе новых сторонников. Отдельные юристы пытались доказать существование наряду с публичным и част-

ным правом некоторой третьей области: социального права. При этом, по общему правилу, противники старого деления права объясняли сближение частного права с публичным тем, что усложнение хозяйственной жизни и порожденное им усиление взаимной экономической зависимости людей якобы породило в людях и сознание солидарности, на почве которого все отрасли права стремятся служить интересам общества в целом.

Таким образом, делалась попытка завуалировать противоречия капиталистического общества, затушевать классовую борьбу и представить изменения гражданского права, служащие интересам финансовой олигархии, как мероприятия, выражающие также и интересы трудящихся масс.

Понятно, что эти идеи нашли особо благоприятную почву для распространения в странах, где хозяйничал фашизм. Мысль Дюги о замене, на почве развития общественной солидарности, понятия субъективного права понятием социальной функции, осуществляемой в общественном интересе, получила свое крайнее выражение в правовых "учениях" фашизма, отказавшихся от охраны каких бы то ни было прав личности, принципиально подчинявших все интересы личности интересам "национал-социалистического" государства, олицетворявшего наиболее разбойничью форму империализма и поставившего вне закона целые группы граждан.

Другая мысль Дюги о якобы осуществившемся на той же почве превращении права частной собственности в социальную функцию повторялась фашистскими "юристами" для оправдания самых грубых нарушений прав менее крупных и средних собственников в интересах монополистического капитала.

Ограничения свободы собственности и свободы договора. Указанные выше черты экономической жизни капиталистических стран в изучаемый период не могли не оказать самого глубокого влияния на основные институты гражданского права и выражавшиеся в них общие начала капиталистического общественного строя. Такими институтами были: 1) частная собственность, правовой режим которой определялся началами ее неприкосновенности и свободы, впервые закрепленными законодательством французской буржуазной революции; 2) договор, правовое регулирование которого опиралось на общее начало "свободы договора".

Превращение капитализма в монополистический капитализм создало глубокие противоречия между интересами различных слоев буржуазии. Гражданскому праву стали предъявлять новые требования. Используя свое экономическое превосходство и возраставшее вместе с ним политическое влияние, представители монополистического капитала стали стремиться к введению в гражданское законодательство ограничений свободы менее крупной и средней собственности для облегчения подчинения ее монополистическому капиталу. Для тех же целей представители монополис-

тического капитала стали стремиться и к введению в гражданское законодательство некоторых ограничений свободы договора. Отдельные ограничения свободы договора должны были служить целям завуалирования эксплуатации, которая пышным цветом расцвела на основе принципа свободы договора, особенно в области найма труда.

Как первое, так и второе стремления нашли себе известное удовлетворение уже в гражданских кодексах начала XX в.: германском 1900 г. и швейцарском 1907 г.

В изучаемый период интересы монополистического капитала потребовали дальнейших значительных ограничений свободы собственности и свободы договора, иногда вовсе парализуя действие этих начал в отдельных областях хозяйственной жизни.

§ 2. Ограничения свободы собственности

Ограничения свободы собственности на недвижимые имущества. Прежде всего интересы монополистических промышленных и транспортных предприятий потребовали ограничений начала свободы собственности в области права собственности на землю. Земельные участки, принадлежавшие средним, а иногда и мелким собственникам, не раз оказывались нужными монополистам для возведения промышленных предприятий, разного рода сооружений, в том числе сооружений транспорта, для прокладки электрических кабелей, проведения линий передачи электроэнергии и т. п. Приобретение участков у собственников возлагало бы на монополистов тяжелое финансовое бремя. Кроме того, оно требовало в каждом отдельном случае согласия собственника. Принудительное отчуждение "для общеполезных целей" допускалось только в пользу государства и также требовало "справедливого вознаграждения" собственника. Но первые гражданские кодексы периода империализма нашли способ удовлетворить интересы монополистов в этой области отношений, отступив в определении содержания права собственности на землю от традиционных определений, которые давали ему кодексы периода промышленного капитализма.

Хотя Германский гражданский кодекс 1900 г. воспроизвел положение ст. 552 Французского гражданского кодекса 1804 г. о праве собственника земельного участка также и на недра и воздушное пространство, однако он добавил: "Собственник не вправе воспретить воздействие на земельный участок со стороны других лиц, осуществляемое на такой высоте или на такой глубине, что у собственника нет интереса в устранении воздействия" (§ 905). Однородное положение содержит и Швейцарский гражданский кодекс 1907 г. (§ 667).

Таким образом, в Германии уже до первой мировой войны монополистическим компаниям была открыта законом возможность

беспрепятственно и без вознаграждения собственников использовать в известных условиях недра чужой земли или воздушное пространство над чужим земельным участком.

После первой мировой войны французское гражданское законодательство, сохранив в силе ст. 552 Гражданского кодекса, обогатилось в то же время целым рядом новых актов, установивших в интересах монополистических предприятий весьма существенные изъятия из этой статьи.

Так, ряд законов и декретов на протяжении времени с 1919 по 1938 г. превратили движущую силу воды в объект особого права, независимо от права собственности на земельный участок, на котором расположено соответствующее водное пространство; никто, не исключая и собственника этого участка, не вправе эксплуатировать движущую силу воды без особой на то концессии или разрешения (для менее крупных источников водной энергии) государства. Концессия предоставляется на срок от 30 до 75 лет. По истечении срока концессии все возведенные концессионером сооружения поступают безвозмездно в собственность государства. Закон 1924 г. установил право летательных аппаратов совершать полеты над любым земельным участком "...в условиях, не нарушающих осуществления своих прав собственником участка". Закон 1935 г. установил "сервитуты в интересах воздухоплавания", состоящие в том, что собственник земельного участка, расположенного на известном расстоянии от аэродрома, хотя бы и частного, не имеет права возводить на своем участке сооружения и насаждения, препятствующие полетам летательных аппаратов, а правительству предоставляется право обязывать собственника к устранению любых препятствий безопасности воздухоплавания.

Общие положения германского законодательства были после первой мировой войны также дополнены особыми положениями в интересах воздухоплавательных компаний: закон 1922 г. о воздушном транспорте установил свободу полетов над всяким земельным участком, занесенным по требованию воздухоплавательной компании посла обследования экспертной комиссией в особый реестр.

Своеобразно было в изучаемый период развитие права собственности в Англии, где это право и до настоящего времени отягчено многочисленными пережитками феодального строя. Ряд законов, изданных в 1922—1925 гг., был призван устранить некоторые из этих пережитков и превратить феодальное "держание" земли в неограниченную капиталистическую собственность. Законодатель действовал при этом весьма осторожно, стремясь по возможности примирить интересы землевладельцев, с одной стороны, и поземельного кредита — с другой, и как можно меньше колебать вековые традиции. Поэтому английское право собственности, особенно на недвижимое имущество, осталось и после реформ

1922—1925 гг. нагромождением архаизмов, своеобразно переплетающихся, а иногда еще и усложняемых нововведениями последних лет. Однако сохраняющийся до сих пор полуфеодальный характер поземельной собственности не препятствует охране интересов монополистических предприятий там, где этим интересам противоречат полуфеодальные пережитки. Интересы компаний, сооружающих железные дороги, каналы и т. п., обеспечиваются порядком их возникновения по специальным актам парламента, предусматривающим принудительное отчуждение для них чужой земли и другие льготы.

Вполне соответствовала общему, открыто эксплуататорскому и проникнутому "расистской" ненавистью характеру фашистского законодательства реформа, осуществленная гитлеровским законодательством в области землевладения. В целях создания крепкой кулацкой прослойки, с одной стороны, охраны юнкерских (помещичьих) имений — с другой, в 1933 г. был издан закон о наследственном крестьянском дворе. Размер земельных угодий двора должен был в каждом случае в соответствии с местными условиями обеспечивать пропитание одной семьи, но не превышать 125 га. Помещик или кулак, желавший использовать льготы, предоставлявшиеся наследственным крестьянским дворам, и удовлетворявший определенным требованиям закона (чистота арийской крови, способность вести хозяйство, "почтенность", уважение со стороны "крестьянского сословия"), был вправе разделить свое имение на несколько дворов. Имущество двора признавалось родовым, оно не могло быть ни отчуждаемо, ни закладываемо без разрешения суда по крестьянским делам. На основные части этого имущества не могло обращаться "взыскание по долгам собственника двора". Был установлен также и особый порядок наследования в имущество двора.

Ограничения свободы собственности на недвижимые имущества не раз выдавались французскими, германскими и английскими юристами за проявление так называемой "социализации" гражданского права, якобы служащей "интересам общества в целом". При этом под служением "интересам общества в целом" понимается главным образом сооружение крупных предприятий, которое осуществляется монополистическим капиталом в целях извлечения прибыли и якобы удовлетворяет нужды "всех".

Ограничение свободы собственности на движимые имущества. Первая мировая война заставила буржуазные правительства участвовавших в ней государств вступить на путь ограничений свободы собственности также и в области движимых имуществ.

Надо сказать, что и до первой мировой войны к движимому имуществу не только применялись нормы гражданских законодательств о принудительном отчислении в пользу государства, о которых упомянуто выше, но существовали и особые положения о

военных реквизициях, т. е. о принудительном отчуждении имущества частных лиц в пользу государства для нужд войны. Известен был также секвестр, как чрезвычайное мероприятие в связи с войной, в силу которого собственник на время войны ограничивался в праве распоряжаться определенными видами имуществ. Во время войны 1914—1918 гг. правительства воюющих стран, используя специальное законодательство о военных реквизициях и общие нормы гражданского законодательства о принудительном отчуждении имущества частных лиц, стали издавать и новые специальные постановления о "взятии на учет", т. е. о секвестре различных, представлявших военное значение материалов и товаров.

В Германии уже через две недели после начала войны были "взяты на учет" важнейшие виды стратегического сырья, и распоряжение ими было подчинено разрешению особых военно-регулирующих органов, число которых возрастало с каждым месяцем. Затем были взяты на учет продовольственные ресурсы, в том числе и неснятый урожай. Законом 1915 г. была введена государственная хлебная монополия.

Позднее на тот же путь вступили и страны Антанты: Франция ввела хлебную монополию государства в 1917 г.; Англия в том же году впервые установила нормы снабжения населения важнейшими предметами потребления; США, вступившие в войну в 1917 г., в том же году ввели особый порядок распределения стратегического сырья между предприятиями, выполнявшими военные заказы.

§ 3. Ограничения свободы договора

Ограничения свободы договора до первой мировой войны. Так же, как отступления от начала свободы собственности, отдельные отступления от начала свободы договора были известны гражданскому праву капиталистических стран уже в период перехода капитализма в стадию империализма. Одни из этих ограничений были введены законодательством или административными актами, другие ввела судебная практика, иногда закрепленная впоследствии законом. Так была установлена для железных дорог, для предприятий связи обязательность вступления в договор с любым контрагентом, нуждавшимся в их услугах. Точно так же и все основное содержание договоров железных дорог, почты и телеграфа с их клиентами устанавливалось в обязательном порядке. Принудительное вступление в договор с предопределенным его содержанием было установлено и для некоторых коммунальных предприятий, обслуживающих нужды населения.

Отступлением от принципа свободы договора явилось признание судами юридической силы так называемых "договоров присо-

единения", по терминологии французского права, или договоров "продиктованных", по терминологии германского права. Это договор, который контрагент монополистического предприятия заключает путем подписания так называемой "стандартной формы" договора, или "проформы", или, иначе, "формуляра", выработанного монополистическим предприятием и предлагаемого им к подписанию тому, кто желает вступить с ним в договорные отношения. Контрагенту остается "присоединиться" к условиям договора, "продиктованным" ему монополистом, или отказаться от вступления в договор.

В этом порядке совершают в период империализма договоры со своими клиентами все железные дороги, пароходства, банки, страховые общества. Из этого порядка заключения договоров исходит и новейшее законодательство о банковских сделках и о договоре страхования.

Военное регулирование народного хозяйства. Указанные отступления от принципа "свободы договора" стали в период первой мировой войны отправным пунктом для гораздо более глубокого вторжения государства в сферу свободных когда-то соглашений. И это вторжение еще значительно усилилось и углубилось во вторую мировую войну.

Ограничения свободы собственности и свободы договоров примыкали к не менее многочисленным ограничениям "свободы промысла", т. е. к постановлениям, регулировавшим разные виды предпринимательской и промысловой деятельности, и все вместе составляли систему так называемого "военного регулирования хозяйства".

При известном разнообразии методов военно-хозяйственного регулирования в разных странах основными среди этих методов как в первую, так и вторую мировые войны были:

1. Нормирование государством цен на различные товары. Как Германия, так и страны Антанты пользовались этим методом регулирования уже в первую мировую войну. К нему вернулись и с началом второй мировой войны. Франция и Англия запретили законами 1939 г. повышать, кроме случаев, предусмотренных в законе, цены на сельскохозяйственные и промышленные товары; в США было учреждено особое бюро регулирования цен и т. д. Военное регулирование цен обыкновенно осуществлялось различными "смешанными" органами, включавшими в свой состав, наряду с государственными чиновниками, также представителей монополистических объединений, и прежде всего служило интересам этих последних.

2. Установление внеочередности ("приоритета", по выражению английского и американского законодательств) удовлетворения заявок предприятий на стратегическое сырье и транспортные средства и заключение соответствующих договоров.

В Англии эта система привела во время второй мировой войны к "автоматическому" признанию приоритета за правительственными заявками, независимо от решения соответствующего органу регулирования. В США такое преимущество было прямо предоставлено законом заявкам подрядчиков и поставщиков, выполнявших правительственные заявки.

3. Принудительное заключение договоров на сбыт определенных видов продукции.

Во Франции закон 1938 г. об организации нации в случае войны устанавливал осуществление необходимых для войны поставок в порядке добровольных соглашений государственных органов с поставщиком, но грозил поставщику при недостижении согласия реквизицией его продукции или даже секвестром, полным или частичным, его предприятия. В Англии общий закон 1940 г. в интересах обороны страны уполномочивал правительство требовать от всех английских подданных предоставления их собственности в распоряжение правительства, осуществления деятельности и оказания услуг для нужд войны. В США закон 1940 г. предоставил президенту право давать принудительные заказы промышленным предприятиям через военного и морского министров.

4. Установление твердых норм снабжения населения предметами продовольствия и промышленными товарами широкого потребления, что принимало форму так называемой карточной системы.

5. Установление системы разрешений на открытие новых предприятий в определенных областях народного хозяйства, воспрещение расширять существующие предприятия, сокращать число занятых в предприятиях рабочих, закрывать действующие предприятия.

Во Франции законом 9 сентября 1939 г. было запрещено открытие или расширение какого бы то ни было промышленного, торгового или ремесленного предприятия без разрешения административных органов. В Англии в 1941 и 1942 гг. был ликвидирован (нередко, впрочем, по соглашению с владельцами и лишь при недостижении соглашения принудительно) обширный круг предприятий, не имевших существенного значения для обороны. Принадлежавшее президенту США право секвестра частной собственности давало ему возможность влиять на число и круг действующих предприятий.

6. Установление контроля государства над внутренним режимом предприятий, приостановка производства одних изделий и замена их другими, установление размера заработной платы и т. д.

Франция постепенно пришла к установлению такого контроля во время второй мировой войны на почве действовавшей во время войны системы распределения стратегического сырья и транспортных средств, с одной стороны, и установленного государ-

ством порядка размещения заказов — с другой. В Англии уже во время первой мировой войны законом 1915 г. была создана система мер контроля внутреннего режима предприятий, объявленных министром военного снабжения подконтрольными. Для таких предприятий министр был вправе не только определять направление производства, заменяя выпуск одних изделий выпуском других, но и устанавливать правила внутреннего распорядка, продолжительность рабочего дня, размер заработной платы. Во время второй мировой войны закон 1940 г. уполномочил министра военного снабжения объявлять "контролируемыми" все предприятия военной промышленности, как действовавшие к тому времени, так и такие, которые могли быть приспособлены для военного производства. Еще раньше закон 1939 г. предоставил правительству право назначать своих представителей для управления частными предприятиями. Некоторые меры регулирования производства отдельных видов стратегического сырья ввели и США.

7. Принудительное объединение предпринимателей, нередко со включением в состав соответствующих объединений также представителей государства и с возложением на эти объединения административных функций.

Франция вступила на этот путь уже во время первой мировой войны, организуя принудительные консорциумы (промышленников) для централизованных закупок сырья и его распределения между предприятиями соответствующей отрасли. Опираясь на опыт первой мировой войны, закон 1939 г. вновь предписывал образование консорциумов производителей, торговцев и потребителей продовольствия, и форме принудительно организуемых торговых товариществ. Все более расширявшееся в течение первой мировой войны вмешательство государства в частнохозяйственную деятельность подготовило то принудительное картелирование промышленности США, какими были "кодексы честной конкуренции" Рузвельта.

Регулирование ввоза и вывоза. Особое место занимало военное регулирование иностранного импорта и экспорта, которые осуществлялись в первую мировую войну не иначе, как с разрешения правительства и под самым жестким правительственным контролем, сводившим на нет в данной области принцип свободы договора. Во вторую мировую войну импорт и экспорт почти полностью перешли в руки государства.

Запрещение "торговли с врагом". К вопросу о регулировании импорта и экспорта тесно примыкает вопрос о "торговле с врагом", т. е. о совершении сделок с физическими лицами, проживавшими на неприятельской территории, и с юридическими лицами, находившимися под контролем врага (списки соответствующих фирм периодически публиковались в отдельных государствах). Вопрос этот является частью общего вопроса о правоспособности граждан неприятельских государств.

До первой мировой войны на Европейском континенте господствовал взгляд, что война не влечет за собой ограничений правоспособности граждан неприятельского государства и не создает юридических препятствий к совершению с ними гражданских сделок. Напротив, в Англии уже с конца XVIII в. утвердился взгляд, что враждебный иностранец не имеет права иска в английском суде. А в первую мировую войну Франция, Англия, США, Россия издали ряд законов о секвестре имущества граждан неприятельских государств и о воспрещении сделок с ними.

С началом второй мировой войны во Франции, Англии и США был издан ряд новых законов, направленных на ограничение гражданской правоспособности "враждебных иностранцев".

Понятно, что для осуществления мероприятий по военному регулированию хозяйства потребовалось создание большого числа новых органов. Важнейшей чертой этих органов было то, что они, по общему правилу, состояли как из должностных лиц, назначавшихся государством, так из представителей монополистических объединений.

Непосредственная хозяйственная деятельность государств. В первую мировую войну государство в отдельных случаях непосредственно осуществляло крупные хозяйственные операции, вытесняя частный капитал или суживая его роль в соответствующей сфере хозяйственной деятельности. Во время второй мировой войны непосредственная хозяйственная деятельность отдельных государств получила значительное расширение. В частности, в Англии и США в руках государства был сосредоточен почти весь импорт и экспорт. Для осуществления этой новой деятельности государства возникает ряд государственных органов, причем иногда этим органам придается частноправовая форма (акционерного общества). Часто такими органами являются министерства, их внутренние звенья, специально организованные управления, комиссии и т. п.

Таким образом, ограничения свободы собственности оказались неразрывно связанными с ограничениями "свободы договора", а эти последние — с ограничениями "свободы промыслов", приведшими к развитию непосредственной хозяйственной деятельности государства.

Особенно широка была в первую мировую войну система мер военно-хозяйственного регулирования в Германии.

Регулирование народного хозяйства между первой и второй мировыми войнами. Отдельные мероприятия до регулированию народного хозяйства во время первой мировой войны отпали после ее окончания, но в целом оно продолжало развиваться, стимулируемое общим кризисом капитализма 1929—1933 гг. В Италии, Германии, Франции значительную роль играла подготовка к новой войне.

Среди мероприятий отдельных государств по регулированию народного хозяйства в период между первой и второй мировыми войнами должны быть отмечены различные формы принудительного объединения предприятий в определенных отраслях народного хозяйства. Сюда относятся принудительное синдицирование угольной, калийной, жевельной, сернокислотной и дегтярной промышленности, а также электрохозяйства, осуществленное в Германии законом 1919 г. о "социализации", принудительное картелирование и синдицирование промышленности в Италии.

В США непосредственным порождением кризиса 1929—1933 гг. было принудительное картелирование, которым являлись, по существу, "кодексы честной конкуренциями", вырабатывавшиеся объединениями предпринимателей и утверждавшиеся президентом (закон 16 июня 1933 г.). Они регулировали различные стороны деятельности монополистических предприятий якобы для борьбы со злоупотреблениями со стороны монополий, а в действительности служили тем же монополиям средством для введения сокращенной рабочей недели и снижения заработной платы. Тем не менее при первых же проблесках выхода из депрессии финансовый капитал поспешил взорвать весь механизм государственного регулирования промышленности, прибегнув для этого к помощи своего традиционного защитника — Верховного суда. 27 мая 1933 г. Верховный суд по жалобе фирмы, осужденной окружным судом за нарушение "кодекса честной конкуренции", признал закон 16 июня 1933 г. противоречащим Конституции США.

Финансовый капитал стремится освободиться от тех мер регулирования, которые стесняют его в изменившейся с окончанием второй мировой войны хозяйственной обстановке. Идя навстречу этим стремлениям, США, например, последовательно отменили регулирование цен в различных областях народного хозяйства, а также передали ряд государственных предприятий в частную собственность.

§ 4. Изменение действия договора

Принцип безусловной силы договора. Гражданские кодексы капиталистических стран исходят из начала безусловной обязательной силы договора для заключивших его сторон.

Первая мировая война радикально изменила экономическую конъюнктуру. Нарушились транспортные связи между разными странами, изменилось соотношение спроса и предложения, резко поднялись цены на большинство товаров. И с 1915—1916 гг. встал вопрос, применимо ли учение о безусловной обязательной силе договоров к договорам, заключенным до войны? Можно ли считать должника обязанным к выполнению обязательств, принятых им

на себя в хозяйственных условиях, коренным образом отличных от условий, которые сложились ко времени, когда наступил срок исполнения этих обязательств?

Действовавшее законодательство и предшествующая практика обязывали дать на этот вопрос положительный ответ. Однако интересы целого ряда монополистических предприятий, а иногда и необходимость охранить в условиях военных трудностей и в обстановке общей напряженности интересы средней и мелкой буржуазии побудили практику разных стран встать на иной путь.

Из архива юридических учений было извлечено возникшее еще в XIII в. и изгнанное, казалось, с конца XVIII в. "учение о непредвиденных обстоятельствах", о предполагаемой в каждом договоре оговорке о неизменности обстоятельств, при которых договор заключен.

Возрождение этого учения в гражданском праве означало, что судам дается право регулировать хозяйственные отношения путем изменения условий ранее заключенных договоров. Это была попытка смягчить с помощью суда последствия резкого изменения цен путем приспособления договоров к изменившимся условиям. Она не ослабила влияния изменений конъюнктуры, но привела к полной неопределенности договорных обязательств, внеся в них произвол судейского усмотрения.

"Учение о непредвиденных обстоятельствах" в судебной практике. Прежде всего стали применять это учение органы французской административной юстиции, разрешавшие споры из договоров с казной о поставках и подрядах и из концессионных договоров. Высший орган этой юстиции — Государственный совет — в решении 1916 г. по делу газовой компании г. Бордо признал, что непредвиденные обстоятельства, каким является, например, чрезвычайный рост цен на рабочие руки и материалы, служат основанием для изменения тарифов за пользование газом. Укрепившись с этих пор в практике органов административной юстиции, это "учение о непредвиденных обстоятельствах" проникло затем и в практику низших гражданских судов. А когда этому учению во имя устойчивости гражданского оборота объявил борьбу кассационный суд, то вмешался законодатель: два закона 1918—1922 гг. допустили изменение судом в соответствии с изменившейся конъюнктурой договоров поставки и других торговых договоров по требованию заинтересованной стороны. За этим последовал ряд подобных законов, изданных в период, главным образом, 1925—1936 гг.

Особенно благоприятную почву нашло себе "учение о непредвиденных обстоятельствах" в Германии. Прикрываясь постановлением § 242 Гражданского кодекса о том, что "договоры должны исполняться по доброй совести", и вкладывая в понятие доброй совести содержание, в каждом отдельном случае наиболее соответствовавшее конкретным интересам капиталистов, к охране

которых стремился суд, германские суды стали настолько широко применять освобождение должника от договорных обязательств и изменение содержания последних в связи с колебаниями хозяйственной конъюнктуры, что принцип обязательной силы договора был сведен к нулю. Постановлением 1939 г. о помощи судов в договорах ввиду обстоятельств военного времени и рядом других гитлеровское "законодательство" санкционировало эту беспримерную в истории свободу судейского произвола. Ныне эти постановления, разумеется, отпали.

Пришлось изменить свое учение о святости договора и Англии. В 1918 г. суд впервые признал, что резкое изменение экономической конъюнктуры освобождает подрядчика от принятых им на себя по договору подряда обязанностей. В 1921 г. однородное решение было вынесено по спору из договора поставки. С этих пор в английском праве последовательно и настойчиво утверждает свое значение антипод старого учения о святости договора — выдвинутая уже раньше теория frustration. Под frustration, как основанием освобождения сторон от принятых на себя по договору обязательств, понимают в одних случаях гибель не по воле сторон вещи, из существования которой стороны исходили, вступая в договор; в других случаях — отпадение цели, с достижением которой договор связан выраженной в нем волей сторон; в третьих случаях — настолько резкое изменение условий, при которых договор был заключен, что невозможно предположить, что, будучи разумными, стороны не предусмотрели бы в договоре прекращения его действия, если бы могли предвидеть это изменение условий. Так, прикрываясь толкованием воли сторон и якобы охраняя исконное начало свободы договора, суд, по существу дела, отступает от этого начала, ибо предполагаемую им "разумную" волю ставит на место воли, выраженной в договоре, а вместе с тем выбивает и почву из-под ног старого учения о святости договора.

Правда, судебная практика не раз указывала на то, что учение о frustration должно применяться только в случае экономической невозможности, а не просто крайней затруднительности или даже разорительности исполнения для должника. Но от этого неустойчивость, внесенная в сферу договорных отношений понятием frustration, не стала меньше, ибо найти грань, отделяющую экономическую невозможность от крайней затруднительности исполнения договора, невозможно.

В 1943 г. палата лордов признает уже, что экономическая невозможность исполнения действует с обратной силой, начиная с момента заключения договора. Следовательно, выгоды, полученные одной из сторон еще до уничтожения договора, должны быть возвращены другой стороне. Этот принцип затем был закреплен законом того же 1943 г., из действия которого были изъяты лишь договоры аренды и морские чартеры.

Переоценка денежных обязательств. Еще резче выступил в некоторых странах отказ от старых начал в области денежных обязательств, как договорных, так и возникающих из других оснований.

Под влиянием усиленной эмиссии бумажных денег с начала первой мировой войны, а также под влиянием вызванного войной общего потрясения хозяйственной жизни капиталистических стран изменения в покупательной силе денег достигали в отдельных странах неизвестных ранее пределов. Всеобщий кризис капитализма затронул также и денежное обращение и обусловил отход от золотой валюты всех капиталистических стран. С 1937 г. повсеместно господствуют бумажные деньги. Понятно, что при таком положении неуклонное проведение принципа номинализма, т. е. неизменности суммы денежного обязательства, оказалось иногда неприемлемым.

Правда, этот принцип прежде всего поражал интересы трудящихся и других неимущих и малоимущих слоев населения — лиц, получающих заработную плату, пенсионеров, вкладчиков в сберегательных кассах. Наоборот, банки, крупные страховые общества, компании, выпускавшие облигационные займы, имели чрезвычайно выгодную возможность погашать свои обязательства "дешевыми" деньгами "по номиналу". Однако германская судебная практика перед лицом катастрофического падения курса бумажной марки и побуждаемая главным образом стремлением охранить интересы рантье и предотвратить пролетаризацию мелкой буржуазии, с 1923 г., когда 1000 бумажных марок признавались равными 0,27 золотой марки, встала на путь переоценки судом денежных обязательств. Сотни тысяч решений, вынесенных по соответствующим вопросам низшими судами, и до 2000 решений рейхсгерихта, не имея опоры в законе, ни даже твердых экономических критериев оценки обязательств, создали картину полного хаоса и произвола. При этом не было ни одного решения, которое произвело бы переоценку банковских вкладов, фактически таким образом аннулированных падением марки. Почти не коснулись банковских вкладов и два закона 1925 г. "О переоценке публичных займов" и "О переоценке ипотечных долгов" и других требований. Эти законы не удовлетворили ни одного из затронутых обесценением денег интересов, ибо предписывали переоценку требований из очень низкого процента; не устранив переоценки требований судом, они лишь закрепили неустойчивость всех отношений, связанных с денежными обязательствами, и санкционировали судейский произвол.

К таким же результатам привели польские законы о ревалютизации 1924 г.

Золотая оговорка. Перед лицом неуклонного обесценения денег, начавшегося в 1914 г., получила большое значение так назы-

ваемая "золотая оговорка", практиковавшаяся в условиях неустойчивости валют еще с середины XIX в. Золотая оговорка представляет собой включаемое в договор условие о том, что сумма денежного платежа подлежит исчислению не просто в указанных в договоре денежных единицах, а в золотых монетах или в весовых единицах золота.

Однако практика 1914—1946 гг. показала, что в условиях капитализма никакие договорные условия не могут обеспечить стабильного ценностного содержания денежного долга; как раз в то время, когда подобные оговорки могли бы проявить свое действие, защищая кредиторов от невыгодных для них последствий обесценения бумажных денег, действие этих оговорок было обессилено в порядке закона или судебной практики.

В США юридическая сила золотой оговорки была отвергнута актом конгресса 5 июня 1933 г. одновременно с прекращением обмена банкнот на золото. Официальным мотивом служило указание на недопустимость одновременного существования двух денежных единиц: бумажного и золотого доллара.

Во Франции золотая оговорка, а также условия об исчислении платежей в иностранной валюте были отвергнуты судебной практикой, после того как франк превратился осенью 1914 г. в бумажную валюту. Однако в интересах парижских банкиров, в руках которых были сосредоточены иностранные золотые займы на сотни миллиардов франков, судебная практика продолжала признавать силу золотой оговорки в международных расчетах.

Только в Англии сила золотой оговорки не была отвергнута, но здесь она не имела практического значения, ибо применялась лишь в редких случаях.

Лишение золотой оговорки юридической силы в условиях принудительного курса бумажных денег означает, что государство устанавливает одинаковую платежную силу бумажных денег и монет. Принципу номинализма придана принудительная сила. Участники гражданского оборота не в состоянии более парализовать его действие путем соглашений.

Влияние валютных ограничений на ответственность за неисполнение договорных обязательств. Валютная политика капиталистических государств породила еще одно крупное затруднение для гражданского оборота. Кризис 1929 г. ознаменовался глубоким расстройством денежного обращения и кредита, которое привело к крушению всей системы международных платежей, главным образом в связи с теми валютными ограничениями, которые, начиная с 1931 г., вводила одна капиталистическая страна за другой и которые к началу второй мировой войны действовали уже во всем капиталистическом мире. В каждой из капиталистических стран эти валютные ограничения представляют собой сложную совокупность мероприятий — законов, министерских инст-

рукций, банковских циркуляров, направленных на ограничение или запрещение сделок с золотом, иностранной валютой и другими международными платежными средствами (так называемыми "валютными ценностями"), на понуждение граждан к сдаче центральным банкам имеющихся в их распоряжении или полученных из-за границы иностранных валютных ценностей. Основное значение, однако, имело регулирование денежных переводов за границу. Если до 1931 г. денежные ценности могли свободно перемещаться из страны в страну посредством почтовых, телеграфных и банковских переводов, то отныне для перевода денег за границу требуется разрешение так называемого девизного органа страны — министерства финансов или центрального банка. Это валютное регулирование, направленное на то, чтобы сосредоточить валютные ценности в центральных банках, не могло, конечно, вывести капиталистические страны из их затруднений в сфере международных расчетов. Наоборот, оно привело к новому углублению этих затруднений.

В капиталистических условиях экспортно-импортные сделки совершаются частными фирмами. Из противоречия между частным характером внешней торговли и государственным регулированием заграничных платежей родилась проблема невозможности исполнения по заграничным денежным обязательствам. Если, например, румынская фирма за купленный в Париже товар должна уплатить французскому покупателю определенную сумму франков и если румынские девизные органы задерживают выдачу разрешения на перевод денег из Румынии во Францию, то перед французским судом может возникнуть вопрос о том, должен ли он возложить на румынского должника ответственность за просрочку или же надлежит считать, что задержка платежа вызвана для румынского должника невозможностью исполнения, за которую он не несет ответственности. В подобных условиях освободить румынского должника от ответственности за просрочку означало возложить на французского кредитора все невыгодные последствия, вытекающие из румынского валютного закона.

Из обширной судебной практики капиталистических стран в период 1931—1939 гг. видно, что невозможность платежа, обусловленная заграничными валютными запрещениями, не считается обстоятельством, освобождающим должника от ответственности за просрочку, несмотря на то, что буржуазная доктрина о невозможности исполнения обязательств, казалось бы, обязывала к иным выводам.

Валютные ограничения и практика их применения создавали положение, полное противоречий, их пытались сгладить путем международных клиринговых соглашений. Такими соглашениями запрещаются непосредственные платежи между контрагентами по внешней торговле. Платеж должен вноситься на имя кредитора

должником в особую расчетную организацию своей страны. Расчетные организации стран, заключивших клиринговое соглашение, периодически устанавливают сальдо взаимных претензий, после чего сальдо погашается в порядке междугосударственных расчетов. Таким образом, клиринговое соглашение коренным образом меняет правоотношения участников международных торговых сделок и значительно усиливает контроль государства над внешней торговлей.

§ 5. Изменения организационных форм капиталистических предприятий

Законодательство об акционерных обществах. Под влиянием процесса концентрации, с одной стороны, и неуклонного сращивания финансовой олигархии с государственным аппаратом — с другой, значительно изменились в изучаемый период также и организационные формы капиталистических предприятий и правовой режим некоторых из них.

Основной организационной формой капиталистического предприятия является, как известно, акционерное общество.

Законодательство об акционерных обществах первой половины 60-х годов XIX в., рассчитанное на участие в акционерных обществах большого числа акционеров, в условиях империализма уже не обеспечивало полностью интересов монополистических акционерных компаний, распространяющих свое влияние путем учреждения так называемых дочерних компаний без привлечения к подписке на акции посторонних лиц.

При достигнутой в период империализма концентрации капиталов существенным стало уже не обеспечение гражданским правом возможности собирать крупные капиталы из мелких взносов, а допущение законом образования немногими крупными капиталистами предприятия, ход деятельности которого определялся бы возможно более свободным усмотрением их участников.

В то же время огромное число случаев несостоятельности акционерных обществ, злоупотребления со стороны их учредителей и руководителей, экономическая неустойчивость, чрезвычайно обостренная первой мировой войной, кризисом 1929—1933 гг., а затем второй мировой войной, — все это резко подчеркнуло недостаточность правовой охраны интересов акционеров. Сложность порядка возникновения и управления делами акционерного общества, насчитывающего нередко тысячи участников, лишает возможности акционеров, часто неискушенных в коммерческих комбинациях, ограждать свои интересы от ненадежных, а очень часто и просто недобросовестных учредителей или руководителей общества. Немало страдают от таких действий и кредиторы акционерных об-

ществ. Известно, что история акционерных обществ неразрывно сплетена с историей коммерческих крахов и разорений тысяч акционеров.

Под давлением ряда обстоятельств 1914—1947 гг. были периодом усиленной деятельности законодательных учреждений капиталистических стран в области акционерного права.

Германский закон 1937 г. в своих постановлениях о порядке возникновения акционерного общества исходил из того, что нормальным является положение, при котором все акции учреждаемого акционерного общества распределяются между его учредителями без привлечения посторонних лиц.

Далее германский закон ввел в число органов управления акционерным обществом новый орган — наблюдательный совет, в состав которого могли входить, наряду с членами, избранными общим собранием акционеров, также и члены, делегированные отдельными акционерами. Служа непосредственным выразителем интересов наиболее крупных акционеров, наблюдательный совет становился средостением между общим собранием и правлением общества. При этом правление не избиралось, как то было ранее, общим собранием, а назначалось наблюдательным советом, на который была перенесена законом и часть прежних функций и прав правления по ведению текущих дел акционерного общества.

Таким образом, даже в тех случаях, когда число акционеров значительно, решающую роль в жизни общества играл наблюдательный совет, представлявший интересы крупнейших акционеров. Их интересам и призваны были служить новые законы об акционерных обществах.

Одна из разновидностей акционерного общества, предусмотренная английским законом 1929 г., так называемая "частная компания", исключает привлечение посторонних лиц. Лица, учредившие компанию, остаются ее хозяевами, и отчуждение акций одним из них обусловлено согласием остальных. Понятно, что эти формы акционерного общества предполагают его образование немногими представителями монополистического капитала.

В то же время пришлось и усилить ответственность учредителей и непосредственных руководителей акционерных обществ — директоров, правления и т. д., слишком часто нарушающих интересы акционеров и кредиторов акционерных обществ. Законы разных стран стали устанавливать перечень сведений, обязательно сообщаемых при объявлении подписки на акции, требовать подписи учредителей или правления под такими объявлениями, устанавливалась уголовная их ответственность за нарушение этих правил и т. д.

Германский закон установил в ряде случаев непосредственную имущественную ответственность членов правления или наблюдательного совета перед кредиторами акционерного общества,

а иногда даже и ответственность отдельных акционеров, склонивших членов правления или наблюдательного совета к совершению действий, причинивших вред акционерному обществу.

Французское законодательство установило, что в случае несостоятельности акционерного общества объявляется несостоятельным также и его главный директор-распорядитель, на личное имущество которого может быть в этом случае обращено взыскание кредиторов акционерного общества.

Товарищества с ограниченной ответственностью. Изменения, внесенные в акционерное законодательство стран континентальной Европы, все же не удовлетворяли стремлений монополистов обеспечить себе неограниченное влияние на ход деятельности предприятий. И в некоторых странах возникает новая, близкая к английской "частной компании" организационная форма капиталистического предприятия: товарищество с ограниченной ответственностью. В Германии эта форма была введена еще законами 1892—1896 гг. В изучаемый период она была воспринята Францией (закон 1925 г.), Италией (Гражданский кодекс 1938—1941 гг.) и др.

Участники такого товарищества, так же, как и акционеры в акционерном обществе, не отвечают своим личным имуществом по обязательствам товарищества, но все паи товарищества распределяются только среди его учредителей, без привлечения посторонних лиц, и не могут быть отчуждаемы без согласия товарищества. Кроме того, такое товарищество освобождено от более или менее стеснительных требований гласности и отчетности, установленных для акционерных обществ.

Дальнейшие изменения организационных форм и правового режима предприятий были вызваны неуклонным расширением в период империализма предпринимательской деятельности государства при все усиливающемся сращивании верхушки монополистического финансового капитала с государственным аппаратом, о чем уже сказано выше.

Участие государства в акционерных обществах. Одной из ранних форм предпринимательской деятельности государства, встречавшейся уже на протяжении XIX в., было приобретение государством акций частных акционерных обществ. Эта форма получила широкое распространение в период империализма. Приобретая акции акционерного общества или паи товариществ с ограниченной ответственностью, государство тем самым обеспечивает себе руководящее влияние на ход деятельности этих предприятий, а вместе с тем нередко особыми постановлениями создает для их деятельности и особый правовой режим, облегчающий расширение сферы их влияния и получение высокой прибыли. Так возникли акционерные общества и товарищества с ограниченной ответственностью, получившие название "предприятий смешанной экономии".

Большое развитие "предприятия смешанной экономии" получили во Франции. Основания, на которых государство участвует в акционерных обществах, весьма разнообразны. В одних случаях государство приобретает акции за предоставление акционерному обществу концессии на использование определенных природных богатств, в других случаях государство, не приобретая акций, принимает на себя обязательство покрыть убытки общества или гарантирует его облигационные займы и за это приобретает право назначать своих представителей в органы управления. Нередко государство оставляет за собой контрольный пакет акций. Закон 15 августа 1945 г., установивший особый налог с предприятий ("налог национальной солидарности"), оговорил право акционерных компаний на уплату этого налога путем передачи государству части акций или учредительских паев.

Становясь участником "предприятий смешанной экономии", французское государство почти всегда обеспечивает себе некоторые привилегии по сравнению с другими акционерами. Оно приобретает, например, право назначать известное число членов правления независимо от числа принадлежащих государству акций, право назначенных государством членов правления на опротестование решений большинства правления и т. п. В то же время государство нередко обеспечивает и особые привилегированные условия деятельности предприятию, в котором оно участвует.

Такие же "предприятия смешанной экономии" существуют и в других странах.

Государственные предприятия в частноправовой форме. В период второй мировой войны приобрели важное значение государственные предприятия в частноправовой форме. Такова, например, Британская коммерческая корпорация, развившая во время войны огромную деятельность в области внешней торговли. Такова реконструированная Финансовая корпорация, созданная Президентом США Гувером во время кризиса 1932 г. для оказания помощи пострадавшим от кризиса банкам и вставшая с 1940 г. в центре операций правительства по финансированию за счет государственных средств строительства предприятий и закупок сырья в США и за границей.

Однако в период второй мировой войны государство не всегда считало нужным облекать свою хозяйственную деятельность в частноправовые организационные формы. Уже первый закон США 18 декабря 1941 г. о военных полномочиях президента открыл ему возможность предоставлять любому правительственному департаменту (министерству) право заключать договоры, производить платежи и выдавать авансы по ним. Одним из административных органов, осуществлявших коммерческую деятельность, была администрация по ленд-лизу, которая осуществляла во вторую мировую войну снабжение союзных с США стран военным

снаряжением и продовольствием. В руках таких же по юридической природе органов был сосредоточен во время второй мировой войны и импорт США.

Во время второй мировой войны английское министерство торговли широко совмещало с функциями власти также и торговые операции. Такое же совмещение характеризовало и деятельность ряда других государственных учреждений.

Национализация промышленных предприятий и банков. Период второй мировой войны, а во Франции и годы, непосредственно предшествовавшие войне, как и два года, протекшие после ее окончания, ознаменовались переходом в руки государства ряда частных предприятий.

Лейбористское правительство провело в 1946 г. через парламент законы о национализации Английского банка и угольной промышленности. Как уже отмечалось выше, первый из этих законов не вносил каких-либо существенных изменений в фактические отношения между Английским банком и государством, поскольку он и до национализации был в качестве центрального эмиссионного банка тесно связан с государственным казначейством и являлся главным проводником правительственной политики во всей системе английского денежного обращения и кредита. Частные акционеры получили взамен своих акций компенсацию в виде государственных облигаций, дающих им тот же доход. Правительство сохранило во главе банка старых директоров и заявило об отсутствии у него намерения вмешиваться в его оперативную деятельность.

Также и по закону о национализации угольной промышленности копевладельцы получили компенсацию в виде государственных облигаций с гарантированным доходом. Тем самым они избавились от риска и беспокойств, связанных с эксплуатацией крайне устаревшего и запущенного угольного хозяйства Англии.

Французское законодательство о национализации охватило больший круг отраслей и обеспечило большее влияние демократических элементов на управление национализированными предприятиями. Кроме национализации ряда предприятий, принадлежавших коллаборационистам (т. е. лицам, сотрудничавшим с гитлеровцами), во Франции, как мы уже знаем, были национализированы угольные копи Севера и Па-де-Кале, воздушный транспорт, Французский банк и четыре депозитных банка, сосредоточивавших в своих руках около $^2/_3$ всех вкладов, предприятия по производству и распределению электроэнергии и газа, 45 страховых обществ и др. Акционеры национализированных банков и предприятий получили компенсацию в разнообразной форме. Правления национализированных предприятий поставлены под более строгий контроль правительства, чем в Англии, а в совещательных советах при центральных и местных правлениях подавляющее число

мест предоставлено представителям государства, рабочих, служащих и потребителей и лишь небольшое число — представителям бывших собственников.

§ 6. Семейное и наследственное право

Изменения во французском семейном праве. Наиболее отсталым представлялось к началу XX в. семейное право во Франции. Как известно, замужняя женщина во Франции была лишена права вступить в какой бы то ни было договор без разрешения мужа. Постановления об имущественных отношениях супругов отдавали имущество жены, при законной общности имущества супругов во всех договорных ее вариантах, в единоличное управление и распоряжение мужа. Правда, законом 1907 г. замужней женщине было предоставлено право самостоятельно распоряжаться своими трудовыми доходами. Но только через 30 лет, в 1938 г., был издан закон, включенный в состав Гражданского кодекса и озаглавленный: "Об отмене недееспособности замужней женщины". Однако и этот закон лишь немногим изменил правовое положение замужней женщины. Хотя он и объявил, что "...замужняя женщина осуществляет в полном объеме свою правоспособность" (ст. 216), тем не менее не забыл прибавить, что муж остается главой семьи (ст. 213) и сделал ряд практических выводов из этого главенства: 1) мужу принадлежит право избирать место постоянного пребывания обоих супругов, и жена обязана следовать за мужем при каждой перемене им этого места; только в случаях злоупотребления мужа своим правом жена вправе обратиться в суд для установления особого места ее постоянного пребывания; 2) муж вправе заявить возражение против того, чтобы жена занималась самостоятельной профессией, и если это возражение, в случае протеста жены, будет признано судом "основанным на интересах семьи", оно влечет за собой аннулирование всех договоров, заключенных женой в связи с ее профессией, в частности договоров личного найма; 3) оставлены в силе, вопреки первоначальному проекту закона, все постановления Гражданского кодекса о "брачных режимах".

В 1942 г. новый закон внес изменения в правовое положение замужней женщины, созданное законом 1938 г. К словам ст. 213 Гражданского кодекса о том, что "муж является главой семьи", было прибавлено указание: "Он осуществляет эту функцию в общем интересе супругов и детей". Жена содействует мужу в моральном и материальном руководстве семьей, в ее содержании, в воспитании и подготовке самостоятельного устройства детей. Жена заменяет мужа в его функциях главы семьи, если муж не в состоянии выражать свою волю. Далее к положению ст. 215 о том, что муж определяет место жительства семьи, добавлено: "Если место

жительства, избранное мужем, представляет для семьи физическую или моральную опасность, жена вправе в виде исключения получить разрешение суда на пребывание с детьми в другом месте, указанном судом". Выбрать же место жительства по своему усмотрению жена не вправе никогда. По-прежнему мужу принадлежит право воспрепятствовать жене заниматься самостоятельной профессией, по-прежнему договоры, заключаемые женой в ходе занятия этой профессией, в том числе и договор личного найма, теряют силу, если суд признает возражения мужа обоснованными интересами семьи. Имущество, приобретенное женой путем занятия самостоятельной профессией, поступает в ее свободное пользование и распоряжение независимо от режима ее имущественных отношений с мужем. Но зато при любом режиме этих отношений на жену возлагается новым законом и обязанность участвовать в соответствии со своими средствами в расходах общего хозяйства. За это ей при установленном брачным контрактом режиме раздельности имуществ предоставляется полная свобода управления и распоряжения своим имуществом. Понятно, что эти последние нормы не представляют практического интереса для женщин трудящихся классов.

Такими же неполноценными оказались и законоположения, направленные на улучшение положения внебрачных детей. В 1912 г. в состав Гражданского кодекса вошло новое постановление (ст. 340), допустившее пять случаев признания по суду внебрачного отцовства. Однако условия, при которых по этому закону допустимо отыскание внебрачного отцовства, сильно затрудняют предъявление соответствующих исков.

Очень затруднено было Гражданским кодексом и узаконение внебрачных детей последующим браком родителей. Усыновление же (как это ни странно) было институтом, чуждым интересам детей вообще, ибо *на несовершеннолетних оно не распространялось*. Между тем число беспризорных, лишенных материальной поддержки детей катастрофически возросло после первой мировой войны. Законом 30 декабря 1915 г., а затем снова законом 25 апреля 1924 г. пришлось облегчить положение внебрачных детей последующим браком родителей: дети могут быть узаконены, хотя бы они были признаны родителями не до, а после вступления их в брак.

В то же время ряд постановлений в корне перестроил институт усыновления. Усыновление допускается отныне лишь в том случае, "...если оно представляет выгоду для усыновляемого". Усыновленный должен быть по крайней мере на 15 лет моложе усыновителя. Между усыновленным и усыновителем устанавливается взаимная алиментарная обязанность, причем усыновленный сохраняет и право на получение алиментов от своих родителей в случаях, когда он не может получать их от усыновителя. Усынов-

ленный и его потомство приобретают и право наследования в имуществе усыновителя. Наоборот, усыновитель не наследует после усыновленного; его наследниками являются его кровные родственники.

С семейным правом во Франции был связан и ряд актов гражданского права, изданных после первой мировой войны и направленных на стимулирование роста народонаселения в связи с возможностью новой войны. Сюда относится прежде всего декрет 1939 г. об учреждении Высшего комитета по вопросам увеличения населения и декрет-закон 1939 г., озаглавленный "О рождаемости во французской семье". Этот закон (усиливший также и уголовную ответственность за аборт, за продажу наркотических веществ, порнографических изображений и т. п.) установил премии за рождение первого ребенка, начисления на заработную плату при рождении последующих детей, пособия многодетным семьям и т. д. Многие из льгот, установленных законом 1939 г., распространялись, однако, только на лиц, являющихся родителями законных детей, и лишь иногда упоминаются в законе в качестве носителей соответствующих прав "лица, осуществляющие заботу о ребенке" независимо от правовых условий его рождения.

Изменения в английском семейном праве. Значительным изменениям подверглось также и семейное право в Англии.

По английскому праву, сложившемуся как на почве прецедентов, так отчасти и на почве законодательных актов, замужняя женщина уже до изучаемого периода была вполне дееспособна. Имущество ее, как принадлежащее ей до брака, так и приобретенное в браке, было раздельно с имуществом мужа. Немногие отступления от этих начал, допускавшиеся судебной практикой и законом, были устранены законами, изданными в период времени между первой и второй мировыми войнами.

Законом 1935 г. замужняя женщина была формально уравнена в правах с незамужней, и тем самым в настоящее время гражданское правовое положение английской женщины не отличается от положения мужчины. Эти законы не отменяют, однако, фактического неравенства в оплате труда, в политической и культурной жизни.

Значительным изменениям подверглось и английское законодательство о разводе. В 1923—1925 гг. супруги были уравнены в праве требовать развода. Закон 1938 г. вновь пересмотрел и установил перечень оснований к разводу. Как муж, так и жена могут потребовать развода по следующим основаниям: 1) нарушение супружеской верности другой стороной; 2) оставление истца другой стороной без повода и к тому на срок не менее трех лет, непосредственно предшествующих предъявлению иска о разводе; 3) жестокость по отношению к истцу; 4) неизлечимая душевная болезнь, обусловившая пребывание под наблюдением врача в те-

чение пяти лет, непосредственно предшествующих предъявлению иска о разводе. Кроме того, жена вправе требовать развода и по причине "противоестественных пороков" мужа. Иск о разводе может быть предъявлен, по общему правилу, лишь по истечении трех лет со дня заключения брака.

По тем же основаниям, что и развод, а равно и по некоторым другим основаниям каждый из супругов вправе потребовать установления судом раздельного жительства. При установлении раздельного жительства на мужа может быть возложена обязанность содержать жену. В случае неисполнения этой обязанности муж отвечает перед третьими лицами за приобретаемые женой "необходимые предметы".

Так же, как и во Франции, в Англии законодателю пришлось заняться положением детей: война создала много детей беспризорных и лишенных средств к жизни. И основные тенденции законодательства о детях после первой мировой войны те же, что и во Франции: закон 1926 г. впервые допустил узаконение рожденных вне брака детей последующим браком родителей; закон 1926 г. впервые ввел усыновление. Усыновлять можно только несовершеннолетних. Усыновление возлагает на усыновителя обязанность содержать и воспитывать усыновленного, но не сообщает усыновленному наследственных прав в семье усыновителя и не меняет его положения в вопросах наследования в его кровной семье.

Семейное законодательство немецких фашистов. Германское семейное право оставалось неизменным со времени издания Гражданского кодекса до захвата власти гитлеровцами. Семейное "законодательство" гитлеровцев вошло в историю как небывалый образец законодательного изуверства.

В 1935 г. был издан закон "О защите немецкой крови и чести", калечивший основу брака и семьи. Были запрещены браки между германским подданным немецкой или немецко-родственной крови и лицом неарийского происхождения. Браки, заключенные вопреки этому запрещению, объявлялись недействительными, а лица, вступившие в запрещенный брак, наказывались каторгой. Эти браки признавались недействительными даже в том случае, если они заключались не в Германии, а за границей. Запрещались не только браки, но и внебрачные отношения между "арийцами" и лицами неарийского происхождения. Мужчины, нарушавшие это запрещение, наказывались тюрьмой или каторгой.

Последующим актом было установлено, какая примесь неарийской крови считается препятствием к заключению брака с лицом немецкой или немецко-родственной крови. Были введены путаные определения доли примеси неарийской крови ($^1/_4$, $^1/_2$, $^3/_4$) в зависимости от расовой принадлежности восходящих родственников: отца, матери, деда, бабки, прадеда, прабабки и т. д.

Кроме того, закон устанавливал общую норму, узаконявшую полный произвол фашистских чиновников в деле запрещения бра-

ков. Эта норма гласила: "Брак не должен быть заключен, если от него следует ожидать потомства, представлявшего опасность в смысле сохранения в чистоте немецкой крови".

Фашистские законы установили недействительность браков, заключавшихся лицами разного социального положения, например между дворянином и крестьянкой, помещиком и работницей и т. п. Дети, родившиеся от такого брака, признавались внебрачными. Иски о недействительности таких браков предъявлялись прокурором.

По окончании войны в советской оккупационной зоне от всех этих постыдных постановлений не осталось, разумеется, и следа. В других зонах ликвидация остатков фашистского режима совершается с недопустимой медлительностью.

Изменения во французском наследственном праве. Законы 1925—1930 гг. расширили права супруга как при наследовании по закону, так и в случаях оставления наследодателем завещания.

Закон 1937 г., объединив и несколько изменив существовавшие уже ранее правила перехода по наследству неотчуждаемых семейных имуществ (закон 1909 г.) и дешевых жилищ (закон 1922 г.), установил в целях предотвращения раздела указанных имуществ, что любой из сонаследников, а также переживший супруг, если он является совладельцем указанного имущества, вправе получить это имущество в свою единоличную собственность с выплатой остальным наследникам денежной компенсации. Идя дальше по пути защиты мелкой собственности, в особенности собственности сельскохозяйственной, закон 1938 г. предоставил такое же право пережившему супругу или любому другому наследнику — совладельцу недвижимости, образующей сельское хозяйство, если он проживал в этом хозяйстве со времени открытия наследства и вел его или участвовал в его ведении.

Изменения в английском наследственном праве. Английское наследственное право было изменено в основном законами о собственности 1922—1932 гг. и законом об управлении имуществом 1925 г.

Устранив некоторые феодальные пережитки, закон о собственности 1925 г. отменил переход по наследству недвижимых имуществ в первую очередь к лицам мужского пола в порядке первородства и установил единообразный порядок наследования по закону имуществ как недвижимых, так и движимых. Закон об управлении имуществом 1925 г. определил порядок наследования по закону и урегулировал переход выморочных имуществ к государству.

На основании названных актов первое место среди наследников по закону занимает переживший супруг. В отличие от прежнего порядка, когда муж и жена находились в неодинаковом положении, в настоящее время оба супруга уравнены в правах. Пе-

реживший супруг получает предпочтительно перед всеми другими наследниками всю личную движимость и 1000 фунтов стерлингов свободными от налогов и пошлин. Кроме того, он получает в пожизненное пользование половину наследственного имущества при наличии детей и все имущество — при их отсутствии. Если нет иных наследников, все имущество поступает к пережившему супругу в собственность.

Остальные наследники призываются к наследованию по закону в следующем порядке: 1) нисходящие, 2) родители, 3) братья и сестры, 4) деды и бабки, 5) дяди и тетки. Другие родственники не наследуют по закону. Это ограничение круга наследников по закону вызвано фискальными соображениями и имеет целью расширить круг выморочных имуществ, переходящих к государству.

По закону об усыновлении 1945 г. усыновленные сохраняют право наследования после своих родственников по происхождению и не приобретают наследственных прав после лиц, их усыновивших. Закон об узаконении внебрачных детей 1926 г. предоставляет детям, узаконенным посредством последующего брака родителей, право наследования всякого имущества (но не титулов). Остальные внебрачные дети также впервые допущены к наследованию на основаниях, установленных для детей, рожденных в браке, но только после матери, если притом у нее нет детей от законного брака. В имуществе отца эти внебрачные дети по-прежнему правом наследования по закону не пользуются.

Характерной чертой английского права является принятая в нем неограниченная свобода завещаний. Этот порядок твердо укрепился в английском праве, и все попытки ввести ограничения в свободу завещаний терпели неудачу. Только в 1938 г. был принят закон об обеспечении семьи, установивший определенные гарантии в пользу членов семьи умершего: пережившего супруга, несовершеннолетних или нетрудоспособных сыновей, несовершеннолетних или незамужних дочерей. Если этим лицам не обеспечено по завещанию нормального содержания, суд вправе установить в их пользу ежегодные платежи либо единовременную выплату за счет наследственного имущества (при стоимости такового не выше 2000 фунтов стерлингов). Это — ограничение свободы завещательных распоряжений, но не в форме установления обязательной доли, а в форме признания права на получение пособия либо алиментов за счет имущества умершего.

Изменения в наследственном праве США. В США можно проследить аналогичные изменения в законодательстве отдельных штатов. В большинстве штатов унификация порядка наследования движимого и недвижимого имущества была закончена уже давно. Однако в отдельных штатах сохранялся еще особый порядок для наследования земель с переходом их по закону к более

молодым наследникам предпочтительно перед более старыми, в частности к братьям и сестрам преимущественно перед родителями. В настоящее время эти различия исчезли. В штате Нью-Йорк единообразный порядок наследования для всех видов собственности принят по закону 1929 г.

Однако наследование в США сохраняет то существенное отличие от наследования в Англии, что в США наследуют по закону родственники без ограничения степеней родства. Таким образом, наследование нередко становится основанием приобретения имущества лицами, даже не знавшими наследодателя.

Изменения наследственного права в гитлеровской Германии. До захвата власти гитлеровцами оставался почти неизменным порядок наследования, установленный в Гражданском уложении 1900 г.

При гитлеровцах был установлен особый порядок наследования имущества крестьянского двора. Имущество двора должно было переходить по наследству по правилам, указанным в законе, но не по завещанию, обязательно в порядке единонаследия, к мужчинам преимущественно перед женщинами, и притом только к тем, кто имел право быть "крестьянином".

Закон 1937 г. объявил лишенными наследственных прав тех лиц, которые признавались утратившими германское гражданство вследствие "противообщественного поведения". По тому же закону теряли право на обязательную долю наследства те германцы, которые вступали в брак с евреями или лицами смешанной еврейской крови.

Разумеется, все эти законы утратили силу с разгромом фашизма.

§ 7. Тенденции к унификации и объединению гражданского права

Экономические основы унификации гражданского права. Из изложенного видно, что, невзирая на различие политического строя и политической истории отдельных капиталистических стран, невзирая на противоречия между ними, в развитии их гражданского права преобладают сходные черты. Эта однородность развития определяется одинаковыми для всех капиталистических стран основными экономическими чертами периода империализма.

Наряду с этим внутренним единообразием развития отчетливо проявляется стремление капиталистического мира к внешней унификации гражданского права, к устранению по крайней мере некоторых различий между гражданским законодательством различных стран, к созданию в разных государствах единообразных законов для некоторых областей гражданского права.

Эта тенденция связана с развитием мирового хозяйства, с возрастанием роли международной торговли и взаимной экономической зависимости капиталистических стран, с характерным для периода империализма развитием экспорта капиталов.

Международные конвенции в области морского транспорта. Впервые эта тенденция осуществилась в сфере морского транспорта (в области железнодорожного транспорта уже с 1888 г. действовали Бернские конвенции). Две конвенции, заключенные в 1910 г. в Брюсселе, повлекли за собой издание подписавшими эти конвенции или присоединившимися к ним впоследствии государствами однородных внутригосударственных постановлений о столкновении судов и о спасении на море.

Международные конвенции — вексельная и чековая. Почти одновременно с Брюссельскими конвенциями международная конференция в Гааге приняла (в 1912 г.) проект конвенции о вексельном праве, осуществление которой должно было обеспечить создание единообразного вексельного законодательства во всех государствах — участниках конвенции. Первая мировая война помешала ратификации этой конвенции.

В 1935 г. в Женеве ряд государств подписал конвенцию об унификации вексельного права. В соответствии с этой конвенцией (лишь с немногими допущенными ею отступлениями) каждое из подписавших конвенцию государств ввело в действие на своей территории единообразные законы о векселях.

Некоторые государства присоединились к конвенции впоследствии. Англия и США к Женевской конвенции не присоединились.

В 1931 г. была подписана Женевская конвенция о чеках, унифицировавшая чековое право подписавших ее государств. Ни Англия, ни США к этой конвенции не присоединились.

Унификация и кодификация гражданского права в капиталистических государствах. Наряду с тенденцией к унификации отдельных институтов гражданского права разных стран обнаруживается стремление к унификации и кодификации права внутри капиталистических государств.

Большое значение приобретает издание "единообразных" законов в США, где законодательство по вопросам гражданского права, кроме исключительных прав, относится к компетенции не федеральных властей, а отдельных штатов. Обусловленная этим пестрота гражданского законодательства чрезвычайно усложнила систему американского гражданского права. Отсюда движение в пользу единообразных законов, поддерживаемое и процессом последовательного ограничения политической самостоятельности штатов в пользу федеральных властей. Проекты единообразных законов вырабатываются особым комитетом из представителей отдельных штатов, а затем рассматриваются и принимаются законодательными учреждениями каждого штата в установленном кон-

ституцией порядке. В качестве единообразных законов большинством штатов были приняты законы о полном товариществе, о коммандитном товариществе, об оборотных ценных бумагах, в том числе о векселе и чеке, о купле-продаже товаров и др.

Страны, не имевшие ранее кодифицированного гражданского права, обнаруживают тенденцию к более или менее широкой кодификации своего гражданского права. Среди этих стран следует прежде всего назвать Англию. Частичной кодификацией английского гражданского права явился акт о собственности 1925 г., охватывающий, наряду с вопросами права собственности, не только отношения залога, но и некоторые обязательственно-правовые отношения в области наследования.

Другим крупным актом английского законодательства после первой мировой войны явился уже упоминавшийся нами акт 1929 г. о компаниях.

Развитие "формулярного" права. Изучаемый период отмечен усилением роли законодательства, вытесняющего значение судебного прецедента и обычного права. Наряду с этим наблюдается и явление своеобразного восполнения закона правотворчеством монополистических объединений. Монополистические предприятия, страховые общества, банки и крупные экспортные и импортные предприятия считают чрезмерно сложным, а в то же время и не соответствующим их интересам по существу обсуждение с каждым из многочисленных контрагентов условий заключаемого с ним договора. Чтобы избежать такого обсуждения, монополистические предприятия вырабатывают стандартные образцы договоров, "проформы" или "формуляры" договоров, к содержанию которых "присоединяется" контрагент, подписывающий договор с монополистом.

Позволяя монополисту без долгих и сложных переговоров навязать свою волю контрагенту, формуляры, конечно, гораздо легче закона изменяются и приспособляются к конкретным нуждам монополистов, не меняющимся в условиях общей неустойчивости капитализма.

Глава 23. СОЦИАЛЬНОЕ (ТРУДОВОЕ) ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

§ 1. Социальное законодательство до конца первой мировой войны

Возникновение социального законодательства в эпоху капитализма. В конце XVIII и начале XIX в. зарождается грозное для капитализма революционное движение пролетариата, усиливающееся по мере обнищания народных масс, роста эксплуатации, безработицы и других социальных бедствий. Это движение, первоначально выливавшееся в форму стихийных выступлений, в дальнейшем приобретало все более организованный и сознательный характер. Рабочий класс потребовал законодательного сокращения рабочего дня, обеспечения ежедневного и еженедельного отдыха, повышения заработной платы, запрещения детского труда, охраны труда женщин и подростков. Позднее было выдвинуто требование страхования за счет предпринимателей на случай безработицы, болезни, инвалидности, увечья, старости.

Под давлением революционного рабочего движения буржуазное государство было вынуждено заняться вопросами социального законодательства, встать на путь частичной регламентации условий труда, рассчитывая предотвратить этими мерами дальнейшее развитие революционного движения. Время от времени в различных странах издавались отдельные постановления, ограничивавшие продолжительность рабочего дня женщин и детей, признававшие в тех или иных пределах право стачек и рабочих коалиций.

Объединение рабочих для защиты своих экономических интересов (сперва временное, а впоследствии постоянное) привело к возникновению коллективного договора как формы регулирования условий труда.

Капиталисты враждебно отнеслись к идее коллективных договоров, видя в них покушение на "свободу" договора. Система коллективных договоров получила практическое развитие после долгой и упорной борьбы рабочего класса. Буржуазное законодательство и судебная практика вплоть до конца первой мировой войны, за редкими исключениями, не признавали юридической силы коллективного договора, несмотря на его фактическое распространение в конце XIX и особенно в начале XX в. Вследствие этого притязания рабочих, основанные на условиях коллективного договора, не обеспечивались судебной защитой.

Общая характеристика буржуазного трудового законодательства. Законодательство о труде при капитализме представляет собой одно из противоречий капиталистического строя. Общим и основным фактором, вызывающим его к жизни, является классовая борьба пролетариата. Наряду с этим действуют и другие дополнительные факторы, в частности противоречия между отдельными группами буржуазии и между буржуазией и помещиками. Пролетариат использует эти противоречия в борьбе за свои интересы.

Законодательство буржуазного государства о труде имеет двойственный характер. С одной стороны, оно является результатом успешной борьбы рабочих за частичные требования, с другой — господствующий класс стремится использовать это законодательство в целях удержания пролетариата от борьбы за свои конечные цели, от борьбы за социализм.

В большинстве случаев капиталистические законы о труде имеют узкую сферу действия, ограниченную одной или несколькими отраслями хозяйства, отдельными категориями трудящихся (например, женщины, ученики, дети) и даже отдельными районами. Иногда эта сфера шире, но даже и в таких случаях условия труда миллионов рабочих и служащих (в мелких предприятиях, в домашнем хозяйстве и др.), как правило, остаются нерегламентированными или недостаточно регламентированными. Капиталистические законы регулируют лишь отдельные условия труда (например, рабочий день, сроки договора найма), а не весь круг отношений, возникающих на почве найма труда.

Социальное законодательство в важнейших капиталистических странах до конца первой мировой войны. Первой капиталистической страной, вступившей на путь законодательной охраны труда, была Англия — страна более старого капитализма и раннего развития рабочего движения. В 1802 г. английский парламент принял закон о запрещении ночного труда приходских учеников на бумагопрядильных и шерстепрядильных фабриках и об ограничении их рабочего дня 12 часами в сутки[1]. Появлению этого закона способствовала эпидемия в фабричных общежитиях. Правящие элементы опасались ее распространения на буржуазные кварталы. В 1819 г. закон 1802 г. был распространен на всех малолетних, занятых в хлопчатобумажной промышленности. Кроме того, было запрещено применять на фабриках труд детей до 9 лет.

[1] Машинное производство сделало особенно выгодным для капиталистов применение дешевого детского труда. Английские фабриканты конца XVIII и начала XIX столетия брали на работу сирот из числа приходских учеников, находившихся на попечении учреждений призрения бедных. Администрация приходов охотно шла навстречу фабрикантам. Происходила почти официальная торговля детьми. Эксплуатация детского труда принимала вопиющие размеры.

Законы 1802 и 1819 гг. не были обеспечены надзором и в жизнь не проводились. Только в 1833 г. была учреждена фабричная инспекция для надзора за трудом детей и подростков. Закон 1833 г., принятый после бурных выступлений рабочего класса и распространявшийся на всю текстильную промышленность, ограничивал 8 часами продолжительность труда детей в возрасте 9—18 лет. Акт этот был крайне враждебно встречен предпринимателями, открывшими против него поход под лозунгом невмешательства государства в отношения труда и капитала. Предприниматели прибегали к всевозможным уловкам и ухищрениям для обхода предписаний закона.

Из актов трудового законодательства первой половины XIX в. наиболее важным был английский закон 1847 г., согласно которому продолжительность труда подростков и женщин в текстильной промышленности ограничивалась 10 часами.

Во второй половине XIX в. в Англии появлялись отдельные постановления по вопросам санитарии, гигиены, предупреждения несчастных случаев. В 1878 г. был принят общий акт о фабриках и мастерских, не менявший содержания изданных ранее правил по охране труда и ограничивавшийся кодификацией прежних законов[1].

Во Франции законодательное регулирование труда также началось с регламентации детского труда. В 1841 г. было запрещено применение труда детей до 9 лет и ночного труда детей до 13 лет. Рабочий день детей в возрасте 8—12 лет был ограничен 8 часами, рабочий день подростков в возрасте 12—16 лет — 12 часами. В 1848 г., после февральской революции, был принят закон о десятичасовом рабочем дне для всех рабочих Парижа и одиннадцатичасовом — для провинции. После июньского поражения парижского пролетариата этот закон был отменен, и 9 сентября 1848 г. был установлен двенадцатичасовой день на всех фабриках и заводах.

По степени развития трудового законодательства наиболее отсталыми в течение долгого времени были Соединенные Штаты Америки, где до самого последнего времени не существовало общих законов, ограничивающих продолжительность рабочего дня. Попытки ограничить рабочий день хотя бы для женщин и детей, делавшиеся в отдельных штатах, встречали сопротивление капиталистов, а также судов, объявлявших соответствующие постановления "антиконституционными" и, следовательно, недействительными.

По мере возникновения и укрепления международных связей в рабочем движении требования, выдвигавшиеся в отдельных

[1] В 1901 г. этот акт был подвергнут новой кодификации со включением в него различных постановлений, принятых после 1878 г.

странах в области рабочего законодательства, были включены в общую программу действий рабочего класса всего мира.

Женевский конгресс I Интернационала, состоявшийся в 1866 г., выдвинул требование восьмичасового рабочего дня и указал на значение этого требования для всей классовой борьбы пролетариата. Законодательное ограничение рабочего дня, заявил конгресс, является предварительным условием улучшения положения и освобождения рабочего класса. Требование восьмичасового рабочего дня подтверждалось впоследствии другими конгрессами Интернационала (Лозаннский 1867 г., Брюссельский 1868 г., Парижский 1889 г.), оно вошло в программу-минимум большинства европейских рабочих партий. Однако это требование, ставшее одним из боевых лозунгов рабочего движения всех стран, так и осталось неосуществленным в капиталистических условиях.

В период империализма буржуазия все чаще прибегает к использованию государственной власти для ухудшения условий труда, снижения заработной платы, запрещения стачек, разгрома рабочих организаций. Но это не означает, что в период империализма невозможна борьба за дальнейшее развитие законодательства об охране труда. В силу диалектического характера общественного развития, совершающегося в противоречиях и путем противоречий, тактика буржуазии и в этот период неоднообразна. На наступление капитала рабочий класс отвечает усилением революционной классовой борьбы, которая принимает все более острые формы. Буржуазия вынуждена маневрировать и в зависимости от политических и экономических условий сочетать политику репрессий с методами социальной демагогии.

Уже на примере Германии последней четверти XIX в. можно наблюдать характерную для периода империализма политику сочетания буржуазным государством репрессий по отношению к рабочему классу с методами социальной демагогии.

В 60-х годах в Пруссии и Саксонии, а в 70-х — по всей Германии стали возникать массовые социалистические и профессиональные организации. Германское правительство жестокими мерами старалось задушить рабочее движение. Бисмарк провел через рейхстаг исключительный закон, дававший правительству право запрещать союзы, собрания, издания, изгонять из той или иной местности политически неблагонадежных лиц, объявлять "малое осадное положение" и т. п. Закон применялся в течение 10 лет, и правительство широко пользовалось своими полномочиями, но успеха не достигло. Подавить рабочее движение не удалось. Еще в период действия исключительного закона Бисмарк пытался наряду с репрессиями использовать реформы для привлечения рабочих на сторону монархии. В 1883 г. был издан закон о страховании на случай болезни, в 1884 г. — закон о страховании от несчастных случаев, в 1889 г. — закон о страховании на слу-

чай инвалидности и старости. Этой нищенской по своему содержанию и реальному значению подачкой Бисмарк надеялся внушить рабочим веру в благожелательное и заботливое отношение правительства к рабочему классу.

Попытки дальнейших социальных реформ вызвали, однако, сопротивление со стороны Бисмарка. После его ухода в отставку в Германии был издан закон 1891 г., запрещавший работу детей до 13 лет и ограничивавший 6 часами время работы 13-летних детей и 10 часами — продолжительность труда подростков в возрасте от 14 до 16 лет и женщин. Толчком к изданию этого закона послужила крупная стачка в вестфальской каменноугольной промышленности. Закон 1891 г. увеличил персонал фабричной инспекции (в 1878 г. она была введена по всей Германии). Были учреждены посреднические промышленные суды из представителей от предпринимателей и рабочих под председательством лиц, формально не принадлежавших к сторонам спора. Вильгельм II, искавший популярности в рабочем классе, выступил даже с декларацией, в которой предлагал созыв международной конференции по вопросам законодательной охраны труда. Такая конференция действительно была созвана, но она не принесла рабочему классу никаких улучшений.

В конце XIX и начале XX в. были приняты новые законы о труде во Франции и Англии. Во Франции закон 1892 г. запретил применение детского труда до 13 лет, продолжительность рабочего дня подростков до 16 лет ограничивалась 10 часами, а подростков от 16 до 18 лет и женщин — 11 часами. Была запрещена ночная работа подростков и женщин. Закон 1900 г. установил десятичасовой рабочий день для предприятий, где взрослые работали вместе с женщинами и детьми. Закон 1905 г. ограничивал рабочий день на подземных работах 9 часами.

В Англии закон 1908 г. установил продолжительность рабочего дня в угольной промышленности в $8\ ^1/_2$ часа. Появились законы об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими на производстве (законы 1880 и 1906 гг.)[1]. В 1911 г. было введено частичное обязательное социальное страхование на случай болезни, инвалидности, материнства и безработицы.

В Англии, как и в Германии, законы о социальном страховании не удовлетворяли основных требований рабочего класса. Они не охватывали всех случаев потери заработка и распространялись не на всех работающих по найму. Размер пенсий и пособий был незначителен. Большая часть расходов по социальному страхованию ложилась на самих рабочих. Рабочие были лишены самоуправления в органах социального страхования.

[1] Во Франции закон об ответственности работодателей за несчастные случаи был издан в 1898 г.

Во время первой мировой войны действие законов об охране труда в воюющих и в большинстве нейтральных стран было приостановлено. Широко применялись методы прямого принуждения к труду, женщины и дети принуждались к выработке самых вредных и опасных ядовитых веществ и к ночной работе. Специальными правительственными актами были объявлены недействительными статьи законов, ограничивавшие применение и продолжительность сверхурочных работ, а также детского и женского труда. Стачки были строго запрещены.

§ 2. Социальное законодательство после первой мировой войны

Социальное законодательство в период послевоенного кризиса. В первые годы после войны 1914—1918 гг. Европа была охвачена сильнейшим революционным подъемом, в огромной степени связанным с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Перед этим революционным шквалом, грозившим смести самые основы капиталистического строя, буржуазия вынуждена была усиленно маневрировать и идти на сравнительно большие уступки рабочему классу.

В Германии закон 1918 г. предусматривал введение восьмичасового рабочего дня для промышленных рабочих, а закон 1919 г. — и для служащих. В ряде стран были изданы законы о рабочих советах (фабзавкомах) и коллективных договорах. Последним придавалась юридическая сила, и, следовательно, им должна была оказываться судебная защита. Однако в законодательстве оставлялись лазейки для обхода условий коллективного договора. По германскому закону условия коллективного договора были обязательны только для членов профессионального союза, заключившего договор, или для тех лиц, которые, не будучи членами этого профсоюза, при поступлении на работу специально оговорили распространение на них условий коллективного договора. При отсутствии такой оговорки допускалось установление "по соглашению" с рабочими худших условий по сравнению с коллективным договором. Французский закон 1919 г. не только ограничивал сферу действия коллективного договора членами профсоюза, заключившего договор, но и обусловил распространение коллективного договора на членов союза их личным согласием. Это означало, что если отдельное лицо прямо или косвенно заявит о своем несогласии с коллективным договором, последний на него не распространяется. Такого рода "волеизъявления" могли исходить от подкупленных или спровоцированных рабочих, которых капиталисты и их наймиты использовали для подрыва организованной борьбы пролетариата и для внесения дезорганизации в его ряды.

Капиталисты прилагали все усилия к тому, чтобы превратить коллективный договор из орудия классовой борьбы в орудие умиротворения и разоружения рабочего класса, сделать его гарантией "классового мира", закрепить с его помощью невыгодные для рабочих условия труда. В этом деле неоценимые услуги капиталистам оказывали реформистская профбюрократия и социал-демократическая верхушка, применявшие тактику уступок предпринимателям, тактику примиренчества, а нередко и прямого предательства интересов рабочих. Напротив, коммунисты и революционные деятели профдвижения использовали коллективный договор как серьезный фактор улучшения положения рабочих и одновременно как средство мобилизации пролетарских масс на революционную борьбу за социализм.

Наступление капитала на рабочий класс. Частичная стабилизация капитализма сопровождалась бешеным наступлением капитала на жизненный уровень и социальные завоевания рабочего класса. В Германии после подавления революционного выступления рабочих (1921 г.) был издан закон, допускавший увеличение продолжительности рабочего дня сверх установленной нормы. Это означало отмену восьмичасового рабочего дня. Были ухудшены условия социального страхования. Вместо обеспечения по безработице за счет общегосударственных средств, введенного законами 1918 и 1919 гг., устанавливалась система обязательных взносов рабочих и работодателей, чем возлагалось на рабочих новое бремя. В 1930—1933 гг. в обстановке мирового хозяйственного кризиса последовало дальнейшее ухудшение социального страхования в Германии: был значительно ограничен круг застрахованных, снижен размер пособий по безработице, увеличена доля рабочих в покрытии расходов на обеспечение, введен особый сбор с застрахованных при каждом обращении к врачебной помощи, урезывалось право членов семьи застрахованного на обеспечение по всем видам социального страхования. В Англии в 1931 г. также было проведено ухудшение социального страхования путем ограничения круга застрахованных, сокращения размера пособий по безработице и увеличения уплачиваемых рабочими страховых взносов. Еще до наступления мирового кризиса, в 1927 г., вскоре после того, как английской буржуазии с помощью тред-юнионистских лидеров и государственной власти удалось сломить крупнейшую стачку английских углекопов, парламент принял реакционный закон о трудовых конфликтах и профессиональных союзах. Под страхом уголовной ответственности закон запретил всеобщие стачки, стачки солидарности и предоставил судебным властям право признавать незаконной любую экономическую стачку, "...если она предпринята с целью принуждения правительства или устрашения общества или значительной части общества". Закон дал возможность самого широкого толкования понятия "устрашения" и фактиче-

ски отдал профессиональные союзы в неограниченную власть судам. Закон взял под защиту штрейкбрехеров, запрещая исключение их из союза, ограничил право расстановки пикетов (постов, предупреждающих рабочих о происходящей стачке), давая возможность и это мирное мероприятие подводить под понятие "устрашения". Было запрещено производить отчисления от членских взносов на политические цели без наличия особого заявления каждого члена профсоюза о своем согласии на это. Таким образом, закон 1927 г. ликвидировал то, что в течение столетия считалось в Англии бесспорным правом рабочих.

В 1937 г. в Англии после длительной парламентской волокиты был утвержден новый фабричный закон, заменивший закон 1901 г. Вместо того чтобы привести правила охраны труда в соответствие с изменившимися производственно-техническими условиями, закон 1937 г. повторил устаревшие правила прежнего закона и отчасти даже ухудшил положение рабочих по сравнению с ним. Многие предписания закона 1937 г. сопровождаются такими оговорками, которые сводят на нет эти предписания. Например, предусматривая устройство умывальников, сушилок и раздевалок для рабочих, закон добавляет: "если это возможно". В законе не установлены меры по улучшению техники безопасности в шахтах. Обязанность нанимателя отводить рабочим место для принятия пищи предусматривается только для предприятий, занятых переработкой сырья, содержащего ядовитые вещества. Разрешается сверхурочная работа женщин и подростков без обязанности предпринимателя дополнительно оплачивать сверхурочное время.

Фашистское законодательство о труде. Жесточайшие формы приняло наступление капитала на рабочий класс в тех странах, в которых к власти пришли фашисты. Германские и итальянские фашисты уничтожили все, что было завоевано рабочими в области труда, отменили все законы, облегчавшие положение рабочих и дававшие им возможность организоваться для защиты своих интересов, поставили трудящихся в полную и безоговорочную зависимость от предпринимателей. Профессиональные союзы и фабзавкомы были разгромлены и ликвидированы, страховые кассы разграблены и опустошены. В Германии были отменены коллективные договоры. В Италии они формально сохранялись, но заключение их стало монополией фашистских синдикатов, в которые насильно загоняли рабочих и обязанность которых сводилась к поддержке мероприятий капиталистов и в насаждении каторжной дисциплины труда.

Гитлеровский закон об организации национального труда объявил капиталистов "вождями", а рабочих и служащих — их "сопровождением" или "свитой", обязанной верностью и слепым подчинением "вождю". Таким образом, не сохранялась даже видимость договорной свободы и формального равенства сторон. Ка-

питалистам предоставлялось право единолично устанавливать условия труда, по своему усмотрению решать вопросы оплаты труда, норм выработки, внутреннего распорядка и т. п. Закон 1938 г. уполномочивал предпринимателей удлинять рабочий день до 14 часов без дополнительной оплаты, а при непрерывных работах до 16 часов. Для подростков был установлен десятичасовой рабочий день. В предприятиях, имеющих общественное значение, разрешалась отмена воскресных и праздничных дней. Труд в гитлеровской Германии принял явно принудительный характер. В широких масштабах применялась трудовая повинность, служившая целям захватнической войны. Германия покрылась сетью "трудовых лагерей", в которых от непосильного труда изнывали миллионы людей. В особенно бесчеловечные условия были поставлены иностранные рабочие, насильственно или обманом ввозившиеся из разных стран в Германию. К ним применялся каторжный режим с телесными наказаниями и даже смертной казнью за малейшие проступки.

Национальная и расовая дискриминация. Составной частью политики современного империализма является национальная и расовая дискриминация. Одним из проявлений этой дискриминации является широко распространенная в капиталистических странах дифференциация оплаты и других условий труда по национальным и расовым признакам. Наряду с этим применяется дифференциация по полу и возрасту. В капиталистических странах, по общему правилу, цветные рабочие получают значительно меньшую заработную плату, чем белые, за одну и ту же работу и притом нередко при более продолжительном рабочем дне; женщины и дети — меньшую, чем взрослые мужчины.

Эта дифференциация не только обеспечивает капиталистам дешевые рабочие руки женщин, детей, цветных рабочих, но и облегчает снижение жизненного уровня остальных рабочих. Она приводит к ослаблению классовой солидарности пролетариата.

Борьба рабочего класса капиталистических стран за улучшение условий труда. Коммунистические партии и революционные профсоюзы во всех капиталистических странах противопоставляли и противопоставляют наступлению капитала и реакции единый фронт трудящихся. Там, где эти усилия имели успех, где побеждали демократические силы, были проведены важные для рабочего класса реформы в области трудового законодательства. В 1936 г. правительство Народного фронта во Франции приняло закон о 40-часовой рабочей неделе, минимуме заработной платы, оплачиваемых отпусках, рабочем представительстве (выборные рабочие делегаты на предприятиях). Был издан новый закон о коллективных договорах, устранявший ряд недостатков закона 1919 г. Однако с распадом Народного фронта пришедшее к власти реакционное правительство Даладье аннулировало эти законы. 40-ча-

совая неделя была заменена 60-часовой, отменены коллективные договоры и права рабочих на оплачиваемые отпуска.

Жестокая и реакционная политика в области труда проводилась после разгрома Франции и прихода к власти предательского "правительства" Виши.

30-е годы XX в. ознаменовались сдвигами в области трудового законодательства США, где под давлением рабочего класса было издано несколько прогрессивных законов. Прогрессивным элементам удалось, наконец, преодолеть сопротивление Верховного суда, который в 1937 г. отступил от своей традиционной позиции и признал закономерность постановлений об ограничении продолжительности рабочего дня и установлении минимума оплаты женского и детского труда. Президент Рузвельт провел ряд законов, признававших право стачек, право рабочих на организацию профессиональных союзов и на заключение коллективных договоров с предпринимателями. Для значительной части рабочих была введена 40-часовая рабочая неделя, издан федеральный закон, предусматривающий пенсии по старости и пособия по безработице.

Однако целый ряд категорий рабочих и служащих остался вне сферы социального страхования. Пенсии по инвалидности не были предусмотрены. Был введен налог на рабочих и предпринимателей для образования фонда на выплату пенсий, размер налога установлен одинаковый для тех и других. Для получения пособий и пенсий, помимо достижения 65-летнего возраста и других условий, требуется устанавливаемый отдельными штатами стаж оседлости в одном штате (продолжительностью до 5 лет в течение последних 9 лет).

Хотя законодательство Рузвельта о профессиональных союзах содержит ряд оговорок и допускает множество исключений и отклонений, все же оно по сравнению с прошлым было известным шагом вперед. Естественно, что реакционные круги американского монополистического капитала всячески стремятся повернуть дело вспять. Борьба против законодательства Рузвельта проводится как путем непрекращающихся атак в законодательных органах, в публичных выступлениях, в процессе избирательных кампаний, так и путем практического нарушения и саботажа предписаний законов; предпринимаются многочисленные попытки добиться через суды отмены заключенных коллективных соглашений под самыми разнообразными предлогами. Эта борьба особенно усилилась после окончания войны.

В 1946 г. в конгресс США был внесен законопроект, предусматривавший право правительства требовать прекращения забастовок под страхом уголовного наказания для руководителей профсоюзов и участников забастовки в виде тюремного заключения и крупного штрафа. Законопроект предоставлял президенту право призывать на военную службу бастующих рабочих. Только еди-

нодушный отпор рабочего класса и негодование всех прогрессивных слоев американского народа предотвратили утверждение Президентом Труменом другого, внесенного ранее и одобренного сенатом антирабочего законопроекта Кейза, предусматривавшего штраф в сумме 10 тысяч долларов и тюремное заключение до 20 лет для лиц, "препятствующих ходу производства и торговли". Эта формулировка допускала самое широкое толкование и открывала возможность применения жестоких судебных репрессий по отношению к любому участнику забастовки.

В 1947 г. в конгресс был снова внесен ряд антирабочих законопроектов, имевших целью нанести удар профессиональным союзам, ослабить позицию рабочих в борьбе против монополистического капитала, развивающего наступление на жизненный уровень рабочего класса.

Как уже указывалось выше, в июне 1947 г. был издан реакционный антирабочий закон Тафта-Хартли. Закон запрещает профессиональным союзам заключать коллективные договоры в масштабе целой отрасли промышленности, препятствует профессиональным союзам руководить работой своих местных организаций при заключении ими коллективных договоров с отдельными предпринимателями, предусматривая в таких случаях судебное преследование против профессиональных союзов, ограничивает право забастовок и запрещает систему "закрытых цехов", т. е. преимущественного приема на работу членов профессиональных союзов. Наконец, закон Тафта-Хартли отказывает в признании права вести переговоры о коллективном договоре за профессиональным союзом, если среди его активистов имеются коммунисты или "лица, в отношении которых можно разумно предположить, что они являются коммунистами или сочувствуют коммунизму". Таким образом, закон направлен на изгнание из профессиональных союзов всех прогрессивных элементов.

Глава 24. УГОЛОВНОЕ ПРАВО (1917—1947 гг.)

§ 1. Общая характеристика

Усиление репрессий. В системе буржуазного права уголовное право занимает особое место. В руках капиталистического государства оно является одним из острейших орудий политической борьбы со всеми передовыми силами, представляющими опасность для эксплуататорских классов. Разделы уголовных кодексов, посвященные имущественным преступлениям, суровыми мерами охраняют неприкосновенность "священной" частной собственности.

Располагая столь сильными средствами политической борьбы, как смертная казнь, тюрьма, каторга, ссылка и т. п., империалистические государства все эти меры уголовной репрессии все в большей степени направляют не только и не столько против уголовных преступников, сколько против коммунистов, революционных рабочих, деятелей рабочих и демократических организаций и антифашистов.

Превращение уголовного права в орудие политической борьбы возможно при условии все большего — маскируемого или откровенного — отказа от буржуазно-демократических принципов, принятых в уголовно-правовой программе буржуазии еще на заре развития капитализма идеологами нового класса, хотя и формально, но все же положенных в основание уголовных кодексов буржуазии.

Вырастает в период империализма роль уголовного права как острого орудия политической борьбы и в колониях. Здесь возникает и растет революционное и национально-освободительное движение. Борьба за сохранение и расширение колоний является одной из существеннейших особенностей империализма. В системе мер подавления революционного и национально-освободительного движения в колониях и подмандатных странах одно из первых мест отводится уголовной репрессии.

Политика усиления репрессии распространяется и на общеуголовные преступления, в особенности на имущественную и рецидивную преступность. Общеуголовная преступность в период империализма характеризуется ее систематическим количественным ростом и ростом рецидивной и профессиональной, в том числе организованной, преступности. Так называемая "организованная преступность" — это преступность имущественная. Убытки, которые она причиняет имущим классам, ежегодно достигают мно-

гих миллиардов долларов, франков, марок и т. д. Это обстоятельство побуждает господствующие классы усиливать репрессию и против общеуголовных, главным образом имущественных, преступлений. Однако все большее сращивание в некоторых странах преступных организаций с государственным аппаратом на почве дележа грандиозных "прибылей" от преступлений, а также на почве использования преступных банд в качестве штрейкбрехеров во время забастовок или в качестве аппарата насилия во время выборов и других политических событий, обращает острие жестоких законов об имущественных преступлениях на случайных преступников и на мелких, неорганизованных воришек.

Империалистические государства переходят в области наказаний ко все более жестоким и бесчеловечным методам расправы. Вводятся такие калечащие человека физически и влекущие его духовный распад меры наказания, как кастрация и стерилизация. Восстанавливается кое-где розга для несовершеннолетних преступников. Снова входит в обиход пожизненное тюремное заключение. Тюрьма фашизируется, становится орудием физического и духовного калечения и уничтожения заключенных.

Рост уголовного законодательства. Возрождение реакционных школ в науке уголовного права. В связи с характерным для эпохи империализма усилением аппарата репрессии растет и расширяется уголовное законодательство. Десятки новых уголовных кодексов, поток исключительных (террористических) законов, направленных против революционного движения, рост военно-уголовного законодательства и законов в защиту внешней безопасности империалистических государств, тюремное законодательство — все это характеризует в области уголовной репрессии империализм после первой мировой войны.

В этих условиях оживают реакционные направления (школы) в науке уголовного права.

Уголовно-правовая мысль последнего времени отличается в капиталистических странах теоретическим убожеством и бесплодием, отсутствием оригинальных и самостоятельных идей, не говоря уже о полном отсутствии каких-либо новых, передовых теорий.

Характерное для рассматриваемого периода уничтожение господствующими классами или сведение ими на нет последних остатков буржуазной демократии находит в теории уголовного права свое выражение в беспринципном приспособлении к новым политическим условиям старых реакционных школ, отказывающихся от буржуазно-демократических принципов или ограничивающих действие этих принципов в применении к уголовному праву.

Эти школы, в свое время оказавшиеся из-за своей реакционности не в состоянии завоевать себе какое-либо практическое применение, в новое время начинают оказывать все большее вли-

яние на уголовное законодательство буржуазных стран и дают "теоретическую" базу для фашистского уголовного законодательства.

Это относится прежде всего к социологической школе уголовного права — школе, возникшей в 90-х годах XIX в. вместе с империализмом и выражавшей в области организации уголовной репрессии требования реакционных слоев буржуазии. В уголовных кодексах Дании 1932 г., Швейцарии 1937 г., в фашистском Итальянском уголовном кодексе 1930 г., в Уголовном кодексе Кубы идеи этой школы в той или иной степени получают законодательное признание и осуществление. Эти же идеи были широко восприняты гитлеровским фашизмом. С их помощью гитлеровцы пытались "теоретически" обосновать и заточение сотен тысяч рабочих, революционеров и антифашистов в концентрационных лагерях без предъявления обвинения и без срока, и издание в 1933 г. кровавого "Закона об опасных привычных преступниках", который ввел террористические меры расправы.

В рассматриваемый период оказывает влияние на уголовное законодательство капиталистических стран и другая столь же реакционная школа уголовного права — антропологическая, пытавшаяся объяснить явления преступности врожденными особенностями отдельных индивидуумов, якобы еще во чреве матери обреченных на совершение преступлений и поэтому неисправимых.

Под влиянием этой школы в ряде американских штатов (Калифорния, Канзас, Мичиган, Висконсин) вводится стерилизация, т. е. хирургическая операция, лишающая оперированного возможности иметь потомство. Ее же влиянием объясняется издание в Дании законов 16 мая 1934 г. и 11 мая 1935 г., давших судам право в некоторых случаях выносить постановления о принудительной кастрации лиц, виновных в особо опасных половых преступлениях и признанных неисправимыми. Предлагавшиеся антропологической школой варварские мероприятия (пожизненное тюремное заключение, ссылка в необитаемые местности, кастрация и стерилизация) вполне отвечали каннибальским потребностям гитлеровского фашизма в не ограниченной никакими законами кровавой репрессии. В частности, они были осуществлены фашистами введением в 1938 г. кастрации осужденных за половые преступления. Предложения антропологической школы осуществляли гитлеровские "суды" и по делам о наследственном здоровье — эти филиалы гестапо, приговаривавшие к стерилизации сотни тысяч людей, виновных лишь в том, что их заподозрили в несочувствии фашизму. Предлогом служило признание их якобы "неспособными производить биологически полноценное потомство".

Внесудебная репрессия. Усиление аппарата репрессии и выросшая роль уголовного права как орудия политической борьбы не могли все же полностью удовлетворить потребности господ-

ствующих классов империалистических стран в расправе с враждебными им силами.

Ленин писал еще в 1901 г.: "Нет физической возможности тянуть к ответу за отказ от работы, за стачку, за "скопище" тысячи и десятки тысяч людей. Нет политической возможности устраивать в каждом таком случае судебное разбирательство, ибо как ни подстраивай состав суда, как ни кастрируй гласность, все же хоть тень суда останется и, конечно, — "суда" не над рабочими, а над правительством. И вот уголовные законы, изданные с прямой целью облегчить политическую борьбу правительства с пролетариатом (и в то же время прикрыть ее политический характер посредством "государственных" соображений об "общественном порядке" и т. п.), неумолимо оттесняются на задний план прямой политической борьбой, открытой уличной схваткой. "Правосудие" сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам"[1].

Это явление, установленное Лениным применительно к "правосудию" царской России, оказалось общим для всех капиталистических стран и приняло особенно резкие формы после первой мировой войны. В эту эпоху судебная репрессия, как ни была она огромна по размерам и жестока по характеру, отступила, несмотря на свой размах, далеко на задний план по сравнению с ростом внесудебного террора. Количество рабочих, революционеров, антифашистов, убитых в порядке голой расправы, росло в таких размерах, что оно все более превосходило продолжавшее расти количество казненных по суду. Дело дошло до того, что накануне второй мировой войны число казненных по суду не превышало в среднем 2% числа убитых в порядке внесудебной расправы. События, происходящие после второй мировой войны в Греции, Китае и других странах, показывают, что повсюду, где сохранились реакционные режимы или где имеет место реакционное влияние империалистических стран, белый террор продолжает оставаться одним из орудий политической борьбы со всеми свободолюбивыми и демократическими силами. Не лишен характера политической расправы и так называемый "суд Линча" в США. Несмотря на призывы демократических деятелей и на осуждение его народными массами, линчующие продолжают оставаться безнаказанными, и фактически суд Линча является легализированным. Фактически легализированным является в США и ку-клукс-клан, организация фашиствующих политических гангстеров.

Основные тенденции уголовного права после второй мировой войны. Разгром гитлеровского фашизма героической Советской Армией вызвал рост демократических сил в капиталистичес-

[1] *Ленин В. И.* Соч. Т. IV. С. 116.

ких странах. Он вызвал и повсеместный рост влияния коммунистических партий. Эти важнейшие политические результаты второй мировой войны уже получили некоторое отражение в уголовном законодательстве многих стран. Однако влияние роста демократии далеко не повсюду одинаково.

С одной стороны, этот рост послужил основанием для реакционных кругов начать новую борьбу за издание антидемократических и антирабочих законов. Достаточно в качестве примера указать на частично увенчавшиеся успехом попытки американских реакционеров установить суровые меры репрессии против забастовочного движения. С другой стороны, в странах, где под влиянием исторических побед Советской Армии установилась демократия нового типа, началось развитие и нового уголовного права, направленного на охрану мерами репрессии завоеваний демократии, в частности на наказание гитлеровских агентов, коллаборационистов и приверженцев фашизма.

Необходимо, наконец, отметить создание в результате разгрома фашистской Германии первых серьезных зачатков международного уголовного права, в одной пока еще области — в области наказания главных военных преступников. Международным уголовным законом является Устав Международного военного трибунала, к подсудности которого относятся такие преступления главных военных преступников стран, как преступления против законов и обычаев войны, преступления против человечности и др.

§ 2. Уголовное законодательство

Уголовные кодексы. После первой мировой войны и до нашего времени было опубликовано довольно много новых уголовных кодексов и проектов таких кодексов. В разных странах были изданы новые или коренным образом пересмотрены действующие военно-уголовные законы.

Большинство новых уголовных кодексов (исключая, конечно, фашистские) продолжает формально декларировать буржуазно-демократические принципы, сочетая их в большей или меньшей степени с осуществлением идеи реакционной социологической школы, в особенности в области наказания. Целый ряд уголовных кодексов наряду с мерами наказания вводит и так называемые "меры безопасности", назначаемые или независимо от совершения преступления (для привычных преступников, бродяг, нищих и др.), или в дополнение к мерам наказания (так называемое "превентивное заключение" после отбытия срока наказания для половых и других преступников), или в качестве самостоятельной меры "вместо" наказания. Многие из уголовных кодексов предусматривают новые составы преступления, относящиеся главным образом

к преступлениям против существующего строя, против внешней безопасности государства, против порядка управления и т. п.

Исключительные законы. Не уголовные кодексы служат, однако, главным образом террористическим задачам империалистических государств. Эту цель осуществляют так называемые исключительные законы, издававшиеся после первой мировой войны в целом ряде государств и открыто направленные против революционного движения, против компартий, против рабочих организаций левых профсоюзов, против прогрессивной печати.

Законы, о которых идет речь, получили название "исключительных законов" по разным основаниям: либо потому, что они издавались нередко во внеконституционном порядке, т. е. иными словами, с нарушением основных законов государства, либо потому, что они по своему содержанию противоречат действующим основным законам и, следовательно, по существу являются противозаконными, либо потому, что они в противоречие с принципами формального равенства ставят в исключительное по тяжести репрессии положение целые группы граждан, либо потому, что они открыто направлены против революционного движения, против антифашистских деятелей, либо, наконец, потому, что они используют в контрреволюционных целях исключительные по своей тяжести и не предусмотренные законами меры репрессии.

Итальянский исключительный закон 1926 г. "О защите государства" ввел смертную казнь, отмененную в Италии за 27 лет до издания этого закона, за ряд политических преступлений и создал чрезвычайный трибунал для охраны государства с применением в нем процессуальных законов военного времени.

Японский исключительный закон 1923 г. "О распространении ложных слухов" установил: "Кто подстрекает через печать, письмо или каким-либо иным путем к совершению насилий, бунта или других уголовно наказуемых действий, угрожающих жизни, здоровью или имуществу других лиц, или кто измышляет какие-либо опасности для общественного мира с целью нарушить общественное спокойствие и безопасность, или кто распространяет ложные слухи с целью ввести в заблуждение народ — наказывается каторгой или тюрьмой на срок до 10 лет или штрафом до 3000 иен". Этот закон был в 1925 г. заменен другим исключительным законом "Об охране общественной безопасности", направленным главным образом на подавление коммунистического движения. Он еще более расширил круг действий, признававшихся преступлениями против государственного строя Японии или против частной собственности, и установил за них жестокие меры репрессии.

Исключительный характер носит утвержденный в ноябре 1934 г. в Англии "Закон о внесении смуты", карающий тех, "...кто с умыслом и намерением будет пытаться отвратить кого-либо из лиц, принадлежащих к войскам его величества, от исполнения

их долга или поколебать их верность его величеству", а также тех, кто хранит документы (письменные или печатные), распространение которых в войсках составило бы указанное выше преступление.

Число аналогичных исключительных законов велико. Таковы еще, например, законы, прямо или косвенно направленные против коммунистических партий: в Австрии — закон 1933 г., запретивший всякую деятельность коммунистической партии; в Аргентине — закон 1939 г., запретивший легальное существование компартии; в Бельгии — закон 1934 г. о соучастии в воинских преступлениях, о наказании за публичное возбуждение, систематическую пропаганду и т. п.; в Германии — "Закон о защите республики" 1922 г. и "Закон для защиты республики и умиротворения страны" 1930 г., не говоря уже о многочисленных исключительных законах гитлеровцев; в Греции — закон 1929 г., заставивший коммунистическую партию уйти в подполье, и заменивший его закон 1933 г. "О мерах борьбы с коммунизмом и с его последствиями", еще более усиливший репрессии; в Румынии — закон 1937 г., хотя и не называвший прямо компартию, но фактически имевший ее в виду; в Польше — закон 1938 г., предусматривавший преступления против обороны государства, против национального хозяйства, независимости государства, публичного порядка; в Финляндии — исключительный закон 1939 г. и многие другие.

Из числа исключительных законов, направленных против стачек, достаточно указать на английский закон 1927 г., получивший прозвище "Хартии штрейкбрехеров"; австрийский закон 1933 г., запретивший под страхом наказания все стачки, не имеющие своей исключительной целью улучшение условий труда, и, кроме того, независимо от их цели, какие бы то ни было стачки в предприятиях, находящихся в ведении союзного правительства или местных органов самоуправления, в предприятиях транспортных и связанных с ними, в предприятиях, снабжающих газом, водой или электричеством, а также во всех вообще предприятиях, "особо важных с точки зрения общественных интересов"; датский закон 31 января 1933 г., запретивший на год стачки, и др.

Из антистачечных законов США следует отметить закон Хоббса, карающий тюремным заключением на срок до 20 лет за "вмешательство в торговлю между штатами" и направленный против бастующих рабочих (как мешающих такой торговле), и упоминавшийся выше закон Тафта-Хартли 1947 г.

Законы против покушений на внешнюю безопасность государства. Подготовка капиталистических стран к новым империалистическим войнам, носившая особенно агрессивный характер в странах фашистской тирании, вызвала как в этих странах, так и в странах, которые могли стать жертвой агрессии, оживленную деятельность по изданию специальных законов, направленных на

защиту внешней безопасности государства, в особенности законов против шпионажа.

Не только крупные империалистические страны, но и малые государства, которые в той или иной мере могли быть втянуты в войну, лихорадочно пересматривают свое законодательство о внешней безопасности государства, расширяют составы одних преступлений, вводят другие, новые составы, предоставляют своим правительствам исключительные, в ряде случаев не предусмотренные конституциями полномочия по борьбе с преступлениями против внешней безопасности и усиливают меры наказания за такие преступления.

В особенности расширяется во всех этих законах понятие шпионажа. Учитывая решающую роль экономики в ведении современных войн, новые законы направлены на возможно более широкий охват понятием шпионажа всякого рода сведений экономического характера.

Из числа составов преступлений, получивших развитие в законодательстве нового времени и направленных против внешней безопасности, следует отметить так называемую "дипломатическую измену", т. е. действия во вред своему государству с использованием своего служебного положения со стороны членов дипломатического корпуса и вообще лиц, ведущих, но поручению своего правительства, переговоры с другими государствами.

В Англии первым из законов о преступлениях против внешней безопасности рассматриваемого периода следует считать "Закон о подстрекательстве к неповиновению" 1934 г., направленный против революционной пропаганды в армии и флоте. В 1939 г. в Англии издается закон "О чрезвычайных полномочиях правительства в целях обороны", установивший фактическую диктатуру правительства путем предоставления ему, по существу, ничем не ограниченного права издавать законы в форме указов "короля в совете" (т. е. имеющих силу закона постановлений кабинета министров, принятых под руководством премьер-министра и подписанных королем). В 1940 г. следует новый закон, получивший название "Закона об общественном спасении", еще более расширивший полномочия правительства и давший ему право издавать указы "короля в совете", направленные на оборону страны и налагающие оборонного характера обязанности на граждан. Этот закон даровал возможность использовать его против интересов трудящихся. Второй закон "О чрезвычайных полномочиях правительства" 1940 г. предоставил правительству право учреждать по военным соображениям особые суды для ускоренного рассмотрения дел о лицах, не принадлежащих к армии и флоту.

Изданные на основании законов о чрезвычайных полномочиях правительства указы были использованы для создания новых составов преступлений, а именно "содействия неприятелю" и "са-

ботажа" (т. е. деяний, направленных на снижение полезного действия судов, летательных аппаратов и других средств связи, машин, и т. д. или на воспрепятствование их использованию).

Необходимо, наконец, отметить новый английский закон об измене 1940 г., фактически ставший на место неотмененного закона об измене 1351 г. Широко и недостаточно определенно сформулировав понятие измены, новый закон предусмотрел за нее только одно наказание — смертную казнь.

В США в 1933 г. был издан новый закон об охране государственной тайны, т. е. о шпионаже. Закон прямо не упоминает об экономическом шпионаже, но он сформулирован столь неопределенно, что под его действие может быть подведена выдача секретных сведений любого характера.

В Германии специально против экономического шпионажа был направлен чрезвычайный указ 9 марта 1932 г. "О мерах к охране хозяйства", который ввел состав преступления — промышленный шпионаж. Фашистский закон о шпионаже 1934 г. отличался крайним расширением понятия шпионажа (так, например, наказуемым шпионажем признавалось даже "обсуждение государственных тайн прошлого времени") и расплывчатостью формулировок, открывавших неограниченные возможности судейского произвола.

Исключительной детализацией отличалась глава итальянского фашистского Уголовного кодекса 1930 г., носившая название "Преступление против личности государства как члена международного общения". В этой главе 35 статей, в которых со скрупулезной тщательностью предусматривались разнообразные действия, обычно охватываемые общепринятыми составами преступлений против внешней безопасности, как то: "подкуп гражданина иностранцем", "военное благоприятствование", "снабжение неприятеля запасами", "экономическое пораженчество", "антинациональная деятельность гражданина за границей" и т. д. Здесь же предусматривалось так называемое "злоупотребление доверием при выполнении государственных поручений", сформулированное шире, чем состав дипломатической измены. Ряд статей посвящен шпионажу. Понятие объекта шпионажа сформулировано настолько широко ("сведения, которые в интересах государственной безопасности или вообще в политических интересах государства как внутреннего, так и международного характера должны оставаться в тайне"), что они охватывали любые сведения экономического характера. В 1934 г. последовал королевский указ, содержавший подробное перечисление промышленных, финансовых и тому подобных сведений, разглашение которых рассматривалось как нарушение военной тайны.

В Польше в 1928 г. был издан специальный закон о шпионаже, каравший за передачу кому-либо "...сведений, документов и иных предметов, которые с точки зрения блага польского госу-

дарства надлежит хранить в тайне от правительства другого государства". Уголовный кодекс Польши 1932 г. также ввел дипломатическую измену (наказание — до пожизненного тюремного заключения). Декрет 1938 г. "Об охране некоторых государственных интересов" посвящен "преступлениям против обороны государства и против национального хозяйства", "преступлениям против независимости государства" и др.

Французский закон о шпионаже 1934 г. также отличается крайней детализацией состава шпионажа. В нем имеется 20 статей. Закон прямо упоминает о передаче сведений "экономического характера, важных с точки зрения защиты или экономической мобилизации национальной территории".

Таковы только наиболее крупные специальные законы нового времени, направленные на защиту внешней безопасности. Для правильной их оценки надо иметь в виду, что законы эти нередко были фактически направлены не столько против покушений на внешнюю безопасность, сколько против коммунистических партий, рабочего движения, рабочих союзов и прогрессивной печати. На основании этих законов запрещалась в ряде случаев деятельность различных рабочих организаций, запрещались и подавлялись забастовки, закрывались левые газеты и т. д.

Законы, изданные для колоний. Система колониальной эксплуатации и угнетения трудящихся масс туземного населения обеспечивается империалистическими странами наряду с внеправовыми средствами также и с помощью уголовных законов, направленных на борьбу не только с революционным и национально-освободительным движением народов в колониях, но и с малейшими попытками сопротивления колониальной эксплуатации. Репрессии в отношении трудящихся в колониях покоятся, впрочем, не столько на законе, сколько на узаконенном произволе поработителей колоний. Тем не менее и уголовные законы играют известную роль в системе террористических мероприятий империалистических государств в отношении туземного населения. Этим объясняется, что в связи с ростом революционного и национально-освободительного движения в колониях после первой мировой войны выросло уголовное законодательство, предназначенное для колоний. Колониальные уголовные кодексы, издаваемые империалистическими странами, состоят, как правило, из кодексов, применяемых только к туземцам. Европейцы судятся в колониях по законам своей страны. Если же колониальные кодексы и распространяются в отдельных случаях и на европейцев или же если для некоторых колоний изданы особые кодексы для европейцев, то все это сколько-нибудь практического значения не имеет, так как суды в колониях состоят исключительно из европейцев, которые обычно обеспечивают обвиняемым-европейцам безнаказанность независимо от того, по каким законам они судятся.

В Британской Индии, где действует Уголовный кодекс 1860 г., в новое время были изданы в добавление к нему специальные уголовные законы, справедливо называемые "террористическими". К числу их относится бенгальский чрезвычайный указ 1931 г. о борьбе с "терроризмом", направленный на борьбу с революционным движением. Указ наделил полицию широкими полномочиями по применению репрессии в отношении "политически подозрительных" элементов, предоставив, в частности, полиции право конфискации имущества и наложения коллективных штрафов на целые селения и даже районы, опасные для английских империалистов, т. е. право обрекать тысячи людей буквально на голодную смерть. Этот указ послужил основанием для закона 1932 г., объявившего всю Британскую Индию на военном положении и предоставившего военным и полицейским властям крайне широкие полномочия по применению мер репрессии. Указ 1931 г., закон 1932 г. и другие аналогичные акты фактически отодвинули судебную репрессию на задний план, предоставив внесудебной расправе основную роль в системе произвола и насилия по отношению к туземному населению.

В 1930 т. Англия издает Уголовный кодекс для Уганды, а в 1932 г. — для Кении. Как ни сурова система репрессии по этим кодексам, она в весьма слабой степени отражает действительную картину насилий, применяемых к туземцам.

Сведения об уголовном законодательстве Франции в ее колониях крайне слабо проникают даже во французскую печать. Для характеристики уголовной репрессии во французских колониях можно привести временный закон от 15 июля 1914 г. для Алжира, который французским парламентом был превращен в 1930 г. в постоянно действующий закон. По этому закону генерал-губернатор имеет право применять без всякого суда интернирование туземцев, признаваемых им "подозрительными", — на юге Алжира всегда, а в остальных алжирских провинциях во время объявления их на военном положении. На так называемой "гражданской территории" Алжира право интернирования заменено правом генерал-губернатора направлять туземцев в административном порядке в ссылку на два года в целом ряде случаев, столь неопределенно сформулированных, что любой туземец может быть без всякого труда признан подлежащим ссылке.

Заслуживает быть отмеченным "восстановление" в колониях (особенно английских) телесных наказаний, фактически всегда существовавших и теперь получивших официальное признание, санкцию закона. Этот факт прекрасно иллюстрирует пресловутую цивилизаторскую миссию империализма, о которой так много распространяются его защитники.

Законы о рецидивистах, бродягах и нищих. Исключительный рост после первой мировой войны в капиталистических стра-

нах общеуголовной преступности, в особенности имущественной и притом, главным образом, профессиональной, побуждает господствующие классы к усилению репрессии в новых уголовных кодексах и к изданию усиливающих репрессию по отдельным категориям дел специальных законов в отношении рецидивистов, а также законов против бродяг и нищих, как "носителей опасного состояния".

Наиболее откровенное и исключительное по своей жестокости усиление репрессии в отношении рецидивистов имело место в США, где в период 1928—1930 гг. в целом ряде штатов были приняты законы о повторных преступниках и преступниках, предстающих перед судом в четвертый раз. По этим законам при повторном совершении деяния, считаемого "преступлением", суд обязан приговорить подсудимого к лишению свободы на срок не ниже максимума соответствующей статьи и до удвоенного максимума. В случае совершения подсудимым четвертого преступления суд обязан приговорить его к пожизненному лишению свободы.

Специальные постановления о рецидивистах, привычных и профессиональных преступниках, в огромных размерах усиливающие репрессии для этих категорий, содержат Итальянский уголовный кодекс 1930 г., Польский 1932 г. и другие специальные законы многих стран.

Но рекорд жестокости и произвола в отношении так называемых "привычных" преступников побил германский фашистский закон 24 ноября 1933 г. "Об опасных привычных преступниках". Этот закон не ограничивается тем, что усиливает наказание за третье преступление до 5 или 15 лет каторжных работ, если суд признает, что "...преступные действия в совокупности свидетельствуют о том, что данное лицо является опасным привычным преступником", — он дает суду еще и право, "если этого требует общественная безопасность", постановить сверх того об интернировании осужденного. Интернирование же, т. е. помещение в учреждение, ничем от тюрем не отличающееся, "...продолжается до тех пор, пока оно представляется необходимым с точки зрения задач, преследуемых данной мерой безопасности". Если интернированный будет освобожден, то это "...считается лишь условной отсрочкой освобождения"; если освобожденный покажет своим поведением на свободе, что задачи, преследуемые интернированием, требуют обратного его интернирования, то суд аннулирует освобождение. Но и этим не исчерпывается каннибальская сущность закона 24 ноября 1933 г. Совершившего половое преступление и признанного "опасным для половой нравственности преступником" суд может, кроме наказания и интернирования, приговорить к кастрации.

При оценке законов о привычных и профессиональных преступниках, бродяг и нищих надо иметь в виду, что их неопреде-

ленные “каучуковые” формулировки нередко дают возможность применять эти законы не только к уголовным преступникам, но и к политическим противникам капиталистических государств. Для этого достаточно в некоторых случаях признать нежелательного для господствующих классов деятеля “опасным привычным преступником”.

Глава 25. СУД И ПРОЦЕСС (1917—1947 гг.)

§ 1. Суд и процесс в странах буржуазной демократии

Англия

Судебная система. Судьи. С внешней стороны в организации судебных органов Англии никаких существенных изменений за исследуемый период не произошло. По-прежнему существуют центральные (Вестминстерские) суды и суды местные — мировые и полицейские. Первые, известные под общим названием Верховного суда, состоят из отдельных судов, как то: а) суд королевской скамьи, б) суд уголовной апелляции, в) суд по делам о завещаниях, разводах и по адмиралтейским делам, г) суд канцлера. Высшим судом Англии продолжает оставаться палата лордов.

Так же обстоит дело с судом местным, судом мировым и судом полицейским. Их организация, как и их компетенция, осталась прежней.

Но если по своей внешней структуре английский суд не изменился, то в своей деятельности он за последние десятилетия еще более наглядно выявил свою классовую сущность и полностью отражает ту особенно яростную политику наступления на рабочий класс, которая характерна для капитализма на империалистической стадии его развития.

Независимость судей, которая так торжественно объявлялась в законодательных актах Англии, стала еще более фиктивной, чем раньше.

"Нашей судебной системе, — пишет консерватор Бальфур, — никогда не было чуждо назначение на высшие судебные должности джентльменов, о которых было известно, что они придерживаются определенных политических убеждений. Раз такова практика, то мы не имеем никаких оснований предполагать, что эти джентльмены вне сферы политической деятельности освобождаются от убеждений, которых они всегда придерживались и благодаря которым, быть может, они и поднялись до места на судейской скамье".

Это же положение констатирует и лейборист Ласки[1].

---

[1] См.: *Полянский Н. Н.* Уголовное право и уголовный суд в Англии: Очерк. М., 1937. С. 154.

Назначение судей в Англии находится в руках лорд-канцлера. Он возглавляет судебную систему, но он же входит и в состав правительства. Члены Верховного суда назначаются по его указанию и в согласии с политическими и партийными соображениями: более способного кандидата обходят в пользу менее способного, если этот последний более полезен партии, стоявшей у власти. Не меньшую роль играет тот же лорд-канцлер при составлении местных судов. Он не только назначает судей этих судов, но может по своему усмотрению и смещать их. Судьи, таким образом, делаются послушным орудием в руках правительства, политика которого для них обязательна. Начиная с 1919 г., и особенно после прихода в первый раз к власти лейбористов, время от времени мировыми судьями назначались рабочие. Но так как до сих пор существует правило, по которому должность мирового судьи не оплачивается, то занять ее может лишь тот, кто достаточно обеспечен, чтобы жить, не нуждаясь в вознаграждении. Понятно поэтому, что судьи-рабочие являются редчайшим исключением.

Процесс. Для деятельности английского суда последнего времени характерно все большее ущемление прав обвиняемого, который нередко ставится в условия, лишающие его возможности защищаться. В этом отношении особенное значение приобретают широкие права, предоставленные полиции при производстве обысков. До недавнего времени в Англии существовал порядок, при котором органы полиции, производя обыск, могли изымать только те предметы, которые были точно поименованы в выданном на право обыска ордере. Теперь это правило отменено. Агент полиции не стеснен более списком предметов, подлежащих изъятию при обыске, ему предоставлено право самого широкого усмотрения. Этот порядок рельефно выявил свои качества на процессе коммунистов, имевшем место в 1925 г. Допрошенный на суде полицейский инспектор заявил: “Я считал своей обязанностью взять при обыске все бумаги и рассмотреть их с тем, чтобы вернуть потом то, что имеет частный характер”. Это беззаконие с точки зрения английского права было санкционировано судом и получило “теоретическое” обоснование и защиту в речи премьер-министра Макдональда, а в 1934 г. — и свое законодательное закрепление. Закон против “внесения смуты в армию” уполномочивает представителя полиции войти в любое время, и притом, если понадобится, с применением силы, “...в строение или иное место и изъять все, что будет найдено в строении или ином месте или на обыскиваемом лице и в чем будет достаточное основание рассчитывать найти доказательство вышеуказанного преступления”.

К ущемлению прав обвиняемого надо отнести также упразднение большого жюри (т. е. суда присяжных) при предании суду.

С 1932 г. предание суду проводит коронный суд, который в этом отношении более удобен для классовых целей и для выполнения воли правительства, чем камера присяжных заседателей.

Все эти меры направлены главным образом на подавление революционного движения, против которого старые английские методы депрессии, несмотря на всю свою гибкость, оказываются недостаточными.

Значительные изменения в организации суда и процесса внесены были в Англии во время второй мировой войны. Сюда относятся: 1) уменьшение числа присяжных заседателей с 12, как было раньше, до 7—10 человек; 2) значительное сужение личной свободы, выражающееся в том, что для законности ареста требуется указание на наличие "достаточных" к тому оснований и только; 3) ограничение устности и непосредственности при рассмотрении дел. После капитуляции Германии в парламенте был поставлен вопрос об отмене ряда законов, изданных во время войны. Но отменены еще далеко не все ограничения военного времени, а те, которые отменены, дали возможность английским фашистам выйти на свободу и заняться своей зловредной деятельностью.

Соединенные Штаты Америки

Судебная система. Как и в Англии, никаких существенных изменений в системе судов США за изучаемый период не произошло. Здесь по-прежнему действует две системы судов — суды отдельных штатов и суды федеральные. Суды штатов состоят обычно из мировых судов, судов графств, окружных судов и верховного суда штата. Федеральные суды состоят из Верховного суда США, девяти окружных апелляционных судов, девяти окружных судов, 68 районных судов и суда тяжб.

Несмотря на то, что сколько-нибудь серьезных изменений в системе судов США не произошло, деятельность их значительно изменилась. Как и в Англии, как и во всех странах буржуазной демократии, классовая природа американской юстиции выступает в настоящее время особенно ярко.

Сужение роли присяжных заседателей. В начале изучаемого периода суды графств, а равно окружные суды, рассматривавшие дела в качестве первой инстанции, как общее правило, слушали уголовные дела с участием присяжных заседателей. Теперь присяжные заседатели приглашаются к рассмотрению дел очень редко. Специальных законов, отменяющих институт присяжных заседателей, нет, но судебная практика прочно встала на этот путь. В некоторых же штатах эта практика получила уже законодательное закрепление (например, в Калифорнии и др.). В интересах монополистического капитала гораздо выгоднее вместо присяжных иметь постоянных судей: они при всех условиях послушны и

находятся в полной зависимости от правительства, в то время как присяжные заседатели, комплектуемые, как правило, в большинстве из среды той же буржуазии, могут при известных условиях разойтись в своем решении с видами и намерениями правящей верхушки.

Судьи и избиратели. В тех штатах, где судьи выбираются, они обычно попадают в полную зависимость от политических дельцов, руководящих выборами. Так как выборные махинации (шантаж, подкуп голосов и т. п.) исключают возможность подлинно народного волеизъявления, на должности судей попадают только те, кто угоден определенным группам капиталистов. Естественно, что в своей судебной деятельности эти судьи целиком руководствуются желаниями своих "избирателей" и никакой независимостью не обладают.

Террористическая борьба судов США с рабочим классом. Ярким примером террористического характера американского "правосудия" является процесс над Томом Муни, имевший место в Калифорнии. Муни был широко известен в Калифорнии как стойкий руководитель и организатор рабочих масс. Предприниматели Калифорнии, ненавидевшие Тома Муни за его революционную деятельность, решили его "убрать". Начиная с 1912 г. было предпринято несколько таких попыток, но Муни каждый раз удавалось опровергнуть возводившиеся против него обвинения. Расправиться с Муни калифорнийским властям удалось лишь в 1917 г. Ему было предъявлено заведомо лживое обвинение в том, будто во время патриотического военного парада он бросил в толпу бомбу, которая взорвалась на улице. Муни представил неопровержимые доказательства своего алиби, однако прокурор добился для него смертного приговора. Этот приговор вызвал бурю негодования во всем мире. Под огромным нажимом рабочего класса и после долгих проволочек власти США заменили смертную казнь пожизненным заключением. 22 года томился Муни в тюрьме, и все эти годы рабочий класс неустанно добивался его освобождения. Наконец, в 1939 г. он был выпущен на свободу.

Таково истинное лицо "правосудия" демократической Америки.

Верховный суд. Особенно показательна классовая активность Верховного суда США. Этот суд вызывает обычно восхищение у буржуазных юристов. Это, по их мнению, воистину независимый, воистину несменяемый суд, который стоит на страже Конституции, охраняя ее от покушения даже со стороны конгресса. Однако беспристрастный анализ деятельности этого суда показывает, что он стоит на страже только интересов американских монополий и трестов. В 1917 г. Верховный суд объявил противоречащими Конституции законы о сокращении рабочего дня до 10 часов, в 1932 г. объявил противоречащим Конституции закон штата

Колумбия о минимуме заработной платы, в 1939 г. признал незаконными забастовки, сопровождающиеся занятием предприятий рабочими, и т. д. Таких примеров можно привести множество. И в то же время Верховный суд ни разу не признавал "не соответствующими Конституции" законы южных штатов, направленные на дискриминацию негров, хотя в Конституции такая дискриминация запрещена. Как уже отмечалось выше, он встал в резкую оппозицию по отношению к реформам Рузвельта и систематически признавал их "неконституционными".

Чтобы обуздать этот суд, Рузвельт внес в конгресс законопроект следующего содержания: "Президент имеет право довести состав суда до 15 человек путем назначения нового судьи каждый раз, когда с достижением $70^1/_2$ лет тот или иной судья не выйдет в отставку". Этот проект, как уже указывалось, не стал законом: американская реакция отстояла свое постоянное прибежище.

Франция

Французская судебная система, сложившаяся еще по закону 20 апреля 1810 г., в основном также сохранилась и действовала во весь период после первой мировой войны. Однако в эту систему были внесены некоторые "поправки", которые помогали буржуазии еще эффективней использовать суд в борьбе с революционным движением. Эти поправки выразились в следующем.

Усиление влияния прокуратуры на суд. Прокуратура во Франции всегда пользовалась широкими правами. Фактически она является монополистом в возбуждении уголовного преследования. Судья или следователь, получивший заявление о каком-либо преступлении, не имеет права принимать его к производству, а обязан передать заявление надлежащему прокурору. Даже дела так называемого частного обвинения должны по закону 2 июля 1931 г. получить санкцию прокурора для того, чтобы быть направленными в суд. Особенно велики права прокуратуры на предварительном следствии.

Широкие права прокуратуры еще больше расширились за последнее время, когда, с установлением принципа так называемой коррекционализации, прокуратура получила право изменять подсудность того или иного дела. Считая, что при данных обстоятельствах суд присяжных заседателей, которому по закону подсудно данное дело, может либо вынести оправдательный вердикт, либо установить небольшое наказание, прокуратура может, отбросив какой-нибудь признак в деянии обвиняемого, передать дело на рассмотрение коронного суда, где суровый приговор более обеспечен.

Особенно рельефно выявляются роль прокуратуры и возможность ее влияния на суд в мировой юстиции. Прокурору предос-

тавлено право ревизии мировых судей, от него зависит предоставление судьям отпусков и вообще дальнейшее продвижение их по службе. "Независимые" судьи попадают в полную зависимость от магистратуры, от чиновников министерства юстиции, какими являются прокуроры во Франции.

Фактическое сужение влияния присяжных заседателей на исход судебных дел. Все уголовные дела во Франции делятся на три категории: нарушения, проступки и преступления. Присяжные заседатели должны призываться в тех случаях, когда рассматриваются дела о преступлениях, т. е. наиболее важные дела. За последнее время это правило, формально не отмененное, фактически нарушается. О правах, предоставленных прокуратуре так называемой коррекционализацией, мы уже говорили. Этим правом прокуратура пользуется довольно широко, и поэтому присяжные заседатели все реже призываются к исполнению их обязанностей. Но прокурор не всегда может воспользоваться этим правом. Потребовалось внести некоторые изменения в деятельность присяжных. Начиная с 1932 г. они вместе с коронными судьями участвуют в установлении наказания. Авторитет судей, их умение юридически обосновать степень виновности подсудимых приводят к тому, что мнение коронных судей всегда оказывается преобладающим. С внешней стороны получается так, что присяжные не только решают вопрос о виновности и невиновности подсудимого, но получают и право влиять на характер и размеры наказания. На деле же они большей частью подчиняются коронному суду.

Сужение прав обвиняемого. Французский уголовный процесс прокламирует равенство прав сторон в уголовном деле. Однако это "равенство" все больше и больше принимает характер фикции. Ни в стадии дознания, которое нередко вытесняет предварительное следствие, ни в стадии предания суду обвиняемый или его защитник фактически не участвуют. Формально обвиняемый может иметь защитника и на предварительном следствии, но только для того, чтобы фиксировать возможные нарушения закона со стороны судебного следователя. Немногим лучше обстоит дело и в судебном заседании. Обвиняемый, желающий истребовать новые доказательства, вызвать свидетелей, пригласить эксперта и т. д., может сделать это только с разрешения председательствующего, тогда как прокурор имеет право действовать в этих вопросах по своему усмотрению; защита имеет право задавать вопросы на суде только через председателя, прокурор же в таком разрешении не нуждается; защита на суде подчинена неограниченной распорядительной власти председателя, от которого зависит в любой момент вмешаться в ее действия и делать ей замечания, прокурор от этой власти председателя освобожден — последний не может вмешиваться в действия прокурора и делать ему какие-либо за-

мечания. Можно ли при этом говорить о равноправии сторон? Сплошь и рядом, особенно на процессах политического характера, председательствующий, не реагируя на недостойное поведение прокурора в отношении подсудимого, всячески обрывает, останавливает и мешает защите выяснять существенные обстоятельства, говорящие в пользу обвиняемого.

Отказ от элементарных требований демократического принципа процесса. Гласность процесса — это, как известно, элементарное условие всякого демократически организованного суда. Четко формулирован этот принцип и во французском процессе. Однако французский суд с каждым днем все больше отступает от этого принципа. В высшей степени характерным в этом отношении является процесс над коммунистами, организованный французской реакцией незадолго до разгрома Франции гитлеровской Германией. Правительство боялось показать, что коммунистов судят только за то, что они разоблачили предательскую, изменническую политику французского правительства, широко открывавшего двери немецкому фашизму. Это дело окружили "государственной тайной" и слушали его с явным нарушением элементарных требований французского уголовного процесса при закрытых дверях. Так было легче разделаться с коммунистами.

Нередко оказывалось, что следственные органы, прокуратура и суд во Франции находились в прямой связи с преступными элементами. Например, в деле аферисты Стависского (1932 г.) были замешаны премьер-министр Пуанкаре, министр внутренних дел и другие министры, префекты полиции и сами судьи.

В высшей степени характерным для политики французской правящей буржуазии является судьба закона 7 февраля 1933 г. Этот закон, известный как закон о гарантиях личной свободы, сузил права полиции при производстве расследования уголовных дел, ограничил полномочия следователя передоверять полиции право производить отдельные следственные действия. Но не успел еще этот закон внедриться в жизнь, как он был отменен. 25 марта 1935 г. был принят новый закон, который свел на нет все эти "гарантии". Все осталось по-прежнему: полиция была восстановлена в своих правах, граждане, заподозренные в преступлении, попадали в ее безраздельное распоряжение.

Такова была французская юстиция к тому моменту, когда Франция была оккупирована немецкими фашистами.

Но и после освобождения Франции сплошь да рядом случалось, что судьи, все время войны остававшиеся на своих местах и сохраненные по ее окончании, выносили обвинительные приговоры борцам против фашизма и оправдательные — изменникам. Активные антифашисты оказывались в тюрьме по приговорам, вынесенным вишийскими судами. Демократизация французского суда является еще важнейшей проблемой, неотделимой от борьбы за демократизацию всего государственного строя.

§ 2. Суд и процесс в странах фашизма

Германия

Суд до прихода Гитлера к власти. До 1918 г. в Германии существовали: участковые суды (единоличные или с участием шеффенов), земские (окружные) суды, высшие земские (областные) суды и имперский (верховный) суд. Начиная с 1918 г. в судебную систему Германии, в связи с развернувшимися революционными событиями, вносились значительные изменения, облегчавшие использование суда для расправы над революционными элементами. В 1922 г. учреждается специальный суд для борьбы с революционерами — Государственный трибунал для защиты республики, в 1928 г. вводятся чрезвычайные суды для рассмотрения дел о революционных выступлениях. Приговоры этих судов не подлежали обжалованию. В 1931 г. были учреждены специальные суды, имевшие целью "борьбу с политическими эксцессами". Участие присяжных в рассмотрении дел резко сокращалось. В 1924 г. присяжные заседатели в земских судах были окончательно заменены шеффенами.

Фашистский суд. Фашисты, придя к власти, ликвидировали всякие остатки демократического устройства судов Германии и откровенно превратили суды в неприкрытое орудие террористической расправы. Они уничтожили всякую самостоятельность союзных правительств в управлении судами — суд был строго централизован. Руководство и надзор за деятельностью судей и назначение судей всех судов Германии перешли к компетенции имперского министра юстиции, осуществлявшего эти функции через областные управления юстиции, ему подчиненные.

Суд присяжных заседателей окончательно ликвидируется, категория дел, по которым необходимо участие шеффенов, сужается, и расширяется право суда на единоличное рассмотрение дел. Исключительные суды превращаются в нормально действующие, причем прокуратура получает право изымать дела из обычных судов и передавать их в суды исключительные. Создается особый суд, демагогически названный фашистами "народным судом"; по существу, он заменяет собой имперский верховный суд. Распоряжением министра юстиции этому суду могли быть переданы любые дела.

По делам, подсудным исключительным судам и "народному суду", предварительного следствия не требовалось, — достаточно было жандармского дознания. Процессуальный порядок рассмотрения дел в этих судах в каждом отдельном случае мог быть установлен министром юстиции. Судьи вообще освобождались от обязанности руководствоваться законом. Привлекать к ответственности можно было и за такие "преступления", которые законом

не предусмотрены: так называемое "здоровое народное чутье" объявлялось достаточным мерилом, чтобы признать человека виновным и осудить его. Судьи в каждом деле решали вопрос о том, вызывать или не вызывать свидетелей, допускать или не допускать защиту.

Следственные органы были вытеснены полицией, особенно тайной (гестапо). Свирепый террор господствовал по всей Германии: внесудебная расправа, убийства в казематах тайной полиции и охранки, заключение в концлагеря с убийственным режимом, средневековые пытки.

Такова была юстиция фашистской Германии, существовавшая вплоть до разгрома разбойничьей гитлеровской банды. Контрольный Совет по Германии восстановил судебную систему, действовавшую до захвата власти фашистами. Не восстановлен только имперский суд.

Италия

Судебная система. До прихода к власти фашистского правительства Муссолини судебная система Италии была построена по буржуазно-демократическому образцу. С установлением диктатуры фашистов итальянская судебная система составилась из следующих органов: претор (мировой судья), окружной суд (трибунал), апелляционный суд, кассационный суд, специальный суд для защиты государства и верховный суд.

Организация этих судов, их компетенция и зависимость от правительства в высшей степени характерны.

Претор выполнял не только судебные функции — он был одновременно и прокурором, и следователем по тем делам, которые ему подсудны. По своим последним обязанностям он подчинялся королевскому прокурору, который поэтому имел большое влияние на разрешимые претором дела. В любой стадии расследования дела, подсудного претору, королевский прокурор мог прекратить дело или передать его в вышестоящий суд. Смешение в одном лице функции судьи, следователя и прокурора было самым грубым издевательством над элементарным принципом правосудия, но предоставляло правительству возможность диктовать судье свою волю непосредственно.

Апелляционный суд, помимо дел, поступавших к нему по жалобам на решения нижестоящих судов, рассматривал наиболее важные дела в качестве суда первой инстанции. Эти дела слушались с участием асессоров, подбор и отозвание которых зависели от министра юстиции. Асессорами были по преимуществу члены фашистской партии. Для рассмотрения политических дел был создан специальный "Трибунал для защиты отечества". Председатель и члены этого трибунала назначались из числа высших офи-

церов армии или фашистской полиции. Приговоры этого трибунала обжалованию не подлежали. Единственным наказанием, которое применял трибунал, была смертная казнь.

Процесс. Соответственно этой организации судов было построено и судопроизводство. От председателя зависело, допускать или не допускать публику; он имел право одних допустить, других не допустить. Гарантий прав обвиняемого не существовало. Презумпция невиновности отвергалась — ее заменила презумпция виновности. Обвиняемый должен был доказать, что он не совершил преступления.

Япония

Конституционные установления и их действительное значение. Судебная система в Японии была создана Конституцией 1889 г., Положением о судоустройстве 1890 г., Уголовно-процессуальным кодексом 1923 г. и законом о суде присяжных, принятым в 1923 г., но введенным в жизнь в 1928 г. Было бы, однако, неправильно судить о японском суде по всему тому, что написано в этих документах.

Статья 75 Конституции устанавливала несменяемость судей. "Ни один судья, — значилось в ней, — не может быть отрешен от своей должности иначе, как за деяния, наказуемые по приговору уголовного или дисциплинарного суда". Вместе с тем все судьи назначались министром юстиции и оставались в этой должности, пока они удовлетворяли качествам, требуемым правящей кликой, что давало возможность устранять любого судью и по любому поводу.

Статья 53 Конституции провозглашала публичность судебного процесса, но, заявляла она далее, "если есть основание опасаться, что гласность может повредить общественному спокойствию и порядку или оскорбить общественную нравственность, то гласность судебного разбирательства может быть устранена, согласно предписанию закона или постановлению суда". Японский суд широко пользовался этим правом. В полной тайне были заслушаны сотни дел о членах коммунистической партии.

Суд присяжных. До 1923 г. в Японии не было суда присяжных заседателей; все суды состояли из коронных судей, т. е. из чиновников, назначавшихся на эти должности министром юстиции. Суд присяжных был введен в качестве уступки демократическому движению и должен был прикрывать собой террористические методы расправы с политическими противниками японского империализма. Установив суд присяжных, японская монархия нашла такое решение вопроса, которое вполне устраивало любое фашистское государство. Дело в том, что *вердикт присяжных не был обязателен для коронного суда.* Последний мог от-

вергнуть его, назначить другой состав присяжных заседателей, не согласиться с вердиктом, вынесенным и этим составом, и действовать таким образом до тех пор, пока не получался вердикт, желательный для правящей клики.

Кроме того, обращение к суду присяжных, возможное для обвиняемых по тем делам, по которым закон устанавливал наказание свыше трех лет тюремного заключения, вызывало для обвиняемого дополнительные судебные издержки, связанные с содержанием присяжных, и, кроме того, обвиняемый *лишался в этих случаях права апелляции на существо приговора*. Тем самым институт присяжных был дискредитирован, и обращение к нему было делом сравнительно редким.

Судоустройство. Японская судебная система складывается из следующих звеньев: районный суд, окружной суд, областной суд и Верховный суд империи. При каждой судебной инстанции имеется соответствующая прокуратура. Главой всей судебной системы и прокуратуры является министр юстиции.

Районный суд — низшая судебная ячейка Японии. Этот суд действует единолично и рассматривает уголовные и гражданские дела, по которым наказание не может превысить одного года лишения свободы или штрафа в сумме 300 иен.

Окружной суд действует коллегиально и в первой инстанции рассматривает дела, превышающие подсудность районного суда, а в качестве второй инстанции в порядке апелляции рассматривает дела, разрешенные районными судами.

Областной суд, как и окружной, является судом коллегиальным и апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных окружными судами в качестве суда первой инстанции. Он осуществляет также управление всеми судами области. На территории Японии таких судов было семь.

При каждом суде находится прокурор. В районном суде его функции могут выполнять полицейские чиновники, офицеры и унтер-офицеры жандармерии.

Верховный суд является высшим судом страны. Назначение этого суда — кассационный пересмотр апелляционных приговоров, постановленных областными судами. Решения Верховного суда окончательны. Как суду первой инстанции, ему подсудны дела о преступлениях, совершенных членами царствующего дома, если подсудимому угрожает тюрьма или более тяжкое наказание.

Вся эта система судов, как мы уже говорили, подчиняется единоличной власти министра юстиции, который, таким образом, получает возможность направлять их деятельность, как и деятельность прокуратуры, в соответствии с видами правительства.

Особое место в японской судебной системе занимает суд административного права, заседающий в Токио и состоящий из председателя и нескольких советников, назначаемых императором. Он

имеет своей исключительной компетенцией рассмотрение исков о незаконных действиях исполнительной власти. Организация этого суда была вызвана страхом перед тем, чтобы судебные власти не ограничили в какой-нибудь степени свободу действий администрации. Он составляется почти исключительно из чиновников министерства внутренних дел, бывших губернаторов и иных представителей чиновной бюрократии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсеньев Борис Яковлевич (ум. в 1949 г.). Специалист в области процессуального права, сотрудник ВИЮНа. В 1947 г. защитил при Московском юридическом институте докторскую диссертацию на тему "Гарантии прав личности в советском уголовном процессе". Является соавтором монографии "Рассмотрение уголовных дел. Судебное заседание и приговор" (1944 г., совместно с М. В. Кожевниковым), автором книги "Сталинская Конституция и основные вопросы уголовно-процессуального законодательства СССР" (1947 г.), ряда научных статей и учебно-методических изданий.

Артуров Олег Александрович. Специалист по государственному праву зарубежных стран, сотрудник ВИЮНа, Военно-юридической академии. Автор ряда работ по государственно-правовым проблемам зарубежных стран: "Ватикан и его политика. Лекция" (1947 г.), "Государственное право буржуазных стран" (1950 г.), "Демократическая Республика Вьетнам: Конституция, законодательные акты, документы" (1955 г.) и др.

Гуковский М. А. (ум. в 1947 г.). Сотрудник ВИЮНа. В 1941 г. защитил при МГУ кандидатскую диссертацию на тему "Национальный конвент в период Якобинской диктатуры во Франции, как орган государственной власти".

Гурвич Георгий Семенович. Специалист в области государственного права. Осуществлял научно-педагогическую деятельность в ВИЮНе, МГУ, МЮИ, Социалистической Академии (секция права и государства), Юридическом институте Прокуратуры СССР. В 1940 г. защитил докторскую диссертацию на тему "Соединенные Штаты Америки (классы, партии, государство)". В числе первых научных публикаций — «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники" (1915 г.) и "Руссо и декларация прав. Идея неотъемлемых прав индивида в политической доктрине Руссо" (1918 г.). Являлся редактором серии учебных пособий и сборников документов по государственному праву: "Политический строй современных государств. Франция" (1929 г.), "Конституции буржуазных государств Европы"(1957 г.); "Конституции государств Американского континента" (1957 г.) и др.

Денисов Андрей Иванович (1906—1984 гг.). Научную и педагогическую работу начал в Институте красной профессуры и во Всесоюзной правовой академии НКЮ СССР. В 1939—1941 гг. заведовал сектором государственного права ВИЮНа. В 1946—1955 г. являлся заместителем руководителя и руководителем кафедры государственного права и советского строительства юридического факультета МГУ. С 1956 по 1962 г. был пред-

седателем Юридической комиссии при СМ СССР. Постоянно принимал активное участие в разработке проблем законодательства, в подготовке законопроектов (в частности, в разработке проекта Конституции СССР 1977 г.), являлся председателем правовой секции Научно-методического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Совета по защите докторских диссертаций. Им опубликовано свыше 200 работ, в числе которых: "Сущность и формы государства" (1960 г.), "Народовластие и коммунизм" (1965 г.), "Методологические проблемы теории государства и права" (1975 г.). А. И. Денисов — автор и ответственный редактор ряда учебников по теории государства и права.

Дурденевский Всеволод Николаевич (1889—1963 гг.). В 1911 г. окончил юридический факультет МГУ и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1920—30-е гг. преподавал в вузах Белоруссии, Иркутска, Свердловска и др. Занимался активной практической деятельностью в качестве консультанта Наркомата РКИ (1921—1922 гг.) и комиссии законодательных предложений при СНК СССР (1923—1927 гг.), эксперта-консультанта Договорно-правового отдела МИД СССР (с 1944 г.), члена советской группы Постоянной палаты третейского суда в Гааге (с 1957 г.). Одновременно с научной разработкой вопросов советского государственного и административного права В. Н. Дурденевский занимался исследованием проблем теории и истории государственного права зарубежных стран, опубликовал по этой теме такие работы, как "Иностранное конституционное право" (1925 г.), "Макиавелли и государственная наука" (1927 г.), "К вопросу о неподвижности конституций и неконституционности законов в США", (1927 г.). Ученый вел исследования также и в области международного права. В 1916 г. им была опубликована статья «Германское двуподданство», в 1917 г. — статья «Военная цензура в Англии».

Лунц Лазарь Адольфович (1892—1979 гг.). Специалист по проблемам советского гражданского и международного частного права. Занимался научной и педагогической деятельностью в ВИЮНе, ВНИИСЗ, Институте экономических исследований НКФ СССР (финансово-правовая секция), МГУ и других вузах. Принимал активное участие в подготовке проектов новых законодательных актов, в частности Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, гражданских кодексов союзных республик, Основ гражданского судопроизводства законодательства Союза ССР и союзных республик. Итогом его многолетней научно-практической работы в области международного частного права стал трехтомный учебный курс (1975 г.). Его перу принадлежат также такие монографии, как "Суд в США на службе монополистического капитализма" (1948 г.) и "Общее учение об обязательстве" (1950 г., совместно с И. Б. Новицким).

Пашерстник Арон Ефимович (1899—1958 гг.). Специалист по трудовому праву. Неоднократно участвовал в качестве консультанта, эксперта и советника делегаций СССР, в том числе в международных конференциях Социального и Экономического совета ООН и Международной организации труда. Преподавал в вузах Киева, Ташкента, являлся сотрудни-

ком ВИЮНа, Украинского научно-исследовательского института юридических наук НКЮ УССР, Института права АН СССР. Долгое время возглавлял кафедру трудового права юридического факультета МГУ. Им написано около 200 работ, в том числе: "Правовые вопросы вознаграждения за труд рабочих и служащих", "Право на труд. Очерки по советскому праву", "Коллективный договор", "Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде", "Правовое регулирование труда в капиталистических странах". Он является автором и редактором ряда учебников и учебных пособий ("Трудовое право стран народной демократии", "Дисциплина труда в СССР").

Сукиасян Алексей Григорьевич. Специалист по истории отечественного государства и права. Разработал и преподавал соответствующий учебный курс в Ереванском государственном университете, где заведовал кафедрой теории и истории государства и права в 1960—70-е гг. В числе его работ: "Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III—IX вв. н. э.)" (1963 г.), "Государство и право Урарту (860—590 гг. до н. э.)" (1963 г.), "История Киликийского армянского государства и права (XI—XIV вв.)" (1969 г.), "Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту (880—590 гг. до н. э.)" (1975 г.).

Тункин Григорий Иванович (1906—1993 гг.). В 1935 г. окончил Московский юридический институт, защитил в 1938 г. кандидатскую диссертацию "Парламентская реформа 1932 г. в Англии". С 1939 г. работал в МИД СССР, занимая, в частности, посты руководителя Договорно-правового отдела МИД (1952—1965 гг.), советника Посольства СССР в Канаде, заместителя заведующего Европейским отделом МИД, советника-посланника Посольства СССР в КНДР. Был членом Комиссии международного права ООН (1957—1966 гг.), внес вклад в развитие и кодификацию международного права, в разработку проектов конвенций ООН. Являлся основателем и первым председателем Советской ассоциации международного права, действительным членом Института международного права в Париже, членом Научного совета Стокгольмского института по исследованию мира и конфликтов, участником Кураториума Гаагской академии международного права. Был почетным доктором права Парижского и Будапештского университетов. Работал старшим научным сотрудником ИГП АН СССР, руководил кафедрой теории и истории государства и права Всесоюзной правовой академии, кафедрами международного права в МГУ, МЮИ, Высшей дипломатической школе. Профессор Тункин опубликовал свыше 200 трудов, в том числе монографии "Сосуществование и международное право" (1958 г.), "Вопросы теории международного права" (1962 г.), "Юридическая природа ООН" (1966 г.), "Теория международного права" (1970 и 2000 гг.), "Право и сила в международной системе" (1983 г.).

Утевский Борис Самойлович (1887—?). В 1905 г. поступил в Петербургский университет, но был исключен в связи со студенческими бунтами и продолжил свое обучение на юридическом факультете Юрьевского университета. До революции 1917 г. работал в качестве адвоката и одновременно занимался научной работой. С 1919 по 1921 гг. служил в орга-

нах НКВД и НКЮ, с 1921 по 1934 г. — в исправительно-трудовых учреждениях, а в 1934—1935 гг. — в Прокуратуре СССР. С 1925 г. являлся сотрудником ВИЮНа, преподавал уголовное право во Всесоюзной правовой академии, Институте административного строительства, МЮИ, МГУ и других вузах. Им написано более 350 работ по вопросам уголовного и пенитенциарного права, в частности, "Общее учение о должностных преступлениях", "Вина в советском уголовном праве". Ряд его исследований посвящен истории уголовного права — "Развитие Особенной части уголовного права" (1948 г.) Б. С. Утевский является автором трех учебников исправительно-трудового права и ряда разделов в шести учебниках уголовного права.

Фарберов Наум Павлович (1909—?). Начал свою научно-педагогическую деятельность в Военно-юридической академии Советской Армии, преподавал в ВПШ при ЦК КПСС, Институте международных отношений, Иркутском государственном университете и других вузах. Заведовал сектором теории государства и права ИГП АН СССР. Был членом рабочей группы по разработке Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. В течение нескольких лет возглавлял один из специализированных советов по защите докторских диссертаций при ИГП АН. Опубликовал свыше 250 трудов по вопросам теории социалистического государства, государственного строя и конституционного развития СССР и стран народной демократии. Являлся автором и редактором многих вузовских учебников по теории государства и права и государственному праву, в частности первого советского учебника по государственному праву социалистических стран (1949 г.). Был организатором, руководителем и одним из авторов многотомного издания "Марксистско-ленинская общая теория государства и права" и коллективной монографии "Закономерности развития социалистического государства".

Флейшиц Екатерина Абрамовна (1888—1968 гг.). В 1907 г. окончила юридический факультет Парижского университета. Была избрана приват-доцентом Петроградского университета, где преподавала до 1930 г. С 1930 по 1942 г. являлась доцентом, затем профессором Ленинградского финансово-экономического института. Заведовала кафедрой гражданского и торгового права Института внешней торговли (1942—1951 гг.) и состояла профессором юридического факультета МГУ. С 1943 г. была старшим научным сотрудником во ВНИИСЗ (до 1963 г. — ВИЮН), а с 1964 г. членом кафедры советского права Московского института народного хозяйства. Е. А. Флейшиц была первой женщиной в России, начавшей практическую работу в качестве адвоката, первой женщиной-юристом, получившей ученую степень доктора юридических наук, ученое звание профессора и почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Ее перу принадлежит около 120 печатных работ, в их числе: "Личные права в гражданском праве СССР и капиталистических стран" (1941 г.), "Буржуазное гражданское право на службе монополистического капитала" (1948 г.), "Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения" (1951 г.), "Расчетные и кредитные правоотношения" (1956 г.), "Авторское право" (1957 г., совместно с Б. С. Антимоновым) и "Изобретательское

право" (1960 г.). Она являлась также автором ряда разделов курса гражданского права ("Отдельные виды обязательств", "Авторское право", "Изобретательское право"), участвовала в подготовке вузовских учебников по гражданскому и торговому праву капиталистических стран, советскому гражданскому праву, римскому праву.

Черниловский Зиновий Михайлович (1914—1995 гг.). Юридическое образование получил в МЮИ. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: "Законник Стефана Душана". С 1946 г. работал научным сотрудником ВИЮНа, заведовал кафедрой истории государства и права ВЮЗИ (МГЮА). За опубликование книги "Государственный строй Китайской Народной Республики" был исключен в 1952 г. из членов КП СССР и лишен возможности заниматься научно-педагогической деятельностью. Спустя десять лет защитил докторскую диссертацию по теме: "Происхождение раннефеодального государства и права у западнославянских народов" (1963 г.). Профессор Черниловский является автором более 200 работ по истории государства и права, политических учений и римскому праву, в числе которых около 20 учебников и учебных пособий (в частности, один из первых советских учебников по всеобщей истории государства и права, 1949 г.). К этим работам примыкают научные труды и публицистические статьи: "Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян" (1959 г.), "От Декларации независимости до Билля о правах" (1977 г.), "От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного суда США" (1982 г.), статьи "Презумпции и фикции в истории права", "Правовое государство: исторический опыт", "Смертная казнь: историко-философский аспект" и др.

Е. Н. Трикоз

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учебник для вузов
в двух томах

Том 2
Новое время. Новейшее время

ИКД "Зерцало-М"
Подписано в печать 3.02.2011.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 40,0.
Тираж 300 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии "ЕВСТИ"

**По вопросам приобретения книг
издательства "Зерцало"
и издательского
книготоргового дома "Зерцало-М"
обращаться
по телефонам:**

**(495) 689-75-36
(495) 689-72-45 (факс)**